ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ЛЕТОПИСИ

КНИГА ВТОРАЯ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

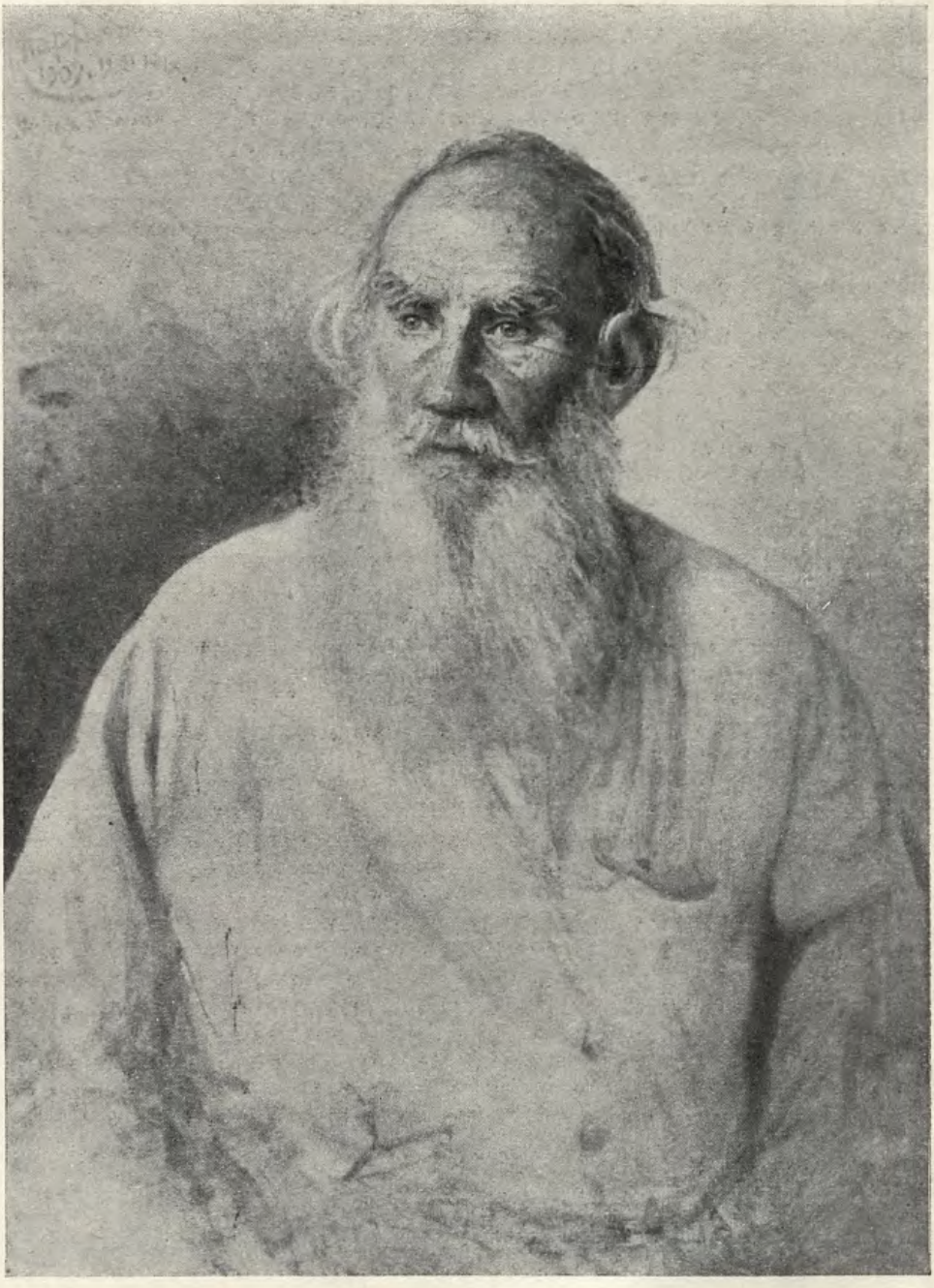
МОСКВА ◆ 1938

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИЯ Н. Н. ГУСЕВА

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

ТОЛСТОЙ

С портрета И. К. Пархоменко, 1909 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том «Летописей Государственного Литературного музея» посвящен Л. Н. Толстому; все материалы, публикуемые в этом томе, хранятся в Государственном Литературном музее.

Том распадается на четыре отдела: 1) «Произведения Л. Н. Толстого», 2) «Письма Л. Н. Толстого», 3) «О Толстом» и 4) «Воспоминания».

В отделе произведений Толстого, открывающемся исправленной Толстым корректурной гранкой «Анны Карениной», обращают на себя особое внимание—ранняя редакция статьи Толстого по рабочему вопросу — «Новое рабство» и, главное, три листа из дневника Толстого 1897 года, до последнего времени считавшиеся уничтоженными. Эти листы, посвященные одному из эпизодов семейной жизни Толстого, были переданы им его близкому знакомому П. А Буланже, в архиве которого и пролежали более тридцати лет и только несколько лет тому назад были переданы его вдовой М. В. Буланже в Литературный музей. Далее (стр. 23) короткий, в три строки, афоризм об искусстве передает сущность эстетических воззрений Толстого.

В отделе писем напечатаны всего двести два письма Толстого к шестидесяти одному адресату. Письма расположены в хронологическом порядке, причем, однако, серии писем к отдельным лицам не разбиваются по годам. Первое публикуемое нами письмо — к Е. И. Ситиной—относится к июню 1860 года; последнее— к М. Левину—написано 24 сентября 1910 г. Таким образом печатаемые в настоящем томе письма Толстого охватывают период его жизни в пятьдесят лет.

Печатаются целиком серии писем Толстого к следующим лицам: М. П. Погодину (5 писем), Ф. Н. Королеву (2 письма), В. А. Ислявину (12 писем), Д. И. Святополку-Мирскому (2 письма), Н. А. Полушину (2 письма), П. В. Засодимскому (2 письма), С. А. Стахович (16 писем), М. Н. Чистякову (7 писем), Л. Я. Гуревич (9 писем), М. А. Сопоцько (15 писем), Ш. Саломону (11 писем), А. Л. Флексеру (Волынскому) (15 писем), Д. П. Маковицкому (10 писем), В. В. Розанову (2 письма).

По содержанию для литературоведов и исследователей творчества и жизни Толстого представляют особенный интерес письма Толстого к М. П. Погодину и П. И. Бартеневу — о работе над «Войной и миром»; к Ф. Н. Королеву — о педагогических занятиях Толстого семидесятых годов; к П. В. Засодимскому — о его рассказах; к Р. А. Писареву и М. Н. Чистякову — о работе на голоде 1891—1892 гг.; к С. А. Стахович — о хлопотах Толстого по политическим делам; к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому — о сотрудничестве Толстого в «Северном Вестнике»; к Ш. Саломону — о переводах сочинений Толстого на французский язык; к А. Шкарвану — о взглядах Толстого на науку; к Чертковым — о своей семейной жизни и др., а также телеграмма Кишиневскому городскому голове по поводу еврейского погрома 1903 года и прошение Николаю II от имени крестьянина Лисицына, осужденного за «оскорбление величества».

В отделе «О Толстом» дается ряд документов, так или иначе касающихся жизни и творчества писателя. Сюда относятся: четыре письма С. А. Толстой к разным лицам, освещающие ее отношение к Толстому в различные годы ее жизни; письмо Т. Л. Толстой к Лескову о смерти друга Толстого художника Н. Н. Ге; письма Н. Н. Страхова к Л. Я. Гуревич, касающиеся литературной деятельности Толстого; письма разных лиц к П. И. Бартеневу о «Войне и мире» (в том

числе письмо Фета с упоминанием о его неизвестной статье по поводу этого романа); документ по поводу проекта лесонасаждения по всей России, занимавшего Толстого в его молодости; материалы относительно запрещения постановки на сцене драмы «Власть тьмы»; письма Победоносцева к редактору «Церковных Ведомостей» по поводу постановления синода об отлучении Толстого от церкви, в которых констатируется, что постановление синода вызвало «тучу озлобления»; описание помет Толстого на томе рассказов Арцыбашева, дающих материал для суждения о требованиях Толстого к художественным произведениям.

В отделе воспоминаний печатаются наиболее достоверные и интересные по своему содержанию мемуары. Таковы прежде всего воспоминания племянницы Толстого Е. В. Оболенской, превосходно написанные и сообщающие много новых данных о Толстом в разные эпохи его жизни, в том числе и в его последние дни в Астапове. Далее — небольшие воспоминания С. А. Стахович о том, как писался рассказ «Холстомер»; воспоминания А. С. Буткевича, рисующие Толстого и его друзей 80-х годов преимущественно со стороны их отношения к социально-политическим вопросам; «отрывочные воспоминания» Е. И. Попова, дающие, несмотря на свою отрывочность, ряд ценных штрихов для характеристики личности Льва Николаевича; дневник Е. И. Раевской о работе Толстого по организации дела помощи голодающим в 1891—1892 гг.; статья А. И. Фаресова о его посещении Толстого, излагающая их разговор по вопросам литературы, и наконец воспоминания Д. П. Маковицкого об уходе Толстого из Ясной Поляны, рассказывающие о первых трех днях жизни Льва Николаевича после его ухода, которых Маковицкий был единственным постоянным свидетелем.

Произведения и письма Толстого печатаются по новой орфографии, но с соблюдением особенностей правописания Толстого, если текст печатается впервые по рукописям автора, как например: «коректура», «Голандия», «Французы», «Об Искусстве», «Школа Живописи и Ваяния», «Январь», «ничто иное», «тоже самое», «вследствие», «нетолько», «Филип» и т. д. Местоимение «Вы» в письмах Толстой писал почти всегда с малой буквы, за самыми редкими исключениями. В данном томе имеются только четыре письма Толстого (одно к М. П. Погодину, два к Ф. Н. Королеву и одно к А. П. Наугольникову), в которых «Вы» написано с большой буквы, что нами и воспроизведено в тексте этих писем.

Слова, вычеркнутые Толстым, воспроизводятся или в сносках с соответствующим указанием или в ломаных скобках < >.

Слова, недописанные или пропущенные Толстым, дополняются в прямых скобках [ ]. В таких же скобках в сносках даются переводы иностранных слов и выражений, встречающихся в текстах Толстого.

После слов, в правильности чтения которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

Все письма Толстого снабжены редакторской датой, печатающейся курсивом перед текстом письма с левой стороны. В целях унификации редакторская дата ставится и в тех случаях, когда имеется собственная дата Толстого.

Н. Гусев.

I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

КОРРЕКТУРНАЯ ГРАНКА «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Воспроизводимая нами корректурная гранка «Анны Карениной», соответствующая по содержанию XVII главе восьмой части романа, представляет собою набор, сделанный для «Русского Вестника», в котором, как известно, эта часть романа вследствие разногласия Толстого с Катковым в отношении к добровольческому движению в пользу Сербии — не появилась.

Гранка содержит исправления Толстого на полях; кроме того, на ней имеется вклейка, на которой рукой С. А. Толстой переписано для ясности исправленное Толстым в корректуре место, причем в этой переписке Толстым были сделаны новые исправления. Гранка нумерована рукою Толстого синим карандашом цифрою 25 и, кроме того, чужою рукою черным карандашом цифрою 18.

Печатаем корректуру со всеми зачеркнутыми автором местами и с соблюдением его пунктуации.

XII

Князь и Сергей Иваныч[1] сели в тележку и поехали, остальное общество, ускорив шаг[2], пешком пошло домой. Но туча то белея, то чернея так быстро надвигалась, что надо было еще прибавить шага чтобы до дождя поспеть домой. Передовые ее, черные как дым с копотью облака с необыкновенною быстротой бежали по небу. До дома еще было шагов двести, а уже поднялся ветер и всякую секунду можно было ждать ливня.

Дети с испуганным и радостным визгом бежали впереди. Дарья Александровна, с трудом борясь с своими облепившими ее ноги юпками, уже не шла, а бежала не спуская с глаз детей[3]. Мущины, придерживая шляпы, шли большими шагами. Они были уже у самого крыльца как застучали большие капли и с веселым говором вбежали под защиту крыши.

— Катерина Александровна?—спросил Левин у выбежавшей им навстречу Агафьи Михайловны с платками и пледами.

— Мы думали с вами.

— А Митя?

— В Колке должно-быть и няня с ними.

Левин схватил пледы и побежал в Колок[4].

Было темно как в затмение, ветер упорно, как бы настаивая на своем, нагибал все в одну сторону: березы, липы, акации, цветы, лопухи, траву и останавливал Левина. Работавшие в саду девки с визгом пробежали под крышу людской. Нагибая вперед голову и борясь с ветром, который вырывал у него платки, Левин уже подбегал к Колку[5] и[6] уже видел[7] что-то белеющееся за дубом, как вдруг все вспыхнуло, загорелась вся земля. треснул свод небес[8]. Открыв ослепленные глаза, Левин сквозь густую завесу дождя, отделявшую

его теперь от Колка [9], увидал [10] колеблющуюся медленно склоняющуюся зеленую макушку дуба в середине Колка [11], увидал как она быстро спустилась и услыхал треск [12] упавшего большого дерева [13]. Свет молнии, звук грома и ощущение мгновенно обданного холодом тела, слились для [14] Левина в одно впечатление ужаса.

Добежав до того места, где они бывали обыкновенно, он не нашел их.

— Боже мой! Боже мой! [15]

— Чтоб не на них! проговорил он [16]. И тотчас же [17] подумал о том [18] как бессмысленна его [19] просьба о том, чтоб они не были убиты дубом [20], который уж упал теперь и все таки молился, зная что [21] лучше этой бессмысленной молитвы он ничего не может сделать.

На другом конце леса под старою липой, он нашел их. Дождь уже переставал и начинало светлеть. Две фигуры в темных платьях (они прежде были в светлых), нагнувшись стояли над чем-то. Это были Кити и няня.

[1] *Зачеркнуто:* в теле
[2] *Зач.:* все общество
[3] *Зач.:* Три м
[4] *Зач.:* Дождя еще не было, но сделалось
[5] *Зач.:* когда одна крупная с смородину капля дождя освежая стукнула его в потный лоб. Он поднял голову чтоб освежиться. До того места куда Кити обыкновенно выносила Митю, было не более сорока шагов.
[6] *Зач.:* он
[7] *Зач.:* уже
[8] *Зач.:* и уже не капли, а как из-под поднятой заставки с грохотом полилась вода с неба.
[9] *Зач.:* с ужасом
[10] *Зач.:* что там валится дуб
[11] *Зач.:* он
[12] *Зач.:* падающего разбитого
[13] *Зач.:* Дуб падал не там, где всегда бывала Кити с ребенком и не там где он видел их, но он не мог этого сообразить теперь. Вслед за ударом как из под поднятой заставки, с грохотом полилась вода с неба.
[14] *Зач.:* него
[15] *Зач.:* твердил он и страх за них заменялся чувством умиления и жалостью пред своею беспомощностью.
— Прости и помоги!
[16] *Зач.:* И не переставая бежать и не переставая молиться, он спрашивал себя кому он молится и знал теперь. Он в эту минуту подумал.
[17] *Зач.:* бе
[18] *Зач.:* что обращение
[19] *Зач.:* как
[20] *Зач.:* неправильно, потому что законы не могут быть изменены, но просьба как признак своей слабости и его власти над собой есть высшее проявление души.
[21] *Зач.:* это

[О ГОНЕНИЯХ НА ДУХОБОРОВ]
ПИСЬМО В ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ

Русские сектанты духоборы, в первой половине 40-х годов переселенные по приказу правительства из Таврической губернии в Закавказье, в 1895 г. по призыву своего руководителя П. В. Веригина, бывшего в то время в ссылке в Обдорске, в количестве нескольких тысяч человек заявили властям о своем полном отказе по религиозным причинам принимать какое-либо участие в государственном насилии, в том числе принимать присягу и служить на военной службе. В ознаменование этого в ночь с 28 на 29 июня они снесли в кучу все имевшееся у них оружие, облили его керосином и под пение псалмов сожгли. Правительство выслало казаков, и после экзекуции двести человек были посажены в тюрьму; семьи тех, кого правительство считало главарями движения, числом до четырехсот, были разосланы по армянским, грузинским и татарским деревням Тифлисской губернии, по две — три семьи в деревне, без земли и с запретом общения между собою. Призванные на военную службу и отказавшиеся служить духоборы были заключены в екатериноградский дисциплинарный батальон.

Делом духоборов заинтересовался В. И. Ленин. В № 1—2 журнала «Работник» за 1896 г., издававшегося в Женеве, в отделе «Вести из России» появилась следующая корреспонденция, присланная через В. И. Ленина и им проредактированная:

«Петербург. 20 октября.

«Читающие «Русские Ведомости» не могли не обратить внимания на печатавшиеся в середине августа корреспонденции о выселении духоборцев Ахалкалакского уезда, Тифлисской губ. О причинах же этого выселения почти ничего не говорится. Между тем эта возмутительная история стоит того, чтобы на нее было обращено большое внимание. Она вскрывает нам тот страшный, азиатский деспотизм, который совершенно немыслим в цивилизованной стране»... Процитировав из писем очевидца описание преследования духоборов, автор писал: «Письмо очевидца было послано в то время, когда «история» далеко была не закончена. О развязке я узнал уже из другого письма. 35 семей, высланных вначале по приказанию губернатора, были авангардом, за которым вскоре последовали тысячи новых. Но куда же выселили такую громадную массу зажиточного, трудолюбивого населения? Их не выселили, а расселили, и расселили самым варварским образом. Духоборцев разбросали отдельными семьями по разным горским деревушкам Тифлисской губернии и Дагестанской области, причем не дали ни клочка земли, не дали жилищ и не дали ни куска хлеба. Туземным властям был отдан приказ не давать духоборцам никакой работы. Очевидно, тысячи семей обречены на голодную смерть... Вот картина, служащая дополнением к армянскому вопросу, так интересующему теперь Европу» (Об отсылке в печать этого «сообщения о выселении духоборцев» В. И. Ленин в начале ноября 1895 г. писал П. А. Аксельроду, см. В. И. Ленин, «Сочинения», т. XXVIII, изд. 3-е, стр. 8).

Первые сведения о духоборческом движении были получены Толстым от Д.. А. Хилкова, в письме от 14 июля 1895 г. описавшего Толстому все то, что он узнал от очевидца о расправе с духоборами. В конце своего письма Хилков предлагал Толстому самому приехать на место и убедиться в правдивости сообщаемых сведений и просил опубликовать сообщенные им данные в русских или иностранных газетах.

В ответ на это Толстой 29 июля 1895 г. писал Хилкову, что обо всех, производимых над духоборцами, насилиях он напишет в Англию своему другу Джону Кенворти (см. стр. 193).

Публикуемая нами статья представляет черновой текст этого письма Толстого, которое он предполагал через Кенворти опубликовать в иностранных газетах.

В Государственном литературном музее хранятся две рукописи данной статьи. Первая, являющаяся первым черновым наброском статьи, содержит три листа, из которых первый лист — 4°, а два другие — формата развернутого почтового листа. На листах 2 и 3 содержится первая редакция статьи, написанная П. И. Бирюковым. Толстой подверг текст Бирюкова радикальной правке и написал к нему свое введение, занявшее первый лист рукописи, и заключение, занявшее нижнюю часть третьего листа, его оборот и нижнюю часть оборота листа 1.

Вторая рукопись, представляющая копию с первой, содержит 13 листов 4°, исписанных с одной стороны рукою М. А. Шмидт и М. Л. Толстой. Рукопись вновь была усердно исправлена Толстым и снабжена его подписью и датой: «2 (14) Августа 1895». Судя по этой дате, первая рукопись была написана вероятно накануне, т. е. 1 августа 1895 г., и во всяком случае не ранее 29 июля, так как в этот день было Толстым написано письмо Д. А. Хилкову, в котором он говорит о своем намерении написать эту статью.

После этого статья была еще трижды переделана Толстым (рукописи хранятся в Государственном Толстовском музее), но дальнейшего движения не получила и в иностранные газеты отправлена не была, хотя уже был начат ее перевод на английский язык, как это записал Толстой в своем дневнике 5 августа 1895 г.

Причину этого следует видеть, несомненно, в том, что письмо Хилкова, служившее главным материалом для этой статьи, возбуждало некоторые сомнения в отношении достоверности сообщаемых в нем сведений. Об этом Толстой писал сыну Льву Львовичу 4 сентября 1895 г.: «Я по случаю гонения на Кавказе на духоборцев, про которых ты, верно, слышал, написал уже... корреспонденцию в английскую газету, но не посылал ее, потому что сведения, которые имели о гонениях, сомнительны». Для проверки этих сведений 4 августа 1895 г. отправился на Кавказ П. И. Бирюков, и Толстой отложил свою статью до его возвращения. Бирюков же, вернувшись в Ясную Поляну, привез свою статью «Гонение на христиан в России в 1895 г.», после чего статья, написанная Толстым на основании письма Хилкова, являлась уже устаревшей.

Печатаем статью по второй, исправленной Толстым рукописи, давая в сносках и наиболее интересные из зачеркнутых автором мест.

Дорогой друг.

В настоящую минуту на Кавказе происходит гонение на христиан Духоборцев. И, право, кажется, что мучители, хотя и в другом роде, но не менее жестоки и глухи к страданиям своих жертв и жертвы не менее тверды и мужественны, чем мучители и мученики времен Диоклетиана. Нельзя оставаться спокойным, зная об этих совершающихся делах, а я невольно близко знаю про них и не могу не попытаться сделать то, что могу для того, чтобы облегчить положение жертв и, главное, грех мучителей, всегда не знающих, что творят.

Средств помочь и тем и другим не только у нас в России, но нигде в мире нет других, кроме света истины и увещания тех, которые в заблуждении своем, преследуя и обижая последователей Христа, думают, что они делают этим угодное богу. Обратиться прямо к лицам,

творящим зло, я не могу и потому, что их слишком много, начиная от царя, которого уверили, что гонение на духоборцев есть необходимое дело, до последнего казака, воображающего, что разоряя, оскорбляя, побивая своего брата духоборца, он [не] только не делает зло, но поступает хорошо, исполняя присягу, и пот[ому], что они не захотят слушать меня; сделать это через русскую печать я тоже не могу *, п[отому] ч[то] то, что я напишу об этом, не пропустит цензура и ни одна бесцензурная газета не напечатает, и потому мне остается одно: говорить через иностранную печать, что я и делаю, обращаясь к вам и прося вас отдать это мое письмо для напечатания в какую нибудь из самых распространенных газет: Times, Daily News, Daily Chronicle или другие **, те, в кот[орых] вы найдете возможным напечатать это известие.

Дело вот в чем.

В Закавказье в начале нынешнего столетия были выселены из южных губерний *** более строгие, чем церковные христиане, последователи учения Христа, получившие название духоборцев. Верования духоборцев не какие нибудь особенные, как это любят представлять люди, враждебные учению Христа, а все те же верования — исполнения в жизни учения Христа, которые исповедовали с древнейших времен все так называемые секты: Павликиане, Богомилы, Альбигойцы и в позднейшее время Квакеры, Менониты, Штундисты, Назарены, верования, одна из выдающихся черт которых состоит в том, что христианин не может совершать насилия и участвовать в них. Так веровали и Духоборцы и отказывались от присяги и военной службы **** и за это были преследуемы, гонимы, и под конец сосланы на Кавказ. Здесь, на Кавказе, несмотря на то, что Духоборы поселены были на нагорных менее плодородных местах и что они были разорены переселением и не находили помощи в правительстве, они очень скоро, благодаря своему трудолюбию, взаимной помощи и трезвой общинной жизни, они очень скоро размножились и разбогатели. Теперь их всех на Кавказе до 20 тысяч, и все они отличаются от других кавказских жителей не только благосостоянием, грамотностью, но даже и внешним видом: все они замечательно рослые, сильные, красивые люди.

С Духоборами случилось то, что обыкновенно случается с замыкающимися в самих себя и вследствии того процветающими религиозными общинами: матерьяльное благосостояние их увеличивается, но религиозное сознание понижается. Тоже сделалось и с Духоборцами на Кавказе. Они постепенно богатели и по мере обогащения делали разные все большие и большие уступки против своих первоначальных верований и дошли до того, что уже судом и насилием стали защищать свою собственность, присягали и поступали в военную службу. Так продолжалось несколько десятков лет. Но в последнее время, лет 8 тому назад, после смерти предпоследнего их руководителя Калмыкова и потом его вдовы, бывшей одно время их руководительницей, Лукерьи Калмыковой, среди них произошли внутренние раздоры преимущественно по поводу управления и употребления их больших, в несколько сот тысяч собравшихся общинных капиталов. После смерти

---

* *Зачеркнуто:* вследствии того молчания обо всех злых делах правительства, которое наложено на русскую прессу.

** *Зач.:* с тем, чтобы гонители увидали то зло, которое они делают, и, устыдясь, прекратили его.

*** *Зач.:* христиане, т. е. так называемые Духоборы за их образ мыслей, основанный на учении Христа, и за вытекающее из него поведение.

**** *Зач.:* безропотно переносила за это всякие гонения, иногда очень жестокие.

Лукерьи Калмыковой руководители и управители сиротским домом и капиталом выбрали молодого глубоко религиозного человека Петра Веригина, который хотел прекратить злоупотребления, вкравшиеся в управление капиталами. Старики, заведывавшие капиталом, хотели подкупить Веригина, но, получив отказ, выставили Веригина бунтовщиком, человеком, желавшим основать отдельное царство и, подкупив русское начальство, добились того, что Веригина, как всегда делается в России, без суда и тайно сослали сначала в Архангельскую губернию, а потом за то, что он при вступлении нового царя на престол отказался от присяги и, кроме того, вследствии своей христианской жизни имел влияние и на тамошних жителей, из Арх[ангельской] губ[ернии] выслали в дальний край Сибири — в Березов [1].

В нынешнем 95 году, в то время как его пересылали из Архангельска в Березов, мне удалось войти в сношения с ним и видеть его брата и друга, приехавших в Москву, чтобы видеться с ним и другим его другом, который добровольно жил с ним уже 2 года в изгнании в Архангельской губернии и ехал теперь в Березов [2]. И этого друга я видел, но самого Веригина мне не удалось видеть, т[ак] к[ак] [он] очень строго содержался, как преступник, в тюрьме. Люди эти имеют внешность обыкновенных образованных людей. Они одеты в европейские платья, сертуки, пальто, бреют бороды, оставляя усы, очень по внешности опрятны и необыкновенно кротко вежливы и несколько торжественны в приемах. Все они за исключением друга, жившего с Вер[игиным], чрезвычайно рослые, сильные люди. Один из них — старик, необыкновенно сохранившийся, как это бывает только с людьми, ведущими трудовую, нравственную жизнь. В беседах с этими людьми я убедился, что верования духоборцев были верования всех тех людей, которые со времени проповеди христианства исповедовали его, а не подделанное вместо христова церковное учение: верования эти состоят в том, что человек есть сын божий, обязанный исполнять волю отца, воля же отца состоит в том, чтобы содействовать установлению царства божия. Средство же установления царства божия есть признание братства всех людей и уничтожение вражды и насилия, а установление любви и согласия. Так что, исполняя волю бога, человек вместе с тем и достигает и своего спасения и своего высшего блага. И потому духоборцы, как и все истинные христиане, не признают насилия, а потому ни наказаний, ни войны, ни убийства животных, ни даже права защиты насилием. Веригина сослали и отвезли в Березов, но движение, поднятое им среди духоборов, нетолько не ослабевало, но все усиливалось. Очень многие из духоборцев отказались присягать новому царю и в нынешнем же году 11 человек солдат духоборцев, уже служивших в полках, отказались от военной службы. Вслед за этими солдатами и запасные и рядовые из духоборов принесли начальству свои билеты, объявив, что они служить не будут. После этого 28 июня 1895 года Духоборы, живущие в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии, снесли в одну кучу в поле, около села Спасского, все свое, имевшееся у них оружие и, обложив его дровами и углем и облив керосином, сожгли, показав этим, что нетолько некоторые лица из их общины, но все они отказываются от защиты своей собственности и самих себя оружием, что имеет особенно значение на Кавказе, где ношение оружия составляет нетолько обычай, но считается необходимостью для защиты от диких горцев, часто нападающих на жителей на дорогах и даже в селениях.

К костру собралось много народа, были мужчины, женщины и дети. В то время, как оружие горело, духоборы пели духовные псал-

мы. Костер горел всю ночь, и народ не расходился *. Сведения эти и дальнейшие я имею от моего друга, человека в высшей степени правдивого и религиозного, который поэтому не стал бы утверждать того, в чем не был бы уверен. Он пишет мне, что это сожжение было выставлено в глазах начальства бунтом, и туда были посланы казаки, которые атаковали безоружную толпу духоборцев, налетев на них лошадьми. Духоборцы мущины, как пишет Х[илков], поставив в середину женщин и детей, а сами взявшись рука с рукой, так встретили нападение казаков. Несколько человек было ранено лошадьми, и четыре человека убиты до смерти. После этого губернатор потребовал к себе духоборцев и стал спрашивать стариков, будут ли они служить в военной службе. Старики отвечали, что они уже стары и что их, вероятно, не потребуют. Тогда губернатор потребовал трех запасных рядовых и спросил их, будут ли они служить. Они ответили, что не будут, п[отому] ч[то] это противно учению Хр[иста], и, вынув свои билеты, отдали их губернатору. Тогда этих людей стали бить и, как это делалось с древнехристианскими мучениками, спрашивать их после истязаний, отрекаются ли они от Христа и соглашаются ли стать человекоубийцами, и мучимые духоборцы, как древние мученики, отвечали, что не отрекаются и служить не будут. Тогда их били еще и еще, как пишет Х[илков], несколько дней, и духоборцы, как древние мученики, остались верны Христу. После этого в дома непокорных духоборцев были поставлены постоем казаки, где, само собой разумеется, они предались всякого рода насилиям над жителями. Но и казаки — как пишет Х[илков], были покорены мужеством и кротостью духоборцев и, как передавали ему, «заскучали», т. е. им стало совестно, и они поняли, что дело, к[оторое] их заставляют делать, дурное. И тогда на место казаков была вызвана лезгинская милиция, состоящая из людей совершенно диких и чуждых христианству.

В другом же месте, именно в Карсе, как пишет Х[илков], происходило следующее:

Там тоже солдаты Духоборы отдали свои ружья начальству, объявили, что они без надобности, т[ак] к[ак] они их употреблять уже не будут. Там начальство объявило отказавшим[ся] духоборам, что их повесят, если они не возьмут ружей. Духоборы ружей не взяли. Тогда начальство построило виселицу, сшило саваны и со всею торжественностью, употребляющейся в казнях, вывело отказав[шихся] духоб[оров] к казни. Перед виселицей начальство в последний раз обратилось к духоб[орам] с вопросом, будут ли они служить. Они отвечали, что не будут, и попросили только позволения помолиться. Когда они кончили молитву, на них надели саваны, но, увидав их непреклонность и не имея еще разрешения свыше о предании их смертной казни, должны были снять с них саваны и признать себя побежденными.

В настоящее время духоборческие селения продолжают быть заня-

---

* *Зачеркнуто:* Сведения эти и дальнейшие я имею от моего друга кн. Хилкова, человека в высшей степени правдивого и религиозного и потому не решившего бы утверждать то, что не могло бы быть доказано. Князь Хилков этот — тот человек, которого за то, что он, бросив службу, где его ожидала блест[ящая] карье[ра], отдав большое свое имение крестьянам, поселился среди них, работал, как и они, и не скрывал от них своих мыслей, к[отор]ого за это сослали на 6 лет в одну из самых худших местностей Кавказа и у к[отор]ого отняли по высочайшему повелению его двух детей (6-м[есячного] мал[ьчика] и 4-л[етнюю] девочку) и отдали их бабке, враждебно расположенной к сыну, под тем предлогом, что дети не креще[ны] по православн[ому] обряду[3]. Кн. Хилков пишет следующее:

ты войсками, в них никого не впускают и из них, и духоборцы целыми семьями выгоняются из своих домов и куда-то увозятся. Все это — атака казаков, поранение многих и убийство четырех человек, истязания, производившиеся над запасными солдатами, отказавшимися от службы, угрозы и нравственные пытки, производившиеся в Карсе, насилия, производившиеся сначала казаками, поселенными в духоборческ[их] селениях, а потом Лезгинской милицией, все это известно мне по письму Хилкова. И сведения эти, несмотря на все желание Х[илкова] быть точным, могут быть преувеличены, могут быть и неполны, т[ак] к[ак] Хилков сам находится в ссылке под присмотром полиции и не может свободно переезжать с места на место, и кроме того, начальством, как всегда, принимаются все меры для того, чтобы скрыть то, что делается им. Но почти в то же время, как я получил письмо Хилкова, в газете Бирж[евые] Вед[омости] от 24 Июня [4] появилось следующее известие, и известие это, подтверждающее самое существенное из того, что сказано в письме Х[илкова] и не получившее со стороны правительства опровержения, может быть признано совершенно достоверным *.

Вот это известие, представляющее в самом мягком и минимальном виде то, что совершилось и совершается [5]. 11 челов[ек] приговорены к самому ужасному наказанию и побоям за то, что они хотят исполнять, как они понимают его, учение Христа, подвергаясь всем угрожающим за это бедствиям. Люди, переведенные в разряд штрафованных, подлежат телесному наказанию розгами и потому находятся в полной власти всякого своего начальника, который может их истязать их, как ему вздумается.

И 400 семейств, жены, дети, старики разоряются, повергаются в нищету и лишаются своей родины только за то, что они — отцы, жены и дети тех людей, которые, исповедуя учение Христа, хотят исполнять его.

Я надеюсь скоро получить более точные сведения обо всем этом деле от нашего друга, поехавшего на место [6], и сообщу вам или той газете, которая напечатает это мое письмо, то, что узнаю. Если же бы газета, которой вы передадите это письмо, послала туда своего корреспондента для исследования совершающегося, то я думаю, что она сделала бы то, что должно, потому что дело это, по моему мнению, огромной, исключительной важности. Не говоря уже о том, что исследование этого дела и оглашение его может избавить тысячи людей от страданий за свои христианские, признаваемые нами высшими верования, может, что еще важнее, избавить правительственных людей, от царя до казака, от участия и ответственности в совершении этих жестоких дел, может содействовать разрешению того назревшего в наше время вопроса, к[отор]ый нельзя уже обходить, но который так или иначе подлежит разрешению людей именно нашего времени, главная важность этого дела состоит в том, что в этом случае повторяется то, что уже проявлялось несколько раз в последнее время: неизбежное столкновение насильнического склада жизни, признающего себя христианским, с теми истинно христианскими поступками людей, которые никакими ухищрениями мысли нельзя признать нехристианскими и которых нельзя не одобрять и которыми нельзя не восхищаться, п[отому] ч[то] нельзя не признать, что люди, поступающие так, поступают так во имя самых высших свойств души челове[че]ской, без признания высоты которых человечество падает на степень

---

* *В этом месте в рукописи поперек текста рукою Толстого написано:* Тут известие.

животного существования. Такие столкновения проявляются в последнее время везде и все чаще и чаще, начиная от отказа от присяги на подданство, присяги в суде, участия в суде и до отказа от военной службы как отдельных лиц в России и в других государствах, где введена воинская повинность, так и отказа целыми общинами, как Назарены в Австрии и духоборы и штундисты в России. И христианским правительствам уже пора перестать, как страус, прятать голову перед поднимающимся их обличителем — христианским духом, которым проникаются люди нашего времени, и дать ясный и прямой ответ на требования этого духа: отречься от насилия, т. е. от себя, как правительства, или отречься от Христа, т. е. от добра и истины, служащих* единственным оправданием деятельности правительства. И потому исследование того дела, о котором я пишу, и в котором с особенной яркостью выразилось это столкновение отживающего насильственного порядка с зарождающимся христианским поведением, кроме того практического добра, кот[орое] оно принесет, избавив мучеников от страданий, а мучителей от их заблуждения, особенно важно, и чем больше прольется света на это дело, тем лучше.

Лев Толстой.

2/14 Августа 1895.

[1] П. В. Веригину было объявлено, что его из Архангельской губернии ссылают в гор. Березов Тобольской губернии. В действительности же он был поселен не в Березове, а в селе Обдорске.

[2] С духоборами Василием Васильевичем Веригиным, Василием Гавриловичем Верещагиным и Василием Ивановичем Объедковым, провожавшими руководителя духоборов, Петра Васильевича Веригина, в сибирскую ссылку, Толстой виделся в Москве в гостинице 9 декабря 1894 г.

[3] См. стр. 109.

[4] Ошибка: корреспонденция о духоборах появилась в «Биржевых Ведомостях» не 24 июня, а 24 июля 1895 г., в № 201. См. ниже.

[5] Приводим полностью газетное известие, на которое ссылается Толстой.

ТИФЛИС.

(Корреспонденция «Биржевых Ведомостей»).

«Со смертью богини духоборов Лукерии Калмыковой, лет семь тому назад, все духоборы разделились на две партии: одна партия на место Калмыковой главой духоборов выбрала Петра Веригина, молодого духобора, а другая не признала его. Всех духоборов в Закавказском крае более 2 000 семейств, поселены они в самых нагорных местах, и центром этой секты считается Ахалкалакский уезд, где существует несколько духоборских обществ: спасовское, гореловское, серрешовское и пр. с населением до 1 000 семейств. Самые главные раздоры возникли в этих обществах. Малая партия (последователи Веригина) разделила все свое имущество, скот, деньги, запретила своим женам и детям служить, отказалась от ссыпки хлеба в запасные магазины под тем предлогом, что «птицы небесные не сеют, не жнут, а все же кормятся и живут», обратила своих жен в «духовных сестер», себя называли не иначе как духовными братьями и пр. Веяния эти, вылившиеся в такие формы, поддерживались сосланным в Архангельскую губернию Веригиным и некоторыми даже интеллигентными лицами.... Насколько сильно вкоренился в них религиозный фанатизм, в особенности с высылкой в Архангельскую губернию Веригина, можно судить из следующего дела, разбиравшегося 14 июля в кавказском военно-окружном суде. На скамье подсудимых фигурировало 11 рядовых Аслиндузского полка: Матвей Лебедев, Тим. Романов, Григорий Зибаров, Ник. Фофанов и др., все они принадлежали к духоборской секте. Сущность обвинения заключалась в следующем: на первый и последний день пасхи рядовые эти заявили своему фельдфебелю и ротным командирам, что они отказываются служить, хотя бы им пришлось терпеть за это, по их выражению, «телесные муки». Отказ этот они объяснили шестою заповедью — «Не убий»; этой заповедью, по объяснению их, запрещается убивать человека, созданного по образу и подобию божиему как в мирное, так и в военное время. Главным подстрекателем среди них явился рядовой Лебедев, по совету которого

* *Написано:* служащими

они, возвратившись с караула, положили на нары в казарме оружие и сказали капитану Крупенникову: «Возьмите оружие». Некоторые из офицеров убеждали их в неосновательности их вероучения и даже вступили в религиозный диспут, но повлиять на них не могли. На суд в день разбора под стражей были присланы обвиняемые. Все они — бравые, рослые солдаты, как говорится, кровь с молоком. Судебная процедура и обстановка, а также и боязнь за последствия сначала было повлияли на них, и они сказали, что служить не отказываются, но затем религиозный дух взял верх, и они категорически заявили, что носить оружие они не будут. Военно-окружной суд приговорил всех подсудимых к лишению некоторых прав и преимуществ по службе, перевести их в разряд штрафованных и отдать в дисциплинарный батальон — Лебедева как подстрекателя на три года, а остальных — на два года. Все подсудимые совершенно спокойно выслушали приговор суда и даже остались им довольны.

«В настоящее время решительно никакое наказание не может подействовать на духобора, он не остановится ни перед каким наказанием и не откажется от своих верований. И даже, напротив, наказания эти еще более воодушевляют и делают его героем в глазах единоверцев.

«В настоящее время до четырехсот духоборских семейств выселяются из Ахалкалакского уезда. Расселяют их в нагорных местах Душетского, Тифлисского и Сигнахского уездов по три семейства в каждом селении, без всяких наделов. Богатые их поля, громадные наделы, оживленные деревни — пустуют; вереницей идут по дороге фургоны с домашним скарбом. На суровых лицах духоборов ясно заметна печаль о покинутых родных местах, но никто из них не проронит даже слова сожаления и лишь иногда глубоко вздохнет, покидая родные пепелища.

«Ив. Словинский».

[6] Исследовать на месте духоборческое движение и преследования, им вызванные, поехал П. И. Бирюков 4 августа 1895 г. Обратно в Ясную Поляну он вернулся 8 сентября. Плодом его поездки явилась статья о преследованиях духоборов, озаглавленная «Гонения на христиан в России в 1895 году». Толстой написал послесловие к этой статье, появившейся в Женеве в издании М. Элпидина в 1896 г.

НОВОЕ РАБСТВО

Перед рождественскими праздниками 1899 г. к Толстому в хамовнический дом пришел хорошо ему знакомый и разделявший критическую сторону его взглядов крестьянин деревни Казначеевки близ Ясной Поляны Афанасий Николаевич Агеев, служивший весовщиком на товарной станции Московско-Казанской железной дороги. Толстой стал его расспрашивать об условиях труда рабочих на этой станции, и Агеев, между прочим, рассказал, что грузчики у них работают по 36 — 37 часов сряду.

Толстой был поражен рассказом Агеева, и, по свойственному ему обыкновению все проверять самому, 26 декабря отправился на товарную станцию, чтобы лично убедиться в справедливости сообщения своего знакомого.

То, что он увидал на станции, вполне подтверждало правильность слов Агеева: грузчики действительно работали по 36 часов сряду.

Факт этот до того взволновал Толстого, что он сейчас же начал писать об этом статью. 31 декабря 1899 г. он писал В. Г. Черткову: «Афанасий казначеевский, помните (служит теперь весовщиком на Казанской дороге), рассказывал мне, что там грузчики работают 36 часов сряду. Я ездил туда и видел этих людей и эту работу, и хочется рассказать то, что довелось думать об этом».

Первоначальное название статьи было — «Самый дешевый товар». Толстой думал сначала написать небольшую заметку по поводу виденного им на железной дороге. Это подтверждается записью в его дневнике от 8 января 1900 г.: «Исправлял только статью о 36-часовом труде. Нынче подвинулся к окончанию».

Однако мало-помалу тема статьи все более и более увлекала его. 28 февраля он уже писал Чертковым: «Теперь я работаю над статьей, разрастающейся и очень меня занимающей — о рабочем вопросе». Основную мысль этой статьи Толстой так формулировал в дневнике 13 марта 1900 г.: «Главное, будет показано, что теперешнее предстоящее освобождение будет такое же, какое было от крепостного права, т. е. что тогда только отпустят одну цепь, когда другая будет твердо держать».

Весь март и апрель 1900 г. Толстой был занят двумя статьями: «Патриотизм и правительство» и «Новое рабство», как теперь называлась статья «Самый дешевый товар». Эти месяцы Толстой «мало думал вне работы, работа все поглощала», как записал он в дневнике 2 мая.

В той же записи 2 мая Толстой писал, что ему «хочется думать», что он кончил статью. На самом деле после этой записи статья была переделана десятки раз и закончена лишь 30 или 31 июля 1900 г.

Еще в марте 1900 г. редакция газеты «Северный Курьер» обратилась к Толстому с просьбой предоставить ей его новую статью. Толстой согласился и передал в редакцию первые главы своей работы. Статья была набрана и исправлена Толстым в корректурах, но не увидела света. 13 апреля издатель «Северного Курьера» В. В. Барятинский уведомлял Толстого: «Вам уже, конечно, передано печальное известие о судьбе «Нового рабства». И министр [внутренних дел] Сипягин и [начальник главного управления по делам печати] кн. Шаховский като-

горически заявили, что хотя они и не имеют права запрещать мне печатать вашу статью, но предупреждают, что появление ее на столбцах «Северного Курьера» немедленно повлечет за собой третье предостережение, иначе говоря — смерть газеты».

Мы публикуем те самые исправленные Толстым корректурные гранки статьи, которые вследствие цензурного гнета не могли быть напечатаны в «Северном Курьере» и которые представляют собой одну из промежуточных редакций работы Толстого. В Литературном музее хранятся два экземпляра гранок этой статьи: 1) с исправлениями Толстого; 2) без его исправлений. Второй экземпляр представляет позднейшую версию; между ним и первым экземпляром была еще редакция, нам неизвестная. Печатаем статью по второму экземпляру гранок.

Статья Толстого в окончательной редакции была названа «Рабство нашего времени» и появилась в издании «Свободного Слова» в Англии в 1900 г.

Упоминаемая Толстым в его статье фабрика — это фабрика шелковых изделий, находившаяся против дома Толстых в быв. Долго-Хамовническом переулке (ныне улица Льва Толстого) и принадлежавшая французскому гражданину Жиро (ныне фабрика «Красная роза»).

За несколько дней перед праздниками ко мне зашел близкий мне человек, крестьянин Агеев. Он служит весовщиком на товарной станции казанской ж. д. Он человек нуждающийся, как все наши рядовые крестьяне, но, несмотря на то, что получает здесь 25 р. в месяц и потому мог послать впродолжении года домой на подати и нужды около 100 р., он все-таки решил оставить это место. Уходит он не потому, чтобы работа на морозе, впродолжении 12 часов, показалась ему тяжела. Дома, особенно летом, работа много тяжеле, но он уходит потому, что, во 1-х, работа подневольная, однообразная, чужая, во 2-х, потому, что ему тяжело видеть совершающиеся здесь нехорошие дела, главное же, ему тяжело иметь дело с тем замученным народом грузовщиками, которые работают под его наблюдением. Грузовщики эти, как он рассказывал мне, работают по 36 часов сряду.

— Да не может быть! Как 36 часов сряду? — переспросил я.

— Так и работают, — отвечал он. — День, ночь и опять день.

— Да отдыхают же?

— Час на обед дается, да на ужин — только и отдыха.

Несмотря на полное мое доверие к правдивости и серьезности Агеева, я не мог поверить ему. Я думал, что он или ошибается, или преувеличивает, или я чего-нибудь не понимаю.

Но Агеев так подробно рассказал мне условия, при которых происходит эта работа, что нельзя было сомневаться. По рассказу его, люди эти, в числе 250 человек, работают сдельно, получая по 1 р. и по 1 р. 15 к. за 1 000 пудов нагруженного или выгруженного товара. Все они разделены на партии, в каждой партии 5 человек, приходят по утру, работают день и ночь на разгрузке и, тотчас же по окончании ночи, утром поступают на нагрузку и работают еще день. Так что в двое суток, они спят одну ночь. Работа их состоит в том, чтобы сваливать и перетаскивать тюки по 7, 8 и до 10 пудов. Двое наваливают на спины остальных троих, и те носят. Зарабатывают они такой работой на своих харчах менее рубля в сутки. Работают постоянно, без праздников.

Рассказ Агеева был так обстоятелен, что нельзя было сомневаться. Но я все-таки не мог верить. Когда я в тот же и на другой день рассказывал это моим знакомым, я замечал во всех тоже невольное недоверие. И потому я решил своими глазами проверить то, что мне рассказывал Агеев, и на третий день праздника поехал на товарную станцию.

Казанская товарная станция расположена так: перпендикулярно к улице, всей занятой лавками, тянутся параллельно 8 или больше платформ, каждая платформа в длину шагов по 1 000, если не более. В промежутки между платформами въезжают и выезжают через ворота ломовые извозчики, привозящие и увозящие товары. На всех платформах выгружают приходящие в Москву товары, только на одной последней, той самой, на которой находился Агеев — нагружают. Вдоль этой платформы с левой стороны, на расстоянии шагов 100 друг от друга, расположены будки с весами.

Подойдя к первой из таких будок, у которой рабочие втаскивали 6-типудовые тюки с обоями, я спросил где Агеев, и мне указали 6 № весов. У 6-го № весов не было в эту минуту работы, и рабочие стояли внутри будки. Агеев узнал меня и окликнул.

— Вот приехал посмотреть на то, что вы мне рассказывали, — сказал я, подходя к нему. — Кому ни говорил — никто не верит.

— Никита! — не отвечая мне, обратился Агеев к кому-то в будке, — подойди-ка сюда. — Из двери устало вышел высокий красивый рабочий в поношенной поддевке.

— Когда вы поступили на работу? — спросил у него Агеев.

— Когда? вчерась утром.

— А ночь где были?

— Известно на выгрузке.

— Ночью работали? — спросил уже я.

— Известно работали.

— А нынче, когда сюда поступили?

— По утру поступили, когда же еще?

— Ну, и когда же кончите работать?

— По делу глядя, когда отпустят, тогда и кончим, — неохотно и устало отвечал Никита.

Подошло еще 4 рабочих составлявших вместе с Никитой партию из 5-ти человек. Все были без шуб в поддевках, не смотря на то, что было около 20° мороза.

Я стал расспрашивать их о подробностях их работы, очевидно удивляя их интересом, который я высказывал к такой простой и естественной, как им казалось, вещи, как их 36-часовая работа.

Все они были люди деревенские, большею частью мои земляки тульские, есть орловские, есть и воронежские. Живут они в Москве по квартирам, некоторые с семьями, большею же частью одни и отсылают заработанное домой. Харчатся все порознь у хозяев. Харчи обходятся по 10 р. в месяц. Едят мясо всегда, не соблюдая постов. Находятся в работе всегда больше 36 часов, потому что надо положить еще время на проход с квартиры и, кроме того, иногда их задерживают дольше положенного времени. Вырабатывают на такой 38-часовой работе рублей по 30 в месяц. Многие не выдерживают этой работы, заболевают и, проработав несколько дней, уходят.

На вопрос мой: зачем они работают такую каторжную работу? мне отвечали:

— А куда же деваться?

— А зачем же три упряжки подряд? разве нельзя бы было так, чтобы работать посменно?

— Видно, нельзя. Так велят.

— Да вы-то зачем беретесь за такую работу? Ведь это вы свою жизнь коротаете.

— А что же поделаешь? А не хочешь — ступай. Не то что — опоздаешь на час — и сейчас в зубы ярлык, и марш; а на твое место 10 человек сейчас готовы.

Рабочие были все молодые люди, в самой силе, один только был постарше, вероятно лет за 40. У всех лица были худые, рабочие, ничем не отличающиеся от обыкновенных рабочих лиц. Одно только отличие бросалось в глаза — это выражение взгляда. У всех глаза были усталые, точно они выпили. Тот красивый рабочий, Никита, с которым я с первым стал говорить, особенно поразил меня этой особенностью усталого взгляда. Я спросил его, не выпил ли он нынче?

— Я не пью, — отвечал он, как всегда быстро и с видимым удовольствием отвечают на этот вопрос люди, которые действительно не пьют.

— И табаку не курю, — сказал он, слабо улыбнувшись.

— А другие пьют? — спросил я.

— Пьют. Сюда приносят.

— Все крепости прибавит, — сказал более пожилой, чем другие, рабочий.

Рабочий этот и нынче выпил, но это было совершенно незаметно.

Так как работы на этих весах в эту минуту не было, а я хотел видеть самую работу, то я простился с Агеевым и рабочими и пошел на другие платформы, где шла выгрузка.

Пройдя мимо длинных рядов всяких товаров и в особенности мяса во всех видах, я подошел к рабочим, которые перекатывали на себе вагоны с одного места на другое. Передвижение на себе вагонов и очистку платформы от снега, как я узнал потом, рабочие обязаны делать бесплатно. Это стоит и в печатном условии. Условие это печатается в выноске. Когда рабочие докатили вагоны до места и остановились, я подошел к ним и спросил, когда они стали на работу и когда обедали. Стали они на работу в 7 часов, а обедали только сейчас, а был 5-й час.

Я спросил, отчего так поздно. Отвечали, что так по работе надо было, — не отпускали.

— А ужинать когда? — спросил я.

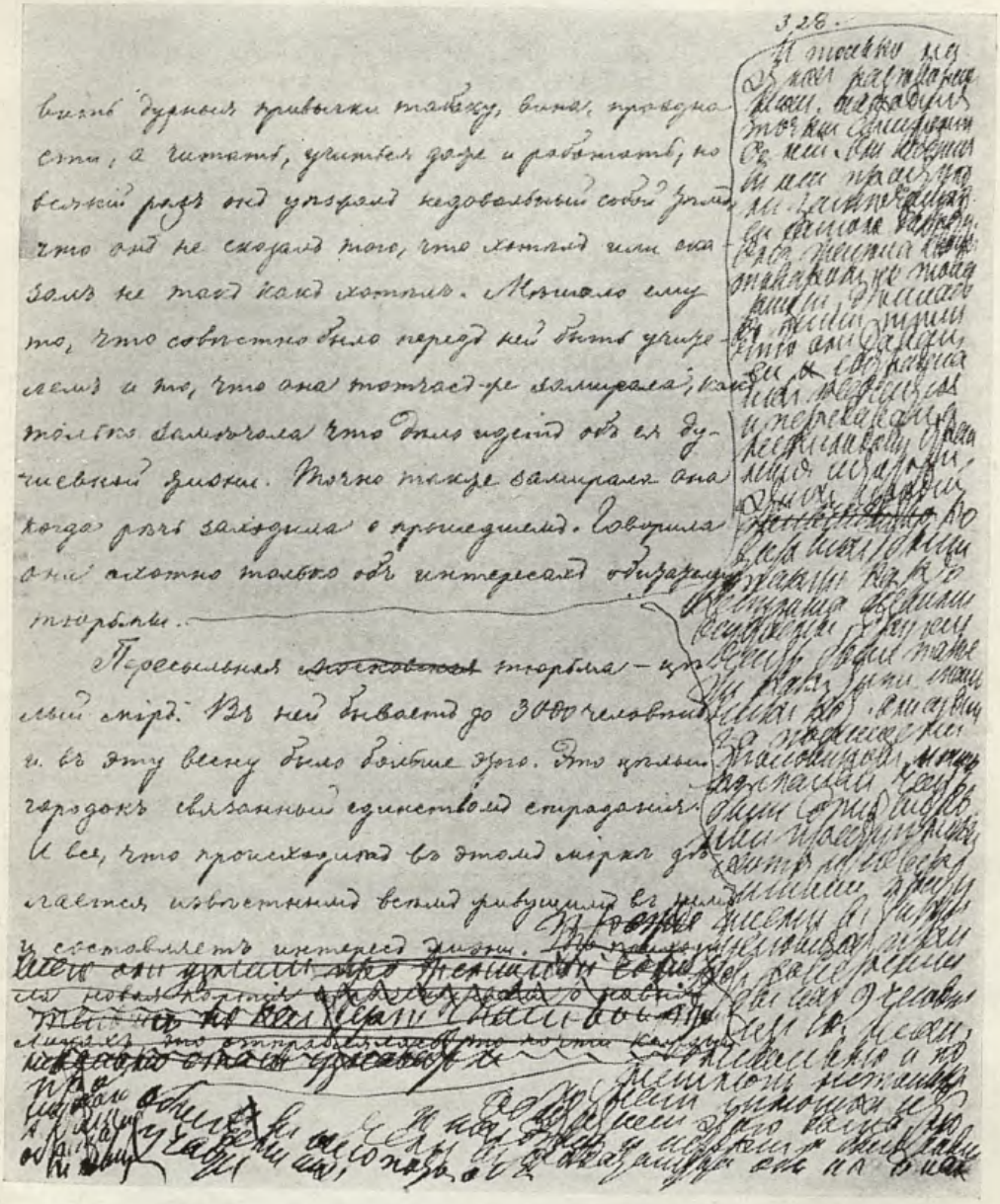
— А как придется, другой раз и до 10 часов, — как будто хвастаясь своей выносливостью в работе, отвечали мне.

Видя мой интерес к их положению, рабочие окружили меня и в несколько голосов, вероятно, принимая меня за начальника, сообщили мне то, что, очевидно, составляло их главный предмет неудовольствия на этой 38-часовой работе.

Этот предмет неудовольствия состоял в том, что помещение, в котором им иногда между дневной упряжкой и началом ночной, можно было бы отогреться и соснуть — было тесно. Все выражали большое неудовольствие на эту тесноту: — Хоть сами взгляните — недалеко — собирается 100 человек, а лечь негде, под нарами и то тесно, — говорили мне.

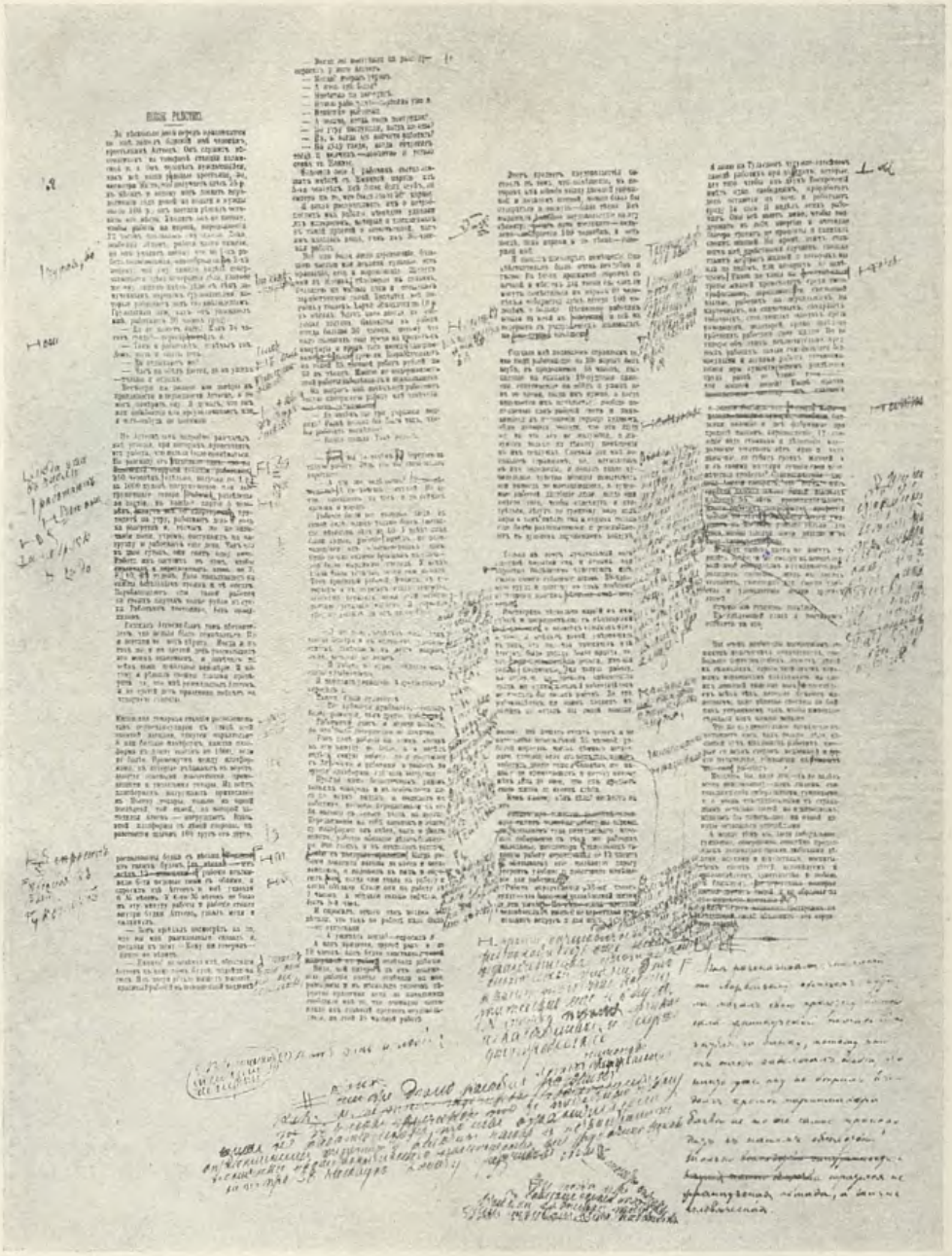
Я пошел посмотреть помещение. Оно действительно было очень неудобно и тесно. В 10-тиаршинной горнице с печкой и местом для топки ее едва ли могут поместиться на нарах 40 человек, а собирается здесь всегда 100 человек и больше. Несколько рабочих вошли за мной в домик и все наперерыв с раздражением жаловались на неудобства этого помещения.

Сначала мне показалось странным то, что люди, работающие на 20° морозе без шуб, в продолжении 38 часов, таскающие на спинах 10-пудовые тяжести, отпускаемые на обед и ужин не в то время, когда им нужно, а когда вздумается их начальству, вообще понукаемые, как рабочий скот, и находящиеся в положении гораздо худшем, чем ломовые лошади, что эти люди ни на что это не жалуются, а жалуются

СТРАНИЦА ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «ВОСКРЕСЕНИЯ». 1898 г.
КОПИЯ РУКОЙ А. П. ИВАНОВА С ИСПРАВЛЕНИЯМИ ТОЛСТОГО

(Уменьшено)

КОРРЕКТУРНЫЕ ГРАНКИ СТАТЬИ ТОЛСТОГО «НОВОЕ РАБСТВО», 1900 г.
(Уменьшено)

только на тесноту помещения в их теплушке. Сначала это мне показалось странным, но, вдумавшись в их положение, я понял, какое мучительное чувство должны испытывать эти никогда не высыпающиеся, измученные работой, иззябшие люди, когда они, вместо того, чтобы отдохнуть и отогреться, лезут по грязному полу под нары и там вместо сна и отдыха только еще более разламываются и расслабевают в душном, зараженном воздухе.

Только в этот мучительный час тщетной попытки сна и отдыха они, вероятно, болезненно чувствуют весь ужас своего губящего жизнь 38-часового труда и поэтому-то так особенно возмущены против этого, в сравнении с другими, кажущегося незначительным обстоятельства.

Посмотрев несколько партий на их работе и поговорив еще с некоторыми и ото всех услыхав одно и то же, я поехал домой, уверившись в том, что то, что рассказал мне Агеев, была правда. Было правда то, что за деньги, дающие только пропитание, свободные люди находят нужным закабаливаться на такую работу, на которую во времена крепостного права ни один самый жестокий рабовладелец не послал бы своих рабов. Да что рабовладелец: ни один хозяин извозчик не отдал бы своей лошади, потому, что лошадь стоит денег и нерасчетливо непосильной 38-часовой работой коротать жизнь ценного животного, которое, если его пожалеть, может работать долгие годы. 690

Мне рассказывали, что какой-то гвардейский офицер, кутила, мазал свою пролетку вместо сала французской помадой по 3 рубля за банку, потому что никто уже ему не верил в долг, кроме парикмахера. Разве не то же самое происходит здесь? Только тратится не французская помада, а жизнь человеческая.

Мы очень озабочены воскресным отдыхом купеческих приказчиков, еще более переутомлением наших детей в гимназиях, строго запрещаем ломовым извозчикам накладывать на своих лошадей тяжелые возы, запрещаем конкам употребление кнута, преследуем всех тех, которые мучают животных; даже резание скотины на бойнях устраиваем так, чтобы животные страдали как можно меньше.

Что же за удивительное затмение охватывает нас, как только дело касается тех миллионов рабочих, которые со всех сторон медленно, несомненно и часто мучительно убиваются на различных работах, которыми мы пользуемся?

Казалось бы, видя это — (а не видеть этого невозможно) — нам, людям достаточных классов, считающим себя либеральными, гуманными, т. е. очень чувствительными к страданиям не только людей, но и животных, казалось бы, невозможно ни одной минуты оставаться спокойными.

А между тем, мы совершенно спокойно продолжаем заниматься своими любимыми делами, науками и искусствами, воспитываем своих детей, исповедуем и проповедуем христианство и любовь к ближним, устраиваем всякого рода благотворительные учреждения, делаем вид, что мы не можем переносить вида страданий нашей меньшей братии и всегда готовы помочь ей. Узнав, например, про дурное помещение и 38-часовую работу грузчиков, мы тотчас же пошлем туда получающего хорошее, собираемое с тех же рабочих жалование инспектора, запретим работу свыше 12 часов, предоставляя лишенным одной трети заработка рабочим кормиться, как они хотят, обяжем еще железную дорогу устроить удобное и просторное помещение и тогда уже с совершенно спокойной совестью будем заниматься своими делами.

Статистические данные Англии говорят, что, тогда как средняя долгота жизни людей высших классов — 55 лет, продолжительность жизни рабочих нездоровых профессий только 29 лет.

Заставлять людей работать впродолжении 38 часов сряду — это кроме того, что бесчеловечно, жестоко, еще и нерасчетливо. А между тем такое нерасчетливое употребление человеческих жизней не переставая происходит вокруг нас.

Я знаю на тульском чугунно-литейном заводе рабочих при домнах, которые для того, чтобы из двух воскресений иметь одно свободным, проработав день, остаются на ночь и работают сряду 24 часа. Я видел этих рабочих. Они все пьют вино, чтобы поддержать в себе энергию, и, очевидно, быстро тратят не проценты, а капитал своих жизней. Но кроме этих, ставших мне известными, случаев, сколько таких же нерасчетливых трат жизней, о которых мы или не знаем или которых не замечаем, потому что слишком привыкли к ним. Разве не такие же очевидно бессмысленные траты жизни происходят среди типографщиков, заражающихся свинцовой пылью, рабочих на зеркальных, на спичечных, сахарных, табачных, стеклянных заводах, среди рудокопов, золотарей, прямо заведомо губящих работами свои жизни. Но, не говоря об этих исключительно вредных работах, самые считающиеся безвредными и легкими работы, установившиеся при существующем разделении труда, разве не также губительны для жизней людей? Разве прачки, банщики, половые и фабричные, при грохоте машин, впродолжение 12 часов стоящие над станками и делающие впродолжение десятков лет одно и то же движение, не губят своих жизней и с своими жизнями лучшие свои человеческие свойства?

Против дома, в котором я живу, фабрика шелковых изделий, устроенная по последним усовершенствованным приемам техники. В ней работают и живут около 3 000 женщин и 700 мужчин. Я сейчас, сидя у себя, слышу неперестающий грохот машин и знаю, потому что был там, что значит этот грохот. Три тысячи женщин стоят в продолжение 12 часов над станками, мотая, разматывая, пропуская шелковые нити для производства отвратительного вкуса шелковых материй, употребляемых преимущественно всякого рода проститутками. Все женщины эти, за редкими исключениями, пришли из деревень и уже не возвращаются в семьи, а рожают здесь иногда на пороге фабрики и становятся на работу на другой день родов или морят отсылкой в деревню своих незаконных детей или отдачей в воспитательный дом. Три тысячи женщин в каждый данный момент в продолжение известных мне 20 лет, следовательно, десятки тысяч молодых, здоровых женщин, матерей губят свои жизни и жизни своих детей для того, чтобы изготавливать бархаты и шелки для распутных женщин. То, что происходит здесь, случайно близко известно мне, но то же происходит с сотнями и тысячами, говорят, с двумя миллионами людей по всей России.

Зачем эта безумная трата жизней человеческих? Какая этому причина и каким образом может быть это уничтожено?

Лев Толстой.

ТРИ ЛИСТА ИЗ ДНЕВНИКА 3—18 МАЯ 1897 г.

В дневнике Толстого 1897 года, после записи от 3 мая, записано: «Вырезал, сжег то, что написано было сгоряча». В рукописи дневника, хранящейся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина, в этом месте вырезано два листа. В действительности, однако, эти листы не были уничтожены, а сохранились в бумагах П. А. Буланже, переданных его вдовой Марьей Викторовной Буланже Литературному музею.

Из содержания этих листов совершенно понятно, почему Толстой желал их уничтожить: в них говорится об отношениях С. А. Толстой к С. И. Танееву.

Увлечение С. А. Толстой Сергеем Ивановичем Танеевым, начавшееся летом 1896 г., являлось для Толстого источником многих тяжелых переживаний. Увлечение это представлялось Толстому, как записал он в уничтоженной странице своего дневника 12 января 1897 г., «старческой flirtation [флирт] или еще хуже», «отвратительной гадостью, наложившей на все свою ужасную печать», как писал он жене 1 февраля того же года. Перед ним снова вставал все тот же вопрос: следует ли ему оставаться в Ясной Поляне? «После того как я всем божеским: служением богу жизнью, раздачей имения, уходом из семьи пожертвовал для того, чтобы не нарушить любовь, вместо этой любви должен присутствовать при унизительном сумасшествии» (дневник 12 января 1897 г.). И это зрелище было для него очень мучительно.

Несмотря на то, что он привык все свои задушевные мысли и чувства записывать в дневник, во всех оставшихся от Толстого дневниках имеется лишь одна запись, говорящая — и то довольно глухо — об отношениях его жены к С. И. Танееву. Эта запись (от 28 мая 1896 г.) следующая: «...Потом дома были: Саломон, Танеев, который противен мне своей самодовольной нравственной и (смешно сказать) эстетической (настоящей, не внешней) тупостью и его coq de village'ным положением у нас в доме». Не желая компрометировать жену, Толстой ничего не записывал в дневник о ее увлеченнии. Единственная запись — от 12 января 1897 г. (в которой, однако, С. А. Толстая не была названа, была Толстым вырвана из тетради дневника и уничтожена (фотография с нее была сделана В. Г. Чертковым). Этой же участи должны были подвергнуться и публикуемые нами листы, содержащие записи Толстого от 3—18 мая 1897 г.

Судя по печатаемому нами письму Толстого к Буланже от 20 октября 1897 г., Толстой в мае этого года говорил с ним о своем положении в семье и о своем намерении уйти. Повидимому, при этом разговоре и были переданы Толстым Буланже эти листы дневника — для характеристики его положения в семье, с просьбой по прочтении их уничтожить, чего Буланже не исполнил. Первый лист по своему содержанию непосредственно примыкает к записи дневника от 3 мая 1897 г., начинающейся (и обрывающейся) словами: «почти месяц не писал. Нехороший и неплодотворный месяц». Второй лист является продолжением первого. Третий лист, содержащий запись от 17 мая 1897 г., является совершенно самостоятельным. По своему формату (почтовый лист) он не подходит к формату тетрадей дневников Толстого; он был, очевидно, вложен в дневник.

3 мая 1897 г. Я. П.

Работал довольно пристально над ст[атьей] об искусстве[1]. Она теперь в таком положении, что можно понять, что я хотел сказать, но сказано все еще дурно и много lacunes* и[2] неточностей. Вчера приехал сюда с Таней[3]. Чувствую себя и физич[ески], и умств[енно], и нравствен[но] слабым. Нравственный человек начинает пробуждаться и недоволен. Помоги мне, о[тец], освободиться от того, что меня связывает во мне же. Очень гадок я себе. Удивительная весна. Сейчас пришел с Козловки, принес кашки и ландыши.

Многое думал и не записывал. Ничего доброго не сделал. Капуа[4]. Волоски лилипутов так связали меня, что скоро не двинусь ни одним членом, если не стану разрывать. Грустно, грустно, и не от неудовлетворенности внешней. Ничего от жизни не хочу я, и не жаль мне прошлого ничуть[5], а на себя гадко, совестно, жаль своей души. Помоги, господи. Бог, вы слышите?[6] Наверно слышите, п[отому] ч[то] вы же и говорите.

9 Мая 97. Я. П. Ночь. 12 часов. Пошел было спать, но сошел, чтобы записать удивительное душевное состояние: мучительная тоска и не добрая. Болезнь ли это или душевная слабость, но я очень страдаю. Молюсь. Нынче приехали Патр[овские] молоканы[7], я написал начерно письмо царю. Хорошо бы.

16[8] Мая. Письмо написал и послал,кажется, 11-го[9]. Теперь должно быть подано[10]. 13[-го] приезжала С[офья] А[ндреевна]. Вчера получил от нее письмо[11]. Все тоже[12]. Всю ночь не спал. Никогда страдания не доходили до такой силы. Отец, помоги мне. Научи. Войди, усилься во мне. Не могу придти ни к какому решению. Не думать? Нельзя. Решить же ничего не могу. Жалеть не могу и противодействовать не могу по жалости. Боже, помоги.

17[13] Мая. Е[сли] б[уду] ж[ив], что очень сомнительно. Сердце ужасно болит. Слезы стоят в горле. Только пуститься, и я разрыдаюсь. — Особенно днем. Сегодня 18 Мая. Все также не переставая болит сердце. Три ночи не спал и чувствую, что не буду спать и нынче. Не могу ничего работать. Кажется, пришел к решению[14]. Трудно будет исполнить, но не могу и не должен иначе. Вчера вернулись Молокане, бросив мое письмо в навоз. Было досадно. Сегодня приехал Буланже[15]. Переписал письма и послал с ним[16]. От Чертк[ова] письма хорошие, но я ничего не вижу, не чувствую. Не живу. Сейчас уехал Лева с женой[17].

[18] Я думаю, что верую и исповедую[19] то, что бог есть любовь, и потому он, любовь, побеждает все. И вот мне выпало испытание, надо бороться. И вместо любви во мне упреки и злоба, и я борюсь не любовью, а унываю и злюсь. Я спрашиваю себя: как же любовь победит это зло, разумея то зло, от которого я страдаю. И жду победы здесь, в моей жизни, и вижу, что нет — любовь не победит то зло, от к[оторого] я страдаю, и я все буду до смерти страдать от него. Точно так же, как говорят те люди, кот[орые][20] оставить преступников, злодеев, не запирать, не казнить их, что любовь не может победить этих злодеев. И они правы, но дело только в том, что любовь есть такое огромное в сравнении с обычными рассудочными делами действие, что последствия никогда не видны тому, кто его производит. Любовь не победит тех двух, трех злодеев, к[оторых] мы знаем, но победит тысячи, к[оторых] мы не знаем. Все равно как телеграфист, к[оторый] бы не[21] передавал депешу п[отому], ч[то] он не видит, как она выходит на той станции. Любовь действует почти

---

* [пробелов]

всегда—всегда даже—с креста; так что тому, кто закрывает глаза уже и к[оторого] жизнь вся мгновенье, очевидно нельзя видеть действия силы вечной. Верить в любовь, истинно верить, так, чтобы не изменять ей, значит верить в вечную жизнь. И вот я оказался тем телеграфистом, к[оторый] не верит в то, что тот апарат, к к[оторому] он приставлен, действовать к[оторым] научен, действует. И что хуже всего, я верил, пока не надо было работать; а как только надо было начать трудиться, я отказываюсь, говоря: я не вижу, как он действует, может б[ыть], он и вовсе не действует. Значит, нет веры. Стыдно, Л[ев] Н[иколаевич]. Благодарю тебя, отец, за испытание.

[1] Трактат «Что такое искусство?»

[2] *Зачеркнуто:* недоск[азанного]

[3] Татьяна Львовна Толстая, впоследствии по мужу Сухотина (р. 1864 г.).

[4] Капуя — название города в южной Италии, жители которого в древности были известны своей изнеженностью. Толстой употреблял выражение «Капуя» для обозначения постепенно и незаметно расслабляющих дух внешних условий роскоши и изнеженности. Выражение «что-то капуйское» употреблено Толстым в XV главе пятой части «Анны Карениной». Слово «Капуя» в указанном выше значении встречается также в письме Толстого к А. А. Толстой от 15 апреля 1859 г. и в записях его дневника от 2 августа 1884 г. и 1 января 1905 г.

[5] Перифраза двух стихов из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу»:

Уж не жду от жизни ничего я.
И не жаль мне прошлого ничуть.

Цитаты из Лермонтова встречаются у Толстого сравнительно редко,—гораздо реже, чем из Пушкина.

[6] Толстому вспомнился случай, рассказанный ему его знакомым, тульским помещиком и земским начальником Владимиром Алексеевичем Тулубьевым (1860—1903). Няня учила его четырехлетнего сына молитвам перед иконой; мальчик был рассеян и плохо повторял слова молитвы. Няня ему сказала: «Вот боженька услышит, как ты плохо молишься, и накажет тебя». Мальчик на это ответил: «Няня, подними меня к боженьке!» Няня, думая, что он хочет приложиться к иконе, взяла его на руки и поднесла к иконе; мальчик протянул ручонку и стал пальчиком стучать в стекло оклада, говоря: «Бозинька, а бозинька, вы слысите, бозинька?» И потом, обернувшись к няне, сказал: «Как же ты говоришь, няня, что он услышит, а он ничего не слышит? Отчего он не отвечает?..» Случай этот рассказан, с ошибкой в дате, в статье И. К. Дитерихса «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — «Толстой и о Толстом. Новые материалы», сборник 2, редакция В. Г. Черткова и Н. Н. Гусева, изд. Толстовского музея М., 1926, стр. 122.

[7] 8 мая 1897 г. к Толстому приехали из села Патровки Самарской губ. молокане В. И. Токарев и В. Т. Чипелев с целью просить его совета и помощи в деле возвращения им отнятых у них и отправленных в православные монастыри детей.

[8] *Переделано из:* 17.

[9] Письмо к Николаю II по поводу отнятия детей у самарских молокан было закончено Толстым 10 мая 1897 г. Напечатано в книге «Лев Толстой и русские цари», изд. «Свобода» и «Единение», М., 1918, стр. 20—23.

[10] Написанное Толстым письмо к Николаю II о молоканских детях не было подано по назначению. Явившись в Гатчину, молокане отправились к великому князю Георгию Михайловичу и встретили здесь служившего у него своего знакомого. Они рассказали ему, зачем они приехали. Служащий сказал им, что подавать царю такое прошение очень опасно, и молокане со страху уничтожили и письмо Толстого и все сопроводительные к нему письма к разным лицам — А. Ф. Кони, А. В. Олсуфьеву и др.

[11] В письме от 14 мая 1897 г. С. А. Толстая писала:

«Получила сегодня твое ласковое письмо, милый Левочка, и потом все радовалась, и когда шла по Пречистенке в Охотный ряд покупать вам, вегетарьянцам, провизию, то всю дорогу мысленно с тобой разговаривала и думала, что напишу тебе сегодня вечером все то, что тогда думала... Я думала, что сколько раз в нашей супружеской жизни были эти волны: подъема и упадка наших отношений. С какой сильной душевной энергией и радостью я всегда встречала эти подъемы. И мне казалось сегодня, что и на закате нашей жизни он опять возможен и был бы опять радостен. И что теперь не надо портить наших хороших отношений ни чтением дневников жестоких, ни ревнивыми мыслями, ни упреками, ни презрением к занятиям твоим или моим; надо **беречь** отношения; уж так многое безвозвратно утеряно, и так болезненно прикосновение ко всему

наболелому в прошедшем. — Все это я думала, — а что сделает жизнь — это еще бог знает!... Вчера вечером Юша Померанцев много играл, а утром играл Танеев свою симфонию. Он приходил заниматься в беседку два раза по утрам. В монастырь он не уехал; я его не поняла; он сказал — едет в понедельник, и это и будет, но в следующий понедельник»...

[12] Т. е. из письма жены Толстой увидал, что ее отношения к Танееву остаются все теми же.

[13] *Переделано из:* 18.

[14] Толстой решил уйти из Ясной Поляны, о чем и написал жене в бессонную ночь 18 мая. Однако, в следующую ночь он написал ей другое письмо, в котором писал, что он решил было уйти из Ясной Поляны, но не ушел из жалости к ней. Писал о своем «стыде» за ее увлечение и предлагал различные выходы из создавшегося положения. Письмо это не оказало никакого действия на С. А. Толстую.

[15] Павел Александрович Буланже (см. стр. 206). Повидимому, именно в этот приезд Буланже Толстой говорил с ним о своем положении и о намерении уйти из Ясной Поляны и передал ему публикуемые листы дневника.

[16] Толстой передал П. А. Буланже вновь переписанное им письмо к Николаю II о молоканских детях, а также письма к сенатору А. Ф. Кони, помощнику командующего императорской главной квартирой графу А. В. Олсуфьеву, бывшему воспитателю Николая II К. О. Хису и главноуправляющему «собственной его императорского величества канцелярией» А. С. Танееву. Всех этих лиц Толстой просил оказать содействие в передаче царю его письма. Кроме того, он послал с П. А. Буланже письма редактору «Нового Времени» А. С. Суворину и редакторам «Биржевых Ведомостей» и «Петербургских Ведомостей», которых он просил напечатать статью Буланже о гонениях на духоборов.

[17] Сын Толстого Лев Львович (р. 1869 г.) и его жена Дора Федоровна, рожд. Вестерлунд (1879—1933).

[18] *Густо замазаны тушью 3 строки, из которых 2 последние — неполные.*

[19] *Зачеркнуто:* по крайней мере

[20] *Вырезано несколько слов.*

[21] *Зачеркнуто:* делал свое дело

ИЗРЕЧЕНИЯ

1

Угождай людям, забывая о боге, и люди не будут любить тебя; угождай богу, забывая о людях, и люди полюбят тебя.

Лев Толстой.

9 Окт. 1906.
Ясная Поляна.

Изречение было написано Толстым для «Центральной школьной матицы» (чешской). В настоящее время оригинал этого изречения, написанный на бланке «Центральной школьной матицы», находится в частной библиотеке адвоката Весслера в Праге. В Литературном музее имеется фотокопия, снятая специально для него.

2

9 Июня 1910.

Как только искусство перестает быть искусством всего народа и становится искусством небольшого класса богатых людей, оно перестает быть делом нужным и важным, а становится пустой забавою.

Лев Толстой.

Хранящийся в Литературном музее автограф этого изречения, очевидно, был написан Толстым для какого-то определенного лица, которое в автографе не указано. Весьма вероятно, что этим лицом был драматический артист Павел Николаевич Орленев (ум. 1932 г.), бывший в Ясной Поляне 8 и 9 июня 1910 г.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1908 г.

21 Фев. 08. В знании важно не количество знаний, даже не точность их (п[отому] ч[то] точных, совершенных знаний нет и никогда не будет), а разумная связность их, то, чтобы они со всех сторон освещали мир. В роде того, ч[то] бывает в постройках. Постройка может быть великолепная — Зимн[ий] дворец — и малая, и то и другое разумная постройка, если защищает со всех сторон от непогоды и дает возможность жить в них. Но самые великолепные три стены без 4-й или без крыши—не постройка и вне сравнения с шалашом. Тоже и в научных теперешних знаниях в сравнении с знаниями безграмотного крестьянина. Эта истина должна быть основой воспитания и образования. Расширять знания надо равномерно.

1) Трудность объяснения жизни не в том, чтобы объяснить происхождение духовного, а в том, чтобы объяснить одинаковость представления телесного.

2) Весь мир для меня, для человека, зрительный: я вижу все, я ощупываю и прислушиваюсь, только когда не верю глазам. Для собаки весь мир пахнет, и, поверяя запах, она смотрит. Когда собака лает на видимый предмет, не успев обнюхать, то это тоже, что со мной, когда я глазами ищу, что так воняет.

3) Нельзя совсем отрицать славу людскую. Желать быть одобренным Христом — не дурно.

23 Марта.

Если бы было известно, что смерть ухудшает наше положение, жизнь в виду неизбежности смерти была бы ужасна. Если же бы мы наверно знали, ч[то] смерть улучшает наше положение, мы пренебрегали бы жизнью.

«Прежде чем б[ыл] Авраам, я есмь» — может, должен сказать каждый человек. Все сознают свою жизнь без начала ее. А если ей не было начала, то не будет и конца.

Как императоры убеждены в благодетельности монархии, а президенты республ[лик]..., а капиталисты в необходимости капиталов, а професора, фармацевты в необходимости медицины, также они убеждены в необходимости противления злу — насилия.

Живо почувствовал грех и соблазн писательства; почувствовал его на других и перенес основательно на себя.

Нужно два: любовь и правда. Первое я знал. Надо работать над вторым. Нет, три: воздержание, правда и любовь.

Счастье сознательного добра — соединение с богом.

Подлинники печатаемых пяти листков из записной книжки Толстого хранятся в архиве Д. П. Маковицкого в Национальном музее в Праге. Печатаем их по фотокопиям, снятым для Литературного музея.

БЕСЕДА Л. Н. ТОЛСТОГО С КРЕСТЬЯНИНОМ М. П. ТАРАБАРИНЫМ 5 ФЕВРАЛЯ 1894 г. В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

(Записана М. Н. Чистяковым и исправлена Л. Н. Толстым.)

В письме от 15 февраля 1894 г. М. Н. Чистяков прислал Толстому сделанную им запись разговора Толстого с крестьянином М. П. Тарабариным, прося просмотреть и исправить ее (см. стр. 109). Исполняя просьбу Чистякова, Толстой просмотрел и в нескольких местах исправил запись, зачеркнув написанное рукой Чистякова и надписав новый текст. Печатаем это характерное для Толстого изложение его философских взглядов, приводя в примечаниях вычеркнутые Толстым из изложения Чистякова места и указывая, каким новым текстом были они заменены рукою Толстого.

Упоминаемый Толстым в беседе «очень умный» крестьянин, «прекрасно написавший о хлебном труде» — Тимофей Михайлович Бондарев, автор высоко-ценившегося Толстым сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» (см. стр. 194). Статья «о вере и нравственности», упомянутая Толстым в разговоре, это его статья «Религия и нравственность», законченная им в октябре 1893 г. и напечатанная впервые в № 1 «Северного Вестника» 1895 г. под заглавием «Противоречия эмпирической нравственности».

— Ну, так как же, М[ихаил] П[етрович], о чем же вы хотели спросить, а? — ласково с любовной улыбкой заговорил Л. Н.

— Да вот, как жить? Зачем живем? Откуда мы? — отв[ечал] кр[естьянин].

— Да, да, это очень важно: как жить.

Подали обед и помешали разговору. Обед был вегетарианский: постный борщ, печеный картофель и каша. Трапеза скоро окончилась, и разговор возобновился.

— Да, так как жить — поговорим, поговорим.

— Сила, скажем божество — оно правя жизнью?

— Оно.

— Ну, мы кто теперича?

— Сила, будем говорить—божество—дух, и мы часть этого духа.

— Куда же мы стремимся?

— К истине, к царству божьему.

— Для чего ж это мы стремимся?

— Я думаю и вижу, что все растет. То был я маленький, теперь стал большой, то же и дух, он так же растет, и человек может и должен содействовать этому росту. Божество словно и формы материальные придумало, чтобы лучше расти через них и совершенствоваться.

— Хорошо! Живеть! Позгоди! — жмурясь и махая рукой зачастил крест[ьянин]. Это мы сами хорошо видим: был маленький, стал большой, это объект, видимость, материальное. Мы говорим в чистом ра-

зуме. Ведь он совершенный? Куда же ему стремиться? Он везде во всем, он должен находиться в покое. Это по нашему, по человечеству, мы стремимся, а ему стремиться некуда. Скажем, если я ищу, значит, я еще не в истине, кто в истине, тому искать нечего.

— Совершенствованию нет конца, и...

— Нет, позгоди! По моему, стремись, не стремись, одна честь: что ты добро делаешь, что я гуляю, что иной человека убивая, жизню этим не окоротишь. Значит, так надо. Сила эта, она сама правя.

— Нет, это не так. Человек нужен для божьего дела, и когда он его исполняет — ему же лучше. Как лошадь, поставленная на топчак, переставляет она ноги — и колесо идет, и ей легко, а если остановится, то колесо потянет ее насильно и причинит ей мученье.

— Живеть! Ладно! А что когда я помру, скажем, я и не помру, так только говорится — что мы опять будем жить эдак же: ты и я.

— Знать этого нельзя, да мне и не важно знать, каким я буду после смерти. Мне надо непременно знать, как жить теперь.

— Ну, как же теперь мне жить?

— Надо делать божье дело.

— В чем же божье дело?

— Божье дело все мы знать не можем, но можем знать, когда мы содействуем ему или когда мешаем ему. Человек в мире — как работник на большом заводе: он приставлен к одному делу—положим, вертеть какую нибудь ручку. Он не знает всего дела, но знает, что если он ровно и не переставая вертит, то участвует в неизвестном ему деле всего завода. И если человек хорошо делает то дело, к к[оторому] он приставлен, его переведут на другое, более важное дело, и он больше узнает смысл всего дела. Так что чем лучше он работает, тем больше узнает, зачем он работает.

— А что после смерти будет, этого никто узнать не может?

— Нет.

— Ну, не надо! Бросим!

Вечером сходили в деревню, оттуда зашли в комнату Л. Н. и разговорились о другом.

— Ну, а вот это, — заговорил кр[естьянин], — что романы пишут, я думаю это пустяки.

— Нет, отчего же. Притчу вы признаете? Это тоже притча. Бывают такие притчи, которые разъясняют истину. Но бывают и такие, которые ничего не разъясняют. И те—пустяки. Но и пустяки бывают не вредные и в свое время, и тогда и пустяки хороши. Музыку услышишь хорошую или лес хорошо нарисованный посмотришь — и весело. И пляска во время хорошо. Нехорошо, когда вся жизнь отдается на это. Иные по 8 и больше часов в день упражняются для того только, чтобы вечером еще играть часа 3—4, вот это нехорошо. А хорошо, когда оно бывает кстати, например, в деревне народ возвращается с работы, поет, очень хорошо.

— Это правильно. Скажи ты мне теперича вот что: истину всякий може познать, что ученый, что неученый, одинаково? Я думаю, что все равно!

— Да, все равно. Только неученого легче сбить с нее. Я знаю одного кр[естьянина], очень умный, прекрасно написавший о хлебном труде. Так верно укорял высший класс за нарушение заповеди: «в поте лица снеси хлеб твой», а между тем верит всякому слову библии и много об текстах говорит пустого. Ученый не скорее познает истину, чем неученый, но ученый легче очистит истину от лишней примеси и понятнее, вразумительнее может передать ее.

Л. Толстой.

II. ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

ПИСЬМО К Е. И. СЫТИНОЙ

Екатерина Ильинична Сытина (р. в середине 1830-х гг., ум. в 1920-х гг.), рожд. Чихачева, дочь тамбовского помещика, получила хорошее домашнее образование и была серьезным музыкантом. Музыкой занималась в свое время с Николаем Рубинштейном. В 1859 (?) г. вышла замуж за тульского дворянина Владимира Аполлоновича Сытина (р. 1826 г., ум.?), который впоследствии служил в придворном ведомстве.

С Толстым Чихачева познакомилась через Перфильевых, имение которых было по соседству с имением Чихачевых. Повидимому, она впервые встретилась с ним в феврале 1854 г., когда он перед отъездом в Дунайскую армию приезжал на несколько дней в Москву. Позднее, в 1857—1859 гг., живя в Москве, она часто встречалась с Толстым и с его сестрой, жившей тогда в гостинице, выезжала на музыкальные вечера, которые устраивал Н. Г. Рубинштейн в доме Киреевой и на которых любил бывать и Лев Николаевич. Ей случалось играть для Толстого, а также играть с ним в четыре руки. Толстой не раз бывал у Чихачевых в Москве; однажды Екатерина Ильинична заезжала в Ясную Поляну.

К Чихачевой в 50-х годах были неравнодушны и Николай Николаевич и Сергей Николаевич Толстые. Льву Николаевичу очень хотелось, чтобы она вышла замуж за его старшего брата; он говорил с ней об этом и советовал выйти за него. Но когда Николай Николаевич сделал ей предложение, она ему отказала. В другое время Толстой сочувствовал ей в ее серьезной, но безнадежной любви к его другу В. С. Перфильеву, в то время уже женатому. Перфильев также был в нее влюблен. В своем дневнике Толстой 27 февраля 1858 г. записал: «С Вас[инькой] к Чихач[евым]. Мужчина, девушка и фортеп[ьяно] с Бетх[овеном] и Моц[артом]. Это уж я 3-й раз вижу — хорошо». Накануне Толстой записал: «Чихачева. Умная кокетка».

Приехав летом 1860 г. в Тулу, Е. И. Сытина, только что вышедшая замуж, написала Толстому о своем желании повидаться с ним и его сестрой. Толстой ответил ей публикуемым письмом, приглашая ее приехать в Ясную Поляну и «вместе отправиться в Пирогово», где в то время находилась Мария Николаевна. Состоялось ли это свидание и эта поездка — данных не имеем.

После выхода замуж Сытиной довелось всего несколько раз повидать Толстого. Две случайные встречи произошли на железной дороге: первая, вероятно, еще в 60-х годах, другая — в начале 90-х годов. Кроме того, Сытина видела его в 1890 г. в Туле. Благодаря его содействию, она присутствовала на репетиции «Плодов просвещения» в постановке Н. В. Давыдова. Последний раз она видела Толстого осенью 1901 г. в Гаспре, куда привезла ему приветствие с пожеланием выздоровления. (Сведения получены от К. С. Шохор-Троцкого).

1860 г. Июня середина. Я. П.

Чрезвычайно я рад и горд за себя и за Машиньку[1], любезная Катерина Ильинична, что вы приехали и дали нам знать. Я бы сейчас приехал в Тулу, ежели бы это не было совершенно невозможно,

именно нынче. Вот в чем дело: завтра мы, т. е. тетушка Тат[ьяна] Ал[ександровна][2], которая вам кланяется, поздравляет et caet[era] *, едем в Пирогово[3]. Машинька дней через 10 уезжает за границу и потому едва ли, не смотря на все желание, будет в состоянии приехать к вам. А потому я осмеливаюсь предложить вам следующее: приехать завтра с вашим мужем (с которым я и тетушка очень желаем познакомиться и которого просим не отказать нам — приехать к нам) и вместе отправиться в Пирагово. Машинька же со всеми детьми и с чаем на половине дороги будет встречать нас, нисколько не ожидая Катерины Ильиничны!.. Тетушка предлагает вам место в карете, ежели же муж ваш приедет и охотник ездить верхом, то я ему предложу лошадь, в противном случае таратайку **. — От Тулы до Ясной 15 верст, от Ясной до Пирагово 35 в[ерст]. Ехать тетушка собирается в 7-м часу вечера. Обедать мы будем в 2 часа, а ожидать вас будем с 12-ти часов.

Трепетно повергая к стопам вашим сии предположения, будем ожидать вашего решения. Впрочем без шуток, будьте так добры, прикажите хоть на словах сказать яснополянским ямщикам на Тульской станции, для передачи мне, будете ли вы или нет? В последнем случае, как мне ни нельзя, я все таки завтра утром хоть на часок приеду в Тулу. —

Весь ваш Л. Толстой.

Письмо Толстого датируется предположительно на основании слов: «Машинька дней через 10 уезжает за границу». М. Н. Толстая вместе со Львом Николаевичем выехала за границу 27 июня 1860 г.

[1] Сестра Толстого Мария Николаевна Толстая. См. стр. 279.

[2] Татьяна Александровна Ергольская (1793—1874) — троюродная тетка Толстого, жившая с ним вместе в Ясной Поляне, воспитательница братьев и сестры Толстых после смерти их родителей.

[3] Пирогово — имение М. Н. Толстой, Тульской губернии, Крапивенского уезда, в 35 верстах от Ясной Поляны.

---

* [и так далее]

** Об обратном путешествии, разумеется, нечего вам заботиться, потому что за радость, которую вы ей доставите своим приездом, она охотно хоть на тройке своих детей отвезет вас назад в Тулу [*Примечание Л. Н. Толстого*].

ПИСЬМА К М. П. ПОГОДИНУ

Адресат писем — Михаил Петрович Погодин (1800—1875), историк, археолог и журналист, сын крепостного, в 1826—1844 гг. профессор истории в Московском университете.

В своем дневнике Толстой 13 мая 1856 г. записал: «Читал Морской сборник. Погодина с наслаждением прибил бы по щекам. Подлая лесть, приправленная славянофильством».

Статья Погодина, вызвавшая негодование Толстого, называлась: «Московские празднества в честь севастопольских моряков»; она была напечатана в майском номере «Морского сборника». Это — первая запись дневника Толстого, относящаяся к Погодину. Точно определить время их знакомства пока невозможно. 22 апреля 1861 г. Толстой вместе с Погодиным возвращался из Петербурга в Москву. 25 августа 1862 г. Толстой был у Погодина, после чего записал о нем в своем дневнике: «Славная старость и жизнь». Он беседовал с Погодиным о его сотрудничестве в издававшемся тогда Толстым педагогическом журнале «Ясная Поляна». 14 декабря 1863 г. Толстой, как это отмечено в неопубликованном дневнике Погодина, был у Погодина за материалами по 1812 году, а 11 февраля 1864 г. виделся с Погодиным, Бартеневым и Аксаковым у А. И. Кошелева.

Все печатаемые нами письма Толстого к Погодину, числом пять (больше не было или не сохранилось), свидетельствуют о большом уважении, которое питал к нему Толстой. Он делится с ним своими задушевными мыслями о свободе и необходимости и своими мечтаниями об издании журнала с необычным названием «Не-современник», ссылается на его книгу «Исторические афоризмы» и, наконец, в последнем письме сообщает из своей жизни материал для его книги «Простая речь о мудреных вещах». Есть следы чтения Толстым книги Погодина: «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников». Во второй части этой книги (М., 1866, стр. 134) Толстой прочел следующую выдержку из письма Карамзина к А. И. Тургеневу, которую любил повторять впоследствии: «Жить есть не писать историю, не писать трагедии или комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику: все другое есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов».

В свою очередь и Погодин относился к Толстому с большой симпатией. Читая «Войну и мир», он записал в своем дневнике 1 апреля 1868 г.: «Читал Толстого. Прекрасный талант». Затем 4 апреля: «... отвлек и увлек Толстой и взволновал меня. Написал к нему письмо. Прекрасный талант».

Приводим выдержки из этого письма Погодина к Толстому, написанного 3—4 апреля 1868 г.: «Читаю, читаю, изменяю и Мстиславу, и Всеволоду, и Ярополку, — вижу, как они морщатся на меня, досадно мне, — а вот сию минуту дочитал до 149 страницы третьего тома, и просто растаял, плачу, радуюсь.

«Где, как, когда всосал он в себя из этого воздуха, которым дышал в разных гостиных и холостых военных компаниях, этот дух и проч. Славный вы человек, прекрасный талант! Помогай вам бог!

. . . . . .

«Да куда же меня бросило! Вот как вы меня взволновали... Мне под 70, а чувствую я, что теперешние мои слезы — те же, что были в 1809 году, когда я читал «Марьину рощу» Жуковского и когда приходили меня смотреть и слушать соседи. И радуюсь, что чувство это так сохранилось свежо, и благодарю бога.

«Спасибо и вам за доставленный случай.

. . . . . .

«Послушайте — да что же это такое! Вы меня измучили. Принялся опять читать... и дошел... и что же я за дурак! Вы из меня сделали Наташу на старости лет, и прощай все Ярополки! Присылайте же по крайней мере скорее Марию Дмитриевну какую-нибудь, которая отняла бы у меня ваши книги, посадила бы меня за мою работу.

«Четверг вечер.

«Ах — нет Пушкина! Как бы он был весел, как бы он был счастлив и как бы стал потирать себе руки. — Целую вас за него и за всех наших стариков. Пушкин — и его я понял теперь из вашей книги яснее, его смерть, его жизнь. Он из той же среды — и что это за лаборатория, что за мельница — святая Русь, которая все перемалывает. Кстати — любимое его выражение: все перемелется, мука будет.

«А вам хлеб с солью.

«Спасибо!»

(Письмо не опубликовано, хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

Письма Толстого к Погодину были опубликованы М. Барсуковым в журнале «На литературном посту», 1929, № 10, стр. 64—66, причем первые три письма были напечатаны по оригиналам, а два последние — по неточным копиям. В датировке писем Толстого и в комментариях к ним публикатором сделан ряд ошибок. Печатаем по оригиналам, находящимся в Литературном музее, все письма Толстого к Погодину.

1

1862 г. Октября 1. Я. П.

Посылаю Вам, многоуважаемый Михаил Петрович, нечаянно завезенную мною сюда Вашу статью [1]. Извините, что не отослал ее в Москве и не заехал поблагодарить Вас. Были обстоятельства весьма счастливые для меня [2], которые помешали мне это сделать. —

Я не забываю Вашего обещания о «Сильвестре» в Яс[ную] Пол[яну] [3] и позволю себе Вам напомнить о нем. Пожалуйста. Желаю Вам всего лучшего — успеха в Вашем труде, здоровья и еще долгой жизни.

Вечер, проведенный у Вас, оставил мне самые хорошие воспоминания; желал бы, чтобы они были такие же и для Вас.

Л. Толстой.

1 Октября.

Год письма определяется упоминаниями об «обстоятельствах весьма счастливых» и о журнале «Ясная Поляна».

[1] О какой статье Погодина пишет Толстой, нам неизвестно.

[2] «Обстоятельства весьма счастливые» — несомненно женитьба.

[3] «Ясная Поляна» — педагогический журнал, издававшийся Толстым в 1862 г. Очевидно, у Толстого при личном свидании с Погодиным шел разговор о его сотрудничестве в «Ясной Поляне», и Погодин обещал написать статью о Сильвестре. Обещание это Погодин не выполнил. — Сильвестр (ум. около 1566 г.) — священник Благовещенского собора в Москве, имевший благотворное влияние на Ивана Грозного в его молодости.

2

1864 г. Октября 5. Я. П.

Очень благодарен вам, уважаемый Михаил Петрович, за присылку книг и писем; возвращаю их назад, прося и вперед не забыть меня, коли вам попадется под руку что нибудь по этой части. За что вы на меня сердитесь? Взятое у вас я тогда же возврати[л] вам — записку Корфа[1], а потом биографию Ермолова[2]. Ежели вы чего не получил[и], известите. Пишу так плохо от того, что у меня 2 недели тому назад рука сломана[3]. Будьте здоровы и не забывайте уважающего вас

Гр. Л. Толстого.

5 Октября.

Год письма определяется упоминанием о переломе руки.

[1] Барон Модест Андреевич Корф (1800—1876) — государственный деятель, близкий ко двору при Александре I, наставник великих князей при Николае I, историк. О какой записке его говорит Толстой, сказать не можем; вероятно, это были материалы, касавшиеся 1812 года, нужные Толстому в его работе над «Войной и миром».

[2] Погодин М. П., Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864.

[3] 26 сентября 1864 г. Толстой на охоте упал с лошади, следствием чего был вывих и перелом правой руки. Тульскими врачами рука была вправлена и срослась неправильно, и оказалась необходимой новая операция, которая и была сделана Толстому в Москве 28 ноября того же года.

3

1868 г. Март после 21. Москва.

Меня очень обрадовало ваше письмо[1], многоуважаемый Михаил Петрович. Мысли мои о границах свободы и зависимости и мой взгляд на историю[2] не случайный парадокс, кот[орый] на минуту занял меня. Мысли эти плод всей умственной работы моей жизни и составляют нераздельную часть того миросозерцания, кот[орое] бог один знает, какими трудами и страданиями выработалось во мне и дало мне совершенное спокойствие и счастие. А вместе с этим я знаю и знал, что в моей книге будут хвалить чувствительную сцену барышни, насмешку над Сперанским и т. п. дребедень, к[оторая] им по силам, а главное-то никто не заметит. Вы заметите и пожалуйста читайте и замечайте на полях. И пожалуйста поговорите. Назначьте время, когда бы мне повидаться с вами.

Ваш Л. Толстой.

5-я часть в корректурах есть начало, и она к вашим услугам, а рукопись моя невозможна для чтения.

За книгу благодарю[3]. Прочту и уверен, что найду подтверждение своего взгляда.

Толстой отвечает на письмо Погодина от 21 марта 1868 г., в котором Погодин, прочтя в третьей книжке «Русского Архива» за 1868 г. статью Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», писал:

«Вы истомили меня ожиданием, милостивый государь граф Лев Николаевич. Я все жду и потому не начинаю ни войны, ни мира. А теперь решился, потеряв терпение, приняться за него на святой неделе с тем условием, чтоб 5 часть дали вы прочесть мне в рукописи тогда от типографии.

«Вчера прочел ваше объяснение. Вас занимает старый и вечно юный вопрос о предопределении и libre arbitre [свободе воли], свободе и необходимости... Это есть тайна истории: как случаи так называемые подгоняются под законы вечные: предопределение божье, идея и т. д.? Как они совпадают, соединяются? Но разве проще перед нашими глазами соединяются артерии с венами? и никакой вооруженный глаз не укажет точки, где оканчивается одна и начинается другая? Как соединяются миг будущий с прошедшим, т. е. поймайте настоящий.

Как соединяется начало с концом в кольце? Как соединяется мысль со словом или душа с телом? Отец, сын и дух святый. Кто он? Где он? О нем же движемся и есмы.

«Тайны, тайны и тайны, к которым человек должен приступать «со страхом божьим и верою».

«... Посылаю вам книжицу, изданную мною лет 30 тому назад. Ее поняли и оценили в свое время немногие, а ветряное поколение, разумеется, и не знает... Прочтите и скажите ваше мнение: она для вашей мысли представит несколько замечаний»... (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина.)

Не имеющее даты письмо Толстого датируется предположительно на основании даты письма Погодина.

[1] Толстой увиделся с Погодиным 14 апреля 1868 г. Как записал Погодин в своем неопубликованном дневнике, они «много толковали», причем Толстой высказал желание написать жизнь Суворова и Кутузова — намерение, оставшееся неисполненным.

[2] Разумеются историко-философские рассуждения автора в V и VI томах «Войны и мира» первого издания (или в III и IV томах изд. 1886 г. и всех последующих).

[3] Погодин М. П., Исторические афоризмы. М., 1836.

4

1868 г. Ноября 7. Я. П.

На лестное и заманчивое предложение ваше, многоуважаемый Михаил Петрович, я не могу отвечать иначе как отрицательно; по многим причинам, из которых достаточно одной: я не свободен и нахожусь все еще в рабстве своего начатого и неконченного (последнее время близко подвинувшегося к концу) труда. Я говорю: лестное предложение—потому, что как ни старайся быть развнодушным к успеху, ваше предложение (хотя, вероятно, преувеличено вами) дает мерку слишком высокую моему литературному имени. Заманчиво же ваше предложение потому, что иногда и часто в последнее время мне приходят мысли о бессрочном историко-философском издании, направление которого вам известно лучше всех из вашей книги Истор[ические] Аф[оризмы], которую вы мне прислали в Москве. Издание это, чтобы* кличкой определить его направление, я мечтал бы назвать: Несовременник.

Все то, что могло бы рассчитывать на неуспех в 19-м и на хотя не успех — но на читателей в 20 и дальнейших столетиях, имело бы место в этом издании.

История, философия истории и грубые матерьялы истории. —

Философия естественных наук и грубые матерьялы этих наук. Не тех наук, которые могли бы служить для практической цели, но тех, кот[орые] служили бы к уяснению философских вопросов.

Математика и ее прикладные науки — астрономия, динамика.

Искусство — несовременное.

И все. —

Исключено бы было только то, что наполняет теперь работой 99/100 всех типографий мира — т. е. критика, полемика, компиляция — т. е. непроизводительный задор и дешевый и гнилой товар для бедных умом потребителей. —

Вот мои мечтания, живо опять вспомнившиеся мне при вашем предложении [1].

Я сообщил их вам потому, что вы тот самый Погодин, который написал Ист[орические] аф[оризмы], и как ни <странно> далеки кажутся газета и такое издание, мне представилась возможность сделки. —

---

* *Зачеркнуто:* названием.

Читали ли вы книгу Урусова: «обзор 1812 и 13 г.» [2]. Ежели читали, то вы бы очень обязали меня, написав мне короткое словечко, выражающее ваше о ней мнение.

Пятый том мой быстро подвигается, но я не смею думать об окончании его ранее месяца и до того времени ни о чем другом не смею думать [3].

Истинно уважающий вас

Гр. Лев Толстой.

7 Ноября.

Год письма определяется упоминанием о работе Толстого над пятым томом «Войны и мира».

Толстой отвечает на несохранившееся письмо Погодина, в котором тот, очевидно, предлагал Толстому сотрудничать в издававшейся им газете «Русь».

[1] Издание журнала «Не-современник», о котором мечтал Толстой, не осуществилось.

[2] Урусов С. С., Обзор кампании 1812 и 1813 гг., военно-математические задачи о железных дорогах. М., 1868.

[3] Пятый том «Войны и мира» вышел около 25 февраля 1869 г

5

1872 г. Августа 22. Я. П.

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Книгу [1] вашу жду с большим нетерпением и рад быть полезным такому хорошему делу. Встречу двух друзей [2] я не могу написать. Лица живые, и им бы неприятно было видеть в печати событие из их жизни такое задушевное; о себе же рад бы написать, да не умею коротко и толково, а подробно — теперь некогда. — Попытаюсь. Проигравшись в карты, я поручил зятю [3] платить долги, обещал не играть больше и брать от зятя не больше 500 р[ублей] в год. Я все-таки стал играть и проиграл на Кавказе все, что было, и в долг 500 р[ублей] Кнорингу [4] и дал ему вексель. Время подходило платить, а у меня денег не было, и я не смел писать зятю о своем позоре, что я опять играл; и был в отчаянии. Я жил один в Тифлисе, чтобы держать юнкерский экзамен. Я не спал ночь, мучился, обдумывал, что делать, и вспомнил о молитве и силе веры. И я стал молиться, в глубине души считая свою молитву испытанием силы веры. Я молился, как молятся юноши. И лег успокоенный. Утром мне подали письмо из Чечни от брата [5]. Первое, что я увидал в письме, был мой разорванный вексель. Брат писал: Садо [6] (мой кунак, молодой малый Чеченец — игрок) объиграл Кнорринга, выиграл твой вексель, разорвал и привез мне и ни за что не хочет брать денег [7]. —

Вот и все. Скоро надеюсь быть в Москве и насладиться вашей беседой. Азбука моя выйдет в сентябре и будет послана вам [8]. —

Истинно преданный и уважающий вас

Гр. Л. Толстой.

22 Августа.

Год письма определяется упоминанием о выходе «Азбуки». Письмо Погодина, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Повидимому, Погодин писал Толстому о подготовлявшейся им к печати и вышедшей в 1873 г. книге: «Простая речь о мудреных вещах. Разъяснение истин бытия, жизни, смерти, начала, конца, несчастия, душа, вера, вечность, зло, бессмертие и загробная жизнь».

[2] О каком случае упоминает Толстой — неизвестно, но судя по содержанию предполагаемой книги Погодина, случай этот представился Толстому чем-то необычайным.

[3] Валерьян Петрович Толстой (1813—1865) — муж сестры Толстого.

[4] Ф. Г. Кнорринг — подпоручик, командир взвода легкой № 5 батареи 20 артилллерийской бригады, сослуживец Толстого на Кавказе.

[5] Николай Николаевич Толстой (1823—1860).

[6] Садо Мисербиев (1832—1900) — чеченец, житель аула Старый Юрт, «кунак» (приятель) Толстого. В июне 1853 г. при нападении чеченцев спас Толстого от плена, передав ему свою лошадь и сам пересев на его, менее быструю.

[7] Случай, описанный Толстым в этом письме, произошел с ним 6 января 1852 г. В тот же день он описал его в письме к Т. А. Ергольской. Он писал: «Наделать долгов в России, приехать сюда и опять задолжать — это меня приводило в отчаяние. На молитве вечером я горячо молился, чтобы бог помог мне выйти из этого тяжелого положения. Ложась спать, я думал: «но как же возможно мне помочь? Ничего не может произойти такого, чтобы я смог уплатить долг». Я представлял себе все неприятности по службе, которые мне предстоят в связи с этим: как он подаст ко взысканию, как по начальству от меня будут требовать отзыва, почему я не плачу, и т. д. «Помоги мне, господи», сказал я и заснул. Сегодня утром я получаю письмо от Николеньки вместе с вашим и другими — он мне пишет: [следует изложение содержания письма Н. Н. Толстого]. Разве не изумительно, что на следующий же день мое желание было исполнено, т. е. удивительна милость божия к тому, кто ее так мало заслуживает, как я». (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 59, ГИХЛ, 1935, стр. 145—151).

Толстому был свойственен не только в старости, но еще более в молодости своеобразный мистицизм, выражавшийся в вере в то, что все события его жизни таинственно направлялись к одной цели «чьей-то» невидимой рукой Так, в письме к А. А. Толстой от 15 августа 1874 г., упомянув о самарском голоде 1873 г., по поводу которого он написал письмо в «Московские Ведомости», вызвавшее приток пожертвований, Толстой далее писал: «Со мной же в этом деле случилось одно из тех, несколько раз повторявшихся в жизни странных прямых вмешательств в мою жизнь чьей-то таинственной руки. Я три года тому назад купил землю — сделал очень большой посев, и два первые года понес очень большой по моим средствам убыток — тысяч двадцать. В прошлом году вы написали мне, да и все мне говорят, что я поднял все это дело о голоде и был видимой причиной помощи, которая была дана. Нынешний год урожай огромный во всей Самарской губернии, и во всей Самарской губернии, сколько я знаю, одно место, которое обошли дожди, это — мое имение; и у меня большой посев и большой опять убыток. Я приехал туда и не верил своим глазам, и чувствовал себя обиженным и безвинно поставленным в угол. Но потом опомнился и понял, что это хорошо и лестно» («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1911, стр. 154—155). Толстой тогда твердо верил, что все, с ним случающееся, предопределено свыше. В июле 1874 г. в письме к П. Д. Голохвастову о своих поисках гувернера и гувернантки к детям он писал: «Я верю, что не только помощник в воспитании детей, но и кучер, который наймется, предопределен, и потому не знаю, кого именно мне нужно» («Русский Вестник», 1904, № 11, стр. 206).

[8] «Азбука» Толстого вышла в свет в ноябре 1872 г.

ПИСЬМА К П. И. БАРТЕНЕВУ

Когда и через кого познакомился Толстой с известным знатоком русской истории и истории русской литературы, издателем «Русского Архива» Петром Ивановичем Бартеневым (1829—1912), в точности неизвестно. В записной книжке П. А. Вяземского под 22 октября 1857 г. записано: «Вечер у Сушковых. Растопчина, Лев Толстой, Щебальский, собиратель и литературный сыщик Бартенев»... (Вяземский П. А., Полное собрание сочинений, т. X, СПБ., 1886, стр. 171). Вероятно, в дате у Вяземского ошибка, так как в дневнике Толстого записано, что он был у Сушковых 20 октября, а 22 октября уехал в Петербург.

1 января 1863 г. Толстой, как это записано М. П. Погодиным в его неопубликованном дневнике, ужинал вместе с Погодиным, Бартеневым и кн. В. А. Черкасским. В период работы над «Войной и миром» Толстой неоднократно обращался за нужными ему историческими материалами к П. И. Бартеневу, бывшему тогда библиотекарем Чертковской библиотеки в Москве. В письме к Толстому от 18 сентября 1902 г. Бартенев вспоминает шутку Толстого, относящуюся, очевидно, к этому периоду: что обратиться к Бартеневу за какими-либо справками — «словно повернуть кран в самоваре».

Первое известное нам письмо Толстого к Бартеневу, связанное с его работой над «Войной и миром», было написано 7 декабря 1864 г. Далее в сохранившихся письмах Толстого следует перерыв в два с лишком года. Из следующего письма Толстого от 31 марта 1867 г. мы узнаем о его согласии, вызванном, очевидно, просьбой Бартенева, написать для «Русского Архива» статью исторического характера.

Но особенно оживились письменные и личные сношения Толстого с Бартеневым после 22 июня 1867 г., когда Толстой заключил с Бартеневым условие о публикации, продаже и предоставлении склада для вновь выходивших томов «Войны и мира» и чтении им после автора корректур. Толстой, как писал он жене в тот же день, разрешил Бартеневу делать исправления «в смысле исправности и даже правильности языка» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 70). 30 июня Толстой уже отправил Бартеневу первую половину второй части романа.

За 1867—1869 гг. сохранилось 34 письма Толстого к Бартеневу, посвященные почти исключительно писанию, просмотру корректур, печатанью и продаже «Войны и мира». Эти письма являются главнейшим источником для истории писания и печатанья романа.

В марте 1868 г. Толстой напечатал в журнале Бартенева свою заметку «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

Бартенев не довел до конца чтение корректур «Войны и мира». Первое издание романа, вышедшее в свет в 1868—1869 гг., состояло, как известно, из шести томов. Бартенев отказался от чтения корректур последнего, шестого тома, который был прочитан С. С. Урусовым.

По выходе в свет «Войны и мира» письменные и личные сношения Толстого с Бартеневым стали гораздо реже. За все последующие годы известно всего

семь писем Толстого к Бартеневу: одно письмо от 6 марта 1870 г. с просьбой прислать или указать статьи об украинском философе Г. С. Сковороде (остается неизвестным, для чего понадобились Толстому эти статьи); одно письмо от января 1874 г. в ответ на просьбу Бартенева возвратить взятые у него книги; четыре письма 1878—1879 гг. в связи с работой Толстого над романом из времен декабристов и одно письмо от 24 сентября 1902 г. о материалах для повести «Хаджи Мурат», которой был тогда занят Толстой.

Бартенев виделся с Толстым в последний раз в Москве зимою 1899—1900 г. В письме своем к Бартеневу от 24 сентября 1902 г. Толстой писал ему, что он «всегда с дружбой» вспоминает его. В свою очередь и Бартенев, посылая Толстому в письме от 4 сентября 1903 г. корректуру письма С. С. Урусова к И. В. Киреевскому от 6 ноября 1855 г., касающегося Толстого, и напоминая ему о его каком-то обещании (повидимому, написать воспоминания для «Русского Архива»), называл его «дорогим графом» и подписался следующими словами: «Вас по-старому любит Петр Бартенев» (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

Вряд ли эти слова Бартенева были вполне искренни. В действительности Бартенев как ярый приверженец самодержавия и господствующей церкви питал к Толстому как к непримиримому врагу церкви и самодержавия страшную ненависть. Об этом мы узнаем из письма П. Д. Долгорукова к П. И. Бирюкову от 27 сентября 1911 г. По поручению Толстовского общества в Москве Долгоруков посетил Бартенева с целью получить от него письма к нему Толстого. О результатах этого визита он сообщал Бирюкову следующее:

«Был вчера у П. И. Бартенева. Результат неутешительный. Он ничего не дает, так как ненавидит Толстого, считает его проклятием божиим для России. Мало того. Получив № 1 «Известий Толстовского музея», он готовит к ноябрьской книжке «Русского Архива» ругательную статью по отношению к Толстому и к лицам, возымевшим намерение устройством музея и выставки увековечить память Толстого. Он из личного знакомства и разговоров с Толстым заключил, что он пуст, сребролюбив, необразован, преисполнен гордости. Он думает, что доживет (значит, это будет скоро) до времени, когда Россия раскусит обман, связанный с личностью Толстого. Он говорил, как о непреложной истине, о такой грязи в взаимоотношениях Толстого и Черткова, что ужасно было слушать. Примешивая цитаты из св. писания, апостола Павла и других, он доказывал, что такая грязь послана ему богом в наказание за его гордость.

А между тем у него масса писем Толстого с шестидесятых годов. Как и все получаемые им письма, они переплетены у него по годам и лежат в порядке, кажется, на чердаке. Но дом деревянный. Он собирается сам выпустить воспоминания о Толстом и использовать тогда эти письма» (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

Однако, Бартенев не выступил в печати с воспоминаниями о Толстом. В ноябрьской книжке «Русского Архива» за 1911 г. была им помещена статья П. С. Деменкова «Заметки ветерана 1812 года о «Войне и мире» гр. Л. Н. Толстого». В вступительной заметке к этой довольно резкой статье Бартенев обвиняет Толстого в том, что «ему захотелось низвести до пошлости личные подвиги тогдашних деятелей. Граф Растопчин выведен каким-то шутом»... Другое упоминание о Толстом находим в рецензии Бартенева на два тома переписки Пушкина, вышедшие в 1906—1908 гг. в издании Академии наук. В этой рецензии, напечатанной на первой внутренней стороне обложки четвертого номера «Русского Архива» за 1908 г., Бартенев писал:

«Помогая графу Л. Н. Толстому в первом издании его «Войны и мира», мы указывали ему неосновательность в изображении Кутузова (который якобы ничего не делал, читал романы и переваливался грузным старческим телом с боку на бок). Доставлены были графу для прочтения тогдашние письма Кутузова к Д. П. Трошинскому, исполненные забот и попечений. Граф Толстой возразил: «В письмах все лгут».

Из писем Толстого к Бартеневу были опубликованы до сих пор: тринадцать (некоторые неполностью и одно письмо по ошибке разбито на два) П. Ю. Бартеневым в «Русском Архиве», 1913 г., № 12 и 1914 г., № 1; четыре Н. Н. Апостоловым в журнале «Печать и революция», 1924 г., № 4; восемь М. А. Цявловским в сборнике «Толстой и о Толстом», вып. 4, изд. Толстовского музея, М., 1928 и восемь Е. С. Серебровской в «Сборнике Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, М., 1937.

В Литературном музее хранится полная коллекция всех переплетенных томов писем к П. И. Бартеневу за все годы. Письма Толстого имеются лишь в томах писем 1867 и 1868 гг. (письма Толстого других годов были еще до поступления коллекции в Литературный музей извлечены наследниками Бартенева и переданы в Толстовский музей). Всего за 1867 г. имеется одно письмо, а за 1868 г. — одиннадцать писем. Хотя три из них (№№ 2, 7 и 11) были уже напечатаны Н. Н. Апостоловым в журнале «Печать и революция», мы печатаем всю серию писем данного года как для того, чтобы не нарушить общей связи между письмами, так и вследствие того, что эти три письма были напечатаны лишь с очень краткими комментариями.

Подготовка к печати писем Толстого к Бартеневу была начата покойной В. Д. Гусевой, но не была ею закончена за смертью.

1

1867 г. Ноября 1. Я. П.

Посылаю корректуры [1]. Рукопись третьего тома [2] готова наконец. Я говорю наконец потому, что конец 3-го тома было самое трудное место и узел всего романа [3]. Кроме того, я на днях только поднимаюсь после грудного воспаления и теперь еще болен. Я рукопись посылаю завтра с Дьяковым [4]. Я для отсылки ждал его. Четвертый том в начале Ноября доставлю вам. 4-й том не может задержать.

Я думаю продавать 3 тома, с подпиской на печатающийся 4-ый. Как вы думаете? [5]

В последних корректурах, которые я вам прислал, в том месте, где Н[иколай]Ростов приезжает из армии, сказано, что на предпоследней станции он избил ямщика, а на последней дал 3 р. на водку. Это вымарайте [6].

Л. Толстой.

1 Ноября.

[1] Толстой посылал Бартеневу просмотренные им корректуры третьего тома «Войны и мира». Третий том «Войны и мира» первого издания, вышедшего в 1868—1869 гг., соответствовал третьей, четвертой и пятой частям второго тома «Войны и мира» издания 1886 г. и всех последующих.

[2] Толстой разумел рукопись продолжения третьего тома.

[3] В последних главах III тома первого издания рассказывается увлечение Наташи Ростовой Анатолием Курагиным и ее попытка бегства с ним из дома.

[4] Дмитрий Алексеевич Дьяков. См. «Воспоминания» Е. В. Оболенской и примечания к ним, стр. 325.

[5] Объявление было напечатано Бартеневым в № 267 «Московских Ведомостей» от 17 декабря 1867 г. Текст объявления был следующий. «Война и мир». Сочинение графа Льва Николаевича Толстого. Четыре тома (до 80 листов). Цена 7 руб.; пересылка за пять фунтов. Первые три тома выдаются с билетом на четвертый у П. И. Бартенева».

[6] В окончательной редакции избиение ямщика было вычеркнуто, а 3 рубля на водку остались. См. т. III, ч. II, гл. I первого издания или т. II, ч. IV, гл. I изд. 1886 г. и всех последующих.

2

1868 г. Январь до 16. Я. П.

Не понимаю, отчего за мной задержка, тогда как я с тех пор как уехал, не получал ни одного листа корректур, а рукописи часть ото-

слал, и окончание 4-го тома лежит у меня готовое и пошлется после завтра с Дьяковым.

Пожалуйста припугните Риса[1]. Насчет уступки 30% с 40 экз[емпляров] я никак не согласен. 20%—да. Те же 400 экз[емпляров], кот[орые] возьмет Рис с уступкой 30%, разойдутся по книгопродавцам с уступкой 20%, и потому нет расчета.

Ежели можно опять вставить муху на дор[огом] мертв[ом] лице, то вставьте ее[2].

Французское все исправно; но надо перевести особенно выписки из Тьера[3].

Сам я не приеду—и не могу и не следует, пока не будет кончено печатание 4-го тома[4] и рукопись 5-го тома будет в порядке, что будет очень скоро. —

Предисловие мое почти готово[5], и только вы напечатайте, а я непременно и очень скоро пришлю или привезу вам. —

До свидания, дружески жму вам руку.

Гр. Л. Толстой.

Письмо датируется по связи содержания со следующим письмом, датированным 22 января, и на основании слов: «Я с тех пор как уехал, не получал ни одного листа корректур». Толстой был в Москве в последних числах декабря 1867 г. и затем 16—19 января 1868 г.

[1] Федор Федорович Рис — владелец типографии в Москве у Мясницких ворот, в которой печаталось первое отдельное издание «Войны и мира».

[2] Толстой говорит про следующее место «Войны и мира», относящееся к посещению князем Андреем опустошенных Лысых гор (т. IV, ч. II, гл. V первого издания или т. III, ч. II, гл. V издания 1886 г. и всех последующих): «На выставке все так же безучастно, как муха на лице дорогого мертвеца, сидел старик и стукал по колодке лаптя».

[3] Цитаты из книги Луи Тьера «Histoire du consulat et de l'empire» имеются в т. IV, ч. II, гл. VII «Войны и мира» первого издания или в т. IV, ч. II гл. VII изд. 1886 г. и всех последующих.

[4] Печатание IV т. первого издания «Войны и мира» было закончено в марте 1868 г.

[5] Толстой имел в виду статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», появившуюся в мартовской книжке «Русского Архива» за 1868 г.

3

1868 г. Января 22. Я. П.

Вероятно еще не отпечатан тот лист, в котором Кн. Андрей после Смоленска заезжает в Лысые Горы и говорит с Алпатычем. Там надо прибавить (то, что и было в первой корректуре) прибавить следующие слова, которые он говорит Алпатычу: «У е з ж а й с а м, у в о з и, ч т о м о ж е ш ь, и н а р о д у в е л и у х о д и т ь в Р я з а н с к у ю и л и в П о д м о с к о в н у ю[1].

Потом я в торопях, поправляя корректуры в Москве, тотчас после отпечатанного поставил — II ч а с т ь. Это не нужно (ежели еще не напечатано), а вторая часть пускай начинается там, где она была назначена прежде. Потом в главах, описывающих Смоленск[2], к корректурам пришиты писаные листы — то в наборе и корректурах надо р у к о в о д и т ь с я п и с а н н ы м.

Следующие листы и корректуры не посылаю нынче по почте только потому, что надеюсь после завтра послать с знакомым.

Пришлите пожалуйста «Чтения»[3].

Дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

22 Января.

[1] См. «Война и мир», т. IV, ч. II, гл. V первого издания, или т. III, ч. II, гл. VI изд. 1886 г. и последующих.
[2] См. «Война и мир», т. IV, ч. II, гл. IV первого издания, или т. III, ч. II, гл. IV изд. 1886 г. и последующих.
[3] Исторический журнал «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». В книге IV этого журнала за 1868 г. была напечатана статья И. Жукова «Разбор известий о казни купеческого сына Верещагина», послужившая Толстому одним из источников для описания казни Верещагина в «Войне и мире».

4

1868 г. Февраля начало. Я. П.

В том месте, где говорится о том, что доказательством тому, что Шевард[инский] редут был не передовой пост, служит то, что сам Кутузов сгоряча после сражения в донесении своему государю называет Шевардинск[ий] редут левым флангом, надо вслед за этим прибавить следующее:

Уже гораздо после, когда писались на просторе донесения о Бородинском сражении была* — вероятно для оправдания ошибок главнокомандующего, имеющего быть непогрешимым** — то несправедливое и странное показание, что Шевардинский редут был передовой пост, тогда как это был сильно укрепленный пункт левого фланга, и что Бородинское сражение было*** принято нами на укрепленной и вперед избранной позиции, тогда как оно произошло на совершенно неожиданном и почти неукрепленном месте.

Будьте так добры, любезный Петр Иванович, вставьте эти очень важные для меня слова в надлежащем месте. —

Прикажите Рису мне выслать корректуры конца IV т[ома] как можно скорее. Я приеду только во вторник на 1-й неделе.

Ваш Л. Толстой.

Письмо было написано в начале февраля 1868 г., что видно из слов: «Я приеду только во вторник на первой неделе». Вторник первой недели «великого поста» в 1868 г. приходился на 13 февраля.

Место «Войны и мира», которое имеет в виду Толстой в настоящем письме, это — XIX гл., II ч., IV т. первого издания или XIX гл., II ч., III т. изд. 1886 г. и последующих.

5

1868 г. Марта середина. Москва.

Я вчера только получил в первый раз задержавшиеся листы IV т[ома]. — Нынче посылаю дальнейшую рукопись [1]. Остается у меня меньше половины. Поругайте Риса за задержки. Деньги я ему дам на праздниках.

Пошлите экземпляры в редакции. Один экземляр пошлите пожалуйста Ивану Петровичу Борисову[2] Мценск.

Письмо датируется на основании содержащегося в нем распоряжения о посылке в редакции отпечатанных экземпляров IV т. «Войны и мира». Объявление о выходе IV т. было напечатано в № 57 «Московских Ведомостей» от 15 марта 1868 г.

[1] Толстой отправлял Бартеневу продолжение рукописи V т. «Войны и мира».

---

* *Зачеркнуто:* выдумано
** *Зач.:* та очевидная ложь и бессмыслица
*** *Зач.:* дано

* Иван Петрович Борисов (1832—1871) — приятель Толстого, Фета и Тургенева. Был женат на сестре Фета Надежде Афанасьевне. В письме от 20 марта 1868 г. (см. стр. 261) Борисов благодарил Бартенева за присылку IV т. «Войны и мира».

6

1868 г. Марта 30. Москва

Я так чисто соскреб все мои деньги, что у меня ничего нет. Пришлите пожалуйста с этим посланным те 20 р[ублей], кот[орые] у вас еще остались.

Ваш. Л. Толстой.

30 Марта.

7

1868 г. Апреля последние числа. Москва.

Будьте так добры, Петр Иванович, передайте Н. В. Путято из сверстанного то, что вы найдете удобным для прочтения в обществе *.

Я думаю, больше ничто не годится, как разговоры на Поклонной Горе и военный совет.

Гр. Л. Толстой.

Письмо написано карандашом на клочке бумаги и, повидимому, было передано Бартеневу через Н. В. Путяту. 1 мая 1868 г. Н. В. Путята в письме к Бартеневу благодарил его за присылку отрывка из «Войны и мира»; на этом основании датируем письмо последними числами апреля 1868 г.

Николай Васильевич Путята (1802—1877) — сотрудник «Русского Архива», в 1866—1872 гг. временный председатель Общества любителей российской словесности.

Бартенев по просьбе Толстого передал Н. В. Путяте корректуры III и IV гл., I ч., V т. первого издания «Войны и мира» (или III и IV гл., III ч., III т. изд. 1886 г. и последующих). Главы эти были прочитаны в заседании Общества любителей российской словесности 5 мая 1868 г. кн. Г. В. Кугушевым.

8

1868 г. Мая 14. Я. П.

В день выезда из Москвы [1] я заболел и, приехав сюда, провалялся 4 дня, не в силах приняться за работу. Только поэтому не присылаю еще рукописи. —

Я очень скоро буду совсем готов. —

Только что уехал из Москвы, как у меня набралась куча забытых дел. О некоторых из них сим низко кланяюсь, прося вас исполнить, ежели вам не в труд; в противном же случае написать, что некогда. —

1) Выпустить всю историю Пьера в деревне со стариком и юродивым и отнятием лошади. Сбежав в конце** Бор[одинского] сражения во второй раз с бат[ареи], Пьер замешался с толпами раненых, дошел до перевяз[очного] пункта, а оттуда до большой дороги. Там он сел на землю. Он не помнил, долго ли он просидел там и т. д. [2]. В сновидении его [3] надо выпустить воспоминание про старика.

2) В том месте, где говорится об Элен, надо выпустить: Только немногие видели в этом поругание таинства

* *Зачеркнуто:* — Хоть
** *Зач.:* дорог.

брака и т. д. до Большинство же и т. д. и на место этого вставить: М. Д. Ахросимова, приезжавшая в это время в Петербург для свидания с одним из своих сыновей, <приехавшим из армии>, не одобряла намерения Элен и с свойственной ей грубостью, встретив Граф[иню] Безухую на вечере очень важного лица, через всю залу прокричала ей, как будто для кулачного боя засучивая свои широкие рукава (это была ее привычка): «А ты, говорят, матушка, новенькую штучку выдумала: за двух мужей сразу идти хочешь. Напрасно, мать моя, напрасно. Да и не ты первая выдумала. Это уже давно придумано во всех.... И Марья Дмитревна сказала такое грубое слово, которое не могло быть понято и услышано тем высоким обществом, в котором она находилась. Слово это было принято comme non avenu *. Большинство же и т. д.[4].

3) В том месте, где Наполеон думает, что он посвятит богоугодные заведения своей матери, после слов: «нет, просто à ma mère**» надо прибавить: думал он, как думают все Французы, непременно приплетающие chère mère и ma pauvre mère*** ко всем тем обстоятельствам жизни, где они хотят быть патетичны[5].

Впрочем, эти корректуры я не возвратил в Москве и поэтому надеюсь получить их еще.—

4) Я просил кн. Одоевского и Соболевского дать мне выписку из Данта о несчастной любви. Соболевскому мне не хочется писать; и я боюсь, что он мне не ответит, а кн. Одоевского я забыл как зовут. Ежели вы увидите того или другого, передайте им мою просьбу и пришлите мне, если они дадут вам. —

5) Вы развратили меня своими сигарами. Если вы будете брать себе и есть мои деньги, пришлите мне ящик 15-ти рублевых.

Теперь сразу услышьте мою слезную просьбу исполнить все 5 поручений и услышать мои извинения за мою докучливость.

Гр. Л. Толстой.

14 Мая.

[1] Толстой с семьей уехал в Москву 14 февраля 1868 г. Поселился на отдельной квартире в Кисловском переулке. Вернулся в Ясную Поляну 10 мая.

[2] См. «Война и мир», т. V, ч. I, гл. XIX первого издания и т. III, ч. III, гл. VIII изд. 1886 г. и последующих. Текст был изменен Толстым в корректурах.

[3] См. «Война и мир», т. V, ч. I, гл. VII первого издания и т. III, ч. III, гл. VII изд. 1886 г. и последующих.

[4] См. «Война и мир», т. V, ч. I, гл. VII первого издания и т. III, ч. III, гл. VII изд. 1886 г. и последующих. Текст был изменен Толстым в корректурах.

[5] См. «Война и мир», т. V, ч. I, гл. XIX первого издания и т. III, ч. I, гл. XIX изд. 1886 г. и последующих. Текст был изменен Толстым в корректурах.

9

1868 г. Июля 6. Я. П.

Петр Иванович!

Именно потому, что я желаю очень вас видеть у себя и желаю, чтобы вам у меня было хорошо, я прошу вас не приезжать ко мне до 15 июля. У меня дом полон гостей, да и сам я буду в отлучках на охоту. —

---

* [как не бывшее произнесенным]

** [моей матери]

*** [дорогую мать и мою бедную мать]

Приезжайте же после 15-го, и в Ясной помещу вас хорошо и свезу к Долгорукой[1]. —

Я нынче же пишу Рису с тем, чтобы он меня оставил в покое на несколько времени. Я решительно не могу ничего делать, и мои попытки работать в это время довели меня только до тяжелого желчного состояния, в котором я и теперь нахожусь. —

Ваш Л. Толстой.

6 Июля.

[1] Вероятно, имеется в виду жена писателя-эмигранта кн. Петра Владимировича Долгорукова (1816—1868), автора «Российской родословной книги», Ольга Дмитриевна, рожд. Давыдова (1824—1893). Имение ее Богословское (Спешнево) находилось в Чернском уезде Тульской губ.

10

1868 г. Августа 20. Я. П.

Мне с вами все неудача, любезный Петр Иванович. В тот самый день и час, как я уезжал[1], вы приехали в Москву, и в Ясную вы так и не приехали. Это мне особенно досадно. Вы не можете себе представить, как мы ожидали вас. Мне совершенно бескорыстно, независимо от дел хотелось и хочется увидать вас у себя в Ясной. —

Для других (Скайлер, которому не говорите про меня[2]) жена нездорова, и я не могу принять, но вас я продолжаю ждать. Погода приятная, и после Москвы вы увидите, как хороша Ясная. Я, кажется, опять принимаюсь за работу. Второе издание я отдал печатать Мамонтову 4-ю часть[3]. Продажу — комиссию — отдам Соловьеву[4]. Пятый том начал понемногу подвигаться. —

И критическое чутье осеннее ужасается на то, что я пропустил и напечатал весною. Ужасно плохи эти первые 6 листов.

Весь ваш Л. Толстой.

20 Августа.

Сейчас Петя[5] мне говорит, что вы сердитесь на меня за то, что я якобы 2-е издание отдал печатать, не сказав вам. Это напрасно.

Приезжайте-ка ко мне, вот посердитесь и рассердитесь.

[1] Толстой ездил в Москву для совета о своем здоровьи с врачом Г. А. Захарьиным, от которого он «пользы не получил», как писал он Фету в сентябре, и для свидания с Бартеневым по делам печатания «Войны и мира».

[2] Евгений Скайлер (Eugene Schuyler, 1840—1890) — американский консул в Москве, переводчик на английский язык «Казаков» и автор нескольких статей о Толстом. Познакомился с Толстым у В. Ф. Одоевского и бывал у него в Москве. Несмотря на сквозящую в письме к Бартеневу неохоту Толстого видеть у себя Скайлера, Скайлер приехал к нему в конце сентября 1868 г. и пробыл неделю. Выдержки из его воспоминаний о посещении Толстого напечатаны в переводе в «Русской Старине» 1890 г., №№ 9—10 под заглавием: «Гр. Лев Николаевич Толстой по воспоминаниям Е. Скайлера».

[3] А. И. Мамонтов — владелец типографии в Москве на Большой Дмитровке. Второе издание IV т. «Войны и мира» Толстой, действительно, отдал печатать в типографию Мамонтова.

[4] Иван Григорьевич Соловьев (1819—1881) — владелец книжного магазина в Москве на углу Малой Дмитровки и Страстного бульвара.

[5] Петр Андреевич Берс (1849—1910) — брат С. А. Толстой, впоследствии клинский исправник.

11

1868 г. Сентября начало? Я. П.

Будьте так добры, любезный Петр Иванович, передайте моему старшему шурину А. Берсу[1] те листы 5-го тома, которые напечатаны. Г-же Кулебякиной[2] тоже дайте. —

Я вам не отвечал потому, что получил ваше письмо 29[-го] и ждал вас на другой, на третий день и до сих пор жду. Я сам все сбираюсь в Москву, но не поеду без окончания корректур, а все не могу. Приезжайте пожалуйста. Я бы очень, очень рад был. —

Ваш Л. Толстой.

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию
Петру Ивановичу
Бартеневу.

Письмо датируем предположительно на основании слов: «получил ваше письмо 29-го» и связи содержания с предыдущим письмом (работа над корректурами V т. «Войны и мира»).

[1] Александр Андреевич Берс (1845—1918) — брат С. А. Толстой. В 90-х гг. был орловским вице-губернатором; позднее служил в Государственном банке. 8 ноября 1868 г. А. А. Берс писал Толстому: «Оттиски, которые ты мне давал, произвели для меня большой эффект, они ходили по всем великокняжеским кругам» (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[2] О Кулебякиной сведений не имеем.

12

1868 г. Сентября 14. Я. П.

Я затеял перевод Mémorial de S-te Hélène[1]. Будьте так добры, любезный Петр Иванович, помогите мне, т. е. дайте Николаю Михайловичу Стромилову[2] (он передаст вам это письмо) письма графа Бальмена, которые напечатаны в Архиве[3], и не откажите в тех, которые печатаются. Н. М. Стромилов охотно возьмется за работу перевода остальных писем. И он может сделать это отлично[4]. Очень одолжите.

Преданный вам Л. Толстой.

14 Сентября.

На 4-й странице:

Его Высокоблагородию
Петру Ивановичу
Бартеневу.

[1] De Las Cases, Memorial de Sainte-Hélène. Paris. 842. Книга эта служила Толстому одним из источников в его работе над «Войной и миром». В письме к А. И. Эртелю от 16 января 1890 г. («Голос Минувшего», 1913, № 1, стр. 174) Толстой называет эту книгу «самым драгоценным материалом» о Наполеоне.

[2] Николай Михайлович Стромилов — знакомый приятеля Толстого кн. Сергея Семеновича Урусова. Стромилов держал корректуры первых четырех томов второго издания «Войны и мира».

[3] «Из бумаг графа де Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне, на острове святой Елены». Было напечатано в №№ 4—5 «Русского Архива» за 1868 г.

[4] В Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина хранится рукопись «Наполеон на острове св. Елены», работа Н. М. Стромилова. Толстой поручил Стромилову не простой перевод, а компиляцию и остался неудовлетворен его работой, что видно из неопубликованного письма Стромилова к Толстому от 7 января 1869 г. (хранится там же).

ПИСЬМА К Ф. Н. КОРОЛЕВУ

1874 год был для Толстого годом усиленных педагогических занятий. Окончив и выпустив в свет в 1872 г. свою «Азбуку», Толстой вновь берется за продолжение начатого романа из эпохи Петра, но неудовлетворенный оставляет его. Весной 1873 г. он набрасывает вчерне всю «Анну Каренину», но оставляет на время и этот роман и с осени 1873 г. вновь с увлечением отдается педагогическим занятиям.

15 января 1874 г. состоялось заседание Московского комитета грамотности, на которое был приглашен Толстой дать объяснение своего способа обучения грамоте. Толстой выразил готовность лишь отвечать на те вопросы, которые ему будут предложены. Большинство педагогов высказалось против метода Толстого. На заседание был приглашен стенограф, и все произнесенные речи были записаны.

17 января 1874 г. Толстой дает пробный урок обучения грамоте по своему способу в школе для взрослых при фабрике Ганешина на Девичьем поле в Москве. После урока присутствовавшими на нем членами Московского комитета грамотности было постановлено в виде опыта образовать две группы учащихся, в одной из которых вести преподавание по распространенному тогда звуковому методу, а в другой — по методу Толстого. Обучение той и другой групп продолжалось семь недель. 13 апреля состоялось экстраординарное заседание Комитета для обсуждения результатов опыта.

На заседании присутствовал и Толстой, подробно изложивший основания своего способа обучения и его преимущества перед способом звуковым. На это заседание, как и на заседание 15 января 1874 г., был приглашен стенограф.

Публикуемые письма Толстого к Ф. Н. Королеву касаются исправления Толстым его речей на обоих заседаниях Комитета грамотности.

Филипп Николаевич Королев (1821 — 1894), педагог и писатель по земледельческой механике, ранее директор Второй московской гимназии, а в то время директор Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, был одним из двух педагогов, поддерживавших точку зрения Толстого на заседании 15 января, и единственным педагогом, выступившим на его стороне в заседании 13 апреля.

Протоколы этих двух заседаний Московского комитета грамотности с стенографическими записями речей присутствовавших, в том числе и Толстого, были напечатаны в №№ 35, 38 — 39 и 46 «Московских Епархиальных Ведомостей» за 1874 г.

1

1874 г. Сентября 25. Я. П.

Милостивый Государь
Филип Николаевич!

Я решительно не могу исправить мою речь по стенографическому отчету. Если бы было только наврано, я бы вспомнил и догадался; но

тут многое пропущено, многое прибавлено и во многих местах сказано совершенно обратное того, что я говорил. Тут, видно, кто-нибудь поправлял ее по своему. Вследствии этого моя покорнейшая просьба к Вам следующая: или выпустить мою речь, прибавив объяснение, что Гр. Толстой говорил так несвязно и невнятно, что речь его в стенографическом отчете вышла совершенно бессмысленна, и он отказался ее поправить, или найти стенографический отчет и напечатать его, каким он вышел из рук стенографа, без поправок, в которых я заподозреваю Кашина [1], или напечатать в этом месте выдержку из моей статьи, теперь, вероятно, уже напечатанной в Отеч[ественных] Записках [2] и которая есть ничто иное, как частью восстановление того, что было сказано мною, и частью новые соображения, которые надо выпустить [3]. Если, как я полагаю, последнее есть самое удобное и Вы признаете это возможным, то будьте так добры, напишите мне о том поскорее, и я по печатному отмечу и пришлю Вам. Я бы и сейчас это сделал и прислал бы Вам с протоколом, но не получал еще оттисков, которых ожидаю с каждой почтой.

С совершенным уважением и преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга

Гр. Лев Толстой.

25 Сентября 1874.

[1] Владимир Северьянович Кашин (ум. 1891 г.) — секретарь Московского комитета грамотности, преподаватель Елисаветинского училища в Москве, сотрудник «Московских Ведомостей».

[2] В № 9 «Отечественных Записок» за 1874 г. появилась статья Толстого «О народном образовании», в которой он подробно развил свои педагогические взгляды, высказанные им в споре с московскими педагогами.

[3] Толстой предлагал выпустить его «новые соображения» в том сокращенном изложении его речи, которое он предлагал Ф. Н. Королеву напечатать вместо стенографической записи.

2

1874 г. Сентября 28. Я. П.

Милостивый Государь
Филипп Николаевич!

Не получая еще оттисков статьи своей, я еще раз перечел протокол и стал добираться и добрался, на сколько мог, смысла в своей речи и поправил ее. Не пугайтесь, что так много измарано и приписано. Это произошло от того, что очень много пропущено, переиначено, и цитаты поставлены не те и не на месте. Я старался быть вполне добросовестен и не прибавлял ничего, хотя во многих местах и знаю, что выпущено то, что было сказано, и хотя хотелось бы прибавить. Надеюсь, что почерк разберут наборщики, и что корректуры продержутся хорошим корректором. Остальных речей я и не пытался поправлять и не могу догадаться, что значит многое.

С совершенным уважением и преданностью имею честь быть
Ваш покорный слуга

Гр. Л. Толстой.

28 Сентября.

P. S. Будьте так добры, уведомьте мне, что Вы решили и когда можно ожидать выход в печати протокола.

ПИСЬМА К В. А. ИСЛАВИНУ

Владимир Александрович Ислави́н (1818—1895) приходился родным дядей Софье Андреевне Толстой. С ним, так же как с его младшим братом Константином Александровичем, Толстой познакомился еще в молодости. В 1849—1851 гг. они встречались в Петербурге и в Москве и были в приятельских отношениях. Толстой состоял в переписке с Исла́виным и на Кавказе, о чем есть записи в его дневниках.

29 августа 1852 г. Толстой, как записывает он в дневнике, получил письмо «от редактора» (Некрасова), которое «обрадовало» его «до глупости» (это было то самое письмо, в котором Некрасов уведомлял его о напечатании «Детства»), и вместе с ним письмо от Ислави́на, о котором Толстой записал: «гадкое письмо, на которое я отвечу вместо колкостей, как я было хотел это сделать, истинным презрением — молчанием». Это письмо Ислави́на из Петербурга от 12 августа 1852 г. сохранилось.

Отвечая на просьбу Толстого о высылке ему программы для офицерского экзамена и указывая, где ее можно достать, Ислави́н писал: «Уморительно, как это судьба тебя бросила в фейерверкеры в Старогладовскую; говорил я тебе, что случится с тобой это. Ну, теперь и выбирайся в обер-фейерверкеры... Смотри же, фейерверкер, не сделай так, как с кандидатским экзаменом: что первый предмет спустил отлично, а там и надоело... Как мне странно знать тебя в юнкерской дерюге.—Ты достоин лучшей покрышки, ты, мой милый Лева, человечек с деликатными фибрами; ты, я думаю, в то время, как берешь машинально банник, мысленно так и носишься по поднебесью».

Толстой все-таки ответил на это письмо — ровно через месяц после получения — 29 сентября 1852 г., как это записано у него в дневнике в этот день. Это письмо, как и все ранние письма Толстого к Ислави́ну, не сохранилось.

В 1864—1866 гг. Ислави́н по просьбе Толстого вел переговоры с книгопродавцем Ф. Стелловским об издании собрания сочинений Толстого и получал следуемые ему со Стелловского деньги. От этого периода сохранилось восемь писем Ислави́на (хранятся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина) и ни одного письма к нему Толстого.

В. А. Ислави́н находился на государственной службе с 1841 г. и достиг видного положения. Он имел чин действительного статского советника и был членом Совета министра государственных имуществ. Написал книгу: «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПБ., 1847) и обследование земледельческих колоний на юге России.

Из публикуемых нами одиннадцати писем Толстого к Ислави́ну восемь писем и одна телеграмма относятся к 1877—1879 гг. Толстой задумал тогда покупку у барона Р. Г. Бистрома, жившего в Петербурге, 1 500 десятин земли в Самарской губ., по соседству с своим имением, по 10 рублей за десятину, и через свою тещу Любовь Александровну Берс просил Ислави́на быть посредником в этом деле. В письме от 4 декабря Ислави́н выражал Толстому свое согласие быть его «комиссионером-посредником» по покупке земли у Бистрома. На дру-

гой день, 5 декабря, Ислявин, переговоривши с Бистромом, сообщил Толстому, что Бистром не хочет продавать ту часть своей земли, которую выражал желание купить Толстой, а предлагает купить у него всю его землю — 4 000 десятин за 50 000 руб. при условии выплаты 15 000 или 20 000 наличными сразу при заключении договора, а остальные — в рассрочку на десять лет.

Через три месяца переговоры Толстого с Бистромом окончились, и 7 марта 1878 г. Толстой, сам приехавший для этой цели в Петербург, окончательно оформил покупку у Бистрома 4 000 десятин земли в Самарской губ. по 10 руб. 50 коп. за десятину, с условием — 20 000 руб. выплатить теперь же наличными деньгами, а остальные — в течение двух лет по 6%.

Письма Толстого к Ислявину касаются почти исключительно этой покупки. Кроме того, письма эти служат некоторым указанием на источники, которыми пользовался Толстой в своей работе над романом из эпохи декабристов. В. А. Ислявин служил тогда при министре внутренних дел Валуеве и вел дела по крестьянскому вопросу, и Толстой доставал через него дела о переселенцах, которые имел в виду использовать, как материал для своего романа.

Письма Льва Николаевича к Ислявину носят следы их прежней молодой дружбы. В одном из писем Толстой вспоминает, как Ислявин «выкупал» его из биллиардных, проявляя «готовность делать для других»; в другом письме, говоря о своей предполагаемой поездке в Петербург, он мечтает о том, чтобы вместе с Ислявиным пройтись по Невскому, рисуя себе картину, как Ислявин наденет шляпу «слегка набекрень».

Характерно также, что переписка Толстого с Ислявиным относится к самому напряженному времени религиозных исканий Толстого. Около 20 декабря 1877 г. им был начат (но не закончен) диалог «Собеседники», в котором он намеревался изложить свои религиозные воззрения. В его письмах этого периода к Н. Н. Страхову религиозные вопросы занимают первое место.

О настроении Толстого того времени С. А. Толстая 28 марта 1878 г. писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Эта покупка его занимает и устройство тамошнего хозяйства. А здесь его ничто не занимает, он такой стал вялый и безучастный ко всему» (письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). Однако, повидимому, и приобретение новой земли не могло на долго отвлечь Толстого от волновавших его вопросов. Впоследствии (в 1882 г.) Толстой писал в «Исповеди» об этом периоде своей жизни: «Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «ну, хорошо, у тебя будет 6 000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше».

Письма Толстого к Ислявину не заключают в себе ни одного намека на эти переживания Толстого.

Кроме публикуемых нами писем, известно еще одно письмо Толстого к В. А. Ислявину, относящееся к осени 1878 г. Оно напечатано в «Красном Архиве», 1924, т. 7, стр. 249—250.

1

1873 г. Мая 2. Я. П.

Любезный друг!

Пишу тебе о неприятной вещи. Тем более неприятно, что давно мы не видались, не переписывались, и что мне бы хотелось только приятным напоминать о себе. Ты догадываешься, что дело о Костиньке [1]. —

Дурного нового ничего нет; но старого дурного много. Живет он у нас и очень мил и добр, но положение его ужасно. Мы уезжаем в Самару [2], и куда он денется — не понимаю — с своими со всех сторон долгами и в изношенном до невозможного платьи. Надо что нибудь

придумать. — Encore un dernier effort *. Я знаю, что ты уже их делал много. Место ему сыскать не невозможно, тем более, что он скромен теперь в своих требованиях, и я бы давно нашел ему место, если бы его бумаги и одежда были в порядке. Бумаги его в Туле можно бы привести в порядок; но он сам никогда этого не сделает, а я не умею да и некогда. — По моему, сделайте вы, родные, еще попытку. Поручите в Туле адвокату выправить ему бумаги, обмундируйте его и найдите ему место рублей в 500, 700 и тогда уж умойте руки. Он ничего не знает, что я пишу, и пожалуйста не говори ему. Он очень и очень жалок, и я не отчаиваюсь, чтобы он мог еще устроиться такой жизнью, которая бы не тяготила его самого. Главное, ему надо место в провинции. Напиши мне пожалуйста, что ты об этом думаешь, и пожалуйста не сердись на меня, если тебе неприятно то, что я пишу. Я точно также, как и ты (вероятно), не могу судить его; зная его всю жизнь и весь характер, а испытываю к нему чувство досады, недовольства им и, главное, сожаления. И надо еще раз попробовать. Поцелуй от меня руку твоей жены [3] и передай поцелуй моей жены и обнимаю тебя. Твой старый и верный друг

Л. Толстой.

Год письма определяется по связи с следующим письмом, несомненно относящимся к 1873 г.

[1] Константин Александрович Ислявин (1827—1903)—родной брат В. А. Ислявина. Беспечный и неработоспособный, К. А. Ислявин не сделал, подобно своим братьям, никакой служебной карьеры и материально всегда нуждался. В 1876 г. Толстой устроил его секретарем редакции «Русского Вестника», но, повидимому, его служба в редакции продолжалась недолго, так как уже в 1882 г. Толстой писал о нем графу А. С. Уварову, прося определить его на службу в открывшийся тогда Исторический музей. Последние годы жизни К. А. Ислявин служил в странноприимном доме С. Д. Шереметева в Москве.

К. А. Ислявин неоднократно упоминается в дневниках и переписке Л. Н. Толстого в его молодые годы. Толстой приписывал ему дурное влияние на своего брата Дмитрия. В письме к брату Сергею Николаевичу из Тифлиса от 7 января 1852 г. Толстой писал: «Дружба Митиньки с Костенькой и его шанкера и бобоны — два известия, которые одинаково для меня неприятны. Костинькина дружба и близкое знакомство с ним может оставить следы не хуже венерической болезни... Наши умишки мягки, как воск, поэтому его всякий может сбить с толку, Костинька же, всю жизнь пресмыкаясь в разных обществах, посвятил себя и не знает больше удовольствия, как поймать какого-нибудь неопытного провинциала и под предлогом руководить его—сбить его совсем с толку, — он его доканает» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 59, ГИХЛ, 1935, стр. 155 — 156).

Эти слова Толстого о дурном влиянии К. А. Ислявина на его брата Дмитрия Николаевича дополняются следующим местом из IX гл., его «Воспоминаний», написанных в 1903—1905 гг.: «Кажется, я был тогда уже на Кавказе, когда с Митенькой случился необыкновенный переворот. Он вдруг стал пить, курить, мотать деньги и ездить к женщинам. Как это с ним случилось, не знаю, я не видал его в это время. Знаю только, что соблазнителем его был очень внешне привлекательный, но глубоко безнравственный человек, меньшой сын Исленева».

О К. А. Ислявине см.: Шереметев С. Д., Константин Александрович Ислявин, М., 1903; Толстой Илья, Мои воспоминания, М., 1914, 2 изд. — М., 1933; Кузминская Т. А., Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846—1862, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1925; Черткова А. К., Воспоминания о Л. Н. Толстом—«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», собрал и редактировал Н. Н. Гусев, ГИЗ, М.—Л., 1929; Толстой С. Л., Мой отец в 70-х годах—«Красная Новь» 1928, № 9; проф. Русанов А. Г., Воспоминания о Л. Н. Толстом, Воронежское областное книгоиздательство, 1937.

[2] Семья Толстых в 70-е годы в течение нескольких лет уезжала на лето в их имение в Бузулукском уезде Самарской губернии.

[3] Женою В. А. Ислявина была Юлия Михайловна Кирьякова (1840—1914).

* [Еще последнее усилие.]

2

1873 г. Мая 31. Я. П.

Любезный друг Владимир!

Когда долго не видишь человека, верно, забываешь его: так я, верно, тебя забыл; потому что я, получив твое письмо, прослезился — так я был тронут этим письмом. Как будто я не ждал этаго. — Костинька тоже был тронут, и твоя малая толика все таки развязала ему руки; а то бы я не знаю, куда он делся после нашего отъезда. Мы с тобой уж пережили те года, когда скажешь: человек сам виноват — и успокоишься. Разумеется, Костинька сам кругом виноват, а все таки ужасно жалко. Планов у него много; но я думаю, что он уедет к брату Сергею[1]. Но там не прочно. Грустно мне было узнать, что твои дела стоят нетвердо. Поверь, что мало есть людей, которые бы так искренно желали тебе успеха и счастья.

Мы после завтра едем в Самару. Половина вещей и людей уже уехали. Поцелуй за меня руку у твоей милой жены и за Соню поцелуй и детей. Как бы мне их хотелось посмотреть. Смерть Даши Кузминской[2] отозвалась в нас, как потеря своего ребенка, и напомнила живо возможность своей потери. Прощай, милый друг, спасибо, что ты помнишь и любишь меня.

Твой Л. Толстой.

Год определяется содержанием: упоминанием о смерти Д. А. Кузминской (см. ниже, прим. 2).

[1] Сергей Николаевич Толстой (1826—1904).

[2] Дарья Александровна Кузминская — первая дочь свояченицы Толстого Т. А. Кузьминской (р. 13 мая 1868 г., ум. 3 мая 1873 г.). У Толстых в то время было шестеро детей, из которых пока никто не умирал, и потому смерть дочери очень близкой им Т. А. Кузминской сильно на них подействовала. По поводу ее смерти Толстой писал ее матери Т. А. Кузминской и дяде А. А. Берсу. См. Гусев Н. Н., Толстой в расцвете художественного гения, изд. Толстовского музея, М., 1927, стр. 169—170.

3

1876 г. Апрель после 13. Я. П.

Дорогой друг Владимир,

Милый наш Костинька (чем больше я его видел это последнее время, тем он мне был милее и жалче) теперь в Москве в Редакции Московских Вед[омостей] и Рус[ского] Вестн[ика], где Катков обещал мне и ему дать ему место Секретаря редакции. Место это верное и хорошее. Я помог ему, как мог, выбраться из Тулы и сейчас посылаю ему с и к у р с[1], но положение его очень тяжело, и надо немножко еще понатужиться pour le mettre à flot *. Если ты и Михаил Александрович[2], которому дружески жму руку, можете пустить себе еще немножко в его пользу крови, то кровь эту пришлите или прямо ему в Редакцию Моск[овских] Вед[омостей] или ко мне. Хотя мы и не переписываемся, я все про тебя знаю и все желаю от всей души тебе тихого пристанища, которым ты так хорошо бы умел пользоваться[3].

Адрес Костиньки в Москве:

Страстной бульвар, меблированные комнаты Виктория (Victoria).

Письмо датируется на основании, с одной стороны, упоминания о месте для К. А. Ислявина в редакции «Русского Вестника». 6 апреля 1876 г. С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Дядю Костю Левочка поместил в Москве к Каткову, но еще нетвердо, надо прежде дело изучить. Дай бог, чтобы он устроился; последнее время он дошел до такой бедности, только мы его нравственно и физически немного поддерживали». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). С другой стороны, упоминание о том, что Катков самому Толстому обещал устроить К. А. Ислявина

* [сдвинуть с мели]

в редакции «Русского Вестника», наводит на мысль о том, что письмо написано после поездки Толстого в Москву, которая была между 9 и 13 апреля 1876 г.

[1] «Сикурс» — от французского secours — помощь, подкрепление. Это солдатское выражение встречается в сатирической песенке, сложенной Толстым на неудачное сражение 4 августа 1855 г. при Черной речке:

Наше войско небольшое,
А француза было втрое
И сикурсу тьма.

(См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 4, ГИХЛ, М. — Л., 1932, стр. 308).

[2] Михаил Александрович Ислявин (1814—1905)—родной брат В. А. Ислявина, служил в Петербурге.

[3] Нижняя часть листа, включающая подпись автора, срезана.

4

1877 г. Декабря 10. Я. П.

Очень тебе благодарен, дорогой друг Владимир, и за твое доброе письмо и за твои хлопоты по моему делу. Пользуюсь твоим позволением продолжать это дело через тебя.

Бистром, как видно, следует правилу — запрос в карман не лезет. Его доверенный запродал из этой земли — 3 000 десятин — 1 500 по 12 р[ублей], а 1 500 по 11 р[ублей] в рассрочку, за всю же Бистром просит по 12 р[ублей] 50 к[опеек].

Я предлагаю ему следующее: Я покупаю всю землю без рассрочки по 10 р[ублей], т. е. за 40 000 с его купчей (или пополам, это можно уступить) и с одним условием, очень важным, чтобы я не был принуждаем покупать постройки арендатора, находящиеся на этой земле.

Условие это надо тебе объяснить. Земля находится в аренде у Г-на Тимрота, родственника Бистрома, и как мне известно, Тимрот запродал уже совсем 3 000 дес[ятин], а 1 000 дес[ятин] не мог продать, потому что на них находится постройка Тимрота, и Тимрот ценит эту постройку в 9 000. — Я догадываюсь, что дело в том, что Тимрот, имеющий условие аренды на землю, ставит условием прекращения аренды то, чтобы была куплена его постройка. <И этого то я не желаю>. А между тем арендная плата так высока, что я весьма охотно приму условия аренды на себя при покупке, но только с тем, чтобы не покупать построек иначе как по вольной, независимой от продажи земли цене.

Арендная плата даже так высока, что я готов при покупке уменьшить ее на 25%. —

Тимрот родственник и очень уважаемый человек, и потому по этим предположениям моим надо только сондировать Бистромов; но не высказывать моего предположения.

Сущность та, что я покупаю землю за 40 т[ысяч], и если она в аренде, принимаю на себя условия аренды, но не покупаю построек, находящихся на земле, а арендатор по истечении срока может снести их или продать мне по вольной цене.

Надеюсь, что ты не раскаешься в той обязательности, с кот[орой] ты взялся за мое дело, и не скажешь: вот пристал.—

Радуюсь мысли увидать тебя летом, но еще более желал бы увидать тебя в твоем гнезде, которое, все говорят, так хорошо у тебя строено. —

На днях Соня родила нам еще сына[1] и лежит еще в постели. И это для меня старая штука, всегда она волнует и трогает и ра-

Прощай, дорогой друг. От души обнимаю тебя и целую руку жены.

бря[1]

Л. Толстой.

На конверте:

Его превосходительству
Владимиру Александровичу
Ислявину
Петербург. Офицерская улица, № 3.

[1] 6 декабря 1877 г. у Толстых родился шестой сын Андрей Львович (ум. 23 февраля 1916 г.).

[2] Описка Толстого вместо «10 декабря». Такую же описку сделал Толстой и в письме к Н. Н. Страхову, написанном в тот же день, что объясняется его взволнованным и беспокойным состоянием в течение периода, предшествовавшего родам и последовавшего за родами жены. Правильность исправления даты на 10 декабря вместо 10 ноября подтверждается и почтовым штемпелем отправления на конверте: «Тула. 10 дек. 1877».

5

1877 г. Декабря 22—26? Я. П.

Не могу выразить, любезный друг Владимир Александрович, как я тебе благодарен за твои хлопоты по моему делу, хлопоты, которые увенчались таким даже несколько неожиданным и слишком быстрым для меня успехом[1]. Продолжаю злоупотреблять твоим долготерпением и добротой. Ты уж, когда кончишь, сразу обругай меня. Дело теперь вот в чем: покупая все 4 000 д[есятин], я имел в виду приобресть только 1 500 д[есятин], близкие к моему хутору, и рассчитывал, пока будут идти переговоры, устроить дело перепродажи остальной — 2 500 или хоть 1 500 д[есятин]. На всю землю у меня даже и нет всех денег — не достает 20 т[ысяч]. Теперь же это быстрое согласие Бистрома застало меня в расплох: и денег всех нет, и жутко затратить (заняв деньги) такой большой для меня капитал на землю, которая дает доходы сомнительные или малые. Изложу мои предложения по степени их для меня желательности; и от тебя, ведшего дела и потому знающего, насколько мы связаны предложением 40 т[ысяч] за всю землю, будет зависеть передать то или другое или третье предложение. Желательнее всего бы было, не связывая себя окончательным согласием купить, выговорить время для того, чтобы поверенный мой[2] съездил на место и устроил там дело перепродажи. Для поездки нужен месяц. Это самое лучшее. Менее хорошо уже было бы тотчас ударить по рукам и предложить 5 000 задатку (и более, если нужно), а совершение купчей отложить до 1 марта и выговорить у Бистрома право перепродажи земли, так чтобы он совершал две купчие — одну со мной, а другую с тем покупателем, которого я представлю. Это избавит меня, если я найду покупателя, от займа денег и лишнего расхода на купчую.

Если же и это нельзя, то я предлагаю 5 000 задатку (можно и больше, до 15 000) и при совершении купчей не ранее Марта выплачиваю все деньги.

Вопрос аренды очень важный для меня, хотя и устранен телеграммой Тимрота, в которой он говорит, что отказывается от аренды, все же представляет с постройками, находящимися на земле, с посевом, пахотой, или отданной землей, или нанятыми на землю рабочими очень много затруднений и дел, которые надо уяснить. Я уверен, что все эти дела я разъясню очень хорошо благодаря тому, что знаю Тимрота нетолько за любезного, но и за благороднейшего человека, но на все это понадобится время. Если бы при 2-м и 3-м предложении можно бы было выговорить то, чтобы Бистром заложил свою землю (хлопоты по этому, разумеется, возьму я—мой поверенный, и ему только нужно будет подписать) и деньги залога принял бы в счет 40 000, было бы еще лучше. Написать-то я написал, но, право,

жутко становится, когда подумаю, с какой стати тебе, у которого, верно, много своих дел, я навязываю такую путаницу. Но ты всегда с молоду еще, когда выкупал меня из билиардных[3], удивлял меня соединением адуевщины[4] с самой несвойственной ей готовностью делать для других — для меня по крайней мере. Надеюсь, что и теперь также будет. Целую руку твоей жены. Соня кланяется ей. У нас слава богу. Степа[5] мне подробно рассказал про вас и ваших детей. Я рад, что вы приласкали его.

Письмо датируется на основании того, что оно служит ответом на письмо Ислявина от 20 декабря 1877 г.

[1] В письме от 20 декабря 1877 г. Ислявин писал, что Бистром согласен продать Толстому все 4 000 десятин за 40 000 руб. при уплате всей суммы наличными деньгами. Что же касается принадлежащих арендатору построек, то Толстой может приобретать или не приобретать их по своему желанию.

[2] *В подлиннике:* мной.

[3] По рассказам В. А. Ислявина, в бытность Толстого в молодости в Петербурге (это было в первой половине 1849 г.) он однажды зашел в биллиардную и проигрался там маркеру. Не имея при себе денег, он обещал маркеру занести их на следующий день, но маркер ему не поверил и задержал его до утра, пока его не выручил В. А. Ислявин, заплативший за него долг.

[4] Адуев — герой повести Гончарова «Обыкновенная история», тип самодовольного и преуспевающего эгоиста дельца.

[5] Степан Андреевич Берс (1855—1910) — брат С. А. Толстой. Воспитывался в Училище правоведения; служил судебным следователем. Автор книги: «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом», Смоленск, 1894.

6

ТЕЛЕГРАММА

1877 г. Декабря 29. Москва.

Отправив письмо решил короче согласен на предложенье только другую половину денег при купчей марте Толстой.

Адрес:

ПБГ Офицерская 3. Ислявин.

Телеграмма, как это значится на телеграфном бланке, была отправлена из Москвы в 10 час. 16 мин. дня 29 декабря 1877 г. По содержанию она отменяла посланное ранее письмо (см. предыдущий № 5).

7

1878 г. Января 5. Я. П

Сейчас получил твое письмо[1], дорогой друг Владимир, и чувствую, как моя благодарность и сконфуженность относительно тебя все ростет и ростет. Но теперь это последний раз. Надо будет, как ты иронически выражаешься, побеспокоить свое дворянское тело с тем, чтобы самому делать свои дела и увидать всех друзей, из коих первый еси ты. Последняя же моя просьба вот в чем.

Соображение твое совершенно верно, все дело в постройках. В контракте Тимрота с Бистромом стоит условие, что Бистром обязан принять постройки в цену, которую назначит Тимрот. Он, Тимрот, великий либерал и двигатель и оценил постройки гнилушки, как я слышал, в 9 000 и тем похерил свой долг. Жалко разочаровывать Бистрома, но это, кажется, неизбежно; я знаю, что мужики, желавшие купить хутор, смеялись только, когда им говорили, что строение стоит 9 000. Что нибудь строение это стоит, но сколько — я узнаю только, когда мой поверенный сделает оценку на месте. Я просил его сделать оценку с понятыми, но, разумеется, стен из землебитного кирпича, которые стоят от 5 до 7 лет, я не могу принять ни в какую цену, тем более, что место хутору находится на самом дальнем конце от моей земли и на краю Бистромской, и там построй-

ки мне почти не нужны. И то оценить и покупать я буду только деревянные постройки, а не мельницы и обдирки паровые, которые все собраны из старья и которые удобно могут быть проданы по вольной цене. Все это я пишу к тому, что если бы тебе случилось видеться с Бистромом, то хорошо бы было приготовить его к тому, что за постройки вместо просимых 9 000, вероятно, мне придется предложить никак не более 3-х (за исключением машин).

Другой же пункт, который бы очень желательно было разъяснить, это 300 дес[ятин], отданные в аренду. Кто получает за них деньги? Если не я, то это для меня большая невыгода, так как в Самаре ведется залежное хозяйство, и 300 дес[ятин] есть то самое количество, кот[орое] ежегодно по утвержденному обороту засевалось в этом участке.

«Экая жила стал!» скажешь ты про меня, и кажется, что ты будешь прав. Итак, der langen Rede kurzer Sinn * следующий:

1) Постройки я желаю купить только деревянные, по той цене, кот[орую] они стоят на своз (в Самарской губернии цена эта очень определенна), машины же мне не нужны, а могут быть вывезены и проданы.

2) Деньги за наем 300 дес[ятин] или я должен получить или они должны быть вычтены из суммы покупки.

Если будет случай, передай это ему и мне черкни словечко. — Ах, как бы мне весело было обедать у тебя и рассмотреть и разобрать твоих детей. Что-то похоже, что это сбудется.

Твой Толстой.

Поверенный мой нынче, 5-го, едет в Самару, и я надеюсь через неделю получить от него ответ на основании которого я уже буду в состоянии сделать определенное предложение насчет построек.

[1] Письмо Ислявина, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

8

1878 г. Января 20—23? Я. П.

Твое терпение неистощимо, дорогой друг Владимир. Это я вижу и из твоего письма [1] и из дипломатической ноты Степы [2], которого я просил разведать тонко, тяготишься ли ты моими поручениями: он сообщил мне, что ты весело улыбаешься, читая мое письмо. Значит «all right» **, и моя назойливость продолжает искушать твое долготерпение.

Я получил сведения от своего поверенного:

1) За постройки, он пишет мне, можно давать от 3 500 до 4 000, и я это делаю.

2) Он пишет, что земля, отданная в аренду, стоит около 3 000.

Из этих двух пунктов я вывожу, что желательно бы предложить 1 000 рублей сверх 40 000 с тем, чтобы приобрести постройки и зачесть аренду.

Но 3) Он пишет, что мужики, соседи Бистрома, поехали в Петербург с намерением предложить Бистрому по 11 р[ублей] за десят[ину] и 4 000 за постройки с рассрочкою на 3 года. — А потому желательно бы не упустить этой покупки, и можно прибавить еще 1 000 р[ублей], т. е. всего 42 000, но прельщая все время Бистрома, что он получит деньги rubis sur ongle *** (это выражение потому и употребляю, что оно не имеет никакого смысла).

---

* [Короткий смысл длинной речи]
** [все благополучно]
*** [до последней копейки]

Нет, без шуток, дело в том, что поездка мужиков конкурентов в П[етер]б[ур]г смутила меня, и я боюсь упустить покупку и боюсь передать[3]; и прошу тебя главнее всего связать Бистрома словом и покончить вопрос построек. Мужики, по сведениям моего поверенного, намерены дать 44 т[ысячи] + 4 = 48 т[ысяч], за вычетом аренды 3 т[ысяч] = 45, но в рассрочку на 3 года, я же даю 41 или даже 42 чистыми деньгами. — Я думаю, что выгоды равны. —

Итак, жду с нетерпением твоего ответа.

Я всю зиму хворал. Вчера только встал с постели, в которой лежал без еды три дня; но всетаки надеюсь к 27-му быть в Москве, чтобы увидеться с тобой.

Твой от всей души

Л. Толстой.

Датируется на основании сопоставления упоминания о болезни со следующим местом из письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 23 января 1878 г.: «Левочка болен недели две, зубы ужасно болят и три дня он лежал в жару, не ел, не пил, не спал. Теперь зубы болят, но самому лучше». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

[1] Это письмо В. А. Ислявина неизвестно.

[2] 10 января 1878 г. С. А. Берс писал Толстому: «Нынче был у дяди Володи и передал ему, что ты просил передать. Насколько мне кажется, твои поручения его нисколько не стесняют; я заметил это, когда он мне читал твое письмо, он все смеялся и видно, что с удовольствием для тебя это делает; при том в его машине служебной жизни поручение твое составляет самое незначительное прибавление к его деятельности». (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[3] «Передать» — здесь в смысле: заплатить лишнее.

9

1878 г. Февраля первые числа. Я. П. о

Дорогой друг Владимир Александрович!

Я совсем уж собрался ехать в Москву, но, получив твое письмо[1], решил отложить до 10-го с тем, чтобы увидаться с тобой. Я поеду, если бог позволит, 8[-го] и буду там 10-го.

Если бы ты мог увидаться с генералом[2] Бистромом перед отъездом, было бы очень хорошо. Дело в том, что 1) как мне пишет мой поверенной, Тимрот ведет свои особенные счеты с г-м[3] Бистромом— он за отданную землю считает не 3 000, а 2 100, из коих считает справедливым возвратить только 1 000 за половину года.

Поэтому я с Тимротом не желаю иметь дела и не желаю считать 2 100 за отданную землю, а считаю 3 000 — ту самую сумму, которую Тимрот платил за годовую аренду, т. е. 3 000 *за право распахивать 300 десятин в год*. При залежном хозяйстве определено количество ежегодной распашки, и это количество есть 300 и распахано; поэтому этот будущий год я не могу пахать более, à moins чтобы пахать *лишнее*. Это аргумент важный и вполне справедливый. В сущности же мой *ультиматум* есть 42 000 и половина расходов по купчей. —

Теперь не ультиматум, а желание — потому что противное ты уже включил в свою пропозицию[4] это то, чтобы другую половину денег в банк не вносить, а заплатить при совершении купчей, месяца через полтора — два. Мне важно это потому, что я могу удобнее занять или приобрести деньги.

Теперь, если бы было со стороны Бистрома предложение отсрочить платеж по закладной или как иначе, то предложение это не отвергать, а <предоставить мне> даже слегка солиситировать[5]. Это стоит контрапропозиции[6].

Ну, теперь уже последнее просительское письмо. Теперь предстоит благодарственное, а главное—радостное свиданье.

Твой Л. Толстой.

Письмо датируется, на основании слов: «Я поеду, если бог позволит, 8-го». Толстой поехал в Москву 8 февраля 1878 г.

[1] Письмо Ислявина, о котором упоминает Толстой, неизвестно.
[2] Слово «генералом» вписано рукой Ислявина.
[3] Слово «г-м» вписано рукой Ислявина.
[4] «Пропозиция» — от французского proposition — предложение. Это слово встречается и в «Войне и мире»: «Князь от имени своего воспитанника... сына тебе делает пропозицию» (т. I, ч. III, гл. V).
[5] «Солиситировать» — от французского solliciter — возбуждать. «... То, что делала эта девушка, вызывало, солицитировало, так сказать, проявление медиумической энергии», говорит профессор в «Плодах просвещения» (действие III, явление 22).
[6] Обратное предложение.

10

1878 г. Февраля конец. Я. П.

Благодеяния твои, дорогой друг Владимир, вместо того, чтобы со временем уменьшаться, только — увеличиваются. — Список дел[1] me fait venir l'eau à la bouche *. То, что пишешь о Родриге[2], тоже прекрасно. Я надеюсь выговорить себе с ним на словах некоторые пункты и потому не писал ему, хотя ты и советовал. Письмо с изъявлением согласия связало бы меня. Надеюсь, что не беда, что я не писал. —

Если ничто не задержит, то в начале 2-й недели[3] буду у тебя и если тебе не стыдно будет со мной ходить по Невскому, то пройдемся; и ты наденешь шляпу слегка на бекрень.

Всей душою любящий
Л. Толстой.

Письмо датируется на основании слов о предполагаемой поездке в Петербург «в начале второй недели» поста. См. прим. 3.

[1] «Список дел» — очевидно о переселенцах, нужных Толстому, как материал для его романа из эпохи декабристов. Список этот неизвестен.
[2] Барон Р. Г. Бистром.
[3] Вторая неделя «великого поста» в 1878 г. начиналась 6 марта. Толстой выехал из Ясной Поляны в Москву и Петербург 4 марта. В Петербург Толстой приехал, действительно, 6 марта.

11

1878 г. Марта 14 и 28. Я. П.

Отсылаю, милый друг Владимир, дела (5), которые я брал с собою[1]. Не могу тебе достаточно выразить мою благодарность и за все твои хлопоты по моим делам с Бисмарком[2], увенчавшимся успехом, и помощью и указанием драгоценнейших материалов, и, главное, за твою прочную дружбу, которую я особенно, как будто что-то новое приятное, почувствовал в мою бытность в Петербурге.—

Я просил Петю[3] с тем, чтобы тебя не утруждать, отобрать мне сколько можно еще взять дел о переселениях 20-х годов в Оренбургские и Сибирские края и прислать и об этом прошу тебя.—

В Самару, как оказывается, мы едем[4], и если вы не боитесь и верите нам и сам Левочка[5] не боится нас и ему нужен кумыс, то мы ждем его с распростертыми объятиями[6].

Что Миши[7] экзамены и здоровье остальных?

---

* [у меня от него слюнки текут].

Дедушке[8] мой душевный привет. Мы всетаки надеемся до Июня или после Июня увидать его в Ясной.

Письмо это, посланное тотчас по возвращении моем из Петербурга, как ты знаешь, попало к Семевскому[10]. Извини меня пожалуйста за рассеянность и за то, что посылаю тебе тоже письмо.

Твой Л. Толстой.

28 Марта.

Полученное тобой письмо, начинающееся: М. Г. Михаил Иванович пожалуйста перешли: Подъяческая № 7. Мих. Ив. Семевскому.

Письмо написано по возвращении Толстого из Петербурга в Ясную Поляну. Он вернулся 12 марта 1878 г., совершив покупку земли у бар. Бистрома.

Первая часть письма, кончая, вероятно, вырезанными строками, была написана 14 марта 1878 г. Но Толстой по ошибке отправил это письмо не Ославину, а редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому, а письмо Семевскому направил к Ославину. Семевский вернул Толстому обратно ошибочно попавшее к нему письмо, и Толстой, получивши его, сделал в нем 28 марта приписку и отправил Ославину. Датируем первую часть письма 14 марта 1878 г. на основании того, что в этот день было написано Толстым письмо Семевскому, ошибочно направленное им Ославину.

[1] Толстой брал у Ославина дела по переселению.

[2] Под «Бисмарком» нужно, очевидно, разуметь бар. Бистрома.

[3] Петр Андреевич Берс.

[4] Летом 1878 г. Толстой со всей семьей уехал на кумыс в свое самарское имение.

[5] Лев Владимирович Ославин (р. 1866 г.) — сын В. А. Ославина, впоследствии генеральный консул в Вене, затем посланник в Цетинье. Издал в Лондоне в 1929 г. письма Толстого к А. А. Толстой в английском переводе.

[6] Далее в подлиннике вырезан кусок текста в 4—5 строк.

[7] Михаил Владимирович Ославин (р. 1864 г.) — сын В. А. Ославина, впоследствии новгородский губернатор.

[8] Александр Михайлович Исленьев (1794 — 1882) — отец В. А. Ославина. «Незаконные» дети А. М. Исленьева от графини Софьи Петровны Козловской носили фамилию Ославиных. «Дедушкой» А. М. Исленьев приходился Софье Андреевне Толстой.

[9] «До июня» или «после июня» Толстой приглашал к себе А. М. Исленьева ввиду предстоявшего ему в июне отъезда с семьей в самарское имение. Толстой с двумя сыновьями выехал в Самару 12 июня. С. А. Толстая с другими детьми приехала на хутор около 25 июня.

[10] Отправка по рассеянности своих писем не по адресу случалась с Толстым и раньше. Так, в марте 1876 г. он ошибочно отправил А. А. Толстой свое письмо к С. С. Урусову, и обратно.

[11] Ославин отвечал Толстому 13 апреля 1878 г. Он сообщал, что 12 апреля Степан Андреевич Берс взял у него для пересылки Толстому десять дел о переселенцах за время с 1809 по 1825 г.

12

1879 г. Сентября 4—5? Я. П.

Письмо твое очень обрадовало меня, милый друг; лошади будут высланы за тобой к тому поезду, который ты назначишь, в Тулу или в Козловку (в Тулу если с курьерским, в Козловку если с другими). Я не отвечал тебе тотчас потому, что был в отъезде.

Еще меня радует то, что пишешь: «мы приедем». Если ты не от сознания своих важных чинов только пишешь «мы», то это значит, что ты с кем-нибудь из семейных. Этому-то мы рады, — лошадей я вышлю к курьерск[ому] поезду 11-го. Но если тебе неудобно, то телеграфируй в Козловку. Итак, до свидания, передай наш привет твоим и приезжай, да подольше пробудь, да привези побольше своих.

Твой Л. Толстой.

Датируется на основании почтового штемпеля на конверте (адрес написан рукою С. А. Толстой): «Ясенковская п. с. 5 сент. 1879».

ПИСЬМО К Л. А. БЕРС

1878 г. Марта 14? Я. П.

Пишу и с тем, чтобы хоть немного выразить вам ту благодарность и то приятное чувство, которые возбудили во мне ваш прием [1], и тоже, чтобы передать кое что Пете [2]. Именно: дела [3] я, взятые с собой, пересмотрел и на днях возвращу. Из этих дел особенно замечательны и мне интересны дела о перечислениях из Русских губерний в Оренбургскую и Сибирские. И такого рода дела от 15 до 25 годов я очень прошу отбирать и мне присылать. —

Место, о котором я хлопотал для Маликова [4], теперь ему не нужно, и потому, когда оно освободится и мне предложат, я узнаю подробнее — где и сколько жалованья и вам напишу.

В Москве я послал записку Соловьеву [5], чтобы он выслал вам на 1 000 р. Вост[очного] займа. Пожалуйста известите недели через две, получили ли или нет.

Целую Степу [6] и Славочку [7] и очень благодарен им за их мне помощь [8]. Дай бог, чтобы только экзамены Степы не пострадали от этого [9].

На обороте л. 2 рукою Л. А. Берс:

Милый Петя.

Сейчас получила я это письмо от Толстого, посылаю тебе его прочесть. Сохрани его у себя до нашего свидания.

Л. Берс.

Адресат письма — теща Толстого Любовь Александровна Берс, рожд. Исла́вина (1826 — 1886).

Письмо датируется предположительно тем же числом, в которое было написано Толстым очень близкое к данному письму по содержанию письмо к В. А. Исла́вину (см. стр. 57)

[1] Будучи в Петербурге 6 — 10 марта 1878 г., Толстой останавливался у Л. А. Берс.

[2] Петр Андреевич Берс, брат С. А. Толстой.

[3] Имеются в виду дела о крестьянах переселенцах, которые были нужны Толстому, как материал для романа из эпохи декабристов, которым он был тогда занят. См. выше, письма к В. А. Исла́вину, №№ 10 и 11, стр. 57.

[4] Александр Калитонович Маликов (1839—1904), окончив Московский университет, служил судебным следователем. В 1866 г. был арестован по делу Каракозова и сослан сначала в Холмогоры, а затем в Орел. Пропагандировал свое особое религиозное учение о «богочеловечестве», близкое к позднейшим взглядам Толстого. В 1875 г. эмигрировал в Америку, где жил в общине в Канзасе вместе с Н. В. Чайковским, В. И. Алексеевым, В. Ф. Орловым, Н. Бруевичем и др. В 1877 г. вернулся в Россию. Толстой познакомился с Маликовым через В. И. Алексеева, бывшего учителем детей Толстого. Впоследствии Маликов отошел

к православию; средства к существованию зарабатывал службой на железной дороге. Ему принадлежит очерк «На задворках фабрики» («Русское Богатство», 1898 г.). О Маликове писали: Пругавин А. С., Лев Толстой и «богочеловеки» — в его книге «О Льве Толстом и толстовцах», М., 1911; Фаресов А. И., Один из семидесятников — «Вестник Европы», 1904, № 9; Короленко В. Г., История моего современника; Фроленко М., Из далекого прошлого — «Минувшие Годы», 1908, № 7 и др.

[5] Иван Григорьевич Соловьев, московский книгопродавец, комиссионер Толстого.

[6] Степан Андреевич Берс, брат С. А. Толстой.

[7] Вячеслав Андреевич Берс (1861—1907) — младший брат С. А. Толстой, впоследствии инженер путей сообщения, один из строителей сибирской магистрали и Троицкого моста в Петербурге.

[8] Помощь С. А. и В. А. Берсов Толстому заключалась в подборе материалов, нужных ему для начатого им романа из эпохи декабристов.

[9] Нижняя часть второго листа письма, включавшая и подпись автора, срезана.

ПИСЬМО К А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Милостивый Государь
Андрей Николаевич!

П. И. Бартенев говорил мне, что вы были так добры предложить ему для меня дневник девушки 20-х годов, который находится у вас. Очень вам благодарен за то хорошее мнение, которое вы имеете обо мне, делая такое для меня более чем приятное предложение; и очень прошу вас прислать мне эти бумаги.

По дружеским отношениям моим с высокоуважаемым вашим братом, я считаю себя не совсем чужим вам и потому прошу принять искреннее [уверение] в моем уважении и благодарность за ваше одолжение.

Гр. Л. Толстой.

14 Марта.

Адрес:
Л. Н. Толстому. Тула.

Андрей Николаевич Островский (р. 6 января 1845 г., ум. 3 февраля 1906 г.)— младший брат драматурга. Окончив курс юридического факультета Московского университета, занимался адвокатурой, потом был мировым судьей в Чистопольском уезде, а с 1891 г. был там же земским начальником. В 1896 г. перешел на службу в Крестьянский и Дворянский банк сначала в Казани, затем в Саратове. В 1904 г. был назначен членом совета центрального управления банка.

1878 г. был для Толстого временем усиленной работы над романом из эпохи декабристов. 4 марта он поехал в Москву, где виделся с декабристами П. Н. Свистуновым и А. П. Беляевым, а также с издателем «Русского Архива» П. И. Бартеневым. 5 марта он уехал в Петербург, где осматривал Петропавловскую крепость, в которой были заключены декабристы, виделся с редактором «Русской Старины» М. И. Семевским, Н. Н. Страховым, А. А. Толстой и другими лицами. Вернувшись 12 марта в Ясную Поляну, Толстой, как писал он Н. Н. Страхову 14 марта, «весь ушел в свою работу», чувствуя «приливы радости и восторга». 14 марта он пишет целый ряд писем разным лицам в связи с своим романом: Н. Н. Страхову, А. А. Толстой, П. Н. Свистунову, В. А. Исславину. В числе этих писем было и публикуемое письмо к А. Н. Островскому. Местонахождение подлинника этого письма неизвестно; в Литературном музее имеется копия с него, полученная от наследников А. Н. Островского.

Ответного письма Островского в архиве Толстого не обнаружено.

ПИСЬМО К Д. Д. ОБОЛЕНСКОМУ

1860—1870 гг. Я. П.

Благодарю, любезный князь, за присылку пальто. Или вам очень некогда, что вы сами не заехали, или вы сомневались, дома ли мы? Желаю очень, чтобы было последнее и чтобы вы приехали к нам. Мы давно уж не видались. — У меня остался патронташ Самарина, не знаю, как переслать ему.

Ваш Л. Толстой.

Князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (р. 1844 г.), помещик Богородицкого уезда, Тульской губ., был сын кн. Дмитрия Николаевича Оболенского (1820—1844), женатого на Елизавете Ивановне, рожденной Бибиковой (1821—1902) Е. И. Оболенская, по второму мужу баронесса Менгден, составляла предмет непродолжительного увлечения Толстого в первые месяцы 1857 г.

Д. Д. Оболенский был коротким знакомым Толстого; в 50—70-х годах им приходилось неоднократно встречаться на охоте. Оболенский нередко бывал и в Ясной Поляне. Можно думать, что Толстой, в 70-е годы почти безвыездно живший в своем имении, именно из рассказов Д. Д. Оболенского почерпал сведения о жизни высшего общества, нужные ему для романа «Анна Каренина». Оболенский сам рассказывает, что изображение скачек в «Анне Карениной» написано на основании его сообщения о подробностях и обстановке красносельской скачки. (Оболенский Д. Д., Отрывки — «Международный Толстовский альманах», составленный П. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1909, стр. 244).

Он же познакомил Толстого с редстокистом, министром путей сообщения графом А. П. Бобринским, что также дало Толстому материал для тех страниц «Анны Карениной», где рассказывается об обращении Каренина к вере.

Личная жизнь Д. Д. Оболенского была полна несчастий. Будучи очень богатым человеком, он в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. занялся поставкой сухарей на армию и, как совершенно неделовой человек, разорился на этом деле, был отдан под суд, но оправдан. Незадолго до суда над ним Толстой в январе 1883 г. писал о нем Суворину, прося Суворина в своей газете «Новое Время» «хорошим, добрым словом» помочь Оболенскому «в общественном мнении» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 63, ГИХЛ, 1933, стр. 454). Один из сыновей Д. Д. Оболенского покончил с собой; одна из дочерей утонула в реке, перезжая на лошадях в полую воду и спасая своего мужа; другая дочь умерла от ожогов, полученных ею на бале от воспламенившегося на ней легкого кисейного платья. Толстой говорил, что судьба Оболенского, перенесшего столько несчастий, подобна судьбе героя библейской легенды Иова.

В последние годы жизни Толстого Оболенский нередко приезжал в Ясную Поляну, чтобы потом написать фельетоны в «Русское Слово», что давало ему некоторый заработок.

Толстой всегда хорошо относился к Д. Д. Оболенскому и называл его «Миташей». Этим именем («Миташа») назван один неоконченный рассказ Толстого, начатый им в 1886 г.

Публикуемое нами письмо не имеет ни даты, ни имени адресата. Относим его к Д. Д. Оболенскому, так как никакого другого «князя», с которым бы он вместе охотился, среди знакомых Толстого не было. Датируем письмо широкой датой «1860—1870-е годы» на основании упоминания о Самарине, так как сношения Толстого с Петром Федоровичем Самариным (1830—1901) относятся именно к 60—70-м годам.

ПИСЬМО К Н. В. ЧАЙКОВСКОМУ

1881 г. Июля 12. Я. П.

Сейчас написал Юрьеву. Пожалуйста не сетуйте на него: то, что составляет его достоинство — драгоценное свойство: необдуманная, всем открытая готовность служить — другой стороной выражается забывчивостью и неряшливостью. Пожалуйста пишите мне, если я могу быть вам в чем полезным. —

Вас[илий] Ив[анович] на днях приезжал к нам на денек. А завтра я еду к нему. Ему хорошо, и надеюсь, что ему всегда и везде будет хорошо; чего от всей души желаю вам, потому что я по Вас[илию] Ив[ановичу] знаю и люблю вас.

Л. Толстой.

На конверте:

Лондон. Г-ну Васильеву. London 2, Oakley Villas.
Rectry Bd. . . rnsey[1] N. Mr. Wassilieff.

Осенью 1877 г. в яснополянском доме поселился в качестве гувернера С. Л. Толстого Василий Иванович Алексеев, близкий друг известного в то время политического деятеля Николая Васильевича Чайковского (1850—1926), основателя кружка «чайковцев». Осенью 1875 г. Алексеев вместе с Чайковским и другими единомышленниками эмигрировал в Америку, где в штате Канзас они основали земледельческую общину на коммунистических началах, просуществовавшую до 1877 г., после чего Алексеев вернулся в Россию. У Толстых пробыл до 2 июня 1881 г.

Как это видно из публикуемого письма, Толстой много слышал о Чайковском от Алексеева, хотя лично и не знал его.

Письмо Чайковского, на которое отвечает Толстой, в архиве Толстого не сохранилось. Равным образом неизвестно и письмо Толстого к редактору «Русской Мысли» С. А. Юрьеву. Однако, по сохранившемуся письму Юрьева к Толстому от 9 декабря 1880 г. видно, что в данном письме речь идет о сделанном Чайковским переводе статьи A. M. Sullivan «The New Ireland», который Юрьев обещал напечатать в своем журнале. В том же письме Юрьев просил Толстого быть посредником между ним и Чайковским и сообщить ему точный адрес Чайковского. Повидимому, была какая-то дальнейшая, нам неизвестная переписка по этому вопросу между Толстым, Юрьевым и Чайковским. Перевод Чайковского под заглавием: «Новая Ирландия» А. М. Сулливана, без указания автора перевода, был напечатан в №№ 8—10 «Русской Мысли» за 1881 г.

Письмо датируется на основании слов: «Завтра я еду к нему» (т. е. к В. И. Алексееву). Толстой уехал из Ясной Поляны в свое самарское имение, где жил тогда В. И. Алексеев, 13 июля 1881 г.

Оригинал письма находится в архиве Н. В. Чайковского, хранящемся в Русском заграничном историческом архиве в Праге. Печатается по копии, сделанной заведующим Отделом документов этого архива.

[1] Так в копии.

ПИСЬМА К КН. Д. И. СВЯТОПОЛКУ-МИРСКОМУ

1884 г. был одним из самых тяжелых в семейной жизни Толстого. Семейный разлад, начавшийся с того самого времени, как им были восприняты новые взгляды на жизнь — приблизительно с 1880 г., в 1884 г. достиг наивысшего напряжения. В то время как Толстой пришел к отрицанию всего уклада жизни привилегированных классов чрезвычайно мучительно переживал те условия роскоши, которые его окружали, его жена и старшая дочь были поглощены выездами в светское общество и своими успехами в нем. Старший сын учился в университете, готовясь, по мнению Толстого, сесть на шею трудового народа. Толстой чувствовал свое полное отчуждение от семьи и очень страдал от сознания своего душевного одиночества. Весь его дневник этого года говорит о невыносимых душевных страданиях от семейного разлада.

Так, 4 апреля 1884 г. он записывает: «Очень тяжело в семье. Тяжело, что не могу сочувствовать им. Все их радости — экзамены, успехи света, музыка, обстановка, покупки — все это я считаю несчастьем и злом для них, и не могу этого сказать им. Я могу, я и говорю, но мои слова не захватывают никого... В слабые минуты — теперь такая — я удивляюсь их безжалостности. Как они не видят, что я не то что страдаю, а лишен жизни вот уже три года». На другой день, 5 апреля, он опять записывает: «Та же грусть. Теперь особенно — при виде всех дома... Все тяжелее. Слепота их удивительна... Жду выхода».

В этом состоянии полнейшего духовного одиночества среди самых близких ему по крови людей Толстой чрезвычайно дорожил теми проявлениями сочувствия и единомыслия, которые он находил среди чужих, посторонних ему людей. В этих выражениях сочувствия он находил для себя утешение и подкрепление. Того же 5 апреля он записывает в дневнике: «Письмо от Мирского и стихи. Поразительно. Он христианин. Стихи прекрасны по содержанию и 13-летнего мальчика по форме». Запись касается полученного Толстым письма от генерала Д. И. Святополка-Мирского.

Князь Дмитрий Иванович Святополк-Мирский (1825—1899) начал военную службу в 1841 г. на Кавказе. Во время Восточной войны 1853—1856 гг. состоял адъютантом главнокомандующего отдельным кавказским корпусом, а затем, командовал Черниговским полком, позднее был начальником Терской области, кутаисским генерал-губернатором и помощником наместника Кавказа. В 1880 г. был назначен членом Государственного совета. В 1882 г. исполнял обязанности командующего войсками Харьковского военного округа и временного харьковского генерал-губернатора. Сын Д. И. Святополк-Мирского Петр Дмитриевич (1857—1914), в 1904—1905 гг. был министром внутренних дел.

В письме от 3 марта 1884 г. Святополк-Мирский писал, что он имел случай прочитать часть толкования евангелия Толстого и узнал из газет о его отказе участвовать в суде присяжных по религиозным убеждениям (это было в 1883 г.). О себе он сообщил, что уже два года он отказался «от деятельной государственной службы» вследствие «сознания шаткости» своих убеждений и по-

селился в деревне. Он высказывал сочувствие стремлениям Толстого, «столь редким в наше время и в особенности в нашей жалкой культурной среде». «В этом океане пошлости, — писал он, — вы мне представляетесь желанным островом, к которому можно причалить». Далее он выражал свое убеждение в том, что «степень счастья человека находится в прямой зависимости от степени его следования учению Христа». Напоминал об их встречах в Крыму в 1855 г. и о «горячих спорах» в ауле Фацала; прилагал к письму свое стихотворение религиозного содержания.

Письмо это подало Толстому надежду увидеть в его авторе близкого себе духовно человека. Как писал Толстой в своем ответном письме, его встречи в молодости с Святополком-Мирским оставили в нем впечатление «человека умного, простого... и должно быть доброго», но дальнейшая его деятельность, о которой Толстой слышал, отчуждала от него Толстого, «и вдруг, — пишет Лев Николаевич, — ваше письмо, показавшее мне, что мы близки с вами гораздо больше, чем с многими людьми, с которыми я прожил жизнь». Последние слова заключали совершенно определенный намек на жену.

Но, как и можно было ожидать, как это было с Толстым во многих других случаях, его надежда встретить себе единомышленника в одном из тех людей, которые письменно выражали сочувствие его взглядам, оказалась совершенно тщетной. 12 апреля он получил второе письмо от Святополка-Мирского, которое, как записал он на другой день в дневнике, показалось ему «хуже» первого. В этом письме от 10 апреля 1884 г., отвечая на первое письмо к нему Толстого, Святополк-Мирский высказывал опасение, не произвело ли его письмо на Толстого «впечатления более выгодного», чем он того заслуживал, и признавал, что у него не имеется «присутствия веры даже в зародыше».

Толстой долго не отвечал на второе письмо Святополка-Мирского и ответил лишь 2 мая более коротким письмом. Ответа Святополка-Мирского на это второе письмо Льва Николаевича в архиве Толстого не имеется. Переписка, повидимому, прекратилась.

Святополк-Мирский приходил к Толстому в его московский дом около 7 декабря 1884 г., но не застал его, так как он был в то время в Ясной Поляне. Об этом писала Толстому 7 декабря его жена, и он 9 декабря отвечал ей: «Очень жалею, что не видел Мирского» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 240).

Местонахождение подлинников писем Толстого к Д. И. Святополку-Мирскому неизвестно. В Литературном музее имеются лишь копии с них — не вполне точные и с пропуском неразобранных переписчиком слов. В прямых скобках даем предположительное чтение некоторых из этих пропусков.

1

1884 г. Апреля 6. Москва.

Дмитрий Иванович!

Вы пишете: «Какие бы ни были мои колебания, я всегда ясно сознаю и еще яснее чувствую, что степень счастья человека находится всегда в прямой зависимости от степени его следования учению Христа, что в этом заключается истина, практически разрешающая загадку нашей жизни, и что человечество может действительно совершенствоваться лишь в мере того, насколько оно будет убеждаться в этой истине». Из вашего письма и стихотворения я вижу, что это — ваше искреннее убеждение; так не говорите же о шаткости ваших убеждений, не говорите (хотя вы и прибавляете «для полной правды»), что вам лишь с трудом верится в возможность существования каких (?) [1] бы то ни было неизменных убеждений в смысле ясной веры или познания разумной истины. Эта ясная вера и познание истины есть в вас самих. Вам кажется шаткою и маленькою ваша вера,

или сознание истины (что есть одно и тоже), также как кажется и есть колеблющимся дубок, выросший наравне с травой, но то трава, а дуб—дуб, — и он[2]... и надо знать, что это дуб, что не [сломишь?] его. Письмо ваше очень поразило и порадовало меня. Из наших давнишних встреч у меня осталось впечатление о человеке, умном, простом[2] . . . . и должно быть добром. Потом ваша деятельность, о которой я слышал, отчуждала меня от вас, и вдруг ваше письмо, показавшее мне, что мы близки с вами гораздо больше, чем с многими людьми, с которыми я прожил жизнь.

Стихотворение ваше поразило меня: оно полно содержания поэтически-философского или религиозного и прекрасного (на мой вкус) поэтому содержания, — но оно невозможно по своей форме: нет размера, не соблюдены правила стихосложения, нет даже чувства красоты языка. Вам нельзя и не нужно писать стихами. — Пожалуйста, если поднимется у вас на меня дурное чувство за эти слова и за весь тон моего письма, подавите его в себе во имя того, что правдивость моя вытекает из уважения к вам и любви, которую чувствую к вам после вашего письма. Я вчера только получил ваше письмо в Москве, а оно получено было в деревне.

Если напишете мне вскоре, то адрес мой в Москве — Хамовники, свой дом.

Тоже не сердитесь, что не употребляю слов — Князь и др. Это происходит не от неуважения, а от уважения к человеку.

Лев Толстой.

Письмо датируется на основании приведенной в вводной заметке записи дневника Толстого от 5 апреля 1884 г. и слов письма: «Я вчера только получил ваше письмо»...

[1] Знак вопроса в копии.
[2] Многоточия в копии.

2

1884 г. Мая 2. Москва.

Последнее письмо ваше, Дмитрий Иванович, я получил, когда я был болен, и от этого ли, или от его содержания, но мне стало трудно, и от этого я долго не отвечал.

Не верю и не могу верить тому, чтобы то, что вы выразили в письме первом вашем, было плодом случайного настроения. Повторяю то же: если не верите, что это единая истина, то приглядитесь ко всему другому, что вам так долго представлялось, что и теперь представляется чем-то реальным, и вы увидите, что все это разрушится и в ничто обратится только от того, что вы серьезно поставите всему вопрос: что ты такое? И останется одно, что вы знаете и чему не[1] . . . . . цену.

Очень желаю сообщить вам то, что я думал и выразил об этом в моих писаниях, [которые] не продаю[тся] оффициально, но которые очень [легко?] иметь. Мне кажется, что они вам будут интересны.

Пожалуйста, если поедете мимо, заезжайте ко мне до 10 Мая, а потом в деревню Ясная Поляна, из Тулы 14 верст. Или, если вы телеграфируете в Козлову Засеку, то я вышлю за вами за 3 версты. Не могу верить вашему неверию. Я знаю причины этого недоразумения и надеюсь, что вы сами найдете их.

Ваш Л. Толстой.

Письмо датируется на основании записи дневника Толстого от 2 мая 1884 г.: «Написал письма... Мирскому».

[1] Многоточия в копии.

ПИСЬМО К А. А. СТАХОВИЧУ

1887 г. Январь после 23. Москва.

[Спасибо вам], дорогой Александр [Александрович], за ваши [хлопоты о драме]. Сейчас получил [*пропуск*] ее. Меня очень ра[дует т]о участие, к[оторое] вы прини[мае]те в деле пьесы, но к результатам совершенно, совершенно равнодушен. Что ни выйдет, все о т л и ч н о. Я это не говорю только, но чувствую. Очень благодарю вас за то, что вы обещали и, вероятно, прочли уже Дьякову [1]. Это ему и его сестрам милым [2] будет большая радость [3]. А это мои старые хорошие друзья. А. А. Толстая [4] прелестнейшее существо. Если напишете мне, то расскажите про нее. Очень уже чужда ей среда [5]. Вы помолодели, смотрите, как бы мне не досталось за это от Ольги Павловны [6], которой передайте мой душевн[ый привет] и извинен[ие за] произведенную мною тревогу. [*пропуск*]. Без шуток [*пропуск*] своей драме [*пропуск*] для меня, мало [*пропуск*] го мне человека [*пропуск*].

Дружески жму вам рук[у].

Ваш Л. Т.

Александр Александрович Стахович (1830 — 1913) — орловский помещик и коннозаводчик, шталмейстер, любитель драматического искусства и литературы и выдающийся чтец. С Толстым был знаком еще со второй половины 50-х годов

В октябре 1886 г. Стахович побывал в Ясной Поляне и читал вслух комедии Островского. После его чтения Толстой начал писать драму «Власть тьмы». Когда драма была написана, А. А. Стахович стал прочитывать драму у многих знакомых ему лиц из высшего петербургского общества, надеясь таким образом через посредство этих лиц оказать давление на цензуру. Об этих своих чтениях Стахович и писал С. А. Толстой 22 января 1887 г. Письмо Толстого является ответом на это письмо Стаховича, почему и датируем его временем от 23 января 1887 г. Оригинал письма поврежден: оторван большой кусок верхнего левого угла. В прямых скобках нами добавлены предположительно написанные на оторванном куске слова или части слов; в других случаях, где мы не решались восполнять недостающий текст, указаны пропуски.

[1] Дмитрий Алексеевич Дьяков. См. стр. 325.

[2] У Д. А. Дьякова была сестра Мария Алексеевна (1830—1889), по первому мужу Сухотина, по второму — Ладыженская, мать зятя Толстого М. С. Сухотина. М. А. Сухотина развелась с своим первым мужем, и этот развод послужил Толстому в некоторой степени материалом при писании «Анны Карениной». Другая сестра Д. А. Дьякова Александра Алексеевна (р. 27 ноября 1831 г., ум. 8 декабря 1890 г.) была замужем за князем Андреем Васильевичем Оболенским.

[3] В своем письме Стахович писал: «Читал по просьбе Дьякова у его сестры княгини Оболенской при ее сестре».

[4] Александра Андреевна Толстая (1817—1904) — двоюродная тетка Толстого, друг его молодости.

[5] В своем письме Стахович писал: «7-го я должен читать у графини Толстой в присутствии великих князей». А. А. Толстая была фрейлиной, ранее — воспитательницей дочерей Николая I, и жила во дворце.

[6] Ольга Павловна, рожд. Ушакова (1827—1902), жена А. А. Стаховича.

ПИСЬМА К Н. А. ПОЛУШИНУ

1

1887 г. Ноября 20. Москва.

Я не отвечал вам, Николай Абрамович, п[отому], ч[то] надеялся сам зайти, да нездоровится. Эта вторая вещица ваша мне не понравилась. Ненатуральна слишком большая жестокость с песней, и еще более ненатурален быстрый переворот. Чертков мне пишет, что ему нравится 1-я вещь, и он предлагает «30—50 р.» (это его слова) за право неограниченного числа экземпляров. Я не видал ни его ни Сытина[1] с тем, чтобы выговорить более выгодные для вас условия, и сделаю это, т. е. буду выговаривать более выгодные условия, при первом случае. Теперь пишу Черткову, чтобы он выслал вам 40 р. Не отчаивайтесь неудачей 2-й вещи. Мне кажется, что в вас есть данные для того, чтобы написать и лучше первой.

Ваш Л. Толстой.

17 октября 1887 г. живший в Москве Николай Абрамович Полушин послал на суд Толстого написанную им «вещицу для народного чтения». Повидимому, это были сцены из народной жизни под названием «Сермяжная мученица». Толстой одобрил написанное Полушиным и дал ему указания, как улучшить написанную им вещь. Перечитавши еще раз рукопись Полушина, Толстой сделал в ней ряд исправлений и сокращений, а в конце (лист 10) пометил: «Остальное все изменить, как говорили». 2 ноября Полушин писал Толстому, что он переработал сцены согласно указаниям Толстого; «просеяно хорошо», писал он. Получивши рукопись Полушина в исправленном виде, Толстой еще раз проредактировал ее и изменил заглавие «Сермяжная мученица» на «Что такое жена?» Обе рукописи Полушина с исправлениями Толстого хранятся в Литературном музее. В том же месяце он послал Толстому другую свою вещь, под названием «Мироед». Сам он притти к Толстому не мог: «все мои платья заложены, не в чем на улицу выйти», писал он 6 ноября. В следующем письме от 17 ноября Полушин справлялся о судьбе своей вещи, прибавляя: «Нужда страшная заела меня».

Не получая ответа от Толстого, он 20 ноября посылает к нему своего племянника, с которым Толстой и отправил ему публикуемое письмо. Письмо датируется на основании упоминания о письме к Черткову, которое было написано 20 ноября 1887 г.

«Мироед» напечатан не был; сохранилась ли рукопись, неизвестно.

[1] Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — крупный московский издатель, финансировавший основанное в 1884 г. в Москве Толстым и Чертковым книгоиздательство «Посредник». «Посредник» ставил своей задачей издание и распространение в народе дешевых книг, написаных в духе миросозерцания Толстого. Издательство существовало до 1934 г. В этом именно издательстве, которым заведывал тогда В. Г. Чертков, и должны были появиться написанные Полушиным сцены.

2

1889 г. Мая 16—17? Я. П.

Очень рад был получить от вас известие и вперед буду рад[1]. Книги получил. Будьте так добры, попросите И[вана] Д[митриеви-

ча][2] выслать мне: 30 Паскаля[3], 100 Азбук новых[4] по ½ к., Житие и избр[анные] мес[та] Макария[5] 40, Гусляр[6] 10 и Что так[ое] жена[7] 20. Будьте здоровы. Передайте поклон вашему семейству.

Л. Толстой.

Да попросите еще И[вана] Д[митриевича] поторопиться печатанием Эпиктета[8] и Как жив[ут] Кит[айцы]. Это такие прекрасные книги, что чем раньше они выйдут, тем лучше.

На обороте:

Москва. Воздвиженка д. Арманд.
Меблиров. комнаты № 9.
Николаю Абрамовичу
Полушину.

Письмо (открытка) датируется на основании почтового штемпеля получения: «Москва 18 мая 1889».

Толстой принимал деятельное участие в устройстве материального положения Полушина. В «Посреднике» были напечатаны следующие его сцены для народного театра: «Исай, эфиопский царь», «Омут», «Что такое жена», «Василиса Марковна, или Правда и в сарафане красна», «Разуваевские мужики у московской кумы». Кроме того, Толстой через знакомого ему, известного в то время эстрадного артиста В. Н. Андреева-Бурлака устроил публичное чтение комедий Полушина, за что Полушин получал определенный гонорар.

В 1889 г. Полушин, по рекомендации Толстого, был принят на службу в книжный склад Сытина. Впоследствии он в течение пятнадцати лет заведывал у Сытина отделом календарей.

В публикуемом письме Толстой просит Полушина прислать ему ряд изданий «Посредника».

[1] В письме от 6 мая 1889 г. Полушин извещал Толстого о последних изданиях «Посредника», посланных им Толстому, и просил разрешения раз в неделю посылать «докладец» о работе издательства.

[2] Иван Дмитриевич Сытин.

[3] «Французский ученый Влас Паскаль. Его жизнь и труды». Составлено А. И. Орловым. № 75, М., 1889.

[4] «Новая краткая азбука, самым легким и скорым способом обучающая чтению церковной и гражданской печати», М., 1887.

[5] «Житие и избранные места из творений преподобного Макария египетского». Составлено священником А. Аполловым. № 59, М., 1889.

[6] «Гусляр. Сборник стихов», СПБ., 1887.

[7] Полушин Н. А. Что такое жена. Комедия, М., 1888.

[8] «Римский мудрец Эпиктет. Его жизнь и учение». № 81, М., 1889. Вышедшая без имени автора книжка эта была составлена В. Г. Чертковым.

[9] «Как живут китайцы». Составлено по книге Симона, бывшего французского консула в Китае, М., 1889.

Полушин отвечал Толстому 21 мая 1889 г. «Письмецо ваше, — писал он, — обрадовало меня. Книги будут немедленно высланы вам».

ПИСЬМА К С. Т. СЕМЕНОВУ

Сергей Терентьевич Семенов (р. 16 марта 1868 г.) — крестьянский писатель, крестьянин деревни Андреевки, Волоколамского уезда, Московской губернии. Десяти лет был отдан в Москву в мальчики к сапожнику, потом работал на фабрике резиновых изделий, в литографии, тер краски у художника и пр. С 1887 г. жил в родной деревне, занимаясь земледелием и литературными работами.

С Толстым Семенов познакомился в 1886 г. в Москве. Толстой заботливо руководил его первыми шагами на литературном поприще; при содействии Толстого рассказы Семенова печатались в издательстве «Посредник». В 1894 г. Толстой написал предисловие к отдельному изданию «Крестьянских рассказов» Семенова, печатавшемуся в «Посреднике». Толстой ценил в рассказах Семенова их искренность, простоту, здоровый реализм, знание народного быта и народного языка. Пометы Толстого на сборнике рассказов Семенова «Дедушка Илья» (изд. «Посредник») напечатаны в «Сборнике Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, 1937.

Свои встречи и разговоры с Толстым Семенов описал в книге «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», изд. «Общественная польза», СПБ., 1912. Переписка Толстого с Семеновым была невелика и касалась преимущественно рассказов Семенова, а также некоторых сторон его личной и семейной жизни.

3 декабря 1922 г. Семенов трагически погиб: он был убит на дороге вблизи своей деревни одним из местных богатеев.

Печатаемые четыре письма Толстого к Семенову имеются в Литературном музее в копиях. Первое, третье и четвертое письма сверены с автографами, хранящимися в Рукописном отделении Толстовского музея в Москве. Второе письмо известно только в копии

1

1887 г. Сентября 14. Я. П.

Посылая вам все это, хочется сказать и от себя несколько слов. Не сетуйте на меня, милый друг, за то, что не ответил на ваше последнее письмо[1] и не исполнил вашего желания: я не могу этого сделать. У меня нет денег. Мне для моей жизни они не нужны, а когда ко мне обращаются с просьбами, я обращаюсь к жене, и когда это небольшая сумма, она дает эти деньги. Но 100 рублей она не даст незнакомому ей человеку, и я не спрашивал. По правде сказать, я и не жалею, что не могу удовлетворить вашему желанию. Я убежден и разумом и опытом, что деньги никогда не могут быть нужны человеку на доброе. Зла может быть много от них, а добра никогда. Вы скажете, вам нужны они, чтобы жениться, чтобы улучшить ваши отношения с семейными. А я вам скажу, что если человеку нужны деньги, чтобы жениться, то это не женитьба, а что-то другое. И если отношения могут улучшиться от ста рублей, то,

значит, нет еще человеческих отношений, и люди только хотят замазать деньгами отсутствие отношений. Но это не надолго. Знаю, что тяжело бывает. Но помочь всякой тяжести можно не внешними делами, а внутренним делом, — тем, что называют молитвой. Я потому говорю: «тем, что называют молитвой», что обыкновенно под молитвой разумеют прошение к богу о своих делах. Я не о такой молитве говорю, а о молитве, в которой человек из области мелочей жизни переносится в сознание истинного смысла своей жизни и смерти и своего долга на земле перед тем отцом небесным, который произвел меня. Такая молитва есть отче наш. И если ее понимаешь, то это как бы повторение всего евангелия. А когда восстановишь в себе евангельский дух, то все легко и хорошо.

Спасибо Вл. Григ.[2], что он подробно пишет вам. Я думаю, что верные замечания его будут вам на пользу.

Письмо является припиской к обширному письму В. Г. Черткова, содержащему замечания о рассказах Семенова. Дата письма Черткова.

[1] Это письмо С. Т. Семенова неизвестно.
[2] Владимир Григорьевич Чертков.

2

1888 г. Июня 2. Я. П.

2 Июня 1888 г.

Дорогой С. Т., получил ваше письмо и был очень рад ему, тому, что вы так верно поняли смысл статьи Бондарева[1] и так приняли ее к сердцу; еще тронуло меня в вашем письме ваше доброе отношение к вашей жене: поддерживайте его всеми силами и спокойно, без ответа, переносите нападки на нее[2], — чем дольше вы будете выдерживать, тем больше будет вам награда не на небе только, но здесь, тем радостнее будет ваша жизнь, претерпевый до конца спасется, это великое слово. И я на опыте сколько раз видел и вижу, что человек, делая доброе и разумное, но не получая похвалы и награды, бросает это доброе дело в то самое время, когда дело должно бы начать приносить плоды. То же с земледелием: стоит отнестись к нему, как к тяжести, — и оно будет мука; стоит понять, что это радость, — и оно будет радость и будет давать великую награду, которую может получить человек. Не знаю, как вы, но я ни в каком другом деле не испытываю такого удовлетворения, как в земледельческой работе (особенно люблю посевы, а еще больше пахоту) и, главное, потому, что во всяком другом деле хочется и нужно одобрение и хода [?] [3], а в этом нет. В писании, в мастерстве всяком, в охоте даже, хочется одобрения и ухода [?] [3], а в земледельческом труде ничего не нужно, кроме произведения труда и сознания хорошо, с пользой и нравственно, по закону божьему проведенного времени. Если бы только люди — большинство, поняли это так, как понимаете вы и я (совсем разных привычек люди), что радость и счастие не в пользовании чужими трудами, а в произведении труда, как бы много уничтожилось несчастий. А дело к этому идет, и надо помогать своей жизнью тому, к чему идет дело.

Я живу очень хорошо. Теперь много работаю в поле и ничего не пишу, чего и вам желаю. Если будет потребность высказаться, если сложатся стоящие того и нужные людям мысли, то они не пропадут.

[1] Сочинение Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». См. стр. 188—189.

[2] Женою Семенова была крестьянка соседней деревни Фекла Платонова. В письме от 1 марта 1888 г. Семенов писал Толстому: «С приездом моим моя мать возобновила свои нападения на мою жену. Причина гонения все та же: недостаток справы [одежды]. Я удивляюсь, что она вмешивается в дело, ее не касающееся, и употребляю все усилия миролюбиво укротить ее сердце, но ничего не могу сделать, никакие убеждения на нее не действуют. Приходится терпеть».

[3] Очевидно, ошибки переписчика, не разобравшего написанных Толстым слов.

3

1889 г. Февраля 22. Москва.

Посылаю вам, Сергей Терентьевич, деньги от Черткова[1].

Вы, верно, помните наш разговор про деньги. Верьте мне, милый друг, что нужда в деньгах есть признак неправильности жизни, и потому, чувствуя нужду в деньгах, разумный человек должен стараться не о том, чтобы добыть их, а о том, чтобы так уставить свою жизнь, чтобы не нуждаться в них. Все равно, как чесотка: если зачешется, то не чесать надо, а так сделать, чтобы не чесалось. Подумайте получше, с богом о том, как бы устроить так, чтобы не нуждаться в деньгах. Отстаивайте, сколько можно, разумную жизнь и не поддавайтесь пересудам, не заботьтесь о том, что люди скажут; только знать, что живя, как живешь, — исполняешь волю божию, и исполняешь ее, соблюдая чистоту телесную и душевную, в смирении, т. е. готовым на всякое унижение перед людьми, и в любви к тем, с кем сводит судьба. Тогда все легко и радостно. Помогай вам бог. Леон[ила] Фом[инична][2] уехала, поминая о вас, и все, узнавшие вас, вас полюбили.

Любящий вас Л. Толстой.

Письмо датируется на основании записи Толстого в дневнике от 22 февраля 1889 г.: «Ответил Семенову».

[1] Толстой послал Семенову семьдесят рублей — гонорар за его рассказ «Немилая жена», принятый издательством «Посредник».

[2] Леонила Фоминична Анненкова (1844—1914) — единомышленница Толстого, курская помещица.

4

1890 г. Декабря 17.

Очень рад был получить ваше письмо, дорогой Сергей Терентьевич, рад был особенно потому, что вижу, что вы не перестаете стремиться к тому совершенству, которое указано нам Христом, и страдаете, когда отступаете от него, и не теряете надежду приближаться к нему. Как ни дурен поступок Петра, отрекшегося от своего учителя, мы все, вероятно, испытали одно и то же чувство увеличения любви к Петру тогда, когда он оплакивал это свое отречение.

Семейные дрязги, как вы пишете, самый сильный соблазн. Труднее всего среди них удержать верность своим намерениям добра, и потому, я думаю, все силы души надо напрягать на то, чтобы не понижать своей жизни именно в этой домашней среде. Я говорю вам то, что сам испытываю и чем сам страдаю. Помогает мне в этом, главное, память о том, что семейные — жена, дети, если сами не уважают меня, как бы мне хотелось, то себе требуют от меня уважения, и что, если я не могу относиться к ним всегда с любовью, я всегда должен, несмотря на их ко мне отношение, относиться к ним с уважением. А самое обыкновенное в семье: либо любовь, либо презрение, пренебрежение; а пренебрежение после любви особенно чувствительно. Кроме того, если я в глубине души считаю, что я нравственно стою выше, ближе к истине, к Христу, чем они, что

очень дурно, то эта самая бóльшая близость к Христу обязывает меня не считаться с ними, не судить их недостатков, а переносить их обиды терпеливо, радостно. Если я более христианин, чем они, то это должно чем-нибудь выражаться, а более нечем, как смирением, покорностью, неосуждением.

Еще помогает мне в этих соблазнах молитва. Молитесь беспрестанно, чтобы не впасть в искушение. Это трудно, но если достигаешь этого, то очень много придает нравственной силы. Молиться беспрестанно, в середине разговора, который начинает становиться раздражительным, в суете работы, — можно только какой-нибудь очень короткой молитвой, такой, которая напоминала бы двумя, тремя словами то, что нужно помнить. У каждого своя такая должна быть молитва. Я чаще всего в эти минуты, когда вижу, что я сбиваюсь и начинаю говорить или делать не то, что надо, молюсь так: «живи для бога, или перед богом», это образумивает меня.

Мне жаль, что у вас нет близких по духу людей, это большая радость, но не скажу, чтобы это было необходимо. Духовный рост иногда лучше совершается в одиночестве.

Я за последнее время написал только статью: «Зачем люди одурманиваются?» против вина, табаку и др.[1] Я вам пришлю, когда выйдет. А теперь пишу о непротивлении злу насилием[2]. Послесловие к «Крейцеровой Сонате» вы, вероятно, знаете. В Москве вы найдете много друзей, и все будут рады вас видеть. Пишите мне.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется на основании хранящегося в архиве Толстого списка писем его за 1890 г., который вела М. Л. Толстая.

[1] Статья «Для чего люди одурманиваются?» была напечатана в виде предисловия к книге доктора П. С. Алексеева «О пьянстве», изд. редакции журнала «Русская Мысль», М., 1891.

[2] Статья «о непротивлении злу насилием» разрослась в большой трактат, впоследствии названный Толстым «Царство божие внутри вас» и законченный лишь в 1893 г. Появился в издании А. Дейбнера в Берлине в 1894 г.

ПИСЬМА К П. В. ЗАСОДИМСКОМУ

1

1891 г. Января 12—13? Я. П.

Павел Владимирович! Я получил ваш рассказ и тотчас же прочел его про себя и другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, к[оторое] имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. Вы спрашиваете о слабых сторонах. Слабого нет, все сильно, а недостатки есть: недостаток один тот, что во многих местах слишком подчеркнута дрянность расскащика, н[а]п[ример], где он говорит про свою храбрость — товарищ, дворник, дуэль — это надо выкинуть; другое—это его рассуждение и чувство под взглядом ребенка, — это неверно в противоположную сторону. (Притом у новорожден[ного] не бывает голубых глаз). Третье — не нравятся мне в конце его мечты о том, что могло бы быть, о елке. — Рассказ очень, очень хороший и по форме и по содержанию и очень благодарен за присылку его.

Л. Толстой.

На обороте:

Петербург.
Сергиевская ул. д. 61, кв. 14.
Павлу Владимировичу
Засодимскому.

Толстой отвечает на письмо писателя-народника Павла Владимировича Засодимского (1843—1912) от 28 декабря 1890 г., при котором Засодимский присылал свой святочный рассказ «У потухшего камелька». «Очень желал бы, — писал Засодимский, — узнать ваше мнение о нем, т. е. о том: можно ли литературными произведениями, подобными моему рассказу, хоть сколько-нибудь отклонить человека от зла? Не знаю: смог ли я выразить то, что хотел. Если же у меня и не хватило уменья высказать все, что было нужно, то вы-то, конечно, все-таки поймете и можете сделать указание на слабые стороны рассказа, т. е. на то: почему читатели м о г у т не увидать в нем того, что мне хотелось в нем показать».

Письмо датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Почтовый вагон. 13 янв. 1891».

Получив письмо Толстого, Засодимский отвечал ему следующим письмом от 22 января 1891 г.:

«Уважаемый Лев Николаевич, я очень благодарен вам за внимание, с каким вы отнеслись к моей просьбе высказать ваше мнение о моем рассказе. Ваши указания для меня ценны. Но если бы, ценя ваши указания, я сказал, что «художник — сам свой высший суд», что к одобрению вашему я отношусь равнодушно, то я сказал бы, конечно, ложь. Критика наших литературных кружков меня ни в каком смысле не трогает, но ваше одобрение — самое большее, чего только я мог желать как человек и писатель. Очень благодарю вас за письмо. Я — не избалован: каждое доброе слово радует меня, как ребенка. Ваше же доброе слово подействовало на меня с особенной силой».

2

1892 г. Мая 16—17? Бегичевка.

Простите, что пишу на открытом несколько слов. Очень занят. Я писал Соп[оцько] и зову его [1]. Благодарю вас, что обратились ко мне. Статьи не успею [2]. Роман очень желаю прочесть [3]. Мне всегда нравится и то, что вы пишете, и большей частью то, что не нравится либералам. Матв[ей] Ник[олаевич] [4] у нас и любит вас не меньше, чем вы его. —

Ваш Л. Толстой.

На обороте:

Станция Верхне Троицкая,
Уфимск. губ. Белебеевского у.
Павлу Владимировичу
Засодимскому.

Толстой отвечает на письмо П. В. Засодимского от 6 мая 1892 г., в котором Засодимский писал:

«Несколько известный вам молодой человек Мих. Арк. Сопоцько находится теперь в очень тяжелом нравственном состоянии. Он просил меня устроить для него возможность работать в голодающих местностях. Он пишет: «Мне необходимо размыкать тоску мою и претворить злобу во что-либо более полезное людям... Я вполне безвозмездно буду работать. Кормежку я окуплю,—за это ручаюсь». (И я со своей стороны могу поручиться за это). «Есть я могу очень грубую пищу и жить при самой суровой обстановке — к этому не привыкать стать». Пишу под живым впечатлением его письма. Не можете ли, дорогой Лев Николаевич, помочь ему в его горе?.. Мих. Арк. действительно сумел довести свои потребности до minimum'а. Зиму, например, в Вологде (при нынешних 40° морозах) он ходил в осеннем пальто и в башлыке, а ел—даже трудно сказать: что он ел. Он очень хороший человек, с доброй душой и с чистым сердцем. Мне ужасно жаль его. А он, как мне чуется, близок к беде». О М. А. Сопоцько см. стр. 128—132.

Письмо Толстого (открытка) датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Клекотки Тульской г. 17 мая 1892».

[1] Это письмо Толстого к М. А. Сопоцько неизвестно.

[2] В своем письме Засодимский просил Толстого написать какой-либо рассказ для сборника «Помочь», издававшегося в Вологде в пользу голодающих. Толстым уже был предоставлен для этого сборника проредактированный им перевод статьи Генри Джорджа «Равные права и общие права».

[3] Засодимский писал, что им написан роман из крестьянской жизни под заглавием «Грех старого чабана», который не понравился в редакциях петербургских и московских либеральных журналов. «Как бы я желал, — писал Засодимский, — услышать о нем ваше мнение и вашу догадку о том, по каким причинам роман не понравился». В следующем письме от 24 мая 1892 г. Засодимский писал, что посылает свой роман. Отзыв о нем Толстого неизвестен.

[4] М. Н. Чистяков. См. стр. 99.

ПИСЬМА К П. В. ВЕЛИКАНОВУ

1

1891 г. Октября 15—25. Я. П.

Горе, что не знаю вашего ни адреса, ни имени отчества, милый человек Великанов.—Дело вот в чем: Здешнее настоящее положение голодающих я знаю, п[отому] ч[то] объездил[1] и по тому, что здесь могу заключить о Рязанской, Тамбовской губерниях; но о положении настоящем в Казанской и Нижегородской не могу себе составить ясного понятия. Пожалуйста обходите, объездите и напишите; главное, без предвзятой мысли и не поддаваясь настроению царствующему — преувеличивать и говорить в общих чертах. Желательно бы иметь подробное, самое подробное описание впечатлений, полученных от посещения или проведенного дня в одной деревне. Я написал статью о голоде, кот[орую] отдал в Вопросы Филос[офии] и психологии[2]. Боюсь, что не пропустят[3]. Ваше посещение[4] вспоминаю с самым хорошим чувством. Так пожалуйста напишите.

Любящий Л. Толстой.

Адресат письма, народный учитель Павел Васильевич Великанов (р. 1860 г.), был близок к взглядам Толстого и неоднократно бывал в Ясной Поляне. В 1891—1892 гг. был учителем народной школы в Лукояновском уезде Нижегородской губернии.

Первое письмо Толстого к Великанову, автором не датированное, датируем приблизительно 15—25 октября 1891 г. на основании, с одной стороны, упоминания о передаче Н. Я. Гроту статьи о голоде (15 октября) и, с другой стороны, времени отъезда Толстого из Ясной Поляны на голод в Рязанскую губернию (26 октября).

[1] 17 сентября 1891 г. Толстой поехал к своему брату Сергею Николаевичу в его имение Пирогово, Тульской губернии с целью ближе узнать положение народа. Из Пирогова он поехал в глубь Богородицкого и Ефремовского уездов Тульской губернии. В Ясную Поляну вернулся 22 сентября. 23 сентября Толстой с тою же целью поехал в Епифанский уезд Тульской губернии и в Данковский уезд Рязанской губернии. Вернулся в Ясную Поляну 26 сентября.

[2] Статья о голоде начата была Толстым 1 октября 1891 г., передана Н. Я. Гроту для напечатания в «Вопросах философии и психологии» 15 октября. 20 октября Н. Я. Грот привез Толстому корректуры статьи, которые Толстой просматривал 21—22 октября.

[3] Статья Толстого действительно не была пропущена цензурой для журнала «Вопросы философии и психологии» и в сильно урезанном виде появилась в № 1 «Книжек Недели» за 1892 г., стр. 17—36. В более полном виде статья была напечатана в сборнике «Лев Толстой и голод», под редакцией Ч. Ветринского, Нижний-Новгород, 1912, стр. 37—73.

[4] П. В. Великанов впервые был в Ясной Поляне 31 июля 1891 г.

2

1892 г. Января последние числа. Бегичевка.

Давно уже лежит ваше письмо [1], дорогой Павел Васильевич, и все собираюсь отвечать и не успеваю.

И теперь напишу только малую часть всего, что хотел бы вам сказать. —

В письме к Сутнер [2] я говорю о том, что пишу в последнем моем писании [3], именно о том, что ц[арство] б[ожие] внутрь нас есть и спасение от насилия есть только в сознании его бесцельности и в воздержании от него. А что насильники всегда были и будут рабами. Все не могу кончить последнюю главу [4] так, чтобы она вполне удовлетворила меня. Да и занятия практические отвлекают [5]. Знаю, что пища духовная не только также, но гораздо более нужна, чем телесная, но, во 1-х, кто скажет про себя, что он владеет духовной пищей, годной для других, а во 2-х, для того, чтобы духовная пища могла быть точно пищей, надо не пренебрегать исполнением тех телесных обязанностей, к[оторые] жизнь накладывает на нас. А такого рода обязанности и очень тяжелые нравственно (исполненные соблазна) наложила на меня жизнь с этой деятельностью. А отклониться от нее не чувствую никакого права. Оно и хорошо; а то что же бы это была за служба богу и людям, если бы она была веселая и опрятная. А эта и не веселая и неопрятная. Я был в Москве на 2 недели [6], теперь опять здесь и как лошадь на топчаке. Есть и радости — радости общения с людьми и сознания приближения ц[арства] б[ожия]. «Если видите, что ветки смоковницы становятся мягки, знайте, что близко лето, при дверях».

И оно близко. Не могу себе представить того, чтобы жизнь после нынешнего года вернулась к прежнему. — Изменение жизни уже свершилось и видно тем, к[оторые] могут видеть. Дай вам бог осуществить мысль школы у молокан. Я, бывало, мечтал об этом. Не годится загадывать только.

Ну, прощайте, целую вас и Рахманова [7], если видаете его.

Л. Толстой.

Письмо датируется на основании слов о поездке в Москву (1—23 января 1892 г.), а также на основании упоминания Великанова в ответном письме от 4 февраля 1892 г. о получении им в этот день письма Толстого.

[1] Письмо П. В. Великанова неизвестно.

[2] Баронесса Берта Зутнер (1843—1914) — австро-немецкая писательница, известная своим пацифистским романом «Долой оружие!», вышедшим в 1889 г. и переведенным на все европейские языки. Толстой читал этот роман 21 октября 1892 г., после чего записал о нем в дневнике 25 октября: «Видно горячее убеждение, но бездарно». Письмо Толстого к Зутнер (на немецком языке) было написано 9 октября 1891 г. и появилось в переводе в «Неделе», 1891 г., № 44, стр. 1505, и в «Северном Вестнике», 1891 г., № 12, стр. 182.

[3] «Царство божие внутри вас».

[4] В то время трактат «Царство божие внутри вас» содержал восемь глав. Работу над этим произведением Толстой закончил лишь в мае 1893 г. Произведение в окончательной редакции содержит двенадцать глав и большое заключение.

[5] 26 октября 1891 г. Толстой вместе с старшими дочерьми поехал в имение своего друга И. И. Раевского Бегичевку, Рязанской губернии, где занялся организацией столовых для голодающего населения.

[6] 30 декабря 1891 г. Толстой для успокоения жены, недовольной его отсутствием, уехал из Бегичевки в Москву, где пробыл до 23 января 1892 г.

[7] Владимир Васильевич Рахманов (1864—1920) — врач, в то время близкий к взглядам Толстого.

3

1892 г. Мая 30. Бегичевка.

Пробудем мы в Бегичевке до 1-го Августа [1]. Письма ваши оба получил [2]. В путешествии вашем желаю вам успеха. Пишу так кратко не п[отому], ч[то]бы было некогда, а очень устаю, да и надеюсь увидаться. Тогда все переговорим.

Любящий вас Л. Т.

30 Мая 92.

На обороте:

Нижегородской губ.
Лукояновского уезда
На земском сельскохозяйственном хуторе
Учителю Великанову.

В письме от 10 мая 1892 г., на которое здесь отвечает Толстой, П. В. Великанов писал:

«Великий и дорогой Лев Николаевич! В июне я думаю двинуться в селения молокан Таврической губ. А зачем? — Вы отчасти уже знаете. На пути туда считаю важным повидаться и побеседовать с вами. Так вот вы и сообщите мне, пожалуйста, долго ли вы думаете пробыть в Бегичевке? И с какого места железной дороги можно отправиться в вам?»

Далее Великанов писал о ходе дела помощи голодающим и тягостном положении крестьян и спрашивал, получил ли Толстой его письма.

[1] Толстой пробыл в Бегичевке до 29 июля 1892 г., изредка наезжая в Ясную Поляну.

[2] Великанов писал Толстому 4 февраля и 1 апреля 1892 г

ПИСЬМА К Р. А. ПИСАРЕВУ

Рафаил Алексеевич Писарев (р. 1850 г., ум. 11 января 1906 г.) служил в гвардейском полку, где сблизился с В. Г. Чертковым. Оставив военную службу, в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. был уполномоченным Общества Красного креста. С 1897 г. поселился в своем родовом имении Орловке, Тульской губ., Епифанского уезда. Был гласным епифанского уездного и тульского губернского земств, затем епифанским уездным предводителем дворянства. В голодные 1891 — 1893 гг. был председателем епифанского попечительства Красного креста.

Когда именно Писарев познакомился с Толстым, неизвестно, но уже в дневнике Толстого 1884 г. есть записи о встречах с Писаревым. 24 апреля записано: «Писарев близок, боюсь, что заблуждаюсь». 2 мая: «Писарев неподвижен. Кажется, таким и останется». Затем через семь лет, 25 сентября 1891 г.: «С Писаревым и Богоявленским был оживленный разговор о жизни. Писарев жив».

27 октября 1891 г. Толстой поселился в имении своего друга Ивана Ивановича Раевского Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губернии, с целью организации помощи голодающему населению. Имение Писарева Орловка находилось в 8 верстах от Бегичевки. Толстой вступил в оживленные сношения с Писаревым по делам организации помощи голодающим. Но этим практическим делом и ограничивалось их общение. 19 декабря 1891 г. Толстой записывает в дневнике: «Приехал Писарев. Мне с ним неловко. Положение мужика, у которого круг его кольца разорван, и он не мужик, не житель, а бобыль. Больше нечего делать — только пить».

Писарев был консерватор и церковник и потому враждебно относился к взглядам Толстого. 5—7 марта 1892 г., намереваясь уехать из Бегичевки в Москву, Толстой писал В. Г. Черткову: «Сейчас думаю о Писареве... Завтра я увижусь с ним и перед отъездом моим в Москву буду просить его взять на себя высший надзор за всем делом во время моего отсутствия. И он милый, хороший; но как вспомню об его православии, о мраке, который есть в нем, страшно становится, и ожидаешь всего самого неприятного. Главное, нет полного общения, которое так бы радостно было с ним. Он смотрит не просто, а с камнем за пазухой. — И как жаль, и как больно!»

Хранящиеся в Литературном музее письма Толстого к Писареву, числом девять, все посвящены практическому вопросу организации помощи голодающему населению, сообщая новые материалы о работе Толстого в этом направлении.

1

1891 г. Ноября 24. Бегичевка.

Дорогой Рафаил Алексеевич,

Пишу вам под диктовку Ивана Ивановича [1], кот[орый] заболел инфлуенцой и лежит в жару, но хочет сообщить вам следующее:

1) что он сделал все то, о чем вы его просили относительно Протопопова[2].

2) Посылаем 6 000, чтобы положить на текущий счет в Рязанский банк с тем, чтобы Дынин[3] оплачивал дубликаты, которые будет высылать ему Константин Расторгуев[4].

3) Предлагаемый вами вагон ржи мы надеемся быть в состоянии взять.

Все это я писал под диктовку И[вана] И[вановича], теперь пишу от себя: он лежит 4-й день в жару. Богоявленс[кий][5] говорит, что ничего опасного нет, но с его корпуленцией и возбужденностью — страшно[6]. Мы телеграфировали вчера Эл[ене] Пав[ловне][7] в Москву и ждем ее завтра. Деньги 3 000 вы, вероятно, уже употребили на покупку ржи. Эти 6 000 положите в банк пожалуйста для уплаты того, что будет куплено для нас Протопоповым. И пожалуйста известите нас, что и как вы сделали. Я без совестливости утруждаю вас и не благодарю, зная, что общее дело есть дело ваше. —

Прощайте пока, дружески жму вам руку. Привет Евг[ении] Павловне[8].

Л. Толстой.

Дело наше все ростет и, кажется, идет хорошо.

Письмо написано в один день с письмом к С. А. Толстой от 24 ноября 1891 г. (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 375—376).

[1] Иван Иванович Раевский. О нем см. стр. 430.

[2] Николай Петрович Протопопов (р. 1834 г., ум.?) — бывший моряк, участник обороны Севастополя, находившийся вместе с Толстым на четвертом бастионе. В 1891 г. был епифанским уездным предводителем дворянства и председателем епифанской уездной земской управы. По просьбе И. И. Раевского и Толстого Протопопов взялся закупить рожь для голодающего населения.

[3] Дынин — вероятно, служащий Рязанского банка.

[4] Константин Расторгуев — уполномоченный Писарева по закупкам продовольствия для земства; он же выполнял и заказы Толстого и Раевского на покупку ржи и пшеницы для голодающего населения.

[5] Николай Ефимович Богоявленский (р. 1867 г.), земский врач. См. стр. 141.

[6] И. И. Раевский умер 27 ноября 1891 г.

[7] Елена Павловна, рожд. Евреинова (1839—1907) — жена И. И. Раевского.

[8] Евгения Павловна, рожд. Баранова — жена Р. А. Писарева.

2

1891 г. Декабрь около 6. Бегичевка.

Дорогой Рафаил Алексеевич,

Благодарить вас я буду после, да и благодарить вас будет само дело, для которого вы работаете и для кот[орого] я теперь прошу еще вашего труда. Сыну Льву, едущему в Самару[1], нужно хлеба вообще — очевидно, преимущественно ржи. Мы решили купить ему теперь же вагонов 10. Если можете, напишите или телеграфируйте, если нужна поспешность, сюда в Москву, и мы тотчас же переведем, сколько вы укажете на 10 вагонов ржи денег вам или куда и кому вы скажете. Лева пришлет через неделю свидетельства на провоз Красн[ого] креста[2] из Самары[3]. Хлеб нужно доставлять на станцию Богатое Оренбургской дороги. Мало этого. Ему же, Льву, понадобится, вероятно, еще вдвое столько же хлеба, на что и есть деньги. Можно ли рассчитывать, что вы распорядитесь покупкой и отправкой этого хлеба? Если нужен верный и распорядительный человек для этого, то возьмите Илью[4], а то у меня есть люди, и я могу прислать, хотя всем есть дело. — Я застал жену в хорошем настроении, и если ничего особенного не случится, то мы выезжаем

в Тулу и Клекотки[5] в воскресенье[6]. На место Веры Кузминской[7] едет к нам Ольга Трубецкая[8].

Надеюсь и всей душой желаю, чтобы у вас все было благополучно и чтобы ничего не отвлекало вас от вашей деятельности и, главное, ничто бы не раздражало.

Дорогого моего друга Ив[ана] Ив[ановича][9] не могу забыть и все больше и больше люблю его. Передайте мой привет Евг[ении] Пав[ловне][10] и Лопухиным[11].

Любящий вас Л. Толстой.

Письмо датируется на основании упоминания об отъезде Л. Л. Толстого в Самарскую губернию — вероятно, 6 декабря 1891 г.

[1] Л. Л. Толстой ехал в Самарскую губернию организовывать помощь голодающему населению Бузулукского уезда.

[2] Свидетельства Красного креста давали право на бесплатный провоз продовольствия в голодающие местности.

[3] Л. Л. Толстой предполагал увидаться в Самаре с губернатором А. Д. Свербеевым, знакомым Толстых, и получить у него свидетельства Красного креста.

[4] Илья Львович Толстой (1866—1933).

[5] Клекотки — ближайшая к Бегичевке (30 верст) станция Сызрано-Вяземской железной дороги.

[6] 8 декабря 1891 г.

[7] Вера Александровна Кузминская (р. 1871 г.) — племянница С. А. Толстой, дочь Александра Михайловича и Татьяны Андреевны Кузминских.

[8] Ольга Николаевна Трубецкая, дочь князя Николая Петровича Трубецкого (1825—1900), заведующего московской больницей имени Павла I. Поездка О. Н. Трубецкой в Бегичевку не состоялась.

[9] Иван Иванович Раевский.

[10] Евгения Павловна Писарева.

[11] Лопухины: сестра Е. П. Писаревой — Александра Павловна Лопухина, рожд. Баранова, жена Сергея Александровича Лопухина, в то время товарища прокурора в Туле, и их дети.

3

1892 г. Января 2. Москва.

Дорогой Рафаил Алексеевич,

Я заказал через Ге[1] в Черниговской губернии еще 6 вагонов ржи и 6 вагонов ячменя. Деньги на эту покупку я написал ему, чтобы он взял у вас, и потому будьте так добры по требованию его вышлите ему столько, сколько он потребует. По моему расчету ему нужно будет около 7 т[ысяч]. Если они у вас есть и вы не выписали еще 2 вагона, то вышлите ему, если же у вас не достанет, то пожалуйста напишите мне в Москву, где мы пробудем недели две, чтобы я мог выслать недостающие. — Как жаль, что мы с вами разъехались. Обо многом хотелось поговорить. Что, найдут наши Расторгуевские[2] 10 вагонов ржи? Пшеница пришла, и превосходная, а ржи нет. Нельзя ли при случае поторопить. С Григ[орием] Иван[овым][3] дела идут прекрасно, и я очень благодарен вам за ваше содействие. Раевские[4] или Илья[5], к[оторых] я оставил хозяйничать там, могут потребовать у вас денег за 2 вагона кукурузы, к[оторые] я выписал наложным платежем, пришлите им, если потребуют.

Дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

Письмо написано в один день с письмом о том же предмете Н. Н. Ге-сыну, датированным 2 января 1892 г.

[1] Николай Николаевич Ге (р. 1857 г.), сын друга Толстого, художника Н. Н. Ге.

[2] О Расторгуеве см. прим. 4 к письму № 1.

[3] Григорий Иванов, приказчик Писарева, заведывавший складом продуктов в его имении Орловке.

[4] Вдова Раевского Елена Павловна и его сыновья: Иван Иванович (1871—1931), Петр Иванович (1873—1920) и Григорий Иванович (1875—1905).
[5] Илья Львович Толстой.

4

1892 г. Января 13? Москва.

Дорогой Рафаил Алексеевич,

Я и так робею о том, что не успею закупить и перевезти все нужное количество хлеба до весны, а вы еще меня напугали вашим известием[1]. Можете ли вы еще выписать нам ржи, но с тем, чтобы доставить в скором времени, или нет? Я спрашиваю п[отому], ч[то] у вас бывают лишние перекупленные вагоны, к[оторые] вы можете уступить. Если бы так, то мы охотно взяли бы еще 10 вагонов, если же нет, то я буду продолжать выписывать из Киева через Ге, откуда выписанные после ваших приходят раньше.

И в этом случае, т. е. если у вас нет ржи, к[оторую] бы вы могли нам уступить, будьте добры переведите наши деньги в Нежин Петру Николаевичу Ге[3] через Азовский банк, если можно, прямо из Тулы, а если нет, то через Москву, столько денег, сколько потребует от вас Николай Ге. Простите за то, что злоупотребляю вашей добротой, и очень, очень ценю ее и благодарю вас.

Прочтя ваше письмо, на меня нашел ужас. Помню, как я всетаки легко смотрел на возможность недостачи хлеба с осени — было даже некоторое злорадство и желание быть правым[2]. А теперь ужас берет при мысли о том, что может случиться то, что не будет хлеба. Одно утешенье:

Fais ce que dois,
Advienne ce que pourra[4].

Надеюсь уехать около 23-го. Здесь мне невыносимо тяжело[5].

Привет вашей милой жене.

Ваш Л. Толстой.

Письмо датируется на основании письма Писарева, на которое отвечает Толстой, датированного 12 января 1892 г.

[1] В письме от 12 января 1892 г. Писарев писал С. А. Толстой из Тулы: «Скажите графу, что мы все здесь очень смущены экстренным приказом скупать во что бы то ни стало весь местный хлеб, а вместе с тем, хотя деньги дают, нет ни людей, ни возможности действительно осуществить эту меру. Видимо, в Петербурге только теперь стали видеть, что хлеба не хватит, чего боже упаси»...

[2] О возможности недостачи хлеба Толстой писал в 1891 г. в своей статье «Страшный вопрос», помещенной в № 306 «Русских Ведомостей» от 6 ноября 1891 г.

[3] О Петре Николаевиче Ге см. стр. 172.

[4] «Делай что должно, и пусть будет, что будет» — любимое изречение Толстого, который часто вспоминал его в письмах, разговорах и дневниках, в том числе и в последней предсмертной записи в Астапове 3 ноября 1910 г.

[5] Толстой, как записал он в дневнике 30 января 1892 г., тяготился «суетой, праздностью, роскошью, тщеславием и чувственностью» московской жизни. Уехал он из Москвы в Бегичевку 23 января 1892 г.

5

1892 г. Января 18. Москва.

Дорогой Рафаил Алексеевич.

Аркадий Васильевич Алехин[1], который передаст вам это письмо, взял на себя труд помочь мне в закупке для нас хлеба и доставлении закупленного. Будьте так добры, укажите ему, куда поехать, если

это нужно, и дайте полномочия. Верить ему можете совершенно во всем. О пяти вагонах, о которых вы телеграфировали мне[2], я не знаю, за какую цену и какая будет рожь. Если это дело не кончено, то пусть его решит Алехин, как найдет лучшим. Еще раз очень и очень благодарю вас за все, что вы для нас делали. Ваши санитарии[3] мне нравятся, и я думаю, что попытаюсь устроить нечто подобное, как скоро приеду. Едем мы с женой 22-го.

Дружески жму вам руку и прошу передать наш привет вашей жене.

Л. Толстой.

18 Января 1892.

Сейчас получил телеграмму от Ге[4] с просьбой выслать ему восемь тысяч (8 000) и 10 свидетельств[5]. Будьте добры передайте Алехину 8 000 и 10 свидетельств, о которых я пишу Зиновьеву[6]. В случае — невероятного — отказа Зиновьева или отсутствия дайте пожалуйста свои.

[1] Аркадий Васильевич Алехин (1854—1918) — в то время единомышленник Толстого, основатель толстовской земледельческой общины Шевелево в Дорогобужском уезде Смоленской губернии. Впоследствии отошел от толстовства к православию, был городским головой в Курске.

[2] Эта телеграмма в архиве Толстого не сохранилась.

[3] Под «санитариями» Толстой разумел, вероятно, «приюты»-кухни для варки молочной каши для маленьких детей, устраивавшиеся Писаревым.

[4] Эта телеграмма Н. Н. Ге-сына в архиве Толстого не сохранилась.

[5] Свидетельства Красного креста на бесплатный провоз хлеба для голодающих.

[6] Николай Алексеевич Зиновьев (1839—1917) — тульский губернатор в 1887—1893 гг.

6

1892 г. Февраля 3? Бегичевка.

Дорогой Рафаил Алексеевич,

Попросите пожалуйста Мышецкого[1] продать нам два вагона жмыха. Хорошо бы, если бы он дал на них свои свидетельства[2] и положил бы нам их подешевле. Очень велика становится нужда корма лошадей. Нельзя не попытаться облегчить ее хоть немного.

Что наш Минской хлеб?[3] И что хлеб, назначенный в Богатое?[4] Я забыл спросить у вас, если он нагружен, то куда высланы дубликаты? Деньги за жмых куда выслать?

Дружески жму руку.

Л. Толстой.

Датируется предположительно днем отъезда С. А. Толстой, возвращавшейся из Бегичевки в Москву через Тулу, где находился тогда Писарев, с которой, вероятно, и было послано это письмо.

[1] Князь Александр Дмитриевич Мышецкий, председатель тульской губернской земской управы.

[2] Свидетельства Красного креста.

[3] Писарев заказал для Толстого рожь в Минской губернии. Уполномоченный Писарева Михаил Бодиско выслал Толстому в начале февраля восемь вагонов ржи на сумму 5 850 р. 83 к.

[4] Десять вагонов ржи, купленных Толстым для его сына Льва Львовича и отправленных на станцию Богатое (см. письмо № 2), затерялись в дороге и пришли на место с большим опозданием.

7

1892 г. Апреля 28. Бегичевка.

Рафаил Алексеевич,

Мы решили нынче выписать еще вагон конопляного семени. Я получил нынче от бывшего у нас Бера[1], посланного в Рязанск[ую] губ[ернию] от Комитета наследника, обещание денег на вагон семени и теперь посылаю в Орел за этим В. И. Скороходова[2]. Но случилось так, что в эту минуту у меня нет денег. Не можете ли вы мне ссудить 900 р. на столько времени, сколько нужно, чтобы выслать деньги из Москвы. Если да, то дайте Скороходову эти деньги и мне напишите, куда выслать вам деньги.

Ужасно жалел, что не был дома вчера. А нынче и был в Лихаревке[3], но не успел, как хотел, заехать к вам.

Ваш Л. Толстой.

Если вы дадите деньги, то напишите жене: деньги 900 р. прошу выслать туда-то. Я ей пишу.

Письмо написано в один день с письмом к С. А. Толстой о том же предмете (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, письмо № 423; здесь это письмо ошибочно датировано 30 апреля).

[1] Николай Николаевич Бер, чиновник особых поручений при министре двора, приезжал к местному земскому начальнику И. Н. Мордвинову для выяснения вопроса о снабжении продовольствием голодающего населения. Побывав на хуторе Мордвинова Утес, в двух верстах от Бегичевки, Бер проехал оттуда в Бегичевку, чтобы познакомиться с Толстым.

[2] Владимир Иванович Скороходов (1861—1924) — единомышленник Толстого; жил в толстовских земледельческих колониях, преимущественно на Кавказе. Автор статей «Воспоминания старого общинника» («Ежемесячный журнал», 1914—1916 гг.), в которых описана и его работа с Толстым на голоде.

[3] Лихаревка — деревня Епифанского уезда вблизи имения Писарева Орловки.

8

1892 г. Мая 3. Бегичевка.

Многоуважаемый Рафаил Алексеевич, папа сейчас занят и поручил мне ответить вам. Он очень жалеет, что не может быть у вас сегодня, чтобы повидаться с Анненковым, но он нездоров. Вчера весь день у него были его обычные сильные боли в животе[1].

Сегодня мне гораздо лучше, и я занят своей обычной работой[2] дома, но не рискую выходить или ездить. Очень жалею. Мне вчера еще приходила мысль поговорить [с] Анн[енковым] о колодцах, особенно в Ефрем[овским] уезде около Куркина. Впрочем, он, я думаю, все это знает лучше меня и без меня[3].

Благодарю вас за деньги. Куда их доставить вам?

Любящий вас Л. Толстой.

Толстой отвечает на письмо Писарева от 3 мая, посланное с нарочным из его имения Орловки; Писарев приглашал Толстого приехать к нему вечером для встречи с генералом Михаилом Николаевичем Анненковым, заведывавшим устройством общественных работ, организованных правительством для поддержки населения, пострадавшего от неурожая. Писарев надеялся убедить Анненкова организовать, в виде общественных работ, рытье прудов и колодцев в некоторых безводных деревнях ближнего района.

Начало письма, кончая словом «сегодня», написано рукой М. Л. Толстой; далее до конца рукой Толстого.

[1] Толстой 2 мая страдал припадком острых болей печени. По этому поводу он 4 мая писал С. А. Толстой: «Странно сказать, но я истинно люблю эти боли. Бога вспомнишь. А главное, до этого я дня два был в страшно дурном расположении духа, ничего не мог работать. А теперь так свеж и бодр, и второе

утро хорошо работаю» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 418).

[2] Толстой тогда работал над трактатом «Царство божие внутри вас».

[3] Генерал Анненков с большой свитой, в которой были предводители дворянства, уполномоченные по продовольствию, профессора, инженеры и пр., приехал в Бегичевку 4 мая. Целью его поездки было осмотреть русло Дона с целью изысканий способов увеличения объема его вод. Толстой в тот же день писал жене: «Сейчас только мы проводили отсюда заезжавшего к нам Анненкова с своей свитой — человек 20. Не хочется осуждать, но нельзя не сказать, что странно». («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», стр. 417).

[4] 900 рублей, взятые Толстым у Писарева взаймы для закупки конопляного семени (См. письмо № 7).

9

1892 г. Мая 4—8? Бегичевка.

Опять беспокою вас, дорогой Рафаил Алексеевич. Пожалуйста дайте мне 500 р., передав их В. И. Скороходову. Опять посылаю за семенем. Теперь я посылаю в Епифань и оттуда телеграмму в Курск. Так сухо, что еще можно успеть [1]. Деньги же я ему даю на случай, если бы он нашел там или где нибудь по близости семя.

Кстати он и пришлет нашу рожь оттуда.

Ваш Л. Толстой.

Написанное после предыдущего письма Писареву письмо это не могло быть написано позднее 8 мая 1892 г., так как упоминаемый в нем В. И. Скороходов 10 мая уже ушел из Бегичевки.

[1] «Можно успеть»: подразумевается — посеять.

ПИСЬМА К С. А. СТАХОВИЧ

София Александровна Стахович (р. в 1862 г.), дочь Александра Александровича Стаховича (см. стр. 67), познакомилась с Толстым в 1885 г. в Москве и сделалась близким другом семьи Толстых. Лев Николаевич ценил в ней художественную чуткость. С. А. Стахович принадлежит статья «Слова Л. Н. Толстого», напечатанная в сборнике «Толстой и о Толстом», под редакцией Н. Н. Гусева, изд. Толстовского музея, М., 1924, стр. 63—67. Ей же принадлежит очерк «Как писался «Холстомер», печатаемый в настоящем томе. В настоящее время С. А. Стахович является сотрудницей выпускаемого Гослитиздатом юбилейного издания «Полного собрания сочинений» Толстого.

Все письма Толстого к С. А. Стахович, числом шестнадцать, относящиеся к 1891—1910 гг., хранятся в Литературном музее и печатаются в настоящем издании.

1

1891 г. Ноября 23? Бегичевка.

Втройне был обрадован вашим письмом, любезная Софья Александровна — 1) тем, что вы перестали сердиться на меня за то, что я будто бы не пустил к вам Таню [1], 2) тем, что извещаете меня о пожертвовании вашего брата, которого очень благодарю. Непременно испытаем хлеб из этой смеси и 3) тому, что приедет к нам св[ященник] В. В. Зимин, которому я буду очень рад и которому желал бы и надеюсь быть полезен. Наши столовыя идут лучше, чем я мог вообразить. Кроме того, деятельность его по школам мне очень интересна и сочувственна. А от Лебедянского уезда мы недалеко и хотим подвигаться нашими столовыми именно в этом направлении. Таня и Маша [2] и В. Кузминская [3] со мной прекрасно работают и вас целуют. Дружески жму вам руку. Мой привет всем вашим.

Л. Толстой.

1891 г. 23 ноябрь [4].

На конверте:

Елецкого уезда
Пальна
Софье Александровне Стахович.

Толстой отвечает на письмо С. А. Стахович от 16 ноября 1891 г., в котором она, исполняя поручение своего брата Александра Александровича, предлагала Толстому для устраиваемых им столовых для голодающих двести пудов муки, состоящей «из трех равных частей—ржи, кукурузы и отрубей». «За доброкачественность хлеба из этой смеси можно поручиться, — писала С. А. Стахович,— ибо мы печем таковой уже месяц, и он оказывается очень вкусным и питательным. Припеку получается, как и в обыкновенном — 20 фунтов... Ежели продукты вам не нужны, то просим вас принять заменяющие их 200 рублей». Далее

Стахович сообщала, что священник Василий Васильевич Зимин из Лебедянского уезда Тамбовской губернии намеревается приехать в Толстому посмотреть его столовую, «чтобы поучиться, как лучше устроить свою», и просила не отказать ему в этом. Стахович характеризовала его, как «необыкновенно хорошего человека», старающегося всячески помогать своему приходу: «он устроил маленькие школы в каждой деревне, набрав добровольных жителей, основал общество трезвости, которое на-днях праздновало свою первую годовщину, и теперь задумал устроить столовую. По местным отзывам, это удивительно достойный человек и с этим скромный и не шумливый». (Толстовский кабинет Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[1] Татьяна Львовна Толстая.
[2] Мария Львовна Толстая, впоследствии по мужу Оболенская (1871—1906).
[3] Вера Александровна Кузминская.
[4] Дата рукой С. А. Стахович.

2

1898 г. Марта 9—10? Москва.

Дорогая Софья Александровна.

Не могу теперь вспомнить, где я читал подробности о казни. Есть, кажется, описание у Трубецкого (его записки) [1]. Лучшие описания не у самих Декабр[истов], а у современников их, записках разных генералов. Стасов [2] должен много знать. Об отношениях Бестужева к Мурав[ьеву]я знаю из рассказов Матв. Ив. Мур[авьева] Ап[остола] [3]. О личности же, внешнем виде Бестужева надо обратиться к его племянникам—один, Вас[илий] Ник[олаевич], в Петерб[урге] начальник ружей[ных] заводов [4]. — Таня [5], только схоронив одного друга — Ол-с[уфьеву] [6], поехала к другому другу—Вере Толстой [7], у к[оторой], кажется, начинается чахотка. Смертей так много и так обыкновенно и естественно—смерть, что пора бы к ней привыкнуть и думать только о смерти, чтобы она заставала нас за доброй жизнью. До свиданья.

Л. Толстой.

На обороте:

Петербург
Гагаринская набережная, 19.
Софье Александровне
Стахович.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля: «Москва 11/III 1898». Так как письмо могло быть написано как в этот день, так и накануне вечером, датируем его предположительно двумя числами.

8 января 1898 г. С. А. Толстая записывает в дневнике: «Вчера обедал у нас Репин, все просил Льва Николаевича задать ему тему для картины. Он говорил, что хотел бы свои последние силы жизни употребить на хорошие произведения искусства, чтобы стоило того работать. Лев Николаевич еще ничего ему не посоветовал, но думает» («Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», Кооперативное издательство «Север», М., 1932, стр. 16).

12 января 1898 г., уже по возвращении в Петербург, Репин писал Т. Л. Толстой: «Я все мечтаю, что Лев Николаевич однажды найдет мне желательную тему, и через ваше посредство я получу ее и попробую свои силы» (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

18—29 января 1898 г. Т. Л. Толстая была в Петербурге, виделась с Репиным и он несколько раз напоминал ей о том, что ждет от Льва Николаевича темы для картины. В дневнике Т. Л. Толстой под 4 февраля 1898 г. записано: «Вчера папа говорил, что ему пришел в голову один сюжет, который, впрочем, его не вполне удовлетворяет. Это — момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом, — скорее личностью его, чем идеями, и все время шел с ним заодно и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице» («Толстой». Памятники творчества и жизни», вып. 3, редакция В. И. Срезневского, изд. Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого, М., 1923, стр. 66—67).

Т. Л. Толстая, повидимому, написала об этом И. Е. Репину или С. А. Стахович. 8 марта 1898 г. С. А. Стахович писал Толстому, что Репину нужно знать подробности казни декабристов, и спрашивала, где он может узнать эти подробности. Ответом на это письмо С. А. Стахович и служит комментируемое письмо Толстого.

[1] Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860) — декабрист. Его «Записки» были впервые изданы в Лондоне в 1875 г.

[2] Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — писатель, литературный и музыкальный критик, библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге. С Толстым был знаком с 1878 г. и состоял с ним в переписке.

[3] Матвей Иванович Муравьев-Апостол (1793—1886) — декабрист, отставной полковник, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия. Принимал участие в восстании Черниговского полка; был приговорен к каторжным работам на двадцать лет. Толстой познакомился с ним в Москве в 1878 г. в эпоху своей работы над романом из эпохи декабристов. В своей статье «Стыдно», написанной в 1895 г., Толстой называет М. И. Муравьева-Апостола «одним из лучших людей своего да и всякого времени».

[4] Василий Николаевич Бестужев-Рюмин (1835—1910) — генерал-лейтенант, в 1876—1889 гг. начальник оружейного завода в Туле.

[5] Татьяна Львовна Толстая.

[6] Елизавета Адамовна Олсуфьева (1857—1898) — дочь графа Адама Васильевича и Анны Михайловны Олсуфьевых. См. стр. 214.

[7] Вера Сергеевна Толстая (1865—1923) — племянница Толстого, дочь его брата Сергея Николаевича.

3

1900 г. Марта 28. Москва.

Дорогая Софья Александровна.

Я не успел сам зайти к вам и потому посылаю пакет. Желание мое в том, что, если это можно, передано бы было государю, что прошение идет через меня, и что я отгаваривал их от эмиграции, но сочувствую их ходатайству об освобождении от требований, противных их религиозным верованиям. Очень буду вам благодарен. В случае неудачи пришлите обратно. Сердечно благодарен и сейчас.

Л. Толстой.

28 Марта 1900.

Толстой пишет о молоканах Карсской области, в количестве около 5 тысяч человек решивших последовать примеру духоборов и выселиться за границу. Это решение было вызвано преследованиями их русским правительством за отказ выполнять требования властей, противные их верованиям: присяга, военная служба и т. п. Прошение карсских молокан о разрешении выселиться за границу было подано царю через гр. А. В. Олсуфьева (генерал-адьютант Николая II). Позднее, в начале мая 1900 г. с таким же ходатайством обратились и эриванские молокане (около трех тысяч человек), также просившие посредничества Толстого. Толстой вторично писал С. А. Стахович (см. письмо № 4). Оба эти прошения были оставлены без последствий. В 1901 г. молокане вновь подали прошение царю, после чего им было неофициально разрешено переезжать небольшими партиями. С весны 1901 г. началось их переселение в Америку (Мексику и Калифорнию), продолжавшееся до 1911 г. Всего за это время переселилось около трех с половиной тысяч молокан.

4

1900 г. Мая 2.

Дорогая Софья Александровна,

Я думал, что покончил дело с молоканами, но вот приехали еще новые, совсем из другого места Кавказа, с таким же прошением, как и прежние [1]. Я написал письмо Ал. В. Олсуфьеву [2] с просьбой передать прощение государю, но сейчас сестра его Гр. Зубова [3] сообщила, что

его нет в Петербурге. И вот мне приходится просить вас передать прошение через принца Ольденбургского [4]. Я бы написал ему, но боюсь стеснить его письмом, необходимостью отвечать, не желанием отказать. Вы же узнаете, не неприятно ли или неудобно это ему, и только тогда попросите его.

Дело это, по моему мнению, очень важное тем, что оно может содействовать если не уничтожению, то пересмотру законов о вере, которые у нас так бесполезно стеснительны и жестоки. И потому, зная просвещенные и разумные взгляды принца Ольденбургского, я надеюсь, что он не откажется принять свою долю участия в этом добром деле. Я, как с прежними ходоками, употребил все мое красноречие для того, чтобы отговорить их от переселения, но, разумеется, всей душой сочувствую их ходатайству об отмене всех стеснений, которым они подвергаются в исповедании своей веры.

Так вот, если можете и как можете, помогите этому делу.

Дружески жму вам руку и прошу не сердиться на меня за то, что утруждаю вас.

Примите мой привет и передайте таковой всем вашим.

Лев Толстой.

2 Мая 1900.

[1] Речь идет о молоканах из Эриванской губернии. См. комментарий к предыдущему письму.

[2] Граф Александр Васильевич Олсуфьев (1843—1907) — помощник начальника императорской главной квартиры, адъютант Николая II. 2 мая 1900 г. Толстой написал ему письмо, но, как видно из комментируемого письма, не отправил его. Письмо это напечатано в 72 т. «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого, ГИХЛ, 1933, стр. 351—352.

[3] Гр. Александра Васильевна Зубова, рожд. гр. Олсуфьева (1838—1913) — жена гр. Николая Николаевича Зубова (1832—1898), мать второй жены Сергея Львовича Толстого Марии Николаевны.

[4] Петр Александрович принц Ольденбургский (1868—1924) — сын принца Александра Петровича Ольденбургского (р. 1844 г., ум.?) и Евгении Максимилиановны, рожд. герцогини Лейхтенбергской (1845—1925), воспитанницы двоюродной тетки Толстого гр. Александры Андреевны Толстой. Был лично знаком с Толстым. По словам С. А. Стахович, принца Ольденбургского в Петербурге не оказалось, и прошение молокан было передано царю через личную фрейлину имп. Марии Федоровны Екатерину Сергеевну Озерову.

6

1900 г. Мая 23. Я. П. Ясная Поляна. 23 Мая 1900.

Очень, очень вам благодарен, дорогая Софья Александровна, за исполнение моего поручения. Мне теперь легко на душе, зная, что я исполнил порученное мне, хотя весь труд исполнения был не мой, а ваш.

Хотя и мало можно на это надеяться, я думаю, что надо всетаки толкаться в дверь религиозной нетерпимости; авось она когда нибудь и отворится. Я слышал, что ваша кузина [1] выходит за Яшвиля [2]. Если это правда и вы этому рады, как я полагаю, то поздравляю вас. Я только, что приехал от Маши. Она была больна, теперь поправляется [3]. Передайте мой привет всем вашим, желаю вам всем (вам непременно надо всего хорошего желать всем вместе) всего хорошего.

Благодарный вам и желающий иметь случай чем нибудь отплатить вам

Лев Толстой.

На конверте:

Елецкого уезда
Сельцо Пальна
Софье Александровне
Стахович.

Толстой отвечает на письмо С. А. Стахович от 18 мая 1900 г., в котором она писала: «Извините меня, что я долго не уведомляла вас об исполнении вашего поручения, но время было трудное. Принц Ольденбургский с поста не возвращался в Петербург. Кого ни придумаешь — один уехал, другой уезжает; дежурства все за городом — все это из-за весны и отъезда в лагерь. Я уже собиралась отчаиваться, когда вдруг удалось чудесно устроить. Прошение будет передано с подробными комментариями о положении просителей. Я очень счастлива в Пальне и тоже очень рада, что мне удалось добросовестно исполнить ваше желание» (Толстовский кабинет Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[1] Анастасия Петровна Стахович (р. 1880 г.) — дочь Петра Александровича Стаховича (1850—1890) и Лидии Алексеевны Астафьевой (1853—1920).

[2] Князь Лев Владимирович Яшвиль (1859—1917) — в 1899—1903 гг. тульский вице-губернатор, камер-юнкер.

[3] С 3 по 18 мая 1900 г. Толстой гостил у своей дочери М. Л. Оболенской в ее имении Пирогове. Мария Львовна была больна после выкидыша.

6

1904 г. Октября 9. Я. П.

Вчера только получил, дорогая Софья Александровна, письмо М[ихаила] А[лександровича] [1]. Посылаю его вам. Письмо прекрасное. Оно многое мне уяснило и вызвало, что мне казалось невозможным, еще большее отвращение к войне и сожаление ко всем причастным к ней. Полезно бы было напечатать это письмо [2].

Я ему напишу сейчас [3]. Примите мой привет и передайте таковой всем вашим.

Лев Толстой.

9 Сент. 1904.

Дата Толстого на письме: «9 сентября 1904 г.» явно ошибочна. Письмо С. А. Стахович, на которое отвечает Толстой, датировано 3 октября 1904 г., а упоминаемое Толстым письмо М. А. Стаховича — 10 сентября 1904 г. В копировальной книге писем Толстого, хранящейся в Рукописном отделении Толстовского музея, письмо скопировано среди писем, датированных октябрем 1904 г.

Толстой отвечает на письмо С. А. Стахович от 3 октября 1904 г., в котором она просила Толстого переслать ей письмо к нему ее брата.

[1] Михаил Александрович Стахович (1861—1923), друг семьи Толстых, был елецким уездным, а затем орловским губернским предводителем дворянства, затем членом Государственного совета, а при временном правительстве — генерал-губернатором Финляндии и послом в Испании. Толстой был расположен к М. А. Стаховичу и неоднократно обращался к нему по делам помощи разным лицам. М. А. Стахович был одним из основателей Толстовского музея в Петербурге.

М. А. Стахович писал 10 сентября 1904 г. с войны, где он был в качестве старшего уполномоченного дворянского отряда Красного креста. Письмо написано из деревни Хун-хе-пу (близ Мукдена). Описывая свою жизнь на фронте, Стахович останавливается на положении мирных китайцев, этих «растерянных, постоянно кричащих, но добродушных и на диво терпеливых людей». Их скудное имущество беспощадно уничтожается, и целые семьи лишаются крова и избиваются. «Что их бьют — это прямо уму непостижимо! И я дивлюсь их добродушию». О самой войне Стахович писал: «Это не бой, не сражение, а беспощадная, смрадная бойня. Тут уже нет стихийного порыва твердой стойкости, величавой храбрости, во что-то яркое костюмировавших прежние сражения. Люди спрятаны, зарыты, не видят, а только раздражняются и злобятся шумом и ожиданием, пока работают ямы, колья, камни, проволока, электричество, пока не наступит резня. Те и другие должны дойти до озверения, до кровожадной ярости, в нетерпении злобы и ужаса дойти до отчаянья — и тогда сцепиться. И доходят, и эти сражения осуществляются... Ночью, когда виден огонь рвущихся снарядов, горы, на которых были японцы, были покрыты беспрерывной иллюмина-

цией, как Замоскворечье в святую ночь. Я не видел рвущихся фугасов и камнеметалок, но многие видевшие рассказывали, что это буквально бураки из частей человеческого тела: оторванные ноги и руки летят во все стороны... Но я хотел сказать вам, дорогой граф, не только ту банальность, что война отвратительна. Я думаю, что она вырождается. Это уже не движение военного искусства, а его судороги. Мне это кажется особенно после разговоров или после наблюдений над воинами. Кроме вралей и хвастунишек, положительно не допросишься прямого изложения или передачи личных ощущений. Все говорят, так сказать, в переносном смысле. Или передают слухи и толки всего лагеря, или сворачивают на рассуждения о дисциплине, о ханчже, которым будто бы напаивают японцев перед атакой, или о судьбе наших азиатских владений вообще, или просто разные басни. Но нет не только убедительности, нет и понимания; нет ни суждения, ни рассказа по существу, которые неизбежно сопутствуют всякой беседе о своем деле. Бывают даже в рассказах преступников. Здесь же чувствуется какое-то внутреннее отречение, умышленное зажмуривание духовных глаз. Как будто заведомый, обоюдно признанный беседующими самообман, составленный из замалчивания и непонимания».

[2] Письмо Стаховича было почти полностью опубликовано в газете «Русь», 1904, № 315 от 26 октября.

[3] Толстой отвечал Стаховичу в тот же день. Он писал: «Письмо ваше особенно хорошо тем, что говорит и очень хорошо, образно и живо говорит о том, что никто не говорит и о чем нужнее всего говорить: о нравственно могущественных в своем смиренном унижении китайцах и о новом, не человеческом, а дьявольском характере войны» (Письмо не опубликовано).

7

1905 г. Сентября 29. Я. П.

Очень рад случаю сделать вам приятное, любезная Софья Александровна, и рад узнать, что у вас все хорошо в семье. В отечестве же нашем очень нехорошо. Думаю, что время очень важное, и нам, русским, надо быть очень внимательными и строгими к самим себе, о чем и стараюсь. Таня у нас здорова. Маша опять лишилась надежды ребенка.

Сердечный привет вашему батюшке.

Лев Толстой.

27 Сент.

Год письма определяется письмом С. А. Стахович, на которое отвечает Толстой, словами «В отечестве же нашем очень нехорошо» (очевидный намек на события 1905 г.) и упоминанием о выкидыше М. Л. Оболенской.

8

1906 г. Декабря 28. Я. П.

Благодарю вас, милая Софья Александ[ровна], за ваши труды.

Басни, сказки могут быть Индейские, Китайские, Греческие мож[ет] б[ыть].—

Нездоровье мое проходит, но чувствую большую слабость в теле и, как всегда, тем большую радость духа.—Порадовался за вас — об П[авле] А[лександровиче] [1].

Передайте мой поклон батюшке, братьям, сестре. Книгу [2] возвращу с Сухотиным [3].

Дружески жму руку.

Лев Толстой.

28 Дек. 1906.

На конверте:

Софье Александровне
Стахович.

В ноябре 1906 г. Толстой начал по вечерам заниматься с яснополянскими мальчиками, стараясь передать им свои взгляды на жизнь и рассказывая до-

ступные их пониманию басни, сказки и рассказы. В бытность С. А. Стахович в Ясной Поляне он просил ее подобрать ему подходящие для этой цели книги в Публичной библиотеке в Петербурге. В письме от 21 декабря 1906 г. из Петербурга С. А. Стахович выписывала названия тех книг, которые, по ее мнению, могли быть полезны Толстому в его занятиях, и просила указать, какие именно из них Толстой желал бы получить, обещаясь после его указания исполнить все «старательно и скоро».

[1] Павел Александрович Стахович (р. 1864 г.) — адъютант вел. кн. Сергея Александровича.

[2] С. А. Стахович просила вернуть бывшую у Толстого и принадлежавшую ее зятю книгу К. Валишевского «Pierre le Grand» («Петр великий»).

[3] Михаил Сергеевич Сухотин (1850—1914) — с 1899 г. муж Татьяны Львовны Толстой, крупный землевладелец Орловской губернии, член Первой государственной думы, октябрист.

9

1907 г. Марта 28. Я. П.

Милая Софья Александровна,

Мне кажется, что библиотекари ошибаются, и что 1-го тома у меня нет. Впрочем, поищу.

Воображаю, как болезнь вашего батюшки напугала вас и как порадовало выздоровление. Передайте ему мой сердечный привет и пожелания полного восстановления. Дружески жму вам руку и радуюсь мысли скоро увидать вас.

Лев Толстой.

28 Марта
1907

Саша[1] с Наташей[2] уехали в Крым, приедут к святой. У нас все здоровы.

Ответ на письмо С. А. Стахович от 25 марта 1907 г.: «Вчера мне дали знать из Публичной библиотеки, что у вас еще остался первый том «Жизнь великих философов» (по-французски), второй, третий и четвертый тома которой вы прислали со мной обратно. Это маленькая толстая книжка в синей бумажной обложке. Я думаю, что лучше прислать ее мне, так как в получении книг в библиотеке расписывалась я». Далее С. А. Стахович сообщала о перенесенной ее отцом болезни — воспаление легких.

[1] Александра Львовна Толстая (р. 1884 г.) — младшая дочь Толстого.

[2] Наталья Михайловна Сухотина, впоследствии по мужу Оболенская (1882—1925), дочь М. С. Сухотина от первого брака.

10

1907 г. Апреля 15. Я. П.

Милая Софья Александровна.

От души радуюсь за вас и поздравляю и с праздник[ом] и с выздоровлением дорогого сотоварища по возрасту Ал[ександра] Ал[ександровича][1]. Простите, что утрудил вас порученьями о книгах.

Сейчас пишу с новой просьбой. Есть писатель Семенов[2]. Его первые вещи превосходны, я читаю их теперь детям и еще больше ценю их. Его выслали из России, и запрещенно вернуться. Изгнание это ему очень тяжело, и я не думаю, чтобы он par le temps qui court * опасен для России. Нельзя ли похлопотать о том, чтобы ему разрешили вернуться. Я пишу об этом и Мих[аилу] Ал[ександровичу][3], но на вас больше надежды. Сделайте доброе дело и на меня наложите новые приятные цепи благодарности. Всетаки надеемся увидать вас.

Лев Толстой.

15 Апр. 1907.

---

* [по нашему времени]

[1] Александр Александрович Стахович был болен воспалением легких. См. предыдущее письмо.

[2] Сергей Терентьевич Семенов. См. стр. 70. В 1906 г. Семенов был арестован за участие в Крестьянском союзе и выслан на два года за границу.

Толстой хлопотал о возвращении Семенова по его просьбе в письме от 11 апреля 1907 г.: «Нет ли у вас в настоящее время кого-нибудь в Петербурге, кто бы мог замолвить за меня словечко, или не найдется ли возможности через Столыпина помочь мне возвратиться домой? Домой мне страшно хочется. И нужно. Как ни как, я человек деревенский и только в деревне могу чувствовать под собой почву. Тянет к земле и к семье.» (Рукописное отделение Толстовского музея).

[3] Михаил Александрович Стахович. 15 апреля 1907 г. Толстой писал о Семенове и М. А. Стаховичу: «Не можете ли помочь ему: попросить Столыпина или кого еще. Я не думаю, чтобы его присутствие в России угрожало тому беспорядку, который так заботливо охраняется». В ответном письме от 28 июня 1907 г. Стахович сообщал, что Столыпин ничего не имеет против возвращения Семенова в Россию, но московский губернатор Джунковский настоятельно просит Столыпина не возвращать Семенова. В заключение Стахович писал: «Так что, многоуважаемый граф, едва ли ваше желание, а мои добросовестные и усердные хлопоты увенчаются успехом. Но всякая надежда еще не потеряна. Я показал Столыпину ваше письмо и обещал отдать его в семейный его архив, если он согласится переспросить Джунковского или разрешит Семенову право жительства везде, кроме Московской губернии. Ничего убедительнее я придумать не могу» (Рукописное отделение Толстовского музея).

Семенов вернулся в Россию лишь в 1908 г.

11

1908 г. Апреля 28. Я. П.

Простите, милая Софья Александровна, за то, что утруждаю вас и за то, что пишу вам не своей рукой, а через фонограф [1]. Мне так легче, и дела много, и я дорожу временем. Вот в чем моя великая просьба. Ко мне обратились с двумя письмами [2]: одно от г-жи Дейч [3], которая просит походатайствовать за ее... уж не помню кого, вы увидите из письма, которое я посылаю вам. Я намерен был обратиться к Михаилу Александровичу [4], но не знаю, где он, и поэтому позволил себе обратиться к нему через вас. Пожалуйста, если можно, сделайте это, т. е. передайте ему и попросите его сделать это; если же это невозможно, простите меня и его попросите извинить меня.

Теперь лето подходит, и я надеюсь, что мы скоро увидим вас, что всегда нас так радует. Пожалуйста передайте мой сердечный привет и дружбу вашему отцу.

Прощайте, дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

28 апр. 1908 [5].

[1] В начале января 1908 г. Толстой получил от Эдисона из Америки в подарок фонограф для диктования писем. Ответы Толстого потом переписывались на машинке и, просмотренные и подписанные Толстым, отправлялись по назначению.

Толстой пользовался фонографом недолго и вскоре стал предпочитать непосредственно диктовать письма своему секретарю Н. Н. Гусеву, владевшему стенографией.

[2] Письма эти и их содержание неизвестно. Повидимому, они остались у С. А. Стахович.

[3] Дейч и дело, по которому она обращалась к Толстому, редакции неизвестны.

[4] М. А. Стахович.

[5] Дата рукой Н. Н. Гусева.

12

1908 г. Мая 10. Я. П.

Со страхом открывал ваше письмо, милая Софья Александровна. Думаю: наверно скажет, т. е. напишет, как ей это и свойственно, в

мягких и тонко умных выражениях то, что и должно быть, что ей надоел и что она просит оставить ее и ее брата в покое, так как они не могут ничего сделать для его каких-то никому, вероятно и ему самому неизвестных protégés. Распечатал и стал с робостью читать с конца. Все благополучно. Пошел выше, все также, нет и намека на неприятное. Спасибо вам. В благодарность хотел написать вам росписание поездов, но Таня[1] предвосхитила. Теперь же, ободренный вашей добротой, прошу еще за нового protégé. Но, чтобы смягчить свою назойливость перед Мих[аилом] Алекс[андровичем][2], прошу преимущественно за этого. Если нельзя просить за всех, то просить за этого вместо Еврея[3], который менее жалок.

Посылаю вам письмо этого Полковника[4]. Когда, как уверен, вы заедете к нам, привезите это письмо назад.

В какое ужасное время мы живем!

До свиданья, прошу прощенья. Жму дружески руку вам, Ал[ексан]дру] Ал[ександровичу] старшему[5] и Мише[6].

Любящий вас Л. Толстой.

1908, 10 Мая.

Толстой отвечает на письмо С. А. Стахович от 4 мая 1908 г., являющееся ответом на предыдущее письмо к ней Толстого. С. А. Стахович писала, что она, «как и всегда, изо всей мочи» будет стараться исполнить поручение Толстого. Кроме того, просила А. Л. Толстую написать ей расписание дачных поездов на Тулу.

[1] Татьяна Львовна Сухотина.

[2] Михаил Александрович Стахович.

[3] «Еврей» — повидимому Дейч, о котором Толстой писал в предыдущем письме.

[4] Виктор Александрович Лишев (1856—1927) — полковник артиллерии. В 1900—1913 гг. служил на пороховом заводе в Шостке, Черниговской губ. В 1913—1918 гг.—технический директор порохового завода в Муромском уезде Владимирской губернии. Обратился к Толстому с письмом от 28 апреля 1908 г. (Рукописное отделение Толстовского музея), в котором писал о своих детях Николае (р. 1886 г.) и Ольге (р. 1889 г.), за принадлежность к «преступному сообществу» приговоренных 22 апреля 1908 г. киевским военно-окружным судом к каторжным работам, первый — на шесть лет и вторая—на два года и восемь месяцев. Просил ходатайствовать перед Столыпиным о смягчении приговора.

[5] Александр Александрович Стахович.

[6] Михаил Александрович Стахович.

На письмо Толстого С. А. Стахович отвечала 13 мая 1908 г.: «Сегодня получила ваше письмо и думаю, что это дело касается не Столыпина, а военного ведомства. Поэтому я обратилась к брату Павлику, который обещает мне завтра с 9 часов утра начать хлопоты, благо день праздничный. А послезавтра уж он уезжает из Петербурга. Павлик такая душка — по телефону советовался, к кому приступить, чтобы без проволочки попасть к кому следует, и решили мы так: я переписала ему письмо полковника (по некоторым соображениям иные вещи надо было выпустить), и с ним он поедет к Остен-Сакену — начальнику главного военного суда, куда и послана кассационная жалоба. Ну, а там, как бог даст... Как я рада, что вы выбрали меня передаточной станцией ваших поручений. Благодарю вас за ваше доброе письмо. Я его читала и перечитывала и к щеке прикладывала — это самое мое ласковое движение.... Письмо полковника привезу, как вы велели».

19 июня 1908 г. главный военный суд, рассмотрев кассационную жалобу по делам Лишевых, приговор утвердил, а 26 сентября 1908 г. Николай II прошение матери Лишевых о смягчении их участи оставил без последствий.

Николай Лишев отбывал заключение в Лукьяновской и Смоленской каторжных тюрьмах, затем в Шлиссельбургской крепости. Позднее был сослан в Иркутскую губернию, откуда в 1914 г. эмигрировал за границу. Возвратился в 1917 г. после Февральской революции.

Ольга Лишева отбывала заключение в Лукьяновской тюрьме; затем была выслана в Иркутскую губернию. В 1911 г. бежала на Кавказ, затем к Киев, откуда эмигрировала за границу. Возвратилась в Россию в 1917 г. после Февральской революции. С 1915 г. замужем за С. Ф. Булановским, ныне профессором Института пролетарского изобразительного искусства в Ленинграде.

Нужно отметить, что о прошении, поданном матерью Лишевых «на высочайшее имя», Николай Лишев ничего не знал. Ольга же Лишева, зная про него, резко протестовала, говоря, что она «милостью» не воспользуется.

13

1909 г. Января 3. Я. П.

Очень, очень благодарен вам, милая Софья Александровна, за исполнение моей просьбы. Вполне уверен, что то, что вы сделали, то и нужно было сделать. Одно нехорошо—это то, что такое легкое достижение мною моих желаний избалует меня, и я сделаюсь несносен людям своими просьбами.

Поздравляю с новым годом Алекс[андра] Алекс[андровича] (папа), вас и Михаила[1] и желаю всем одного, только одного нужного всем людям: любви друг к другу и в делах, и в словах, и в мыслях. Как мы не далеки от этого, все таки, если захотим, можем хоть немножко приближаться. —

До свиданья.

Любящий вас Л. Толстой.

3 Янв. 1909.

В декабре 1908 г. рабочий революционер Тимофей Кузьмич Анохин, осужденный на десять лет каторжных работ и сидевший в псковской тюрьме, обратился к Толстому с просьбой поместить двух его малолетних детей в приют ввиду того, что он не надеялся вынести долгие годы заключения. Об исполнении этого его желания Толстой просил С. А. Стахович. 30 декабря 1908 г. С. А. Стахович уведомила Толстого, что она нашла места в приюте для детей Анохина, «но, увидевши, что мать совершенно молодая и здоровая женщина и очень хорошо одетая», Стахович решила определить в приют одного мальчика, а девочку трехлетнюю оставить при матери, на что мать согласилась. «Извините меня,— писала С. А. Стахович, — что я насвоевольничала, но мне кажется, что я права».

В мае 1909 г. Толстым было получено от Анохина письмо, в котором он писал, что сейчас же по получении известия об определении его детей в приют он хотел поблагодарить Толстого, «но,—писал он,—начальник объявил мне, что всякая переписка с вами есть преступление, а в особенности из стен тюрьмы». (Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, изд. «Посредник». М., 1912, стр. 280).

[1] Михаил Александрович Стахович.

14

1909 г. Января 19. Я. П.

Вот и je v[ou]s prends au mot * и в деле очень, очень серьезном. Дело это вам передаст подательница этого письма, сестра мальчика 16 лет, к[оторо]му угрожает виселица. Она обратилась ко мне, и вот я делаю, что могу, в том числе и то, что мне больно и совестно делать, прошу вас, не можете ли вы через ваших братьев походатайствовать за этого несчастно[го], чтобы только спасти его от позорной смерти.

Простите меня пожалуйста и сделайте, что можете. Как это ни странно сказать, я смело обращаюсь к вам, наваливая на вас эту тяжесть, только п[отому], ч[то] сердечно люблю вас.

Лев Толстой.

19 Янв.

На конверте:

Гагаринская набер. 18
Петербург
Софье Александровне Стахович.

В письме без даты (почт. штемпель: «С.-Петербург. 17 января 1909 г.») фельдшерица Таисия Николаевна Ветвинова писала Толстому: «Я решаюсь, как

* [я вас ловлю на слове]

утопающий хватается за соломинку, написать вам, как самому ревностному противнику смертной казни, не поможете ли вы вашим авторитетным словом как писатель и своими знакомствами — избавить моего 16-летнего брата от петли. Сущность дела такова. 1907 года с 30 сентября на 1 октября пять человек молодых людей в возрасте 17 лет, а мой брат — 16 лет 6 месяцев от роду, вошли в пассажирский поезд близ Уфы на Самаро-Златоустовской дороге и, наставив на пассажиров револьверы, при этом никого не убив, взяли деньги и вещи, двое скрылись, а брат остался дома. Их на второй день арестовали, и на суде он сказал, что он анархист-индивидуалист и доставал деньги для безработных. Это правда, нужда его не заставляла; он был ученик реального училища 6-го класса. Если можно, дайте мне письма к сильным сего мира; ведь на меня, как на крестьянку, никто не обратит внимания. Я бы высказала, что жестоко казнить за молодые увлечения, достаточно и каторги. Участь его зависит от командующего Казанским округом Сандецкого; суд будет в конце января. Может быть, вы лично ему напишете письмо, а мне дайте письмо, с которым меня могли бы выслушать здесь влиятельные лица, как военный министр. Сандецкий же, вы знаете по последним приговорам, никого не милует. Брат судится по 279 статье военного устава. Избавьте старуху мать и меня, сестру, от ужасных переживаний ждать казни молодого, в цвете сил юноши».

Брат Т. Н. Ветвиновой Георгий Николаевич Ветвинов (р. 1892 г.), крестьянин Енисейской губернии, села Тесь, в то время ученик шестого класса реального училища в Уфе.

Кроме письма к С. А. Стахович, Толстой написал еще сыну Льву Львовичу и Анатолию Федоровичу Кони, также прося их похлопотать через знакомых о смягчении участи Ветвинова. Он написал также письмо и самому генералу Сандецкому, прося избавить Ветвинова от смертной казни.

На письмо Толстого С. А. Стахович ответила 27 января 1909 г., сообщая, что по словам всех компетентных лиц, к которым она обращалась, Ветвинову смертная казнь не грозит. Военным судом Ветвинов, как несовершеннолетний, был приговорен к 8 годам каторжных работ.

Т. Н. Ветвинова впервые обращалась к Толстому еще в марте 1899 г., будучи тогда слушательницей петербургских фельдшерских курсов. Она просила его принять участие в судьбе арестованной ее подруги курсистки. Толстой дал ей письма к А. Ф. Кони и М. А. Стаховичу. См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, Юбилейное издание, т. 72, ГИХЛ, 1933, стр. 96—98.

15

1909 г. Марта 23. Я. П.

Не дорог подарок, дорога любовь.

Благодарю за нее, милая Софья Алекс[андровна]. Сердечный привет вам и вашему батюшке. Желаю ему также скоро поправиться [1], как и я [2].

Лев Толстой.

23 марта 1909 [3].

В письме от 18 марта 1909 г. С. А. Стахович писала Толстому, что посылает ему винных ягод.

[1] А. А. Стахович в то время болел катарральным воспалением легких.

[2] В первых числах марта 1909 г. Толстой заболел воспалением вены на ноге. Болезнь длилась около трех недель.

[3] Дата рукой Н. Н. Гусева.

16

1910 г. Апреля 12. Я. П. 12 Апр. 1910.

Благодарю вас, милая Софья Александровна, за подарок. Очень рад буду, если удастся написать вашим карандашем что нибудь такое, что понравилось бы и мне и вам. — Тот карандаш у Доктора в починке, и нет о нем слуха [1].

Как жаль, что вы не написали смешное [2]. Я люблю смеяться. Саша завтра едет в Крым [3]. Странное дело: чем больше я люблю ее, тем меньше боюсь за нее. Она и больная хороша—мне по крайней мере. Жалею о том, что вы так недавно были у нас, значит, не скоро опять приедете. А может быть, это не помешает.

Дружески жму руку. Привет Ал[ександу] Ал[ександровичу] и старшему и младш[ему] и Мих[аилу] А[лександровичу].

Лев Толстой.

В письме от 5 апреля 1910 г. С. А. Стахович уведомляла Толстого о посылке ему карандаша с электрической лампочкой, при помощи которого Толстой мог бы ночью, не зажигая свечи, записывать приходившие ему мысли.

[1] С. А. Стахович еще ранее подарила Толстому карандаш с электрической лампочкой, но он испортился. В своем письме она справлялась о судьбе этого первого карандаша.

[2] С. А. Стахович писала: «Мне хочется написать вам одну смешную вещь. Но такую смешную, что я даже и сейчас отложила перо, потому что я трясусь от хохота. Но я не решаюсь потому, что вдруг вы теперь грустны, и я не смею шутить».

[3] А. Л. Толстая, у которой врачами предполагалось начало чахотки, уехала в Крым на месяц 19 апреля 1910 г.

ПИСЬМО К В. Н. БИБИКОВУ

1891 г. Ноября 26. Бегичевка.

Дорогой Василий Николаевич!

Ваши милые дети приехали к нам, к сожалению, в очень несчастливое время: наш хозяин и главный делец Ив. Ив. Раевский тяжело заболел и теперь лежит. Несмотря на то, Анюта, кажется, рассмотрела и разузнала все, что нужно видеть и знать о столовых. — Дело, главное, за складом, т. е. за заготовлением в одном месте всех припасов, нужных для столовой, а именно: муки, отрубей (мы даем на 2 п. муки 1 п. отрубей, и выходит очень хороший хлеб), картофелю, свеклы, капусты, овсянки, дров. Разумеется, можно давать другие вещи, но все-таки все то, что будет выдаваться в столовых, должно быть заготовлено в складе. По нашим расчетам для прокормления одного человека нужно от 1 р. до 1, 30 к. в месяц с дровами или торфом. — Так что, если устроить столовую на 40 чел., на 8 мес. нужно рублей 400.— Так вот, если вы возьмете на себя труд заготовки, закупки запасов, а Анюта — наблюдение, то мы охотно уделим из жертвуемых нам денег пока на одну столовую, а если пойдет дело, то и более. Кроме того, к нам обращаются люди, спрашивая, нельзя ли поселиться там, где есть нуждающиеся. У нас уж дело идет и есть люди. Так можно ли направлять к вам? Посылаем теперь с Анютой 200 р. для начала дела. Вы, верно, напишете мне: можно ли и как вести дело и что нужно. Тогда столкуемся. Как жаль, что не пришлось свидеться. Надеюсь, что здоровье ваше поправилось. Передайте мой привет Екатерине Михайловне [1] и всем вашим. Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

На обороте:

Василию Николаевичу
Бибикову.

Адресат письма Василий Николаевич Бибиков (1829—1893) — владелец имения Успенское, Богородицкого уезда, Тульской губернии. Толстой был знаком с Бибиковым с начала 60-х годов; общим интересом, который сближал их, была охота. В августе 1864 г. Толстой охотился вместе с Бибиковым в Чернском уезде, Тульской губернии (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 10).

В сентябре 1891 г., с целью ближе ознакомиться с положением голодающего крестьянства, Толстой предпринял ряд поездок по местностям Тульской губернии, пострадавшим от неурожая. Будучи в Богородицком уезде, он 19 сентября останавливался у Бибикова.

25 ноября 1891 г. Толстой, живший в то время в Бегичевке, писал жене: «К нам приехала Бибикова, дочь Василия Николаевича, на лошадях. Мы ее выписывали, чтобы ей передать деньги и научить ее, как вести столовыя» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 377). А. В. Бибикова пробыла в Бегичевке только один день. На другое утро, когда она уезжала, Толстой передал ей комментируемое письмо к ее отцу. На этом основании письмо датируется 26 ноября 1891 г.

[1] Жена В. Н. Бибикова Екатерина Михайловна, рожд. Жукова.

ПИСЬМА К М. Н. ЧИСТЯКОВУ

Матвей Николаевич Чистяков (р. 10 августа 1854 г., ум. 19 февраля 1920 г.) служил в 1880—1886 гг. управляющим имениями и делами золотопромышленника К. М. Сибирякова. В 1889—1893 гг. был управляющим хутором В. Г. Черткова Ржевск в Воронежской губернии и заведывал его денежными делами. Оставив работу у Черткова, Чистяков занялся сельским хозяйством на арендованной им земле в Воронежской губернии, а в 1900—1918 гг. был главным управляющим лесными имениями Хлудовых в Новгородской губернии. В 1918—1920 гг. был секретарем одного из сельских советов Воронежской губернии. Умер от сыпного тифа.

Чистяков был дружен с писателями А. И. Эртелем, Г. И. Успенским, Н. Н. Златовратским и П. В. Засодимским. С Толстым познакомился в декабре 1889 г. Толстой и вся его семья относились к Чистякову с большой симпатией. 12 ноября 1891 г. Чистяков приехал к Толстому в Бегичевку и остался помогать ему до 14 декабря. 14 декабря Толстой писал В. Г. Черткову: «С Матвеем Николаевичем расстался, как с дорогим братом. Я очень узнал его — увидал его до дна и очень полюбил». В тот же день он писал жене про Чистякова: «Мы все его полюбили очень. Да и нельзя. И кроткий, и умный, и деловитый человек» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 381).

Вся переписка Толстого с Чистяковым относится к 1891—1894 гг.; известно всего шесть писем Толстого к Чистякову. Четыре из них были напечатаны в «Воронежском Историко-Археологическом Вестнике», 1921, вып. 2, стр. 54—57. Но так как письма были напечатаны неточно и без всяких комментариев, то мы публикуем и эти четыре письма вместе с двумя неопубликованными письмами Толстого и одним письмом М. Л. Толстой.

1

1891 г. Декабря 6? Москва.

Пишу вам это письмо, дорогой друг Матвей Николаевич (напрасно скучающий о своем душевном одиночестве), с Новоселовым [1] и Гастевым [2], которые едут к вам и к нам делать тоже, что мы делаем. О них писать нечего, вы их знаете, а чего не знаете, то узнаете. — О делах:

1) Просо и пшено в Пашкове [3] надо приторговать, а то я хочу выписывать издалека.

2) Новосел[ову] и Гастеву, я думаю, следует походить с вами по столовым, а потом дать каждому свой район.

Впрочем, вы все сами знаете и видите, где и что нужнее. Может быть, нужна счетная часть, может быть, приемка и отпуск. — Спрашивать же у вас ничего не спрашиваю, п[отому] ч[то] надеюсь, что мы приедем раньше, чем можем получить ваш ответ. Не могу даже и советовать о том, где поместить этих наших друзей, п[отому] ч[то] не знаю, какие сделала распоряжения Эл[ена] Павл[овна] [4]. Я думаю,

что им хорошо бы было поселиться в стороне Лебедева [5], так чтобы иметь под надзором столовые от Андреевки [6], где вы, верно, открыли, и до Мещерок [7] и даже Татищева [8]. Должна была ехать к вам еще Александрова [9], к[оторую] мы намеревались поселить у Н. Н. Философовой [10], поручив ей столовую в Прудках [11].

Я не могу выскочить из колеса, в к[оторое] попал, и колесо это вертится все быстрее и быстрее [12]. Пожертвований всех около 40 т[ысяч]. Лева едет нынче в Самару, и ему надо направить половину их. У нас тоже до сих пор нет препятствий к расширению дела. Жену я нашел в лучшем положении, чем ожидал. Мы едем отсюда в понедельник [14], если бог велит. Несмотря на колесо, в кот[ором] верчусь, я здесь два дни—вчера и сегодня—так хорошо работал над 8-й главой [15], что завтра надеюсь кончить, и хорошо.

Прощайте пока, милый друг, очень благодарю вас за вашу доброту ко мне. Новос[елов] и Гастев расскажут вам подробно про нас.

Лев Толстой.

На конверте:

Со станции Клекотки на Бегичевку на Дон.
Остановиться и нанять лошадей у Ермолаева.
Матвею Николаевичу Чистякову.

Письмо датируется на основании упоминания об отъезде Л. Л. Толстого в Самару — вероятно, 6 декабря 1891 г.

[1] Михаил Александрович Новоселов. См. стр. 329—330.
[2] Петр Николаевич Гастев (р. 1866 г.)—единомышленник Толстого. С 1889 г. жил в толстовских земледельческих колониях; с 1892 г. живет на Кавказе. Автор воспоминаний: «На голоде с Л. Н. Толстым в Рязанской губернии», напечатанных в сборнике «Лев Толстой и голод», под редакцией Ч. Ветринского, Нижний-Новгород, 1912, стр. 194 — 200.
[3] Пашково — деревня Епифанского уезда в 7 верстах от Бегичевки.
[4] Елена Павловна Раевская.
[5] Федор Егорович Лебедев — управляющий имением В. И. Ершова, близ деревни Грязновки, Епифанского уезда.
[6] Андреевка — деревня Епифанского уезда в 15 верстах от Бегичевки
[7] Мещерки — деревня Епифанского уезда.
[8] Татищево — село Данковского уезда в 5 верстах от Бегичевки.
[9] Ал. А. Александрова, молодая девушка, помогавшая Толстому в работе на голоде до осени 1892 г.
[10] Наталья Николаевна Философова (1872 — 1926) — дочь художника Николая Алексеевича Философова и Софьи Алексеевны Писаревой, сестра жены И. Л. Толстого, впоследствии жена профессора экономической географии В. Э. Дена. В то время жила в усадьбе своих родителей Паники, в 5 верстах от Бегичевки.
[11] Прудки — деревня Данковского уезда, в 8 верстах от Бегичевки.
[12] Под «колесом» Толстой разумел работу помощи голодающим.
[13] Лев Львович Толстой.
[14] 9 декабря 1891 г.
[15] Произведения «Царство божие внутри вас».

2

1892 г. Февраля 11. Бегичевка.

Спасибо, что написали [1], дорогой друг Матв[ей] Ник[олаевич]. Пишу и робею, п[отому] ч[то] не знаю адреса Эртеля [2]. Помочь деньгами теперь нельзя [3]. Так расползается дело, что не поспеваешь наполнять.—Поминаем вас с самым хорошим чувством все. Много нового, есть новые помощники, но вас никто заменить не может. Все говорят: вот если бы Матв[ей] Никол[аевич]. Но я говорю и думаю, что М[атвей] Н[иколаевич] везде нужен. И радуюсь, что у вас идет дело, хотя не понял, отчего в том большом селе вы заробели. Тут — как

сказать?—и хорошо и дурно. Хорошо, что нужды нет, но дурно, что зависть, попрошайничество и всякие дурные чувства, вызываемые деньгами, дурашными деньгами, вызваны и развиты в большой степени. Если прежде еще могло быть во мне сомнение о том, что деньгами нельзя сделать доброго, то теперь уже нет никакого. А между тем вырваться из того механизма, кот[орый] захватил меня и крутит и треплет—не могу.

Дела очень много. Тут Новоселов, Гастев, две девицы очень хорошие [4] и один Кузнецов [5], совсем чуждый человек. Еще Леонтьев [6] и Страхов [7] — темный и полутемный [8].

Писанье [9] свое почти, почти кончил. Вера Кузм[инская] опять здесь. Лева сын здесь на время. Кланяйтесь Эртелю.

Целую вас. Пишите.

Л. Т.

Письмо датируется на основании хранящегося в архиве Толстого списка его писем 1892 г., который вела М. Л. Толстая.

[1] В письме от 3 февраля 1892 г. Чистяков писал, что он живет в имении Эртеля в Воронежской губернии и руководит шестью столовыми для голодающих.

[2] Александр Иванович Эртель (1855—1908) — беллетрист, друг Чистякова. Эртель был знаком с Толстым с 1885 г. В «Посреднике» было напечатано несколько народных рассказов Эртеля. В 1908 г. Толстой написал предисловие к новому изданию романа Эртеля «Гарденины», особенно подчеркивая знание Эртелем богатства русского народного языка. В 1892 г. Эртель жил в арендуемом им имении Емпелево в Воронежском уезде, где занимался организацией помощи голодающему населению.

[3] В своем письме Чистяков спрашивал Толстого, нет ли у него свободных денег, которые он мог бы послать ему в Воронежский уезд.

[4] «Две девицы»: Вера Михайловна Величкина (1870—1918), впоследствии жена В. Д. Бонч-Бруевича, врач, переводчица, с 1898 г. член Российской социал-демократической рабочей партии, большевичка. Оставила воспоминания: «В голодный год со Львом Толстым», ГИЗ, М.—Л., 1928. Другая «девица» — Елена Михайловна Персидская, дочь помещика казака; впоследствии постриглась в монахини.

[5] Григорий Федорович Кузнецов, студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве.

[6] Борис Николаевич Леонтьев (1866—1909), близкий по взглядам к Толстому, бывший воспитанник Пажеского корпуса. Впоследствии жил под Полтавой, где занимался столярничеством. Покончил самоубийством.

[7] Федор Алексеевич Страхов (1861—1923) — единомышленник Толстого, писатель философ. В ряде книг («Дух и материя», «По ту сторону политических интересов», «Искание истины» и др.) пытался философски обосновать мировоззрение Толстого.

[8] «Темными» С. А. Толстая называла последователей Льва Николаевича. В данном случае, «темный» — относится к Б. Н. Леонтьеву, а «полутемный» — к Ф. А. Страхову, миросозерцание которого в то время еще не вполне определилось.

[9] Толстой был занят тогда работой над трактатом «Царство божие внутри вас».

3

1892 г. Февраля 17. Бегичевка. 17 Февр.

Очень была рада вашему письму [1], дорогой Матвей Николаевич. Часто, часто мы вспоминаем вас и жалеем, что вас нет с нами. Я хотела даже писать вам и просить вас очень приехать опять к нам, чтобы помочь папа. Ему очень трудно, и он сильно утомляется. Давно написала бы вам и просила бы вас приехать, да узнала, что вы открыли столовую и тоже при деле. Мне просто жалко смотреть на папа. Жалко и обидно, что он тратится на то, что всякий мог бы делать вместо него, когда ему хочется писать,—его тянет писать. Жалко, что голова его должна быть постоянно занята всякими расчетами о жмыхах, столовых, вагонах и т. п. Это меня очень мучает и огорчает,

и мне ужасно хочется найти помощника папа. Я знаю, что многие с радостью приехали бы, но не многие могли бы действительно заменить его. Я право, сколько ни думаю, никого кроме вас не знаю. Дело наше все растет и осложняется, и делается все тяжелее и труднее его делать. У нас теперь 90 столовых. Ближние столовые стали очень требовательны и неприятны. Им стали очень роскошно выдавать от земства, т. е. по 35 рублей и по 1 пуду на едока, так что некоторые столовые мы назначили без хлеба. Но это плохо приживается. Некоторые отказываются совсем ходить, что служит доказательством того, что им не плохо. Это ближние Епифанского уезда, а дальше очень плохо и выдача плоха, так что мы теперь расширяем сколько возможно свой район и подумываем даже сами переехать в другой уезд. Все это время мне очень тяжело и скверно живется, и мне ужасно хочется выселиться одной в какую-нибудь глухую деревню, иметь свой район, жить ближе с ними и быть одной. Постоянная и совершенно бесцельная сутолока нашей здешней жизни, главное, сознание бесцельности ее меня очень огорчает и убивает во мне энергию, и мне кажется, наша скученность вместе производит эту сутолоку. Одна велела прийти за лекарством, другая—за одеждой, третья обещала записать в столовую, четвертая еще что-нибудь и т. п., и от этого толпа в передней, где разобраться невозможно, от этого суета, раздражение, утомление и все бесполезное.

Прощайте, желаю вам всего хорошего. Все наши очень кланяются вам. Написала бы еще, да что-то устала, и ничего не пишется радостного.

М. Толстая.

[1] Письмо М. Н Чистякова, на которое отвечает М. Л. Толстая, неизвестно.

4

1892 г. Марта 12. Бегичевка.

Дорогой Матвей Николаевич.

Получил нынче ваше письмо и очень обрадовался ему[1]. Но не думайте, что я обрадовался тому, что вы поможете нам. Это само собой, и несмотря на то, что у нас много и хороших помощников, ваша помощь будет очень нужна, я обрадовался (как вы ни думаете иногда, что вы никому не нужны и что вас не любят), что увижу. вас, поживу с вами.

Если у вас есть дело нужное, кот[орое] вы бросаете и лишаете людей, не бросайте, но если вы там[2] не очень нужны, приезжайте.

Мы нынче уезжаем в Москву недели на три на распутицу. Здесь главный делец в Бегичевке Алехин Митрофан[3]. Если приедете, то от него все узнаете и войдете в курс дела. Я нынче, кажется, кончаю свою 8-ю главу[4]. И очень рад. Послать еще не могу, но, кажется, кончаю. Целую вас и жду. Имейте в виду распутицу. Здесь, говорят, недели две не бывает совсем проезда[5].

Любящий вас Л. Толстой.

Письмо датируется днем отъезда Толстого из Бегичевки в Москву на время весенней распутицы (12 марта 1892 г.).

[1] Толстой отвечает на письмо Чистякова от 6 марта 1892 г., в котором Чистяков выражал согласие приехать в Бегичевку для работы среди голодающих.

[2] Чистяков работал в деле помощи голодающим в Воронежском уезде вместе с А. И. Эртелем.

[3] Митрофан Васильевич Алехин (1857—1935) — единомышленник Толстого, художник, организатор в 1888 г. толстовской общины Байрачная в 18 верстах от Харькова.

[4] Трактата «Царство божие внутри вас». Сообщая, что он кончает восьмую главу, Толстой предполагал, что он кончает весь трактат, работа над которым, однако, продолжилась до 1893 г.

[5] Чистяков, получив это письмо Толстого, поехал сначала к нему в Москву, откуда 21 марта поехал в Бегичевку, но пробыл там только до 24 марта.

5

1892 г. Апреля 18. Бегичевка. 18 Апр.

Дорогой Матвей Николаевич, мы с папа уже в Бегичевке с 13-го апреля[1], дела очень много, помощники частью разъехались, частью разъезжаются, и мы с нетерпением и радостью ждем вашего приезда. Когда вы приедете? На меня страх напал, что мы выпустили вас, и что вдруг вы теперь не приедете, что что-нибудь важное задержит вас. Сейчас с нами Митрофан Алехин, который стремится уходить и только ждет вашего приезда[2]. Девицы, которые жили здесь, уехали в Москву и неизвестно, когда вернутся, Таня[3] тоже еще в Москве, (все еще не совсем здорова), так что нас очень мало здесь осталось. Если еще не можете приехать, черкните мне словечко. Дело наше теперь главное в раздаче семян и в помощи лошадьми. Столовые идут, приюты тоже, но за это время много в них путаниц, ссор, злоупотреблений. Зеленя здесь очень плохи, особенно в Бегичевке и ближайших деревнях, так что многие пересевают.

Хотя все это очень тяжело и грустно, но весна веселит и бодрит. Так до свиданья, Матвей Николаевич, папа ждет вас с нетерпением и шлет вам привет. Желаю вам всего хорошего.

М. Толстая.

С верой, надеждой и любовью смотрю на ваш приезд, дорогой М[атвей] Н[иколаевич][4].

Любящий вас Л. Толстой.

[1] 12 марта 1892 г. Толстой с дочерью Марией Львовной уехал из Бегичевки в Ясную Поляну, так как весенняя распутица делала невозможным объезд открытых им столовых. Они вернулись обратно в Бегичевку 14 апреля в 1 час ночи.

[2] Единомышленники Толстого Митрофан Васильевич Алехин и Владимир Иванович Скороходов 10 мая 1892 г. в мистическом экстазе отправились по России в поисках «Иерусалима небесного». См. об этом: Величкина Вера, В голодный год с Львом Толстым, ГИЗ, 1928, стр. 103—107.

[3] Т. Л. Толстая.

[4] Чистяков приехал в Бегичевку 3 мая и пробыл там до 7 июня 1892 г.

6

1892 г. Декабря 9. Москва. 9 Декабря 92 г.[1]

Спасибо, что написали, дорогой Матвей Николаевич[2].

Что это вы унываете? Вы чего-то многого ждете. Ждете, мне кажется, бога в громе и буре, а не в тишине. Самое лучшее то, что «некуда податься», как вы говорите. В этом видится ощутительнее всего рука божия. Впрочем, вы как-то бога не признаете.—Нет, начну все сначала. Ваше письмо к Черткову о боге лежало у меня все лето в письмах, к[оторые] надо ответить. Вы там говорите, что я как будто не признаю бога. Тут недоразумение. Я ничего не признаю кроме бога.

Я, кажется, писал да и говорил вам мое определение бога, к[оторое] я бы дал теперь на вопрос, что такое бог? Бог это то все, бесконечное все, чего я сознаю себя частью, и потому все во мне граничит богом, и я чувствую его во всем. И это вовсе не фраза, а это то,

чем я живу. Вы там тоже в том письме говорите о молитве. Разумеется, я не могу молиться о том, чтобы бог дал мне, чего мне хочется, но я не могу не молиться, т. е. не пытаться, отрешившись от всех временных, конечных вещей, становиться как можно ближе к нему,—не пытаться чувствовать его. И эта молитва совершенно заменяет ту просительную молитву, п[отому] ч[то] она дает все, чего только может желать человек, она всегда исполняется. Если станешь лицом к богу, почуешь его—все есть, ничего больше не нужно. —

Ваше сомнение в том, что «а ну-ка пропустишь и пропустишь хорошее от того, что станешь приближаться к богу»—очень опасное.

К богу никогда не надо входить нарочно: «дай я пойду к богу, стану жить по-божьи. Жил по-дьявольски, дай поживу по-божьи, попробую, авось не беда»... Это беда, и большая. К богу, в роде того, как жениться, надо только тогда, когда и рад бы не пошел, и рад бы не женился, да не могу. И потому всякому не то что скажу: иди в соблазны нарочно, а тому, кто так поставит вопрос: «а что не прогадаю ли, если пойду не к чорту, а к богу», закричу во всю глотку: иди, иди к чорту, непременно к чорту. В сто раз лучше обжечься хорошенько на чорте, чем стоять на распутьи или лицемерно идти к богу.

Да и вы не такой человек.

Ну, прощайте пока, целую вас и наших общих друзей. Хочу нынче же написать и Ч[ерткову], да не знаю, успею ли.

Л. Толстой.

[1] Дата рукой Е. И. Попова.

[2] В письме от 15 ноября 1892 г. Чистяков писал: «Все, кажется, вокруг меня благополучно, но внутри растет ужасная тоска. Иногда мне кажется, что это подступил к горлу вопрос: «Кто ж, наконец, ты такой — говори и делай, пора, очень пора»... И сердце сжимается, хочется увильнуть, но некуда податься, и кажется, что все внутри порвется. Иной раз покажется, что тоска эта самой низменной пробы — просто соблазны плоти лезут: любящая женщина, дети, эти еще неизведанные мною блага подманивают. И досадно, не изведав всей прелести благ земных, уйти из этого мира. И все озираешься назад: а ну, мол, впереди только журавли в небе?.. Жизнь, облупленная от разных украшений, без вымысла, как что-то неведомое, пугает. Жизнь без бога, без брака и прочих онеров не была бы суха? Очень боюсь по временам, что запутаешься и незаметно пойду назад — это еще ужаснее. Так, как сейчас, жить нельзя, надо переступать на другое место. — Я думаю, что вам часто и многие распускают эти нюни, и, должно быть, порядком наскучили. Ну, что же делать, не прогневайтесь. Очень буду рад, если вы что-нибудь ответите мне — нуждаюсь в этом»...

7

1894 г. Февраля 18. Москва.

Так вот вам, дорогой Матв[ей] Ник[олаевич], мои поправки, как попало. Если все это излагать основательно, то это долго будет, да и не сумею. Очень рад был повидать вас. После вас вскоре приехал Емельян[1], и мы много с ним беседовали.

Очень желал бы я, чтобы Мих[аил] Петр[ович] утвердился в понимании того, что нужно, и отказался бы от неразрешимых задач. Передайте ему мой привет.

Л. Толстой.

Датируется датой П. А. Буланже на копии данного письма, хранящейся в архиве В. Г. Черткова; проставленная им дата (18 февраля 1894 г.) не противоречит и дате письма адресата: Толстой отвечает на письмо Чистякова от 15 февраля 1894 г.

В письме этом Чистяков присылал сделанную им запись разговора Толстого с воронежским крестьянином Михаилом Петровичем Тарабариным, вместе с которым Чистяков приезжал в Ясную Поляну 5 февраля 1894 г. Об этом своем посе-

щении Ясной Поляны Чистяков писал В. Г. Черткову 3 марта 1894 г.: «Мы были в Ясной и нашли Льва Николаевича в самом хорошем состоянии и телесном и духовном, особенно духовном. Так он был ласков, сердечен, что и сказать трудно. Когда-нибудь при свидании передам тебе на словах, какое я переживал там состояние». (Письмо не опубликовано; хранится в архиве В. Г. Черткова). Записанную Чистяковым беседу Толстого с М. П. Тарабариным см. на стр. 25—27.

[1] Емельян Максимович Ещенко (р. 1845? г.) — крестьянин Острогожского уезда Воронежской губернии. Принадлежал к секте так называемых «хлыстов» и был руководителем их общины в деревне Гирлы, близ имения Чертковых. Познакомившись через В. Г. Черткова со взглядами Толстого, отказался от роли руководителя и оставил сектантство. 8 февраля 1894 г. Толстой писал Черткову: «Емельяна я очень полюбил. Какой понятный мне и родственный по духу человек!... В особенности поразил меня в нем ясный, твердый ум, спокойствие и правдивость. И как хорошо, что он освободился от уз учительства... Я в первый раз по Емельяну узнал силу этой мертвящей организации, и это мне было очень поучительно»...

ПИСЬМО К Г. А. МАЧТЕТУ

1892 г. Февраля середина? Бегичевка.

Уважаемый Григорий Алексеевич.

Передайте пожалуйста в редакцию Русских Ведомостей мою просьбу о том, чтобы выручка за продаваемые 1000 экземпляров моей брошюры [1] была бы передана вам для употребления комиссией при комитете грамотности так, как она найдет это нужным.

Благодаря вас за ваше доброе расположение, остаюсь

ваш Л. Толстой.

Адресат письма — известный в свое время беллетрист народнического направления Григорий Александрович Мачтет (1852—1901). Нет сведений о личном знакомстве Толстого с Мачтетом. О Мачтете как художнике Толстой был невысокого мнения. В. Лазурский в своей книге «Воспоминания о Л. Н. Толстом» (М., 1911, стр. 42—43) рассказывает, что Толстой «очень смеялся над рассказом Мачтета «Пять тысяч», помещенном в номере 6 «Русской Мысли» за 1894 г.— «И зачем это приняли и напечатали?—говорил он.—Во-первых, сюжет самый невероятный, чего никогда быть не может. Во-вторых, все действующие лица говорят одним и тем же языком, и притом таким языком, каким никогда никто, кроме Мачтета, не говорит. Наконец все действующие лица ведут себя как раз противно тому характеру, который хочет приписать им автор».

Письмо Толстого служит ответом на следующее письмо Мачтета из Москвы от 7 февраля 1892 г.:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич.

По поводу сделанного нами, мной и И. И. Петрункевичем, заявления в редакцию «Русских Ведомостей» о пожертвовании вами всего сбора от продажи 1 000 экз. брошюры в распоряжение Комитета грамотности для прокормления голодных детей, — редакция поручила мне испросить у вас письменного на то распоряжения. Доводя об этом до вашего сведения, пользуюсь случаем выразить вам свое глубокое уважение и пожелать здоровья, сил и неослабной энергии для продолжения великой, честной работы на пользу «человека» и его духовного развития.

Ваш Г. Мачтет»

Письмо Толстого датируется предположительно на основании даты письма Мачтета.

[1] «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», М., 1892. Брошюра была издана на средства Е. И. Мансуровой, которая 5 000 экземпляров этой брошюры разослала в разные пункты для бесплатной раздачи, а 1 000 экземпляров по совету Толстого передала в редакцию «Русских Ведомостей» для продажи в пользу голодающих.

ПИСЬМА К А. М. ХИРЬЯКОВУ

1

1893 г. Февраля 9—10? Бегичевка.

Простите, что долго не отвечал вам, дорогой Александр Модестович. Листочки о буддизме получил и очень благодарен. Я давно интересовался этим и нашел то самое, что ожидал — хорошее. Я бы очень рад был, если бы Ходите в свете пропустили[1]. Статья об искусстве[2] не готова. — А если не годится, то еще что нибудь найдем.

Л. Толстой.

Письмо (открытка) датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Чернава Рязан. г. 10.II.1893».

Александр Модестович Хирьяков (р. 1863 г.) — журналист, друг В. Г. Черткова, автор ряда статей о Толстом в периодической печати и книжки «Жизнь Льва Николаевича Толстого», изд. «Родной мир», М., 1911.

Толстой отвечает на письмо А. М. Хирьякова от 30 декабря 1892 г. из Петербурга. Хирьяков писал, что по просьбе парижского профессора Рони посылает Толстому несколько листков о французском буддизме. Рони, распространитель буддизма, желал бы знать мнение Толстого об этом умственном движении у французов. Далее Хирьяков писал, что для «Переселенческого сборника», в котором он принимал близкое участие, Толстой мог бы дать свою повесть «Ходите в свете, пока есть свет» и статью об искусстве.

[1] «Ходите в свете, пока есть свет»—повесть Толстого, написанная в 1887 г. Была напечатана в книге: «Путь-дорога». Научно-литературный сборник, в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», изд. К. М. Сибирякова, СПБ., 1893.

[2] Статья об искусстве была начата Толстым в 1889 г. В 1890—1891 гг. Толстой усиленно занимался этой статьей, но не кончил ее и вновь вернулся к вопросу об искусстве лишь в 1896 г., закончив в следующем 1897 г. свой обширный трактат «Что такое искусство?»

2

1906 г. Апреля 15. Я. П.

Посылаю вам Пошину[1] статью[2], милый Александр Модестович. Судя по тому, что вы пишете о целях вашей газеты, очень желаю ей успеха. Буду внимательно читать ее и рад буду участвовать в ней[2]. Пишу кратко, п[отому] ч[то] не совсем здоров. Вы, вероятно, имеете согласие Бирюкова на некот[орые] необходимые изменения в статье, уже не имеющей прежнего назначения[3].

Хорошо бы было выключить последние слова: «в е л и к[и й?] стар и[к?]»[4], или заменить другими, менее оскорбляющими мое чувство не скромности, а сознания несоответственности.

Лев Толстой.

15 Апр. 1906.

Толстой отвечает на письмо Хирьякова от 12 апреля 1906 г., в котором Хирьяков извещал о выходе с 20-х чисел апреля газеты «Основа» под его редакцией и просил прислать для этой газеты имевшуюся у Толстого статью П. И. Бирюкова «Событие 1-го марта и Л. Н. Толстой». Он писал: «В трудное время приходится мне начинать это дело, и далеко не без страха и сомнений я к нему приступаю. Но я думаю, что в настоящее время особенно важно напоминать людям как можно чаще о существовании коренной основы, на которой должна быть построена жизнь человека, основного принципа, из которого, как ветки от корня, должны исходить правила жизни». В конце письма Хирьяков просил Толстого прислать какую-нибудь заметку для его газеты или дать оценку ее.

[1] «Пошей» в Ясной Поляне звали друга, единомышленника и биографа Толстого Павла Ивановича Бирюкова (1860—1931).

[2] Редактировавшаяся Хирьяковым газета получила название «Голос» и выходила в Петербурге с 27 апреля по 10 июня 1906 г. Всего вышло 17 номеров. Хирьяков был редактором только первых 12 номеров. Толстой в газете участия не принял.

[3] Статья П. И. Бирюкова была напечатана в № 1 «Голоса» от 27 апреля 1906 г. Здесь же впервые было опубликовано письмо Толстого к Александру III по поводу 1 марта.

[4] В напечатанной редакции статьи Бирюкова этих слов нет.

ПИСЬМА К Д. А. ХИЛКОВУ

Князь Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914) был воспитанник Пажеского корпуса, затем офицер лейб-гусарского полка. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. По окончании ее служил в Закавказьи, где встретился с сектантами-духоборами, поразившими его своей искренностью и простотой жизни. В 1884 г. вышел в отставку. Доставшуюся ему по наследству землю — имение Павловки в Сумском уезде Харьковской губернии в триста восемьдесят десятин—он отдал крестьянам, а сам, получив от них надел в семь десятин, стал жить личным земледельческим трудом. С Толстым вступил в переписку в 1887 г. В 1892 г. был выслан административно в Закавказье.

Хилков был женат без церковного брака на Цецилии Владимировне Винер (1860—1922); дети их не были крещены. В 1893 г. у Хилковых его матерью княгиней Юлией Петровной Хилковой были отняты и окрещены дети Борис и Ольга. Сделано было это по «повелению» Александра III и «с благословения» популярного в то время священника Иоанна Сергиева (Кронштадтского).

В 1896 г. Хилков был переведен в уездный город Вессенштейн, Эстляндской губернии. В ссылке он стал отходить от взглядов Толстого. В своей статье «В защиту половой любви» (рукопись этой статьи пока еще не найдена) он высказывал об этом предмете взгляды, совершенно противоположные взглядам Толстого, чем Толстой был очень огорчен.

В 1899 г. Хилков получил разрешение уехать за границу. Здесь он примкнул сначала к партии социал-демократов, затем к партии социалистов-революционеров. В Женеве им была издана серия брошюр под общим названием «Народные листки»; в числе их была брошюра, им самим составленная, «Об уличных беспорядках (Мысли военного)», призывавшая к вооруженной борьбе с правительством.

В ноябре 1905 г. Хилков вернулся в свой хутор Павловки и жил здесь до начала мировой войны. Взгляды его вновь претерпели радикальное изменение: теперь он становится, по выражению церковников, «верным сыном православия», «усерднейшим апологетом» церкви. Бывший толстовец и бывший революционер уговаривает своих сыновей посвятить себя военной или государственной службе и венчается в церкви с своей гражданской женой.

Когда началась война 1914 г., Хилков решил вновь поступить на военную службу. На вопрос, не страшно ли ему ехать на войну, он отвечал: «Умереть на войне будет для меня величайшей милостью бога». В первых числах октября 1914 г. он был убит на Карпатах в разведке против немцев.

По отзывам знавших его лиц, Хилков был очень привлекателен в личном общении; он пользовался большим успехом среди женщин. В своих воспоминаниях «Тени прошлого» (СПБ., 1914, стр. 148) В. Микулич, посетившая Хилковых в Вессенштейне, передает следующие слова жены местного воинского начальника: «Князя здесь носят на руках. И девицы и дамы влюбляются в него.. Девушки за ним бегают, письма его пересылают, на всякие хитрости пускаются, начальника уезда проводят»...

«Записки» Хилкова, охватывающие его жизнь до его ссылки, были напечатаны В. Г. Чертковым в брошюре: «Похищение детей Хилковых», изд. «Свободное слово», Christchurch, 1901.

Письма Хилкова последнего периода его жизни, когда он стал православным, напечатаны в книге: «Письма Дмитрия Александровича Хилкова», вып. 1, изд. «Религиозно-философской библиотеки», Сергиев Посад, 1915. Здесь же (стр. 1 — 12) в статье «Несколько слов об авторе писем», написанной редактором серии этих изданий М. А. Новоселовым, даны некоторые биографические сведения о Хилкове.

Переписка Толстого с Хилковым, начавшаяся в 1887 г. и прервавшаяся в 1905 г., была обширна и содержательна. Толстой относился к Хилкову с большой любовью и уважением и в письмах к нему излагал значительные для себя и задушевные мысли.

Печатаем два письма Толстого к Хилкову, копии которых были получены Литературным музеем от В. Г. Черткова, в свою очередь получившего их от Русского заграничного архива при министерстве иностранных дел в Праге. Первое из публикуемых писем хранится в Русском заграничном архиве в копии, второе — в оригинале. Печатаем также одно письмо Хилкова к Толстому, вызвавшее сочувственную запись в дневнике Толстого.

1

1893 г. Мая 14. Я. П.

Написал вам, Дмитрий Александрович, из Москвы, да и то адрес поставил неполный, и потому оно может не дойти до вас. Не писал, как хотелось, подробно п[отому], ч[то] все это последнее время, особенно последнее время, так был поглощен окончанием своей книги [1], что весь уходил в нее. Теперь, кажется, кончил, отослал [2] и хотя желал бы дополнить и уяснить, но не хочу больше этого делать. Если бог велит, что имею сказать, выскажется в другом месте. Удивительное дело, что то, что вы пишете в конце вашего письма о так называемой свободе воли, составляло главную мысль окончания моей работы, к кот[орой] с одной стороны и свелся вывод книги. Я также смотрю, как вы. Бог даст, прочтете в моей книге, но постараюсь коротко сказать. Истина все больше и больше открывается людям. И свойство жизни людей таково, что они все приходят к истине—волей или неволей освещаются ей. И свобода человека состоит только в том, чтобы признать охотно, радостно открывшуюся ему истину или быть против своей воли увлеченным другими людьми, принявшими ее. От признания же истины—высшей или низшей степени истины зависят и все поступки человека. (Человек делает то, что делает, только п[отому], ч[то] считает это истиной, или п[отому], ч[то] так привык прежде считать это истиной, что не может отстать от этого). Людям же кажется, что они свободны в поступках. Люди не свободны в поступках, а в том, что вызывает их — в коснении в том, что прежде признано было истиной, или в признании открывшейся высшей степени истины. Как со стороны может казаться, что машинист свободен двигать колесами тендера взад и вперед, тогда как он свободен только в управлении пара. И как неизбежно следует движение за действием пара, также неизбежно и следуют поступки за признанием истины. (Разумеется, это говорится о внутреннем, а не внешнем, искренном признании истины). Вот вкратце то, что я говорю там, и вы видите, что это совсем то же, что говорите и вы. Из этого же вытекает и то, что для истинного движения жизни не только не нужна, но вредна внешняя суетливая деятельность. Деятельность нужна только как поверка того, верны ли выводы, и кроме того есть неизбежное условие жизни. Ничегонеделание без увеселе-

ний, доставляемых трудами других людей, есть самое тяжелое состояние, если оно не наполнено внутренней работой, и потому если только быть вне условий роскоши и чужого труда, нечего бояться этой праздности. Человечеству наверно в милион раз сделало и делает больше вреда трудолюбие, чем праздность. Вчера читал в Рус[ских] Вед[омостях] [3] речь Zola к студентам против проявляющегося в них расположения к мистицизму, как он называет религиозное течение в новой французской молодежи: Desjardin, Lavisse, Olard и др.

И против этого он им рекомендует науку и труд, не обьясняя того, что мы должны называть и признавать наукой и, главное, какой труд. Труд, le travail, это единственный идол людей, желающих освободиться от требований христианства, к[оторые] заявляются со всех сторон, и людям так нужно, так хочется затумaниться, что они не видят даже всей очевидной глупости проповеди науки, не определяя того, что должно называть наукой, и труда, не определяя того, в чем он должен состоять. Знаете ли вы Лаодзи? [4] У него есть удивительные вещи именно об этой высшей выставляемой им добродетели, кот[орая] состоит в «non agir» *. (Если вам интересно прочесть его и вы не читали, напишите Попову Евг[ению] Ив[ановичу] (да вы знаете). Он теперь в Москве, но на днях будет у Черткова. Он перевел его [5]. И у него и франц[узский] и немецкий перевод). Он, т. е. Лаодзи, прямо выводит все зло мира из «agir»**, из заботы людей о своем и чужом мнимом добре. И как ни странно это, нельзя не согласиться с этим: голод наш от того, что мы очень озабочены пропитанием—все распахали; болезни наши от того, что мы очень заботимся о здоровьи — наша расслабленность; необеспеченность и опасность нашей жизни от того, что мы заботимся о безопасности—наши правительства, полиция, войско; рабство наше потому, что мы заботимся о свободе — наши обязанности участия в правлении: невежество наше потому, что заботимся о просвещении—наша церковная проповедь лжи и суеверия.—Я уже имею откровение Христа и потому не довольствуюсь откровением истины Лаодзи, но не могу не видеть всю глубину и правду этой забытой нами истины. И нельзя забывать то, что мы слишком часто забываем, что нельзя начать делать доброе, не перестав делать злое, прямо противоположное этому доброму: нельзя землевладельцу помогать голодающему народу, нельзя судье, царю, правителю, военному противодействовать убийствам и насилиям, не говорю уже—суеверному православному противодействовать суевериям и т. п. Мы все так погрязли в зле, так привыкли к нему, что та мертвая точка, на к[оторой] не будет еще добра, но не будет и зла—есть для всех нас та ближайшая веха по пути идеала, к к[оторой] мы пока еще должны стремиться. А то в этом-то и страшное зло, что люди, по уши погрязшие в зло, воображают себе, что они святые, и потому не делают ни малейшего усилия выбраться из зла. Я постоянно слышу от развратно, роскошно живущих людей: судейских, офицеров, земских начальников—наивные упреки нашим друзьям, ничего не требующим от людей, при всяком случае готовым служить людям, за то, что они ничего не делают: т. е. не заняты тем чтобы сажать в тюрьмы, убивать, сечь людей. Le travail—это единственная добродетель, которая признается теперь большинством людей, а это не только не добродетель, а средство скрыть от себя свою низость и отсутствие всяких добродетелей, в роде охоты,

* [неделание]
** [делание]

вина, табаку. (Неужели вы еще не отстали от него? Если нет, то наверное курение имеет для вас особенное значение. И как у каждого из нас есть своя особенная, выдающаяся мимика. Другие удивляются, как я не избавлюсь от нее, а я удивляюсь, как он не избавится от своей. Я не удивляюсь теперь, я знаю, что у каждого свой крест, разумея под крестом то, что мне тяжело стало вследствие признания высшей степени истины, т. е. борьбу между тем, что вследствии прежнего признания истины стало привычкой, с признанием высшей степени истины). Так вот, Д[митрий] А[лександрович], вы видите, как мы не сговариваясь одинаково думаем о предметах. И это меня очень радует. О том, что вы пишете в начале, об отношениях к людям разно-верующим, я вчера писал Бодянскому [6], а именно вот что: что если бы мы только держались твердо того правила, чтобы, соединяясь с каждым человеком в том, в чем мы согласны, не требовать от него признания того, в чем он не согласен, и просили бы его не требовать того же от нас, то мы бы и не нарушали главного завета Христа—единения, а были бы, не произнося слова Христос, гораздо более христианами, чем если б мы какими бы то ни было средствами заставили людей сказать, что они поверили в Христа и разные догматы, приписываемые ему, в к[оторые] они не поверили. Видите, что и в этом мы согласны. Меня навело на мысли об этом одно письмо (кажется, Н. Дудченко) [7], в к[отором] рассказывается о том, как ссыльные спорят о вере. Это ужасно грустно и жалко. Я смотрю на ссыльных и на вас в том числе, как—вы знаете, как бывший военный—мы смотрели, бывало, на те войска, кот[орые] уже вступили в бой: и завидно, и жутко.

Главное же, тем, к[оторые] вступили в бой, надо чувствовать, что вся предшествовавшая жизнь была только приготовлением к этому, что теперь-то наступило время показать свою правду и сослужить свою службу пославшему нас. Мне казалось бы, что люди в гонении должны чувствовать тот подъем духа, к[оторый] чувствовали, бывало, под пулями и ядрами. И подъему этому нельзя давать падать и переходить в уныние: не допускать того, чтобы то, что дано нам как радость, перешло бы в горе и страдание. Пока прощайте, пишите пожалуйста почаще и побольше о себе. Я окончил свою работу, особенно тягочусь своей жизнью среди развратной, бессмысленной роскоши и часто унываю и завидую вам. Видно, не надо этого. Ну да это длинная тема. До другого раза.

Л. Толстой.

Письмо датируется на основании слов: «Вчера читал в Рус[ских] Вед[омостях] речь Zola». Толстой читал эту речь 13 мая 1893 г.

[1] «Царство божие внутри вас».

[2] Рукопись книги «Царство божие внутри вас» была 13 мая 1893 г. отослана Толстым Е. И. Попову для пересылки за границу переводчикам.

[3] Перевод речи Э. Золя к парижским студентам был напечатан в «Русских Ведомостях» 1893 г., № 128 от 12 мая.

[4] Лао-Тзе (Лаодзи) (VI в. до н. э.) — китайский философ, основатель религии таосизма. Его учение изложено в книге «Тао-те-кинг» («Путь к добродетели»).

[5] Сделанный Е. И. Поповым перевод книги Лао-Тзе был в 1893—1894 гг. просмотрен и значительно исправлен Толстым; от себя Толстой написал изложение содержания некоторых глав книги. Рукопись до сих пор не опубликована; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея в Москве.

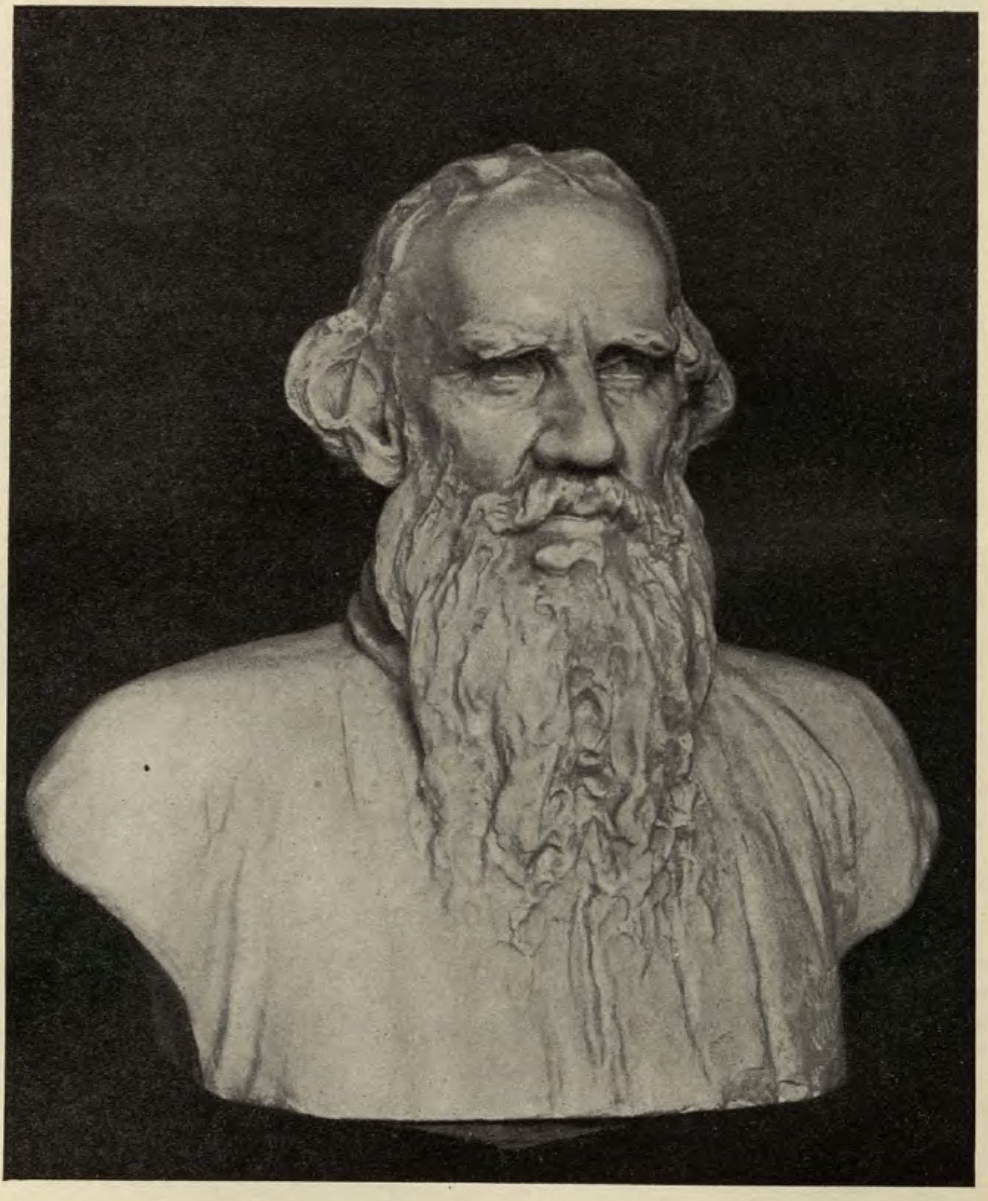
[6] Александр Михайлович Бодянский (1845—1916) — бывший харьковский помещик, близкий по взглядам к Толстому. Передал свою землю крестьянам. В 1892 г. был выслан в Закавказье, где пробыл до 1899 г., когда выехал в Англию, затем поехал в Канаду к духоборам и в 1901 г. переехал в Женеву. Возвратился в Россию в 1905 г.

[7] Николай Иванович Дудченко (1869?—1917) — единомышленник Толстого, работал с ним на голоде. В 1892 г. был выслан из Полтавы в Закавказье, а в 1898 г. — в г. Бауск, Курляндской губернии, откуда эмигрировал в Англию, где

ТОЛСТОЙ

С фотографии С. А. Толстой, 1903 г.

БЮСТ ТОЛСТОГО РАБОТЫ И. Е. РЕПИНА, 1891 г.

жил у В. Г. Черткова; потом в Женеву, где работал наборщиком. После переехал в Канаду. Жил среди духоборов и умер, попав во время метели на переезде под поезд.

2

1898 г. Декабря 5? Москва.

Дорогой Дмитрий Александрович.

Только что нынче ночью думал о вас и хорошо, любя думал — думал о том, как жаль, что наше—мое с вами—духовное сближение стало менее тесно, думал о том, как хорошо и много вы потрудились и трудитесь для братьев Духобор, и как раз в это же утро—нынче—получил ваше хорошее, обстоятельное письмо из Монреаля от 25 Нояб[ря] (очевидно старого стиля [1]). Число недавнее, а сведения как будто старые. Вы пишете, что едете с Моодом [2] к министру [3], а я имею от него письма из Нью-Йорка [4] и думаю, что он теперь уже на пути в Европу или уже приехал. Сведения ваши о месте поселения и всем так обстоятельны, что я вполне понял характер места и положение дела и пожалел, что не могу уехать туда, где они селятся. Письмо ваше я переписываю в 2-х экз[емплярах] и посылаю один—на Кавказ [5], другой—в Сибирь к Якутским и к Веригину, если дойдет. Ваш план я вполне одобряю и в том, чтобы приобрести орудия труда, и в том, чтобы как можно меньше иметь дело с деньгами [6]. Веригин пишет мне (я был очень рад получить наконец от него письмо), что он почти против переселения, что все дело в том, чтобы самим быть тверже в братской жизни, а это можно и в России, а и в Канаду можно перевезти свои греховные свойства [7].

О деньгах, кот[орые] собираются в Штатах, я, разумеется, сделаю так, как вы советуете, если у меня спросят, т. е. направлю их к Мг. Creary. Но если бы вы написали мне, кто такой не по своему общественному положению, но по душе этот человек, то было бы очень хорошо. На ваше длинное письмо я отвечал вам коротеньким письмом [8]—получили ли вы его?—отклоняя обсуждение вопроса о половой любви; с вашим мнением я желаю всей душой быть согласен как желаю быть согласен во всем и со всеми. Если же я не разделяю этого мнения, то затем мы и исповедуем учение братской любви, чтобы стремиться к единению и согласию и уметь так обращаться с нашими несогласиями, чтобы они не разделяли нас [9].

Сын Сергей в Батуме, Голицын разрешил ему общение с Духоб[орами] (смешно говорить: разрешил общение), т. е. не выслал его, и он, думаю, поедет в Канаду со вторым пароходом, к[оторый], как вы знаете, верно, уже нанят и уплачен. Если будете писать, (чем очень порадуете), напишите, что представляют из себя Инд[ейцы] и что Менониты? и как далеко от Духоб[оров] будут те и другие. Братски приветствую вас. Любящий вас

Л. Толстой.

Письмо датируется предположительно на основании упоминания об отсылке письма Хилкова на Кавказ и в Сибирь. См. ниже, прим. 5.

Толстой отвечает на письмо Хилкова от 23 ноября (нового стиля) 1898 г. из Монреаля, в котором Хилков подробно описывал исследованное им место будущего поселения духоборов в Канаде и пересылал карту этой местности.

[1] Ошибка: письмо Хилкова было написано 23 ноября нового стиля.

[2] Эйльмер Моод (Maude, p. 1858 г.) — англичанин, в то время близкий Толстому по взглядам, переводчик его сочинений на английский язык, автор английской биографии Толстого («The Life of Tolstoi», 2 тома, 1908—1910). В августе 1898 г. Моод вместе с духоборческими ходоками Ивиным и Махортовым поехал в Канаду смотреть места будущего поселения духоборов.

[3] Хилков писал, что в скором времени вместе с Моодом он, вероятно, поедет в Оттаву (главный город Канады) к министру внутренних дел канадского правительства для переговоров об устройстве переселяющихся духоборов.

[4] Письмо Э. Моода из Нью-Йорка в архиве Толстого не сохранилось.

[5] 5 декабря 1898 г. к Толстому в Москву приехал духобор Чернов с целью посоветоваться о новом предлагавшемся духоборам месте поселения — Канзасе. Он приехал сначал в Ясную Поляну, где не застал Толстого. 5 декабря Толстой писал старшим дочерям, остававшимся в Ясной Поляне: «Нынче приехал Чернов. Вы, верно, мало говорили с ним. Я его очень люблю; такой же твердый, ясный, кроткий, как и все они, эти люди 25[-го]столетия. В сравнении с ними особенно тяжелы те люди 15[-го] столетия, среди которых живешь» (письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). Копию с письма Хилкова Толстой отправил на Кавказ своему сыну Сергею Львовичу через возвращавшегося туда Чернова.

[6] В своем письме Хилков писал: «Мне кажется, что очень важно, чтобы с самого начала все имели бы орудия труда, так чтобы все были заняты или на заработках, или дома на своей земле... Деньги, которые правительство дает в виде «bonus'a», Моод передает «Commissioner'y of immigration» (агенту по иммиграции) в Winnipeg (в Виннипеге), W. F. Creary, и он будет их расходовать и вести им отчет... И быки и фургоны, и плуга придется выдавать каждому селу отдельно, а как они ими распорядятся — их дело. Но я совершенно против того, чтобы им давались деньги и эти деньги делились ими на души»...

[7] Письмо П. В. Веригина, упоминаемое Толстым и полученное им около 1 ноября 1898 г., в архиве Толстого не сохранилось. В ответном письме, написанном 1 ноября 1898 г., Толстой писал Веригину: «Больше всего мне было радостно читать ваше суждение о выселении. Я совершенно того же мнения — именно того, что важно не место, в котором мы живем, и не условия, нас окружающие, а наше внутреннее, душевное состояние. «Познаете истину, и истина освободит вас» — везде, где бы вы ни были. Вы пишете, что вы почти против переселения, и я также; но вам, живущему в тяжелом изгнании, можно говорить страдающим людям, что им следует еще страдать и претерпеть до конца, но мне, живущему на свободе и при всех лучших условиях, неудобно говорить людям, которые страдают: страдайте, терпите, терпите еще. А жалко и то, что мы расстаемся с близкими по духу людьми (утешаюсь тем, что везде наши братья), жалко и то, что люди не претерпели до конца и тем не помогли другим людям познать истину, потому что ничто так не свидетельствует об истине, как несомые за нее страдания» (письмо опубликовано в статье М. Колотилова «Л. Н. Толстой и духоборцы» — «Бюллетени Общества изучения края при Музее тобольского севера», 1928, № 3/4).

[8] Толстой писал Хилкову 17 августа 1898 г. в ответ на его письмо от 6/18 августа, в котором Хилков сообщал о своей поездке с духоборческими ходоками Ивиным и Махортовым на остров Кипр и высказывал свое мнение о непригодности Кипра для поселения духоборов и о преимуществах Канады.

[9] Хилков прислал Толстому свою статью «В защиту половой любви». Рукопись этой статьи в архиве Толстого не сохранилась. В письме от 17 августа 1898 г. Толстой писал Хилкову: «Статью вашу я читал и желал бы совсем не говорить об этом предмете. Есть положения, в которых слова не соединяют, а разъединяют, а потому лучше во многих случаях не говорить» (письмо не опубликовано).

3

ПИСЬМО Д. А. ХИЛКОВА К Л. Н. ТОЛСТОМУ

1891 г. Августа 1. Павловки.

... На днях к одной помещице, Калугиной, недалеко от нас, приехал кронштадтский священник Иоанн. Моя мать [1] поехала к нему. На другой день, т. е. вчера, она опять поехала, просила меня поехать, и я поехал. Я про этого священника раньше слышал, и мне хотелось его видеть. Мне казалось, что он искренний человек, и я думал, что в его случае возможно совмещение обрядности с добротой, искренностью, любовью к людям и верою в учение Иисуса.

Мы рано поехали и к 8 часам были уже в Николаевке — имение Калугиных. Там две церкви. Одна приходская, другая, в саду—принадлежащая Калугиным. Около приходской церкви стояла целая ярмарка: распряженные возы, фаэтоны и таратайки. Сидели торговки и продавали разные вещи. Около ограды сада и около всех ворот и калиток—урядники, сотские и десятские. Ворота полуоткрыты, и вход беспрепятственный для всех. Моя мать пошла в церковь, а я в сад, и сел около пруда.

Церковь была полна народа, и моя мать просила знакомого станового ее провести. Он вошел в церковь и громко возгласил: «Расступитесь! княгиня идет!». Расступились, а священник продолжал службу. Когда кончалась обедня и стали подходить под благословение, то до меня стали доноситься возгласы: «Гони сих в шею! Куда лезете, черти?» И т. п. После этого всех выпроводили за ворота, и ворота заперли.

Я пошел туда, где священник Иоанн должен был пить чай. Много господ, знакомых Калугиных, его ждали. Когда он пришел, моя мать что-то ему сказала, и он направился ко мне. На нем был белый подрясник (мне почему-то этот подрясник весь день казался кителем), соломенная шляпа, движения быстрые, руки часто в боки берет; первые слова его были: «Ну, здравствуй, сын мой». Тон пренебрежительный, начальнически-насмешливый. Мне не понравилось, но я подумал: это он так сильно верует, что ему дико, что я в церковь не пошел. Потом похлопал рукой по голове и руку дает. Я ее пожал. Скулы у него чуть-чуть покраснели. Спросил, есть ли дети. Сколько сыну времени, крещен ли? (Все это он знал раньше и сказал моей матери, чтобы я приехал, а то бы я не поехал или поехал бы отдельно). Я говорю: «Нет». Он говорит: «Почему?» Я говорю, видя, что он сердится и правую руку в бок вставил, что мне кажется, что лучше об этом не говорить, что чай его ждет, и что вряд ли ему интересны мои причины. Он смягчился, показывает мне евангелие и говорит: «Веруете в это?» Я говорю: «Верю».—«А в церковь верите?»—«Нет, говорю, не верю». Покраснел, и злость в глазах появилась. «Это,—говорит,—гордость, мракобесие» и т. д. Я вижу, что лучше не говорить ничего, и опять напоминаю о чае и о всех, нас окружающих, которые его ждут. Он настаивает: «Крестите, Иоанн крестил». Я говорю: «Как же Иоанн крестил, когда Иисус не был еще распят, и слова этого не было?». Он говорит: «Ну, обмывал. Иисус всех крестил». Я спрашиваю: «Как?» Он говорит: «Водой». Я спрашиваю: «Какой? Ведь вода разная бывает. Есть вода, что в реках и колодцах, и есть та, которую Иисус обещал дать самарянке; так какой же крестил?» Он разразился целым потоком слов в обличение моего невежества, гордости, мракобесия и закончил так: «С вами говорить нельзя; я прекращаю с вами разговор». Подошел к стулу, с шумом его повернул и сел.

Все на меня стали смотреть с ужасом. Мне было грустно, и во все время разговора такое чувство, что лежачего не бьют. Мне както показалось, что этот человек на песке стоит, что у него нет своего цельного чувства, и мне жалко его было, когда я заметил, что он текстами хочет мне что-то доказать. Потом целый день я старался никому не мешать и больше около пруда сидел.

Стали подходить под благословение. (Это вторично. Некоторые 4 раза подходили и хвастались этим). Священник стал за забором, около него молодой Калугин с ящиком. Вдоль забора, с другой стороны, между забором и цепью сельской полиции шли гуськом православные. Священник давал целовать наперстный крест, а правую руку клал на голову. Если болящий, то кругом его потрогает: и по голове, и по лицу, и по плечу похлопает. Некоторые просили денег, и он иным давал, другим отказывал, иным сам давал.

И вот случилось следующее: подходит женщина, хохлушка, не молодая. Одета не бедно, а серо (как вы говорите). Он ее спрашивает: «Ты бедная?» Она не поняла и говорит: «Что?» Он снова повторяет: «Бедная ты?» Она и говорит: «А бог его святой зная, чи бедна я, чи ни!» Это было так сказано, что мне показалось, что прав-

ду она говорит, что она не приготовилась к ответу и не ждала вопроса, а действительно никогда не думала о том—бедна ли она или богата. Тем, что имела, довольствовалась, другим не завидовала. Когда священник дал ей денег, это меня неприятно поразило. Мне казалось, что этого не следовало делать, и досадно было, что эти простые и искренние слова не встретили в нем отклика.

Около священника стоял урядник, который то и дело возглашал: «Куда лезешь, скотина! Сотский, дай ему в шею» и т. д. А священник продолжал благословлять и хлопать рукой по голове и по лицу. После этого служили в доме молебен, я опять пошел к пруду. Дикие утки по нем плавали.

Потом стали обедать, и я сел. Во время обеда громко, на весь стол говорилось о том, что в час под благословение проходит 1 000 человек, что железная дорога продала 48 тысяч билетов до той станции, где жил Иоанн (фамилии его не знаю), что в сутки он раздавал по 600 рублей, что из Сум приехало 20 фаэтонов, что в Сумах извозчиков не осталось, что в один конец извозчики берут 10 руб.— «Не 10, а 15», заявляет, вставая с своего места, какой-то священник (я подумал: наверно местный, — и угадал), и т. д., и т. д. Священник Иоанн сидит около хозяйки, ест и молчит. Мне было очень сиротливо, и я чувствовал себя как-то виноватым, что я мешаю всем этим людям. Но под конец разговорился с соседями, а после обеда с некоторыми другими.

Моя мать мне говорила, что священник после чаю пошел в свою комнату и читал евангелье, те места, которые относились до нашего разговора. Позвал одного из гостей и доказал ему, что я неправ и заблуждаюсь, а он прав и поступает по евангелию. Этот гость ей это и сообщил. Потом мы уехали.

Об отношении к священнику всех, которых я видел, вот что скажу. Большинство приехали из любопытства. Больные—наслышавшись о чудесах, но многие — большинство — с мыслью: отчего не попробовать — вреда не будет, а польза может быть. Есть и скептики. Сегодня приходил ко мне мужик соседнего села спросить, везти ли ему сына в Николаевку. Видел отставного старика солдата — лицо такое же, как было у него, когда подходил к начальству с рапортом. Смотря на господ, слыша их разговоры о том, как им помог и нравственно и физически священник Иоанн, мне в голову пришло, что это похоже на то, как если бы человек с зажмуренными глазами висел бы на ветке, боясь ее выпустить, чтобы не провалиться. Спорить против того, что ветка не поддерживает — нельзя, но посоветовать открыть глаза и стать на землю, которую он увидит у себя сейчас под ногами — можно. Я не умел это сделать, но понимал, что это возможно, т. е. убедить открыть глаза. Вы в Москве говорили мне про это (про висящего человека). Все, что я вчера видел и слышал — служит отличной иллюстрацией к тому, о чем мы говорили с вами в Ясной. О соблазне славы людской. И мне казалось, что слава людская только так и может выражаться, — изменение только в мелочах обстановки, но не в сути. И мне казалось, что то, что я видел в Николаевке — неизбежно сопутствует всякой славе людской. Где слава людская — там неизбежен и компромисс. Благословение и проклятие — милостыня и отнятие, признавание человека братом и заушение человека.

Только что приходило несколько человек расспрашивать про свящ. Иоанна. Я рассказал им то, что было там, т. е. что вам пишу.

Подумал, что, может быть, вы видели этого священника, и тогда вам совсем не интересно мое письмо...

Д. Хилков.

1 VIII 90 года.

P. S. Только что приходила к жене знакомая крестьянка и рассказала следующее: На селе говорят, что в Николаевке теперь замечательный доктор, который вылечивает хромых, слепых и параличом разбитых. Одевается, как священник, и зовут его поп. Попал он в Николаевку следующим образом: Ночной сторож услыхал крик под землей. Подошел и слышит — кто-то кричит: откопайте меня, откопайте. Сторож взял заступ и откопал. Он, т. е. поп, ничего не ест и постоянно сидит в церкви, там и спит. Услыхав это, многие повезли в Николаевку своих больных.

Д. Х.

Местонахождение подлинника письма Хилкова неизвестно. Печатаем его по копии, сохранившейся в архиве Н. С. Лескова.

3 августа 1891 г. Толстой записал в дневнике: «Получил... чудное письмо Хилкова об свящ. Иоанне». Вероятно, в тот же день Толстой и ответил на это письмо. Он писал Хилкову: «Рассказ ваш об Иоанне чудесен, я хохотал все время, пока читал его вслух. Тут ужасно то, что сделали в продолжение 900 лет христианства с народом русским. Они, особенно женщины—совершенно дикие идолопоклонницы. Тот дух христианский, выражающийся в милостыни, в милосердии вообще, занесен помимо, malgré [вопреки] церкви».

В письме Хилкова рассказывается о приезде к соседней помещице священника Ивана Ильича Сергиева (Кронштадтского, 1829—1908). Иван Кронштадтский слыл за прозорливца и чудотворца и пользовался среди верующих огромной популярностью.

[1] Княгиня Юлия Петровна Хилкова, рожд. Джунковская.

ПИСЬМА К Л. Я. ГУРЕВИЧ

Писательница и издательница «Северного Вестника» Л. Я. Гуревич (р. 1866 г.) познакомилась с Толстым в 1892 г. Об этом знакомстве она пишет в своей статье «История «Северного Вестника»:

«[Лесков] ободрил меня к скорейшему посещению Толстого и, узнав, что гр. С. А. Толстая в детстве была знакома с моей матерью, летом 1892 г. написал ей письмо, рекомендуя ей пригласить меня во время моего пребывания в деревне, в Тульской губернии, в Ясную Поляну. Я получила от нее это приглашение и в конце августа 1892 г. поехала к Толстым и прожила у них целую неделю.

«Знакомство с Толстым было, конечно, огромным событием как в моей личной жизни, так и в жизни журнала. Он внимательно читал «Северный Вестник», который мы послали ему, интересовался Волынским, хвалил, как нечто значительное, статью Волынского, посвященную критике нравственной философии его, Толстого, с указанием на недостаток ее метафизического обоснования. Но особенно поразило и тронуло меня то исключительное внимание, с которым он расспрашивал меня о делах и средствах журнала, о том, каким образом журнал перешел в мои руки, о разногласиях и третейском разбирательстве с пайщиками, вникая в такие подробности, которые, казалось бы, не могли особенно интересовать даже близких друзей. Не могу теперь отдать себе отчета, до или после этого длинного разговора, состоявшегося во время прогулки с ним на следующий день после моего приезда, он довольно неожиданно задал мне вопрос: «А скажите, как могли бы вы формулировать основную идею своего журнала и его отличие от других современных журналов?» Я ответила: «Я воспользуюсь вашим собственным сравнением в одной вашей статье. Мы думаем, что механизм человеческой жизни заводится изнутри, из человеческого духа, и, только действуя на дух, можно обновить жизнь. А действовать внешними законодательными мерами — это значит только переводить стрелку отставших часов пальцем». Он кивнул головой и посмотрел на меня серьезным взглядом, промолвив только: «Теперь понимаю».

«Когда я уезжала из Ясной Поляны, пребывание в которой, особенно ввиду быстрого сближения с обеими старшими дочерьми Толстого, прошло для меня празднично и молодо, у меня было прямое обещание Толстого поддержать журнал» («Русская литература XX века. 1890—1910». Под редакцией проф. С. А. Венгерова, изд. т-ва «Мир», М., без обозначения года, стр. 245—246).

Действительно Толстой дал в «Северный Вестник» в 90-х годах больше своих статей и рассказов, чем в какой-либо другой журнал. В «Северном Вестнике» были напечатаны: «Неделание» (1893, № 9), «Карма» (1894, № 12), «Религия и нравственность» (1895, № 1, под измененным для цензуры названием: «Противоречия эмпирической нравственности»), «Хозяин и работник» (1895, 3), «Предисловие к переводу статьи Карпентера «Современная наука» (1898, № 3). Печатание трактата «Что такое искусство?» тоже сначала предполагалось в «Северном Вестнике», но этому помешала личная неприязнь С. А. Толстой к Л. Я. Гуревич. Об этом узнаем из следующего места письма А. Л. Флексера к Н. Г. Молоствову о его сви-

дании с Толстым в Ясной Поляне 29 июля 1897 г.: «Уже перед самым отъездом Толстой выбежал на двор, подошел к экипажу и сказал мне, что хотел бы напечатать некоторые части книги об искусстве, доступные для русского журнала, в «Северном Вестнике», но что есть какие-то тяжелые обстоятельства, которые ему мешают распорядиться этим делом с полной свободой» (Волынский А., Ясная Поляна (из частного письма) — газета «Прибалтийский край» от 17 ноября 1901 г.). О своих посещениях Ясной Поляны Л. Я. Гуревич рассказала в статье «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом», написанной к 80-летию Толстого и перепечатанной в сборнике ее статей «Литература и эстетика», М., 1912, стр. 276—294. В том же сборнике (стр. 174—247) помещена статья «Художественные заветы Толстого». Л. Я. Гуревич принадлежат также статьи: «О посмертных художественных произведениях Толстого»—«Русская Мысль» 1912, № 1, отд. 2, стр. 87—103; «О «Живом трупе» — «Запросы жизни» 1912, № 15, стр. 929—931; «С. А. Толстая»— «Жизнь искусства» 1922, №№ 299—300, 302 и 303 от 22—27 ноября. Последняя статья содержит много ценных наблюдений и замечаний.

Л. Я. Гуревич является редактором 85 тома выпускаемого Гослитиздатом 95-томного юбилейного «Полного собрания сочинений» Толстого. Том этот содержит письма Толстого к Черткову за 1883—1886 гг.

Переписка Толстого с Л. Я. Гуревич была не велика; она вся касалась вопросов, связанных с изданием и редактированием «Северного Вестника». Известно всего девять писем Толстого к Л. Я. Гуревич. Одно письмо Толстого к Гуревич, при котором он посылал в «Северный Вестник» переведенную им сказку П. Каруса «Карма», напечатано в № 12 «Северного Вестника» 1894 г.

Не сохранилось представляющее интерес одно письмо Т. Л. Толстой (или М. Л. Толстой) к Л. Я. Гуревич, написанное ею по поручению отца. 10 октября 1894 г. Л. Я. Гуревич извещала Толстого: «Цензура в лице самого Феоктистова запретила вашу дорогую мне до бесконечности статью о «Религии и нравственности»... Не могу вам сказать, с какою настойчивостью, с какою горячностью я хлопотала. Я имела по этому поводу такие интересные разговоры в цензуре (по характерности — для нашего времени и наших условий жизни), что хотелось бы все это записать на память людям. Они признают, что не знают, «как быть» с вами, что у них «нет почвы под ногами» и что они «теряют голову». По их собственным словам вся Россия все равно, несмотря на их запрещения, читает «Царство божие» и «Тулон»... Я хотела сама итти к П[обедоносцеву] и со всею доступною мне логикою доказывать, что если они сами признают, что ваши сочинения наводняют Россию, несмотря ни на какие запрещения, то запрещение для данного случая совершенно не имеет смысла... Скоро я не успокоюсь и не отстану от этого дела... Я еще не знаю, что будет со мною и моим журналом, потому что, оглядываясь по сторонам, вижу, как люди бранят мое дело с какою-то неистовою яростью, бранят именно за то, что уже есть в моем деле живого и нового — за статьи Волынского». В конце письма Гуревич просила Толстого сообщить ей через одну из его дочерей адрес народного писателя С. Т. Семенова. На конверте этого письма Толстым сделана следующая надпись — обращение к одной из его дочерей: «Напиши адрес Семенова и что я очень хвалю статью о Чернышевском Волынского».

Упоминаемая Толстым статья А. Волынского о Чернышевском, озаглавленная «Журналистика шестидесятых годов и Писарев», была напечатана в № 10 «Северного Вестника» за 1894 г. Названные в письме Л. Я. Гуревич запрещенные произведения Толстого, нелегально распространявшиеся в России, это — «Царство божие внутри вас» (1891—1893) и «Христианство и патриотизм» (1893—1894).

Сохранившиеся неопубликованные восемь писем Толстого к Л. Я. Гуревич печатаем все; из них четыре (№№ 4, 5, 6 и 9) печатаются по оригиналам, хранящимся в Литературном музее, а остальные — по копиям, полученным Литературным музеем от Главной редакции издания «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого. Печатаем по оригиналу, хранящемуся в Литературном музее, также и единственное письмо к Л. Я. Гуревич Татьяны Львовны Толстой.

1

1893 г. Августа 9(10?). Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Статья[1] моя окончена, но она очень изменилась, и не к лучшему в отношении цензурном. Не знаю, как вы с ней справитесь. Я посылаю ее нынче, 10-го, в Париж[2] и потому думаю, что она во всяком случае выйдет раньше, чем у вас, если она когда и выйдет у вас. Один мой друг[3] советовал мне отдать ее Гроту[4], рассчитывая, что у него она скорее пройдет[5], а вам возместить это чем либо другим. Как вы об этом думаете?

Но это все неважно. Главная цель моего письма есть то, что вы узнаете из прилагаемого письма Горбунова[6]: напечатание статьи Аполлова[7]. Я помню, статья хорошая, а кроме того вы видите, что это важно для его бедной семьи в матерьяльном отношении.

Мы все живем по старому. Наши вам кланяются.

Любящий вас Л. Толстой.

9 Августа.

Письмо датировано Толстым 9 августа, но в тексте письма сказано: «нынче 10-го». Ставим в скобках и с вопросительным знаком и эту последнюю дату. Год дополняется по содержанию.

[1] «Неделание».

[2] Толстой отослал свою статью во французском переводе в парижский журнал «Revue de famille».

[3] В. Г. Чертков.

[4] Николай Яковлевич Грот (1852—1899)—философ идеалист, профессор Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», знакомый Толстого с 1885 г.

[5] В тот же день Толстой писал Н. Я. Гроту: «У меня написалась статья, которую я обещал в «Северный Вестник», но Чертков советует отдать ее вам, предполагая, что в «Северном Вестнике» не пропустят, а вы проведете; я бы рад это сделать, но уже обещал и нынче отсылаю статью в «Северный Вестник». Если там усумнятся, то позвольте обратиться к вам» («Письма Л. Н. Толстого. 1885—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, т. 2, изд. «Книга», М., 1911, стр. 143—144).

[6] При письме были приложены два письма И. И. Горбунова-Посадова. Первое письмо:

Августа 2 дня 1893 года.

«Дорогой Лев. Ник.

«Аполлов послал до меня в «Северный Вестник» своего «Ормузда и Ариманa». Я написал теперь Гуревич, прося печатать.

«Напишите и вы пожалуйста ей. По крайней мере кое-какие рубли перепадут его жене для ребят, а родным будет утешение увидеть в печати этот «надгробный венок».

«Ждем, что сегодня он кончится.

«Томится чрезвычайно.

И. Горбунов».

Второе письмо:

Август 3 дня 1893 года.

«Дорогой Лев Николаевич.

«Аполлов скончался вчера вечером через часа 4 после того, как я написал вам письмо о его статье в «Северный Вестник». Умирал весь день, все замирая, и замер тихо. Конец был тихий и светлый. Пока мог, все привлекал к себе на грудь мать или сестру или кого-нибудь из нас. Умер в 10 часов вечера. Мы не отходили от него. Кончилась земная многострадальная его жизнь.

«Относительно семьи его у меня есть проект, для обсуждения которого я хотел бы съездить к вам в Ясную, и постараюсь сделать, когда будет возможно.

«Хоронить будут, вероятно, в среду, и в четверг я через Нижний вернусь. Хотел бы побыть еще с его матерью, но я крайне нужен в Москве. Целую вас.

И. Горбунов.

«Известите Пошу. Я не знаю, где он. Не забудьте же написать Гуревич об Ормузде. Теперь это необходимо и для того, чтобы были некоторые данные для признания Аполлова литератором и исхлопотания поэтому пособия для семьи от Литературного фонда».

Александр Иванович Аполлов (1863—1893) — священник Ставропольской епархии. Проникнувшись взглядами Толстого, заявил архиерею о своем выходе из священников. Был оставлен своей женой. Умер от чахотки. Толстой относился к Аполлову очень сердечно и старался содействовать его выздоровлению. Три письма Толстого к А. И. Аполлову 1893 г. напечатаны в сборнике «Русское прошлое», под редакцией С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Ю. Гессена, изд. «Петроград», М.—П., 1923. В письме к священнику Т. Богатикову от 15 августа 1901 г. Толстой в следующих словах вспомнил об Аполлове: «...Второй выход—тот, который избрал лет 10 тому назад замечательный человек, покойник, знакомый мне, из Вятской семинарии, священник Аполлов, служивший в Ставропольской епархии. Он заявил архиерею, что не может по изменившимся взглядам продолжать священствовать. Его вызвали в Ставрополь, и начальство и семейные так мучили его, что он согласился вернуться на свое место. Но, пробыв меньше года, не выдержал и опять отказался и расстригся. Жена оставила его. Все эти страдания так повлияли на него, что он умер, как святой, не изменив своим убеждениям и главное — любви». («Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1910, стр. 266—269).

[7] «Ормузд и Ариман» — легенда Аполлова. В «Северном Вестнике» по цензурным условиям напечатана не была и появилась в № 1 сборника «Свободное Слово», выпущенном в 1898 г. В. Г. Чертковым в Англии.

2

1895 г. Января 14? Никольское-Горушки.

Посылаю вам, дорогая Любовь Яковлевна, рассказ [1], посылаю его через Н. Н. Страхова, к[оторому] поручаю корректировать его и подписать к печати после того как я просмотрю корректуры в Москве — непременно пришлите мне в Москву [2]. Очень рад буду, если он поспеет к февр[альской] книжке, но если нет — не взыщите.

Очень рад буду, если это послужит на пользу вашему журналу. Желаю и журналу всякого добра, но больше всего вам — человеку.

Л. Толстой.

Письмо написано из имения Олсуфьевых Никольское-Горушки, куда Толстой уехал 1 января 1895 г. отдохнуть от московской суеты и где пробыл до 18 января. Об Олсуфьевых и отношении к ним Толстого см. стр. 219. Письмо датируется предположительно 14 января 1895 г. на основании близости его содержания с письмом Толстого к Н. Н. Страхову, датированным этим числом.

[1] «Хозяин и работник».

[2] 14 января 1895 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Вот, дорогой Николай Николаевич, вам опять просьба, боюсь, что самая неприятная. Письмо это вам перешлет или передаст очень милая девушка, баронесса Майндорф, с которой я провел несколько дней у Олсуфьевых, у которых я жил и живу еще теперь. Я ей передал рукопись рассказа для Северного Вестника. Редакторы так жадны, что я не хочу давать им прямо в руки. А то они напечатают, не прислав мне корректур и без необходимых поправок. Поэтому я позволил себе послать этот рассказ вам и через вас.

Во 1-х, вы просмотрите его и скажите, можно ли его печатать. Не стыдно ли? Я так давно не писал ничего художественного, что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло, не знаю. Если вы скажете, что не хорошо, я нисколько не обижусь. Вот это-то и может быть вам неприятно. Если же вы найдете годным рассказ, то уж пожалуйста вы подпишите корректуру к печати» («Сборник Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, М., 1937, стр. 185—186).

Баронесса Мейендорф — племянница Адама Васильевича Олсуфьева, дочь его сестры Марии Васильевны, бывшей замужем за бароном Федором Егоровичем Мейендорфом (1842—1911). У Мейендорфов было шесть дочерей; о которой из них писал Толстой, сказать невозможно.

3

1895 г. Февраля 9. Москва.

Любовь Яковлевна,

Причины мои личные, до вас не касающиеся, делают невозможным печатание моего рассказа. Вполне понимаю то тяжелое положение, в кот[орое] вас ставит мой недобросовестный поступок, и прошу вас простить меня за него.

Верьте, что если я поступаю так, то только потому, что не могу поступить иначе.

Лев Толстой.

9 Февраля 1895.

На обороте:

Петербург
Редакция «Северного Вестника»
Любовь Яковлевне Гуревич.

Письмо касается печатания Толстым в «Северном Вестнике» его нового рассказа «Хозяин и работник». Это печатание, как записал Толстой в своем дневнике 7 февраля 1895 г., вызвало «страшную бурю» со стороны Софьи Андреевны. Еще в 1891 г., когда Толстой сообщил жене о своем намерении отказаться от литературных прав на все свои сочинения последнего периода, Софья Андреевна была готова покончить с собой. С печатанием нового художественного произведения Толстого не в ее издании, а в чужом журнале, которым к тому же руководило лицо, к которому Софья Андреевна чувствовала большую личную неприязнь—Л. Я. Гуревич—повторилась та же история. Софья Андреевна опять убегала из дому и по видимости казалась близка к самоубийству. Дети приводили ее обратно домой. Толстой не видел иного средства успокоить жену, как отказаться от печатания рассказа в «Северном Вестнике», о чем он и сообщал Л. Я. Гуревич в публикуемом письме. Однако, спустя некоторое время Толстому, как записал он в дневнике 15 февраля, удалось воздействовать на жену «любовью,—любовью к тем, которые делают нам зло». Рассказ был послан в «Северный Вестник», а публикуемое письмо осталось неотправленным.

4

1895 г. Августа 26. Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Очень, видно вас обижают, и очень вы нервны, что приписываете особенное значение глаголу, поставленному в прошедшем времени. Я уверен, что Меньшиков не приписывал того значения его словам, кот[орое] вы им приписали, да и не мог иметь никаких оснований, п[отому] ч[то] мои отношения и к вам и к вашему журналу, кот[орый] я считаю нетолько более сочувственным мне, но лучшим из всех наших журналов, ни на иоту не изменилось. Нынче прочел очень интересную статью о религиозно-полит[ических] взглядах Польского народа [1]. Я получил вчера письмо от автора этой статьи [2]. Поклонитесь от меня вашему сотруднику Флексеру. От всей души желаю успеха вам и вашему делу.

Лев Толстой.

26 Августа.

Кони писал мне о том, что хорошо бы было отдать вам повесть [3]. Я бы очень желал это сделать, но едва ли мне это удастся. Так много разных работ, а не окончив вполне, я не напечатаю. Да и если

окончу когда, то отдам эту повесть в Посредник[4]. Так что вы на меня не расчитывайте и пожалуйста на меня за это не сердитесь.

Недостающий в дате письма год дополняется по содержанию, так как оно служит ответом на письмо Гуревич от 8 августа 1895 г. В этом письме Гуревич жаловалась на ту травлю, которая, по ее словам, была поднята против «Северного Вестника» в печати и поддержана М. О. Меньшиковым в его статье «Дознание», помещенной в № 7 «Книжек Недели» за 1895 г. Здесь на стр. 196 Меньшиков писал о «Северном Вестнике»: «Журнал этот мало читаемый, но все же «толстый» и как раз в это время пользовавшийся особенным вниманием гр. Л. Н. Толстого». По поводу этих слов Меньшикова Гуревич в своем письме писала: «Я вас так давно не видала, не имела от вас ни одной строчки, доказывающей ваше доброе расположение, Меньшиков же мог видеть вас — и вдруг он имел право говорить о вашем расположении к «Северному Вестнику» в прошедшем времени? Поверьте, я ничего не стала бы думать... если бы имела уверенность, что Меньшиков писал за свой страх» (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[1] В № 7 «Северного Вестника» за 1895 г. была напечатана статья М. Урсина (псевдоним М. Э. Здзеховского) «Религиозно-политические идеалы польского народа».

[2] Профессор Краковского университета по кафедре славянских литератур Мариан Эдмундович Здзеховский (р. 1861 г.) прислал Толстому письмо от 12 августа 1895 г., в котором просил Толстого высказаться по поводу угнетения польского народа, об «истинном» и «ложном» патриотизме. Толстой отвечал ему длинным письмом. Письмо Толстого было напечатано впервые М. Э. Здзеховским в его брошюре: Урсин М., Религиозно-политические идеалы польского общества, Лейпциг, 1896, стр. V—X.

[3] Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — судебный и общественный деятель, с 1895 г. — обер-прокурор уголовного кассационного департамента сената, впоследствии член Государственного совета. Познакомился с Толстым в 1887 г. и тогда же рассказал ему из своей судебной практики историю некоей Розалии Они, послужившую Толстому основой для романа «Воскресение». Был в деятельной переписке с Толстым и неоднократно бывал в Ясной Поляне.

В письме от 29 июня 1895 г. А. Ф. Кони писал Толстому: «...пишу к вам вследствие полученного мною письма Л. Я. Гуревич. Взволнованная появившимся в газетах известием о том, что вы оканчиваете повесть, действие которой происходит в окружном суде (уж не история ли это Розалии Они? Как бы это было хорошо!), она обращается ко мне с просьбою замолвить за нее слово перед вами, поясняя, что появление этой повести в ее журнале было бы для нее событием чрезвычайной важности ввиду того, что журнал ее переживает тяжелый кризис... — Помимо вполне естественного самолюбия, ею руководит опасение за будущность «Северного Вестника». (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

Толстой писал в ответ А. Ф. Кони 26 августа 1895 г.: «Пишу я, правда, тот сюжет, который вы рассказывали мне, но я так никогда не знаю, что выйдет из того, что я пишу, и куда оно меня заведет, что я теперь сам не знаю, что я пишу теперь» («Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1910, стр. 301 с неверной датой: 26 августа 1905 г.).

[4] Роман «Воскресение» в «Посреднике» не появился, а в 1898 г. был передан Толстым журналу «Нива» за гонорар, употребленный им на дело переселения из России в Канаду гонимых правительством духоборов.

5

1895 г. Ноября 8—9? Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Простите, что так долго не отвечал вам. Я писал Тане[1] в Пет[ербург], прося ее передать вам на словах мой ответ. Ничего у меня теперь нет — повесть, о кот[орой] говорят, что она кончена, была не кончена, и я ее вовсе бросил[2], а другого пока нет. Очень желаю быть вам полезным, п[отому] ч[то] журнал ваш мне все больше и больше нравится.

Последний № прекрасно составлен[3], за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Сологуба и Вагнера столь же неряшливой статьи. Семенова рассказ — прекрасен.

Держитесь, всей душой сочувствую вам и рад буду, если удастся не на словах только выразить свое сочувствие. А вы всетаки душу свою не кладите всю в журнал и помните, что душа дороже тысяч журналов.

Лев Толстой.

Письмо датируется на основании того, что в копировальных листах писем Толстого за 1895 г., хранящихся в Рукописном отделении Толстовского музея, оно скопировано между письмами от 2—9 ноября 1895 г., в дневнике же Толстого под 8—9 ноября 1895 г. помечено: «Писал письма».

Толстой отвечает на письмо Гуревич от 19 октября 1895 г., в котором она, узнав из сообщения «Нового Времени» (№ 4055 от 19 октября) об окончании Толстым новой повести, писала: «Хоть вы сказали мне по поводу письма Кони, что отдадите ее в «Посредник»..., сделайте так, чтобы мы могли напечатать вашу вещь хоть одновременно с другими... Вы, может быть, единственный человек, помогавший «Северному Вестнику» ради души самого этого дела — ради нашего направления... и если бы вы видели, что, теряя вашу поддержку, мы почти лишены почвы под ногами — мне не пришлось бы просить» (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина).

[1] 25 октября 1895 г. Толстой писал дочери Татьяне Львовне в Петербург: «Если увидишь Гуревич, скажи ей (я получил ее письмо), что, во-первых, у меня ничего нет, и это далеко не кончено, а во-вторых, я обещал, если кончу, в «Посредник». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). Речь идет о романе «Воскресение».

[2] Толстой в то время переживал период колебаний в своем отношении к «Воскресению». В дневнике его 14 октября 1895 г. записано: «Брался за Воскресение и убедился, что это все скверно, что центр тяжести не там, где должен быть» (дневник не опубликован: хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина). Затем 5 ноября: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет «Воскресение». Ложно начато... Надо начать с нее [т. е. с Масловой]; совестно вспомнить как пошло я начал с него» [т. е. с Нехлюдова]. Далее 8—9 ноября: «Писал Воскресение мало. Не разочаровался, но от того, что слаб» (Дневник Льва Николаевича Толстого, I, М., 1916, стр. 6—7).

[3] В № 11 «Северного Вестника» за 1895 г. были напечатаны: «Прозрела», повесть П. Боборыкина; «Праздник науки (Столетие Французского института)» М. Менюкова; «За границей» А. Верещагина; Переписка Мопассана с Марией Башкирцевой; «В день итогов», очерк С. Семенова; Записки А. О. Смирновой; «Иди за мной», стихотворение З. Гиппиус; «Об измерении умственных способностей» проф. В. Чижа; «Исповедь» Анни Безант; «Сон художника Папильона», рассказ Кота-Мурлыки [Н. П. Вагнера]; «Ноябрь», стихотворение Д. Мережковского; «История, не легенда. Глава из книги о Жорж-Санд», Влад. Каренина; «Тяжелые сны», роман Ф. Сологуба; «Сан Сатиро. Из Флорентийских легенд», Анатоля Франса; стихотворение К. Фофанова «Ты хочешь знать, когда и как...», «Современная молодая Германия» А. Браунера; «Quo vadis?», роман Генрика Сенкевича, «Литературные заметки. Аполлон Григорьев», А. Волынского; «На Западе»; «Библиографические заметки», А. Витберга; «Областной отдел. Рабочие на Сибирской железной дороге», Н. Арефьева; «Провинциальная печать», Л. Прозорова; «Письмо из Америки. Положение женщин в Соединенных штатах»; «Внутреннее обозрение»; «Критика», А. Волынского; «Библиография».

6

1895 г. Декабрь? Москва.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Мне прочла одна наша знакомая[1] рассказ, кот[орый] никак не назван, но который она не хочет назвать: Сиротка, и мне рассказ чрезвычайно понравился, и я попросил ее послать его вам. Она согласилась, и я так и делаю[2]. Если вы захотите знать что нибудь больше об авторе, спишитесь с Таней[3]. Это ее приятельница.

Давали одному знакомому читать книгу Ак[има] Льв[овича], и были рады слышать, что она, как я ожидал, была полезна ему[4]. Поблагодарите его за присылку. Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

Письмо датируется приблизительно декабрем 1895 г. на основании упоминания о присылке книги А. Л. Волынского. Хотя книга в письме не названа, несомненно, что речь идет о книге А. Л. Волынского «Русские критики». На обложке книги значится, что она издана в 1896 г., но фактически она вышла в свет в ноябре 1895 г. На экземпляре книги, посланном автором Толстому и хранящемся в яснополянской библиотеке, автором сделана надпись: «Льву Николаевичу Толстому от любящего его автора. 1895. Ноября 30».

[1] Софья Александровна Стахович.

[2] Рассказ С. А. Стахович в «Северном Вестнике» напечатан не был. Он появился в 1899 г. в дешевом издании «Посредника», № 331, под заглавием «Сиротка», с рисунком Репина.

[3] Татьяна Львовна Толстая.

[4] Экземпляр книги А. Л. Волынского «Русские критики», хранящийся в яснополянской библиотеке, почти не разрезан, но Толстой читал статьи Волынского о русских критиках еще при появлении их в «Северном Вестнике». В статье Л. Я. Гуревич «История «Северного Вестника» приводятся следующие слова Толстого об этих статьях: «Я только теперь, благодаря статьям Волынского о русских критиках, начинаю вполне ясно представлять себе, чем жила русская интеллигенция за все последние десятилетия. И как это мне чуждо!» («Русская литература XX века (1890—1910)». Под редакцией проф. С. А. Венгерова, изд. «Мир», М., без обозначения года, стр. 250).

7

1896 г. Марта 12. Москва.

Душевно радуюсь за вас, дорогая Любовь Яковлевна, что это ужасное дело не угрожает более несчастиями вашим близким. Не понимаю, зачем, почему ушел от вас Полонский[1]. И еще не понимаю, зачем в Неделе сказано, что редакция раскрыла имена[2]. Говорю: не понимаю, п[отому], ч[то] и тот [и] другой поступок слишком наивно дурен, если он совершен без повода.

«Претерпевый до конца спасен будет». И я думаю, что ваше дело одно из тех, в кот[орых] надо выдерживать. Я уж теперь слышу выражения искреннего сочувствия вам и одобрения вашему поступку. Помогай вам бог.

Лев Толстой.

12 Марта 1896.

Письмо Толстого касается инцидента в редакции «Северного Вестника», описанного Л. Я. Гуревич в письме к нему от 7 февраля 1896 г. Сын писателя-народника Н. В. Шелгунова, Н. Н. Шелгунов, прочтя в № 2 «Северного Вестника» «Воспоминания об А. И. Герцене» Н. А. Огаревой-Тучковой, почувствовал себя оскорбленным тем, что в них было сказано относительно его матери Людмилы Петровны Шелгуновой. Здесь, на странице 87, было напечатано:

«Когда мы поселились в Женеве, было много русских в городе, все были нигилисты. Последние относились к Герцену крайне враждебно. Большая часть из них помещалась в русском подворье или в русском пансионе г-жи Ш., той самой, которая несколько лет до нашего переезда на континент приезжала к Герцену в Лондон с мужем и с писателем М. (Примечание: Михайлов.) С тех пор многое в ее жизни изменилось; муж ее давно уехал в Россию, жил где-то в глуши и постоянно писал в журналах. А М. был сослан. В год или два разлуки с М. она не только успела забыть его, но и заменить его С. С. младшим. (Примечание: Серно-Соловьевич.) Я потому позволяю себе говорить об отношениях г-жи Ш. с М. и с С. С. младшим, что это было в то время всем известно, и она этого не скрывала». Далее рассказывается, как Ш. родившегося у нее от С. С. ребенка отправила к своему мужу, а самого С. С. «для своего успокоения» поместила в дом умалишенных.

Придя в редакцию «Северного Вестника», Шелгунов потребовал редактора для вызова его на дуэль. К нему вышла Л. Я. Гуревич. Увидев женщину, Шелгунов — вместо вызова — плюнул ей в лицо. Л. Я. Гуревич оставила поступок Шелгунова без последствий, не желая, в случае дуэли, подвергать опасности жизнь своего брата.

В № 7187 «Нового Времени» от 2 марта 1896 г. Л. Я. Гуревич поместила письмо в редакцию об инциденте с Шелгуновым и о своем отношении к нему. Очевидно, письмо Толстого написано после чтения им этого письма Гуревич.

[1] Леонид Александрович Полонский (1833—1906) — журналист; псевдоним — Л. Прозоров. Вел в «Северном Вестнике» отделы «Провинциальная печать».

«Внутреннее обозрение» и «Политическая летопись». Ушел из редакции «Северного Вестника» после инцидента с Шелгуновым.

[2] В мартовском номере «Книжек Недели» за 1896 г. на стр. 278 было напечатано: «В «Северном Вестнике» появились воспоминания о Герцене г-жи Н. Тучковой-Огаревой. Воспоминания местами интересны, если не считать одной крайне грязной сплетни относительно жены одного известного публициста, ныне уже покойного; помещение этой сплетни автором и раскрытие инициалов действующих лиц редакцией не делает чести ни автору воспоминаний, ни журналу». В «Северном Вестнике» были раскрыты фамилии Михайлова и Серно-Соловьевича; фамилия Шелгуновой раскрыта не была. В новейшем издании «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой раскрыты все имена, в том числе и Шелгуновой (Тучкова-Огарева Н. А., Воспоминания, изд. Academia, Л., 1929, стр. 364—365).

8

1896 г. Августа 25. Я. П.

Милая Любовь Яковлевна, спасибо очень за карточку. Я выбрала лучшую — в профиль, а ту отдала Маше, которая очень обиделась на то, что вы не сами ей предложили ее.

Насчет «Воскресения» мне очень жаль, но его послать вам немыслимо, — во-первых, потому, что оно не готово, а печатать отрывки не имеет смысла, а во-вторых, потому, что мне кажется, что отец больше не будет печатать ничего в журналах. Впрочем, это мое личное мнение, — основанное на догадках. Про «Воскресение» я заикнулась папа, но он очень решительно ответил отрицательно.

Насчет Меньшикова[1] вы очень во-время написали, потому что, когда я папа читала ваше письмо, присутствовал Стороженко, который сказал, что он собирался предложить «Русской Мысли» пригласить Меньшикова, но что теперь, до вашего решения, он этого не сделает, но только просит вас дать ему знать, будет ли он у вас или нет. Папа же велел вам сказать, что вам получить Меньшикова все равно, что выиграть двести тысяч. Sur ces entrefaites * приехал к нам и сам Мих[аил] Осипович. Он спрашивал папа насчет своего участия в «Сев[ерном] Вестн[ике]», и папа его благословил на него. Так что теперь, кажется, дело за вами. 1-го сентября Меньшиков обещал дать ответ Гайдебурову[2] насчет его участия в редакторстве «Недели», так что вам надо спешить, — а Меньшиков, кажется, еще не решил отказаться.

Ну, вот все, что я вам могу сказать по этому поводу. Лично я, конечно, за вас горой стояла перед Меньшиковым и думаю, что вы отлично споетесь. Только бы цензура вас не очень обижала.

Ну, прощайте, мой друг. Желаю вам всего хорошего.

Толстая.

25 Авг. 96 г.

Ясная Поляна.

Письмо Л. Я. Гуревич к Т. Л. Толстой, на которое отвечает Т. Л. Толстая, неизвестно.

[1] Михаил Осипович Меньшиков (1859—1919)—журналист. В 90-х годах в журнале «Неделя» проводил взгляды Толстого. В начале 90-х годов перешел в консервативную газету Суворина «Новое Время», где неоднократно выступал резким противником Толстого, считая его озлобленным анархистом, вредным разрушителем современного строя.

[2] Василий Павлович Гайдебуров (р. 1866) — журналист, с 1893 г. издатель газеты «Неделя».

9

1897 г. Ноября 27. Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Посылаю вам исправленную корректуру перевода Карпентера[1] и английский текст; корректуру не худо бы еще просмотреть. В одном

*) [Тем временем]

месте я перевел буквально — habits and conduct звезд — прямо: привычками и поведением звезд. Если это вам покажется слишком смелым, поправьте по прежнему [2].

Переводчик, сын мой Сергей, имя своего не хочет выставлять и просил еще высылать ему Сев[ерный] Вестн[ик]; адрес его: Тульск[ой] губ. г. Чернь.

Предисловие я написал. Оно переписывается и будет выслано вам дня через два. Я бы желал еще раз прочитать и поправить его в корректуре. Пожалуйста сделайте так.

Дружески жму вам руку. Передайте мой привет Ак[иму] Львовичу. Его критика Соловьева [3] мне очень понравилась.

Ваш Л. Толстой.

27 Ноября 97 г.

[1] О русском переводе статьи Карпентера и предисловии к нему Толстого см. примечания к письмам Толстого к А. Л. Волынскому 1897—1898 гг., стр. 169—171.

[2] Указанное Толстым место статьи Карпентера было переведено в «Северном Вестнике» (1898, № 3, стр. 216) словами: «привычками звезд»; слово «поведением» было выпущено.

[3] В № 11 «Северного Вестника» за 1897 г. на стр. 289—297 были напечатаны «Литературные заметки» А. Л. Волынского, посвященные разбору книги Влад. Соловьева «Оправдание добра».

ПИСЬМА К М. А. СОПОЦЬКО

В марте 1890 г. за участие в студенческом движении и в демонстрации по поводу смерти Чернышевского был исключен из Московского университета студент естественного факультета Михаил Аркадьевич Сопоцько. Он родился в 1869 г. и был сыном московского адвоката. По исключении из университета он был отправлен на два года в административную ссылку в Вологду. Еще из ссылки — 2 сентября 1891 г. — Сопоцько написал первое письмо Толстому с призывом «побудить своих последователей и почитателей быть щедрее на пожертвования в пользу голодающих». Второе письмо было послано им Толстому тоже из Вологды 3 января 1892 г. с приложением его статьи по поводу «Татьянина дня» — «Корпоративное пьянство». На конверте этого письма рукою Толстого помечено: «Отв[ечать]», но письмо Толстого или одной из его дочерей в ответ на это письмо Сопоцько, повидимому, не сохранилось.

20 января 1892 г. Сопоцько вновь пишет Толстому с просьбой участвовать в сборнике, задуманном в Вологде в пользу голодающих.

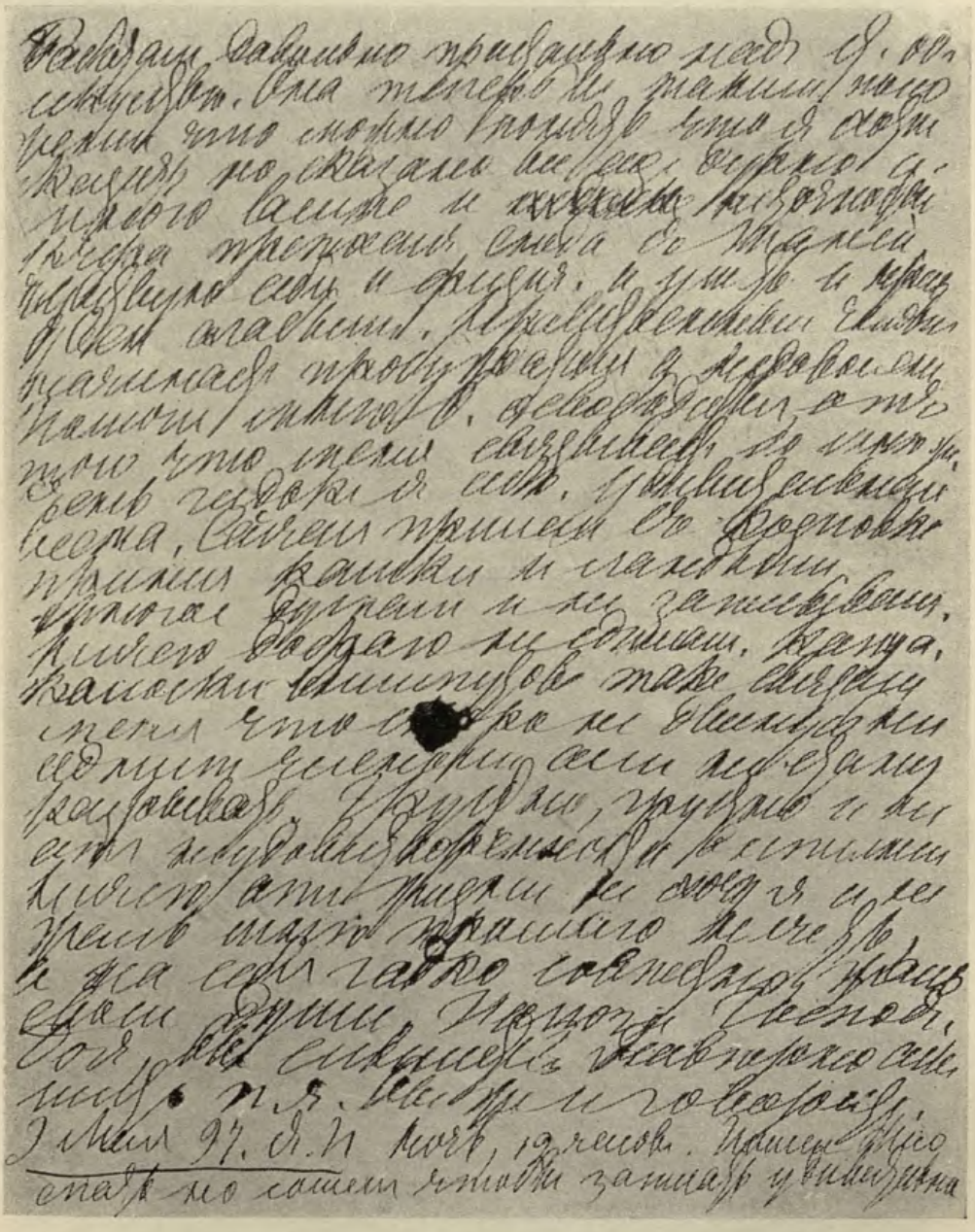
В марте 1892 г. Сопоцько был освобожден из ссылки и по освобождении несколько раз был у Толстого по делам Вологодского сборника. Толстой дал ему сделанный им перевод статьи Генри Джорджа «Равные права и общие права». Сборник вышел в 1892 г. в Петербурге под названием «Помочь».

4 мая 1892 г. Сопоцько вновь обратился к Толстому с вопросом, не может ли ему понадобиться при его «теперешней деятельности в пользу голодных честный, энергичный и выносливый человек», готовый «безвозмездно, единственно только за пищу, хотя бы самую грубую, взяться за самую тяжелую работу» под руководством Толстого. Он разумел себя. Толстой открытым письмом, которое не сохранилось, ответил ему согласием. Одновременно Сопоцько получил письмо и от В. Г. Черткова с приглашением приехать на хутор его матери Ржевск, Воронежской губернии для деятельности среди голодных. Чертков, как сообщал Сопоцько в письме к Толстому 17 мая 1892 г., писал ему, что «у них нещадно свирепствует цынга, развилась устрашающая смертность, а работников, именно добровольцев, честных и, главное, выносливых людей у них нет».

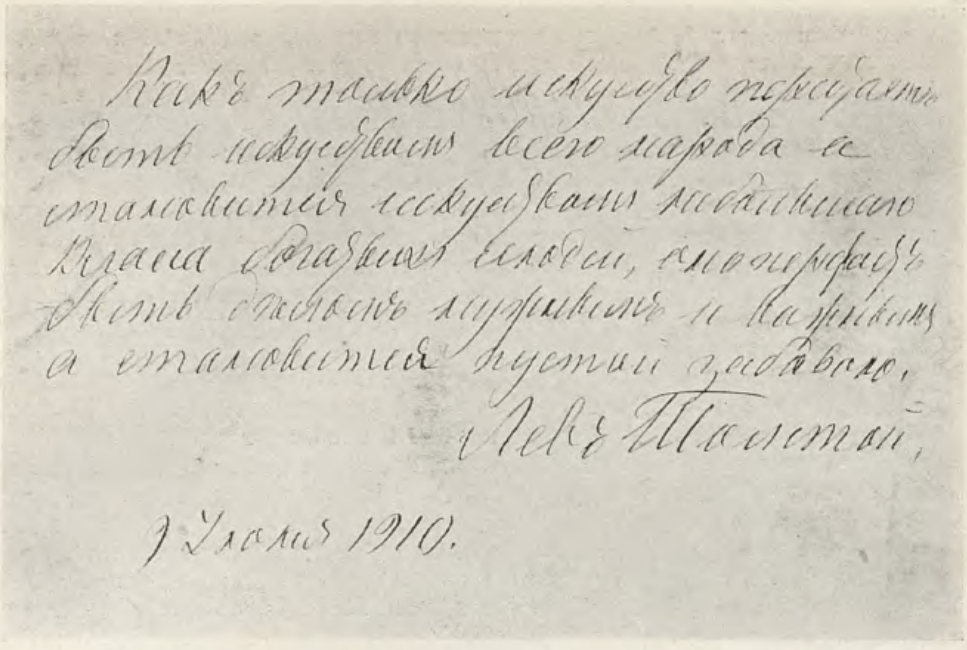
Сопоцько решил поехать к Черткову. Здесь он заведывал пунктом Холмивка-Софиевка, устраивая столовые на средства, пожертвованные англичанами, и борясь с эпидемиями дифтерита и холеры.

В первых числах октября 1892 г. Сопоцько поехал в имение друга Толстого И. И. Раевского Бегичевку, бывшее в то время центром деятельности Толстого и его последователей в пользу голодающих. Здесь он встретился с П. И. Бирюковым. Его убедили взять на себя заведывание столовыми для голодающих в одном из пунктов помощи, и он, после короткого отдыха, поселился в деревне Козловке, Ефремовского уезда, Тульской губернии, верстах в пятнадцати от Бегичевки. В 1893 г. на его попечении лежали столовые в двадцати трех деревнях.

Вспоминая уже много лет спустя, когда он давно уже и окончательно отошел от толстовства, периодические собрания толстовцев в Бегичевке, Сопоцько писал: «Вообще, собрания бывали очень оживленны, ибо дух был у всех под-

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА ТОЛСТОГО 3—9 МАЯ 1897 г.
(Уменьшено)

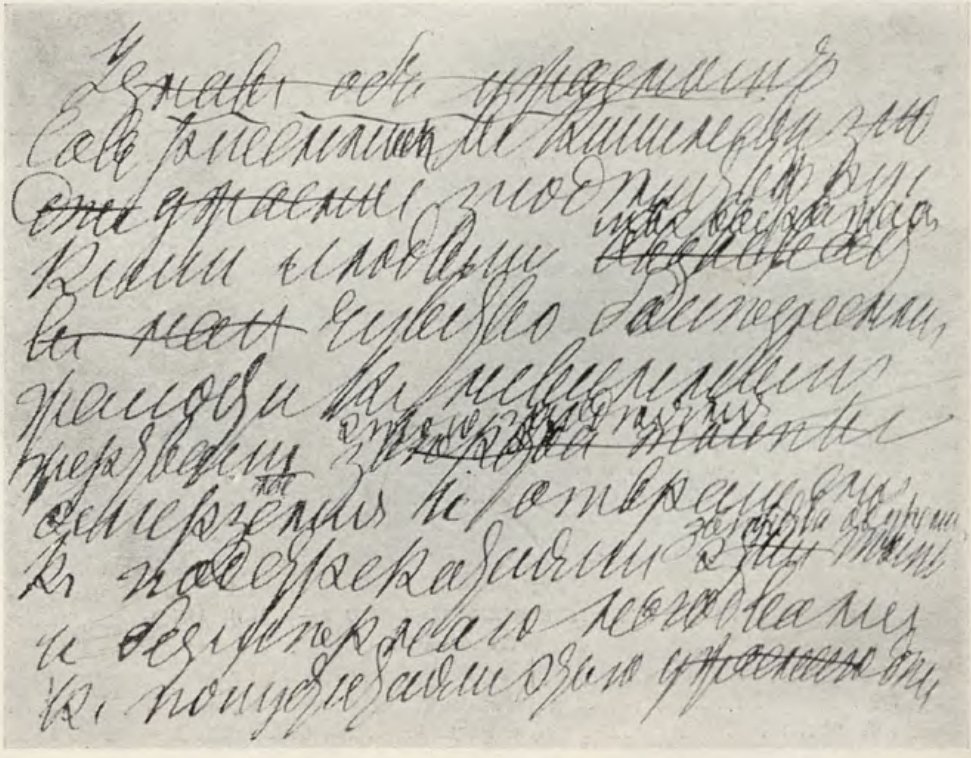

Какое таинство искусство передавать свои чувствования всего народа и становиться посредником между ними, какова бы ни была эта разница, есть великое и радостное.

Лев Толстой.

9 Июля 1910.

АФОРИЗМ ТОЛСТОГО, НАПИСАННЫЙ ДЛЯ АРТИСТА П. И. ОРЛЕНЕВА, 1910 г.

ЧЕРНОВИК ТЕЛЕГРАММЫ ТОЛСТОГО КИШИНЕВСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ ОТ 27 АПРЕЛЯ 1903 г. ПО ПОВОДУ ЕВРЕЙСКОГО ПОГРОМА.

нят деятельностью, и каждый спешил поделиться своими впечатлениями и посоветоваться... Чувствовалось тогда потому так хорошо, что плоть не знала покоя, который приятен для нее самой, но для духа тягостен. А тогда и ели почти на ходу, а иногда почти не ели, а спали мало и мерзли, и мочимы были дождями, и вьюгами застигаемы. Трудились, благодаря преобладанию духа над плотью, за десятерых» (Товарищ Михаил, Мое знакомство с графом Л. Н. Толстым, его семьей и последователями — «Студент-христианин», 1908, № 1, стр. 24—25).

По окончании в августе 1893 г. деятельности помощи голодающим, Сопоцько, сделавшийся ревностным толстовцем, по зимам жил в Москве и Петербурге, занимаясь литературным трудом, а летом батрачил у крестьянина в той самой деревне Козловке, Ефремовского уезда, где был центр его деятельности помощи голодным.

Здесь же 2 июня 1895 г. Сопоцько был арестован по подозрению в распространении среди крестьян революционных взглядов и заключен в тульскую тюрьму. Отсюда он 5 июня писал Толстому, который написал ему в тюрьму два письма и посетил его. При посещении Толстой выразил Сопоцько свое опасение, как бы он не впал в мистицизм (письмо Сопоцько к Толстому от 28 августа 1895 г.).

После недолгого пребывания в тюрьме Сопоцько был отправлен в административную ссылку на три года в город Пудож, Вологодской губернии. Переписка его с Толстым продолжалась.

Ссылка подействовала на Сопоцько удручающим образом. Он, державшийся на допросах в тульском жандармском управлении с большой бравадой, присягнул новому царю, после чего, в оправдание этого своего поступка, придумал разные теории, которые и изложил Толстому в своих письмах. Тут же началось у него и мистическое настроение. По поводу его писем Толстой записал в своем дневнике 8—9 ноября 1895 г.:

«Сопоцько дал мне ключ к тому, почему люди верят в личного бога, бога Христа и тому подобное. Он один из тех самолюбивых людей, которые всегда хотят быть правыми не только перед людьми, но и перед собой. И вот он сделал два не то что дурные поступка, но два раза отдался слабости: раз присягнув, по требованию урядника, новому царю, другой раз продолжая есть мясо, тогда как сам писал о вегетарианстве. Он знает в глубине души, что и то, и другое нехорошо, но он хочет быть правым, и вот придумывает целые теории, по которым выходит, что лучше было не отказываться от присяги, чтобы не выдаваться и т. п., и лучше было есть мясо, потому что неедение показало бы несвободу. Он же пишет мне — вперед забегает, я ничего не писал про это — о молитве и личном боге и о том, что можно просить бога.

Что это значит? А то, что в такую же минуту слабости, как и когда он присягнул и соблазнился мясом, он стал молиться личному богу, ожидая от него исполнения молитвы. Если бы он был человек строгий к себе, ставящий истину выше своей правоты, он бы признался, что дурно сделал, присягнув, поевши мяса и в минуту слабости обратившись к воображаемому личному богу, слышащему наши молитвы. Он бы признал, что как в минуту слабости мы гадаем, верим в приметы, [так] и обращаемся к богу, но что оттого, что мы вообразили так бога и ищем его помощи, он не делается, — и осудил бы свою слабость, как в случае присяги, мясной еды, так и в этом. Но ему нужно быть правым, и он из своей суеверной слабости делает теорию, выдумывает софизмы, красноречивые примеры, чтобы доказать, что действительно есть то, чего ему захотелось в минуту слабости.

На этом, только на этом все суеверия, вся церковность. И не верят в церковные суеверия люди обыкновенно до тех пор, пока не ослабеют. А как ослабеют, так их слабость служит для них доказательством, если только они не строги к себе и не любят истину больше своей правоты».

В первой половине марта 1896 г., когда уже окончательно определился отход Сопоцько к православию, Толстой написал ему большое письмо, в котором изложил свое отношение к православию (письмо это по копии было напечатано

в Англии в 12 выпуске Листков «Свободного Слова» 1899 г. под заглавием «О церковном обмане» и после революции 1917 г. переиздано в России). В своем письме Толстой писал Сопоцько, что, любя его, ему «очень бы хотелось помочь» ему «в том тяжелом и опасном положении», в котором он находится, желая «загипнотизировать себя в церковную веру». «Это очень опасно,—писал Толстой,— потому что при такой гипнотизации утрачивается самое драгоценное, что есть в человеке — его разум».

Это письмо, как «полное кощунств», Сопоцько, как писал он Толстому 20 июля 1896 г., торжественно сжег на тагане «по любви», так как «это письмо, сохраненное, могло бы кого-нибудь совратить». Он видел в этом «подвиг веры». Он отвечал Толстому 26 апреля 1896 г. огромным (в 28 страниц) письмом, в котором, нисколько не убежденный доводами Толстого, соболезновал за его «устрашающее ожесточение неверия». В письме этом, несмотря на полную перемену воззрений, еще сказывается доброжелательное отношение к Толстому. «Ничто меня не заставит перестать уважать вас и сожалеть о тяготе душевной. Я буду помнить всегда, что до рождения духовного я многим в душевном оздоровлении обязан вашему здравомысленному и своевременному слову... И все хорошее — до мелочей, что знаю про вас и в ваших словах, я помню и буду помнить и любить вас».

По поводу этого письма Толстой писал П. И. Бирюкову 23 мая 1896 г.: «От Сопоцько письма совсем нехорошие: началось уже лицемерие и гордость православная. Я писать ему больше не могу». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина). Однако, Толстой, хотя и с большим опозданием, все-таки ответил на письмо Сопоцько 4 июля 1896 г. В коротком, в несколько строк письме этом Толстой писал, что им с Сопоцько «обсуждать и возражать и убеждать бесполезно» и этим прекращал дальнейшую переписку.

Сопоцько ответил Толстому открытым письмом, написанным «в день пророка Илии» 20 июля 1896 г. В этом письме он уже угрожал Толстому: «Если не обратитесь от неверия к вере христовой, которая истинная, а не ложная («православная»), то гнев божий над вами». И в случае, если Толстой будет «давать свое честное сердце ожесточать самочинному разуму, т. е. дьяволу», Сопоцько находил нужным расстаться с ним «навсегда до страшного суда»

На это письмо Толстой не ответил и переписку с Сопоцько прекратил.

В том же 1896 г. Сопоцько поступил в Муромский монастырь для того, чтобы там «окрепло и как сталь закалилось в огне послушнических скорбей, трудов и унижений» его православие («Студент-христианин», 1911, № 3—4, стр. 16). По выходе из монастыря он устроил в Пудоже ночлежный дом «для исправления воров, жуликов и пропоиц» (там же, стр. 17).

В конце того же 1896 г. в приложении к «Церковным Ведомостям» по предписанию Победоносцева появилась книжка «Плоды учения гр. Л. Н. Толстого». Вторую часть этой книжки составили изданные газетой «на духовную пользу русских людей, смущаемых внушениями гр. Толстого», «несколько писем одного бывшего в числе самых ревностных учеников его». Здесь были напечатаны одно письмо Сопоцько к Черткову и два к Толстому — от 26 апреля и 20 июля 1896 г.

Брошюра Сопоцько усердно распространялась церковниками. Синод выпустил четыре издания ее, в количестве 80 000 экземпляров — тираж для того времени колоссальный; она была переиздана и в Туле. Брошюра эта, как впоследствии с гордостью заявлял Сопоцько, «была одним из первых трудов, систематически разоблачивших ложь и вред толстовских «бредней», именуемых «учением», risibile dictu [смешно сказать]» («Студент-христианин», 1911, № 1—2, стр. 1).

Освобожденный из ссылки, Сопоцько служил псаломщиком, затем миссионером, потом регистратором в петербургской консистории. Был в Иерусалиме, где издавал газету «Вождь»; был братом милосердия на Русско-японской войне 1904—1905 гг., где получил георгиевский крест. В 1906 г. поступил на медицинский факультет Новороссийского университета, откуда перешел в Военно-меди-

цинскую академию, а затем в Юрьевский университет. Вступил в члены крайне черносотенного Союза русского народа и был деятельнейшим его членом, участвуя в его газете «Русское Знамя».

В 1908 г. Сопоцько, который стал теперь носить фамилию Сырокомля-Сопоцько, начал издавать крохотный журнальчик, который он заполнял почти единолично, — «Студент-христианин» — «орган религиозно-философского общества студентов всех университетов». Здесь когда-то ревностный, а теперь покаявшийся толстовец в № 11—12 за 1908 г. (стр. 30) по поводу 80-летнего юбилея Толстого писал: «Мы считаем грубой ошибкою власти гражданской, что Левка Толстой остается безнаказанным даже доселе. Если бы его замуровали в Соловки еще в 1885 году, это было бы спасительно и благотворно прежде всего для самого Толстого, не говоря уже о «малых сих», которых он соблазнил и погубил... По поводу 80-летия Толстого мы возглашаем: Левке Колькину сыну Толстому — анафема!»

В № 1—2 своего журнальчика за 1910 г. бывший толстовец поместил статью под красноречивым заглавием: «Как хоронить яснополянского шарлатана». Здесь он с торжеством заявил, что хотя смерть по отношению к Толстому и уклонилась в толстовщину и стала втупик перед «бессмертным», «славным», «великим»... «разбойником пера», все же «как ни как придет каюк и Левке Толстому, настанет ему пора принять казнь за тьму соблазнов, посеянных графом среди «малых сих».

И ревностный православный предостерегает синод, чтобы он принял меры к тому, чтобы не нашелся ни один «поп», который бы решился «воспеть над падалью» погребальные церковные песнопения.

В № 5—6 за 1910 г. Сопоцько напечатал сочиненную им «сатиру», озаглавленную «Левка Брюхан, мрачнополянский лжемужичек». «Сатира» эта наполнена пошлейшими издевательствами над Толстым и площадным, циничным зубоскальством по адресу его и его друзей, изображенных здесь под прозрачными псевдонимами: Володька Гришкин сын князь Чортопханов (Чертков), Пятигубов (Трегубов), Посадский Ванька Горбунков (Горбунов-Посадов), Костромич Павлушка Бирючьи зубы (Бирюков), лангобард Протопопов (Попов).

Сопоцько послал этот пасквиль Толстому заказной бандеролью с обратной распиской, причем для того, чтобы Толстой обратил внимание на брошюру, на конверте обозначил отправителем П. И. Бирюкова, дав вместе с тем свой петербургский адрес.

Быть может, действительно, вследствие ложного обозначения имени Бирюкова как отправителя Толстой, без этого не обративший бы внимания на издание с заглавием «Студент-христианин», просмотрел брошюру и отнесся добродушно к ее содержанию. Он написал на конверте: «интересно» и передал Черткову для прочтения.

В следующих номерах (11—12 и 15—16) были помещены второе и третье действие «сатиры».

После смерти Толстого Сопоцько в своем журнальчике (1911 г., № 1—2) напечатал статью «Из личных воспоминаний о Льве Толстом» с эпиграфом: «В погибели нечестивых радование». В следующем номере была помещена его заметка «К сведению гг. членов Государственной думы правой фракции», написанная в день ухода Толстого из Ясной Поляны, в которой Сопоцько в числе прочих непорядков Военно-медицинской академии отмечает и то, что «в читальне, находящейся рядом с академическим храмом... поставлена статуя не господа Христа, не государя императора, даже не Пирогова, а кого бы вы думали? Антихриста, анархиста, еретика, преданного церковью анафеме Левки Колькина сына Толстого» («Студент-христианин», 1911 г., № 3—4, стр. 7—8). В том же номере за подписью Льва Катанского помещены стишки «Еретику Льву Толстому», где Толстой называется «масоно-жидовством прославленным гением», который «много и долго служил сатане». «Твоим злодеяньям нет счета и меры, тобой водворилось нечестье в стране», говорит рифмоплет, обращаясь к Толстому. «Сочти,

лжеучитель, тобой совращенных: ведь ими весь ад, как червями, кишит... Иди, разделяй с ними ужасы ада, ступай, получи, что готовил другим. Рассейся, развейся, как облако смрада, исчезни навеки с ученьем своим!» В № 5—6 было помещено действие четвертое «сатиры» «Левка Брюхан», изображающее в виде пошлейшей пародии и карикатуры уход Толстого из Ясной Поляны. В № 7—8 был напечатан «эпилог» «сатиры», где в отвратительнейшем виде была изображена смерть Толстого в Астапове и его погребение.

В № 10 за 1911 г. журнальчика «Врач-христианин», заменившего журнальчик «Студент-христианин» (так как Сопоцько тогда был уже врачом), бывший толстовец открыл своим читателям, что Толстой «низринут богом во ад, где и будет мучиться миллиарды столетий и вечные веки!» (стр. 31).

Справедливость требует отметить, что Сопоцько не извлекал никаких материальных выгод из своих диких взглядов и проповедывал их совершенно бескорыстно. Все свои фанатические бредни он издавал на собственные скудные средства и жил всегда в нужде.

Во время империалистической войны 1914—1917 гг. Сопоцько был военным врачом. В 1917 г. эмигрировал за границу. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Печатаем все сохранившиеся письма Толстого к Сопоцько, в числе пятнадцати, в том числе и уже опубликованное письмо от 16 марта 1896 г. Все письма печатаются по оригиналам, хранящимся в Литературном музее, за исключением №№ 4, 6, 10, 13 и 15, оригиналы которых неизвестны, и № 14, оригинал которого был уничтожен Сопоцько. Эти письма мы печатаем по копиям, полученным из Главной редакции юбилейного издания сочинений Толстого.

Письма №№ 1, 2, 3, 5 и 7 приготовлены к печати и комментированы И. Р. Эйгесом, все остальные — редактором настоящего сборника.

Все письма Сопоцько к Толстому, кроме двух выше указанных, не опубликованы и хранятся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина.

1

1893 г. Августа 24. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич.

Нынче только 24 авг[уста] получил в одно время и ваше маленькое письмо[1] и большое с отчетом[2] и письмом к Цебриковой[3]. Спасибо за отчет. Пав[ел] Ив[анович][4] приобщит его к общему[5]. Он теперь в Костроме и на днях приедет. Деньги в пекарню[6] посланы и также пошлются от вас 15 р. вашей матушке[7]. Цебриковой тоже письмо пошлется[8]. За вашу помощь нам и вашу дружбу ко мне я в душе своей благодарю вас очень и очень, т. е. не то что благодарю, а радуюсь тому, что узнал и полюбил вас. Теперь о том, что вы пишете Ц[ебриковой] о ваших планах[9]. Чувство, вызываемое во мне этим вашим намерением, двоякое: одобрения, сознания того, что лучше этого сделать ничего нельзя, и страха за то, что не хватит сил, что нет в душе того, что сделает вам эту жизнь радостью. Как зажигать костер страшно, когда одна спичка и не знаешь, зажжешь ли весь костер или потушишь ее. Вы это — спичка, и если вы будете гореть, хоть тлеться, ожидая времени и передавая свой огонь другим, то вы благую часть избрали. Но что, если сама спичка сыра или нет на ней достаточно фосфора? Главное то, есть ли у вас сознание возможности жить только тем, чтобы служить людям? <Нет ли у вас стрем> И не людям только, а богу, т. е. исполнять то, чего хочет от вас тот, кто послал вас в эту жизнь. Нет ли у вас стремления в этой другой, более энергичной, близкой к природе жизни найти для себя больше счастия? Нет ли тут, что страшнее всего для молодого, сильного человека, полового соблазна? — взвесьте все это, милый друг, и хорошенько проверьте себя. Не потому, чтобы это было очень страшно. С т р а ш н о г о н и ч е г о н е т. Страшнее гораздо посту-

пить в университет, или в чиновники, или сотрудники газеты; страшного ничего нет, если бы даже, и пожив этой жизнью, вы бросили ее. Но страшно то, чтобы, начав жить такой полной и твердой жизнью, вы бы вдруг отреклись от нее, признав ее невозможной только п[отому], ч[то] захотели от нее не того, что она может дать, или взялись за нее, сами не будучи готовы к ней. Как бы человек бросил самородок золота только п[отому], ч[то] не умеет или не достало терпения выделить его. То, что вы пишете о том, что нам надо растаять в народе, совершенно справедливо; что если мы сахар, то только затем, чтобы распуститься там, где его нет. Но этого мало. Главное то, что только слезши с шеи народа и став с ним рядом, можно, при известной степени искреннего нравственного развития, можно не то, что найти спокойствие, но перестать краснеть за каждый час своей жизни. Это все так, но кроме этого для вас тут еще вопрос. Как вы отнесетесь к требованиям своей семьи помогать ей? Все эти вопросы самые внутренние, в кот[орых] судья один вы.

Подумайте хорошенько, прикиньте все эти вопросы к такому положению, в котором бы вы были накануне верной смерти; что бы вы сделали, если бы вы знали, что завтра умрешь: поехали бы вы в Москву, чтобы исполнить желание отца или матери, или остались там, где вы теперь.

Главное, подумайте 20, 100 раз о женитьбе. Связать свою жизнь с жизнью другого человека половою связью для нравственно чуткого человека есть самый значительный и чреватый последствиями поступок, который только может совершить человек. Жениться надо всегда так же, как мы умираем, т. е. только тогда, когда невозможно иначе. И знайте, что то, что притягивает нас к крестьянской жизни, то не в женщине крестьянской, а напротив, в ней, женщине крестьянской, то самое, что отталкивает нас от господской жизни. Оно сидит в ней, не проявляясь только под гнетом нужды и насилия[10]. Кончится рабочая пора, вам можно будет заняться интеллигентною работою. Есть ли она у вас и какая? Не побываете ли у нас? Хотелось бы повидать вас и поговорить не на бумаге, а глядя в глаза.

Пока прощайте. Наши все кланяются.

Любящий вас

Л. Толстой.

Жена просит книги, к[оторые] вы брали, возвратить.

Оригинал этого письма имеется в Литературном музее не в полном виде — одна лишь первая часть его, занимающая два листа почтового размера; текст кончается словами: «судья один вы». Здесь же имеется и приписка, заканчивающая письмо: «Жена просит книги, которые вы брали, возвратить». Продолжение письма после слов: «судья один вы» было написано, повидимому, на отдельном листе. Лист этот утрачен, и мы печатаем недостающую часть письма, от слов: «Подумайте хорошенько», кончая подписью, по копии, полученной из Главной редакции юбилейного издания «Полного собрания сочинений» Толстого.

Письмо датируется на основании слов: «Нынче только 24 августа...» и на основании дат двух писем Сопоцько от августа 1893 г., на которые отвечает Толстой.

[1] Письмо от 6 августа 1893 г. из Михайловского, Богородицкого уезда, Тульской губернии, где жил Сопоцько, занимаясь организацией столовых для голодающих.

[2] Точной даты «большое» письмо не имеет. Оно написано в августе—после 6 августа и до 24 августа, когда оно было уже получено Толстым. Сопоцько в «маленьком» письме от 6 августа писал: «На-днях получите почтой денежный отчет за май, июнь и июль по ведению мною продовольственного дела в Ефремовском уезде».

[3] Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917) — племянница декабриста Н. Р. Цебрикова, представительница критико-публицистической школы, бел-

летристка, сотрудница «Отечественных Записок» редакции Некрасова и Салтыкова. В 1889 г. написала «открытое письмо» Александру III, получившее широкое нелегальное распространение, и была выслана из столицы. Письмо к ней Сопоцько неизвестно.

[4] П. И. Бирюков.

[5] Отчет Толстого об употреблении пожертвованных в пользу голодающих денег с 1 января 1893 г., подписанный им и П. И. Бирюковым и датированный 17 октября 1893 г., был напечатан в № 288 «Русских Ведомостей» от 19 октября 1893 г.

[6] Сопоцько в письме от 6 августа писал: «Прошу вас по получении этого письма послать 35 (тридцать пять) рублей в уплату за печеный хлеб, забранный в свое время в Михайловском в пекарне Красного креста для наших столовых».

[7] Надежда Александровна Сопоцько, рожд. Фидлер (1849—1921)—фельдшерица, впоследствии учительница. В «большом» письме Сопоцько писал: «Если можете, помогите моей матери, — она без денег и бедствует с сестрой. Если пошлете хоть 10 рублей, — и то хорошо, у меня же нет заработка, — нечем помочь ей».

[8] В «большом» письме Сопоцько писал: «Прочтите мое письмо к Цебриковой. С ней мы большие друзья, и ее очень огорчает, что я хочу омужичиться (хотя это еще не значит: приобресть звериный образ). Хотелось бы от вас получить хоть несколько строк по поводу этого».

[9] В «большом» письме Сопоцько писал: «Если удастся, женюсь и останусь навсегда мужиком: эта перспектива так для меня соблазнительна и так трудно добиться этого (хотя я вот уже год всеми силами стремлюсь к этому: раньше побеждал себя, а теперь надо победить других), что чем ближе я к достижению цели, тем невероятнее кажется полное осуществление желаемого»... «Я третью неделю без промежутка каждый день кошу, пашу, вровень с мужиком, и чувствую себя физиологически обновленным».

[10] В письме от 10 апреля 1896 г., когда он уже отошел к православию, Сопоцько писал Толстому: «Я... не забуду..., как вы отрезвили [меня] своим словом, когда я собирался жениться на крестьянке» («Плоды учения гр. Л. Н. Толстого», книжка вторая, приложение к журналу «Церковные Ведомости», СПБ., 1896, стр. 33).

2

1893 г. Декабря 25—26? Москва.

Дорогой Михаил Аркадьевич!

Статью вашу[1] внимательно прочел. Она понравилась мне: есть длинноты и лишние отступления, зато есть хорошие места. Мне понравилась мысль о том, что вошедшее в сознание человека сильнее и действеннее, чем чувство[2]. Это совершенно справедливо, хотя обыкновенно судят обратно. Недостаток статьи невольный тот, что в доводах своих многих вы невольно сходитесь с людьми, уже писавшими о том же предмете. Статья вообще хорошая, и я очень желаю ее видеть напечатанной. Что вы будете для этого делать?[3]

Любящий вас Л. Толстой.

На обороте:

Петербург, Забалканский проспект,
угол Софийской, д. № 4, кв. 23.
М. А. Сопоцько.

Основание датировки — почтовый штемпель: «Москва, 26 декабря 1893 г.». Закрытое письмо.

Толстой отвечает на письмо Сопоцько из Петербурга от 9 декабря 1893 г., при котором им была послана его статья о вегетарианстве. В письме Сопоцько просил прочесть «внимательно и с начала до конца» его статью, так как он считает ее «очень важным для себя поворотным пунктом» и в развитии и в направлении деятельности; он вынашивал ее «в течение полугода».

[1] «Вегетарианство, его смысл и общественное значение».

[2] Эту мысль Сопоцько развивает в окончании гл. II своей статьи: «вопрос о том, есть или не есть мясо, не столько вопрос чувства, сколько вопрос сознания». «Чувством сострадания не всякий обладает, сознание же присутствует у всякого». «Чувства — всегда неустойчивы и нуждаются в постоянном подстрекательстве и подогревании». Вид боен может только «придать яркости и непоко-

лебимости выводам сознания и сообщить большую решимость скорее отстать от мяса». И далее: «непрочны те люди, которые основывают свою деятельность не на твердом сознании, а на порывах чувства». «Непосредственное чувство имеет дело с данным единичным конкретным случаем, а сознание — с обобщением случаев; ясно, что сознание должно будить там более глубокие чувства».

[3] Статья Сопоцько появилась на стр. 77 — 114 сборника по вегетарианству, изданного «Посредником» в 1896 г. и озаглавленного по первой входящей в его состав статье: «Гуманитарное учение, или гуманитарианизм» Г. С. Солта. Статья Сопоцько подписана здесь его псевдонимом Михаил Изгоев, а на титульном листе и в оглавлении — инициалами М. С.

3

1894 г. Мая 2—9? Я. П. Ясная Поляна.

Михаил Аркадьевич (я прежде бросил было употреблять условные эпитеты в письмах, потом понемногу опять втянулся в привычные всем бессмысленные эпитеты; теперь опять их бросаю). Получил ваши длинное[1] и короткое письмо[2] и статью[3]. Все это очень хорошо, вся та работа, которая не переставая идет в вас. Желаю, чтобы она никогда не останавливалась. В ней только и жизнь. — Дневник же вас, современника, по моему мнению, не годится для печати[4]. Я бы не советовал вам подписывать под него свое имя. В авторе дневника нет ясно определенного особенного миросозерцания; нет и яркости и силы выражения. Не сердитесь на меня, М[ихаил] А[ркадьевич]. Для того чтобы писать, нужно много труда, много напряжения внимания на одно какое-нибудь явление или ряд явлений. А у вас до сих пор я еще не вижу этого. Вы разбрасываетесь. В дневнике говорится, что писать дневник полезно для выработки языка, мастерства выражения[5]. Это все неважно. Важно так полюбить какую-нибудь сторону жизни, так увлечься ею, чтобы ничего не видеть, кроме нее, и от этого увидать в ней то, чего никто не видел, и потом все силы души положить на то, чтобы как возможно лучше выразить то, что видишь. Переделываете ли вы то, что пишете? Я думаю, что нет. Вы легко и хорошо пишете; но нет того, что выделяет одни писания из всех других. — Да вы еще молоды. Вам много впереди.

Вы пишете, что вы со мною не согласны[6]. Отчего вы несогласны и в чем? Я так не знаю, что вы думаете и о чем, но вперед знаю и заявляю, что я согласен с вами. Надо всем быть согласными в области мысли. Если двое людей несогласны в области мысли, то кто-нибудь вне ее. А я и вообще-то уверен, что согласен с вами, п[отому] ч[то] знаю (я думаю) ваше не направление, а то, во имя чего вы живете, и так как я живу тем же, то уверен, что мы всегда будем согласны.

Мы теперь в деревне, и письмо ваше не застало меня в Москве. Что делать с рукописью? Если, как я думаю, эта рукопись составилась из дневника вашего, то советую вам продолжать его для себя, только для себя. А для публики ждать того страстного интереса к чему-нибудь, о к[отором] я говорил.

Прощайте, не сердитесь на меня. Я любя и обдуманно написал, что написал.

Л. Толстой.

Рукопись посылаю с этим письмом.

Рукопись думаю не посылать, пока не получим от вас верного адреса, а то вы пишете, что это адрес только до 1 мая.

Т. Толстая.

Письмо датируется на основании дат двух писем Сопоцько, ответом на которые является данное письмо Толстого. Оно написано не ранее 2 мая, так как ранее этого срока не могло быть получено в Ясной Поляне адресованное в Москву письмо Сопоцько от 30 апреля, и не позднее 9 мая, так как 11 мая Сопоцько из Петербурга уже отвечал Толстому на это письмо.

[1] Письмо от 10 апреля 1894 г., переданное через художника Н. Н. Ге, приехавшего в Ясную Поляну 2 мая 1894 г.

[2] Открытое письмо со штемпелями: «Петербург. 30 апреля 1894 г.», «Москва 1 мая 1894 г.».

[3] В письме от 10 апреля Сопоцько эту статью называет «тетрадью заветных мыслей и наблюдений над жизнью». «Мною задумано предприятие подчинить себе форму записок, дабы получить право говорить в этой форме печатно». В открытом письме от 30 апреля Сопоцько просит Толстого сообщить «в самых общих выражениях, какое впечатление произвело на вас мое писание, годится ли оно к печати».

[4] В своем ответном письме от 11 мая Сопоцько писал: «Писанье это свое я предоставлю его судьбе и отчасти согласен с вами, что его не стоит печатать».

[5] В письме от 10 апреля Сопоцько писал: «Потребность исповедывать веру, истину во мне так сильна, бесстрашна, и так повседневно меня волнует, что я ищу наиболее кратчайшего, непосредственного пути для ее удовлетворения. Эта потребность вследствие своего напора и мощности способна породить яркую, лапидарную, художественную форму языка».

[6] В том же письме Сопоцько писал: «Весь смысл и услада в вечном стремлении, в неустанном приближении к идеалу, ко Христу, которого я понимаю совершенно своеобразно, во многом розно, но во многом одинаково с вами (и то, что одинаково, то меня приближает к вам, а что розно, то не вселяет вражды, и это мне радостно)».

4

1894 г. Июня 13. Я. П. 13 Июня 1894 г.

Несмотря на тяжелое чувство, вызываемое видом желтой краски и штемпелем товарища прокурора, читающего чужие письма, я был очень рад узнать о вас и из вашего письма увидать, что вы переносите совершаемое над вами насилие с бодрым духом и сознанием своей неотъемлемой рабами свободы. Рукопись вашу Т — я вп — я я поищу и если найду, что очень сомнительно, так как, вероятно, осталась в Москве, то отошлю по указанному вами адресу, то же сделаю по отношению рукописи, отосланной А—у [1].

Дай бог вам продолжать находиться в том же настроении духа и помнить то, что не нужно бояться тех, которые могут погубить тело, а бояться только того, что может погубить душу.

Лев Толстой.

Толстой отвечает на письмо Сопоцько от 9 июня 1894 г. из дома предварительного заключения в Петербурге. Он сообщал, что около месяца уже находится в заключении, и просил отослать в газету «Неделя» его статью «Т-е впе-чат-я» (т. е. «Тяжелые впечатления»), доставленную в Ясную Поляну П. И. Бирюковым. Письмо перекрещено желтой краской и снабжено пометой: «Просмотрено тов. прокурора. СПБ. Окр. суда».

[1] Речь идет о ранее доставленной Толстому рукописи Сопоцько (см. прим. 3 к предыдущему письму), которую следовало передать Аркадию Васильевичу Алехину.

Письмо Толстого администрацией тюрьмы не было передано Сопоцько вследствие «неуместных выражений, в нем находящихся». Об этом известил Толстого Сопоцько 22 июня 1894 г., сообщая вместе с тем о своем освобождении впредь до окончания дела. Дело для Сопоцько окончилось благополучно.

5

1894 г. Июля 13. Я. П.

Михаил Аркадьевич,

Получил оба ваши письма и обе программы и обе отсылаю вам, Милый Мих[аил] Ар[кадьевич], все то, что вы пишете и о выборе чтения и о голоде, очень хорошо, но вы забываете немного, что мне остается жить немного, и что у меня много начатых работ, кот[орые] я считаю очень важными, на кот[орые] считаю своей обязанностью

положить остаток своих сил и кот[орые] при самых выгодных условиях, знаю, что никогда не буду в состоянии окончить. И потому всякое отвлечение внимания и времени на другой предмет мне тяжело. Кроме того, я не умею слегка и кое-как заниматься тем, чем занимаюсь. О том, как и что читать, уже многие думали и затевали такие издания, но из них пока ничего не вышло, да и едва ли может выйти. Для помощи в этом дело нужно то, что давно уже существует и занимает тысячи и тысячи томов — именно, критика, если бы она делала то, что ей свойственно, т. е. отбирала бы все, что есть лучшего написанного во все времена и у всех народов, и по степени добротности этого написанного распределяла бы его и указывала бы, почему она считает то-то прекрасным, первокласным, то второкласным, то плохим и нестоящим упоминания. Об этом значении критики есть прекрасная статья Матью Арнольда [1]. Ваше издание не поможет. Нужно, чтобы критика поняла свое назначение, перестала бы заниматься теми глупостями, кот[орыми] она занимается со времени Белин[ского] и до нашего времени, и чтобы критики были даровитые, умные и религиозно-нравственные люди, кот[орые] знали бы, что хорошо и что дурно. И кроме того, нужно еще, чтобы они завладели вниманием публики. Вот и старайтесь делать это. Что же касается второго вашего проэкта, то он неисполним, п[отому] ч[то] главные причины голода таковы, что цензура не позволит высказывать их. Да и зачем вы хотите делать все какими-то механическим коллективным путем, какими-то изданиями. Делайте сами из всех сил, что можете, и при наивысшей удаче вы будете только одной чуть и изредка слышимой в своем месте флейточкой в оркестре.

Целую вас и прошу на меня не сетовать. Любящий вас Л. Т.

Наши вам кланяются и вашей сестре. Недалеко от вас живет Ив. Ал. Бергер [2], работая на земле. Вам хорошо бы видаться. А в особенности ему хорошо видеться с вами.

Данное письмо является ответом на два письма М. А. Сопоцько: от 2 июля 1894 г. и второе, не датированное. В первом письме из Чернавы Сопоцько писал: «Л. Н.! не окажете ли содействие предприятию, о котором рассказано в прилагаемой программке». «В моем распоряжении находится около 2 000 рублей на это издание. Притом этим изданием откроется ряд изданий в хорошем духе, а почин во всяком деле дороже денег». Посылая «заявление» для напечатания в журналах, Сопоцько просил Толстого присоединить к этому заявлению «несколько сочувственных слов за своею подписью». «Мы очень сильно рассчитываем, что вы со свойственною вам готовностью и добротою не ограничитесь только этим, но напишете статью или хотя бы выскажете несколько мыслей о нравственных отношениях между читателем и писателем и обязанностях, вытекающих для обоих по отношению того, что их связует, т. е. по отношению к книге». Во втором своем письме, из с. Лошаки, Сопоцько писал: «Л. Н.! Вы должны были уже получить первую мою «программку», посланную заказным письмом в Тулу. Посылаю программу второго издания. Оба издания будут мобилизоваться параллельно. Ежели вы не захотите или не сможете написать для первого издания чего-нибудь, то, может быть, напишите для этого второго. А лучше бы для обоих: то-то была [бы] радость на нашей улице. Но я надеюсь во всяком случае, что вы поможете напечатать первую программу. Эту вторую пока можно воздержаться печатать». Толстой отвечает не только на содержание писем, но и на содержание приложенных к ним не сохранившихся программ. В машинописной копии архива В. Г. Черткова письмо датировано 13 июля 1894 г.

[1] Статья М. Арнольда озаглавлена: «The Function of criticism at the present time». Подобную же рекомендацию этой статьи М. Арнольда Толстой дает в своем предисловии к роману фон Поленца «Крестьянин» (1900—1901): «Лет 20 назад Мэтью Арнольд написал прекрасную статью о назначении критики. По его мнению, назначение критики в том, чтобы находить во всем том, что было где бы и когда бы то ни было писано, самое важное и хорошее и обращать на это важное и хорошее внимание читателей». Статья М. Арнольда вышла в русском переводе в 1902 г. в издании «Посредник», под названием «Задачи со-

временной критики». Автор повторяет свое определение задач критики пять раз, слегка варьируя его (стр. 11, 12 ,13, 21, 22). Эту задачу он видит в том, чтобы узнавать все лучшее по части знания и мысли и распространять его, расценивая все явления знания и мысли в той мере, в какой они отвечают этому лучшему; тем самым создается обмен истинных и свежих идей, подготовляющих почву для возникновения творческой деятельности. Такая критика бескорыстна, независима, свободна от практических, политических интересов и тем самым от узости английского филистерства; она — необходимый элемент спокойного стремления к духовному совершенству. Мэтью Арнольд (1822—1888) — английский критик и поэт; в 1857—1867 гг. профессор в Оксфорде. Писал также по богословским вопросам, причем постепенно пришел к свободным религиозным взглядам, порвав с учением англиканской церкви.

[2] Иван Александрович Бергер (1866—1916) — сын Александра Даниловича Бергера, служившего в 80—90-х годах управляющим Ясной Поляной. Был также управляющим Ясной Поляной в начале 90-х годов (до 1894 г.).

6

1894 г. Декабря 11. Москва.

Спасибо за ваше доброе письмо. Я думал, что он еще в Москве и хотел идти к нему, но он в Ярославле. Очень бы хотелось исполнить ваш совет и написать ему. И непременно сделаю, если бог положит на душу. Что вы? П[авел] И[ванович] [1] говорил мне, что вас не пускают [2]. В Москве я ничего не могу сделать [3]. Кони могу написать. Куда адресовать письмо? Достаточен ли этот адрес?

Л. Толстой.

Не имеющее авторской даты письмо датируется 11 декабря на основании пометы рукою Т. Л. Толстой на письме Сопоцько. Год дополняется по содержанию.

Толстой отвечает на открытое письмо М. А. Сопоцько от 7 декабря 1894 г. из г. Любани, Новгородской губернии. В этом письме Сопоцько просил оказать нравственную поддержку его другу Михаилу Николаевичу Шарапову (брату будушей жены П. И. Бирюкова Павлы Николаевны Шараповой), погибавшему от алкоголя.

[1] П. И. Бирюков.

[2] Сопоцько, как находившемуся под надзором полиции, был запрещен въезд в столицу.

[3] «Сделать» — для предоставления Сопоцько возможности жить в столице.

7

1895 г. Июня 8. Я. П.

Уважаемая Надежда Александровна.

Нынче 8 числа получил это письмо от вашего сына [1]. Ничего не знаю, кроме того, что написано в письме. Конечно, исполню все те желания, кот[орые] он выражает, и на днях поеду в Тулу и постараюсь повидаться с ним и узнать, в чем он обвиняется. Не еду завтра, п[отому] ч[то] был болен и не совсем еще поправился [2]. Очень сожалею, что должен быть таким неприятным вестником, надеюсь и даже почти, уверен, что дело неважное и кончится ничем.

Уважающий вас Лев Толстой.

Датируется на основании слов: «Нынче 8 числа» и даты письма М. А. Сопоцько от 5 июня 1895 г., послужившего поводом к письму Толстого. Написано на четвертой странице письма М. А. Сопоцько.

[1] Толстой получил следующее письмо М. А. Сопоцько из Тулы от 5 июня 1895 г.:

«Лев Николаевич.

«Я арестован 2 числа и сижу теперь в тульской тюрьме.

«Прошу вас известить об этом мою мать — Калужская губерния, уездный город Таруса, имение Кольцово, Надежде Алексеевне Сопоцько.

«Мне нужно немного денег, чаю и сахару. Если будете добры, пришлите: более близко живущего отсюда — никого, кроме вас, нет.

«Если есть книги, которые вы бы могли дать мне на прочтение, я бы был вам благодарен. Нет ли Диккенса и юридических книг общего содержания, вроде новой книги Боровиковского о крестьянских судах, или «Судебных речей» Кони. Матери напишите, что я вполне бодр.

«Ваш М Сопоцько.

«5 июня 95 г.».

[2] О нездоровьи Толстого см. прим. 3 к следующему письму.

8

1895 г. Июня 19. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич,

Таня[1] писала вам, что мы затеряли адрес вашей матушки и потому не могли написать ей[2]. Вы, вероятно, теперь уже сделали это сами. Разумеется, мы очень рады будем приютить ее в Ясн[ой] Пол[яне], до тех пор, пока ей это нужно будет для свиданий с вами. — С самого того времени, как я получил ваше письмо, я все хвораю, так что по дождливой и холодной погоде не решаюсь ехать в Тулу и потому до сих пор еще не был у вас[3]. При первой возможности приеду и постараюсь получить разрешение на свидание с вами. Хотелось бы многое услышать и много сказать вам[4]. Пожалуйста известите, не нужно ли чего вам. Для нас радость по мере сил служить вам. Вчера в наши края приехал Чертков с женою[5] и очень был огорчен тем, что с вами случилось.

Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой.

19 Июня 1895.

Письмо написано в тульскую пересыльную тюрьму, где Сопоцько находился некоторое время. В дневнике Толстого под 12 июня 1895 г. записано: «Сопоцько в Тульской тюрьме. Я послал ему, что мог и чего он просил, сам не мог съездить». Около этого времени Толстой написал Сопоцько в тюрьму первое письмо, нам неизвестное; вероятно, оно погибло у Сопоцько в тюрьме. Об этом письме Сопоцько писал Толстому 14 июня: «За книги, чай, сахар и милое письмо я вам от души благодарен». Ответом на это письмо Сопоцько и служит комментируемое письмо Толстого.

[1] Татьяна Львовна Толстая. Письмо Т. Л. Толстой к Сопоцько неизвестно.

[2] Адрес матери Сопоцько не был затерян у Толстых, но Лев Николаевич то письмо Сопоцько, где был ее адрес, послал ей, написав на чистой четвертой странице этого письма свое письмо (см. выше, стр. 143), и, повидимому, забыл об этом. В письме от 14 июня 1895 г. Сопоцько сообщал о своей высылке и просил Толстого: «Сообщите матери, с которою мне до отправки моей надо повидаться, позовите ее в Ясную, чтобы было ей, где побыть до этапа».

[3] О своем нездоровьи Толстой сделал следующие записи в дневнике, 4 июня: «Приехав в Москву [от Олсуфьевых из Никольского 31 мая], в эту же ночь я заболел жестоко желчными камнями. Во время болей ничего не мог думать, кроме прекращения боли. Причина боли, должно быть, разгорячение на солнце накануне. После этого вот пять дней хвораю, ничего не делаю, кроме чтения». 7 июня: «Я очень слаб и физически и духовно... Мочевой канал оправился, но желудок болен. Вчера целый день ничего не делал». 12 июня: «Два дня был тяжело болен. Было 40° и 0,1. Дочери очень, милые, перепугались». 13 июня: «Здоровье все плохо. Очень слаб. Желчь наполняет желудок, и мутит». 17 июня: «Все то же желудочное нездоровье и оттого тяжелое расположение духа и большая слабость». 19 июня: «Все та же слабость».

[4] Вскоре после этого письма Толстой посетил Сопоцько в тульской тюрьме. Об этом посещении узнаем из письма Сопоцько из петербургской пересыльной тюрьмы от 4 июля, приведенного в примечании к следующему письму.

[5] В. Г. Чертков с женою Анной Константиновной лето 1895 г. провел в деревне Деменке вблизи Ясной Поляны. В дневнике Толстого 19 июня 1895 г. записано: «Вчера ездил верхом, встретил Чертковых, посидел у них».

9

1895 г. Июля 30. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич.

Получил ваше тронувшее меня письмо из Петерб[урга]. Жить для приобретения любви других, делать что-нибудь для достижения этой цели — нехорошо, но когда получаешь эту любовь, как всегда незаслуженно, п[отому] ч[то] ничего не делал для приобретения ее, то нельзя не радоваться и не умиляться, как я радовался и умилялся, получив ваше письмо. Очень радуюсь за вас, что вы пережили хотя бы и не вполне, но отчасти страх смерти [1]. Этот страх никогда не переживается сразу, а всегда во много приемов — ступенями. Хорошо то, что вы начинаете переживать его. Степень страха, кот[орый] мы испытываем перед смертью, есть показатель степени истинности понимания нами жизни. И потому всегда полезно примеривать себя к этому страху, чтобы по нем судить о своем душевном состоянии— росте или умалении. Я не говорю о большом разряде людей, кот[орые] утверждают, что не боятся смерти, иногда и поступают так, как будто не боятся ее, только от того, что они еще не вступали в истинную жизнь и находятся в положении близком к животному. Чем меньше страха смерти, тем больше свобода, спокойствие, сознание могущества духа и радость жизни. При полном освобождении от этого страха, при полном сознании единства жизни этой с бесконечной, истинной жизнью должно быть полное, ничем не нарушимое спокойствие, сознание своего всемогущества и блаженства.

Получил я и второе ваше письмо. Разумеется, очень рад служить вам книгами, выписывайте, что вам нужно. Какие пять рублей нужно заплатить? Я не получал письма, в к[отором] вы пишете об этом. Разумеется, все будет сделано. Только напишите, что. Да еще, что делать с ковровым мешком, присланным от Богоявленских? [2] Я распорядился переслать его в Москву через пересыльную тюрьму. Матушку вашу я лично знаю, она очень симпатична мне. Но теперь я не видал ее. Петрозаводского, т. е. Олонец[кого] Губернат[ора] я не знаю и не знаю его имени — у меня нет адрес-календаря, но всетаки хочу попытаться написать ему без имени его о вас, прося его, чтобы он перевел вас в более жилое место [3]. Статью вашу «В поисках ясности» я еще не читал, не имею ее, но прочту. Черткову передал ваш привет. Он очень рад был знать, что вы его помните и любите и что вы находитесь в том бодром настроении, кот[орое] выразилось в ваших письмах и ответах на допросе [4]. Все друзья наши вас помнят и любят. Дай вам бог не пасть духом и не потерять лучшего дара любви к людям — не озлобиться, тогда вы победите все препятствия. —

Истинно любящий вас

Л. Толстой.

На конверте:

Олонецкая губерния.
В город Пудож.
Административно-ссыльному
Михаилу Аркадьевичу Сопоцько.

Толстой отвечает на два письма М. А. Сопоцько: от 26 июня (из петербургской пересыльной тюрьмы) и от 4 июля 1895 г.

В первом письме Сопоцько писал: «Мне почему-то захотелось, Лев Николаевич, сказать вам несколько ласковых и приятных для вас слов, и сказать от чистого сердца... Я всегда чтил ваш добрый, благородный гений, не изменивший вам ни разу в течение более чем сорока лет вашего писательства, но кроме того,

я люблю и уважаю в вас вашу правдивую, искреннюю, мужицкую природу, нравственное духовное здоровье, без которого немыслимо на земле ни физическая красота, ни истинная слава (благотворная влиятельность на людей), ни последовательное, безустальное служение богу-повелителю. Вам труднее, чем кому-либо (например, Достоевскому) было выбраться из тьмы к лучезарному свету, потому что редкая жизнь была так полна земным счастьем, как ваша: и физическое здоровье, и богатство, и головокружительная слава, с соблазном которой теперь вам приходится бороться более, чем когда-либо, и редкое семейное счастье (что бы сами сейчас об этом ни думали «по-толстовски»), и наконец, высшее духовное здоровье в годы бодрой старости — все это не умертвило вашего гения и не изнежило вашей мужицкой трудовой натуры. Пускай говорят (и я это отчасти понимаю и признаю), что ваш бог—«безмолвие», бог буддийский, но все же это—бог, и тот самый, под которым все мы ходим и которым одним мы можем быть живы. Я понимаю вас, когда вам хочется страдания, когда вы говорите, что мне завидуете (как вы говорили в тульской тюрьме). Это потому, что в страдании легче удержаться в приобретенной покорности богу и бороться с грехом. Но в этом-то и состоит для вас то «бремя и иго», которое вы добровольно несете и которым вы должны искупить то дармоедство, барство и гордость, в которых вы покаялись. Ваша жизнь для всех богатых, роскошествующих и превозносящихся должна быть примером того, что для всякого возможно и необходимо наказание».

О своем душевном состоянии, в котором он находился в период написания этого письма, Сопоцько впоследствии вспоминал: «В незабвенное то время весь я был охвачен любовью теплою к людям» («Студент-христианин», 1908, № 2—3, стр. 26)

Во втором письме Сопоцько просил Толстого «похлопотать перед олонецким губернатором о позволении жить в губернском городе, а не ехать в захолустье». Кроме того, просил разрешить ему пользоваться в ссылке книгами яснополянской библиотеки.

Настоящее письмо Толстого даты не имеет. Датируем его 30 июля 1895 г. на том основании, что письмо к олонецкому губернатору, которое в этом письме обещается написать Толстой, было им написано 30 июля, а также на основании почтового штемпеля на конверте: «Почтовый вагон. 31 июля 95 г.».

[1] В письме от 4 июля 1895 г. Сопоцько писал: «Меня перестала ужасать истина смерти, и я этому радуюсь по-детски. Я все шесть последних лет жил при постоянном ощущении того Дамоклова меча, который того и гляди оборвется, и это «memento mori» [помни о смерти] хоть и было плодотворно, — ибо только оно служит лучшим методом к религиозному пробуждению и бодрствованию, — но было очень мучительно. А теперь я думаю: пускай себе висит меч, который отсечет мою голову — волосок, на котором держится меч, не оборвется без воли повелителя, против которого восстание напрасно и гибельно, и мне стало легче».

[2] Николай Ефимович Богоявленский (р. 1867 г.) — земский врач в Лошаковском пункте в 8 верстах от Бегичевки, где (в имении И. И. Раевского) жил Толстой в 1891 — 1893 гг., устраивая столовые для голодающих. Сопоцько был дружен с Богоявленским и его семьею. В настоящее время Богоявленский — врач на фабрике «Пролетарка» в Калинине.

[3] Олонецким губернатором в 1895 г. был Михаил Денисович Демидов (1840—1898). Исполняя свое обещание, Толстой 30 июля писал ему (письмо публикуется впервые):

Ваше превосходительство. Простите меня пожалуйста за то, что обращаюсь к вам без упоминания имени, отчества и фамилии. Я живу в деревне и не имею под руками адрес-календаря, по которому мог бы об этом справиться. Дело же, о котором я позволяю себе утруждать вас, очень важно и не терпит отлагательств. В вашу губернию [выслан] мой хороший знакомый и во всех отношениях прекрасный, умный, даровитый и нравственный молодой человек Мих. Арк. Сопоцько, бывший студент Московск[ого] университета. Мнение, которое я высказываю о нем, подтвердят люди, знающие его, хотя и совершенно других взглядов, чем я. Таковы: Ник. Ал. Философов, бывший директор Школы Живоп[иси] и Ваяния в Москве, Рафаил Алекс. Писарев, известный земский деятель Тульской губернии, и другие знавшие Сопоцько.

Просьба моя к вашему превосходительству состоит в том, чтобы облегчить ему сколько возможно время его ссылки (— которой он

подвергся совершенно невинно —), назначив его в лучшее место, чем Пудож, в Петрозаводск, если это возможно. — Исполнение моей просьбы, которое я сочту за особенное мне одолжение, будет вместе с тем и добрым делом, так как спасет молодого человека от тех последствий одинокой жизни, которой подвергаются большею частью ссыльные и из которых главное есть потеря доброжелательства к людям, а напротив, озлобление.

Прошу простить меня за необычную форму моего письма и принять уверения моего совершенного уважения.

Лев Толстой.

30 Июля 1895.

Упоминаемый в этом письме Николай Алексеевич Философов (1839—1895) — художник, помещик Данковского уезда, Рязанской губернии, отец жены Ильи Львовича Толстого Софьи Николаевны. Сопоцько одно время занимался с его детьми. О Рафаиле Алексеевиче Писареве см. стр. 79.

На письмо Толстого Демидов не ответил.

[4] Имеются в виду показания Сопоцько, данные им на допросах в тульском губернском жандармском управлении 6—15 июня 1895 г. Показания эти представляют смесь революционных воззрений с толстовскими, выраженную с большой долей бравады. В копии они были доставлены Толстому и напечатаны в распространявшемся в небольшом количестве экземпляров среди друзей Толстого машинописном «Архиве Льва Николаевича Толстого», 1895 г., № 5. Часть этих показаний (за 6 и 7 июня 1895 г.) была напечатана Сопоцько в № 7—8 «Студента-христианина» за 1908 г.

10

1895 г. Сентября 11. Я. П.

Получил ваше прекрасное, радостное письмо, дорогой Михаил Аркадьевич. Ваши протоколы[1] я исправно получил, но не знал — вы не писали — что надо дать денег 5 р. их доставителю[2]. Протоколы эти очень хороши. Я их многим давал и даю читать[3] и поместил в Архиве. Если есть в них недостаток, то вы сами в письме указываете на него — излишний задор. Дочерям я передал ваше желание о книгах[4] и буду напоминать им, чтобы они исполнили. Я писал вашему губернатору, прося его перевести вас в более жилое место, но как я ожидал — я писал без надежды успеха — не получил ответа.

В письме вашем больше всего меня порадовало то, что вы говорите о вашем отношении к богу, что это одно, что вы знаете несомненно. Я всегда это говорю этими же словами. Все, что я знаю, я знаю п[отому], ч[то] есть бог, и я знаю его. Только на этом можно основаться твердо и в отношении к людям, и к себе, и к внеземной и вневременной жизни. Я нетолько не нахожу этого мистичным, но нахожу, что противуположный взгляд есть мистицизм, а что это одна самая понятная и всем доступная реальность.

Статью вашу[5] я получил уже давно и давно прочел. Статья нехороша, разбросана, непоследовательна, неясна. Хотел бы сказать, что дух статьи хорош, но и этого не могу сказать, п[отому] ч[то] ничего из нее не видно.

Теперь, в уединении вам, верно, будет хотеться писать. Если будете писать, представляйте себе читателя — честного, умного, грамотного, культурного человека и обращайтесь только к нему и с одною определенною целью.

Пишите мне почаще. Я буду писать вам и постараюсь быть интереснее, чем в этом письме.

Прощайте, целую вас.

Любящий вас Л. Толстой.

11 Сент. 95.

Письмо Толстого служит ответом на письмо Сопоцько от 28 августа 1895 г., написанное уже по прибытии на место ссылки в гор. Пудож, Олонецкой губернии. В этом письме Сопоцько писал: «На душе у меня хорошо: свободно и твердо. Упадка духа у меня от внешних причин не может быть, как вы опасались. Страдания, в сущности, нет, есть только представление о страдании. Озлобиться на людей не могу, ибо поверил в бога. Бог для меня г о р а з д о б о л ь ш а я р е а л ь н о с т ь, ч е м в и д и м ы е в е щ и. Не кажется ли это вам мистицизмом или тем, что вы зовете этим словом?»

[1] Протоколы допроса Сопоцько в тульском жандармском управлении.
[2] Об этом Сопоцько писал в письме от 28 августа 1895 г.
[3] Между прочим Толстой давал протоколы Сопоцько С. И. Танееву, гостившему тогда в Ясной Поляне, о чем Танеев записал в своем дневнике: «Впечатление сильное, Сопоцько необыкновенно привлекательная личность; так может писать человек, у которого чистая совесть» («С. И. Танеев. Личность, творчество, документы его жизни», ГИЗ, М., 1925, стр. 58).
[4] Сопоцько в своем письме вторично просил Толстого о высылке ему книг для чтения из яснополянской библиотеки.
[5] Статья «В поисках ясности». См. предыдущее письмо.

В ответ на это письмо Сопоцько писал 13 сентября 1895 г.: «Дорогой Лев Николаевич! Получил ваше доброе ко мне письмо... Ваши письма к людям, которые вас знают и ценят ваши сочинения, чрезвычайно влиятельны: говорю по себе... Это оттого, что вы пишете всегда с сознанием своей ответственности, с чувством, что каждая личность скрывает в себе образ и подобие божие и, как бы он в ней ни был запятнан, он может всегда просветлеть... Помочь спасению личности — это такое благородное дело. Это одна из ваших больших заслуг, которая вам зачтется: ваша громадная переписка с людьми, из которой, я уверен, одна десятая, не более, сообразована с вашим личным умственным интересом».

11

1895 г. Октября 28. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич,

Много вы мне надавали поручений: некоторые исполнены, некоторые еще нет. Пав[ла] Ив[ановича] [1] нет в Москве, и потому не мог передать ему письмо для отсылки по почте. Он в Костроме. Кони ваши протоколы не переслал. Их начали было переписывать, но потом остановились за другими делами. То, что я говорю, что много ваших поручений, не значит, что я не желаю исполнять их. Напротив, не стесняйтесь, я знаю, как в том одиночестве, в к[отором] вы, много думается и потому хочется многое сделать и сообщить другим, только не сердитесь, если не все и скоро исполняем — мешают другие дела и суета жизни. — На вопросы или, скорее, допросы ваши о сочини[тельстве] ничего не буду отвечать, п[отому] ч[то] все это праздные вопросы. Одно могу сказать и советовать вам, это то, чтобы всеми силами стараться н е б ы т ь сочинителем, и быть им только тогда, когда уж не быть им не можешь. Как в речи сказанное слово серебрянное, а несказ[анное] золотое, так и в писании — я бы сказал: написанное слово оловянное, а не написанное золотое. А вы именно хотите быть писателем, выработать, как вы говорите, писательскую способность. Избави вас от этого бог. Попробуйте вот что: сказать себе, что то, что вы пишете, вы никому не покажете и предоставите опубликовать только после вашей смерти, и пишите. Если и при этом условии будете писать, это будет настоящее. Настоящее тогда, когда я пишу преимущественно для того, чтобы самому себе уяснить свою мысль, верно ли я думаю; в роде того как изобретатель машины делает модель, чтобы узнать, не наврал ли он. В слове это также видно, как на модели, если кто пишет для себя, для уяснения самому себе своей мысли. В этом-то и ужасная разница двух родов писания: они стоят рядом и как будто очень мало отличаются одно от другого — (так это во всех важных вещах — есть сама вещь, от

бога сделанная, и ее подобие, сделанное дьяволом, чтобы обманывать людей). Два рода писания как будто похожи, а между ними бездна, прямая противоположность: один род законный, божеский, это — писанное человеком для того, чтобы самому себе уяснить свои мысли — и тут внутренний строгий судья недоволен до тех пор, пока мысли не доведены до возможной ясности, и судья этот старательно откидывает все, что может затемнить, запутать мысль, даже слова, выражения, обороты. Другой род, дьявольский, часто совершенно по внешности похожий на первый, это — писание, писанное для того, чтобы перед самим собою и перед другими затемнить, запутать истину, и тут чем больше искусства, ловкости, украшений, учености, иностранных слов, цитат, пословиц, тем лучше. Первым способом пишет человек только тогда, когда в нем родилась мысль и требует своего и как будто складывает в известную форму уяснения, и это бывает редко; и такое писание тяжело, мучительно часто, не дает покоя и отдыха; вторым же способом можно писать всегда, когда сядешь к столу и возьмешь в руки перо, особенно когда жизнь устроена так, что кроме этого делать нечего: и печки вытоплены, и обед и платья приготовлены рабами, а я твердо уверил себя в том, что мое дьявольское, развращающее людей писание очень полезно. Это—то писание, кот[орое] наполняет наши — да и все — газеты и журналы всех возможных направлений и кот[орое] я ненавижу всеми силами души, п[отому] ч[то] это — самое сильное орудие дьявола. Избави вас бог от этого. И потому всеми силами старайтесь н е б ы т ь сочинителем и разучитесь тому, чему вы уже научились в этом роде.—Вот о писательстве; начал же писать вам, чтобы ответить вам на два очень важные пункта в вашем предшествующем письме: именно, о вашем суждении о вегетарьянстве и присяге. То, что вы от того, что не были известным образом настроены и были захвачены врасплох и присягнули, вы сделали нехорошо или, скорее, сделали бы лучше, если бы воздержались от лживого и унизительного и, как пример, вредно действующего на людей, менее вас развитых, поступка; но то, что вы эту свою временную слабость и ошибку оправдываете совершенно ложными расуждениями о том, что вам легче бы было отказаться, чем присягнуть, и др. — это не то что нехорошо, а очень дурно. То же самое и о вегетарьянстве. То, что вы в тех тяжелых условиях, в к[оторых] находитесь, будете есть мясо, нет ничего дурного (могло бы быть лучше, если бы вы не ели, особенно после того, как вы написали статью [2]), но то, что вы оправдываете себя в этом опять очень слабыми рассуждениями, это очень дурно и очень опасно. Простите меня, милый Мих[аил] Арк[адьевич], если огорчил или оскорбил вас резкостью моего суждения, но в последнем письме вы так верно и убедительно пишете, что вам в теперешнем вашем положении одиночества и внутренней усиленной работы очень важно участие и сообщение мыслей. Я люблю вас истинно, кроме той общей любви, кот[орую] стараюсь иметь ко всем людям, и потому мне больно было читать эти ваши рассуждения, направленные к тому только, чтобы оправдать себя, выставить себя непогрешимым, безошибочным, и только этим желанием могущие быть объяснимы. Путь этот — оправдывания себя, придумыванья рассуждений, по к[оторым] выходило бы, что все, что я делал, все так и должно было делать, страшно опасный путь (я объяснял этим то, что в евангелии называется хулой на святого духа), во-1-х, п[отому], ч[то] он, странно сказать, нарушает любовь, вызывает недобрые чувства к самым лучшим людям (вы это испытали и выразили в недоброжелательстве, с к[оторым] вы отзываетесь о тех, к[оторые] [не] присягали и твердо держатся непожирания живых су-

ществ), и во-2-х, п[отому], ч[то] он извращает самую святую святых нашей души, наш разум, то единственное орудие, к[оторое] мы имеем для познания воли бога, или закона своей жизни, что одно и то же.

Простите и пишите.

Любящий вас Л. Толстой.

28 Окт. 95.

Толстой отвечает на два письма Сопоцько — от 18 сентября и 10 октября 1895 г. В первом письме Сопоцько писал о своей присяге новому царю: «Я присягал Николаю II потому, что в себе не чувствовал такого ясного и твердого отношения к этому, чтобы за это именно терпеть преследование, хотя я колебался и мучился: моя гордость страдала тогда, когда сзади меня стоял урядник с шашкою в церкви и меня с десятью мужиками «подгоняли» под присягу. Уверяю вас, мне труднее было решиться на присягу, чем отказаться. Отказаться было бы легче, ибо это льстило бы моей гордости, но я считаю, что это было бы именно малодушием. Очень интересно бы знать, согласны ли вы с этим? Нельзя спорить; может быть такое состояние нравственное, когда отказ будет иметь оправдание, но это оправдание субъективное, и нет объективных принудительных правил поведения, а формальную нравственность я отрицаю с истинным отвращением. Потому-то, хоть я и не раскаиваюсь о своей статье о вегетарианстве, в которой продолжаю признавать идею поста и сожаления к животным, но не разбираю теперь, что мне есть: если дают мясо, ем и мясо. Основываю свое поведение на том, что среди грешников надо быть, как грешник, среди мытарей, как мытарь. Не надо своим особничеством, сектантством давать людям чувствовать и невольно самому себе сообщать мнение, что я лучше, хотя ведь обожраться можно и вегетарианским блюдом. Итак, я с этим покончил, и это меня не имеет силы смущать. А выходило одно время так даже, что я своею статьею сказал духовно: как же это ты, пустосвят, говорил я себе, написал статью, а сам не будешь исполнять. Это была истинная к а б а л а».

Во втором письме Сопоцько просил Толстого узнать в московской судебной палате, есть ли вероятие, что его посадят в тюрьму, а также списать при помощи П. И. Бирюкова его протоколы и послать их А. Ф. Кони, чтобы Кони мог предотвратить осуждение его в тюрьму. Кроме того, задавал ряд вопросов относительно условий художественного творчества с целью приобретения им «искусства сочинять».

[1] Павел Иванович Бирюков.
[2] О статье Сопоцько о вегетарианстве см. прим. 1—3 к письму № 2.

12

1895 г. Ноября 30. Москва.

Получил ваши письма и рукопись, дорогой Михаил Аркадьевич, и исполнил часть ваших поручений, а именно рукопись отправил в Неделю, прося Гайдеб[урова] [1] снестись об ней с вами прямо, и передал с большим неудовольствием ваше поручение жене, последствием к[оторого] был, разумеется, справедливый и законный отказ. Солдат и не солдат, людей столь же жалких есть достаточно в виду у каждого, и каждый устанавливает какое-нибудь свое отношение к таким людям и держится его, вмешательство же других людей всегда бывает только неприятно. Вопросы благотворительности я ведь уже лет 15 тому назад передумал и перечувствовал и переболел ими [2] и давно решил, что надо или все отдать и ничего не иметь своего, или ничего не давать из того, что имеешь, а играть в милосердие нехорошо. Почему я дам этому, а не тому? На этот вопрос нет и не может быть ответа. И если я даю этому, а не тому, то только п[отому], ч[то] это мне так нравится, и такое давание по нравственному достоинству равняется даванию тому, кто веселит, забавляет меня. Билет солдата возвращаю.

К последнему письму моему вам хотел приписать p[ost] s[criptum] о том, что как рассуждения о том, что вы присягнули для того, что-

бы не выделяться, и едите мясо для того, чтобы быть свободным, несправедливы и основаны только на том, что вы хотите оправдать себя, так и рассуждение ваше о том, что есть личный бог, кот[орому] можно и должно молиться, основано на том, что в минуты слабости душевной вам хотелось бы, чтобы был такой бог, и вы молились этому воображаемому вами богу. Самое драгоценное свойство мысли в том, чтобы думать с в о б о д н о, т. е. совершенно независимо от своих чувств и своего положения. Простите, если вам неприятно то, что пишу вам. Нынче такой день, что пишу вам все неприятное: неприятное еще и то, что статья ваша нехороша — разбросана и нет ничего нового. — Единственно приятное, что могу сказать вам, это то, что я исполняю ваше желание — люблю вас и от этого пишу вам правду, приглашая вас как можно больше давать в себе развиваться критику судье и как можно задерживать мыслителя. Еще вам много впереди. Свободны ли вы? Что делаете? Есть ли друзья? — Ник. Алекс. Философ[ов] в параличе умирает. Прощайте пока, обнимаю вас.

Л. Толстой.

30 Ноября 95.

Толстой отвечает на письма Сопоцько от 16 октября и 17 ноября 1895 г. В первом Сопоцько писал:

«С ближайшей почтой я пошлю вам небольшую статейку, в которой я имею смелость решать вопрос об отношении науки и нравственности». Статья называлась «Культ науки и нравственная свобода». О ней Толстой и пишет в комментируемом письме. Во втором письме Сопоцько, пересылая удостоверение об отставке местного жителя, «колченого солдата николаевского», просил Толстого обратиться к его жене с просьбой высылать этому солдату ежемесячно из гонорара за представления на сцене «Власти тьмы» по три рубля в месяц. В том же письме Сопоцько писал, что он пришел к вере в бога, «как будто бог меня з а с т а в и л признать себя... я прямо почувствовал над собой власть, ибо надо мной был его гнев, а потом я почувствовал, что есть и милосердие его и попечение обо мне, М. А. Сопоцько, который стонал и плакал от тоски и пустоты».

[1] Статью Сопоцько Толстой вместе со своим письмом отправил редактору «Недели» В. П. Гайдебурову 30 октября 1895 г. Статья в «Неделе» не появилась.

[2] О недействительности и лицемерии благотворительности Толстой писал в трактате «Так что же нам делать?», написанном в 1882—1886 гг.

13

1896 г. Января 28? Москва.

Получил оба письма ваши, дорогой Мих[аил] Арк[адьевич], и очень порадовался содержанию их. Как в мастерстве не столько дорого уметь работать, сколько поправлять ошибки в работе, так и в нравственности — дороже всего не защищать своих ошибок. Очень радуюсь за вас, радуюсь и за ту внутреннюю работу, признак которой вижу в ваших письмах. Не торопитесь писать для печати. В вас еще кипит внутренняя работа. Впрочем, ваше сознание само покажет вам. Лучшая работа писанья та, чтобы человеку писать для того, чтобы себе уяснить вопрос, а уясняя его себе, уясняется и другим.

Любящий вас Лев Толстой.

Письмо датируется предположительно на основании того, что в копировальных листах писем Толстого за 1896 г., хранящихся в Рукописном отделении Толстовского музея, письмо скопировано перед письмами Толстого, датированными 28 января 1896 г.

Толстой отвечает на два письма Сопоцько, имеющих один и тот же штемпель отправления: «Пудож 7.I. 1896», — причем от одного из этих писем в архиве Толстого сохранился только конверт. Второе письмо — открытка. В открытке этой Сопоцько, временно оправившийся от того упадка духа, в каком он находился первое время ссылки и после присяги новому царю, писал: «Вероятно,

вас порадует, дорогой Лев Николаевич, если сообщу вам, что в мыслях своих, стоивших мне здесь большого напряжения и волновавших меня, я пришел к полному согласию с вами в воззрениях на власть и отношении к ней: на присягу, на государственную церковь. Вам будет, вероятно, дорого узнать, что воззрения на власть, выраженные мною в показаниях, вполне окрепли... Утверди вас бог продолжать святую работу разоблачения обманов мира сего».

14

1896 г. Марта 16. Москва.

Получил и продолжаю получать (вчера об Исааке Сирине)[1] ваши бесчисленные письма, дорогой Михаил Аркадьевич, и хотелось бы обстоятельно ответить на самое для меня главное в них.

Возражать вам на несправедливые ваши предположения о том, что, 1-ое, я сержусь на вас, 2-ое, что я считаю, что жизнь наша кончается здесь, 3-е, что я могу и должен озабочиваться денежной помощью некоторым (избранным вами из миллионов таких же людей, окружающих меня), полагаю излишним, потому что [ответы на] все эти возражения сделаны мною вперед в моих писаниях с тою обстоятельностью, на которую я только способен. (Собрание сочинений посылаю вам). В моих писаниях не разрешенных, как вы знаете, находятся эти возражения.

Сердиться же я на вас не могу потому, главное, что я вас люблю. И поэтому самому мне очень бы хотелось помочь вам в том тяжелом и опасном положении, в котором вы находитесь. Я говорю про ваше желание загипнотизировать себя в церковную веру. Это очень опасно, потому что при такой гипнотизации утрачивается самое драгоценное, что есть в человеке — его разум.

Начну с начала. Письмо это начал до получения вашего письма об Исааке Сирине с копией заявления губернатору[2], и это ваше письмо и заявление еще более возбудило во мне желание, вызвали во мне сознание обязанности попытаться помочь вам, и, откровенно скажу, не вам одному, а и многим людям, находящимся или вступающим в то же положение, как и вы. Я говорю про людей искренних, чистых, принимающих те или другие убеждения не для того, чтобы оправдать свое выгодное положение, а только потому, что они в них видят истину.

Как-то раз очень богатая и важная придворная дама[3], говоря о вере, сказала мне, что она верит, «как баба Акулина», и она, очевидно, думала, что она сказала нечто очень тонкое и даже глубокое: такая утонченная особа и удостаивает верить, как баба Акулина. Но ведь сказала она не только глупость, но совершенную неправду.

Дама эта знает грамоте на разных языках, училась космографии, истории, знает про существование Вольтера, Ренана, браминизма, буддизма, конфуцианства, и потому она не может верить, как баба Акулина. Баба Акулина в своей вере в матушку царицу небесную и Миколу Угодника, в батюшку царя небесного, живущего на небе, и прочее, — верит в то самое высшее, до чего достигло ее сознание, и вера эта не только не представляет никакого противоречия с ее пониманием жизни, но освещает для нее, уясняет для нее явления мира. Для дамы же это невозможно. Она знает, что мир был сотворен не 6 000 лет тому назад, что человечество вышло не из Адама с Евой, а из развития животного; знает, что кроме христиан ее исповедания, живут в 5 раз больше, чем христиан, людей других вер; знает, что христианство извращалось и извращается и породило сотни, тысячи враждебных между собой сект и вырождалось в инквизицию и дикий фанатизм; знает, как происходили соборы, на которых уста-

новлены догматы; знает, что то же происходило в буддизме с своим царем Асокой и в других верах; знает, что религии подлежат такому же закону развития, как организмы и государства: зарождаются, развиваются, доходят до высшей степени и потом стареются и исчезают, как религии Египетская и Персидская; знает, что так называемое наше священное писание не сошло с неба, а писалось людьми, очищалось, извращалось и потому не может иметь непререкаемого авторитета; знает, что твердого неба нет, и что поэтому ни Еноху, ни Илии, ни Христу некуда деваться, улетев с земли, и что если они полетели вверх, то летят и до сих пор; знает, что все те чудеса, которыми хотят доказать истинность церковной веры, повторяются во всех разных верах: и рождение от девы, и знамения при рождении, и пророчества, и мудрость в детстве, и исцеления, и воскресение, и другие, что все выдумки чудес повторяются во всех верах так же, как повторяются чудеса подвигов героев в народных эпосах. Все это должна знать дама, потому что всему этому ее учили, и все это она могла прочесть в книжках, которые ей доступны, и все это знают те господа, которые бывают в ее гостиной.

И потому она не то, что не имеет права верить, как баба Акулина, но она не может так верить. Она может говорить, что она так верит, но верить так не может. Для того, чтобы ей верить, ей надо такую веру, в которой, так же, как и для бабы она верила бы в то самое высшее, до чего достигло ее сознание, и такую веру, которая не только не противоречила бы ее пониманию явлений мира, но освещала бы, уясняла, приводила к единству все ее знания.

Дама эта не поймет меня, потому что ей нужна вера бабы Акулины для того, чтобы продолжать жить, как она живет, т. е. безбожно поглощать ежедневно на свои прихоти и роскошь труд сотен рабочих и вместе с тем говорить о боге и Христе и своей религиозности. Только при усвоении и при исповедании веры бабы Акулины, другими словами — веры людей, живших тысячи две лет тому назад, для нее возможна такая безбожная жизнь с самодовольством религиозности. И потому для дамы я понимаю; но вам-то, сосланному на край света и ходящему по острогам с места на место за то, что вы хотите проводить в жизнь христианские истины, вам-то зачем этот ужасный обман и это неразрешимое противоречие ваших верований с вашими знаниями и пониманием явлений мира?

Ведь вы только подумайте о том, что вы исповедуете, и о том положении, в котором вы находитесь. Я понимаю, что это очень хорошо и приятно—чувствовать себя в единении веры с окружающими, и когда постом уныло звонят к часам, и идут говельщики и просят друг у друга прощения и красиво молятся в красивых церквах, вызывая представление о древней, тихой, торжественной жизни, очень приятно бы соединиться с ними и пожить этой жизнью. Но ведь это самообман, это только играние роли. Ведь положение не в том, что вы находитесь теперь, великим постом, в Пудоже; а положение ваше в том, что вы живете в мире божием, на планете земля, обитаемой 1 500 миллионами жителей разных рас, исповедующих разные религии, в каком-то 100-тысячном году после появления первых людей, — в одном из уголков северного полушария, среди народа, называемого русским, и живете вы в этом месте и в это время по воле бога, того самого, по воле которого существует не только планета земля с ее обитателями, но и весь кажущийся мне бесконечный мир. Это положение свое вы знаете и, соответственно этому положению, вы и должны установить свое отношение к богу, т. е. установить такое отношение, которое точно так же годилось бы для каждого человека, находящегося в том

же положении, как и вы, — такое отношение, которое было бы ясно, понятно и обязательно для каждого мыслящего человека: японца, малайца, зулуса.

И какое же вы, с вашим знанием, вы устанавливаете отношение к богу? — Вы говорите: бог открыл себя и свою истину 5 000 лет тому назад только одному маленькому азиятскому народцу, и то не совсем; а 1 900 лет тому назад открыл ее совсем тем, что в этот же народец послал своего сына, тоже бога. И то, что этого сына бога убили тогда люди, это сделало то, что грех первых людей и всех последующих искуплен. Но кроме этого искупления бог установил через этого сына своего церковь, которая блюдет всю истину и помогает спасению людей таинствами, — тем, что мажет маслом, дает глотать хлеб с вином... И эта церковь существует только в Пудоже или в России. Все же люди, жившие до этой церкви и живущие вне ее, не принимаются в расчет.

Ведь скажите это да еще многое другое про крещение, иконы, поминание и, главное, про бога, казнящего и искупляющего, какому-нибудь свежему умному человеку, никогда не слыхавшему про это, ведь он вытаращит глаза на вас и или убежит от вас, боясь, что вы, беснуясь, начнете бить его, или свяжет вас, как опасно безумного.

Ведь только оттого, что яд этот привит нам с детства, мы так — как будто незаметно — переносим его. И — что ужаснее всего, — этот страшный, понемногу привитый нам яд сделал для нас бесполезным и недействительным данное нам Христом верование, которое отвечает высшим требованиям людей нашего времени.

Мы прожили после Христа 1 900 лет; но учение его во всей его чистоте до сих пор отвечает вполне нашим требованиям установления нашего отношения к богу, — не к богу израильскому и православной, или католической, или протестантской церкви, а к богу тому, по воле которого существует этот бесконечный мир, и среди него планета земля, и на земле я, живущий после сотен тысяч лет развития животной жизни в Пудоже, или в Нью-Йорке, или пустынях Африки.

Главная разница между тем отношением частным, исключительным, которое называют своей верой церковники, буддисты, брамины, магометане и другие и истинной христианской верой та, что все те веры, не говоря об их несоответствии знанию и здравому смыслу, имеют свойство исключать, отрицать одна другую, тогда как вера Христова такова, что не только понятна, доступна всякому, но что и отрицать ее, не соглашаться с ней невозможно. Вера эта не только не исключительна, но она, напротив, сливается и совпадает со всем истинным и высоким, что есть во всех других верах.

Она говорит, что начало всего — духовное, разумное и любовное. И начало это называется богом и отцом. Отцом она называет это начало потому, что это же начало человек сознает в себе. Вступая в жизнь, человеку кажется, что он живет своим животным, что его животное и есть его «я»; но, по мере развития своего разума, он видит, что это животное — не свободное, страдает и гибнет, а в сознании своем он чувствует, что есть что-то, не подлежащее ни стеснению, ни страданию, ни гибели; и человек вступает в противоречие с самим собою и в отчаяние.

Вот на это внутреннее противоречие, развивая его, и отвечает учение Христа. Оно говорит человеку: тебе только кажется, что ты живешь животным; но это только кажется, как кажется, что бежит берег, когда едешь на лодке, что ходит солнце. Живет в человеке только его духовное, разумное и благое начало, сын бога. Человек

должен перенести свое «я» из животного в духовное и удовлетворять требованиям не животного, а духовного существа. И стоит человеку понять это, как противоречие его жизни исчезает: уничтожается всякое стеснение, страдание, он становится вполне свободным. Уничтожается смерть, потому что то, что духовно, что есть сам бог, не может уничтожиться: оно всегда было, есть и будет.

В этом перенесении своего «я» из животного в духовное сущность учения Христа, подробности же этого учения, начатые Христом и продолжаемые всем человечеством, состоят в уничтожении, разоблачении тех соблазнов, которыми люди животной жизни по инерции предания стараются скрыть от человека его погибель в животной жизни и поддерживать его на этом ложном пути. Разоблачение этих соблазнов есть работа жизни людей, есть то, чего хочет бог от людей.

Таково в самых крупных очертаниях учение Христа, то учение, которым устанавливается отношение человека к миру. И это учение не исключительное, а общее, высшее, доступно всем и не только не противоречащее другим учениям и современному знанию, но освещающее, уясняющее их.

И тут-то, на место этого, мы будем возвращаться к пониманию жизни — с жертвами, искуплениями, таинствами, злым, карающим и награждающим личным богом, — за 5 000 лет тому назад. Зачем? Избави вас бог от этого, милый друг.

То, что вы делаете и делают многие, мне представляется подобным вот чему: человек едет на паровом самокате. Он не знает дороги или просто устал скоро ехать, и он хочет остановить ход и впускает в колеса прутики. Он впустил один прут, колеса захватили его, и машина еще идет, но медленнее. Он впускает другой с тонкого конца. Кажется, не беда, машина еще идет; но скоро дойдет до комля, и машину запрет, и она испортится. Нельзя безнаказанно допускать в свою веру что-либо неразумное, что-либо не оправдываемое разумом. Разум нам дан свыше, чтобы руководить нас. Если же мы заглушим его, это не пройдет безнаказанно. И гибель разума — самая ужасная гибель.

Вот кое-что сказал вам из того, что думал — сказал любя. Пожалуйста не отвечайте мне по пунктам, споря против какого-нибудь из них. Если же несогласны, то объясните мне, как вы связываете свою веру с вашим пониманием жизни, и кратко и ясно выразите свое миропонимание.

Прощайте пока. Целую вас.

Москва, 16 марта 1896.

Толстой отвечает на 5 писем Сопоцько: от 24 января, 11, 13, 28 февраля и 2 марта 1896 г., в которых Сопоцько писал о своем отходе от толстовства к православию.

[1] Исаак Сирин — христианский подвижник и богослов VII века.
[2] Копия заявления Сопоцько губернатору в архиве Толстого не сохранилась.
[3] Вероятно, Александра Андреевна Толстая (см. прим. к письму Толстого к А. А. Стаховичу, стр. 67), бывшая фрейлиной и жившая во дворце.

15

1896 г. Июля 4. Я. П. 4 Июля 96.

Дорогой М[ихаил] А[ркадьевич]. Получил ваше последнее письмо через Орфано[1] и с сердечной болью прочел его, п[отому] ч[то] я очень полюбил и люблю вас. Обсуждать и возражать и убеждать бесполезно. Пишу только затем, чтобы сказать, что я не перестану лю-

бить вас и желать для вас всего истинно хорошего и надеяться, что вы и достигнете его.

Л. Толстой.

Письмо служит ответом на письмо Сопоцько от 26 апреля 1896 г., в котором он определенно заявлял о своем отходе к православию. Это — последнее письмо Толстого к Сопоцько.

[1] Александр Герасимович Орфано (р. около 1834 г., ум. 1902 г.). В 60-х годах был связан с революционерами; впоследствии стал православным. Написал разбор религиозных воззрений Толстого под заглавием «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека» («Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1887, № 1). С Толстым был знаком с 80-х годов.

ПИСЬМА К Ш. САЛОМОНУ

Шарль Саломон (Charles Alphonse Salomon, 1862—1936) — французский промышленный деятель, директор-распорядитель акционерного общества Криворожских копей, доктор права. Саломон был одним из учредителей парижского «Musée social», посвященного изучению рабочего вопроса, и редактором журнала, издававшегося «Musée social», под тем же заглавием.

Саломон познакомился с Толстым в 1893 г., после чего, сблизившись с семьей Льва Николаевича, неоднократно бывал в Ясной Поляне и в хамовническом доме Толстых в Москве. Последний раз был в Ясной Поляне в 1910 г.

Письма Толстого к Саломону имеются в Литературном музее в виде фотокопий, присланных адресатом. В СССР письма публикуются впервые; во Франции были напечатаны адресатом с весьма краткими комментариями в томе десятом «Revue des Etudes slaves», 1930 г.

Всех писем Толстого к Саломону сохранилось одиннадцать. Печатаем их все. Последнее письмо, относящееся к 1900 г., уже было опубликовано в томе 72 (стр. 413—414) «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого, ГИХЛ, 1933, но для полноты серии мы печатаем и это письмо.

1

1894 г. Января 30. Гриневка. 30 Января 1894.

Cher Monsieur Salomon,

Я очень рад был получить ваше письмо и вполне ценю то хорошее побуждение, которое заставило вас написать его. Если бы мы все яснее понимали и больше помнили то, что главная и могущественнейшая сила, которой мы обладаем, есть мысль и выражение ее—слово, мы бы были и осторожнее, где это нужно, и смелее, где это тоже нужно, в пользовании этой силой, и много бы зла уничтожилось и добра прибавилось в мире.

О Desjardin я имею самое хорошее мнение, усиленное теперь вашим письмом, и буду держаться его. В 1-м № «Revue des deux mondes» была его статья о свободе и социализме [1], которая мне очень понравилась доказательством очевидной неисполнимости программы социалистов, и я поручил перевести ее с тем, чтобы напечатать в изданиях Посредника [2]. Я не согласен с ним только в том, что читается между строк его статьи, что если программа социалистов не исполнима, то настоящее положение вещей может и должно оставаться, каким оно есть, с собственностью земли и капитализмом. Я думаю, что настоящий порядок вещей еще менее может продолжаться, чем государственный социализм — осуществиться.

Статью свою о Тулоне [3] я до сих пор не кончил и, как передавал вам, едва ли удобно будет напечатать в Débats [4]. Она и длинна и уж очень casse les vitres [5]. Вы, вероятно, уже видели моих сыновей [6], впе-

ред благодарю вас за вашу любезность к ним. Желаю вам всего хорошего и прошу извинить за то, что недостаточно каллиграфически писал, хотя и очень старался. Пусть это будет вам практика русского языка. А вы пишите мне лучше по-французски.

Семейные мои благодарят вас за память.

Любящий вас Л. Толстой.

Я пишу от Ильи, у кот[орого] живу[7]. Если увидите его, скажите, что его милая жена[8] и дети[9] благоденствуют.

Толстой отвечает на письмо Саломона от 14 (26) января 1894 г. из Парижа, посвященное характеристике французского писателя А. Дежардена. Артур Дежарден (Arthur Desjardins, 1835—1901) — автор ряда сочинений по общественным вопросам, редактор парижского журнала «L'union pour l'action morale». Т. Л. Толстая после знакомства с ним в Париже писала отцу 9 марта 1894 г., что она находит нечто общее в его взглядах на религию с взглядами Толстого. Саломон в своем письме от 14 (26) января выражал сожаление о том, что, будучи у Толстого в конце 1893 г., говорил ему о Дежардене «с некоторой иронией». Между тем, вернувшись из России во Францию, он узнал о нем «такие факты, которые рисуют Дежардена как человека истинно благородного и заслуживающего глубокого уважения» (Толстовский кабинет Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[1] В № 1 «Revue des deux Mondes» была напечатана статья А. Дежардена «Le socialisme et la liberté» («Социализм и свобода»).

[2] Статья Дежардена «Посредником» издана не была, вероятно, потому, что, как далее пишет Толстой, не вполне соответствовала его взглядам.

[3] Статья «Христианство и патриотизм», начатая Толстым в октябре 1893 г. по поводу франко-русских торжеств в Тулоне.

[4] «Journal des Débats» — ежедневная парижская газета. Перевод статьи Толстого «Христианство и патриотизм», сделанный Жюлем Легра, появился в «Journal des Débats» в мае 1894 г.

[5] [бьет стекла в окнах] (т. е. резка).

[6] В Париже в то время был Лев Львович Толстой, приехавший туда осенью 1893 г. для лечения от нервного расстройства, и Илья Львович Толстой.

[7] 23 января 1894 г. Толстой уехал «отдохнуть от мучительной суеты Москвы», как писал он И. Б. Файнерману 29 января, в имение своего сына Ильи Львовича, Гриневку, Чернского уезда, Тульской губернии.

[8] София Николаевна Толстая, рожд. Философова (1867—1934).

[9] Дети И. Л. и С. Н. Толстых: Анна (р. 1888 г.), впоследствии по мужу Попова, и Михаил (1893—1919).

2

1894 г. Марта 5 (17). Москва.

Cher Monsieur Salomon,

Je vous suis très reconnaissant pour la traduction et la publication de la déclaration[1], mais surtout pour l'amitié que vous témoignez à Léon[2]. J'y suis très sensible ainsi que ma femme qui vous fait dire mille choses. Si la traduction de mon article sur la religion et la morale[3] vous ennuie, donnez-le à M-r Legras[4] et, dans tous les cas, ne le publiez pas dans la «Revue Chétienne». J'ai peur de tout ce qui porte le nom de Chrétien. Je crois qu'il serait plus convenable de la publier dans quelque journal laïque.

Tout à vous,

Léon Tolstoy.

5 (17) Mars 1894.

Перевод:

Дорогой г. Саломон,

Очень благодарен вам за перевод и напечатание заявления[1], а в особенности за ваше дружеское отношение к Льву[2]. Я очень тронут этим так же, как моя жена, которая просит передать вам всяческие любезности. Если вам скучно переводить мою статью о религии и

нравственности[3], передайте ее г-ну Легра[4] и во всяком случае не печитайте ее в «Revue Chrétienne». Я боюсь всего, что носит название христианского. Думаю, что было бы более подходящим напечатать ее в каком-нибудь светском журнале.

Ваш Лев Толстой.

5 (17) Марта 1894.

[1] Толстой имеет в виду следующее свое заявление, написанное им для иностранной прессы:

М[илостивый] Г[осударь],

Прошу в вашей газете дать место следующему моему заявлению. Несколько лет тому назад было сделано мною заявление в русских газетах о том, что так как я не признаю для себя справедливым получать деньги за свои сочинения, то и предоставляю право без всякого исключения и различия всем желающим печатать, перепечатывать мои вышедшие и имеющие вытти с 1881 года сочинения в подлиннике или в переводах, в целости или по частям. Несмотря на это заявление мое, вероятно не дошедшее до иностранных Фр[анцузских], Англ[ийских] и Немец[ких] издателей, я часто получаю письма с предложениями печатать за известную плату в журналах и с просьбами дать той или другой издательской фирме исключительное право издания. Бывают даже случаи, когда некоторые издатели приписывают себе это исключительное право и оспаривают его у других, как это теперь произошло в Англии между фирмой Heineman'a и Walter-scot'a и в Германии между фирмой Штутгардтского и Мюнхенским издателем. В виду этих недоразумений вновь заявляю, что <так как я не беру гонорара за> я никому не даю исключительного или даже предпочтительного права издания своих сочинений и переводов, с них, а безразлично предоставляю его всем тем издателям, которые найдут издание моих сочинений или переводов с них для себя желательным.

Л. Толстой.

Это письмо Толстого было им написано 18 февраля 1894 г. и напечатано в переводе, сделанном Ш. Саломоном, в «Journal des Débats» 8 марта (нового стиля) 1894 г. Толстой подтверждает в нем свое отречение от авторского права на свои произведения, написанные им с 1881 г., напечатанное в № 258 «Русских Ведомостей» от 19 сентября 1891 г.

Пререкания между заграничными издателями возникали по поводу переводов последнего сочинения Толстого «Царство божие внутри вас», выпускавшегося сразу несколькими издательскими фирмами.

[2] Лев Львович Толстой.

[3] С дочерью Татьяной Львовной, уехавшей в Париж 16 февраля 1894 г., Толстой послал Саломону для перевода рукопись своей новой статьи «Религия и нравственность».

[4] Жюль Легра (Jules Legras, р. 1866 г.) — французский писатель, профессор литературы в Бордоском, а затем в Дижонском университете. Был у Толстого в декабре 1893 г. и 3 октября 1894 г.

3

1894 г. Апреля 6 (18). Москва.

Cher Monsieur Salomon,

С переводом поступайте как хотите. Искренно говорю вам, что меня это издание этой статьи[1] во Франции очень мало интересует; мысль же о том, что вы бы стали делать скучное и ненужное вам дело только из за того, что вы обещали, была бы мне очень неприятна.

Лева наш приехал к нам[2] почти такой же, каким уехал. Теперь он как будто поправляется. Часто вспоминаем о вас и о вашей доброте и дружбе к нам. Передайте пожалуйста наш общий привет вашей матушке[3].

Article Arvède Barine[4] очень дурной, п[отому] ч[то] вполне лживый, и как я ни не люблю газетные заявления, я бы был вам очень благодарен, если бы вы поместили в какой нибудь Франц[узской] газете, переведя, мои следующие несколько слов:

«Рассуждения Г. Арвед Барин, напечатанные в . . . . . о том, как вследствие неприложимости к жизни христианского учения нравственности, я, для того чтобы быть доступным детям, должен быть в своей азбуке отступить от духа этого учения и проповедывать в детских рассказах мораль языческую, рассуждения эти очень тонки и остроумны, но, к сожалению, совершенно неприложимы к настоящему случаю, так как рассказы, помещенные в азбуке, написаны мною не 18 месяцев тому назад как это пишет Г. Арв[ед] Бар[ин], а 27 лет тому назад[5], тогда, когда христианское учение мне было совершенно чуждо, и я руководился в выборе рассказов для азбуки только их понятностью и интересом для детей.

Л. Толстой».

Очень обяжете меня, дорогой Карл Альфонсович, если исполните эту мою просьбу[6].

Дружески жму вашу руку. Любящий вас

Л. Толстой.

6/18 Апреля 1894.

[1] Речь идет о статье Толстого «Религия и нравственность» (см. прим. 3 к предыдущему письму). В письме от 6 апреля (нового стиля) Саломон писал Толстому, что он еще не закончил перевода этой статьи «в виду множества дел по переезду на новую квартиру», и прибавлял, что напечатать статью будет не легко, так как она уже появилась в английском переводе, вследствие чего редактор журнала «Revue bleue», к которому обращался Саломон, отказался ее напечатать.

[2] Лев Львович Толстой вернулся из Парижа в Москву 18 марта 1894 г.

[3] Мать Шарля Саломона — Адель Саломон. Толстой познакомился с ней за границей в 1857 г.

[4] Саломон при письме от 6 апреля (нового стиля) 1894 г. прислал Толстому вырезку появившейся в «Journal des Débats» от 27 марта 1894 г. статьи Арвед Барин (Arvède Barine) «Un Abécédaire de Tolstoï» («Азбука» Толстого». Статья написана по поводу нового издания «Азбуки» во французском переводе. Автор, ошибочно приняв «Азбуку» за новое произведение Толстого, находит, что Толстой в своих рассказах для детей проводит «очень шаткую» мораль и что книжка «противоречит самому духу учения Толстого», так как в рассказах нет ничего общего с христианской нравственностью.

[5] Хронологическая неточность: детские рассказы для «Азбуки» и «Книг для чтения» писались Толстым в 1871—1874 гг., следовательно за 20—24 года до настоящего письма.

[6] Написанное Толстым возражение против статьи А. Барин было напечатано в переводе Саломона в «Journal des Débats» 3 мая 1894 г. Здесь же было напечатано и ответное письмо г-жи Венсан (Vincens), писавшей под псевдонимом Arvède Barine, признавшей ошибочность своего утверждения о появлении «нового» произведения Толстого, противоречащего его миросозерцанию.

4

1894 г. Мая 2—3? Я. П.

Cher Monsieur Salomon.

J'ai votre manuscrit devant moi, je lis votre lettre et relis les endroits que vous notez, et, sans autre préambule, vais répondre aux questions que v[ou]s me faites:

1) Мир peut se rendre par univers. Je n'ai pas trouvé dans la p. 27 (bis) les deux mots свет и мир, mais j'y ai trouvé une autre faute que j'ai corrigé. Таинство ne veut pas dire mystère, mais sacrement.

2) Отношение se rend parfaitement par rapport.

3) Благо ne peut pas se traduire par intérêt, благо veut dire toujours le vrai bien et s'emploie principalement en opposition a l'intérêt, au bien matériel.

4) Смысл жизни ne peut pas se traduire autrement que par le sens de la vie.

5) page 24. La conscience de son néant au point de vue matériel rend parfaitement la pensée de l'auteur.

p. 31. La «place de Moïse» est un dicton de l'évangile. Voyez Math. ch. XXIII, verset 2.

p. 40. Il faut traduire par: qu'il n'a pas autre chose à faire.

p. 49. Le mot отдельный peut être rendu dans cet endroit par fini.

Voici toutes les remarques que j'avais à faire. Je v[ou]s suis très reconnaissant, cher Monsieur Salomon, pour la peine que v[ou]s v[ou]s êtes donnée pour traduire cet ennuyeux article. Je voudrais bien savoir que v[ou]s l'avez placé dans quelque journal. J'ai été très content de savoir que vos inquiétudes au sujet de la santé de Madame votre mère sont dissipées. Présentez-lui, le v[ou]s en prie, mes respects. Je n'ai pas encore reçu la réponse de M-r Legras au sujet de la traduction [1]. Comme j'envoie en même temps le manuscrit au traducteur Anglais et Allemand, je crois qu'il serait bien de le traduire — s'il mérite de l'être— sans le moindre délai.

Je vous serre bien amicalement la main.

Léon Tolstoy.

Le manuscrit sera envoyé immédiatement [2].

Перевод:

Дорогой г. Саломон,

Передо мной ваша рукопись, я читаю ваше письмо и перечитываю отмеченные вами места и без каких-либо предисловий сейчас же отвечу вам на вопросы, которые вы мне задаете.

1) «Мир» можно передать словом univers. Я не нашел на странице 27 (bis) два слова «свет» и «мир», но я нашел там другую ошибку, которую исправил. «Таинство» не означает mystère, но sacrement.

2) «Отношение» вполне передается словом rapport.

3) «Благо» не может быть переведено intérêt, благо всегда обозначает истинное добро и употребляется главным образом в противоположность интересу, материальной выгоде.

4) «Смысл жизни» нельзя перевести иначе, как le sens de la vie.

5) Стр. 24. Сознание своего ничтожества с точки зрения материальной вполне передает мысль автора.

Стр. 31. «Седалище Моисея» есть евангельское выражение. Смотрите Матфея, гл. XXIII, стих 2.

Стр. 40. Следует перевести так: qu'il n'a pas autre chose à faire (ему не остается ничего другого).

Стр. 49. Слово «отдельный» может быть в этом месте передано словом fini.

Вот и все замечания, которые у меня были. Очень благодарен вам, дорогой г. Саломон, за тот труд, который вы на себя взяли — перевести эту скучную статью. Хотелось бы знать, что вам удалось поместить ее в какой-нибудь журнал. Я был очень рад узнать, что ваше беспокойство относительно здоровья вашей матушки рассеялось. Передайте ей пожалуйста мое почтение. Я еще не получал от г. Легра

ответа относительно перевода [1]. Так как я одновременно посылаю рукопись английскому и немецкому переводчикам, я полагаю, что хорошо бы ее перевести — если она того стоит — без малейшей задержки.

Дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

Рукопись будет послана немедленно [2].

Толстой отвечает на письмо Саломона от 7 мая (нового стиля) 1894 г., на конверте которого значится штемпель получения: «Москва. 29 апреля 1894 г.» Между тем Толстой 28 апреля уже уехал из Москвы. Повидимому, письмо было привезено ему в Ясную Поляну дочерью Татьяной Львовной, приехавшей из Москвы 2 мая. На этом основании предположительно датируем письмо 2—3 мая 1894 г.

Вместе с письмом Саломон прислал рукопись своего французского перевода статьи Толстого «Религия и нравственность». При письме Саломон приложил листок со списком отдельных слов и выражений статьи с просьбою указать наиболее точные переводы их на французский язык.

[1] Толстой имеет в виду перевод своей статьи «Христианство и патриотизм», законченной им 17 марта 1894 г.

[2] Сделанный Саломоном перевод статьи Толстого «Религия и нравственность» напечатан не был, так как в журнале «Revue des Revues» появился перевод этой статьи, сделанный другим переводчиком с английского перевода.

5

1894 г. Сентября 8. Я. П.

Mon cher Monsieur Salomon,

Очень благодарен вашему знакомому за пересылку мне книги. Когда получу ее, в чем не сомневаюсь, с интересом прочту ее. Я очень рад известию о вашей кандидатуре и в особенности тем хорошим намерениям, которые вы имеете в случае успеха, которого от души желаю вам [1]. Я не знал адреса M-r Legras и послал ему в Бордо в университет [2] письмо, в котором было вложено другое мое письмо в французские газеты (письмо это прилагаю) [3], которое просил его перевести и послать в газеты. Я не получал от него ответа и не имею известий о появлении моего письма в печати. Очень может быть, что письмо мое не дошло до него, или он был в отлучке, или не может сделать того, о чем я просил его. Вы бы очень обязали меня, если бы вы привели в ясность это дело и в случае не напечатания письма сделали бы это сами [4].

Что ваш перевод Тютчева? Он должен иметь успех у настоящих ценителей поэзии [5]. Лева к сожалению все в том же положении и продолжает ухудшать его попытками различных лечений.

Наши все посылают вам привет, я дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

8 Сентября 1894.

[6] Encore une prière, mon cher M-r Salomon: Il y a quelques mois qu'une dame anglaise, Mrs. Lilly, m'a envoyé une brochure et plus tard un petit livre d'un certain Auguste Guyard: «Des droits, des devoirs et des institutions au point de vue de la destinée humaine» [7]. Il est question dans l'appendice de ce livre d'un certain M-r de Tourreil [8] qui a été un collaborateur de Guyard pour la fondation de ce qu'ils appelaient la religion fusionienne. Pouvez-vous me donner quelques renseignements sur le sort de ces deux personnages et celui de leurs idées. Dans le livre que j'ai il y a beaucoup de belles idées et un courant hautement religieux dans le meilleur sens du mot. Извините, что

вас утруждаю. Если вы ничего не сделаете по этому делу, то это не удивит меня. Если вы, когда будете в Париже, соберете сведения о жизни этих двух лиц, в особенности Guyard, то очень обяжете меня. Если есть их книги и не дороги, то купите, я тотчас возвращу вам.

Толстой отвечает на письмо Саломона от 21 сентября (нового стиля) 1894 г., в котором Саломон извещал Толстого о том, что в скором времени пошлет ему книгу своего знакомого, «убежденного социалиста», доктора J. P. Coullery — «Jésus le Christ et sa vie, sa doctrine morale, politique, économique et sociale. Les lois naturelles et le socialisme». («Иисус Христос и его жизнь, его учение нравственное, политическое, экономическое и социальное. Естественные законы и социализм»). Опасаясь, что книга может быть задержана цензурою, Саломон прислал в своем письме отрезанный им титульный лист книги с надписью автора: «A Monsieur le comte Tolstoï à Toula Russie. Hommage et témoignage de profonde sympathie. P. Coullery» («Графу Толстому, Тула, Россия. В знак уважения и глубокой симпатии».)

[1] В том же письме Саломон писал, что имеет в виду поступление на службу в Париже и в случае назначения намерен собирать «сведения об учреждениях, цель которых — улучшение положения рабочего класса».

[2] Жюль Легра состоял лектором по кафедре иностранных литератур в университете в Бордо.

[3] Толстой приложил свое письмо в иностранные газеты от 11 (?) августа 1894 г., в котором он, ввиду того, что многие переводы его сочинений на иностранные языки неверны и неточны, выражал намерение выделять из появившихся переводов те, которые он признает правильными.

[4] Саломон передал письмо Толстого в «Journal des Débats», где оно и было напечатано.

[5] Саломон переводил Тютчева прозой на французский язык. В присланной Саломоном рукописи его перевода Толстой сделал некоторые исправления. Перевод Саломона в печати не появился.

[6] Перевод: «Еще одна просьба, дорогой г. Саломон. Несколько месяцев тому назад одна англичанка, миссис Лилли, прислала мне брошюру и позднее книжечку некоего Огюста Гюйяра «О правах, обязанностях и учреждениях с точки зрения человеческого назначения». В приложении к этой книге говорится о некоем г-не Туррейле, который вместе с Гюйяром основал то, что они назвали «религией слияния». Не можете ли вы дать мне какие-либо сведения о судьбе этих двух лиц и их идеях? В книге, которую я получил, много прекрасных мыслей и глубоко религиозный дух в лучшем смысле этого слова».

[7] Август Гюйяр (1808—1882) — французский писатель и журналист, секретарь Ламартина. Присланную ему книгу Гюйяра Толстой читал 10 сентября 1894 г., что отметил в записи дневника этого числа, назвав книгу «прекрасной».

[8] Луи Туррейль — французский мистический писатель, основатель вместе с Гюйяром «религии слияния». Туррейль стремился слить воедино все социалистические идеи его времени и создать единую социалистическую религию, признающую социальное равенство всех людей и опирающуюся на религиозное чувство.

В ответном письме от 12 (24) сентября Саломон сообщал, что ему не удалось ничего узнать об интересовавших Толстого писателях.

6

1896 г. Октября 19. Я. П.

Cher Salomon,

Получил ваше первое письмо и сейчас второе. Очень вам благодарен за ваши труды по переводу моей статейки и помещению ее в печать. Я не сказал вам, что одновременно с посылкой к вам я послал статью в Англию и Германию[1]. Надеюсь, что французская выйдет не позже других, если же выйдет позже, то за то на меня не будут в претензии. Я всегда так делаю, предоставляя каждому печатать, когда и где он хочет.

Что касается моего мнимого романа, то я им теперь не занят и едва ли скоро кончу. Во всяком случае, если бы я написал что либо

художественное — что очень возможно — я буду очень благодарен вам и M-r Boyer [2], которому передайте мой привет — если вы возьмете на себя труд перевода.

Revue Blanche, сколько я понял, проповедует содомизм, и когда я прочел там эти статьи, да и другие, мне так сделалось противно, что не хотелось бы печатать там.

Очень сочувствую вашему горю. Вполне понимаю, п[отому] ч[то] испытываю нечто подобное. Желаю вам твердости, терпения и, главное, любви, чтобы перенести все, что придется, так, чтобы не в чем было упрекнуть себя.

Благодарю вас за присылку трудов Musée social. Там много хорошего. Статья о конгрессе и немецком социализме [3] прекрасна. Дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

19 Окт. 96 г.

На конверте:

Франция,
Paris, rue Las-Cases, 5.
Musée social.
Charles Salomon.

Толстой отвечает на письма Саломона от 2 (14) и 14 (26) октября. В первом письме Саломон писал о своих семейных неприятностях и просил прислать для перевода и напечатания в журнале законченную тогда Толстым статью «Приближение конца». Во втором письме Саломон извещал, что статья «Приближение конца», переведенная им совместно с Полем Буайе, будет напечатана в «Journal des Débats» 24 октября; редакция согласилась ее напечатать, рассчитывая напечатать также и тот роман («Воскресение»), которым занят Толстой. Саломон просит предоставить ему вместе с П. Буайе перевод и этого романа.

[1] Толстой послал статью «Приближение конца» для перевода на английский язык Джону Кенворти 17—18 октября и на немецкий язык — Эжену Шмиту в конце сентября 1896 г.

[2] Поль Буайе (Paul Boyer, род. 1864 г.) — лингвист, профессор и затем директор Школы восточных языков в Париже. Был у Толстого в Ясной Поляне 5 сентября 1895 г., затем 16—18 июля 1901 г., 27—29 августа и 8 сентября 1902 г. Статьи Буайе о посещении им Толстого были в переводе напечатаны в «Русских Ведомостях», 1901, № 228, «Новостях Дня», 1901, № 6532 и «Русском Слове», 1902, № 226.

[3] Имеется в виду статья Jean Bourdeau: «La démocratie socialiste en Allemagne et la question agraire au Congrès de Breslau» («Социалистическая демократия в Германии и аграрный вопрос на Бреславльском конгрессе»), напечатанная в «Musée social» от 1 октября 1896 г., серия B.

7

1896 г. Октября 30. Я. П.

Mon cher Salomon,

Я получил все ваши посылки: и номера Débats, и книгу об Армении, и об стачках Кармо [1].

Прежде всего сердечно благодарю вас за прекрасный, верный и простой перевод. Очень рад бы был воспользоваться такими прекрасными переводчиками для художественной работы, но, как говорят мужики, до сих пор до такой работы не доходят руки. Сейчас есть у меня письмо к либералам [2], которое я хочу обнародовать; скажите, хотите ли перевести его и напечатать. Мой друг Чертков предлагает мне издать в одной брошюре под заглавием: Об отношении к правительству или что-то в этом роде следующие мои статьи: 1) статью о Вандервеере [3], 2) письмо длинное к редактору

Daily Chronicle [4], напечатанное прошлого года, и 3) вот это письмо к либералам [5]. Не хотите ли перевести и издать это?

Об Армянских делах я получил уже несколько писем; но обращение ко мне в этом вопросе есть большое недоразумение. Армянские бедствия могут прекратиться только военным вмешательством или угрозой такового, что же я могу писать об этом? Итак, до следующего письма. Дружески жму вам руку и прошу передать мой привет

Ваш Л. Толстой.

30 Окт. 96.

Толстой отвечает на письма Саломона от 17 (29) октября и от 21 октября (2 ноября) 1896 г. В первом письме Саломон пересылал Толстому письмо к нему Альфреда Буасье с просьбой послать Толстому книгу Иоганна Лепсиуса (Johannes Lepsius) об армянских погромах в Турции: «Armenien und Europa. Eine Anklägeschrift wider die christichen Grossmächte und ein Aufruf an das christliche Deutschland», Berlin, 1896 («Армения и Европа. Обвинительный акт против христианских великих держав и воззвание к христианской Германии»). Буасье выражал надежду, что «великий русский писатель, защитник угнетенных» не откажется способствовать своим авторитетным словом созданию в своей стране движения в пользу армян. Со вторым письмом Саломон пересылал номер «Journal des Débats» от 24 октября 1896 г., в котором, в урезанном редакцией виде, был напечатан сделанный им совместно с П. Буайе перевод статьи Толстого «Приближение конца». Саломон повторял свою просьбу предоставить ему вместе с Буайе перевод «Воскресения».

[1] Осенью 1895 г. произошла стачка стекольщиков в Кармо (местечко во французском департаменте Тарн), после которой забастовавшие и уволенные рабочие на частные средства основали в Альби (главный город департамента Тарн) собственный стеклянный завод. Саломон послал Толстому книгу: «La grève de Carmaux et la verrerie d'Albi», par Léon de Seilhac, Bibliothèque du Musée social, édit. Perrin, Paris, 1898.

[2] Письмо к А. М. Калмыковой от 31 августа 1896 г. по поводу закрытия правительством Московского комитета грамотности. Появилось в заграничной печати (см. прим. 5) под названием «Письмо к либералам».

[3] Джон Вандервер — голландский социалист, в 1896 г. отказавшийся от военной службы. Его отказом была вызвана статья Толстого «Приближение конца».

[4] Письмо к редактору газеты «Daily Chronicle» было закончено Толстым 15 декабря 1894 г.

[5] Будучи в 1897 г. выслан в Англию, В. Г. Чертков в том же году выпустил там брошюру: Л. Н. Толстой, «Об отношении к государству», в которую статья «Приближение конца» не вошла, а вошли три письма: 1) к редактору немецкого журнала (Е. Шмиту) от 12 окт. 1896 г.; 2) к либералам (см. прим. 2) и 3) к редактору английской газеты (см. прим. 4).

8

1897 г. Октября 26. Я. П.

Cher Monsieur Salomon,

Простите пожалуйста, что так давно не отвечал вам. Я не прислал вам оригинала Рел[игия] и нр[авственность] [1] потому, что у меня не было оригинала. Мои секретари — обе дочери в Крыму. У Маши, которая вышла замуж за кн. Оболенского, был тиф, и она поехала поправляться на юж[ный] берег, а Таня повезла туда второго сына Ильи [2] тоже для здоровья. Благодарю вас за сведения, которые вы сообщаете мне о себе и своем деле. Все, что касается вас, интересует меня, потому что мы все полюбили вас. Жена моя теперь в Москве с меньшими детьми, а я один с Левой и его женой в деревне и наслаждаюсь одиночеством и кончаю свою целую книгу об искусстве, которая едва ли разрешится цензурой в России [3].

Прощайте, дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

26 Окт.

Толстой отвечает на два письма Саломона: от 18 июля (нового стиля) и 5 октября (также) 1897 г. В первом письме Саломон просил прислать ему статью «Религия и нравственность», которую он перевел на французский язык, но хочет исправить свой перевод. Далее сообщал, что уходит из «Musée social» («Социального музея»), директором которого он состоял, так как служба эта была связана с политической деятельностью.

[1] Статья Толстого «Религия и нравственность» была написана в 1893 г. В России появилась впервые в № 1 «Северного Вестника» за 1895 г. под заглавием (ради цензуры) «Противоречия эмпирической нравственности». Сделанный Саломоном французский перевод этой статьи был напечатан в мартовской и сентябрьской книжках журнала «L'humanité nouvelle» за 1898 г.

[2] Внук Толстого Андрей Ильич Толстой (р. 1 апр. 1895 г., ум. 3 апр. 1920 г.).

[3] Трактат Толстого «Что такое искусство?» появился с цензурными пропусками и изменениями в журнале «Вопросы философии и психологии», № 5 за 1897 г. и № 1 за 1898 г.

9

1898 г. Февраля 13. Москва.

Cher M-r Salomon,

Прилагаю письмо мое к Редактору Débats, в котором прошу его о помещении этого письма в его газете [1]. Вместе с этим письмом я посылаю такое же письмо прямо в редакцию Débats.

Просьба моя заключается в том, чтобы вы посмотрели в столбцы Débats несколько дней после получения этого, и если бы через неделю письмо мое не было напечатано, то обратились бы в Débats или другую газету с предложением напечатать мое письмо [2]. Если бы вы нашли письмо дурно написанным и нашли бы нужным исправить его в стилистическом отношении, то я был бы вам за это очень благодарен. Обращаюсь я не исключительно к вам, а посылаю письмо еще прямо в редакцию Débats потому, что боюсь, что вы не в Париже и письмо долго не дойдет до вас.

Во всяком случае простите меня за то, что утруждаю вас, и примите вперед мою благодарность.

Если бы вы нашли это стоющим того и перевели бы эту книгу, я бы очень был рад. Итак, простите, дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

13/25 Февр. 1898

[1] Было приложено следующее письмо Толстого:

Monsieur le Rédacteur,

La question de l'art m'a occupé pendant des années, et, comme les idées auxquelles je suis arrivé sur ce sujet sont tout à fait contraires aux idées généralement reçues, j'ai fait un livre dans lequel j'ai tâché de donner les raisons pour lesquelles je m'écarte de l'opinion générale et de prouver la justice de la mienne. Il me paraissait que l'ouvrage ne pouvait être compris et avoir de l'intérêt que dans son entier.

Cependant, la Revue Blanche publie une soi-disant traduction de deux chapitres sans queue ni tête qui, détachés de l'ouvrage entier, n'ont aucun sens et ont l'air d'affirmer, sans les expliquer et les motiver, les idées les plus saugrenues. La traduction non seulement mauvaise comme style, mais ne rendant, pas du tout, le sens du texte, augmente l'étrangeté et le ridicule de cette publication. Comme exemple de mauvaise traduction, je ne citerai que le passage suivant.

Véritable traduction du texte: «On parle d'incompréhensibilité! Mais si l'art est la transmission des sentiments qui découlent de la con-

science religieuse des hommes, comment peut être incompris un sentiment fondé sur la religion, c'est-à-dire le rapport de l'homme à Dieu? Un tel art doit être et n'a jamais cessé d'être compréhensible à chacun, car le rapport de Dieu à l'homme est le même pour chacun».

Traduction de la Revue Blanche: «On parle d'incompréhensibilité; mais si l'art est la transmission des idées de la perception provenant de la perception religieuse de l'homme, comment peut être incompréhensible une idée fondée sur la religion même, sur les rapports de l'homme avec Dieu, par exemple? Un tel art serait et n'a jamais cessé d'être compréhensible à chacun, parce que les rapports de l'homme avec Dieu sont uniques et toujours les mêmes».

Toute la traduction est à l'avenant. De sorte que ne pouvant absolument pas accepter la responsabilité de cette étrange publication je vous prie instamment, Monsieur, d'avoir l'obligeance d'insérer cette lettre dans votre journal.

Agréez, Monsieur, l'assurance de mes sentiments distingués.

Léon Tolstoy.

Moscou, le 13/25 Février.

Перевод:

Г-н Редактор, ,

Вопрос искусства занимал меня в течение многих лет, и, ввиду того, что положения, к которым я пришел, совершенно противоположны общепризнанным, я написал книгу, в которой старался изложить причины, по которым я отхожу от общего мнения и утверждаю свое. Мне казалось, что труд этот мог быть понят и представлял интерес лишь в целом.

Между тем «La Revue Blanche» публикует какой-то перевод двух глав без начала и конца, которые, оторванные от всего произведения, не имеют ни малейшего смысла и утверждают самые странные идеи, не объясняя и не обосновывая их. Самый перевод, не только дурной в смысле стиля, но и совершенно не передающий смысла текста, увеличивает странность и несообразность этой публикации. Как образчик плохого перевода я приведу лишь следующую выдержку:

Правильный перевод текста: «Говорят о непонятности, но если искусство есть передача чувств, вытекающих из религиозного сознания людей, то как же может быть непонятно чувство, основанное на религии, т. е. на отношении человека к богу. Такое искусство должно быть и действительно было всегда всем понятно, потому что отношение всякого человека к богу одно и то же».

Перевод «Revue Blanche»: «Говорят о непонятности; но если искусство есть передача идеи ощущения, вытекающего из религиозного ощущения человека, то как может быть непонятной идея, основанная на самой религии, например, на отношении человека к богу. Такое искусство должно быть и никогда не переставало быть понятным каждому, потому что отношение всякого человека к богу одно и то же».

Весь перевод подобен приведенному выше.

Вследствие этого, совершенно не имея возможности принять на себя ответственность за эту странную публикацию, я настоятельно прошу вас, милостивый государь, напечатать это письмо в вашем журнале.

Примите уверение в моем уважении.

Лев Толстой.

Москва, 13/25 февраля.

Приводимая Толстым выдержка содержит перевод одного места гл. X его статьи «Что такое искусство?» Отрывки перевода этой статьи, сделанного Tarrida del Marmol, появились в «Revue Blanche» 15 января и 15 февраля 1898 г.

[2] Письмо Толстого появилось в «Journal des Débats» 3 марта 1898 г.

10

1898 г. Марта 10. Москва.

Cher M-r Salomon,

Очень благодарен вам за ваше милое, доброе письмо. Я совершенно согласен с вами насчет неудобства моих переводов. Я передал все это дело (о переводах) Черткову, Vladimir Tchertkoff, Mill-House, Maldon, Essex, и давно хотел написать вам, что тем, кто хочет переводить мои писания, надо обратиться к нему. Он нетолько приятный в отношениях человек, но и очень акуратный в делах.

Что вы делаете в Италии? Как ваше душевное и телесное здоровье? Надеюсь что хорошо. Я спрашиваю про это п[отому], ч[то] всегда с любовью думаю о вас.

Наши благодарят вас за память и кланяются.

Лев Толстой.

10/23 Марта[1] 1898 г.

Толстой отвечает на письмо Саломона от 3 (15) марта 1898 г., являвшееся ответом на предыдущее письмо Толстого. Саломон писал, что получил письмо Толстого на юге Италии и просил Поля Буайе «сделать все необходимое», чтобы письмо Толстого появилось в «Journal des Débats».

«Я сожалею лишь, — писал далее Саломон, — что ваш протест относится только к «Revue Blanche» и что вы никогда не протестовали против перевода, например, «Царство божие внутри вас»: французский перевод этой работы написан на настоящем тарабарском языке, в нем встречается такой вздор, который был бы смешон, если бы все произведение от него не страдало». Отвечая на предложение Толстого перевести на французский язык «Что такое искусство?», Саломон писал: «Ваше предложение доставило мне большое удовольствие, я вижу в этом знак вашего доверия и дружбы. Но я хочу удостовериться, могу ли я сделать этот перевод». Письмо Саломона напечатано в «La Revue des Etudes slaves», 1930, t. X., p. 217—219.

[1] Толстой ошибся в переводе даты старого стиля на новый: должно быть 10/22 марта.

11

1900 г. Июля 31. Я. П . 31 Июля 1900.

Cher Salomon,

Очень благодарен вам за письмо[1] и брошюру[2]. Вы сумели из этого письмеца сделать очень интересную — по крайней мере мне так кажется — статью. Перевод, как всегда ваши переводы с Бойе, идеально хорош. Я вчера только послал Черткову русскую статью Рабство нашего времени. Как бы хорошо было, если бы вы перевели эту статью — предполагая, что вы нашли бы ее стоющею того[3]. Напишите Черткову. Написал тоже маленькую заметку об убийстве Гумберта[4]. Очень жалею, что вам не удалось побывать у нас. Ce qui est retardé[5]... и т. д.

Я все хвораю и нахожу это хорошим приготовлением к предстоящему большому путешествию, кот[орое], вследствии все увеличивающейся неразумности и жестокости жизни нашей, скорее привлекает, чем отталкивает меня.

Прощайте. Дружески жму вам руку.

Robe rouge[6] не читал, также и Clairière[7], но знаю про то и другое.

Лев Толстой.

Поклон и привет Boyer. Наши все вам кланяются.

Толстой отвечает на письмо Саломона от 21 июля (нового стиля) 1900 г.

[1] Характерно, что Толстой оставил без ответа ту часть письма Саломона, которая относилась к главе «Воскресения», описывающей богослужение. Упомянув о «красоте» книги, «целиком пропитанной духом христианства и анархической по вдохновению», Саломон прибавлял: «По долгу искренности в отношении вас я скажу вам, что жалею об одной вещи, глубоко меня задевшей, это о главе о причастии, — не потому, что я не нахожу вполне естественным громко провозгласить отсутствие веры в эту догму; но к чему ведет ирония и то, что покажется верующим богохульством? Вы хотите, чтобы люди инакомыслящие услышали вас, и вы заставляете их затыкать себе уши. Простите меня, дорогой граф, но я слишком люблю вас, чтобы не сказать того, что думаю». Эту часть письма Саломона Толстой оставил без ответа, очевидно не убедившись его доводами.

[2] Саломон перевел на французский язык письмо к Толстому сектанта-бегуна А. В. Власова от 6 октября 1899 г. и ответ ему Толстого от 23 (?) октября того же года. Письмо Власова дало Толстому материал для изображения старика на пароме в «Воскресении» (ч. III, гл. 21 и 27). Это письмо и ответ Толстого были напечатаны В. Чертковым в Листках «Свободного Слова», 1900, № 15, стр. 1—6. Саломон и П. Буайе перевели оба письма на французский язык; перевод появился отдельной брошюрой: Boyer P. et Salomon, Ch., A propos de «Resurrection», Paris, 1900. Эта брошюра была издана и на русском языке: «По поводу «Воскресения» (письмо А. В. Власова и ответ Л. Н. Толстого)», изд. швейцарского отдела «Свободного Слова», Onex, Suisse, 1900.

[3] «Рабство нашего времени» Саломоном переведено не было.

[4] Итальянский король Гумберт I был убит анархистом Гаэтано Бресси в Милане 16 (28) июля 1900 г. По поводу этого события Толстой написал статью, которую сначала озаглавил: «Убийство Гумберта», затем «Ужасное недоразумение», потом «Кто виноват?» и, наконец, «Не убий». Под этим последним названием статья была напечатана В. Г. Чертковым в «Листках «Свободного Слова» 1900, № 17.

[5] Французская поговорка: «Ce qui est remis n'est pas perdu» («что отложено, то не потеряно»). Толстой приводит ее начало в измененном виде. Толстой редко цитировал что-либо буквально, а приводя известные тексты, редко выписывал их до конца; а большею частью ограничивался приведением начальных слов.

[6] Brieux Eugène, La Robe rouge, pièce en quatr actes («Красная мантия», пьеса в четырех актах). В пьесе изображается отрицательными чертами французский судебный мир.

[7] Maurice Donnay et Lucien Descaves, La Clairière («Просвет»). Изображена история общины, основанной на коммунистических началах.

ПИСЬМА К А. Л. ФЛЕКСЕРУ (А. ВОЛЫНСКОМУ)

Аким Львович Флексер (1863—1926), писавший под псевдонимом А. Волынский, видный член редакции журнала «Северный Вестник» в 90-х годах, переписывался с Толстым с 1894 по 1898 г. Известны одиннадцать писем и одна телеграмма Толстого к нему. За исключением первого письма, написанного 23 мая 1894 г. и посвященного вопросам религии, все остальные связаны с участием Толстого в «Северном Вестнике».

Флексер написал о Толстом ряд статей: «Нравственная философия гр. Льва Толстого» («Вопросы философии и психологии», 1890, кн. 5), «Литературные заметки» — «Плоды просвещения» гр. Льва Толстого. Проф. Козлов о Толстом («Северный Вестник», 1891, № 1); «Нравственная философия гр. Л. Н. Толстого» («Северный Вестник», 1891, № 10); «Л. Н. Толстой. Сочинения, т. IV» («Северный Вестник», 1895, № 7). Более или менее значительные упоминания о Толстом рассеяны во многих статьях Флексера. Кроме того, в 1910 — 1911 гг. появилось три выпуска книги: «Лев Толстой». Критико-биографическое исследование Н. Г. Молоствова и П. А. Сергеенко, под редакцией А. Л. Волынского, изд. П. П. Сойкина. Однако, редакция А. Л. Флексером этой книги была только номинальной.

Флексер был в Ясной Поляне два раза: в августе 1894 г. и 29 июля 1897 г.

После прекращения в 1898 г. «Северного Вестника» прекратилось и личное и письменное общение Флексера с Толстым. Очевидно, общение это не имело под собой глубокой почвы внутреннего сродства.

1

1894 г. Мая 23. Я. П.

Получил ваше письмо и очень рад тому, что вы высказали мне в нем свою душевную мысль и намерения. Один выход для евреев и еще более для их гонителей в том, чтобы соединиться в истине, во всей доступной сознанию человечества истине, т. е. впереди, а не в той истине, которая когда-то прежде была истиною. И потому все, кто работает для привлечения людей к этой истине и отвлечения их от пережитой, делают самое лучшее, самое божеское дело, которое они только могут делать. Для евреев, среди которых больше по вине гонителей, чем по их вине, случилась особенная задержка прилепления к отжитому, проповедь наивысшей доступной человечеству истины, которая соединит всех, устыдит гонителей и освободит гонимых («познаете истину, и истина освободит вас»), такая проповедь настоятельно необходима, и жатва эта давно зовет делателей. Это дело плодотворное и самое радостное, какое можно найти в жизни, потому что оно несомненно дело божье. Не откладывайте. Жизнь не только коротка, но и совсем не наша. Как мне ни сочувственна ваша деятельность литературная, она игрушка в сравнении с тем, что представляется там. Гонений и страданий там будет еще больше. Готовы ли вы на них? До свидания.

Лев Толстой.

Письмо датируется на основании хранящегося в архиве В. Г. Черткова списка писем Толстого за 1894 г., в котором данное письмо значится под 23 мая.

Толстой отвечает на письмо Волынского от 5 мая 1894 г., где он писал о неудовлетворенности своей литературной деятельностью и высказывал такое намерение: «Когда я немного состарюсь и почувствую, что ум мой достаточно зрел для такого важного дела, я оставлю столицу и уйду в простую еврейскую среду проповедывать Христа».

Автографа данного письма Толстого не сохранилось; оно печатается по копии, сохранившейся в архиве А. Л. Волынского.

Ответного письма Волынского в архиве Толстого не имеется. Очевидно, порыв к проповеди у него скоро прошел.

2

1895 г. Февраля 14. Я. П.

Посылаю вам, Аким Львович, исправленную корректуру, извините, что так много перемарал. Пожалуйста пришлите мне еще раз и лучше всего в сверстанном виде. Мне нужно теперь исправить только вкравшиеся неточности и стилистические ошибки. Но и это очень нужно, и потому очень прошу поскорее прислать.

С совершенным уважением

Лев Толстой.

14 Фев. 1895.

Вместе с этим письмом в редакцию «Северного Вестника» была послана исправленная корректура рассказа «Хозяин и работник».

3

1895 г. Февраля 18—21? Москва.

Уважаемый Аким Львович,

Посылаю вам корректуры. Мне больше смотреть их не нужно, но желательно, чтобы внесенные поправки не были перевраны. Извините за беспокойство. Надеюсь, что я не задержал вас. Влад. Григ. Чертков (Гавань 79 Бол[ьшой] пр[оспект]) просил меня доставить ему пораньше экземпляр этого рассказа для перевода на английск[ий] язык. Если вам не в труд, пошлите ему. Очень обяжете меня. Желаю вам всего лучшего.

Лев Толстой.

Письмо говорит об отправке сверстанных корректур рассказа «Хозяин и работник». В записи дневника Толстого, начинающейся словами: «Нынче, кажется, 21 февраля 1895», записано: «Эти 5 дней... поправлял «Хозяина и работника». Исправление рассказа могло быть начато не ранее 18 февраля, кладя минимум четыре дня на пересылку корректур из Москвы в Петербург, исправление их типографией и обратную пересылку Толстому в Москву. На этом основании датируем письмо предположительно 18—21 февраля 1895 г.

4

1895 г. Февраля 26. Москва.

Многоуважаемый Аким Львович,

Пишу вам по поручению Л. Н-ча; сегодня он получил телеграмму из Montecarlo от Люб[ови] Яковл[евны], в кот[орой] она просит позволения напечатать в Северн[ом] Вестн[ике] заявление Л. Н-ча о том, что для других издателей право на издание его рассказа начинается через несколько месяцев. Л. Н. ответил Л. Я-не:

Très chagriné impossible faire autrement *.

* [Очень огорчен — невозможно сделать иначе].

А вам просил сообщить об этом и объяснить, что поступить иначе он не мог при всем его желании. Ведь несколько лет тому назад он объявил печатно, что предоставляет всем желающим издавать свои произведения, написанные им с 1881 г. Как же он может о новом произведении напечатать обратное, т. е. что он в течение известного времени предоставляет исключительное право издательства Северному Вестнику? Отдав вам рассказ, он должен был и на всякое первое заявленное требование отвечать согласием. Первою, с полным правом во всех отношениях предъявила такое требование С[офья] А[ндреевна], и ее издание XIV-го тома уже окончено и сдано в цензуру и появится в продаже в будущую субботу. Издание же рассказа Посредником делается по желанию самого Л. Н-ча, который просил меня и объявить об этом в газетах. Хотя я и сам намерен был это сделать, как только бы вышел ваш № в свет. Все это я объясняю вам, чтобы вы видели, что здесь нет никакого дурного намерения против Сев[ерного] Вестн[ика], и что поступить иначе нельзя было и что если бы ни С[офья] А[ндреевна], ни Посредник не издали бы этот рассказ одновременно с вами, то через несколько дней после выхода Сев[ерного] Вестн[ика] он мог бы появиться с полным правом в любой издательской фирме.

П. Бирюков.

Все это совершенно верно, уважаемый Аким Львович, и я надеюсь, что вы поймете и одобрите меня. Писал вам не я сам, а Пав[ел] Ив[анович] п[отому], ч[то] телеграмму Люб[ови] Як[овлены] я получил в очень тяжелую для меня минуту: похороны моего меньшего сына.

Теперь же вечером зашел к П[авлу] И[вановичу] и вот приписываю. Так пожалуйста не осуждайте меня.

Ваш Л. Толстой.

Издательница «Северного Вестника» Л. Я. Гуревич, бывшая в то время за границей, прочитав в русских газетах о том, что рассказ «Хозяин и работник» в один день с «Северным Вестником» появится в двух дешевых изданиях, опасаясь того, что это может отразиться на количестве подписчиков ее журнала, послала Толстому телеграмму, содержание которой изложено в письме Бирюкова. Ответом на эту телеграмму и является комментируемое письмо.

Письмо датируется по содержанию: оно написано в день похорон меньшего сына Толстого Ванички (р. 31 марта 1888 г., ум. 23 февраля 1895 г.), происходивших 26 февраля 1895 г.

5

1895 г. Сентября начало. Я. П.

Сейчас прочел вашу заметку о Соловьевском Смысле войны и почувствовал радость сознания того, что есть единомышленный орган. Кроме вас никто не скажет этого и нигде кроме как в вашем журнале, а сказать это было необходимо. И мне это было очень радостно, и захотелось сказать вам это. И заметка написана прекрасно. Хотелось бы сказать, что она слишком зла, но в глубине души, к сожалению, одобряю и злость. Уж очень скверно то, что написал Соловьев. Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

Письмо датируется по содержанию: статья Волынского «Смысл войны. Из нравственной философии Влад. Соловьева» была напечатана в сентябрьской книжке «Северного Вестника» за 1895 г. (отдел «Критика», стр. 62—63). Книжки «Северного Вестника» выходили в начале месяца.

Волынский отвечал Толстому 3 октября 1895 г. Выражая свою «глубокую радость» по поводу письма Толстого, он писал: «Вы поддержали во мне нрав-

ственную бодрость и какое-то светлое убеждение, что можно и в форме журнальных статей и заметок итти вашим путем, бороться со всеми видами грубой буржуазности и утонченной государственности, служа мировым целям, не злобе дня, а духу высшей правды...» (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

6

1896 г. Января 28? Москва.

Уважаемый Аким Львович,

Очень сожалею, что не могу пока еще ничем служить вашему журналу. Занят я такими работами, кот[орые] не могут появиться в России [1], а времени и сил все меньше и меньше. Я надеюсь, что ваш журнал выдержит борьбу за правое дело, и очень, очень желаю этого.

Передайте пожалуйста мой привет Л[юбови] Я[ковлевне] [2] и примите уверение моего искреннего уважения.

Лев Толстой.

Знаете ли книгу Kidd'a Social evolution [3]. Хорошо бы перевести. Никофоров [4] хочет предложить вам перевод.

Толстой отвечает на следующее письмо А. Л. Флексера от 11 января 1896 г.:

«Дорогой Лев Николаевич!

«Прошу извинения, если мое письмо встревожит вас. По изданию январской книги «Северного Вестника», где сделано все, — насколько позволяют внешние обстоятельства,—для более точного выражения наших убеждений по разным вопросам жизни, я почувствовал, что без вашей поддержки нам не выдержать напора враждующих сил и людей. Бороться с обществом, которое оплетено буржуазностью всяких видов, можно только при помощи больших усилий, а иногда и экстраординарных средств. Вы одни могли бы нам помочь, в чем бы ни выразилась ваша литературная помощь: статьею, рассказом, письмом, заметкою — всем, что отмечено силою вашей протестантской мысли. Если вас не раздражает моя просьба, если вы продолжаете сочувствовать тому делу, которое мы так любим, если у вас что-нибудь есть под рукою, придите нам на помощь.

«Еще раз извиняюсь, если моя просьба не может быть вами исполнена. Вы не должны сомневаться, что мы не способны плохо истолковать неудачу этой просьбы.

«Да хранит бог ваше здоровье».

Письмо датируется предположительно на основании того, что в копировальных листах писем Толстого за 1896 г., хранящихся в Рукописном отделении Толстовского музея, оно скопировано после письма от 28 января 1896 г.

[1] В январе 1896 г. Толстой был занят письмом к англичанину Джону Мансону о патриотизме, общим изложением своего религиозного миросозерцания и драмой «И свет во тьме светит». Письмо к Мансону было напечатано в том же году в издании М. Элпидина в Женеве под названием «Патриотизм или мир?» Сделанное Толстым изложение его религиозного миросозерцания, под названием «Христианское учение», было напечатано В. Г. Чертковым в Англии в 1898 г.; драма «И свет во тьме светит» была напечатана впервые в 1911 г. во II томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого».

[2] Л. Я. Гуревич.

[3] Книга английского философа и социолога Бенжамена Кидда (1858—1916) «Social evolution» («Социальная эволюция»). Толстой находил в ней родственные себе мысли. Два русских перевода книги Кидда вышли в 1897 г. в издании О. Н. Поповой и Ф. Ф. Павленкова.

[4] Лев Павлович Никифоров (1848—1917) — революционер. В конце 1860-х гг. принимал участие в студенческих волнениях; по делу Нечаева был арестован и заключен в Петропавловскую крепость; в 1870—1875 гг. был в ссылке. С половины 1880-х гг. был близок к взглядам Толстого. Автор биографического очерка о Толстом («Курьер, 1902, №№ 241 и 246) и воспоминаний о нем, напечатанных в «Юбилейном сборнике» — «Лев Николаевич Толстой», ГИЗ, М., 1929. Никифоров занимался переводами; издательством «Посредник» были напечатаны выбранные Толстым и переведенные Никифоровым рассказы Мопассана.

7

1897 г. Октября 21—22? Я. П.

Мне очень хочется написать предисловьице к ст[атье] Карпентера. Я и начал его. Когда вы хотите печатать? Боюсь, что не успею к Ноябр[ьской] книжке.

Лев Толстой.

На обороте:

Редакция Северн. Вестника.
Петербург
Акиму Львовичу.

Сын Толстого Сергей Львович перевел для «Северного Вестника» статью английского мыслителя Эдуарда Карпентера «Современная наука». 17 октября 1897 г. Флексер послал Толстому корректуру перевода вместе с письмом, в котором писал: «Лев Николаевич! Не возьмете ли на себя труд—ввиду выраженного вами некогда согласия—прочесть посылаемую в набор статью и сделать к ней какое-либо предисловие». (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина). Ответом на это письмо Флексера и служит комментируемое открытое письмо Толстого. Письмо датируется предположительно двумя числами на основании почтового штемпеля отправления:

22
«Тула 18—97».
X

8

1897 г. Ноября 29? Я. П.

Посылаю вам, дорогой Аким Львович, предисловьице к Карпентеру. Пожалуйста, если годится, пришлите мне поправленную корректуру, чтоб еще пересмотреть. Пока не выйдет, пожалуйста не объявляйте в журнале.

Пишу так дурно п[отому], ч[то] в шубе на станции.

Всего хорошего. Л. Толстой.

Получив предыдущее письмо Толстого, А. Л. Флексер отвечал ему (письмо без даты): «Буду ждать вашего предисловия к статье Карпентера столько, сколько потребуется. Статью эту можно будет напечатать в декабре или январе, как вы захотите, когда будут готовы корректуры, которые вы, вероятно, пожелаете сами прочесть. Открытое письмо ваше доставило мне великую радость» (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

Толстой, начав писать предисловие к статье Карпентера 21 октября 1897 г., затем отвлекся работой над трактатом «Что такое искусство?» и над повестью «Хаджи Мурат» и вновь взялся за предисловие 14 ноября. 27 ноября он известил Л. Я. Гуревич об окончании статьи, прибавив, что она переписывается и будет выслана дня через два (см. стр. 126—127). На этом основании и датируется предположительно комментируемое письмо Толстого к Флексеру.

9

1897 г. Декабря 5. Москва.

Дорогой Аким Львович,

Я никак не могу печатать мое предисловие к Карпентеру. Очень жалею, что это так случилось, и прошу Вас и Любовь Яковлевну[1] простить меня за мою необдуманность и доставленные Вам хлопоты. Предмет, о котором я говорю, слишком важен, чтобы писать о нем, не высказав всего, что можно сказать о нем. Это же предисловие я не могу выпустить, поэтому пришлите мне пожалуйста назад оригинал и не сердитесь на меня. Мне самому это недоразумение наверное неприятнее, чем оно может быть Вам. И потому прошу Вас еще раз не сетовать на меня.

Лев Толстой.

5 Декабря.

С самого того времени, когда в 1891 г. Толстой публично заявил о своем отказе от прав литературной собственности на все сочинения, которые будут им написаны, печатание в России каждого нового его произведения вызывало резкое недовольство его жены. Так было в 1895 г. с рассказом «Хозяин и работник», появившимся в «Северном Вестнике», так было в 1897—1898 гг. с трактатом «Что такое искусство?», печатавшимся в «Вопросах философии и психологии», так было в 1898—1899 гг. с романом «Воскресение», появившимся в «Ниве». Чрезвычайное возбуждение вызвало у Софьи Андреевны и печатание в «Северном Вестнике» предисловия к статье Карпентера. Возбуждение это было особенно сильно вследствие двух причин: во-первых, ее «безумной, ни на чем не основанной ревности» к издательнице «Северного Вестника» Л. Я. Гуревич (запись в дневнике Толстого от 15 февраля 1895 г.) и во-вторых, вследствие того, что она больше месяца жила одна в Москве, в то время как Толстой оставался в Ясной Поляне. Более или менее продолжительные отлучки мужа всегда приводили Софью Андреевну в раздраженное состояние.

Толстой известил Софью Андреевну о начатой им для «Северного Вестника» статье в письме к ней от 24 октября 1897 г. (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 531). Софья Андреевна, повидимому, почему-то не обратила на это внимания.

30 ноября 1897 г. в Москву приехал из Ясной Поляны Д. П. Маковицкий и рассказал Софье Андреевне о посылаемой Толстым в «Северный Вестник» статье. Софья Андреевна, как пишет она в своем дневнике, сначала «хотела лишить себя жизни», потом «уехать куда-нибудь», но ограничилась на этот раз тем, что «проиграла на фортепиано часов пять» («Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М., 1932, стр. 4).

3 декабря Софья Андреевна увидела в газетах объявление о выходе «Северного Вестника» с статьей Толстого. В этот же день она поссорилась с старшей дочерью, обвинявшей ее за ее исключительное отношение к С. И. Танееву. Лев Николаевич не приезжал, и на другой день, 4 декабря, Софья Андреевна уложила свои вещи и уехала в Троице-Сергиеву лавру.

Между тем Толстой, извещенный старшей дочерью о возбужденном состоянии жены, в тот же день—4 декабря— прислал телеграмму о своем приезде. Приехав на другой день в Москву, он узнал, что Софья Андреевна «в страшном возбуждении уехала к Троице». Он послал ей успокоительную телеграмму и, не видя другого средства ее успокоить, решил отказаться от печатания статьи в «Северном Вестнике», послав Флексеру комментируемое письмо, в котором скрыл истинные причины отказа от печатания своей статьи в «Северном Вестнике».

[1] Л. Я. Гуревич.

10

1898 г. Февраля 16. Москва.

Дорогой Аким Львович,

Пожалуйста, если можно, включите следующее в мое предисловие.

Почти в конце, после слов: «никакие победы над природой не могут улучшить положение людей» — перед словами: «А медицина...» включить следующее:

И, как всегда бывает, чем ниже спускается деятельность людская, чем больше она отдаляется от того, чем должна быть, тем больше растет ее самоуверенность. Тоже случилось и с наукой нашего времени. Все великое тихо, скромно, незаметно. Люди же науки нашего времени не только уверены в том, что они благодетели человечества, но и в том, что все науки прежних времен были односторонне направлены и все методы были ошибочны и что только наша наука и наш метод одни во всей истории мира — обладают непогрешимостью.

«Успехи науки нашего времени таковы, что тысячелетия не сделали того, что сделала наша наука в последнее столетие. В будущем же, идя по тому пути, по которому она идет, наука наша разрешит все вопросы и осчастливит все человечество. Наука, наша наука есть самая важная деятельность в мире. Посторонитесь все—наука идет, наша, самая последняя, единственная настоящая наука».

А между тем никакая наука ни в какое время и ни в каком народе не была так мало важна и нужна, как теперешняя. Одна часть этой науки нашего времени <занимается> посвящена оправданию существующего ложного порядка, другая же занята удовлетворением праздного любопытства, или техническими и врачебными усовершенствованиями, приложение которых при теперешнем устройстве общества приносит людям более вреда, чем пользы.

Лев Толстой.

16 Февр.

7 декабря 1897 г., в тот самый день, как в редакции «Северного Вестника» было получено предыдущее письмо Толстого, Л. Я. Гуревич писала Толстому: «Насколько велика была наша радость, бодрость при получении вашего обещания написать предисловие для нас, помочь нам, и потом при получении и чтении самого предисловия, настолько же велико теперь отчаяние... Я решилась напечатать объявление о первой книжке 1898 года с уверенностью в получении вашего предисловия. И все говорили и знали об этом в печати, и теперь в Петербурге знают, что пришло и самое произведение... Подумайте же, в каком я буду положении перед тысячами тысяч людей! Никто в мире не поймет, почему вы не захотели печатать уже написанной вещи, и все ожидания упадут на мою голову, потому что нельзя безнаказанно обещать и не дать вашей вещи... Да и как понять людям причину вашего отказа, если и мы его не понимаем. Статейка выражает то, что вы думаете о современной науке, и в связи с Карпентером выражает многое серьезное и важное. Ваше недовольство неполнотой своей работы никому не покажется убедительной причиной вашего отказа...» (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

Печатанье статьи Толстого в «Северном Вестнике» было решено лишь в феврале 1898 г. 12 февраля Софья Андреевна, как на другой день записала она в своем дневнике, «разрешила» Льву Николаевичу послать в «Северный Вестник» его предисловие к статье Карпентера. «Разрешила» она потому, что ей хотелось поместить эту статью в выпускаемый ею 15 том «Сочинений» Толстого («Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М., 1932, стр. 29).

Статья Толстого появилась в № 3 «Северного Вестника» за 1898 г., стр. 199—206.

Вставка в статью, которую Толстой посылает в этом письме, была напечатана в «Северном Вестнике» (стр. 204) не на указанном Толстым месте, а ранее и с некоторыми стилистическими исправлениями. Изменения были сделаны Толстым в корректуре.

11

1838 г. Февраля 17. Москва.

Дорогой Аким Львович,

Посылаю вам исправленную корректуру. То, что я послал вчера, включено здесь. Кое что еще изменено и прибавлено.

Пожалуйста прокоректируйте так, чтобы вследствии неясностей калиграфических или рассеянности не было бы бессмыслиц. Очень обяжете. Когда будет набрано и исправлено, пришлите мне оттиск хоть в гранках. Мне нужно для перевода за границу.

Ваш Л. Толстой.

Письмо говорит об отправке в «Северный Вестник» корректур предисловия к переводу статьи Карпентера «Современная наука». Датируется по связи с предыдущим письмом («То, что я послал вчера»...).

12

ТЕЛЕГРАММА.

1898 г. Февраля 18. Москва.

Подождите печатать посылаю дополненную корректуру.

Толстой.

Телеграмма говорит об отсылке в «Северный Вестник» исправленной корректуры предисловия к переводу статьи Карпентера «Современная наука».

ТЕЛЕГРАММА П. Н. ГЕ

1894 г. Июня 5. Я. П.

Не можем привыкнуть к нашему несчастью потеря огромная для всех особенно для тех которые как мы избалованы были его любовью. Как? отчего?

Толстые.

Адрес:
Нежин Ге.

На телеграфном бланке сделана пометка на станции Козловка: «Принята с аппарата 5/VI 1894 г.» Телеграмма говорит о смерти художника Николая Николаевича Ге и адресована его сыну Петру Николаевичу Ге.

Н. Н. Ге познакомился с Толстым в 1882 г. и целиком воспринял его религиозное мировоззрение. В своих картинах на евангельские темы Ге старался проводить религиозные идеи Толстого. Из его картин Толстому особенно нравились «Что есть истина?» и «Распятие». Телеграмму о внезапной смерти Ге Толстой получил 2 июня 1894 г., после чего записал в дневнике: «... ужасно жалко его. Это был прелестный гениальный старый ребенок».

Петр Николаевич Ге (1859—1918), сын Н. Н. Ге, был по образованию архитектор; в 1894 г. он служил в нежинском земстве. Впоследствии был мировым судьей в Петербурге и членом городской управы. В 1899—1901 гг. принимал близкое участие в марксистском журнале «Жизнь», где заведывал художественным отделом.

4 июня 1894 г. П. Н. Ге послал Толстому из Нежина большое письмо с описанием неожиданной смерти отца. Н. Н. Ге умер в ночь с 1 на 2 июня, только что приехав в свой хутор Плиски Черниговской губернии. Умер от паралича сердца; агония продолжалась всего несколько минут. Страдания его были очень велики. В конце своего большого письма П. Н. Ге писал Толстому: «Я написал вам все эти подробности потому, что я знаю, что хотя вам и больно будет, вы захотите знать, как именно умер ваш действительно искренний и лучший друг. Отец любил вас так, как я никогда не видел, чтоб кто-нибудь любил другого человека. Каждый день по многу раз он читал ваши сочинения и даже можно сказать, что он всякий разговор непременно сводил на вас» (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина). Телеграмма Толстых, очевидно, была отправлена еще де получения этого письма П. Н. Ге.

Толстой очень тяжело переживал смерть Н. Н. Ге. В дневнике 13 июня он записал: «Я никогда не думал, что так сильно любил его». Об этом же писал он и в целом ряде писем к разным лицам. И. И. Горбунову-Посадову он 12 июня писал, что не может «опомниться» от смерти «нашего друга» (Бирюков П. И., Биография Льва Николаевича Толстого, III, ГИЗ, 1923, стр. 235). Л. Ф. Анненковой он в тот же день писал, что он не помнит, чтобы «какая-нибудь смерть так сильно действовала» на него. («Письма Л. Н. Толстого. 1855—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1911, т. II, стр. 146—147).

В письме к В. В. Стасову от 14—15 (?) июня Толстой называет Ге «одним из великих художников, делающих эпоху в искусстве» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 128).

В Рукописном отделении Толстовского музея имеется написанный рукой Толстого черновик публикуемой телеграммы. Он отличается от посланного текста только тем, что начинается словами: «Не могу» — вместо «Не можем» — и подписью «Толстой» вместо «Толстые».

В ответ на письмо П. Н. Ге Толстой писал ему 13 июня: «Очень вам благодарен, Петр Николаевич, за ваше подробное письмо о последних днях и минутах моего милого друга. Едва ли когда испытывал такое больное чувство потери, как то, которое испытываю теперь. Не могу привыкнуть и по нескольку раз в день вспоминаю и первую минуту не верю, и всякий день вновь переживаю чувство утраты»... (Сухотина-Толстая Т. Л., Друзья и гости Ясной Поляны, изд. «Колос», М., 1923, стр. 79).

ПИСЬМА К Д. П. МАКОВИЦКОМУ

Душан Петрович Маковицкий (1866—1921), по происхождению словак, родился в богатой купеческой семье в гор. Жилине в Венгрии. Окончив медицинский факультет Пражского университета, Маковицкий поселился в родном городе и в качестве врача обслуживал местное население.

Первое письмо Толстому Маковицкий вместе со своим другом А. Шкарваном написал в 1890 г.; письмо это не сохранилось. В письме этом (содержание его известно из письма Толстого к Б. Г. Черткову от 31 декабря 1890 г.). Маковицкий и Шкарван просили Толстого прислать им копию его ненапечатанного тогда труда «Соединение и перевод четырех евангелий». В Ясную Поляну Маковицкий впервые приехал 22 августа 1894 г. В этот день Толстой записал в дневнике: «Утром приехал очень интересный доктор славянин. Много интересного рассказывал о том зловредном влиянии, которое производит патриотизм в маленьких народностях Австрии». Вторично Маковицкий посетил Толстого 28—29 ноября 1897 г. В этот день Толстой пишет в дневнике: «Нынче утром приехал Маковицкий, милый, кроткий, чистый. Много радостного рассказал про друзей». 2 декабря того же года Толстой опять записывает: «Главное, за это время был Душан, которого я очень, еще больше полюбил». В третий раз Маковицкий посетил Толстого в Крыму 15—16 декабря 1901 г. и в четвертый раз пробыл в Ясной Поляне восемь дней — с 26 октября по 2 ноября 1904 г. В этот последний приезд Маковицкий получил от С. А. Толстой предложение поселиться в Ясной Поляне в качестве домашнего врача. Маковицкий с радостью принял это предложение и оставался в Ясной Поляне до дня ухода Толстого, оказывая в то же время врачебную помощь местным крестьянам. Задумав покинуть Ясную Поляну, Толстой взял с собой Д. П. Маковицкого, который и сопровождал его в его поездках в Оптину пустынь и Шамордино и оставался с ним до его последнего вздоха в Астапове.

По смерти Толстого Маковицкий жил в усадьбе А. Л. Толстой Телятинки и в Ясной Поляне, продолжая оказывать врачебную помощь местному населению. В 1919 г. Маковицкий вернулся на родину и там, на почве ранее им перенесенных, истощивших его силы мучительных болезней и тяжелых личных переживаний, покончил с собой.

Д. П. Маковицкий из всех друзей Толстого выделялся необыкновенной к нему преданностью. Он с благоговением внимал каждому слову своего учителя и незаметно для других все слышанное им записывал кратко карандашом на кусках плотной бумаги, всегда находившихся у него в правом кармане пиджака. В 11—12 часов ночи, когда все расходились спать, Маковицкий садился за расшифрование ему одному понятных записей и просиживал за этим занятием до 2—3 часов ночи.

Таким путем составились его обширнейшие «Яснополянские записки», обнимающие период времени с конца 1904 до октября 1910 г. и являющиеся важнейшим источником для изучения жизни и творчества Толстого этих лет. Лишь очень незначительная часть «Яснополянских записок» опубликована в виде двух небольших выпусков, изданных книгоиздательством «Задруга» в 1922—

1923 г., и в «Голосе Минувшего», 1923 г., № 3. Кроме того, Н. Н. Гусевым в юбилейном сборнике «Лев Николаевич Толстой» (ГИЗ, 1929) напечатаны извлеченные им из черновых бумаг Д. П. Маковицкого заметки, озаглавленные редактором «Толстой в жизни». Заметки эти поражают тонкостью и верностью психологических наблюдений над Толстым и окружавшими его лицами.

Переписка Толстого с Маковицким была невелика: насчитывается всего десять писем к нему Толстого, относящихся к 1894—1900 гг. Все письма Толстого к Маковицкому хранятся в Чехословакии в Пражском национальном музее; Литературный музей имеет фотокопии с этих писем. Отрывки из писем, помещенных нами под №№ 2—5, были напечатаны П. А. Сергеенко в «Письмах Л. Н. Толстого», изд. «Книга», М., 1911, т. II, стр. 159—160, 163—164. Последнее письмо Толстого, от 11 июня 1900 г., напечатано в 72 т. «Полного собрания сочинений» Толстого, вышедшем Гихлом. Для полноты серии писем Толстого перепечатываем и это письмо.

1

1894 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Душан Петрович,

Что вы не откликнетесь? Хорошо ли вы доехали домой, и прошел ли болеть ваш палец?[1] Я очень рад был тому, что вы были в Костроме и сблизились с нашими друзьями[2]. По их отзывам я вижу, что вы близко сошлись с ними, и сошлись на том, что одно прочно соединяет людей, на исповедании одной истины и служении одному делу. Кроме желания вызвать вас на ответ и получить от вас известия о вас, пишу вам еще для того, чтобы спросить вас о том, что вы знаете о Eugen Heinrich Schmitt[3] в Будапеште, Festung Herrengasse 58. Он принадлежит к союзу Religion des Geistes * и писал в их журнале очень хорошие статьи. Я в переписке с ним. Если вы ничего не знаете про этот кружок людей, то при случае узнайте пожалуйста и сообщите мне. Мне его статьи и письма очень сочувственны. Жду от вас тоже сведения более подробные про Назаренов[4], и не лично я жду этих сведений, а жду статьи об этом, из которой большая публика могла бы узнать про них[5]. От всей души желаю вам все большего и большего движения на том пути сознания и исполнения истины, на кот[орый] вы вступили, и все большей и большей радости, кот[орую] дает это движение. Я живу также, как вы меня видели. Продолжаю свою работу[6], и работаю с радостью и надеждой на то, что работа эта пригодится людям. Семейные мои вам кланяются. Любящий вас

Л. Толстой.

5 Октября 1894.

Это — первое письмо Толстого Маковицкому, написанное после посещения Маковицким Ясной Поляны 22 августа 1904 г. Толстой первый написал Маковицкому.

[1] Из Ясной Поляны Маковицкий проехал в Кострому на хутор П. И. Бирюкова. Здесь он пробовал жать, но в первый же день сильно порезал себе палец.

[2] Кроме Бирюкова Маковицкий на его хуторе познакомился с Е. И. Поповым.

[3] Эжен Генрих Шмит (1845—1916) — немецко-мадьярский писатель, близкий к общественно-политическим взглядам Толстого.

[4] Секта назарен распространена в Венгрии, Хорватии, Югославии, Болгарии, Швейцарии и Соединенных штатах. Назарены отрицают власть, государство, суд, отказываются от присяги и военной службы. См. Ольховский В. (В. Д. Бонч-Бруевич), Назарены в Венгрии и Сербии, изд. «Посредник», М., 1905; перепечатано в книге: Бонч-Бруевич Вл., Из мира сектантов, ГИЗ, М., 1922, стр. 247—312; Трегубов И. М., Назарены, изд. Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого, М., 1920.

[5] Статья о назаренах была написана Маковицким в 1896 г. См. письмо № 6.

* [«Религия духа»]

[6] Толстой работал тогда над кратким систематическим изложением своего религиозного мировоззрения. Из этой работы впоследствии сложилось его сочинение «Христианское учение».

2

1895 г. Февраля 10. Я. П.

Получил вчера ваше письмо, дорогой Душан Петрович, и очень был тронут и поражен сообщаемым вами известием о поступке нашего общего друга Шкарвана. Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смешанное чувство страха, торжества, сострадания и радости. Во всех такого рода делах непременно одно из двух: или это есть проявление всемогущего бога в человеке, и тогда это торжество и радость и несомненная победа, хотя бы и сгорел тот человек, в кот[ором] проявился бог; или дело человеческого, личного побуждения — славолюбия, раздражения, страсти, и тогда это проявление только служит источником страдания для того, кто проявляет его, и не только не служит, но только вредит делу божьему. Признак же того, что это дело божье, а не человеческое, есть то, что, совершая его, человек делает не то, что ему хочется, а то, чего он **не может не делать**. Надеюсь и верю, что наш дорогой Шкарван поступил так, как он поступил, п[отому], ч[то] не мог поступить иначе, и тогда это дело божие творится через него, и что бы с ним не делали, он не будет страдать, а будет радоваться вместе с нами. —

Пишите пожалуйста о нем все, что знаете. Не можем ли мы чем служить ему? Передайте ему мою любовь.

Обе брошюры получил. Брошюра обо мне[1] не хороша. Автор приписывает ложное значение художеству, ставит его выше всего и потому совершенно не понимает того, в чем состоит религия вообще и христианство в частности. Также поразила меня брошюра о Назаренах[2]. Видно, среди вашего духовенства та же ужасная недобросовестность и выставление человеческих государственных интересов впереди божеских. Поразителен страх духовенства перед истиной, часть кот[орой] проявилась в учении Назаренов, и сознание своего бессилия. — Гнать нельзя — совестно, надо быть либеральным, а толкование учения только обличает правду Назар[енов] и ложь церквей. Что же делать? Надо вилять. Они это и делают, стараясь хоть на время, на свою жизнь отстоять свое положение. Благодарю вас за письмо и присылку. Пожалуйста пишите.

Любящий вас Лев Толстой.

10/22 Февраля 1894[3].

Учение же Назаренов я понял еще яснее, чем прежде, и продолжаю считать это явление очень важным и считать то, что общение с ними интеллигентов будет иметь огромное значение.

Толстой отвечает на письмо к нему Д. П. Маковицкого от 16 февраля (нов. ст.) 1895 г. с описанием отказа от военной службы его друга военного врача Альберта Шкарвана (см. стр. 192).

[1] По просьбе автора Маковицкий послал Толстому статью Светозара Гурбан-Ваянского «Лев Толстой, как художник и мудрец» — оттиск из «Славянского обозрения», 1892, кн. II и IV.

[2] Маковицкий прислал Толстому статью венгерского протестантского пастора L. S. Zzeberengi — «Die Secte der Nazarener in Ungarn» («Секта назарен в Венгрии»).

3. Описка Толстого: нужно — 1895 г.

3

1895 г. Сентября 11. Я. П.

Дорогой Душан Петрович,

Знаю про вас по письмам вашим к Евг[ению] Ив[ановичу] [1] и жалею, что не имею известий прямо от вас. Мы все вас любим и рады знать про вас.

Не унывайте о том, что жизнь ваша не такая, какою бы вы желали ее видеть. Это участь всех тех, кто стремится к христианскому совершенству. Страшно не то, чтобы не достигнуть того, чего для себя, для своей души хочешь, а страшно то, чтобы, не достигнув этого, перестать хотеть этого.

Что дорогой Шкарван?[2] Видите ли вы его, или друзья, мать его? В каком он состоянии духа? Страшно трудно ему, если он не вполне отдался жизни духа. Трудно ему и потому, что он молод и силен, и п[отому], ч[то] он врач, всю свою молодость обращавший внимание свое на тело. Пожалуйста известите меня о нем все, что знаете. То, что газеты писали о нем, мне известно [3]. Сначала больно бывает, когда слышишь клевету на лучших людей, думаешь, что клевета помешает успеху дела божия, что люди скорее бы почувствовали свои заблуждения, если бы они верили в чистоту и безупречность тех людей, к[оторые], как Шкарван, указывают им путь, но, подумавши, утешаешься тем, это это мое мнение, что для дела божия нужна добрая слава его служителей. Может быть нужна не добрая, а дурная слава. Христос умер оклеветанным и неизвестным. Я бы желал сказать это Шкарвану; желал бы, чтобы в перенесении страданий его не поддерживала слава людская, чтобы он подломил эти искусственные подмостки с тем, чтобы опереться на незыблемую основу сознания жизни в духе и боге. —

Что он делает в тюрьме? Как его содержат? Читает ли? Работает ли? Желал бы я сказать ему тоже, чтобы он в тюрьме устроил себе сколько возможно правильный и здоровый образ жизни с сменой умственного и физического труда: учился бы умственно языку, кот[орого] не знает, и физически какому-нибудь ремеслу. Не можем ли мы, его друзья, нас хоть не много, но мы хорошо любим его, хотели бы чем нибудь служить ему, нельзя ли чем нибудь? Напишите.

Если можно, пошлите пожалуйста Шмиту в Будапешт мое предисловие к Дрожжи[ну] [4]. Я ему предлагаю перевести и напечатать в его журнале.

Прощайте, целую вас. Братски любящий вас

Л. Толстой.

11 Сент. 95.

Приписка П. И. Бирюкова:

Дорогой Душан Петрович, очень рад случаю приписать вам. Я только что вернулся с Кавказа и привез с собой описания насилий над духоборцами [5]. Скоро пришлю вам. Целую вас. Пишите мне в Кострому.

П. Бирюков.

Приписка С. Н. Толстой, жены Ил. Льв. Толстого:

Многоуважаемый Душан Петрович, давно не имела сношений с вами, и мне это грустно, я часто с благодарностью за ваши письма и книги думаю о вас. Читаю записки Бирюкова [6], и впечатление получается бодрящее; эти христиане учат таких фарисеев, как себя считаешь, жить с верой в осуществление веры христовой; пока искренно вам желаю здоровья и всего хорошего.

Уважающая вас С. Толстая.

Приписка Т. Л. Толстой:

Очень перед вами виновата, Душан Петрович, за то, что не ответила вам на ваше письмо, написанное весной, но я тогда знала, что вам написала Мар[ья] Василь[евна] [7]. Тем не менее я очень часто вспоминаю вас и думаю о вас и вашем друге Шкарване. Прощайте, желаю вам всего хорошего.

Т. Толстая.

[1] Евгений Иванович Попов (р. 1864 г.)—единомышленник Толстого, педагог, переводчик и автор книг для детей по математике и естествознанию.

[2] А. Шкарван в то время отбывал четырехмесячное тюремное заключение в гор. Кашау в Австро-Венгрии.

[3] 18 сентября 1895 г. Маковицкий писал Толстому: «О поступке Шкарвана писали все мадьярские газеты, много чешских, немецких и т. д.; мадьярские писали много сочувственного, но, не понимая вполне, писали вроде: что человечество перешагнет через нравственный труп Шкарвана, что его жертва бесполезна и т. д.; немецкие—только перепечатывали из мадьярских и занимались этим делом меньше и суше. Чешские писали одобрительно и с полным понятием долга поступка, причем часть из них была конфискована. Даже одна клерикальная чешская газета «Hlas», выходящая в Вене, написала передовую статью про поступок Шкарвана, не отвергая его христианского значения, а просто написала, что случилось, и удивлялась мужеству Шкарвана».

[4] Толстой говорит о своем предисловии к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина», законченном им 4 марта 1895 г. (Евдоким Никитич Дрожжин — народный учитель, в 1891 г. отказавшийся от военной службы и в 1893 г. умерший в тюрьме). Книга Е. И. Попова появилась впервые в издании Фридриха Готгейнера, Берлин, 1895; здесь же было напечатано и предисловие Толстого.

[5] П. И. Бирюков уехал на Кавказ к духоборам 4 августа 1895 г., вернулся 8 сентября.

[6] См. прим. 3 к следующему письму.

[7] Марья Васильевна Сяськова, сотрудница книгоиздательства «Посредник».

4

1895 г. Сентября 29. Я. П.

Получил ваши оба письма, дорогой Душан Петрович, и очень, очень вас благодарю за те сведения, кот[орые] вы мне сообщаете в них. Радуюсь очень тому душевному состоянию, в кот[ором] находится Шкарван, и той надежде, кот[орую] вы даете, что его скоро освободят. —

Деньгами я не могу располагать, но собрать эти деньги я могу, но думаю, что лучше бы было не быть вынужденным просить о них.

Очень благодарю вас за то, что послали Шмиту предисловие [1]. Теперь еще к вам просьба. Пав[ел] Ив[анович] [2] ездил на Кавказ к Духоборам, чтобы узнать верные подробности о претерпенных ими гонениях, и составил об этом статью. Я написал к этой статье послесловие и маленькое письмо, при кот[ором] посылаю эту статью в газеты [3]. В Англию я уж послал и то и другое [4]. Нынче посылаю это Шмиту, прося его перевести и напечатать в газетах и в своем издании. Я пишу ему между прочим, что если ему это затруднительно, то чтобы он обратился к вам, и что вы вероятно не откажетесь помочь ему в этом деле. Желание мое главное то, чтобы дело это получило как можно большее распространение.

Целую вас. Любящий вас

Лев Толстой.

Масарику [5], если увидите, скажите ему, что я его очень помню и люблю и что Ruskin'a Unto this Last [6] и мн[огие] др[угие] вещи я знаю 10 лет и перевел по русски [7], и Kidd'a Social Evolution [8] читал нынче летом с интересом.

Письмо без даты; датируется на основании записи в дневнике Толстого от 29 сентября 1895 г.: «Нынче только написал письмо Маковицкому и Шмиту».

Толстой отвечает на два письма Маковицкого: от 28 сентября и 2 октября (нов. ст.) 1895 г. В первом письме Маковицкий писал, что Альберт Шкарван все еще находится в заключении, отбывая последний месяц. «Я с ним виделся,—писал Маковицкий.—Хорошо выглядит. Он спокоен, и легко ему. Говорит, что ему там не хуже, чем на свободе—люди есть везде, а что в одном отношении даже лучше: он не имеет призрения совести, что он дармоед, как он это чувствовал прежде, будучи на свободе». Во втором письме Маковицкий вновь писал о Шкарване: «Газеты продолжают хоть редко про него писать. Вчера узнал, что будет интерпелляция в сейме о том, как мог военный суд лишить его диплома?» Просил оказать Шкарвану некоторую денежную помощь ввиду тяготивших его долгов.

[1] См. прим. 4 к предыдущему письму.

[2] П. И. Бирюков.

[3] Статья П. И. Бирюкова называлась: «Гонение на христиан в России в 1895 году». Статья с предисловием и послесловием Толстого появилась в издании М. Элпидина в Женеве в 1896 г.

[4] В английском переводе статья Бирюкова с предисловием Толстого появилась 11(23) октября 1895 г. в газете «Times».

[5] Фома Осипович Масарик (1850—1937) — профессор философии в Пражском университете, автор сочинений по философии и социальным вопросам. С 1920 г. по 1936 г. — президент Чехословацкой республики. В первый раз виделся с Толстым в Москве 19 апреля 1887 г., затем был в Ясной Поляне 28—30 апреля того же года, после чего Толстой писал Н. Н. Страхову 20 мая: «Очень благодарю вас за Масарика. Он был и в Ясной, и я очень полюбил его» («Толстой и о Толстом», 2, изд. Толстовского музея, М., 1926, стр. 52). В третий раз был у Толстого 29—30 марта 1910 г.

[6] Книга Джона Рескина «Unto this Last» была переведена на русский язык Л. П. Никифоровым и издана «Посредником» в 1910 г. под названием «Последнему, что и первому».

[7] Переводы Толстого из Рескина неизвестны.

[8] См. прим. 3 к письму А. Л. Флекснеру (Волынскому) от 28? января 1896 г., стр. 168.

5

1895 г. Октября 24—25? Я. П.

Дорогой Душан Петрович,

Получил ваше письмо и книгу[1], за которую очень благодарю. Очень был рад доброй вести о Шкарване. Я получил от него письмо[2], кот[орое] доставило мне одну из лучших радостей жизни. Ничто так очевидно и несомненно не убеждает в том, что есть бог, и что дух, живущий во мне, есть частица его, что я есмь сын божий, по выражению Христа, как то, что этот дух, точно такой же во всех своих свойствах и стремлениях, проявляется в другом человеке, по материяльным условиям совершенно чуждом мне. Письмо Шкарвана произвело на меня это впечатление. Я хочу нынче же написать ему. Если же не успею[3], то передайте ему мою любовь.

Любящий вас

Лев Толстой.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля отправления на конверте: «Почтовый вагон 25 окт. 1895 г.» Письмо Маковицкого, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Маковицкий послал Толстому немецкий перевод книги Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина».

[2] Шкарван 11 октября сообщал Толстому, что он был выпущен из тюрьмы 3 октября.

[3] Толстой писал Шкарвану 14 ноября 1895 г. Письмо опубликовано в книге: «Письма Л. Н. Толстого. 1855—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1911, т. II, стр. 165—168.

6

1896 г. Февраля 22. Москва.

Дорогой Душан Петрович,

Давно уж получил вашу статью о Назаренах. Она уж переписана и исправлена — заменены русскими нашими выражениями ваши неупотребительные у нас — и мы попытаемся напечатать ее [1]. Статья очень хорошая. Ее несколько раз читали вслух, и она всякий раз производит на слушателей сильное и хорошее впечатление. Между Назаренами должно происходить то же, что происходит среди наших молокан, духобор и др., а именно то, что старые люди, дошедшие с большим трудом до своих убеждений, хотят отстаивать их во всей целости и не хотят сдвинуться с них ни вперед, ни назад, но молодые поколения, выросшие в этих убеждениях, хотят движения, п[отому] ч[то] только в движении, все в большем и большем приближении к истине и все большем и большем исполнении ее — жизнь. И потому молодым поколениям надо помогать, указывая им путь вперед. Если же не показать им этого пути или сами не найдут его, то они обыкновенно идут назад, т. е. присоединяются к существующей признанной вере, т. е., собственно, отрекаются от всякой веры только для того, чтобы иметь спокойствие. Шмит прислал мне последний № своего журнала, и там статья «Ohne Staat» мне очень понравилась [2]. Что такое Шмит, его журнал? Кто ему близкие люди? Как смотрят на него у вас? Теперь главное: что Шкарван? Где он? Что он делает? Каково его душевное состояние? Пожалуйста напишите мне все про него. Его записки очень важны [3]. Мы их даем читать с большой пользой для людей.

Прощайте пока, целую вас, напишите мне поподробнее про себя.

Любящий вас Л. Толстой.

22 Фев. 1896.

Толстой отвечает на письмо Маковицкого от 31 января 1896 г., при котором Маковицкий посылал свою статью о назаренах.

[1] Выдержки из статьи Маковицкого о назаренах были напечатаны в издававшихся в Англии В. Г. Чертковым Листках «Свободного Слова», 1898, № 1, стр. 38—44, под заглавием «Случаи отказов от исполнения военной службы в секте назаренов в Венгрии».

[2] Статья Эжена Шмита «Ohne Staat» («Без государства») была напечатана в № 1 за 1896 г. издававшегося им журнала «Religion des Geistes» («Религия духа»). В этой статье Шмит излагал мысли, близкие религиозно-анархическому мировоззрению Толстого.

[3] А. Шкарван, находившийся в то время уже на свободе, писал воспоминания о своем отказе от военной службы и по частям пересылал их Черткову для издания. В своем дневнике Толстой 28 мая 1896 г. записал: «Чудесные записки Шкарвана».

7

1896 г. Марта 12. Москва.

Получил ваше длинное и хорошее письмо, дорогой Душан Петрович, и очень благодарю за все сведения, кот[орые] вы в нем сообщаете мне. — Передайте мой привет Шкарвану.

Любящий вас Л. Толстой.

12 Марта 1896.

Письмо Маковицкого, на которое отвечает Толстой, в архиве Толстого не сохранилось.

8

1896 г. Октября 19. Я. П.

Спасибо вам, дорогой Душан Петрович, за ваши интересные письма[1]. Нынче получил ваше письмо к Тане[2]. Брошюры ваши французские получил[3] и очень благодарю, а Словенск[ого] Посредника[4] еще не получал. Бумаги Ив[ана] Ив[ановича][5] тоже получил. Самое интересное и важное это то, что вы пишете о Назаренах. Очень интересно будет знать, какое впечатление произведет на них ваша книга[6], и что они напишут вам о ней. Роман Сербского писателя о Назаренах[7] очень хорошо бы было перевести и издать, но пропустит ли цензура? Присылать же, я думаю, не зачем, п[отому], ч[то] никто у нас не знает по Сербски. Знает ли Шкарван? Поездка Ив[ана] Ив[ановича] и его рассказы про вас и наших друзей вообще и ваши письма живо представили мне ваш край и близких в нем мне людей и вызвали радостное сознание близости с вами и с ними.

Статейку: Приближение конца[8] я одновременно с посылкой Шмиту послал Кенворти[9] и во Францию. Знает ли это Шмит? Я всегда так делаю и надеюсь, что издатель не обидится, если статья выйдет раньше или одновременно на другом языке. Я еще послал через Шкарвана Шмиту несколько слов на тему несовместимости христианства и государств[енной] службы[10] и письмо к либералам, в кот[ором] разбирается этот самый вопрос.

Спасибо вам, что пишете. Дай бог вам всего хорошего и побольше твердости — мне кажется, что этого в вас недостает. Хотя недостаток твердости всегда выкупается многосторонностью и мягкостью.

Прощайте пока, братски целую вас.

Л. Толстой.

19 Окт. 1896.

[1] Писем Маковицкого, на которые отвечает Толстой, в архиве Толстого не сохранилось.

[2] В письме от 5 октября 1896 г., адресованном на имя Т. Л. Толстой, но обращенном к Льву Николаевичу, Маковицкий писал об Э. Шмите, об издании в чешском переводе книги Толстого «Царство божие внутри вас» и о влиянии этой книги в Чехии, об отказе десяти назаренов, числившихся в запасе, от военной службы, об изданиях «Словенского Посредника», об отлучении от церкви польского писателя Стояловского, о новейших исследованиях текстов евангелий.

[3] Какие французские брошюры посылал Толстому Маковицкий—неизвестно.

[4] Маковицкий у себя на родине стоял во главе небольшого издательства, соответствовавшего по направлению московскому книгоиздательству «Посредник».

[5] Редактор книгоиздательства «Посредник» Иван Иванович Горбунов-Посадов (р. 1864 г.) в середине июня 1896 г. ездил за границу, побывал в Австрии и заезжал к Маковицкому в гор. Жилину. Какие именно «бумаги» И. И. Горбунова-Посадова пересылал Толстому Маковицкий, сказать не можем.

[6] Статья Маковицкого была издана отдельной брошюрой под названием: «Nazarénové v Uhrach», Praha, 1896.

[7] Этот роман нам неизвестен.

[8] См. прим. 1 к письму к Ш. Саломону от 19 октября 1896 г., стр. 159.

[9] О Джоне Кенворти см. прим. 2 к письму Толстого к А. Шкарвану от 1 ноября 1896 г., стр. 193.

[10] См. прим. 5 к письму Ш. Саломону от 30 октября 1896 г., стр. 160.

9

1897 г. Декабря 17. Москва.

Дорогой друг Душан,

Благодарю вас за вашу присылку и письмо и, главное, благодарю вас за вас, за то, что вы такой, какой вы есть, во всех людях вызывающий уважение и любовь.

Я кончил Об Искусстве, отдал в журнал Вопр[осы] Фил[ософии] и согласился на печатание раздельно. Грот оказался душевно больной человек, с которым нельзя считаться, а кот[орого] можно только жалеть [1].

Надеюсь, что печатание здесь не помешает англ[ийскому] изданию. Я писал и телеграфировал им, но не получил еще ответа [2].

Что касается до предисловия к Карпентеру, то оно было для меня причиной больших неприятностей. И вы были невольной причиной их. Жена страдает какой-то странной ненавистью, ревностью к Гуревич. Это началось со времени напечатания там Хоз[яина] и Раб[отника]. Я думал, что это прошло, и никак не думал, чтобы предисловие произвело такое действие, и намеревался сам сказать ей об этом. Вышло же то, что это известие, полученное от вас, произвело на нее ужасное действие, так что пришлось пережить много тяжелого и взять назад статью из Сев[ерного] Вес[тника] и вовсе не печатать предисловие [3]. Почему его вам и не посылаю.

Пишите мне пожалуйста о себе, своей жизни, своих трудах, своих друзьях и между прочим о Шмите.

Братски целую вас.

Л. Толстой.

17 Дек.

Пожалуйста о том, что я пишу вам о жене, не отвечайте мне, т[ак] к[ак] письма мои она читает, и всякое воспоминание об этом ей мучительно.

Письмо написано после посещения Толстого Маковицким в Ясной Поляне 28—29 ноября 1897 г.

Письмо Маковицкого, на которое отвечает Толстой, в архиве Толстого не сохранилось.

[1] В своих письмах от 21, 26 и 27 ноября и 4 декабря 1897 г. (хранятся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина) редактор журнала «Вопросы философии и психологии», профессор философии Николай Яковлевич Грот (1852—1899), знакомый Толстого с 1885 г., в резком и раздраженном тоне требовал печатания трактата «Что такое искусство?» не в одной, а в двух книжках журнала, так как, по его мнению, все главы, начиная с четвертой, требовали серьезного корректурного просмотра. Это и значат слова Толстого в письме к Маковицкому: «согласился на печатание раздельно».

[2] В Англии трактат Толстого переводил Э. Моод. Толстой писал ему 16 декабря о сроках выхода в свет книжек «Вопросы философии и психологии» и распределении в них глав трактата. Письмо не опубликовано; фотокопия хранится в Рукописном отделении Толстовского музея.

[3] См. комментарий к письму Толстого к А. Л. Флексеру от 5 декабря 1897 г. Толстой забыл, что он уже ранее — 24 октября 1897 г. — писал жене о своем намерении напечатать статью в «Северном Вестнике». С. А. Толстая тогда почему-то не обратила внимания на это место его письма, и таким образом, получилось, что она будто бы от Маковицкого впервые узнала о печатании статьи Толстого в этом журнале.

10

1900 г. Июня 11. Я. П.

Дорогой Душан Петрович,

Очень, очень давно не имел с вами прямого общения и давно даже не знаю ничего про вас. Напишите мне словечко. Как вы живете? Что делаете? Как служите себе, людям и богу и кому больше? Разумеется, желаю, чтобы больше всего богу, а меньше всего себе. Зная вас, думаю, что так и есть. Письмо это вам передаст очень молодой человек Victor Lebrun [1], выросший в России и очень серьезно и ясно принявший христианское учение и желающий жить и действовать по нем. Обстоятельства привели его к жизни в Австрии с своей

нежно любящий его вдовой матерью [2]. Я даю ему это письмо вам с мыслью, что вы поможете ему в выборе и направлении деятельности, а то и просто советом и любовным общением [3].

Братски целую вас.

Любящий вас

Лев Толстой.

11 Июня 1900 г.

[1] Виктор Анатольевич Лебрен (р. 1882 г.)—единомышленник Толстого, француз, сын инженера путей сообщения. Много лет прожил на Черноморском побережье, занимаясь земледельческим трудом. Летом 1906 г. несколько месяцев прожил в Ясной Поляне, помогая Толстому в его работах. Автор книги: «Толстой—воспоминания и думы», изд. «Посредник», М., 1914.

[2] Луиза Лебрен.

[3] Лебрен пробыл в Австрии у Маковицкого четыре дня, но на постоянное жительство в Австрии не остался.

ПИСЬМО К Н. Т. ИЗЮМЧЕНКО

Николай Трофимович Изюмченко (1867—1927) происходил из крестьян села Обуховки, Курской губернии. В 1889 г. он был призван на военную службу и зачислен в писаря. Отбывая службу в Курске, Изюмченко образовал среди солдат революционный кружок. Осенью 1891 г. за революционную пропаганду он отсидел пять месяцев на военной гауптвахте. Здесь ему попались сочинения Толстого, и он усвоил его взгляды. По выходе из гауптвахты был переведен из писарей в строевую роту и решил уйти с военной службы. Вскоре за неисполнение приказания ротного командира — не читать книг — Изюмченко был приговорен судом к пятидесяти ударам розг. Тогда он сложил бывшие у него казенные вещи в ящик, приложил к ним записку с просьбой его не искать и отправился пешком за двести верст к своему другу, народному учителю Евдокиму Никитичу Дрожжину. Здесь он прожил две недели и познакомился с Д. А. Хилковым.

Дрожжин и Хилков убедили Изюмченко, что «борцу нехорошо бежать с поля сражения»; он вернулся в полк и отказался от службы.

Пятнадцать месяцев Изюмченко просидел в секретной камере гауптвахты; затем по приговору военного суда был отправлен на два года в воронежский дисциплинарный батальон.

В декабре 1894 г., отбыв срок заключения в батальоне, Изюмченко был отправлен на три года в Сибирь. По прошествии трех лет ссылка была ему продлена еще на пять лет. Он был освобожден лишь в 1903 г., после чего навсегда остался в Сибири, занявшись кооперативной работой.

Записки Н. Т. Изюмченко «В дисциплинарном батальоне» были изданы В. Г Чертковым в издании «Свободного Слова» в Англии в 1905 г.

Публикуемое письмо написано Толстым Изюмченко в московскую Бутырскую пересыльную тюрьму. Изюмченко был привезен сюда из воронежского дисциплинарного батальона в конце 1894 г., закованный в ручные кандалы. Здесь вместе с другими политическими он ожидал отправки этапным порядком в Сибирь; отправка эта производилась весной, по вскрытии рек. Около 27 марта 1895 г. Толстой вместе со своей женой, которая тогда, потеряв любимого младшего сына Ваничку, очень тосковала, посетил Изюмченко, после чего 27 марта записал в дневнике: «За это время был в тюрьме у Изюмченко. Изюмченко очень прост и бодр».

1895 г. Февраля 19. Москва.

Дорогой друг Николай.

Я прочел ваше последнее письмо к Е[вгению] И[вановичу][1], в котором вы пишете, как дороги заключенным всякие вести, приходящие с воли, и я живо почувствовал это, и мне стало совестно, что я давно уже не писал вам. А писать мне хочется не только потому, что вам приятны м[ожет] б[ыть] мои письма, но и потому, что хочется сказать вам, как я вас помню и люблю и как, думая о вас, испыты-

ваю смешанное чувство жалости и страха — и радости и торжества. И люди думают, что, засадив вас за решотку и стены, они отделили вас от других людей, а напротив, они этим самым только теснее соединили вас с самыми близкими вам людьми.

Еще поразило меня в вашем письме то, что между вами, сидящими вместе заключенными, страдающими от одной и той же власти, нет единения, а напротив разногласие: одни хотят обращать вас в католицизм, другие в революционерство (как я понял), а казалось бы, как легко и естественно было бы всем быть согласными. Все не могут не признавать того, что все произошли и находятся в зависимости от одного и того же начала, которое Христос называет отцом, и что смысл нашей жизни в том, чтобы исполнять его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дело, для которого она дана нам. Дело же это, мы все несомненно знаем, состоит в том, чтобы с каждым днем и часом этой жизни становиться самому добрее, т. е. самоотверженнее, любовнее, и участвовать в том, чтобы сделать этот мир лучше хоть на крупинку, чем он был, когда мы вступили в жизнь. Самим сделаться лучше и мир сделать лучше; в том, что в этом задача нашей жизни — в этом, я думаю, все согласны. Все же другое, если в этом согласиться, можно уступить или, по крайней мере, просить позволения не высказывать никакого мнения ни о троице, ни о революции, ни о папе, ни о Марксе и т. п. Я, мол, от вас не требую никакой веры ни во что, кроме как в то, что нам надо стараться делаться лучше и мир делать лучше, и вы тоже не требуйте от меня веры в разные ваши кумиры.

Из письма вашего узнал тоже, что вы едите мясо. Очень советую вам для вашего здоровья в тюрьме без движения не есть мясного. Я знал одного Декабриста, который во время заключения отказался от мяса и вышел 70 лет поразительно свежим и здоровым [2].

Главное же, советую, если это не трудно в вашем положении, сделать это потому, что нравственно это должно. Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой.

Письмо печатается по копии, полученной Литературным музеем от Музея тобольского севера. Оригинал письма, вероятно, был отобран при обыске у Н. Т. Изюмченко в тюрьме. Отрывок письма был опубликован М. К. Колотиловым в статье «Л. Н. Толстой и духоборы», напечатанной в «Бюллетене общества изучения края при Музее тобольского севера», 1928, № 3/4.

[1] Евгений Иванович Попов.

[2] Во время своей работы над романом из эпохи декабристов в 1878—1879 гг. Толстой познакомился с декабристами П. Н. Свистуновым, А. П. Беляевым, Д. И. Завалишиным и М. И. Муравьевым-Апостолом. Еще раньше, во время своего второго заграничного путешествия, Толстой во Флоренции в 1861 г. познакомился с декабристом кн. С. Г. Волконским. Однако, ни к одному из перечисленных лиц упоминание Толстого относиться не может. Толстой мог иметь в виду лишь декабриста Гавриила Степановича Батенькова, который, будучи приговорен к двадцати годам каторги, не был отправлен в Сибирь, а заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и просидел двадцать лет. Питался он в крепости растительной пищей. Слова Толстого: «Я знал одного декабриста» — вряд ли можно понимать в смысле его личного знакомства с Батеньковым: нет никаких сведений, указывающих на это знакомство. Повидимому, слова «я знал» нужно понимать в смысле: знал по рассказам или по литературе.

ПИСЬМА К А. И. ЧИЧАГОВОЙ

1

1895 г. Марта 23. Москва.

Алина Иосафатовна, я все ждал посланного от вас, чтобы ответить вам. Рассказ ваш не п л о х, как вы пишете, но и не отличается ничем от большого числа таких же рассказов и не дает ничего нового. Способность изображать положения и чувства у вас есть — есть и натуральность, и потому, я думаю, что если бы вы <захотели потрудиться над> прежде всего имели бы что либо новое высказать и потрудились бы упорно над тем, чтобы высказать это наилучшим образом, вы бы могли писать. Рассчитывать же на заработок посредством литературного труда я никому не советую. Это очень тонкий и опасный для души соблазн. А душа дороже всего

Лев Толстой.

23 Марта 1895.

Адресат письма, Алина Иосафатовна Чичагова (1848—1914), рожд. Велямович, окончила институт в г. Белостоке, в 70-х годах была слушательницей Высших женских курсов В. И. Герье в Москве; с 1877 г. была замужем за архитектором и художником Д. Н. Чичаговым, который имел большую архитектурную практику и был в 1893—1894 гг. председателем Московского архитектурного общества.

Овдовев в июне 1894 г., Чичагова с девятью детьми от двух браков своего покойного мужа осталась без пенсии и всего лишь с несколькими тысячами рублей. К горю от потери мужа присоединилась тоска от разлуки с тремя девочками, принятыми на казенный счет в закрытое учебное заведение. Чтобы поддерживать семью, Чичаговой пришлось искать работы, и она занялась переводами с иностранных языков, главным образом, с родного ей польского, а также с французского, итальянского и немецкого. В письме к Толстому от 10 мая 1895 г. она писала: «Не думайте, что я принадлежу к числу трутней, я работаю по 10 часов в день, почти без отдыха, я перевожу. Перевела с сентября 20 мелких рассказов. Переводы мои почти все приняты, но одними переводами немного заработаешь, а семья большая...»

Позднее, в период 1898—1905 гг., переводы Чичаговой появлялись в печати сравнительно чаще и печатались в «Русских Ведомостях», «Русской Мысли», «Русском Слове», «Русском Вестнике» и других изданиях. Переводила она Сенкевича, Ожешко, М. Серао, Ф. Коппе, Брие, Золя («Paris») и других авторов. Но в начале, в 1894—1895 гг., работа переводчицы шла у Чичаговой с меньшим успехом, и у нее явилась мысль увеличить свой литературный заработок, попытавшись напечатать свое оригинальное произведение. В это-то время, в январе 1895 г., после больших колебаний Чичагова решилась обратиться к ей лично незнакомому Льву Толстому и послать ему на прочтение свой рассказ из детской жизни «Горькие дни Кати».

В Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина в Москве хранятся четыре письма Чичаговой на имя Льва Николаевича от 28 января, 3 февраля, 22 марта и 10 мая 1895 г. Приведенное выше письмо Толстого является ответом на три первые письма Чичаговой.

Рассказ Чичаговой «Горькие дни Кати», послуживший поводом к ее переписке со Львом Николаевичем, напечан не был, и рукопись его не сохранилась.

2

Алина Иосафатовна, очень сожалею, что не могу сказать вам ничего приятного о вашем рассказе. Он неудачен и по замыслу, и по исполнению. Вы спросили о моем мнении, и потому я счел себя обязанным сказать вам всю правду, как бы она ни была неприятна.

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам

Л. Толстой.

Дата настоящего письма не установлена. Не удалось выяснить также, о каком рассказе Чичаговой идет речь в письме Толстого. Письмо Чичаговой, с которым она в данном случае обращалась к Льву Николаевичу, не сохранилось.

Комментарии к настоящим письмам составлены В. Чичаговым.

ПИСЬМО К С. А. ВЕНГЕРОВУ

Историк литературы, критик и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1921) впервые обратился к Толстому с письмом 23 марта 1882 г., когда он был редактором недолго существовавшего народнического журнала «Устои». В этом письме он просил сотрудничества Толстого в своем журнале. В ответном письме Толстой писал, что ему «очень хочется» и напечатать у Венгерова свою статью и поддержать его журнал. Толстой имел в виду дать Венгерову начатую им тогда большую работу, впоследствии озаглавленную «Так что же нам делать?» (Письмо Венгерова и ответ Толстого печатаются в толстовском томе журнала «Литературное Наследство»).

Повидимому, в том же 1882 г. Венгеров виделся с Толстым в Ясной Поляне или в Москве, чтобы поговорить об обещанной статье. Сведения о посещении Венгеровым Толстого находятся в статье Г. А. Русанова «Поездка в Ясную Поляну», относящейся к 1883 г. На вопрос Русанова, говорил ли Толстой с ним о народнической литературе, Толстой ответил, что он с ним «много говорил» и что Венгеров произвел на него впечатление «умного еврея» («Толстовский ежегодник 1912 года», изд. Общества Толстовского музея в Петербурге и Толстовского общества в Москве, М., 1912, стр. 72).

Журнал «Устои» просуществовал только один год.

В конце 1887 или в январе 1888 г. С. А. Венгеров был у Толстого в Москве и расспрашивал его о проявлениях художественного творчества в его роде. Толстой рассказал ему о своей матери М. Н. Толстой (рожд. Волконской), которая «превосходно рассказывала сказки, если это происходило в темноте; при свете она стеснялась» (из письма Венгерова от 27 марта 1895 г.). Тогда же Толстой дал Венгерову гектографированный экземпляр высоко ценимой им статьи крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», прося передать ее для напечатания в редакцию «Русской Старины». Статья, с предисловием Толстого, была набрана для № 2 «Русской Старины» 1888 г., но запрещена цензурой.

27 марта 1895 г. Венгеров обратился к Толстому с письмом, в котором писал, что он работает над составлением «Критико-биографического словаря русских писателей» и имеет возможность коснуться в нем и Бондарева. Он просил Толстого написать небольшую статейку о Бондареве для пятого тома его словаря.

Толстой вскоре—4 или 5 апреля—ответил на письмо Венгерова и послал написанную им заметку о Бондареве.

В письме от 22 мая 1895 г. Венгеров благодарил Толстого за «любезное и быстрое» исполнение его просьбы. Он находил, что заметка Толстого «необыкновенно ярко запечатлевает в уме читателя представление о замечательном народном мыслителе». Далее Венгеров писал, что он, несмотря на все его «старания и расспросы», не мог достать никаких биографических сведений о Бондареве и даже не знает, жив ли он, и просил Толстого написать ему «хотя бы самый общий очерк личности Бондарева» или указать лиц, от которых он мог бы что-нибудь узнать о нем. Ответом на это письмо Венгерова и служит комментируемое письмо Толстого.

1895 г. Июня 8. Я. П.

Не отвечал вам долго, Семен Афанасьевич, п[отому] ч[то] был болен[1]. Бондарев до последнего времени был жив[2]. Я получил от него письмо менее года тому назад[3]. Он живет в деревне Минусинского уезда. Попрошу дочь найти и приложить к этому письму его точный адрес. Обратитесь к нему, и он наверно даст вам те сведения о своей жизни, кот[орые] вам нужно. —

Помню я из его писем об его жизни следующее: он — бывший крепостной крестьянин какого-то помещика земли Войска Донского. За суботничество сослан в Сибирь, где и жил и живет лет около пятидесяти[4]. Ему теперь должно быть лет 75[5]. Имя ему Тимофей Михайлович. У него сыновья[6]. Он до последнего времени не переставал работать всю крестьянскую работу в поле и гордится этим[7]. Зимою же учит грамоте ребят. В Сибири продолжает держаться секты суботников, т. е. Еврейства. Г-ну Фидлеру передайте пожалуйста мою благодарность за присылку книг и за намерение посвятить мне что-то такое[8]. Я никогда не понимал, что такое значит посвящение и зачем это делается[9], и потому лучше бы желал, чтобы он мне ничего не посвящал. Желаю вам всего хорошего. Уважающий вас Л. Толстой.

8 Июня 1895.

Адрес Тимофея Михайловича Бондарева: Сибирь, Минусинского уезда, Бейской волости, дер. Иудино.

[1] О нездоровьи Толстого см. прим. 3 к письму к М. А. Сопоцько от 19 июня 1895 г., стр. 139.

[2] Т. М. Бондарев умер 3 ноября 1898 г.

[3] Бондарев писал Толстому 30 апреля и 21 августа 1894 г.

[4] Бондарев был сослан за отпадение от православия в иудейство в Минусинский уезд, Енисейской губернии в 1867 г.

[5] Бондарев родился в 1820 г.

[6] У Бондарева был сын Даниил. См. письмо к нему Толстого от 30 декабря 1898 г. на стр. 219.

[7] В вступлении к своему сочинению «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» Бондарев писал: «Я работник вот какой: когда косят на крюк хороший хлеб, такой, что двум хорошим работникам едва успеть вязать снопы за одним косарем, а я, несмотря на то, что мне шестьдесят пять лет, один успеваю, да притом чисто, а снопы крепкие» («Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», сочинение крестьянина Т. Бондарева, изд. «Посредник», М., 1906, стр. 7—8).

[8] В письме своем от 22 мая 1895 г. Венгеров писал: «К вам, вероятно, обратился Ф. Ф. Фидлер с просьбою разрешить ему посвятить вашему имени свои переводы из Пушкина. Не входя в просьбу г. Фидлера по существу, я только желал бы сообщить, что г. Фидлер замечательно бескорыстный человек, уже более 10 лет знакомящий Европу с нашими поэтами совершенно бескорыстно. Еще недавно он закончил перевод всех былин, что составляет 11 тысяч стихов, и всю эту огромную работу он отдает немецким издателям даром, как и все другие свои работы. Переводит он превосходно и с поразительною точностью».

[9] В письме от 2 сентября 1908 г. к Леониду Андрееву, посвятившему ему свой «Рассказ о семи повешенных», Толстой писал: «Никогда не знал, что значит посвящение, хотя, кажется, и сам кому-то посвящал. Одно знаю, что ваше посвящение мне означает ваши ко мне добрые чувства,—то же, что я видел и в письме вашем ко мне, и это мне очень приятно». («Сборник Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, М., 1937, стр. 237). Из произведений Толстого имеет посвящение рассказ «Рубка леса», напечатанный в № 9 «Современника» 1855 г. с посвящением Тургеневу. Прежде чем посвятить Тургеневу свой рассказ, Толстой запросил Панаева в письме от 14 июля 1855 г. из Бельбека (село в десяти верстах от Севастополя, где он тогда стоял на позиции): «Ежели Тургенев в Петербурге, то спросите у него позволение на статье «Рассказ юнкера» надписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мне потому, что когда я перечел статью, я нашел в ней много невольного подражания его рассказам» (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», юбилейное издание, т. 59, ГИХЛ, 1935, стр. 316). Другое произведение — повесть «Холстомер», начатая в 1863 г. и законченная в 1885 г. и посвященная памяти М. А. Стаховича.

ПИСЬМА К А. Н. ДУНАЕВУ

1

1896 г. Августа около 23. Я. П.

Дорогой Александр Никифорович,

Этот паралитик [1] надеется вылечиться. Может быть и можно помочь ему. Направьте его куда надобно. Если надо будет отправлять его домой, то возьмите у нашего Матв[ея] Никит[ича] [2] сколько нужно (около трех р[ублей]) и дайте ему.

Целую вас. У меня радость — прекрасное письмо социалиста, отказавшегося от военной службы в Голандии [3].

Л. Толстой.

На обороте:

Александру Никифоровичу Дунаеву.
На Девич. поле д. Кислякова.

Александр Никифорович Дунаев (1850—1920) — друг семьи Толстых, один из директоров Московского торгового банка. Был близок к некоторым взглядам Толстого.

Публикуемые два письма Толстого к Дунаеву, составляющие только небольшую часть всех писем к нему Толстого, печатаются по фотокопиям, хранящимся в Литературном музее. Подлинники писем находятся у С. Д. Четверикова.

Первое письмо датируется на основании упоминания о получении письма об отказе от военной службы голландского социалиста Вандервера. Известие об этом Толстой получил от голландца Ван-Дэйля около 23 августа 1896 г.

[1] Личность паралитика редакции неизвестна.

[2] Матвей Никитич Румянцев — артельщик, заведывавший продажей изданий С. А. Толстой.

[3] Заявление голландского социалиста Вандервера командиру национальной гвардии о своем отказе от военной службы было приведено Толстым в его статье «Приближение конца», начатой им 1 сентября и оконченной 24 сентября 1896 г.

2

1902 г. Сентября 24. Я. П.

Спасибо, дорогой друг Александр Никифорович, за сведения и за хлопоты о матерьялах. Ради бога не заботьте[сь] о приобретении их. Если что попадется, то пришлите, а искать и, главное, платить деньги — не нужно. Я теперь начинаю другое [1] и Х[аджи] М[урата] отложил до времени [2]. Как ужасны самоубийства, о кот[орых] вы пишете.

У нас все благополучно — очень даже — не по заслугам. Мне очень хорошо. Просьба к вам. Пошлите, взяв по чеку, 300 р[ублей]

Шмиту—Eugen Heinrich Schmitt. Budapest Herrengasse 58, Festung 1[3]. Обнимаю вас. Привет вашей жене[4].

Лев Толстой.

24 Сент. 1902.

Толстой отвечает на письмо Дунаева от 21 сентября 1902 г., в котором Дунаев сообщал Толстому сведения о состоянии его, Толстого, текущего счета в Международном торговом банке (в распоряжении Толстого были небольшие суммы, получавшиеся им от императорских театров за представления его пьес, которые он тратил на благотворительные цели) и о своих поисках материалов для повести «Хаджи Мурат», которой тогда был занят Толстой. Кроме того писал: «Мне хотелось написать вам по поводу трех самоубийств, случившихся в течение двух недель, в среде людей, которых хорошо знал (двое даже из моего родства). Один — 52 лет и двое — 67 лет и 74. Двое купцы церковники, третий — доктор научной веры. Но сейчас не могу». (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

[1] 23 сентября 1902 г. Толстым было начато «Обращение к духовенству», законченное 1 ноября того же года и напечатанное в том же году в издании «Свободного Слова» в Англии.

[2] Повесть «Хаджи Мурат» была начата Толстым в 1896 г. 18 сентября 1902 г. повесть, как записал Толстой в своем «Настольном календаре», была окончена. Однако, 22 ноября Толстой вновь взялся за «Хаджи Мурата» и продолжал работу над повестью до 1904 г.

[3] Писатель Эжен Шмит (см. стр. 175) просил Толстого одолжить ему на короткое время 300 рублей ввиду того, что ему грозит продажа его имущества за долги. В распоряжении Толстого находились некоторые суммы, полученные от продажи «Воскресения» и предназначавшиеся для духоборов. Из этих-то средств Толстой и отправил Шмиту требовавшуюся ему сумму.

[4] Екатерина Адольфовна Дунаева (1851—1923).

ПИСЬМА К А. ШКАРВАНУ

Альберт Шкарван (1869 — 1926) — словак, друг Д. П. Маковицкого, врач. Служил военным врачом при королевском госпитале в гор. Кашау в Венгрии, но в феврале 1895 г., за семь недель до окончания срока, отказался от военной службы по религиозным убеждениям. «За отказ от военной службы и исповедание идей, враждебных государственному порядку» был приговорен к четырехмесячному заключению в тюрьму.

По отбытии наказания Шкарван написал записки о своем отказе и пребывании в тюрьме, изданные в 1898 г. в Англии В. Г. Чертковым под названием: «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача».

В 1896 г. Шкарван побывал в России, прожил лето у Чертковых и неоднократно виделся с Толстым.

Впоследствии Шкарван занялся переводами сочинений Толстого на немецкий язык. Кроме мелких произведений, им был переведен и «Круг чтения». Лев Николаевич относился к Шкарвану с большой симпатией, что видно и из его писем к Шкарвану.

Письма Толстого к Шкарвану, относящиеся к 1896—1910 гг., числом девятнадцать, хранятся в Славянской библиотеке министерства иностранных дел в Праге; одно письмо к Шкарвану и одно письмо к Шкарвану и Абрикосову хранятся в библиотеке Matice Slovenskej в гор. Турчанский св. Мартин (Словакия), где было отыскано П. Г. Богатыревым. В Литературном музее имеются фотокопии со всех этих писем.

Восемь писем Толстого к Шкарвану 1896 — 1907 гг. были напечатаны в книге: «Письма Л. Н. Толстого. 1855—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1911, т. II, стр. 165—168, 171—176, 184—185, 190—191, 209, 231—232 и 234. Два письма 1899—1900 гг. были опубликованы в «Полном собрании сочинений» Толстого, выпускаемом Гослитиздатом, 1933, т. 72, стр. 358 и 563—564. Три письма 1910 г. напечатаны В. Г. Чертковым в сборнике: Л. Н. Толстой, О науке, изд. «Единение», М., 1917. Ввиду того, что эти три письма были опубликованы неполностью, печатаем их здесь в полном виде.

1

1896 г. Ноября 1. Я. П.

Спасибо вам за ваше доброе письмо, дорогой друг Шкарван. Если бы была какая нибудь тень между нами — а ее не было — она бы исчезла. Интересно и важно, как вы сами себе объяснили мотив своего отказа. Вам нужно это теперь, чтобы поступить так, как нужно, при новом требовании. Правда, слова Христа: не думайте, что будете говорить, когда вас поведут, дух будет говорить, что должно; правда, что человек редко бывает равен самому себе и вечно течет нынче внизу, завтра наверху волны; но есть то сознание себя и истины, кот[орое], если оно в тиши общения с богом молитвой приобретено, то

оно выскажется в нужную минуту, и вот это-то сознание, я думаю, вы выработали в себе, когда ясно выразили себе причину своего поступка. Кенворти прислал хорошую статью о необходимости правдивости для истинной жизни. Я думаю также, что правдивость есть единственное условие проявления любви. Насколько мы правдивы, настолько мы любовны. Помогай вам бог. Спасибо, что написали. Наши вам кланяются. Надеюсь, что увидимся.

Любящий вас Л. Толстой.

1 Ноябр. 96.

В июле 1896 г. Шкарван приехал в Россию. Он поселился у Чертковых на даче в деревне Деменке вблизи Ясной Поляны, где оказывал медицинскую помощь крестьянам. Часто посещал Толстого. Осенью того же года он вместе с Чертковым переехал в их хутор Ржевск, Воронежской губернии и занимался здесь писанием воспоминаний о своем отказе от военной службы.

Толстой отвечает на письмо Шкарвана из Ржевска от 24 октября 1896 г., в котором Шкарван сообщал, что его опять призывают на военную службу. Далее он писал: «Второе, о чем писать вам хотелось, это — сказать вам, что если я вел себя иногда перед вами неловко и не так, как бы мне лично хотелось, то потому только, что не умел я иначе. Я из-за того часто страдал. Но я вас никогда не переставал любить горячо. Любовь к вам не перестает мне иногда приносить минуты высокого блаженства и самого дорогого настроения. Мне почему-то кажется, что вы все это знали и знаете. Верно мне кажется?».

[1] В письме от 24 октября 1896 г. Шкарван писал, что ему удалось в своих воспоминаниях, «высказать как раз то, чего, главным образом, хотелось высказать с самого начала, т. е. настоящую причину и побуждение» его отказа от военной службы.

[2] Джон Кенворти — английский методистский пастор, лектор и писатель, в то время горячий последователь и пропагандист взглядов Толстого, переводчик его сочинений. Зимой 1895—1896 г. приезжал в Россию и неоднократно виделся с Толстым в Москве. Упоминаемой Толстым статьи Кенворти в архиве Толстого не сохранилось, но, судя по письму Кенворти к Толстому от 10 (22) октября 1896 г., статья эта называлась «Thruth and Falsehood and their uses» («Правда и ложь и их значение»).

2

1897 г. Ноября 11. Я. П.

Спасибо вам за ваши письма [1], милый Шкарван. Я пользуюсь ими и добрым людям даю читать, а не ответил вам. Простите. Я получил письмо от Белера [2] и Вандервеера [3] и отвечал им [4]. Так-то мы радовались на Хилкова и его жизнь. Ужасно страшно радоваться успеху — тому, что бесы повинуются, только бы имена наши не то что были бы написаны на небесах, а не были записаны у чертей. Так я и не позволяю себе радоваться на то, что происходит в Голландии, хотя это очень трудно. Мне очень понравилось то, что они сами набирают и печатают Vrede [5]. Про ваше замечание о Христ[ианском] учении [6] ничего не могу сказать. У меня его нет, а только мне кажется, что слова: можно быть свободным от греха блуда — я разумею в прямом смысле, т. е. можно быть целомудренным телом — не иметь полового сношения, а про грех опьянения — разумея под ним всякого рода одурманение (одурманение даже сильной работой)—нельзя быть вполне свободным. Очень может б[ыть], что я неясно выразился, и если кто поправит меня, буду благодарен. Целую вас. Радуюсь увидать Маковицкого [7]. Что Шмит [8], я давно ничего не знаю про него.

Л. Т.

Написал Хилк[ову] дурное, злое письмо. Не мог удержаться [9].

Письмо датируется на основании записи в дневнике Толстого от 11 ноября 1897 г.: «Написал письмо Хилкову и другим».

[1] В письме от 20 октября (нов. ст.) 1897 г. из Лондона Шкарван писал Толстому о трех голландских пасторах, которые проповедывали против военной службы, отрицая ее на основании христианского учения. Подробнее об этих пасторах Шкарван писал Толстому позднее в другом письме, которое, под заглавием «О новом общественном движении в Голландии», было напечатано в периодическом сборнике «Свободное Слово», изд. В. Г. Черткова, под редакцией П. И. Бирюкова (Purleigh, England), 1899 г., № 2.

[2] Людвиг Белер (Louis Bähler) — один из голландских пасторов, проповедывавших против военной службы с христианской точки зрения. Белер в письме Толстому от 26 октября (нов. ст.) 1897 г. выражал сочувствие по поводу его болезни и просил прислать ему «Обращение к христианским рабочим Европы». (Белер имел в виду статьи по рабочему вопросу, начатые Толстым в 1897 г. и впоследствии получившие название: «Неужели это так надо?» и «Где выход?»).

[3] Джон Вандервер (р. 1867 г., ум. 1920—1925 г.) — голландский социалист, в 1896 г. отказавшийся от военной службы. В письме от 24 октября (нов. ст.) из Голландии Вандервер выражал Толстому сочувствие по поводу его болезни, спрашивал, окончил ли он свою книгу «Что такое искусство?», задавал вопрос: «в чем практическая мораль «Крейцеровой сонаты», спрашивал разъяснения некоторых религиозных вопросов и писал о своей работе по изданию, составлению и редактированию газеты «Vrede («Мир»), в которой он проводил взгляды, близкие к взглядам Толстого.

[4] Толстой отвечал Белеру 7 ноября, а Вандерверу — 10—11 ноября 1897 г.

[5] В письме от 24 октября Вандервер писал Толстому: «Я должен делать сам и один всю работу — набор, писанье, редактирование и пр. Совесть не позволяет прибегать к наемному труду».

[6] «Христианское учение» — трактат, над которым Толстой работал с 1894 г. и в котором пытался систематически изложить все свое религиозно-философское миросозерцание. Был напечатан В. Г. Чертковым в Англии в 1898 г. В своем письме Шкарван просил Толстого разъяснить ему некоторые места этого сочинения, относящиеся к «греху блуда» и «греху опьянения».

[7] Д. П. Маковицкий приехал к Толстому в Ясную Поляну 28 ноября 1897 г.

[8] Эжен Генрих Шмит. См. стр. 175.

[9] 11 ноября 1897 г. Толстой записал в дневнике: «Написал письмо Хилкову и другим, но Хилкову едва ли пошлю». 17 ноября он писал П. А. Буланже: «Хилкова положение знаю и написал ему нехорошее, злое письмо и теперь со страхом жду ответа». Это письмо Толстого неизвестно, но оно несомненно касалось новых взглядов Д. А. Хилкова на отношения между мужчиной и женщиной, которые он выразил в своей рукописной статье «В защиту половой любви», и его намерения разойтись с своей женой. Эти новые взгляды Хилкова показали Толстому, что единомыслие Хилкова с ним было очень поверхностное и неглубокое, несмотря на то, что Хилков внешним образом проводил в жизнь некоторые принципы толстовского учения (отдал землю крестьянам, проповедывал против церкви и государства и т. д.). Этим и объясняется грустное замечание Толстого в начале письма: «Так-то мы радовались на Хилкова и его жизнь».

3

1906 г. Января 1. Я. П.

Письмо ваше, милый Шкарван, очень огорчило меня. Я вполне понимаю, как вам неприятно и тяжело, живя своим трудом, лишиться заработка, главное же, я уверен, что вам так же, как и мне, больно лишиться добрых отношений ваших с Чертковым. Я решительно не понимаю, почему вам нельзя печатать днем после Гейнемана[1], как это условлено, но не могу исполнить вашего желания—дать вам какое-либо исключительное разрешение. Я раз навсегда отдал все дело Черткову с тем, чтобы он издавал без авторского права, но, как он этого желал, чтобы не было изуродованных переводов. Дело это, как я думаю, очень сложное и трудное, и я думаю, что мне, особенно зная и заботливость Ч[ерткова] о правильности изданий и его отрицание прав собственности на сочинения и переводы, я считаю невозможным вмешиваться в это дело. Простите меня, если я этим огорчаю вас, и верьте, что я не могу поступить иначе. Я пишу с этой же почтой Черткову, прося его уладить это дело с вами так, чтобы вы не теряли свой труд. Так вот, милый Шк[арван], пожалуйста не осудите меня.

Я очень рад был из конца вашего письма увидеть, что вы все так же радикальны в своих христианских взглядах и в применении их к жизни[2]. Пожалуйста пришлите мне ваши заметки о податях[3]. Мне это очень интересно.

Неужели же ваш труд перевода Круга Чтения пропадет даром?[4] Неужели нельзя так устроить, чтобы этого не было?

Прощайте. Целую вас, вашу жену и детей.

Лев Толстой.

1 Янв. 1906 г

Толстой отвечает на письмо Шкарвана из Lancy от 9 января (нов. ст.) 1906 г. Шкарван писал, что он перевел на немецкий язык новые рассказы Толстого из «Круга чтения», но узнал от В. Г. Черткова, что он, Шкарван, не имеет права печатать эти переводы, так как Чертков продал право первой публикации переводов всех новых произведений Толстого издателю Гейнеману. Шкарван примирился с этим, но желал, чтобы ему была предоставлена возможность напечатать свой перевод хотя бы после появления первых переводов в издании Гейнемана; но получил от В. Г. Черткова ответ, что и для этого он должен иметь разрешение Гейнемана. Шкарван просил Толстого написать ему собственноручное разрешение на издание отдельной книжки его переводов после появления издания Гейнемана.

[1] Вильям Гейнеман (Heineman, 1863—1920) — крупный английский издатель.

[2] Шкарван сообщал, что он получил правительственную бумагу с требованием уплаты налога. Он решил не платить; но высказывал опасение, что жена его, боясь, в случае неуплаты, описи их имущества, «сама побежит, отнесет деньги дьяволу».

[3] Шкарван выражал готовность, если это интересно Толстому, переписать для него те мысли, которые он «наскоро записал в свой дневник по поводу податей».

[4] Сделанный Шкарваном немецкий перевод «Круга чтения» появился в 1906—1907 гг. в двух томах в Дрездене в издании Carl Reissner, под заглавием «Für alle Tage».

В следующем письме от 22 января 1906 г. Шкарван уведомлял Толстого, что недоразумения с изданием его переводов рассказов Толстого уладились.

4

1906 г. Февраля 21. Я. П.

Любезный Шкарван,

Как жалко, что вы так раздражаетесь. Я приписываю это вашему нездоровью, но думаю, что все-таки во власти каждого человека воздерживать себя и не причинять зла людям (и близким), а главное, не питать в душе зла против них. Если вы в спокойном, здравом состоянии обсудите дело, то не можете не понять и не знать, что как я отказался раз навсегда от права на свои писания и никак не могу вдруг изменить это решение, так и Черт[ков], строго держась этого принципа за себя и меня, не мог изменить этого. Если же вследствии того, что он для усиления своего дела издания решил с нынешнего года, не отступая от правила свободы перепечатания, воспользоваться в денежном отношении через Heineman'а правом первого печатания, то от этого дело не изменяется, и если есть путаница, то она произведена или жадностью издателей или вашим недобрым отношением к нему, вследствии к[оторого] возникшие недоразумения не распутывались, а запутывались.

Ужасно грустно и тяжело мне было читать такое письмо от вас. Только подумайте о том, как мы отнесемся ко всем такого рода столкновениям не только в близости смерти, но в хорошую минуту религиозного сознания, кот[орое] вы так способны испытывать. Только положите на весы с одной стороны любовь к людям, особенно та-

ким, как Ч[ертков], и с другой какие-то интересы изданий, чтобы смешно стало, что можно это сравнивать. Разъяснять и вникать в разъяснения по этому предмету я не только не хочу, но и не могу, и потому пожалуйста, если хоть немного любите меня, не пишите мне об этих делах, как будто этого никогда не было. А мы с вами будем жить, по прежнему любя друг друга.

Лев Толстой.

21 Февр. 1906.

Письмо Шкарвана, на которое отвечает Толстой, в архиве Толстого не сохранилось.

5

1908 г. Июля 22. Я. П.

Рад был получить от вас письмо, милый Шкарван. Между вами и Чер[тковым] ничего не может быть, кроме братской любви. Так оно и есть. Не унывайте от ревности жены [1]. Смотрите на это как на испытанье и старайтесь выдержать. Тогда то, что казалось тяжелым, станет легким. Братски целую вас.

Лев Толстой.

2 июля 1908 [2].

Толстой отвечает на письмо Шкарвана от 3 июля (нов. ст.) 1908 г. Шкарван писал о своих отношениях к Черткову.

[1] В своем письме Шкарван сообщал: «Мне живется очень тяжело и мучительно, приходится преодолевать огромнейшее препятствие. Дело в том, что Сунта (жена Шкарвана) дико ревнива, и ничто не помогает ей в этом отношении, даже полная моя внешняя изолированность от всего женского пола. Она страдает, и все мы страдаем ужасно, и ведет она себя очень отвратительно. Не знаю, чем это кончится». Кончилось это в 1910 г. самоубийством Сунты Шкарван.

[2] Дата рукой Н. Н. Гусева.

6

1908 г. Ноября 15. Я. П.

Сейчас прочел ваше письмо, милый Шкарван, и хочется откликнуться, сказать вам, ч[то] всегда вас любил и люблю. Очень радуюсь на ваше бодрое и доброе душевное состояние. О том духовном движении, к[оторое] совершается в мире, думаю и верю в него, но никак и в самой малой доле не приписываю его себе [1]. Целую вас и ваших семейных. Желал бы знать их.

Лев Толстой.

15 Ноября.

Толстой отвечает на письмо Шкарвана из Lancy от 23 ноября (нов. ст.) 1908 г. Шкарван посылал свой перевод только что вышедшей книги Толстого «Учение Христа, изложенное для детей» и сообщал об ожидании в Чехии появления составлявшегося тогда Толстым «Круга чтения для детей».

[1] Толстой отвечает на следующее место письма Шкарвана: «Вообще я как-то по разным признакам замечаю, что e pur si muove (а все-таки она движется). Семена не только посеяны во всех концах мира, но они и всходят уже прекрасно в разных местах... Вы, счастливейший из пророков, расшатали весь мир, и ему уже не поправиться, и вы можете спокойно и радостно умереть, глядя даже на результаты, помимо вас находящиеся. Вы и сегодня уже действуете через очень многих, и миру не удастся исказить больше истины, он поневоле должен будет подчиниться ей».

7

1909 г. Августа 26. Я. П.

Спасибо вам, милый друг Шкарван, и за ваше письмо и за перевод[1] — еще не получил — и за добрые чувства ко мне[2]. Письмо ваше к Гале[3] прочту, п[отому] ч[то] скоро буду у них[4]. О моем чтении статьи[5] не может быть и речи. Я слишком слаб, и потом статья слишком ничтожна, и мне неприятно, что Sachs делает такой «fuss» * из этого.

Рад, что вам хорошо, вне тяжелых условий[6], но еще более буду рад узнать, что вам хорошо и в тяжелых условиях. Тяжелые условия эти ** очень бывают полезны для души. Помогай вам бог, милый брат.

Лев Толстой.

Толстой отвечает на письмо Шкарвана из Франции (Garennes, Colombes) от 2 сентября (нов. ст.) 1909 г. Письмо Толстого датируется на основании упоминания о нем в неопубликованных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого (находятся у Н. Н. Гусева).

[1] Шкарван перевел на немецкий язык написанный Толстым в июле — августе 1909 г. доклад на международный конгресс мира, который должен был состояться в Стокгольме.

[2] В своем письме Шкарван писал: «Мне часто кажется, что вы уже завоевали себе у мыслящей части человечества, если не в сознании, то im Unterbewusstsein [в подсознании] людей крупное и, быть может, первое место, и что у них не хватает только некоторого необходимого опыта, что ли, для того, чтобы оценить и полюбить вас вполне сознательно».

[3] Шкарван писал, что он написал письмо «Гале» (А. К. Чертковой), которое он желал бы, чтобы было прочтено Толстым

[4] В. Г. Чертков, высланный из Тульской губернии, проживал тогда у своих родственников Пашковых в Крекшине, Московской губернии. Толстой поехал к нему 3 сентября 1909 г. и уехал обратно в Ясную Поляну 18 сентября.

[5] После того как в печати стало известно, что Толстым был написан доклад на конгресс мира, который он был намерен прочесть лично, Толстой получил письмо из Берлина от концертной дирекции Жюль Закс, устраивавшей в Германии доклады видных деятелей, с приглашением из Стокгольма приехать в Берлин и прочитать здесь свой доклад. Дирекция предлагала передать в распоряжение Толстого для благотворительных целей по 5 000 франков за каждое выступление, всего 50 000 франков за 10 выступлений.

В своем письме Шкарван писал: «Если бы вы лично произнесли вашу речь, то она имела бы огромное значение и могла бы быть, кто знает, действительно, как вы говорите, той электрической искрой, которая изменит все. Насчет вашей проповеди и вашей личности в Европе много крупных недоразумений, именно недоразумений, которые при личной встрече с вами могли бы совсем исчезнуть, и действие ваших слов могло бы быть огромное... Мне очень жаль, что ваша поездка за границу не состоялась, она могла бы быть событием в истории человечества».

[6] Шкарван писал, что он находится в гостях у друга и отдыхает «после тех крутых морозов», от которых «так сильно и много страдал у себя дома». Под «морозами» Шкарван разумел свои семейные условия.

8

1910 г. Января 5. Я. П.

Где это Шмит нашел у меня выражение религиозной истины, скрывающееся в образных покровах и туманных понятиях? Сообщите ему прилагаемое изложение религиозных основ, в которых, полагаю, трудно найти какие-либо покровы и туманы. Прибавить к этому могу только то, что такие мои взгляды на религию мне не раз приходилось передавать не только не ученым, но почти безграмотным людям, и взгляды эти бывали усвоиваемы, так что усвоившими их с совершен-

---

*. [суматоха, шум из пустяков].

** *Написано:* это.

ной точностью передавались и другим, не только молодым, свободно мыслящим, но и старым людям из крестьян. Среди же нашего так называемого образованного, ученого сословия я, за редкими исключениями, всегда встречаю непонимание. Я говорю: непонимание, а не несогласие—потому, что при несогласии могли и должны бы быть возражения, но таковых никогда не бывало и не бывает, как никогда не бывает их и от церковников. Оно и не может быть иначе, так как непонимание образованных ученых происходит от той же причины, как и непонимание церковников — от слепой веры: у одних в церковь, у других в науку. Так что я должен сказать, совсем не ради красного словца, а потому, что это так есть, что не только ученость не нужна для того прозрачного религиозного понимания, о котором говорит Шмит, но напротив — ничто так не мешает здравому и трезвому религиозному пониманию, как именно то, что называется образованностью и ученостью. Оно и не может быть иначе, так как человек из народа — не говоря уже об условиях жизни более разумных, естественных, чем условия жизни «ученых», в которых они находятся — человек из народа, поняв раз навсегда ложь церковной веры и откинув ее, остается совершенно свободным, чистым — именно прозрачный для воспринятия истины; человек же ученый, умственно развращенный уже гимназиями, университетами, академиями, большей частью, откинув ложную церковность, иногда же оставаясь верным ей, всегда уже полон с детства внушенными ему догматами научной веры, несовместимой с религиозными истинами в их простом, рационалистическом изложении.

Лев Толстой.

5-го Января 1910 г.
Ясная Поляна.

Посылаю вам этот ответ Шмиту. Оч[ень] рад б[ыл] вашему письму и поводу прибавить эти заметки.

Л. Т.

Само собою разумеется, что можете пользоваться этими заметками, как хотите.

Л. Т.

Толстой отвечает на два письма Шкарвана из Grand Lancy (Швейцария)— от 6 января (нов. ст.) 1910 г. и другое, не сохранившееся в архиве Толстого (сохранился только конверт с почтовым штемпелем отправления 13 января (нов. ст.) 1910 г.). В обоих письмах Шкарван писал о возражениях Эжена Шмита (см. стр. 175) против статьи Толстого «О науке», появившейся в 1909 г.

При письме Толстого было приложено его предисловие к сборнику «На каждый день», озаглавленное «Учение о жизни», последовательно излагавшее все его миросозерцание. Появилось в 1911 г. в качестве предисловия к книге Толстого «Путь жизни», изданной «Посредником».

9

1910 г. Января 9. Я. П. Ясная Поляна, 9 января 1910 года.

К тому, что я писал вам и через вас Шмиту о большей восприимчивости высших религиозных истин неучеными, чем учеными, хочется прибавить еще вот что:

Не говоря уже о том, что не может пройти даром загромождение мозга самыми ненужными и большей частью ложными понятиями и представлениями, не говоря уже об этом, даже и самые понятия «научные» несравненно более неразумны и ложны, чем понятия самые

грубые религиозные. Так, например, возьмем хоть бы самый обычный вопрос о происхождении мира и себя, человека. Вопрос о происхождении во времени мира и человека во времени для человека, не могущего представлять себе ничего вещественного иначе, как во времени, или, в сущности, вопрос о том, как найти конечную точку бесконечного времени, — есть вопрос <по существу своему> ложно поставленный. И вот религия в своей самой грубой форме отвечает на него тем, что сотворил мир бог в 6 дней и т. д. Ответ нелепый, но в нем есть понятие бога — чего-то непонятного — находящегося вне возможности представления человека и потому вне времени. Ответ нелепый по подробностям, но верный по существу: сущность его в том, что происхождение мира имеет причину безвременную. И ответ в основе своей разумен. Он говорит, что начало жизни вне времени.

Как же отвечает на этот же вопрос наука?

Самыми нелепыми, чтобы не сказать просто глупыми рассуждениями и сложными, многословными описаниями, наблюдениями, как одни предметы в нашем поле наблюдения переходили из одних видов в другие. Наука и не допускает мысли о том, что само собой бросается в глаза всякому человеку, не одуренному суеверием науки, что происхождение предметов и зависимость их друг от друга в мире вещественном, который мы не можем себе представлять иначе, как в бесконечном пространстве и бесконечном времени, никак не могут быть определены, и что занятие вопросами о зависимости и происхождении предметов в мире вещественном, т. е. в бесконечном пространстве и времени, есть самое праздное и глупое занятие. А между тем «эволюция» есть любимое слово и понятие научных людей, есть слово и понятие, нисколько не более разумное и понятное, чем слова «триединое», «пресуществление» и т. п.

На днях приезжал ко мне ученый доктор — он и писал мне — с вопросом о том, как изложить ясно и точно научное понимание смысла жизни. Я сказал ему, что по моему мнению смысл жизни определяется стремлением к благу того невещественного начала, которое мы сознаем к себе. Ученый доктор не слушал меня... и перебил меня, сказав, что все это субъективно, а желательно объективное определение смысла жизни. И чтобы объяснить свою мысль, начал говорить об эволюции. Услыхав это слово, я извинился, что не могу долее продолжать беседу.

Все это я пишу для того, чтобы показать <на опыте>, насколько выше самое грубое религиозное понимание жизни такого научного понимания. Там есть понятие вневременное, внепространственное, неподвижное и невещественное — бог, которое отвечает на все неразрешимые вопросы, стоящие перед человеком, отвечает признанием недоступности для человека этих вопросов. «Бог сотворил мир и меня» — собственно значит то, что я не знаю и не могу знать, как произошли я и мир и начало всего. Научные же люди вполне уверены, что они знают, могут знать и наверное узнают, как произошел мир и человек, и вполне уверены, что та доступная им, бесконечно малая частица знания той бесконечно великой области недоступного нам познания есть настоящее знание, и нет ничего недоступного знанию человека. Поэтому-то я не только думаю, но и по рассуждению и опыту знаю, что религиозный человек с самыми грубыми религиозными представлениями все-таки по восприимчивости к истине стоит неизмеримо выше научного суевера. Первый знает, что есть нечто, чего нельзя знать; второй же уверен, что нет ничего такого, чего нельзя знать, и что все, что он знает, есть истинное знание. Первому нужно только откинуть наросты суеверия на том, что он признает непостижимым, и

у него нет препятствий для истины. Второму же нельзя воспринять истину, потому что он весь полон ложью, которую считает за истину, и у него нет того места, куда бы он мог принять истину.

Важнее всего в знании это то, чтобы не воображать, что знаешь, чего не знаешь, а знать, что не знаешь того, чего не знаешь. И это свойство имеют люди религиозные, хотя бы религия их выражалась в самых грубых формах; совершенно же лишены этого свойства люди научные.

Лев Толстой.

Так вот вам, милый друг Шкарван, еще добавление к нашей беседе с Шмитом, которое сообщите ему, если найдете стоющим того. Душан[1] прочел мне ваше письмо о ваших личных делах. Очень радуюсь вашему освобождению. Надеюсь, что устроитесь на родине, а может быть и побываете у нас в России до моей смерти.

Искренно любящий вас

Лев Толстой.

Толстой отвечает на письмо Шкарвана от 12 января (нов. ст.) 1910 г., в котором Шкарван сообщал, что Шмит предполагает издать переписку Толстого о науке отдельной брошюрой. Цитируя письмо к нему Шмита, Шкарван, ссылаясь на примеры древних мудрецов, просил Толстого высказаться по вопросу о большей воспримчивости к религиозному сознанию людей неученых, чем людей образованных, что Толстой и исполнил в публикуемом письме.

[1] Д. П. Маковицкий.

10

ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ ШКАРВАНУ О НАУКЕ.

1910 г. Января 9. Я. П. Ясная Поляна 9 января 1910 года.

Так это в общем вопросе знания о происхождении мира, тоже самое и во всех знаниях и по частным вопросам.

Возьму хотя бы самое простое знание о том, от чего бывает день и ночь и о том, что происходит на небе. Неученый, большей частью рабочий человек, который видит почти всегда восход и заход солнца, говорит и думает, что день и ночь бывает от того, что, как он это ясно видит, солнце выходит с одной стороны из-за леса или из-за поля, а ночь бывает, когда оно с другой стороны заходит. Знает и то, что с весны оно встает раньше и в одном месте, а зимой позднее и в другом месте. Знает и то, что ночью на небе бывают звезды, и звезды, также как солнце, всходят и заходят. Ученый же так называемый «образованный» человек, хотя сам и редко видит восход солнца и не наблюдал перемену места восхода и захода, говорит и думает, что день и ночь бывают от того, что вертится земля около своей воображаемой оси, а зима и лето от того, что вся земля вертится по воображаемой орбите вокруг солнца, говорит и думает кроме того еще и то, что солнце не одно, а таких несколько десятков тысяч, и что многие из них, также как земля, вертятся вокруг другого солнца. Все это он не то что знает, а принимает на веру.

Как ни остроумна коперникова система и как ни забавны могут быть для праздных людей их, с помощью сотни миллионов стоющих обсерваторий и телескопов, исследования: туманных пятен и каналов на Марсе и т. п., нельзя не признавать каждому добросовестному и серьезному человеку того, что знания мужика о том, что происходит на небе, суть действительные, самостоятельные знания, знания же ученого суть и сомнительные, и несамостоятельные, и очень гада-

тельные, и ни на что, кроме как на препровождение времени богатых людей, не нужные знания. То же самое и во всех других опытных науках—не говорю уже о юриспруденции, <медицине>, политической экономии и других <в химии, и в физике, и в столь любимой учеными биологии>. И какое при этом несокрушимое самодовольство, <самоуверенность> ученых. А думаю, что без ошибки можно сказать, что истинные достоинства людей всегда обратно пропорциональны тому мнению, которое имеют люди о своих достоинствах, и что нет более верного признака ничтожества приписываемого себе людьми достоинства, как то высокое мнение, которое о нем имеют люди. А едва ли есть в наше время более самоуверенные и самодовольные люди, чем люди нашего времени, считающие себя учеными, образованными. Люди нашего времени гордятся открытием ни на что не нужного радия, свет которого истощится только через 3 миллиона лет (это старательно вычислено), точно также, как цари и их подданные гордятся царским величием.

Да, одна эта ужасающая самоуверенность нашей науки есть вернейший признак ее ничтожества.

Да еще непремнно укажите Шмиту на 9 янв[аря] Круга Чтения [1]. Все мысли этого дня я бы желал поставить эпиграфом моего возражения ему.

Надоел я вам, милый Шкарван, с своими добавлениями, но посылаю их условно. Даю вам carte blanche * послать их Шмиту или бросить в корзину.

Л. Толстой.

[1] «Круг чтения» — сборник мыслей мудрецов для ежедневного чтения, составленный Толстым и вышедший в свет в издании «Посредник» в двух томах в 1906—1907 гг. На 9 января в «Круге чтения» помещены мысли о науке.

11

ПИСЬМО К А. ШКАРВАНУ и Х. Н. АБРИКОСОВУ

1898 г. Ноября 1. Я. П.

Простите меня ради бога любви, милые и дорогие друзья Шкарван и Абрикосов, за то, что сам получаю радость от ваших писем (ко мне [1] и к Иенкен) [2], а не пишу, и теперь только пишу два слова. Я никогда не был так занят и делом Дух[оборов] [3], и отношениями самыми радостными с разными лицами, и, главное, своим Воскресением. Я так увлечен этим делом, что думаю о нем день и ночь. Думаю, что оно будет иметь значение. Оно много изменено. О вас обоих думаю с умиленной любовью. Читая то, что вы, Шк[арван][3], пишете о смерти[4], чувствовал полное единение с вами. Прибавлю только, что можно и должно смотреть на смерть всегда как на радостную перемену. Быть благодарным за то, что она в конце пути. Братски целую вас.

Л. Т.

На конверте:

Швейцария. Suisse.
Chexbres. Hôtel Belle vue.
Chr. Abrikossoff.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля отправления на конверте: «2 ноября 1898 г.».

Хрисанф Николаевич Абрикосов (р. 1877 г.) — единомышленник Толстого, впоследствии ученый пчеловод и агроном, автор популярных книг по пчеловодству и переводных статей по сельскому хозяйству. В 1902—1904 гг. подолгу гостил в Ясной Поляне, помогая Толстому в его работах. В 1898 г. жил с больным Шкарваном в Швейцарии.

* [свободу действий]

Подлинник письма Толстого хранится в библиотеке Matice Slovenskej в гор. Турчанский св. Мартин (Словакия), где было отыскано П. Г. Богатыревым. В Литературном музее имеется фотокопия.

[1] Абрикосов писал Толстому 1(13) августа 1898 г. из Гааги по дороге в Швейцарию и из Швейцарии 22 сентября (4 октября) 1898 г.

[2] Наталья Александровна Иенкен (1863—1927) — художница, близкая Толстому по взглядам. Впоследствии переехала в Англию, где жила физическим трудом, работая на огороде.

[3] Толстой в то время был поглощен делом переселения в Канаду гонимых русским правительством сектантов духоборов.

[4] В письме от 22 сентября (4 октября) 1898 г. Шкарван писал про себя: «Бывал снова близок к смерти, и разно бывало в ее близости: и тоска, и радость, и восторг. Но при самой близости больше тоска и страх, а только при воспоминании радость и умиление. Боюсь, что это неверно, и часто ищу и готовлюсь к совершенно правильному отношению к смерти, от которого, мне кажется, я далек. Но утешает одно — это то, что стараюсь не обманывать самого себя. Опыт мой, который я вынес из болезни, главное, в том и состоит, что смерть гораздо серьезнее и труднее, чем я до сих пор думал, но во всяком случае нет в ней ничего, что могло бы привести нас к отчаянию, этому самому к единственному страшному, что может постичь. Я не без интереса пишу вам про смерть, мне очень бы хотелось знать ваше отношение к последнему моменту... Зная, что всякий час могут меня позвать, это стало для меня самым важным и интересным пунктом. Жизнь для меня ясна, и в ней я не сомневаюсь, а этот пункт, боюсь, не тверд для меня. Иногда же думаю, что это так быть должно, что это так хорошо, для того, чтобы покоряться и смиряться, чтобы не забыть, что я ничто»...

ПИСЬМО К М. В. БУЛАНЖЕ

1897 г. Марта 15—16? Москва.

Ужасно сожалею, что не удалось поговорить с вами, милая М[арья] В[икторовна], а имел и имею сказать вам я очень определенное. Очень может быть, что вы не одобрите то, что я имею сказать, найдете это не важным, не действительным; но я твердо убежден, что если бы вы только последовали моему совету и сделали то, что я хочу предложить вам, то ваше мучительное душевное состояние очень скоро переменится на самое радостное. Советую я вам вот что: прежде всего забыть все то, что вы сделали для П[авла] А[лександровича], все те жертвы, к[оторые] вы принесли, перестать даже и считать жертвами то, что вы сделали, а искать в себе все то, что вы не сделали, как можно строже отнестись к себе и как можно внимательнее постараться понять его, все то, что могло быть тяжело ему; пожалеть его, как бы вы пожалели чужого человека, ежели бы знали, что он имеет несчастие быть раздраженным на свою жену (пускай и несправедливо — ему от этого тем хуже); и что он при том слабый, больной и несомненно добрый человек. Это средство радикальное. Если вам удастся обвинить себя искренно и оправдать и пожалеть его, вы сейчас же изменитесь в своем отношении к нему, в своих поступках, словах, и тотчас же изменится ваше душевное состояние и из мучительного сделается радостным. Это одно радикальное средство, но может быть вы не осилите его. Тогда есть другое и уже несомненное. Оно состоит в том, чтобы, обдумав то, что тревожит вас, делает ваше несчастие, именно, дурной, тяжелый характер вашего мужа, придумать средство, каким образом изменить его. Другим человеком сделать его нельзя. Каким он есть, нервным, раздражительным, положим даже несправедливым, злым, таким он и останется. Все, что можно сделать, это то, чтобы изменить его отношение к вам. Как же изменить его? А на это есть только одно средство: не считаться с ним, смотреть на него как на больного, жалкого человека, и, не думая об отношении его к себе, заботиться о нем, служить ему, делать ему одно приятное, никогда не напоминая ему о своих требованиях. Нет человека, к[оторый] бы не стал любить и ценить того человека, к[оторый] так обращался бы с ним. А как только он будет любить, ценить, дорожить вашей любовью к нему, так он покорен, и вы только будете радоваться. Попробуйте хоть две недели жить по этому рецепту, и вы увидите, что ваше горе переменится на величайшую радость. Пожалуйста сделайте это, милая М[арья] В[икторовна], и если сделаете, то сообщите мне о последстви[ях].

Любящий вас. Л. Т.

Письмо написано жене П. А. Буланже (см. стр. 206) Марии Викторовне Буланже (р. 1863 г.) и служит ответом на ее письмо об ее отношениях с мужем. Датируется на основании штемпеля на конверте: «16.III 1897 г. Москва».

ПИСЬМО К В. Г. и А. К. ЧЕРТКОВЫМ

НЕОКОНЧЕННОЕ И НЕПОСЛАННОЕ

1897 г. Мая 16. Я. П.

Получил вашу милую, радостно тронувшую телеграму, дорогие друзья, и очень жалею, что огорчил вас, написав в дурном расположении духа. Я и теперь не в лучшем, жалею себя, что дурно, праздно и тревожно проходят последние года, те, в кот[орые] надо бы быть тихим, радостным и спокойным, служащим богу через людей. Но, видно, так не надо, а надо перестрадать свою гадость. И бывают хорошие минуты, когда успеешь вызвать в себе любовь, самую лучшую, любовь — жалость к тем, от кого больно, но потом опять свертываешься на жалость к себе и на нелюбовь, упреки и тоску. В таком я нынче настроении и пишу, что чувствую. Пожалуйста никому не говорите и, главное, не делайте никаких демаршей* вследствии этого письма. Все демарши бесполезны. Я испробовал все: гнев, мольбы, увещеванья и в последнее время снисходительность и доброту. Еще хуже. Страдаю я, как ни стыдно сказать, от унижения и жестокости.

Письмо сохранилось в архиве П. А. Буланже. Адресаты не названы, но это — несомненно В. Г. и А. К. Чертковы.

7 мая 1897 г., чувствуя себя неспокойным вследствие явного для него и казавшегося ему «отвратительным» увлечения его жены С. И. Танеевым, Толстой писал Чертковым: «Не отвечаю я письма, не пишу дневник потому, что чувствую себя всю нынешнюю зиму и теперь весну, особенно временами, очень слабо. Только хватает энергии умственной на утреннюю работу об искусстве... Я думаю, что во мне болезнь, которая временами появляется и ослабевает, а может быть просто дурная жизнь и старость, это вероятнее...Я хвастался вам своим спокойствием. И его теперь нет внутри. Только наружу не проявляется».

Это письмо вызвало в Чертковых беспокойство, и они телеграммой запросили Толстого о его состоянии. В ответ на телеграмму Толстой и начал писать публикуемое письмо; но, испугавшись той слишком большой откровенности, с которой он писал о своих семейных делах, он это письмо оставил, а вместо него 16 мая написал другое, в котором писал:

«Читайте одни, В. Г. Получил вашу милую телеграмму, дорогие друзья, и был очень радостно тронут ею. Очень жалею, что огорчил вас тем письмом Не могу сказать, чтобы теперешнее состояние мое было лучше. Недовольство собой и слабость всякая. Думал лучше провести последние годы своей жизни. Но, видно, так надо, надо пострадать за свою гадость. Знаю лекарство исцеляющее и прибегаю к нему, но не всегда достает сил на овладение им. Лекарство — смирение и любовь. Буду лечиться, может и вылечусь и буду здоровей, чем прежде. Ну, прощайте пока, не присылайте больше телеграмм. Буду писать еще скоро. Никому не читайте моег[о] письма. Не для меня, а для того, чтобы не обвиняли людей. И вы не делайте этого. Л. Толстой».

---

* [демаршей — от французского démarche: шаг, поступок.]

(«Толстой. Памятники творчества и жизни», 1917, изд. «Огни», Птг., I, стр. 9).

Но и это письмо показалось Толстому слишком нескромным и так же не было отправлено, а на другой день, 17 мая, Толстой написал третье письмо, в котором писал:

«Дорогие друзья, телеграмма ваша очень радостно тронула меня. Я виноват, что написал вам в дурную минуту. Надо переживать свои душевные муки одному с богом. Он только может помочь, а все кроме него бессильны. Мучить же, заражать других, любящих и любимых людей — бесполезно и дурно... Знаю, что есть возможность всякое зло (все в себе) обратить в добро, да не всегда осилишь; хорошо уже и то, что знаю это».

Еще через десять дней Толстой писал Черткову:

«Мне совестно и больно, милый и дорогой друг Владимир Григорьевич, что оставляю вас долго под впечатлением моих дурных писем. Мне теперь хорошо и опять покойно». Успокоило Толстого следующее рассуждение, приводимое им в конце письма: «Мы все знаем, что бог есть любовь и потому любовь победит все; но когда мы прилагаем к делу любовь и видим, что она не побеждает, а зло остается злом, мы говорим себе: любовь в этом случае не действительна (как будто бог может быть не действителен), и, не веря в любовь, не делаем дела любви, как бы телеграфист перестал телеграфировать потому, что он не видит, как на той станции выходит лента».

Очевидно, Толстой, хотя и не видел непосредственных результатов своего любовного отношения к жене (в смысле прекращения ее увлечения С. И. Танеевым, которое так возмущало его), все-таки решил взять на себя продолжать попрежнему относиться к ней, надеясь на то, что рано или поздно скажутся благотворные результаты такого образа действий.

Датируем публикуемое письмо 16 мая 1897 г. — той датой, когда было написано второе, неотправленное письмо к Чертковым, заменившее публикуемое, оставшееся неоконченным.

Публикуемое письмо сохранилось в архиве П. А. Буланже, которому оно было передано Толстым, очевидно, вместе с листками дневника 1897 г., напечатанными нами на стр. 20—21.

Что касается второго письма Толстого к Чертковым от 16 мая, то А. К. Черткова в своей заметке «История пропадавшего письма Л. Н. Толстого» («Толстой. Памятники творчества и жизни», изд. «Огни», Птг., 1917, I, стр. 10—12) рассказывает, что это письмо находилось у незнакомого ей лица, которое явилось к их знакомому Б. и предложило приобрести у него это письмо за деньги. Под Б. нужно разуметь П. А. Буланже. Полагаем, что Чертковы в данном случае сделались жертвой мистификации со стороны П. А. Буланже и что «неизвестное лицо», у которого хранилось это письмо Толстого, был не кто иной, как тот же хорошо им известный П. А. Буланже, которому Толстой передал это письмо вместе с листками из дневника 1897 г. и с публикуемым письмом.

ПИСЬМА К П. А. БУЛАНЖЕ

Павел Александрович Буланже (1864—1925) вступил в переписку с Толстым в 1886 г. Окончив физико-математический факультет Харьковского университета, он служил на железной дороге в Екатеринославле, затем около 1893 г. переехал в Москву, где поступил заведующим счетоводством службы тяги Московско-Казанской железной дороги. Был близок к взглядам Толстого и часто бывал в Ясной Поляне и в хамовническом доме Толстых.

В марте 1897 г. были высланы за помощь гонимым духоборам В. Г. Чертков, П. И. Бирюков и И. М. Трегубов. После их высылки дело сношений с духоборами продолжал П. А. Буланже, за что в августе того же года также был выслан за границу. Вернулся в Россию в ноябре 1899 г. и с 1900 г. служил бухгалтером в управлении Московско-Курской железной дороги. В 1901—1902 гг. был около Толстого в Гаспре во время его тяжких болезней, причем, как передавала мне А. Л. Толстая, «сумел сделать себя необходимым» для Льва Николаевича.

Пылкий и увлекающийся, П. А. Буланже был способен на высокие подъемы и глубокие падения. В 1907 г. он проиграл в карты 10 000 рублей общественных денег, после чего скрылся из Москвы и уехал на Кавказ, где в течение некоторого времени работал простым рабочим на нефтяных промыслах. В 1909 г. вернулся с Кавказа и поселился в шести верстах от Ясной Поляны в усадьбе Т. Л. Сухотиной Овсянникове, занявшись литературным трудом. Прежние дружеские отношения к нему со стороны Толстого уже не могли восстановиться. Умер скоропостижно от разрыва сердца в племхозе «Лесная Поляна» под Москвой, где служил в качестве старшего бухгалтера.

Печатаемые ниже девять писем Толстого к Буланже, относящиеся к 1897—1899 гг., составляют только часть всех писем к нему Толстого. Некоторые из писем не сохранились; шесть хранятся в Рукописном отделении Толстовского музея.

1

1897 г. Мая 30. Я. П.

Дорогой друг Павел Александрович.

Сейчас получил ваше обстоятельное письмо и спешу вам ответить. От Олсуфьева я получил телеграмму 27[-го]: «Поручение ваше исполнено». Таню прошу списать вам копию и выслать [1]. Суворин, видно, заробел. Очень интересно описание вашего свидания.

Полицейское посещение вас меня смутило [2].

Знаю, что все делается к лучшему, но представляется страшноватым изменение вашего положения. Главное, по тому горю, кот[орое] оно может произвести в вашей семье. Ну, да будет, что будет. Шидловский писал мне, что книги к нему арестованы [3]. Посылаю полученное на ваше имя письмо.

Целую вас. Привет вашей жене.

Любящий вас Л. Толстой.

30 [Мая].

Дата письма (30) дополняется годом и месяцем на основании содержания.

9—10 мая 1897 г. Толстой написал Николаю II письмо по поводу отнятия детей у самарских молокан. Толстой в этом письме призывал царя прекратить «позорящие Россию гонения за веру» (см. стр. 21). Письмо это, врученное Толстым приехавшим к нему молоканам, не было передано царю, так как, приехав в Петербург, молокане, сбитые с толку разговором с служащими вел. кн. Георгия Михайловича, из предосторожности уничтожили письмо Толстого. После этого Толстой вторично переписал свое письмо к царю, послав его 18 мая с отправлявшимся в Петербург Буланже. При этом Толстой дал Буланже еще письмо к своему знакомому графу Александру Васильевичу Олсуфьеву (1843—1907), бывшему в то время помощником командующего императорской главной квартирой; в письме этом Толстой просил его содействовать передаче царю написанного им письма. Другое письмо, которое Толстой просил Буланже передать по назначению в Петербурге, было письмо от 18 мая к издателю «Нового Времени» А. С. Суворину. В этом письме Толстой просил Суворина напечатать в его газете статью Буланже о преследованиях духоборов (это письмо напечатано в книге: «Письма русских писателей к А. С. Суворину», изд. Государственной публичной библиотеки в Ленинграде под общей редакцией проф. Н. С. Державина, Л., 1927, стр. 181).

20 мая 1897 г. Буланже послал Толстому обширное письмо, в котором излагал подробности своих разговоров с Олсуфьевым и Сувориным. Олсуфьев взялся передать письмо царю «при первом удобном случае»; Суворин же отказался напечатать статью Буланже.

Письмо Толстого было передано царю, но действия не оказало. Молоканские дети были возвращены родителям лишь после свидания Т. Л. Толстой с Победоносцевым в январе 1898 г.

[1] В своем письме от 20 мая Буланже просил выслать ему копию письма Толстого к царю.

[2] В том же письме Буланже писал, что без него приходила на его квартиру полиция, причем выяснилось, что за ним следили уже давно.

[3] Степан Васильевич Шидловский (р. 1876 г.) — крестьянин штундист села Кишенцы, Уманьского уезда, Киевской губернии. Толстой был с ним в переписке. Шидловский 30 апреля 1897 г. известил Толстого, что становой отобрал у него толстовские книги, которые он продавал, и спрашивал, знает ли он Буланже.

2

1897 г. Июня 20? Я. П.

Дорогой друг П[авел] А[лександрович],

Я узнал, что в Москве на днях должны быть в остроге духоборы— должны быть или уже теперь находятся. Там, т. е. в остроге, есть доктор Осип Иванович Бортновский, который не отказывается передать, что будет нужно и можно, пересылаемым. Доктор, разумеется, боится, и надо стараться как можно меньше компрометировать его.

Если можно, побывайте у него и передайте им хоть эти мои несколько слов.

Целую вас.

Л. Толстой.

Не нужно ли им чего?

Кавказские духоборы (см. стр. 5), числившиеся в ополчении и возвращавшие обратно свои ополченские билеты, приговаривались судом к ссылке в Сибирь на поселение на 18 лет. Партии направлялись в Сибирь с Кавказа через Москву. 20 июня 1897 г. Толстой писал Е. П. Накашидзе: «Я получил через сына Сережу, что какие-то духоборы прибыли или ожидаются в Московской тюрьме». Датируем письмо предположительно тем же числом.

3

1897 г. Октября 12. Я. П.

Спасибо вам, милый, дорогой друг, за то, что написали мне, и так подробно, именно так, как мне хотелось, т. е. подробно, о своем путешествии и устройстве, о жене и детях. Страшно, по слабости чело-

веческой, за вас, за эти 1 500 р[ублей], к[оторые] выйдут, и что потом? но почему-то верится в вас, а больше всего в бога. Не то, что бог сделает то, что вы будете в 5 раз больше получать и станете, как в сказках и романах, счастливы от того, что матерьяльно будете обеспечены, а сделает то, что вам будет хорошо, и так хорошо, как мы и не мечтали, и хорошо вам значит хорошо и вашей семье, п[отому] ч[то] вам не может быть хорошо, если им не будет хорошо. Поцелуйте их от меня — и вашу тещу [1] и вашу жену [2] и ваших детей [3] и скажите им, что я их истинно и очень люблю, и мне бы было очень больно, если бы они не любили меня. Я бы сейчас отвечал вам, но был нездоров. Нарыв мой прошел [4], но сделались боли желудка, кот[орые] продолжались недолго, и теперь я здоров. Я неделю уж живу один в доме, хожу обедать к Леве [5], и мне очень хорошо. Нынче приехала С[офья] А[ндреевна] на несколько дней. А я останусь, сколько возможно. Пожалуйста пишите мне подробнее о себе, о своих занятиях, сношениях, впечатлениях от людей, о своих успехах в английск[ом] языке. Не забывайте моей системы: читайте каждый день по-англ[ийски] страниц по 20 книги, кот[орую] вы лучше всего знаете — хоть евангелие. Если можно, читайте про себя, а чтобы вслух читал бы вам тоже англичанин. Пишите подробности о теще, о Марье Викторовне. Ей советую также по тому же способу учиться по-англ[ийски], т. е. читать знакомое по-английски, догадываясь, что́ что. Главное же советую для того, чтобы обеспечить будущее, не думать о нем, а только в настоящем стараться делать жизнь наиболее легкою и радостною для себя и других. Завтрашний день печется сам о себе. Это такая несомненная истина. Тем-то и хороша жизнь, что никак не знаешь, что нужно для будущего. Одно несомненно нужно для самого далекого будущего — для вечного — любовь к людям. Ну, прощайте, пожалуйста скажите вашим, что если я пишу о любви к ним, то это истинная правда. Я чувствую, как им трудно, и жалею и люблю их всей душой и совершенно неожиданно для себя; потому и пишу это. Ну, прощайте пока. Наших друзей [6] приветствуйте.

Письмо датируется на основании упоминания о приезде С. А. Толстой из Москвы в Ясную Поляну (12 октября 1897 г.). Толстой отвечает на письмо П. А. Буланже от 2 (14) октября 1897 г., в котором Буланже описывал свой переезд в Англию и жизнь в новых условиях.

[1] Юлия Устиновна Клюковская, рожд. Краевская (1843—1916).

[2] Марья Викторовна Буланже, рожд. Клюковская.

[3] Николай Павлович (р. 1888 г.), Анна Павловна (р. 1890 г.) и Александр Павлович (1896—1932) Буланже.

[4] Огромный гнойный нарыв на щеке появился у Толстого в сентябре 1897 г. Болезнь кончилась благополучно.

[5] Лев Львович Толстой.

[6] В. Г. Чертков с семьей, высланный в Англию в 1897 г.

4

1897 г. Октября 20. Я. П. 20 Октября.

Сегодня получил ваше письмо, дорогой П[авел] А[лександрович], и спешу отвечать. На телеграмму вашу, вызванную слухами, не имеющими никакого основания, не мог отвечать п[отому], ч[то] в телеграф не приняли ни Essex Purleigh, ни просто Purleigh. И теперь пишу через Моода, п[отому] ч[то] боюсь, что один Purleigh — мало и не дойдет. — Операции мне не делали, но той последней операции, кот[орая] скоро должна быть сделана — я ожидаю постоянно и думаю, что и вам, как и всем любящим меня людям, надо ожидать постоянно и не смотреть на это, как на что-то нехорошее. Простите меня, милый

друг, но все, что вы пишете, есть признак большой слабости. Важно, как живут любимые нами люди, но продолжение или прекращение их жизни должно быть безразлично, также как и своей жизни. Ну, да что об этом говорить. Боюсь, скажу что нибудь лишнее.

Сказать же мне вам особенно хочется вот что: то, что я очень стыжусь своей слабости — помните то, о чем я говорил с вами [1]. Поступить так, как я давал себе возможность поступить, было бы прямо нарушение веры в то, что жизнь наша не в нашем счастьи, а в исполнении воли бога, было бы отречением от самой основы жизни. И я стыжусь. Живя в одиночестве [2], я опомнился и понял, как я был плох и преступен.

Пишите пожалуйста почаще, чтоб я знал, как вам живется. Если бы Марья Викт[оровна] написала мне хоть несколько слов, чтобы я почувствовал ее душевное состояние, я бы был очень благораден ей.

Как бы желая я передать ей то твердое чувство уверенности в том, что ничего дурного внешнего нет и не может случиться ни со мной, ни с любимыми людьми, а что одно дурное, что может случиться, но над чем я властен, — это мое отступление от свойственного мне и данного для блага моего и всех окружающих чувства любви.

Бывает, что ослабевает эта уверенность, бывает, что забываешь даже, что в этом жизнь, но если знаешь это и в хорошие минуты возвращаешься к этому, то это большое счастие. Прощайте, нежно люблю вас всех. Как писал вам в том письме [3], очень радуюсь тому, что совсем новое чувство имею к М[арье] В[икторовне] и к вашим детям и матушке теперь, когда вы далеки и когда вам дурно.

Ваш Л. Т.

Толстой отвечает на письмо Буланже от 11 (23) октября 1897 г. Буланже жил в то время в Англии. От дочери своей квартирной хозяйки Буланже услышал, будто бы Толстой был тяжело болен, и ему делали операцию. Обеспокоенный этим слухом, Буланже просил Толстого написать о состоянии его здоровья.

[1] В своих воспоминаниях (не изданы; находятся в архиве В. Г. Черткова) Буланже пишет: «Как раз незадолго до моего отъезда он [Толстой] именно говорил о том, что так измучен дурным отношением с Софьей Андреевной, что его взял большой соблазн оставить дом и скрыться. Говорилось это под большим секретом». См. стр. 19—20.

[2] Толстой в то время жил один в Ясной Поляне. Вся его семья жила в Москве.

[3] Толстой писал П. А. Буланже 12 октября 1897 г. (см. предыдущее письмо).

5

1898 г. Января 1—2? Москва.

Получил давно ожидаемое ваше письмо, дорогой друг П[авел] А[лександрович], и очень обрадован б[ыл] им. — Я б[ыл] нездоров, теперь поправился, но все еще нет полного обладания силами и потому не могу работать [1]. Поэтому же и вам пишу только несколько слов. Как мне понравилось то единственное дело, к[оторое] представляется Коле [2]. Насколько это лучше гимназии [3]. Делаете ли вы для изучения языка то, что я советовал вам: прочитыванье каждый день главы две евангелия (как самой вам хорошо известной книги) по английски, не углубляясь в граммат[ические] подробности [4]. Поздравляю вас, вашу жену [5], тещу [6] и детей [7] с Новым годом.

Л. Т.

На обороте:

Англия, Angleterre, Purleigh (near Maldon) The Limes.
P. Boulanger.

Письмо (открытка) датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Москва. 2.I 1898». Толстой отвечает на письмо П. А. Буланже от 23 декабря 1898 г. (4 января 1899 г.), в котором Буланже подробно писал о своей жизни и работе.

[1] Толстой некоторое время чувствовал общее недомогание и слабость, мешавшие ему работать.

[2] Сын П. А. Буланже, Николай Павлович Буланже.

[3] В письме от 23 декабря 1898 г. (4 января 1899 г.) П. А. Буланже писал, что его сын хочет учиться набирать. «Это и будет его образованием, — писал П. А. Буланже. — Я часто и поневоле думаю о его образовании и все более успокаиваюсь насчет того, чтобы не стремиться ни к какому образованию, а давать то, что сейчас могу, и способствовать всеми силами тому, чтобы приучался работать». Однако, впоследствии Н. П. Буланже поступил в среднюю школу в Англии, а по возвращении в Россию поступил в Институт путей сообщения, который и окончил.

6

1898 г. Января 10. Москва.

Спасибо вам, дорогой друг П[авел] А[лександрович], за письмо и вырезку из газеты. Я знаю через Русановых[1], что вы были больны. Хорошо, что вы пишете, что у вас было спокойно на душе, когда вы писали. Верю и надеюсь, что это так и теперь. Все то, что вы пишете о ваших планах на будущее, мне очень нравится, но меня все-таки беспокоит ваше матерьяльное положение, и хочется знать о нем: как вы устроились или думаете устроиться. Чем жить? Если бы вы были одни, мне бы это и в голову не пришло, но теперь не могу не тревожиться — также и вы; и не о том тревожиться, будете ли сыты, одеты (я знаю, что будете), а о том, что это положение нарушит любовь и мир. Так напишите то, что вы об этом думаете. Сейчас был С. И. Бирюков[2], едущий к брату[3]. Я дал ему кое что свезти брату и сведения о нас. Кажется, что его выпустят. Тов[арищ] мин[истра] пишет, что его выпустят, если он согласится взять на себя те же обязательства, как и Буланже[4]. Какие?[5] Когда я читаю их глупые бумаги, слышу все эти глупые разговоры этих министров, не могу не смеяться. Вчера получил письмо от Веригина[6]. Были в Обдорске студенты для изучения флоры и фауны и там познакомились с ним. И вот один из них занес письмо, к сожалению, не зашел и не оставил адреса. Вер[игин] пишет, что хорошо бы собрать в Европе где-нибудь съезд всех христиан, отказывающихся от военной службы (можно бы присоединить и не христиан, как Вандервера), Квакер[ов], Менон[итов], Назар[енов], Духоб[оров], Шекеров и др. и потом от них выбрать представителей и, написав заявления или петиции, послать их правительствам, наказывающим за отказ. Мысль хорошая[7].

Я все не могу поправиться вполне после болезни. Нет энергии для внешней деятельности, но за то очень хорошо на душе: тихо, радостно, спокойно, дружелюбно ко всем людям. Пытаюсь писать, может быть прийдет, а если и нет — очень хорошо и так.

Прощайте, целую вас и детей. Душевный привет Марье Викторовне и ее матери.

Л. Толстой.

10 Января.

Год письма Толстого определяется на основании письма Буланже, на которое отвечает Толстой.

Письмо Толстого служит ответом на письмо Буланже от 3 (15) января 1898 г., в котором Буланже извещал Толстого о выходе английского пере-

вода трактата «Что такое искусство?» и прилагал вырезку из газеты «Daily Chronicle» от 14 января (нов. ст.) 1898 г., с отзывом о новой книге Толстого, Буланже сообщал также о своей болезни и некотором улучшении здоровья, прибавляя: «На душе хорошо, спокойно, и я очень рад своему состоянию», и писал о своих планах устройства жизни своей и семьи.

[1] Друг и единомышленник Толстого, Гавриил Андреевич Русанов (1844—1907), бывший член харьковского окружного суда, и его жена Антонина Алексеевна Русанова (1855—1905).

[2] Сергей Иванович Бирюков (р. 1858 г.) — брат П. И. Бирюкова, в 1898 г. занимал должность непременного члена костромского губернского правления по судебным делам.

[3] Павел Иванович Бирюков, находившийся в ссылке в городе Бауске Курляндской губернии за помощь гонимым сектантам духоборам.

[4] Повидимому, такого содержания письмо было получено от товарища министра внутренних дел С. И. Бирюковым. Подробное содержание его неизвестно.

[5] В ответном письме от 15 (27) января 1898 г. Буланже писал: «Вы пишете, что Сергей Иванович передал вам, что товарищ министра может согласиться на выезд Павла Ивановича только в том случае, если он согласится на те же условия, на какие согласился я. Это меня поразило. Мне не предлагали никаких условий. Директор департамента полиции буквально сказал мне следующее: министр внутренних дел просил меня передать вам, что, приняв во внимание некоторые обстоятельства, о которых я не могу вам передать, он предлагает вам немедленно выехать за границу. Вот и все. Решительно никаких условий... Да я бы никогда, при самом тяжком положении, не согласился бы ни на какие условия».

[6] Это письмо П. В. Веригина в архиве Толстого не сохранилось.

[7] К осуществлению проектируемого П. В. Веригиным съезда не было сделано никаких попыток.

7

1898 г. Марта 20—21? Москва.

Я, кажется, очень виноват перед вами, дорогой друг, давно не писал. Простите. Не успеваю делать, что нужно, так скоро, как хотелось бы и как следовало бы. Не помню, отвечал ли вам на предпоследнее письмо [1]. Знаю, что в душе своей отвечал тем же самым, чем и вы решили вопрос — уйти из себя, забыть себя. В последнее время я нашел для этого полезный рецепт: забыть прошедшее — стало быть, все, чем для себя недоволен, не думать о будущем, ст[ало] быть, о всем, что д л я т е б я нужно, и жить только в настоящем, сейчас поступать как можно больше по божески (любовно), и удивительно, что жизнь только в настоящем без отношения к прошед[шему] и будущ[ему] — всегда божеская. Мне недавно понадобилось употребление этого рецепта, и действие оказалось удивительное. Дорогой М[арье] В[икторовне], о к[оторой] всегда думаю с любовью, хочу написать письмо.

Л. Т.

На обороте:

Англия, Angleterre
P. Boulanger.
The Limes, Purleigh. Essex.

Письмо (открытка) датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Москва. 21.III 1898».

[1] В письме от 10 марта (нов. ст.) 1898 г. Буланже писал Толстому о «невозможно тяжелых отношениях с женой» и не совсем хороших отношениях с В. Г. Чертковым.

8

1898 г. Июня 15—20? Я. П.

Получил ваше письмо от 18 июня [1], дорогой П. А., и очень обрадовался ему. Я, кажется, более месяца не имею ни от кого известий,

за исключением коротенькой записочки от Поши [2]. Я рад б[ыл] очень вашему письму, но оно не удовлетворило меня: я не знаю очень интересных мне о вас подробностей: как обстоит ваш бюджет? Что вы зарабатываете? Что проживаете? Вижу, что вам очень тяжело от напряженной работы, но, милый друг, не забывайте того, что есть люди — я их вижу вокруг себя — которым много хуже — не думайте, что это те, кот[орые] работают еще тяжелее вашего, нет, это те, кот[орые] живут праздно и вовсе не работают. Я понимаю ваш страх перед царством рабочих; но этого царства никогда не будет, п[отому] ч[то] им не над кем царствовать. А что они такие же эгоистичные и безжалостные, как буржуа, и еще озлобленные теперь—это несомненно. Но все-таки до сих пор они жертвы, и потому нельзя не быть на их стороне. Да впрочем, все, что я думаю об этом, я напишу, если бог велит [3]. Еще недоволен я, милый, дорогой друг, вашим письмом п[отому], ч[то] чую в нем отсутствие простых, сердечных отношений с Ч[ертковым] и даже Б[ирюковым], а только усилие быть с ними в любви. Не согласен с вами в мотиве, по к[оторому] вы вышли из их товарищества [4], и очень жалею, что вы вышли, п[отому] ч[то] вы были бы очень нужный элемент в этом товариществе. Еще недоволен я в вашем письме тем, что чувствуется в нем не покорность своему положению, а возмущение, желание внешней перемены. Милый друг, ведь хоть вы и молоды, вы всякую минуту можете уйти туда, откуда нет сюда возврата, и во всяком случае среди таких же, пробегающих по разным кривым, коротким и длинным, товарищей должны пробежать эту жизнь, пронеся в ней то, что велено. Только одно это важно. И если мы верим в это, то как может притти мысль считаться с сотоварищами этого шествия, какие другие могут быть отношения к этим сотоварищам, кроме желания помощи друг другу, и какие могут быть желания об изменении положения, когда оно само не переставая изменяется именно так, как нужно, и ведя меня туда, куда нужно. Интересно про остров [5]. Напишите. Ну, вот, простите, что позволяю себе учить вас. Отплатите мне тем же. По себе знаю, как хорошо, когда люди упрекают нас, и потому уверен, что вы не рассердитесь на меня. Ну, вот, теперь о себе. Я жил у Ильи (сына) [6]. Мне надавали денег тысяч 7. Больше 3-х я истратил на столовые. Остальные не успел и потому, что губернаторы запрещают, и потому, что заболел кровавым поносом (теперь совсем здоров), и потому, что на будущий год ожидается такой же или еще хуже неурожай. Я написал обо всем этом статейку [7], послал Меньшикову [8]. Не знаю, поместят ли [9]. Попрошу Таню [10] послать Черткову [11]. Теперь в Ясной с охотой работаю, пишу. Не скажу, что [12]. Целую вас, милый друг, и вашу жену и тещу и детей.

Л. Толстой.

Письмо датируется на основании того, что в копировальной книге писем Толстого за 1898 г., хранящейся в Рукописном отделении Толстовского музея, письмо оттиснуто между письмами Толстого от 15—20 июня.

[1] В письме от 18 июня (нов. ст.) 1898 г. Буланже описывал условия своей жизни и работы в Англии.

[2] П. И. Бирюков.

[3] В 1897 г. Толстой начал статью по рабочему вопросу, которую он в дневнике называл «Воззванием». В его дневнике 1898 г. есть ряд записей к «Воззванию». Две версии «Воззвания», исправленные Толстым в 1900 г., вышли в свет в том же году в издании «Свободное Слово» в Англии под названиями: «Где выход?» и «Неужели это так надо?».

[4] Буланже сообщал, что он отказался вступить в товарищеское издательство, как предлагали ему Чертков и Бирюков, потому что чувствовал себя лишним в этом деле.

[5] Буланже писал Толстому о жителях острова Island of H. Kilda на севере Англии, которые «несколько веков тому назад были обращены в хри-

стианство и приняли его в чистом виде и зажили братски. И ввиду того, что они совершенно отрезаны от мира (корабль в теперешнее цивилизованное время приходит к ним раз в год), они до сих пор сохранили христианскую жизнь. Никто не знал о них до самого последнего времени, когда одному из лордов вздумалось утверждать, что этот остров принадлежит ему и что эти люди должны платить ему. А они не могут платить. Он начал насилием отбирать у них их продукты, и сведения об этом проникли в общество».

[6] С 23 апреля по 27 мая 1898 г. Толстой прожил в имении своего сына, Ильи Львовича Гриневке, Чернского уезда, Тульской губернии, занимаясь организацией помощи голодающим.

[7] Статья Толстого была озаглавлена «Голод или не голод?».

[8] Михаил Осипович Меньшиков. См. стр. 126.

[9] Статья «Голод или не голод?» была напечатана с цензурными пропусками в газете «Русь», 1898 г., изд. 2-е, №№ 4 и 5 от 2 и 3 июля. За статью Толстого газета получила предостережение. Полностью статья появилась в том же году в Англии в издании В. Г. Черткова.

[10] Татьяна Львовна Толстая.

[11] Высланный в Англию В. Г. Чертков основал там издательство «Свободное Слово», в котором печатал те произведения Толстого, которые по цензурным условиям не могли появиться в России.

[12] В то время Толстой был занят окончанием повести «Отец Сергий», начатой им в 1891 г.

9

1899 г. Февраля 14—15? Москва.

Дорогой друг П[авел] А[лександрович], давно не писал вам и не отвечал на 2 ваши письма — простите. Думаю о вас часто, люблю вас не переставая. Порадовался вашему письму, где вы пишете, что устроились кореспонден[том] в газеты, и это дает вам заработок, и что вам предлагают кореспондировать в консерв[ативную] газету, и вы колеблетесь; это очень бы порадовало меня, если бы я не сомневался в том, что вы описываете свое матерьяльное положение лучше, чем оно есть, по своей доброте, только для того, чтобы успокоить меня. Напишите об этом — т. е. о своем заработке, подробнее и обстоятельнее и не отказывайтесь от заработка только п[отому], ч[го] газета консерв[ативная]. Я часто думаю, что если бы мне надо было печатать и можно выбирать, я печатал бы в Моск[овских] Вед[омостях] и Моск[овском] Листке. Вносить хоть немного света в мрак читателей этих органов — доброе дело. — А еще дайте мне послужить вам в этом деле — пришлите мне кореспонденции, и я продам их и выговорю и на будущее наивыгоднейшие условия. Я могу поместить в Курьере, в Рус[ских] Вед[омостях], в Ниве, в Неделе. Пожалуйста, пожалуйста воспользуйтесь мной, пока я в городе. А мне не то что трудно, но только истинное удовольствие. И мне кажется, что ваши кореспонденции могут быть очень хороши и полезны. Не думайте, чтобы я ожидал от вас высказывание в этих кореспонденциях тех основ, к[оторыми] мы живем, я жду от них только описания современных английск[их] событий в эконом[ической], полит[ической], социальн[ой], научн[ой], художествен[ной] областях, переданных христианином и потому освещенных христиа[нским] светом. Пожалуйста сделайте это, т. е. пишите и пользуйтесь мной, а я теперь же приготовлю издателей.

О внешней жизни моей вы, вероятно, знаете от Рус[анова]. Чувствую себя очень ослабевшим в нынешнем году — болит спина, и нет сна и бодрости мысли, и потому плохо работается. Правда, что городская жизнь страшно утомительна с тем огромным количеством отношений, к[оторые] образовались у меня. Хочется попытаться уехать куда нибудь — к Олсуф[ьевым] [1] вероятно. Исправление Воскр[есе-

ния] совсем не двигается. Ответ Шведам [2] напечатан в очень нехорошей версии, я потому исправил его и послал Ч[ерткову] [3]. Если он не напечатан во Фр[анции], то хорошо бы перевести его с этой лучшей версии. Жены нет теперь в Москве, она в Киеве у Т. А. Кузм[инской] [4], к[оторая] очень больна — воспаление легких. Я с Таней, Мишей [5] и Сашей [6]. Мой привет М[арье] В[икторовне] и вашим детям. Что они? Вчера вернулся из Канады Бакунин [7] весь под влиянием духоб[оров], необыкновенных людей 25 столетия. От Сережи [8] письма еще только из карантина. Видел Христиановича [9], к[оторый], как и следует, очень любит вас. Так не сердитесь, что не писал, и пишите мне почаще и про свою душу, к[оторую] я очень люблю.

Л. Т.

Написал вам письмо и только потом прочел еще раз ваше от 5 февр[аля] и увидал, что не отвечаю на письмо Волховского [10]. Пожалуйста передайте ему мое извинение, что не отвечаю ему и не исполняю его желание относительно сведений о голоде. Я чувствую себя нынешний год настолько занятым и слабым, что не могу сам исследовать этот вопрос и очень тягощусь даже и той долей ответственности, к[оторая] падает на меня тем, что мне присылают пожертвования. На днях напишу в газеты статьи о том, куда я направил пожертвования и почему прошу не обращаться ко мне более с этим делом [11]. О другом же деле Волх[овского] — о мнимом свидании моем с Ник[олаем] II могу сказать только, что ничего подобного не было. Мнение же мое о конференции я выразил в письме к Шведам.

Волховскому же скажите от меня, что я его знаю и уважаю и теперь занимаюсь историей русской революцион[ной] деятельности, в к[оторой] имя его так часто встречается.

Попросите его, главное, извинить меня в виду моей обремененности пустяками жизни, т. е. общением с очень большим числом людей и нездоровьем, что я ему не отвечаю прямо.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля отправления на конверте: «15 февраля 99 г. Москва». Первая часть письма, кончая подписью «Л. Т.», была опубликована в юбилейном издании «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого, ГИХЛ, 1933, т. 72, стр. 59—60. Последняя часть письма от слов: «Написал вам письмо» — публикуется впервые.

[1] Графы Олсуфьевы — Адам Васильевич (1833—1901) и его жена Анна Михайловна, рожд. Обольянинова (1835—1899) — помещики, владельцы имения Никольское-Горушки, Дмитровского уезда, Московской губернии, в 60 верстах от Москвы. Толстой любил уезжать к ним отдыхать от тяжелых условий своей семейной и вообще московской жизни. «Они такие простые, очень добрые люди, — писал Толстой об Олсуфьевых Черткову 19 февраля 1896 г., — что различие их взглядов с моими — и не различие, а непонимание того, чем я живу, не тревожит меня».

[2] Письмо Толстого к группе шведской интеллигенции по вопросу о значении мирной конференции, состоявшейся в Гааге 12 августа 1898 г., и о средствах борьбы против войны. Было написано в начале января 1899 г.

[3] Письмо к группе шведской интеллигенции в исправленном виде было напечатано В. Г. Чертковым в 1899 г. в Англии в «Листках «Свободного Слова», № 6.

[4] Татьяна Андреевна Кузминская (1846—1925), рожд. Берс, свояченица Толстого, автор воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (3 части, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1925—1926).

[5] Михаил Львович Толстой (р. 1879 г.) — младший сын Толстого.

[6] Александра Львовна Толстая (р. 1884 г.) — младшая дочь Толстого.

[7] Алексей Ильич Бакунин (р. 1875 г.) — племянник М. А. Бакунина, врач, впоследствии владелец частной хирургической лечебницы в Москве, член Второй государственной думы. Бакунин сопровождал в Канаду первый пароход духоборов, отплывший 10 декабря 1899 г.

[8] Сергей Львович Толстой сопровождал в Канаду второй пароход духоборов, прибывший на место 15 (27) января 1899 г. В Канаде пароход был задержан в карантине на двадцать два дня.

[9] Петр Иванович Христианович (1851—1912) — сослуживец П. А. Буланже, начальник службы тяги Московско-Курской железной дороги. Через него Толстой устраивал разных лиц на службу и для своих поездок пользовался его служебным вагоном.

[10] Феликс Владимирович Волховский (1846 — 1914) — революционер; по процессу 193-х был присужден к ссылке в Тобольскую губернию, затем пересылался в другие места Сибири. В 1890 г. при помощи Джорджа Кеннана бежал из ссылки и поселился в Лондоне. Был одним из основателей «Фонда вольной русской прессы». Впоследствии вступил в партию социалистов-революционеров. Письмо Волховского переслал Толстому Буланже в своем письме от 5 февраля 1899 г.; в архиве Толстого оно не сохранилось. Судя по ответу Толстого, Волховский желал получить от него сведения о голоде и о состоявшемся будто бы его свидании с Николаем II, а также узнать его мнение о Гаагской мирной конференции.

[11] 28 февраля 1899 г. Толстой отправил в редакцию «Русских Ведомостей» список пожертвований, полученных им в пользу голодающих, вместе с письмом, в котором просил будущих жертвователей посылать деньги непосредственно лицам, занятым распределением этих средств. См. Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений». Юбилейное издание, т. 72, ГИХЛ, 1933, стр. 79—80.

ПИСЬМО ДУХОБОРАМ, ПЕРЕСЫЛАВШИМСЯ С КАВКАЗА В СИБИРЬ

1897 г. Июня 20? Я. П.

Дорогие друзья и братья!

Слышал я, что вы в Москве, и хочется мне, если не на словах, то письмом приветствовать вас и сказать вам, что дело ваше не пропадает даром, а поддерживает силы духа во всех нас и теперь уже видимо приносит много добра людям. Хочется мне сказать вам, что я люблю вас и жалею вас и горжусь вами и желаю подражать вам. Поддержи в вас бог силу любви так, чтобы с смирением и любовью ко врагам нести посланный вам крест.

Любящий вас Л. Толстой.

Письмо было послано Толстым П. А. Буланже вместе с письмом к нему Толстого, в котором он просил передать это письмо по назначению (см. стр. 207). Письмо, повидимому, передано не было, так как осталось в архиве П. А. Буланже. Быть может, слух о пребывании духоборов в московской пересыльной тюрьме оказался на этот раз ложным.

ПИСЬМО К Е. П. КАРПОВУ

1898 г. Мая 22. Гриневка [1].

Милостивый Государь
Евтихий Павлович,

Очень благодарен лицам, пожертвовавшим 2 тысячи рублей, за их доверие ко мне и постараюсь употребить наилучшим образом эти деньги по назначению.

Так как времени осталось до нового урожая немного, а в устройстве столовых я встречаю неожиданные препятствия в администрации [2], то очень может быть, что я не успею распределить эту помощь в Тульской губернии в нынешнем году. К сожалению, виды на новый урожай в нашей губ[ернии] так плохи, что помощь эта будет еще более нужна в будущем году, что я и сделаю, если жертвователи ничего не будут иметь против этого и если буду жив. В случае же моей смерти это сделают мои помощники.

Деньги вышлите до 29 Мая в г. Чернь, а после 29 — в Тулу.

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам
Лев Толстой.

22 мая 1898.

Адресат письма — драматург Евтихий Павлович Карпов (1857—1926), автор ряда пьес из рабочей жизни: «Тяжкая доля», «Рабочая слободка», «Шахта Георгий» и др. Карпов был режиссером народного театра за Невской заставой в Петербурге, затем Малого и Александринского театров. 7 сентября 1907 г., после представления в Малом театре драмы Толстого «Власть тьмы», Карпов послал автору следующую телеграмму: «Малый театр, артисты и публика, под неотразимым впечатлением вашей чудной драмы этой телеграммой желают высказать свое преклонение пред глубокой народной правдой вашего вдохновенного произведения» (Публикуется впервые; оригинал в Рукописном отделении Толстовского музея).

В мае 1898 г. Карпов обратился к Толстому с следующим письмом:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой от лица русской драматической труппы императорских театров. Собрав между собой 2 000 руб. сер. в пользу голодающих крестьян, труппа поручила мне переслать эти деньги в ваше распоряжение, для помощи, как вы найдете это целесообразным, бедствующим крестьянам Тульской губернии.

Будьте добры, глубокоуважаемый Лев Николаевич, сообщить, можно ли выслать вам собранные деньги и по какому адресу. Ответ прошу прислать по адресу: Ст. Сиверская, В. ж. д., дом Ботова, Е. П. Карпову».

На это письмо и отвечает Толстой.

[1] Толстой проживал тогда в имении сына Ильи Львовича Гриневке, Чернского уезда, Тульской губ., где организовал помощь голодающим крестьянам.

[2] В своей статье «Голод или не голод?», подписанной им 26 мая 1898 г., Толстой сообщал: «Из Тульской губернии уже приехал становой с требованием не устраивать столовых без разрешения губернатора. Кроме того, запрещено всем не местным жителям участвовать и помогать в устройстве столовых без разрешения губернатора».

На первой странице письма Толстого над текстом рукой, вероятно, Е. П. Карпова помечено: «Выслано 2 025 р. 3 июня 98 г.».

ПИСЬМО К С. И. ТАНЕЕВУ

1898 г. Июня 9. Я. П.

Только вчера получил ваше письмо и деньги, уважаемый Сергей Иванович. Я был в отъезде [1] и болен [2]. Мне очень приятно было видеть в вашей посылке сочувствие народу и его нужде. Я сделал уже распоряжение об употреблении этих денег соответственно их назначению. Несмотря на то, что администрация всячески препятствует нам [3] мы делаем, что можем. Я написал об этом статью, не знаю, напечатают ли газеты [4]. Не зная, где вы, адресую в консерв[аторию]. Дружески жму вам руку и от души желаю всего хорошего.

Лев Толстой.

9 Июня 1898.

На конверте:

Москва.
Дом консерватории на Пречистенке.
Сергею Ивановичу Танееву.

Толстой отвечает на следующее письмо С. И. Танеева от 18 мая 1898 г.: «Многоуважаемый Лев Николаевич, посылаю 300 рублей и прошу вас употребить эти деньги на устройство столовых. В виде личного для меня одолжения прошу вас не сообщать членам вашего семейства о моей посылке для избежания об этом предмете разговоров, которые были бы для меня стеснительны. Желаю вам успеха в вашей теперешней деятельности и остаюсь искренно вам преданный С. Танеев» (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

[1] 23 апреля 1898 г. Толстой уехал из Москвы в имение своего сына Ильи Львовича Гриневку (см. стр. 217). Оттуда Толстой 27 мая уехал в Ефремовский уезд, Тульской губернии для распределения среди голодающих поступавших к нему пожертвований.

[2] 28 мая 1898 г. Толстой приехал к знакомому помещику П. И. Левицкому в его имение Алексеевское, Чернского уезда, и здесь заболел сильнейшей дизентерией. Вернулся в Ясную Поляну 6 июня.

[3] См. прим. 2 к письму Толстого к Е. П. Карпову от 22 мая 1898 г., стр. 217.

[4] См. прим. 9 к письму к П. А. Буланже от 15—20 июня 1898 г., стр. 213.

ПИСЬМО К Д. Т. БОНДАРЕВУ

1898 г. Декабря 30. Я. П.

Очень благодарю вас, Даниил Тимофеевич, за сообщение очень для меня печальное о смерти родителя вашего, человека очень замечательного и оставившего после себя значительное сочинение. Вы бы очень обязали меня, сообщив мне о нем и о последнем времени и часах его жизни как можно больше подробностей.

Кроме того, что я высоко ценил его как писателя, я любил его как человека. И потому рад буду всем самым мелким подробностям о нем.

Исполнили ли вы его желание похоронить его в поле?[1]

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам.

Лев Толстой.

30 Дек. 1898.

Адресат — сын Тимофея Михайловича Бондарева (см. стр. 189), Даниил Тимофеевич Бондарев. 9 ноября 1898 г. он писал Толстому: «Многоуважаемый Лев Николаевич, родитель мой Тимофей Михайлович Бондарев посланное вами письмо от 11 сентября сего года получил 27 сентября, но после того писал вам или нет, я не знаю; но в настоящее время его в живых нет, он после трехдневной болезни умер 3 ноября. Пред кончиною приказал первым долгом уведомить вас и пожелать вам пожить для пользы человечества. Остаюсь с искренним почтением к вам Даниил Бондарев. Прошу сообщить от себя о смерти знающим покойного».

Подлинник письма Толстого хранится в Минусинском Государственном музее имени Мартьянова; в Литературном музее имеется фотокопия с подлинника. По копии письмо было опубликовано не вполне точно в «Толстовском Ежегоднике 1913 года», изд. Общества Толстовского музея в Петербурге и Толстовского общества в Москве, СПБ., 1914, отд. IV, стр. 18.

[1] В последней главе своего сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или Торжестве земледельца», Бондарев писал: «И похоронить меня прикажу я сыну своему не на кладбище, а на той земле, где мои руки хлеб работали, и, четверти на две не досыпавши песком или глиною, досыпь ее плодородною землею, а оставшуюся землю свези домой так чисто, чтобы и знаку не было, где гроб покоится, и таким же порядком продолжай на ней всякий год хлеб сеять. А со временем перейдет эта земля в другие руки, и также будут люди на моем гробе сеять хлеб до окончания века... Этот мой памятник будет дороже ваших миллионных памятников, и о такой от века неслыханной новости будут люди пересказывать род родам до окончания века»... («Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», сочинение крестьянина Т. Бондарева, изд. «Посредник», СПБ, 1906, стр. 64).

Ответного письма Д. Т. Бондарева в архиве Толстого не имеется.

ПИСЬМО К Е. В. ТАРЛЕ

1901 г. Октября 27. Гаспра. 27 Окт. 1901.

Милостивый Государь,

очень благодарю Вас за присылку Вашей прекрасной книги «Общественные воззрения Томаса Мора», которую прочел с величайшим удовольствием и пользой.

Лев Толстой.

Адресат письма — историк Евгений Викторович Тарле (р. 1875 г.). Окончив Киевский университет, в 1901 г. получил степень магистра за диссертацию «Общественные воззрения Томаса Мора». С 1903 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1905 г. был тяжело ранен жандармами на демонстрации в Петербурге. С 1909 г. профессор Петербургского, а с 1918 г. — Дерптского университетов. С 1923 г. член-корреспондент Академии наук; с 1927 г. — ординарный академик. Член американской Академии политических наук и целого ряда французских ученых обществ; входит в состав редакции «Revue des Etudes Napoléoniennes». Посвятил себя сначала изучению истории Италии, а с 1909 г.— истории Франции в эпоху революции, ставя в центре своего изучения экономическую историю. Главные труды: «История Италии в средние века» (1901), «История Италии в новое время» (1901), «Падение абсолютизма в Западной Европе» (1907), «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», 2 тома (1909—1911), «Континентальная блокада» (1913), «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона» (1916), «Крестьяне и рабочие в эпоху Французской революции» (1918), «Печать во Франции при Наполеоне» (1920), «Европа в эпоху империализма» (1927), «Лионское восстание по неизданным документам» («Архив Института Маркса и Энгельса» 1927, т. III), «Рабочий класс во Франции в эпоху Бурбонов» (1928), и «Очерк новейшей истории Европы» (1929), «Наполеон» (1936), «Жерминаль и Прериаль» (1937) и др.

Толстой отвечает на следующее письмо Е. В. Тарле:

Спб., 25 сентября 1901 г.

«Посылая свою книгу одному из величайших гениев, какие только являлись на земле, я этим пытаюсь слабо выразить свое благоговение и свою любовь к нему. В известных отношениях Томас Мор был предтечею великого учителя наших дней, который так ценит всех своих предшественников в деле проповеди человечности и милосердия.

Евгений Тарле».

Ответ Толстого написан рукою Ольги Константиновны Толстой (Лев Николаевич был тогда болен) и подписан им собственноручно. Подлинник находится у адресата; в Литературном музее имеется фотокопия.

Присланная Е. В. Тарле книга хранится в яснополянской библиотеке.

ПИСЬМО К С. В. ПАНИНОЙ

Почти все лето 1901 г. Толстой прихварывал; было решено для поправления его здоровья отвезти его в Крым. Узнавши об этом, знакомая Толстых графиня Софья Владимировна Панина (р. 1871 или 1872 г.) в письмах к С. А. Толстой от 25 июля и 13 августа приглашала Льва Николаевича со всей семьей воспользоваться ее дачей Гаспра на берегу Черного моря, предоставляя в распоряжение Толстых весь дом.

Толстые выехали в Крым 5 сентября 1901 г. В Крыму Толстой перенес несколько болезней. Сначала он страдал ревматическими болями рук и ног, затем болями в печени и перебоями сердца; потом перенес приступ грудной жабы; после этого болел воспалением сначала левого легкого, затем правой плевры и правого легкого; наконец, 1 мая 1902 г. заболел брюшным тифом.

Поправившись от всех этих болезней, Толстой уехал из Гаспры в Ясную Поляну 25 июня 1902 г.

1902 г. Июня 21. Гаспра.

Любезная София Владимировна,

Уезжая из Гаспры, чувствую потребность извиниться перед вами за злоупотребление вашим гостеприимством, которым мы пользовались почти 10 месяцев, и за все те повреждения (правда, небольшие), которые были сделаны нами в вашем прекрасном доме и которые были неизбежны при нашем большом семействе и тех болезнях, которые посетили моих дочерей, невестку [1] и меня во время нашего пребывания. Главное же, мне хочется еще раз от всей души поблагодарить вас за те прекрасные и памятные мне 10 месяцев, которые я провел в вашем доме.

Несмотря на болезни моих близких и не скажу: несмотря, но вследствие моих болезней, державших меня впродолжение почти полугода на краю смерти, я вынес из моего пребывания в Гаспре самые хорошие воспоминания. В внутренней жизни я приобрел очень много для себя драгоценного. Во внешней же жизни, особенно во время выздоровления я получил большие наслаждения от прелестной природы, среди которой стоит ваша прелестная Гаспра.

Так пожалуйста извините нас за злоупотребление вашим гостеприимством и примите мою сердечную благодарность за проведенное в вашем доме время. Передайте пожалуйста мой привет вашей матушке [2] и отчиму [3], если вы с ними, и примите уверения моей искренней симпатии и уважения.

Лев Толстой.

21 Июня 1902 г. Гаспра.

Письмо печатается по копии из архива П. А. Буланже, хранящейся в Литературном музее. Местонахождение подлинника неизвестно.

[1] Ольга Константиновна Толстая, рожд. Дитерихс (р. 1872, г.) — первая жена Андрея Львовича Толстого.

[2] Анастасия Сергеевна Петрункевич, рожд. Мальцева (р. 1850 г., ум. ?) — дочь владельца чугунолитейных, стекольных, хрустальных и др. заводов Сергея Ивановича Мальцева. Первым браком была замужем за графом Владимиром Викторовичем Паниным (ум. 1872 г.), камер-юнкером.

[3] Иван Ильич Петрункевич (1844—1928) — земский деятель, организатор «Союза освобождения», один из организаторов конституционно-демократической партии (кадетов), член Первой государственной думы, позднее издатель кадетских газет «Речь» и «Современное Слово». С 1920 г. жил в эмиграции. В 1905 г. Толстой среди своих домашних и гостей говаривал, что если бы в церквах вместо Николая II стали поминать Петрункевича I (т. е. если бы либералы получили власть), народу от этого не стало бы легче.

ПИСЬМО К А. П. НАУГОЛЬНИКОВУ

1902 г. Августа 20. Я. П.

Милостивый Государь А. П.

Сад у нас нынче без яблок, и потому я не торопился отвечать Вам. Побеседовать и мне бы было приятно с Вами, п[отому] ч[то], судя по тому, что Вы пишете, Вы много думали и — о самых важных предметах, кот[орые] и меня интересуют; но из-за этого приезжать Вам не стоит. Все, что я думал о жизни и ее законах, я написал в своих сочинениях, запрещенных в России и печатаемых в Англии. Прилагаю Вам адрес, по которому можно попытаться их выписать. Я говорю: попытаться, п[отому] ч[то] иногда эти сочинения, посылаемые в письмах, доходят, иногда же задерживаются. Стоют сочинения недорого.

Ваши же мысли советую Вам хорошенько разрабатывать, много раз исправляя и сокращая написанное.

Уважающий Вас

Лев Толстой.

20 Авг. 1902.

Прилагаю при сем, по поручению Л[ьва] Н[иколаевича] его брошюрку, на которой и найдете адрес Черткова, занимающегося изданием сочинений Л[ьва] Н[иколаевича].

М. О[боленская].

В письме от 12 июля 1902 г. из города Старицы, Тверской губернии Анатолий Петрович Наугольников (1856 ? — 1929 ?) обратился к Толстому с просьбой сдать ему в аренду фруктовый сад при яснополянской усадьбе. «Удовлетворение этой моей просьбы, — писал Наугольников, — быть может, даст мне возможность начать новую и лучшую жизнь. Главное же тут для меня может быть, что вы, быть может, будучи добры ко мне, уделите мне за время уборки мною яблок несколько свободного времени для выслушания моего мнения, основанного на учении Христа, относительно жизни людей на земле». Далее Наугольников излагал свои религиозные мысли. Толстой кратко отвечал на его письмо, в деликатных выражениях отклоняя его приезд в Ясную Поляну.

ПИСЬМА К В. В. РОЗАНОВУ

1

1903 г. Января 21. Я. П. 21 янв. 1903 г.

Милостивый Государь Василий Васильевич,

Очень сожалею, что не могу воспользоваться случаем познакомиться теперь же с вами и с вашей женой[1], я настолько еще слаб после болезни[2], что, как видите, и не пишу своей рукой[3] и слишком устаю от всякого напряжения. Если я буду поправляться, хотя и медленно, как теперь, и вы останетесь в том же намерении и вам будет возможно исполнить его, я напишу вам.

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам

Лев Толстой.

Адресат письма — Василий Васильевич Розанов (1856 — 1919) — философ и литературный критик консервативного направления. Написал о Толстом ряд статей: «По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого» — «Русский Вестник», 1895, № 8; «Необходимое разъяснение» — «Русский Вестник», 1895, № 10; «Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о непротивлении» — «Русское Обозрение», 1898, № 10; «Пассивные идеалы» — «Новое Время», 1900, № 8575 от 11 января; «Новая работа о Толстом и Достоевском» — «Новое Время», 1900, № 8736 от 24 января; «Серия недоразумений» — «Новое Время», 1901, № 8970; «Об отлучении гр. Л. Толстого от церкви» — сборник «Около церковных стен», СПБ., 1906; «Л. Н. Толстой» — «Новое Время», 1908, № 11650 от 28 августа; «Одно из воспоминаний о Л. Н. Толстом» — «Русское Слово», 1908, № 236 от 11 октября (подпись: В. Варварин); «Толстой и крапивенские аборигены» — «Новое Время», 1910, № 12489 от 17 декабря; «Л. Н. Толстой и русская церковь», СПБ., 1912. Отдельные суждения о Толстом и его произведениях содержатся во многих книгах Розанова: «Уединенное» (1912), «Литературные изгнанники» (1913), «Люди лунного света» (1913) и др.

В письме без даты (почтовый штемпель: «16 января 1903 г.») Розанов просил разрешение приехать в Ясную Поляну. «Я не стану, — писал он, — обременять вас длинными беседами, — так может быть, скажем что-нибудь друг другу, что минута подскажет. Вообще, если бы я поехал, то без преднамерения, но с очень сильным желанием. Как мне ни больно вас просить об этом, но, если бы вы мне позволили к вам приехать, не откажитесь разрешить со мною посетить вас и жене моей... Мотивы увидеть вас чрезвычайно разнообразны. Человек, я думаю, факт природы, и бывают факты обыкновенные и чрезвычайные. С другой стороны, я один раз живу в жизни. Не увидев вас, я нечто потеряю невозместимое. Но, поверьте, любопытства у меня вовсе нет, а нечто совсем другое. Так много мне пользы (и счастья) принесло общение с Н. Н. Страховым. И, увидев вас, я может быть, чем-нибудь (даже для вас незаметным) новым поражусь, новое замечу, новая вереница мыслей потечет».

[1] Женою В. В. Розанова была Варвара Дмитриевна, рожд. Руднева (ум. 1923 г.).

[2] В январе и в первой половине февраля 1903 г. Толстой чувствовал слабость, болезненное состояние, сердечные перебои, стеснение в груди. В течение всего этого периода он только один раз (21 января) выходил на воздух.

[3] Письмо написано рукой дочери Толстого М. Л. Оболенской под диктовку Толстого, подпись — собственноручная.

2

1903 г. Февраля 28. Я. П.

Василий Васильевич,

Очень сожалею, что вы мое — непродолжительное — молчание несправедливо приняли за нежелание познакомиться с вами и вашей женой. Я очень медленно поправляюсь и только на днях стал выходить и почувствовал себя крепче. Надеюсь, что вы теперь исполните и ваша жена ваше намерение посетить меня. Теперь я особенно усердно прошу вас об этом, так как мне бы было очень больно думать, что я вызвал неприятное чувство в добро расположенном ко мне человеке, которого я знаю по Н. Н. Страхову. Он любил и ценил вас, а я всегда с любовью вспоминаю про милого, доброго, ученого, смиренного и не по заслугам любившего меня Страхова.

Надеюсь, что до свидания. Если телеграфируете, то вышлем за вами лошадей.

Лев Толстой.

28 Февр. 1902 [1].

Получив предыдущее письмо Толстого, Розанов писал ему в бездатном письме (почтовый штемпель: «1 февраля»): «Может быть, не будет совершенно лишним с моей стороны уведомить вас, что желание вас видеть как у меня, так и у жены моей стародавнее, и, следовательно, мы будем с понятным нетерпением ожидать уведомления, когда можно будет, по состоянию здоровья вашего дорогого, посетить вас... Желание вас увидеть у меня очень сильное. Заранее я решил вас только увидеть, только свидеться, но ни о чем не спрашивать, серьезно не говорить. Представляю вашу усталость от вопросов и мыслей».

Не получая в течение почти месяца ответа на это письмо, Розанов счел себя оскорбленным молчанием Толстого и в конце февраля (письмо без даты) написал ему третье письмо, в котором писал: «Вам так, очевидно, несимпатична мысль о моем посещении, что прошу вас не считать себя связанным обещанием ответить мне о времени и месте и вообще о согласии. Симпатии и антипатии—неразрешимы в доводы, доказывания. У меня есть горечь по поводу этого, но не острая и не жгучая. Тяжело быть неприятным великому человеку, но нужно уметь переносить тягости... Ответа я не буду ждать».

На это-то письмо Розанова и отвечает Толстой.

Розанов посетил Толстого 6 марта. 10 марта Толстой писал своему брату Сергею Николаевичу: «Был у меня на-днях Розанов. Мало интересен». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). Л. Л. Толстой записал в своем дневнике следующие слова отца о Розанове: «Я сказал Розанову две вещи. Первое, что меня очень удивило, что он на вопрос, каковы его религиозные верования, не мог дать мне определенного ответа, и второе, что он пишет очень хорошо, но беда в том, что в его писаниях ничего понять нельзя». «Отец, — пишет далее Л. Л. Толстой, — был поражен его малой образованностью» (Толстой Л. Л., Отрывок из моего дневника 1903 г. — «Столица и Усадьба», 1914, № 4).

Розанов описал свое посещение Толстого в статьях: «Одно воспоминание о Л. Н. Толстом» — «Русское Слово», 1908, № 236 от 11 октября (подпись: В. Варварин) и «Поездка в Ясную Поляну» — «Международный Толстовский альманах», составленный П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1909.

[1] Цифра года проставлена Толстым ошибочно: должно быть — 1903 г.

ПИСЬМО К С. А. ЛОПАШЕВУ

1903 г. Февраля 21. Я. П.

Милостивый Государь
Сергей Алексеевич,

Я несколько раз писал о том вопросе, который вас занимает, но так как вам, вероятно, эти мои писания не попадались, постараюсь как можно яснее сказать то, что думаю об этом.

Религиозное сознание, передаваемое детям внушением, есть самая важная часть воспитания. Даже все воспитание в этом.

И потому нельзя достаточно серьезно и внимательно относиться к этому делу.

Если не установил сам для себя ясного религиозного мировоззрения, не внушай ничего детям и на вопросы их отвечай правду, т. е. то, что ты также, как и они, не знаешь того, о чем они спрашивают. Если ты внушаешь детям как истину то, в чем сомневаешься, то это дурно. Если же ты внушаешь то, что ты в душе считаешь неправдой, то это преступление едва ли не худшее телесного убийства.

Говори детям об отношении человека к богу и вытекающих из этого отношения обязанностях только то, что ты для себя настолько считаешь истинным, что руководишься этим в своих поступках и думаешь, что не изменишь умирая. Так я думаю о занимающем вас вопросе.

Лев Толстой.

21 Февр. 1903.

На конверте:

Москва Малая Дмитровка.
Успенский пер. дом церкви Успения
Сергею Алексеевичу
Лопашеву.

Толстой отвечает на письмо С. А. Лопашева из Москвы от 7 февраля 1903 г. Занимаясь частным образом с двумя мальчиками, Лопашев встал перед вопросом, как ему поступить с преподаванием так называемого «закона божьего»: «говорить ли детям то, что я знаю и как понимаю учение Христа, или же обучать их согласно взглядам их матери и требованиям программы, то-есть заведомо лгать» Толстовский кабинет Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина).

ПИСЬМО К Н. И. СТОРОЖЕНКО

С профессором Московского университета, историком литературы и шекспирологом Николаем Ильичем Стороженко (1836—1906) Толстой познакомился в 1881 г. В 1880—1890 гг. Стороженко состоял библиотекарем Московского Румянцевского музея, и Толстой неоднократно обращался к нему за нужными ему книгами и справками. И позднее Толстой брал лично у Стороженко нужные ему книги. Так, в 1894 г., работая над статьей об искусстве, Толстой брал у Стороженко книги по эстетике (письмо Толстого к дочери Татьяне Львовне от 11 марта 1894 г.). В 1897 г., работая над статьей «Что такое искусство?», Толстой просил жену взять у Стороженко сочинения Бодлера и Верлена (письмо к С. А. Толстой от 11 (ошибка: нужно — 9) октября 1897 г. — «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М. 1915, стр. 529). В том же году 7 декабря Толстой сам побывал у Стороженко для выяснения интересовавших его вопросов искусства («Дневник Л. Н. Толстого», М., 1916, т. I, стр. 112). В 1903 г. Толстой брал у Стороженко книги о Шекспире (письмо Толстого к Стасову от 27 октября 1903 г. — «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 329).

Известны два письма Толстого к Стороженко: от 20 октября 1894 г. в ответ на просьбу Стороженко дать какое-либо произведение в сборник «Почин», выпускавшийся Обществом любителей российской словесности, председателем которого состоял тогда Стороженко, и публикуемое письмо от 27 апреля 1903 г.

1903 г. Апреля 27. Я. П.

Дорогой Николай Ильич,

Я очень рад подписаться под телеграммой. Мне только не нравится выражение: «ж г у ч е г о с т ы д а з а х р и с т и а н с к о е о б щ е с т в о». Нельзя ли выключить эти слова или всю телеграмму изменить так:

Глубоко потрясенные совершенным в Кишиневе злодеянием, мы выражаем наше <глубокое> болезненное сострадание невинным жертвам зверства толпы, наш ужас перед этим зверством русских людей, невыразимое омерзение и отвращение к подготовителям и подстрекателям <темных людей> толпы и безмерного негодования против попустителей этого ужасного дела.

Во всяком случае, если только выпустится выражение о стыде, я рад подписаться и благодарю вас за обращение ко мне.

В Петербург я не еду. Здоровье мое хорошо. Желал бы, чтобы ваше было также не худо. И судя по вашему письму надеюсь, что это так. Дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

27 Апреля 1903.

Передаст вам это письмо мой молодой приятель, прекрасный музыкант и милый человек Гольденвейзер [1].

В публикуемом письме к Н. И. Стороженко Толстой говорит о еврейском погроме, произведенном в Кишиневе в первые три дня праздника пасхи 6—8 апреля 1903 г. Погром был организован полицией и имел целью противодействовать все более и более усиливавшемуся революционному движению. В письме без даты (почтовый штемпель: «Москва 24 апреля 1903 г.») Стороженко писал Толстому, что в кругах, близких к университету, возникла мысль отправить кишиневскому городскому голове телеграмму с протестом против погрома. Предполагавшийся текст телеграммы был следующий:

«Глубоко потрясенные зверством, жертвой которой сделались евреи г. Кишинева, мы выражаем наш ужас перед случившимся, чувство жгучего стыда за христианское общество и безмерное негодование против гнусных подстрекателей темной массы».

Стороженко предлагал Толстому подписаться под этой телеграммой, прибавляя: «Нечего и говорить, как ваша подпись важна для самого дела: она всколыхнет общественное мнение не только России, но и всего мира, а может быть, вызовет пожертвования в пользу ограбленных, что было бы очень желательно». В конце письма Стороженко справлялся о здоровье Толстого и спрашивал, верно ли появившееся в газетах сообщение о предстоящей поездке его в Петербург.

В ответном письме также без даты (почтовый штемпель: «Москва 2 мая 1903 г.») Стороженко писал, что составленная Толстым телеграмма «оказалась настолько лучше и обстоятельнее» ранее предположенной, что инициаторы этого дела решили послать ее в Кишинев не в виде телеграммы, а в виде письма. Текст письма Стороженко присылал Толстому для подписи.

Составленная Толстым телеграмма была напечатана в «Одесских Новостях», 1903 г., № 5973 от 18 мая. Первой под телеграммой идет подпись Толстого. Далее следуют подписи: артиста А. И. Сумбатова-Южина, профессоров И. Х. Озерова, С. Н. Трубецкого, В. И. Вернадского, Д. Ф. Егорова, Н. А. Умова, председателя московского окружного суда Н. В. Давыдова, историка И. Е. Забелина и др.

[1] Александр Борисович Гольденвейзер (р. 1875 г.) — пианист, профессор Московской консерватории, друг Толстого, автор книги: «Вблизи Толстого», 2 тома, М., 1922—1923.

ТЕЛЕГРАММА КИШИНЕВСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ

ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ

1903 г. Апреля 27. Я. П.

Узнав об ужасном совершенном в Кишиневе злодействе русскими людьми мы выражаем чувство болезненной жалости к невинным жертвам <зверства толпы> этого злодеяния, омерзения и отвращения к подстрекателям <этой> зверства одуренной толпы и безмерного негодования к попустителям этого <ужасного> дела.

Публикуемый текст является одним из черновиков телеграммы Толстого кишиневскому городскому голове, окончательный текст которой написан им в письме к Н. И. Стороженко от 27 апреля 1903 г. (см. стр. 227). Подлинник хранится в архиве Д. П. Маковицкого в Национальном музее в Праге; в Литературном музее имеется фотокопия с него.

ПИСЬМО К С. С. ТАТИЩЕВУ

1903 г. Сентября 20. Я. П.

Милостивый Государь
Сергей Сергеевич,

Прошу простить меня, если я неверно по догадке назвал вас по отчеству: в деревне не у кого справиться [1]. Очень вам благодарен за присланные вами книги. Оне мне очень нужны будут, и я уверен, что кроме пользы для моего дела я получу большое удовольствие, читая их. Ваша история Александра II [2] есть у меня, но я только пробежал ее, откладывая на будущее время ее внимательное чтение.

Повторяя мою благодарность, прошу принять уверение в моем совершенном уважении.

Лев Толстой.

20 Сент. 1903.

Сергей Спиридонович Татищев (1846—1906) — дипломат, историк, журналист, сотрудник «Нового Времени» и «Русского Вестника». Узнав от Суворина, что Толстому, который работал тогда над повестью «Хаджи Мурат», нужны в качестве материала исторические исследования о Николае I, Татищев вместе с письмом от 6 сентября 1903 г., отправил Толстому две свои книги: «Внешняя политика императора Николая I» (СПБ., 1877) и «Император Николай I и иностранные дворы» (СПБ., 1888).

[1] Толстой действительно ошибся в отчестве Татищева.

[2] Татищев С. С., Император Александр II, его жизнь и царствование, 2 тома, изд. А. С. Суворина, СПБ., 1903. Эта книга была прислана Толстому незадолго до этого Сувориным.

ТЕЛЕГРАММА ДОКТОРУ В. А. ЩУРОВСКОМУ

1906 г. Ноября 27. Я. П.

Маша тихо скончалась двенадцать ночи. Толстой.

Телеграмма адресована доктору Владимиру Андреевичу Щуровскому (р. в 1852 г.), известному московскому терапевту. В. А. Щуровский был в числе врачей, лечивших Толстого во время его крымской болезни в 1902 г.; он был также и при его последних днях в Астапове.

Дочь Толстого Мария Львовна Оболенская (р. 12 февраля 1871 г.) скончалась в ночь с 26 на 27 ноября 1906 г., заболев 20 ноября воспалением легких.

ПИСЬМО К Л. Е. ОСТРОУМОВУ

1907 г. Сентября 26. Я. П.

Милый тезка Остроумов,

Вчера получил ваше письмо и спешу ответить.

Да, не павшему все силы надо употреблять на то, чтобы не пасть, п[отому] ч[то] павшему бороться с похотью несравненно, в 10, в 100 раз труднее, чем не павшему. А бороться, т. е. стремиться к целомудрию, всегда и во всех условиях (женатому также как неженатому) всегда необходимо. Вы сомневаетесь о том, нужна ли эта борьба? Я понимаю ваше сомнение, т[ак] к[ак] мы окружены людьми, с уверенностью утверждающими, что борьба эта ненужна и «противна природе».

А между тем очень небольшого усилия ума нужно для того, чтобы понять то, что для разумного существа — человека постоянная всегдашняя борьба с похотью нетолько не противна природе, но составляет необходимое условие жизни человека, рассматриваемого не как только животное, а как животное, одаренное разумом. Животные плодятся, но излишек размножения умеряется борьбой между разными породами (одне служат пищей другим) и внешними условиями, предотвратить к[отор]ые не во власти животных. Человек же, существо разумное, во 1-х, может заменить борьбу разумным общением с подобными себе людьми и с животными, во 2-х, может противодействовать вредным для своей жизни внешним условиям. Правда, что человек теперь не пользуется для этой цели своим разумом и истребляет себе подобных, и большое количество детей и взрослых гибнут от голода, болезней, чрезмерных трудов. Но ясно, что придет время, когда люди, разумные существа, перестанут истреблять друг друга и так устроят свою матерьяльную жизнь, что не будут, как теперь, удвоиваться в 50 лет, а будут так быстро размножаться, что через несколько сот лет не будут уже помещаться на земном шаре. Что же делать тогда? Убивать худших или опять вернуться к взаимному убийству? Все это невозможно, а главное ненужно, п[отому] ч[то] «природой» <как говорят мнимо ученые> вложено в человека, вместе с его половым животным влечением, духовное влечение к чистоте, к целомудрию. Чувство это живо во всяком неиспорченном юноше, во всякой девушке, и чувство это хорошее, высокое, к[оторое] должен блюсти и поддерживать в себе человек — всегда: и до падения, к[отор]ое для нравственного человека является в виде брака, т е. обязательства жить навсегда с одним супругом, и после брака, в к[отор]ом точно также нужно это стремление к целомудрию.

Так вот, милый тезка, написал вам как попало, те мысли, к[отор]ые вызвало во мне ваше письмо. Заключаю их самым сердечным советом старика к стремящемуся к добру и правде юноше: берегите

свою чистоту, всеми силами боритесь с соблазнами и ни в каком случае не унывайте и не спускайте поводья. Вы спросите: как бороться? Что делать? Чего не делать? Практические советы вы, верно, знаете, а не знаете, то прочтете во всякой разумной книге об этом: не пить вина, не есть мяса, не курить, не общаться с легкомысленными товарищами и в особенности с женщинами. Это вы все знаете или можете узнать.

Мой же совет — и я считаю самым важным — это чтобы понять смысл своей жизни, признав его в исполнении воли бога, а не в удовлетворении своих телесных вкусов. Жить больше духовной, а не телесной жизнью.

Ну и прощайте теперь. Желаю вам не переставая работать над собой.

Полюбивший вас Лев Толстой.

26 Сент. 1907.

Лев Евгеньевич Остроумов (р. 1892 г.) — сын врача, в то время 15-летний юноша. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1913 г. — писатель. В 1925 г напечатал роман «День жатвы» (изд. М. и С. Сабашниковых, М.), повященный памяти Толстого.

В письме к Толстому от 23 сентября 1907 г. Остроумов писал: «Зная ваше учение о половом вопросе, я думаю, что один вы можете разъяснить мучающие меня сомнения. Кругом меня нет ни одного свежего человека, и потому я позволяю себе обратиться к вам. Теперь я в трудном переходном возрасте, когда пробуждается проклятый инстинкт, с которым не знаешь, как бороться. Кроме того, является вопрос: нужна ли эта борьба, и следует ли мне итти против природы? Знаю я, что мне ответят наши «ученые» — доктора; знаю я, что скажут «интеллигентные люди», которые сами все поголовно «не без греха». В ваших сочинениях по этому вопросу я нашел такую мысль: «Что делать не павшему еще? Уберегаться всеми силами от падения». (Привожу эти слова не буквально, ибо сейчас нет под рукой этой книги). Укажите же мне, как уберегаться от падения. Разъясните мне, как вы, считающий общение с природой условием счастья человека, в этом случае идете против этой природы. Я не знаю, что есть истина. Та ли жизнь—жизнь, которую ведут все окружающие меня люди, или та, которую вы ставите идеалом? Я знаю одно, что рассудок мой борется с чувством и теряет понемногу все свои доказательства и силы, смущаемый вдобавок всем тем разгулом похоти, который теперь бушует в нашем обществе. Одно у меня осталось непоколебимое желание — не быть как все, и это желание удерживает меня. Ответьте мне, Лев Николаевич. Так мне хочется пойти по настоящему пути, так не хочется погибать». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

Цитата из Толстого, приводимая (не вполне точно) Остроумовым, заимствована из «Послесловия к «Крейцеровой сонате».

ПРОШЕНИЕ НИКОЛАЮ II ОТ ИМЕНИ ЛИСИЦЫНА

Около 15 октября 1907 г. к Толстому пришел молодой человек по фамилии Лисицын, рабочий или крестьянин, который просил Толстого помочь ему в его деле. Он был осужден приговором московской судебной палаты на год заключения в крепость за «оскорбление величества». «Оскорбление», нанесенное им «величеству», состояло в том, что он среди своих приятелей обозвал царя словами: «Николка пьяница, рыжий дурак, синие штаны». На него донесла его мать, с которой он ссорился из-за того, что она вела распутный образ жизни.

Толстой с добродушным смехом передавал своим домашним юмористическую характеристику царя, сделанную молодым человеком. Он принял большое участие в его судьбе и написал от его имени прошение Николаю II о помиловании.

Публикуем по фотокопии черновой текст этого прошения, сохранившийся в архиве Д. П. Маковицкого в Национальном музее в Праге. Беловое прошение было отправлено Толстым 15 октября 1907 г. мужу его свояченицы Т. А. Кузминской Александру Михайловичу Кузминскому (1843—1917), бывшему в то время сенатором. В письме к нему от 15 октября Толстой просил его через знакомых устроить так, чтобы прошение Лисицына «миновало ту вероятно сложную процедуру, через которую проходят прошения». 13 ноября Кузминский передал прошение Лисицына Д. А. Олсуфьеву, который в свою очередь 18 ноября передал его Столыпину. Решение по делу Лисицына нам неизвестно.

Копия белового текста прошения имеется в Рукописном отделении Толстовского музея. В нем имеются некоторые отличия от черновой редакции. Конец письма в беловом тексте таков: «Я не отрицаю своей вины и от всей души раскаиваюсь не потому, что наказан, а потому, что чувствую теперь всю глупость и неосновательность сказанных слов. Ваше величество, пожалейте мою молодость и помилуйте меня».

1907 г. Октября 15? Я. П.

В[аше] И[мператорское] В[еличество] [1].

Я осужден Моск[овской] Суд[ебной] Пал[атой] на год крепости [2] по доносу моей родной матери [3]. То, что донос на меня сделан моей матерью, показывает то, что она [4] отыскивала [5] случая погубить меня и нашла его в [6] глупых и неприличных словах, к[оторые] б[ыли] сказаны мною в минуту душевного расстройства. Я не отрицаю своей вины, но, не отрицая ее, от всей души раскаиваюсь в ней не только п[отому], ч[то] я наказан, но п[отому], ч[то] я [7] теперь чувствую, что у меня не было никакого основания [8] иметь недобрые чувства к В[ашему] В[еличеству].

В[аше] В[еличество] [9], наказание, наложенное на меня [10], кажется не соразмерно моей вине. Но если я стою [11] того, то [12] будьте милостивы, пожалейте меня и своей добротой превратите из человека [13],

без всякого основания могшего говорить и думать про вас с недобро желательством [14], в человека благодарного и не на словах, а на деле любящего вас.

[1] *Зачеркнуто:* Пожалейте меня и простите.
[2] *Зач.:* за про[изнесение].
[3] *Зач.:* за произнесение о Вас глупых и дерзких слов, в к[оторых] раскаиваюсь от всей души нетолько п[отому], ч[то] я наказан за них, но п[отому], ч[то] считаю из безумными и не имеющими никакого основания. Я не отрицаю своей вины и нетолько от всей души
[4] *Зач.:* хотела погубить меня и
[5] *Зач.:* к этому
[6] *Зач.:* тех
[7] *Зач.:* не имел
[8] *Зач.:* произносить эти глупые слова питать
[9] *Зач.:* я молод, мне только 22 года
[10] *Зач.:* слишком тяжело, и мне
[11] *Зач.:* того, вы пожалейте меня
[12] *Зач.:* вы
[13] *Зач.:* запутав[шегося]
[14] *Зач.:* сдела[йте]

ПИСЬМО К Ф. И. МАСЛОВУ

1908 г. Марта 5. Я. П. 5 марта 1908 г.

Многоуважаемый и милый
Федор Иванович,

Лев Николаевич просил меня передать вам его благодарность за внимательное отношение к его просьбе о монете и также за письмо. Он ответил бы вам сам, если б был здоров. Но он был эти дни очень болен и теперь еще слаб. Мы даже выписывали сначала из Тулы, потом из Москвы докторов, и теперь Льву Николаевичу уже лучше.

Началось с озноба, жара и такой сильной изжогой и томлением в желудке, что он стонал и вскрикивал; ночи не спал, ничего не ел.

Подобное состояние бывало, и я не очень испугалась. Но чего никогда не бывало, и что нас особенно встревожило, это то, что он упал в обморок, потерял совсем сознание и потом и память [1]. Хорошо, что в комнате был его помощник по письменным делам, некто Гусев. Он поддержал Льва Николаевича во время его падения и тихо опустил его на пол и начал громко звать на помощь. Я была рядом в комнате и тотчас же прибежала и приняла меры, чтоб привести Льва Николаевича в сознание. Благодарю бога, что я не теряюсь даже в такие страшные минуты, хотя сама на волоске была от дурноты. Когда Лев Ник[олаевич] опомнился, он испуганно на всех смотрел и спрашивал: что было, и почему мы все в таком волнении? Он ничего не помнил и долго не соображал. — Теперь все вернулось, и только еще желудок и печень в плохом состоянии.

Он очень переутомлялся, занимаясь тотчас после обеда с 14, 17-ю крестьянскими мальчиками. Читал им, рассказывал, а они кричали, шумели, пересказывали.

У нас гостил Чертков с сыном [2]. Погода прелестная, ясная, красивая и морозная. Чувствую все еще себя потрясенной и нерадостной. Всякий раз, как что-нибудь напоминает мне, что Льву Николаевичу скоро 80 лет, а люди не бессмертны, — на меня находит ужас и бессильное отчаяние. Что моя жизнь без этой неустанной заботы о Льве Николаевиче, продолжающейся 45½ лет?

Как ваше здоровье, Федор Иванович? Надеюсь, что теперь лучше. Анне Ивановне [3] и Юлии Афанасьевне [4] мой сердечный привет, и вам мое неизменное, сердечное уважение и преданность.

С. Толстая.

Очень благодарен, милый Федор Иванович, за ваше доброе письмо. Дружески жму вам руку и надеюсь иметь радость увидать вас у нас.

Лев Толстой.

1908 г. 5 Марта.

Адресат письма — Федор Иванович Маслов (1840—1915), председатель первого гражданского департамента московской судебной палаты, владелец имения Селище в Орловской губернии, знакомый Толстых, друг С. И. Танеева.

В письме к Толстому от 19 января 1908 г. «бедный бывший крепостной крестьянин» Петр Палев, с большими извинениями за беспокойство, основываясь на том, что Толстым «много было зделано добра для беднова кажнова, кто только обращался за помощью к вашему сиятельству», просил найти покупателя для имевшейся у него древней золотой монеты На конверте этого письма Толстой написал: «Спросить в Москве». Палеву было отвечено, чтобы он прислал оттиск с монеты. Гостивший в то время в Ясной Поляне С. И. Танеев сообщил Толстому, что Ф. И. Маслов является знатоком нумизматики. Присланный Палевым оттиск был послан Маслову для экспертизы.

Маслов отвечал 2 марта 1908 г. Сообщивши Толстому свое мнение о монете Палева, Маслов писал о своей надежде побывать в Ясной Поляне, высказывал Толстому пожелание здоровья и заканчивал письмо следующей подписью: «Любящий вас так, как вас любят многие, а может быть, я вправе сказать, что больше».

[1] Обморок от переутомления произошел с Толстым 2 марта 1908 г. См. Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, изд. Толстовского музея, М., 1928, стр. 104—105.

[2] В. Г. Чертков перед своим окончательным переездом из Англии приехал в Россию на короткое время в конце февраля 1908 г. и 3 марта приехал на несколько дней в Ясную Поляну.

[3] Анна Ивановна Маслова — сестра Ф. И. Маслова.

[4] Юлия Афанасьевна Юрасова — родственница Масловых, жившая с ними вместе.

ПИСЬМО К И. С. ГРУШЕВСКОМУ

НЕПОСЛАННОЕ

1908 г. Декабря 17. Я. П.

Г-н Ив. Грушевский.

Получил ваше нехорошее письмо и очень удивляюсь, что могло побудить вас оскорблять старого человека, не сделавшего вам ничего дурного, упрекая его за то, чего он никогда не делал. Все мои сочинения, в том числе и Воскресение, написанные с 1890 года[1], предоставлены бесплатно в пользование всех тех, кто хочет печатать их. Только сочинения, писанные до этого времени и не заключающие, по моему мнению, ничего полезного, остались в собственности моих наследников.

Очень сожалею о том, что вы так легкомысленно судите о людях и без всякого повода стараетесь сделать им неприятное.

Лев Толстой.

17 Дек. 1908.

Просил бы вас не посылать мне ни газеты с статьей[2] и не писать мне.

Толстой отвечает на письмо крестьянина Ивана Степановича Грушевского, служившего в магазине швейных машин в городе Боровичах, Новгородской губернии. В 1905 г. Грушевский за участие в революционной деятельности был арестован и девять месяцев просидел в тюрьме. Судом был оправдан, но состоял под надзором полиции.

В письме от 15 декабря 1908 г. Грушевский писал: «Мне пришлось, сидя в тюрьме, прочесть ваше «Воскресение». Оно мне дало такую отраду и прибавило силы переносить заключение. Я понял, какую глубину вы таите в себе. Вы сердцевед и глубокий мыслитель. Мне хотелось бы познакомиться с другими вашими произведениями, которые весь цивилизованный мир признал величайшими, но мои крайне ограниченные средства и семейное бедственное положение не дают мне располагать такими деньгами, чтобы купить ваши произведения. Поэтому я обращаюсь к вам, почему вы, исписавший кипы бумаги, давший человечеству много великого, но не дали народу (я говорю о рабочих и крестьянах), среди которого вы живете и творите. То великое народу недоступно по ценам... Свои творения вы продаете на общественном рынке на вес золота. Вы тот же паразит, живущий за счет других. Вы видите страдание народа, слышите стоны голодающих. Но вы сыты и имеете во всем достаток». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

По поводу этого письма Толстой 18 декабря 1908 г. записал в дневнике: «Вчера вечером получил письмо недоброе о том, что наживаюсь сочинениями, и был так слаб, что огорчился и отвечал (бросил письмо)». Письмо было разорвано и брошено в корзину. Из корзины его извлек Д. П. Маковицкий и сохранил в своих бумагах. Подлинник хранится в Национальном музее в Праге; в Литературном музее имеется фотокопия.

[1] Толстой ошибся в хронологии: им были предоставлены во всеобщее пользование все его сочинения, написанные не с 1890 г., а с 1881 г.

[2] Грушевский выражал желание послать Толстому газету с своей статьей.

ПИСЬМО К Л. А. АРСЕНЬЕВУ

ЧЕРНОВОЕ

1908 г. Декабря 20. Я. П.

Оправдывать смертную казнь словами Христа <не решался до сих пор еще не один изувер. Разъяснять невероятн[ость] такого толкования слов Христа недостойно разумного и порядочного человека. Единственный вывод из такого толкования тот, что для людей, понимающих дух учения и руководящихся им, текст евангелия не представляет никакого значения, так как нет той нелепости и жестокости, к[отор]ая бы не могла быть выведена из буквы.> и искусственно, и глупо, и бессовестно. Из такого толкования <слов еван[гелия]> слов Христа можно сделать только один вывод: тот, что буква того писания, к[отор]ое называется священным, не может и не должна иметь для искреннего, разумного и честного человека никакого значения, так как нет больших <оправданий смертной казни> нелепостей и жестокостей, чем те, к[отор]ые выводились и выводятся еще и теперь из этой буквы.

На ужасное <писание> статью Столыпина можно и должно ответить только одним словом: С т ы д н о.

Лев Толстой.

20 Дек. 1908.

Толстой отвечает на следующее письмо от 18 декабря 1908 г. студента физико-математического факультета Петербургского университета Л. А. Арсеньева: «Многоуважаемый Лев Николаевич! Посылаю вам статью А. С—на, напечатанную в «Новом Времени» 18 декабря, и очень прошу вас сообщить, что вы думаете о ней, а в особенности о словах Христа: утверждает ли он, что «злословящий отца и мать подлежит смертной казни». При письме была приложена вырезка статьи А. С—на «Заметки», помещенной в № 11772 «Нового Времени» от 18 декабря 1908 г., в которой журналист пытался оправдать смертную казнь словами евангелия.

Печатаем по фотокопии черновой текст ответа Толстого, сохраненный Д. П. Маковицким в его архиве в Национальном музее в Праге. Беловой текст письма имеет некоторые стилистические отличия от чернового.

[1] Автором возмутившей Толстого статьи был журналист Александр Аркадьевич. Столыпин (1863—1920 ?), брат председателя Совета министров П. А. Столыпина и сын сослуживца Толстого по Севастополю Аркадия Дмитриевича Столыпина (1822—1899).

[2] В тот же день Толстой написал А. А. Столыпину следующее письмо: «Александр Аркадьевич, прочел то, что вы написали 18 декабря. Стыдно, гадко. Пожалейте свою душу. Я любил вашего отца, и мне больно за вас.

Лев Толстой».

ПИСЬМО К С. О. ГРУЗЕНБЕРГУ

1909 г. Марта 3. Я. П.

Ясная Поляна
3 Марта, 09 года

Семен Осипович,

Всегда считал жизнь величайшим благом, за которое нельзя быть достаточно благодарным. Чем дольше живу и чем больше приближаюсь к смерти, тем сознание этого блага становится во мне все сильнее и сильнее.

Лев Толстой.

Толстой отвечает на письмо Семена Осиповича Грузенберга без даты (почтовый штемпель: «С. Петербург. 28.2.1909 г.»), в котором Грузенберг, ссылаясь на свое знакомство с Львом Львовичем Толстым, обращался ко Льву Николаевичу за разъяснением интересовавшего его вопроса «о влиянии Шопенгауэра на пессимистические мотивы» творчества Толстого. «Позволяю себе,—писал Грузенберг,—обеспокоить вас усердной просьбой, — поделиться со мной своими взглядами на Шопенгауэра и роль его в генеалогии ваших пессимистических воззрений». При письме был приложен лист с 25 вопросами, на которые Грузенберг просил Толстого ответить. Одновременно с письмом Грузенберг посылал свою брошюру: «Миропонимание пессимизма как вера», М., 1908.

Семен Осипович Грузенберг (р. 1876) — присяжный поверенный, профессор, философ-психолог и писатель популяризатор.

На предложенные ему 25 вопросов Толстой ответил публикуемым письмом в 4 строки.

ПИСЬМО К Н. В. СТОРОЖЕНКО

1909 г. Апреля 9. Я П.

Ясная Поляна
9 апреля 1909

Николай Владимирович,

Память моя к старости стала так слаба, что я не всегда могу восстановить подробности прошедшего, и потому не могу вам написать подробно о моем знакомстве и отношениях с вашим почтенным дядей. Одно могу сказать — и совершенно искренно — что он всегда возбуждал во мне, кроме интереса общения с высоко-образованным человеком, и особенно в области словесности, меня всегда интересовавшей, — он сам, как человек, всегда возбуждал во мне самые хорошие и дружеские чувства, которые, как мне приятно думать, и он <сам> питал ко мне.

Лев Толстой.

Письмо адресовано троюродному племяннику Николая Ильича Стороженко, Николаю Владимировичу Стороженко, киевскому историку и педагогу, в то время занимавшему должность директора Четвертой киевской гимназии. 5 апреля 1909 г. Н. В. Стороженко обратился к Толстому с письмом, в котором сообщал, что он собирает материалы для биографии Николая Ильича, и просил Толстого написать о нем свои воспоминания.

Подлинник письма Толстого находился в архиве Стороженко, в настоящее время местонахождение его неизвестно. В Литературном музее хранится копия данного письма.

ПИСЬМО К АТРПЕТУ

1909 г. Июня 15. Я. П. 15 июня 1909

Очень благодарю вас за присылку вашей книги. Я нашел в ней много для себя нового и в высшей степени интересного. Меня также интересуют по своим заглавиям и другие ваши книги, указанные в объявлении: «Шиитское духовенство», «Секта Бабизм», «Податная система в Персии», «Младотурецкое движение».

Лев Толстой.

Подлинник письма (машинопись с подписью Толстого) хранится в Литературном музее. Письмо уже было напечатано в газете «Тифлисский Листок», 1909, № 142 от 25 июня. Мы печатаем его как весьма характерное свидетельство интереса Толстого к жизни восточных народов. Толстой говорит здесь о книге Атрпета «Мамед-Али-Шах. Народное движение в стране. Льва и Солнца». Александрополь, 1909. Экземпляр книги хранится в яснополянской библиотеке; на титульном листе ее надпись: «Обожаемому Великому Русскому писателю Льву Николаевичу Толстому от автора».

В ответ на это письмо Атрпет в октябре 1909 г. послал Толстому свою другую книгу: «Имамат. Страна поклонников имамов. (Персидское духовенство). Историческое исследование», Александрополь, 1909. На титульном листе экземпляра этой книги, хранящегося в яснополянской библиотеке, надпись: «Обожаемому графу Льву Николаевичу Толстому от признательного автора». Получивши эту книгу, Толстой сейчас же принялся ее читать. Д. П. Маковицкий пишет в своих «Яснополянских записках» 18 октября 1909 г., что Лев Николаевич хвалил книгу и советовал М. А. Шмидт прочесть ее.

ПИСЬМО К П. В. СЮЗЕВУ

16 февраля 1910 г.
Ясная Поляна

1910 г. Февраля 16. Я. П.

Благодарю за добрые чувства, выраженные в вашем письме. Посылаю портрет и несколько брошюр о вреде пьянства и от души желаю процветания вашего общества.

Адресат — Павел Васильевич Сюзев, член правления Добрянского железоделательного завода Пермской губернии, основатель Добрянского общества трезвости. В письме от 6 февраля 1910 г. Сюзев просил Толстого выслать Обществу свой портрет с автографом и «хотя несколько слов». К письму он приложил также свое стихотворение по поводу 80-летнего юбилея Толстого в 1908 г.

ПИСЬМО К М. ЛЕВИНУ

1910 г. Сентября 24. Я. П.

Духоборам я не предполагал отдать не полученную премию, но просил не присуждать мне премии и тем не ставить меня в неприятное положение, так как я откажусь от нее, а отказ этот может быть неприятен моим наследникам [1].

Отказываюсь же я потому, что убежден в безусловном вреде денег.

Лев Толстой.

24 Сент. 10 г.
Ясная Поляна.

М. Левин, норвежский журналист, бывший русский подданный, посетил Толстого в Ясной Поляне 20 февраля 1910 г., после чего Толстой записал в дневнике: «Датский еврей, очень интересный». Левин был корреспондентом норвежской газеты «Morgenbladet». В письме из Христиании от 1 октября (нов. ст.) 1910 г. Левин писал Толстому, что он много лет агитирует в норвежской печати в пользу того, чтобы Толстому была присуждена Нобелевская премия, до сих пор ему не присуждавшаяся по политическим соображениям. Но вот теперь в русских газетах (см. «Речь», № 252 (1490) от 14 сентября) он прочел, будто бы Толстой заявил, что он вновь откажется в пользу духоборов от Нобелевской премии, если она ему будет присуждена. Он просил Толстого ответить, верно ли газетное сообщение.

Нобелевская премия присуждается за лучшие труды в области естественных наук, изящной словесности и международного мира. Толстой был выставлен кандидатом на получение премии в 1901 г., но кандидатура его не прошла. Ложный слух об отказе Толстого от Нобелевской премии в пользу духоборов возник вследствие того, что Толстой в 1897 г. написал в иностранные газеты статью о том, что по его мнению Нобелевскую премию следует присудить духоборам на основании того, что их отказ от оружия наиболее действительным образом служит делу всеобщего мира. Статья Толстого была напечатана в № 4 за 1899 г. журнала «Свободная Мысль», издававшегося в Женеве П. И. Бирюковым.

[1] Здесь память изменила Толстому. Он не обращался с просьбой о неприсуждении ему Нобелевской премии, а лишь после того, как она была присуждена другому лицу, получивши от группы шведской интеллигенции сочувственный адрес с выражением их возмущения тем, что Толстой не получил премии, ответил им 20 января 1902 г.: «Назначение не мне Нобелевской премии было мне вдвойне приятно: во-первых, тем, что избавило меня от тяжелой необходимости так или иначе распорядиться деньгами, которые считаются всеми очень нужным и полезным предметом, мною же — источником всякого рода зла; во-вторых, тем, что послужило поводом к выражению мне своего сочувствия уважаемых мною людей, за которое от всей души благодарю вас» («Свободное Слово» 1902, № 3, стлб. 27).

III. О ТОЛСТОМ

ПИСЬМА С. А. ТОЛСТОЙ

1

СТУДЕНТУ А. И. НОВГОРОДЦЕВУ

1891 г. Ноября 13—14? Москва.

Милостивый государь, письмо ваше к гр. Л. Н. Толстому, пропутешествовав, все-таки не попало к нему, так как он в Рязанской губ., а прочла его я, его жена.

Могу вам ответить по пунктам.

1) Первоначальные произведения Льва Николаевича отданы мне в мою собственность для содержания огромной нашей семьи. Я же их считаю много выше последних.

2) Последние произведения имеют определенную мысль — отрицание собственности, и потому продавать то, в чем отрицается собственность, только самому — Л. Н. счел не последовательным.

3) Все свое состояние (далеко не 600 тысяч)[1] Л. Н. теперь роздал поровну 10-ти членам семьи своей[2], а удержал он состояние по моему настойчивому требованию для семьи, воспитанной уже в известных условиях.

4) Если б он отвечал на все письма со всего мира сам — ему не только писать сочинения, но ни спать, ни есть не было бы минуты времени. И так обе дочери постоянно заняты его корреспонденцией. Вот и все.

С. Толстая.

На обороте:

Москва,
Поварская, дом Немчинова, кв. № 30,
Новгородцеву.

В 1891 г. три студента Московского университета написали Толстому следующее письмо:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич,

Веря в искренность ваших убеждений, мы не можем вместе с тем уяснить себе причины некоторых ваших поступков, что заставляет нас глубоко мучиться.

Часто при спорах, возникающих по поводу ваших взглядов, мы становимся втупик, не чувствуя себя в силах разрушить сомнения в вашей искренности.

Во 1-х, нас мучит то, почему вы, признав бесполезность своих первоначальных произведений, вместе с тем продолжаете выпускать их в свет.

Во 2-х, почему только последние произведения вы разрешаете печатать всем, а право на печатание первых оставляете за собой?

В 3-х, можно ли объяснить то, что вы не раздаете или не уничтожаете ваших 600 тысяч, о которых вы говорите в XII томе ваших произведений, тем, что вы не считаете себя в праве лишить их семью и поставить ее в нежелательные для нее условия?

В 4-х, чем объяснить то, что вы не отвечаете на некоторые искренние письма?

Нельзя ли ваше молчание объяснить тем, что вы получаете такую массу писем, что у вас нет физической возможности отвечать на все? Почему тогда вы не сделаете этого известным при помощи газет?»

Желая, чтобы это письмо скорее и вернее дошло до Толстого, студенты обратились к Софье Андреевне с следующим письмом:

«Ваше сиятельство гр. София Андреевна,

Просим вас передать прилагаемое письмо Льву Николаевичу с тем, чтобы он ответил на него лично или, если не имеет на то возможности, через вас.

Мы обращаемся к вам, предполагая, что Лев Николаевич получает такую массу писем, что не может даже все читать».

Ответ С. А. Толстой датируется по почтовому штемпелю отправления: «Москва 14/XI 1891».

[1] О состоянии в 600 тысяч, которым он обладал ранее, Толстой упоминает в трактате «Так что же нам делать?», писавшемся в 1882—1886 гг. (гл. XV).

[2] Раздельный акт, по которому его недвижимая собственность перешла к его жене и детям, был подписан Толстым 7 июля 1892 г.

2

Г. К. ГРАДОВСКОМУ

1910 г. Сентября 16. Я. П. 16 сентября 1910 г.

Многоуважаемый Григорий Константинович.

Получив от вас любезное ваше поздравление, мне стало совестно, что я не ответила вам на ваше прежнее письмо. Не говоря уже о том, что я часто хвораю нынешнее лето, мне пришлось пережить много тяжелого вследствие возвращения господина Черткова в наше соседство. Он совершенно поработил Льва Николаевича своим деспотическим гнетом. Прежде это не было так резко заметно, теперь же Лев Николаевич все больше и больше удаляется от всяких материальных и земных интересов, живет своими мыслями, слабеет волей, и этим пользуются его, так называемые, близкие люди.

Возникло у меня с Чертковым недоразумение по поводу семи толстых тетрадей дневников Льва Николаевича за десять лет. Чертков их брал для каких-то работ еще в ноябре, и я просила его их возвратить. Это привело этого господина в бешенство. Он говорил, что я боюсь, что он меня и семью мою будет посредством этих дневников обличать, чего мне и в голову не могло притти, и с злобой прибавил: «Если б я хотел, я давно имел возможность напакостить (каково изречение) вам и вашей семье, и если я этого не сделал, то только из любви к Льву Николаевичу». Этим он не ограничился и еще изрек: «Если б у меня была такая жена, я давно застрелился бы или убежал в Америку».

Сходя с лестницы чтобы уехать, он сказал еще моему сыну про меня: «Не понимаю такой женщины, которая всю жизнь занималась убийством своего мужа». Дневники я от него выручила, но дорогой ценою! Конечно, можно бы отнестись с презрением к таким грубым людям, но меня огорчило то, что мой муж продолжал приветливо относиться к Черткову. Но потом он понял, что присутствие этого человека в моем доме мне тяжело, и прекратил всякое с ним общение. Вас удивит, вероятно, Григорий Константинович, что я так откровенно пишу вам о таких интимных вещах. Но, к сожалению, наша жизнь так на виду всему миру, что такое событие, как разрыв Толстого с Чертковым, не может пройти бесследно. Чертков, вероятно, мне будет мстить, а мне хотелось бы близким и друзьям дать верные сведения о происшедшем, если до них дойдут какие-нибудь нелепые слухи.

Спасибо вам, многоуважаемый мой новый друг, что не забываете меня, спасибо и за поздравление. Лев Николаевич здоров, мы с ним

только что вместе гостили у дочери. Я 3-го дня вернулась, а его жду к 23-му, нашему свадебному дню, 48 лет супружества. Желаю вам всего радостного и здоровья.

Софья Толстая.

Адресат письма — Григорий Константинович Градовский (1842—1920) — либеральный публицист (псевдоним — Гамма), писавший статьи по общественным вопросам в либеральных газетах, главный организатор Кассы взаимопомощи русских литераторов и ученых (1890 г.) Был в Ясной Поляне 4 — 5 октября 1909 г. 6 апреля 1910 г. Толстой написал Градовскому, бывшему тогда председателем съезда писателей, письмо с выражением своего отношения к съезду (было напечатано с цензурными пропусками и смягчениями в «Письмах Л. Н. Толстого», собранных и редактированных П. А. Сергеенко, изд. «Книга. М., 1911, т. II, стр. 305—306). Воспоминания Градовского о посещении им Толстого напечатаны, под заглавием «За год до кончины», в журнале «Пробуждение», 1912 г., № 1, стр. 28—30, № 2, стр. 68—69, и под заглавием «Моя поездка в Ясную Поляну» в сборнике «Публицист-гражданин», изд. «Касса взаимопомощи литераторам и ученым», Птг., 1916, стр. 142—183.

Письмо Градовского, на которое отвечает С. А. Толстая, в архиве ее не сохранилось. Письмо Софьи Андреевны представляет интерес для характеристики той тяжкой атмосферы, какая царила в яснополянском доме летом 1910 г.

3

С. И. ТАНЕЕВУ

В Литературном музее хранятся подлинники шестидесяти двух писем С. А. Толстой к С. И. Танееву, относящихся к 1895—1910 гг. По содержанию своему письма представляются мало интересными. Это по большей части приглашения притти в хамовнический дом или приехать в Ясную Поляну, приглашения в театр, на каток в Хамовники, просьба принести ноты, написать о своем здоровье, уведомить о концерте, извещение о присылке книг или фотографий и т. д. Но для понимания отношений Софьи Андреевны к Танееву письма дают очень много.

В письмах проявляется чрезвычайно заботливое отношение Софьи Андреевны к С. И. Танееву, особенно ярко выражавшееся при всяком его заболевании. Так, имеется недатированная визитная карточка С. А. Толстой, посланная с нарочным, на которой было написано: «Как ваше здоровье, Сергей Иваныч? Мы о вас беспокоимся. Ответьте на словах».

В другом письме, от 10 июня 1899 г., когда Танеев болел рожистым воспалением и, кроме того, ушибся при падении, С. А. Толстая ему писала: «Очень тревожусь о вас все эти дни, с волнением получаю почту». Далее в том же письме она писала: «Очень бы хотела знать ваше душевное состояние. Что вы думаете, лежа в постеле? Приходят ли вам музыкальные мысли?» Ей интересно знать все подробности постигшего его несчастного случая: «далеко ли вы упали от дома, как добрались до дому или как вас нашли?» (22 июня 1899 г.). В следующем году у Танеева снова болела нога, и Софья Андреевна вновь участливо спрашивает: «Как вы повредили ногу? долго ли вам лежать, есть ли жар от раны?» (7 июля 1900 г.).

В других письмах С. А. Толстая справлялась о том, как себя чувствовал Танеев, здоров ли он, как съездил в деревню и пр. Ее заботливость и интерес к мельчайшим подробностям его жизни доходили до того, что она посылала ему шоколад для питья и фруктов «для развлечения» перед его поездкой в скит Троице-Сергиевой лавры (1898 г.) и даже интересовалась тем, нашел ли он свой потерянный бумажник (письмо от 30 мая 1901 г.).

В письмах находим и другие проявления исключительного отношения С. А. Толстой к Танееву. Так, 17 декабря 1895 г., получив составленную им таблицу для чтения Спинозы, она писала: «Я просто обмерла, когда ее развернула и поняла, что это для меня». В другом письме, от 10 июля 1899 г., через три года после того, как Танеев гостил летом в Ясной Поляне, она писала: «Начала я опять

понемногу заниматься музыкой; ухожу во флигель, где вы жили, там внизу пианино, и играю одна в тишине, и это очень хорошо». В этом же письме она выражает намерение заехать в имение Масловых Селище, где проводил лето Танеев, хотя она и знала, как это было тяжело ее мужу. Это намерение в следующем месяце было приведено ею в исполнение, после чего она 15 августа 1899 г. писала Танееву: «Спасибо судьбе и за те немногие счастливые часы, которые я провела в Селищах и у сестры». И в 1900 г., в письме от 7 июля, Софья Андреевна опять выражала желание дня на два заехать в Селище. 30 мая 1901 г. Софья Андреевна, опять-таки зная, как это было неприятно Льву Николаевичу, приглашает Танеева провести половину лета в Ясной Поляне, отговаривая его от поездки в Пятигорск тем, что по слухам там на улицах всюду встречаются люди, «обезображенные известной болезнью».

Исключительное отношение Софьи Андреевны к С. И. Танееву выражалось также и в особенно участливом и заботливом отношении ее к некоторым его ученикам — «Юше Померанцеву» и «Коле Жиляеву», как она их называла. Всегда чрезвычайно расчетливая в денежных делах, Софья Андреевна на свой счет поправляет скрипку «Коле Жиляеву» (письмо от 18 марта 1897 г.), помогает его матери (26 августа 1897 г.) и ему самому (2 ноября 1897 г.). Лев Николаевич и дочери не сочувствовали этим преувеличенным заботам Софьи Андреевны об учениках Танеева, видя в них проявление все того же особенного отношения ее к Сергею Ивановичу. На этой почве между ними произошла размолвка, о которой Софья Андреевна не постеснялась в следующих выражениях написать Танееву: «Очень жалею, что я не могу взять его [Жиляева] в Ясную Поляну. Когда я сказала своим, что хочу это сделать, то встретила такой протест со стороны семьи своей, что не хочу подвергать мальчика недоброжелательным отношениям. Жаль, что их дела по принципам так редко сходятся с моими непосредственными желаниями помогать тем, кого судьба ставит нам на пути жизни» (30 апреля 1897 г.). И через два года Софья Андреевна вновь возвращается к тому же вопросу: «Как-то устроится Коля Жиляев на лето, и что будет делать его мать. Досадно, что я не свободна сделать что-нибудь для них» (30 мая 1899 г.).

Наибольшее количество писем падает на годы наиболее сильного увлечения Софьи Андреевны Танеевым: 1897 г. (17 писем) и 1898 г. (18 писем). Содержание писем за эти годы сводится почти исключительно к приглашениям Танеева побывать в Хамовниках. В эти годы Софья Андреевна была одержима каким-то беспокойным желанием видеть и вновь видеть Сергея Ивановича. Танеев, повидимому, не всегда охотно посещал Софью Андреевну; поэтому ей приходилось чрезвычайно разнообразить свои приглашения. То она предлагает ему притти в их сад заниматься, а кстати проститься со Львом Николаевичем и Татьяной Львовной, которые на лето уезжают в Ясную Поляну (письмо от 30 апреля 1897 г.); то ей нужно переговорить о дальнейшей судьбе «Коли Жиляева» (26 августа 1897 г.) или передать для него деньги (4 сентября 1898 г.). То она сообщает Сергею Ивановичу о своем ожидании от него «еще доброго поступка»: исполнения его увертюры (31 января 1898 г.), то настаивает на его приходе на основании его обещания (24 марта 1897 г.), а через три дня после этого посылает к нему нарочного только затем, чтобы напомнить ему о его обещании. То ей оказывается необходимо получить обратно данную ему для прочтения статью Толстого «Что такое искусство?», причем для большей убедительности она прибавляет: «Здесь Маша с мужем, не хотите ли ее повидать?» и заканчивает письмо словами: «Надеюсь, до свидания» (30 апреля 1898 г.). То она приглашает его посмотреть новый бюст Толстого работы Трубецкого (20 апреля 1898 г.); то повидать знакомую даму (9 мая 1898 г.); то, извещая о своем отъезде из Москвы на лето, приглашает попить чаю в саду (29 мая 1898 г.). 12 октября 1898 г., на другой день после своего переезда из Ясной Поляны в Москву, Софья Андреевна уже с беспокойством уведомляет Сергея Ивановича, что она «целых две недели» ничего про него не знает и про-

сит дать ей с младшей дочерью возможность побывать на репетиции симфонического концерта. Через месяц (5 ноября) Софья Андреевна просит Танеева доставить ей «праздник»: услышать в ее доме его романсы в исполнении знакомой певицы под его собственный аккомпанимент. Иногда приглашения делались в такой форме: «Вы нас совсем забыли. Зашли бы как-нибудь во время ваших дневных прогулок на минутку навестить меня, больную» (28 января 1898 г.). Или в такой: «Как досадно, Сергей Иванович, что мы никак не встретимся! Не придете ли вместо прогулки сегодня вечером? Я буду дома, и одна; мне было бы гораздо веселее с вами, чем с самой собой. Если можно, приходите, а я вам приготовила подарок — очень хорошие фотографии» (1898 г.).

Когда летом Софья Андреевна уехала в Ясную Поляну, и видеться было нельзя, она с нетерпением ожидала писем от Сергея Ивановича. «Сегодня, — писала она в своем дневнике 1 июля 1898 г.,—написала шесть писем, из которых одно — Сергею Ивановичу с запросом, куда ему послать книгу — английский перевод «Что такое искусство?» Льва Николаевича, о которой он меня просил. и главное, мне хочется иметь от него письмо» (Это место в печатном издании Дневников С. А. Толстой выпущено).

К 1898 г. относится и следующее загадочное место в письме Софьи Андреевны от 4 сентября: «После нашего бурного разговора осталось что-то недоговоренное, хотя мне лично было очень хорошо от вашего признания, я объясню почему, когда увижу вас, а пока более чем когда-либо дружески жму вам руку».

Хотя и гораздо реже, но очень приветливые приглашения получал С. И. Танеев от Софьи Андреевны и в последующие годы. Так, 25 мая 1901 г. она писала ему: «Если вам захочется, Сергей Иванович, отдохнуть от пыли, треска и городской суеты в тихом уголке моего дома и сада, то в продолжение тех 5—6 дней, которые я пробуду здесь, в Москве, по делам, я, как всегда, очень рада буду вас видеть. По вечерам я буду дома.»

Танеев сначала не догадывался об исключительном отношении к нему С. А. Толстой. Ему были непонятны та особенная заботливость и то внимание, которое он встречал к себе со стороны Софьи Андреевны. Отголосок этого его недоумения находим в письме к нему Софьи Андреевны от 2 апреля 1898 г., в котором она писала: «Как у вас в монастырских лесах? Можно ли гулять и хорошо ли вам работается?.. Или вам опять захочется спросить: почему это вас интересует?..».

В письмах С. А. Толстой к Танееву очень мало места уделяется Толстому. Ни в одном письме не упоминается ни об одной его работе, в то время как Софья Андреевна чрезвычайно интересуется всеми музыкальными работами и выступлениями Танеева и в ряде писем спрашивает его, где и что он будет играть, что он пишет и написал, где достать ноты его вещей и т. п. Для биографии Толстого имеют значение лишь следующие места из четырех писем С. А. Толстой к Танееву.

25 февраля 1901 г. «Читали ли вы сегодня в газетах отлучение от церкви Льва Николаевича? Ему это, кажется, неприятно было, он говорит, что глупо, потому что то, что многим не пришло бы в голову, теперь наведет на целый ряд мыслей и сомнений».

17 сентября 1901 г. из Гаспры. «Здоровье Льва Николаевича здесь довольно хорошо. Когда мы его привезли сюда, у него так болели ноги и все члены, что его носили наверх на руках. Теперь же он делает длинные прогулки, на все радуется, всем интересуется, и говорит, что, как только проснется, выйдет на большую террасу и посмотрит на море, то точно праздник ежедневный».

5 января 1902 г. из Гаспры. «В настоящее время у нас не очень благополучно. Только что я написала друзьям и знакомым, что Лев Николаевич здоров, — он снова захворал и очень нас напугал.

«Опять те же явления желудочного нездоровья с осложнениями сердечной слабости. Сегодня ему получше, но завтра два доктора будут советоваться, ка-

кие дальнейшие советы дать, чтоб восстановить здоровье Льва Николаевича. Довольно грустно все время смотреть на тот круг, который совершается в состоянии Льва Николаевича: как только ему хорошо, он переутомляется и заболевает. Опять выздоравливает, опять делает неосторожности, и опять сваливается в постель. И так постоянно. Доктора приходят в отчаяние, все старания напрасные».

1 сентября 1908 г., после 80-тилетнего юбилея Толстого: «День рождения Льва Николаевича прошел очень хорошо; были сыновья с женами, кое-кто из самых близких друзей — Чертков, Горбунов, Марья Александровна Шмидт — всех обедало только 22 человека. Вечером Лев Николаевич мне сказал с умилением в голосе: «Как хорошо, как все хорошо. Только страшно, что за эту радость будет какое-нибудь горе».

Публикуемое письмо является последним письмом С. А. Толстой к Танееву. Оно интересно как отражение того душевного состояния, в котором находилась Софья Андреевна в первые месяцы после смерти мужа. Письмо служит ответом на письмо Танеева из Москвы от 8 декабря 1910 г., в котором он извещал Софью Андреевну о смерти своей няни Пелагеи Васильевны. Чрезвычайно характерно, что С. А. Толстая никак не отозвалась на то письмо Танеева, в котором он 13 ноября 1910 г. писал ей по поводу смерти Толстого: «Смерть Льва Николаевича, вызвавшая скорбный отклик во всем мире, особенно чувствуется теми, кто, подобно мне, имел счастливую возможность находиться с ним в личном общении и непосредственно испытывать всю обаятельность его светлой личности».

Для характеристики отношения Танеева к Толстому характерно и то письмо, которое он написал С. А. Толстой 27 августа 1898 г. (по поводу 70-летия Толстому): «За многое я ему благодарен из того, что вычитал в его сочинениях и вынес из личного с ним общения. Нет надобности быть «последователем» Льва Николаевича для того, чтобы испытать на себе влияние его ясных, простых и живучих мыслей, которые, раз запав в душу, очень упорно в ней пребывают, иногда причиняя человеку немалое беспокойство тем, что ставят ему требования, превышающие его силы». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея).

1910 г. Декабря 10. Я. П. Ясная Поляна.

Многоуважаемый и дорогой
Сергей Иванович,

Спасибо, что известили меня о кончине милой вашей нянюшки — Пелагеи Васильевны. Я тоже ее очень любила; в ней были настоящая женская доброта и любовь, забота сердечная о других, желанье, чтоб всем было хорошо. Вполне понимаю, как вам тяжело и грустно.

Умер великий человек, мой муж, событие на весь мир; и умерла незаметная старушка. Но та пустота, та привычка быть всегда согретым участием и любовью близкого, дорогого, прожившего столько лет с нами — существа, одинаково заставляет страдать.

Вам должно послужить большим утешением то, что вы так покоили старушку, платили и ей любовью и заботой, чего у меня нет.

Последнее время я доставляла беспокойство и горе Льву Николаевичу своей нервной болезнью, своей нелюбовью Черткова, с которым он этим был разлучен, — и теперь это составляет мое главное страдание.

Живу одна в большом доме, пока еще с прежними слугами и прежней обстановкой. Все разъехались кроме доктора Маковицкого, но и он скоро уедет.

Как-то и не хочется уходить от могилы и от своей скорби. Надо нести, пока, посланный богом крест и верить в то, что горе и страдание очищают душу.

Дай бог и вам утешенья; время, говорят, все излечивает. Дружески жму вам руку; в январе меня требуют в Москву по делам завещания[1]; надеюсь повидаться с вами. Искренно преданая вам

С. Толстая.

10 Декабря 1910 г.

[1] Завещания Толстого от 22 июля 1910 г., по которому, в случае его смерти, литературные права на все его произведения и на самые рукописи передавались его младшей дочери Александре Львовне с тем, чтобы она в свою очередь, отказалась от своих прав и предоставила всем желающим свободно перепечатывать все сочинения отца, что ею и было исполнено.

4

А. И. МАСЛОВОЙ

1915 г. Июня 9. Я. П.

Ясная Поляна.
Ст. Засека.
9 Июня 1915 г.

Дорогая Анна Ивановна,

Узнав из газет о кончине Сергея Ивановича, я тотчас же хотела писать вам, но не знала, в Москве ли вы или в Селищах. Как грустно поразило меня это известие; и так неожиданно, так не верится, что ушел еще один друг, такой вам близкий и такой любимый всеми, кто его знал. Казалось, бы, что так много людей убивают, и столько умерших; а когда коснется близких, то сразу наносит новую сердечную рану, которая так и остается болезненной. Жаль, что Сергей Иванович не дождался постановки его оперы «Орестеи», которую обещают в Москве на следующий сезон. Да без него и не так хорошо она будет поставлена.

Сижу в зале совершенно одинокая, у того самого круглого стола, на котором 20 лет тому назад Лев Николаевич играл в шахматы с Сергеем Ивановичем. Тут же стоят теперь немые, беззвучные два рояля, на которых так превосходно, с таким совершенством услаждал Сергей Иванович своей игрой не только наш слух, но и наше душевное настроение. Вы знаете, как я высоко ценила и музыкальные дарования и личность Сергея Ивановича.

Когда новые потери образуют все большую и большую пустоту вокруг нашей жизни, то остается таким старым, как я, — одно утешенье: самой не долго осталось жить! ведь мне в августе будет 71 год. И хотя мое здоровье еще удовлетворительно, но сердце много пережило тревог и горя, а война не может не отражаться на всех живущих в это тревожное время.

Обнимаю вас, дорогой и милый друг Анна Ивановна. Пошли вам бог здоровья и утешенья. Если Юлия Афанасьевна[1] с вами, поцелуйте ее от меня с сердечным моим приветом, и передайте поклон Вере Евграфовне[2] и Николаю Ивановичу[3].

Сердечно любящая вас и сочувствующая вам

С. Толстая.

Письмо написано по поводу смерти С. И. Танеева (6 июня 1915 г.).

[1] Юлия Афанасьевна Юрасова, родственница Масловых.
[2] Вера Евграфовна Маслова, рожд. Сорокина (р. 1864 г.) — жена Николая Ивановича Маслова.
[3] Николай Иванович Маслов (1853—1920)—брат А. И. Масловой, товарищ председателя окружного суда в Рязани.

4

Н. О. ЛЕРНЕРУ

1915 г. Декабря 23. Я. П. 1915 г., 23 декабря.

Милостивый Государь. Николай Осипович.

Мне совестно, что вы взяли на себя труд посылать мне все статьи П. А. Сергеенко, и я очень благодарю вас за вашу любезность. Все номера я получила, и часто бываю в недоумении перед противуречивыми сведениями, которые дает автор статьи, так бесцеремонно обращаясь с еще живущими лицами. Например: он пишет обо мне, что я «типичнейшая М а р ф а», и тут же сообщает, что я увлекалась и живописью, и музыкой, и авторством, вероятно умышленно умалчивая о моем увлечении философией. Я перечитала не раз греческих мудрецов, и Сенеку, и Марка Аврелия, и позднее читала даже Шопенгауэра и других.

О том, что нарушало в статье Сергеенко — тип М а р ф ы, он умалчивает и не понимает того, что по недостатку времени, при непосильном труде, я не могла ни на чем сосредоточиться и специализироваться. Пришлось заглушать в себе все задатки стремлений духовных и нести тяжелое бремя материальных забот, служа мужу и семье.

Извините, что заняла ваше время чтением о моих впечатлениях от статьи Сергеенко, и примите уверение в моем уважении и желании всего лучшего к настоящим праздникам.

София Толстая.

Ст. Засека, Моск. Курск. ж. д.
Ясная Поляна.

Н. О. Лернер в письмах к С. А. Толстой от 19 и 29 ноября 1915 г. и еще в одном, более раннем и не дошедшем до нас письме, посылал С. А. Толстой для ознакомления фельетоны П. А. Сергеенко, печатавшиеся под названием «Из сказки о счастьи» в газете «Биржевые Ведомости». Всего появилось восемь фельетонов П. А. Сергеенко под этим заглавием («Биржевые Ведомости», 1915, №№ 15097, 15103, 15205, 15233, 15247, 15263, 15277 и 15289).

Ответом на эту присылку фельетонов и является публикуемое письмо С. А. Толстой.

ПИСЬМО Т. Л. ТОЛСТОЙ К Н. С. ЛЕСКОВУ

1894 г. Июня 28. Я. П.

Вот за это спасибо, уважаемый Николай Семенович, что написали и прислали фотографию. Она очень хороша и живо напомнила вас.

Выпишу вам из письма Н. Н. Ге младшего о смерти его отца: «Вы спрашиваете, Т. Л., как умер отец. Он приехал из Нежина от Петруши[1] вечером в 12-м часу. Он постучал в окно. Я вышел его встретить с лампочкой и увидел, что он идет от телеги, на кот[орой] приехал, и несет в руках что-то в рогоже. Он был бледен, но шел бодро, я поставил лампу и пошел взять его мешок и отдать деньги извозчику. Он прошел коридором в свою комнату, а я шел сзади с вещами и лампой. Он вошел и сел, как всегда, бывало, садился, к своему столу, на котором без него накопились письма, я хотел зажечь его лампу, но он остановил меня, сказал, что не надо, что ему дурно. Я обошел стол и помог ему лечь; он стал стонать и задыхаться, я позвал Зою[2], прося принести воды, я ему дал воды и растворил окно, он ничего не говорил, только смотрел и мучился, стонал. Стали тереть ему руки, ноги, я ему налил воды на голову; когда отворили окно, лоб стал как будто теплее, а руки все были холодны, ноги были теплы сначала, а потом и они похолодели. Я побежал на конюшню и послал верхового за доктором; пока я бегал, он крикнул несколько раз; когда я вернулся, он уже не кричал, а стонал и метался и задыхался. Он ничего не сказал до самого конца. Потом он затих и сейчас же умер. До того как я бегал, я надеялся; когда я вернулся, я уже понял, что он умрет. Я жалею, что я бегал: может, он хотел сказать что-то криком, может, я понял бы.

«Я послал вам картины в Ясную[3], потому что лучше пусть они у вас будут теперь. Петруша уедет через месяц в Петербург, а ко мне уже раз приезжал чиновник от губернатора — Скворцов, и хотя я думаю, что ничего не будет, но все лучше, чтобы картины были в сохранности.

«Теперь мы фиксируем рисунки к евангелию, и когда они будут фиксированы, я вам пришлю их. На-днях вам вышлю подрамники и рамы к картинам. Напишите, получили ли вы картины. Их послал отцовский арендатор и перевел зачем-то плату на вас. Вы меня зовете к себе. Теперь такая безурядица во всем, что бросить невозможно. Вот и сейчас, дети дерутся и кричат, и надо разводить их.

«Прощайте, всем вашим кланяйтесь от меня.

«Льву Николаевичу я пишу в этом же письме.

«Прощайте.

Н. Ге».

Вот вам подробности о его последних минутах; о его последних днях писал нам Петр Ник. Ге, и хотя они очень трогательны и характерны, особенно важного в них ничего не было. Похоронили его по-православному рядом с его женой.

Отец вам велит очень кланяться. Он здоров и бодр. Дал себе на время вакацию от умственной работы и работает пилой и косой. Сегодня, кажется, первый жаркий летний день, и мы идем убирать накошенную отцом траву.

Брат Лев все хворает, и, что хуже всего, это то, что ведет жизнь, совершенно противную самым первобытным гигиеническим правилам, — мало двигается, мало находится на воздухе и много думает о своем недуге.

Вы не пишете о своем здоровьи — как вы? Надеюсь, за лето поправитесь.

До свиданья. Искренно желаю вам всего хорошего.

Т. Толстая.

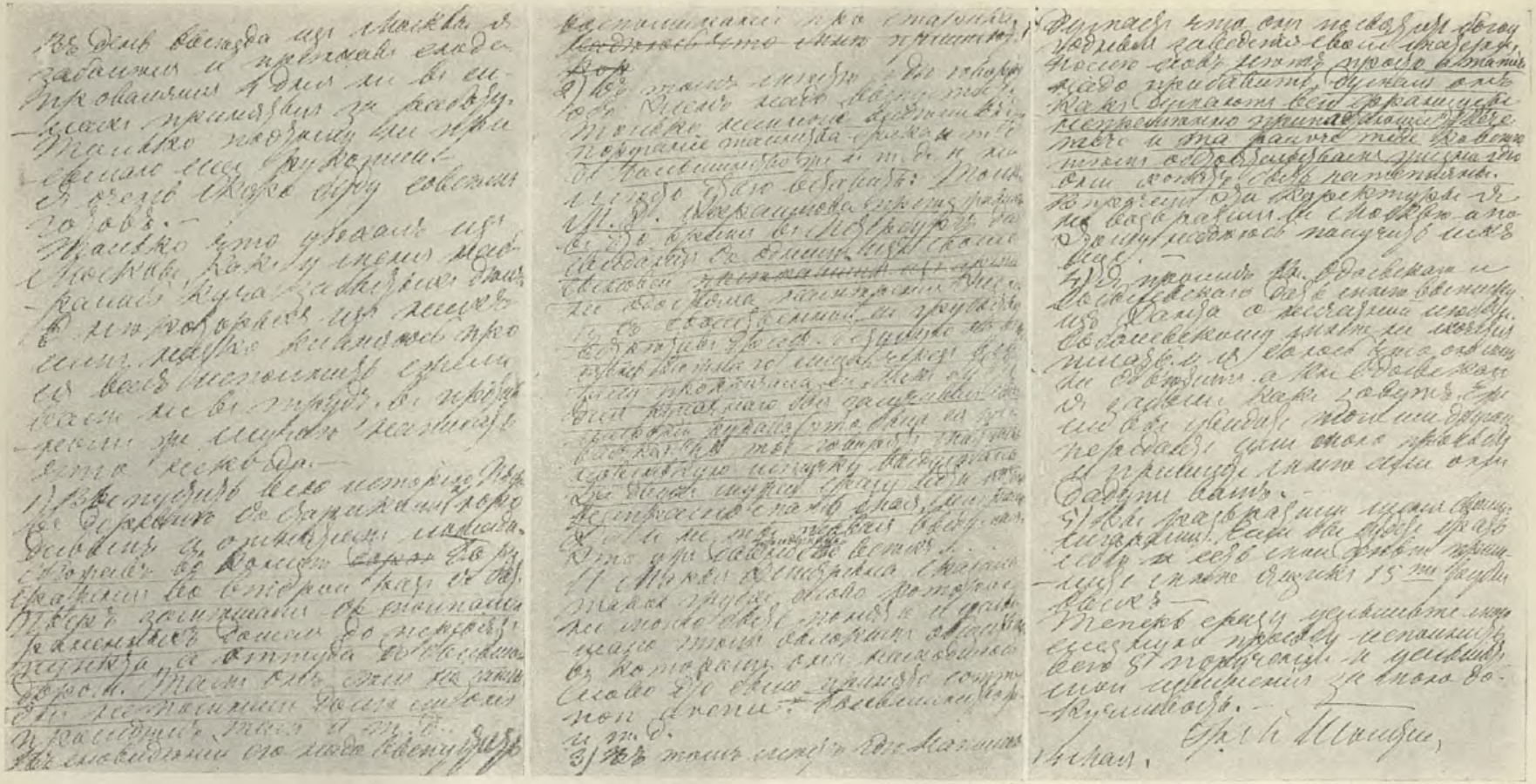
28 Июня 94.

Т. Л. Толстая отвечает на письмо Лескова от 6 июня 1894 г., в котором Лесков просил сообщить: «где и при каких условиях умер друг наш Николай Николаевич Ге, и где и как схоронили его тело?» Кроме того, просил написать, как здоровье Льва Львовича и Льва Николаевича и вообще обо всем, «касающемся Льва Николаевича». Присылал на «посмотр» свою фотографию.

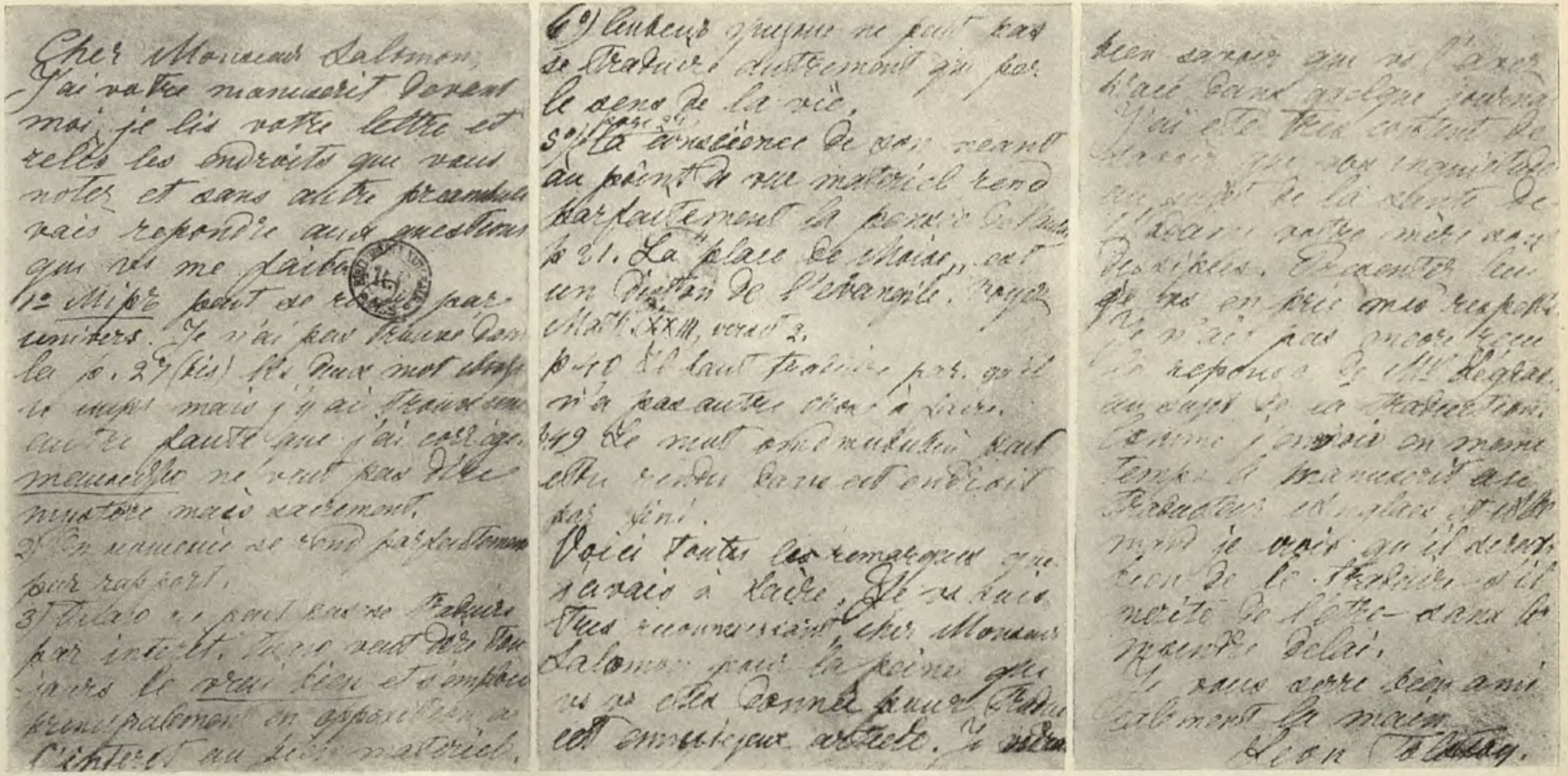
[1] Петр Николаевич Ге (см. стр. 172).

[2] Зоя Григорьевна Ге (р. 1861 г.) — племянница художника Н. Н. Ге, дочь его брата Григория Николаевича, по мужу Рубан-Щуровская.

[3] После смерти Н. Н. Ге его сын Николай Николаевич оставшиеся после него картины в целях сохранности отправил в Ясную Поляну, оттуда они были переданы на временное хранение в Третьяковскую галлерею. Впоследствии они были возвращены владельцу и проданы им за границей.

ПИСЬМО ТОЛСТОГО к П. И. БАРТЕНЕВУ ОТ 14 МАЯ 1868 г.
(Уменьшено)

ПИСЬМО ТОЛСТОГО к Ш. САЛОМОНУ ОТ 2—3 МАЯ 1894 г.

ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА К Л. Я. ГУРЕВИЧ

1

1891 г. Апреля 8. Петербург.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Не удалось мне застать вас, и я позволил себе оставить у вас рукопись Перчатки[1], уверенный, что вы не откажете мне в моей просьбе. Нельзя ли пристроить эту комедию в Северный Вестник? Она коротка, весела и трогательна и принадлежит знаменитому писателю, очень симпатичному по направлению. Комедия эта очень понравилась Л. Н. Толстому, и переведена его свояченицею. Если прочитаете, то увидите, чт оидея Перчатки должна была прийтись по душе Толстому. Перевод сделан исправнейшим образом, за что вполне ручаюсь, так как сверил каждую строчку и каждое слово.

Итак, помогите. Покорно благодарю за оттиск, содержащий защиту Переписки Спинозы[2]. Видите, как хорошо вышло. Защита очень твердая и ясная. Пожалуй, один пункт слаб: главные сочинения Лейбница[3]. Но я перечел потом Преображенского[4], и мне стало ясно, что он действительно придирчив и несправедлив.

Если состоится решение в Северном Вестнике[5], то будьте добры, черкните мне два слова.

Прошу извинить меня за хлопоты, которые на вас возлагаю, и твердо надеюсь на ваше доброе расположение.

Вам искренно преданный

Н. Страхов.

1891
8 апр. СПБ.

Николай Николаевич Страхов (1828—1896)—литературный критик и философ-идеалист, преданный друг Толстого. Вел с Толстым обширную переписку, большая часть которой была издана Обществом Толстовского музея, СПБ., 1914.

[1] «Перчатка», драма Бьернстиерне-Бьернсона, была переведена Т. А. Кузминской.

[2] Статья Э. Радлова «Несколько замечаний о Спинозе (по поводу перевода переписки Бенедикта де-Спинозы, сделанного с латинского оригинала Л. Я. Гуревич, под редакцией и с примечаниями А. Л. Волынского)» — была напечатана в «Северном Вестнике», 1891, № 6, стр. 199—218.

[3] О Лейбнице говорится на стр. 216—217 упомянутой статьи Радлова.

[4] Имеется в виду рецензия В. П. Преображенского на «Переписку Спинозы», напечатанная в «Вопросах философии и психологии», 1891, кн. VII, стр. 76—83.

[5] Перевод «Перчатки», сделанный Т. А. Кузминской, в «Северном Вестнике» напечатан не был. Впоследствии был выпущен отдельным изданием книгоиздательством «Посредник».

2

1895 г. Января 31. Петербург.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Корректура [1], которую вы мне прислали, — давно готова, но вчера за нею не приходили. С нетерпением жду новой корректуры, сделанной по поправкам Льва Николаевича; когда будете посылать ее мне, то прикажите приложить и листы с этими поправками. Лев Николаевич требует от меня большого внимания — и я тружусь с величайшим удовольствием. Какой чудный рассказ! Поправки, которые он делает, всегда удивительны — он никогда не портит своих вещей. Поэтому — будьте терпеливы — и ваш журнал украсится бесценною жемчужиной!

Вам искренно преданный

Н. Страхов.

1895
31 янв. СПБ.

[1] Рассказа Толстого «Хозяин и работник», печатавшегося в «Северном Вестнике». Об участии Н. Н. Страхова в чтении корректур рассказа см. письмо Толстого к Л. Я. Гуревич от 14 (?) января 1895 г. и примечания к нему, стр. 121.

ПИСЬМА К П. И. БАРТЕНЕВУ О «ВОЙНЕ И МИРЕ»

В Литературном музее хранятся переплетенные по отдельным годам самим П. И. Бартеневым письма к нему разных лиц за годы 1850—1906. В томе писем за 1868 г. находятся несколько писем разных лиц по поводу «Войны и мира». Печатаем из них четыре наиболее интересные.

Первое письмо принадлежит известному другу Пушкина и близкому знакомому Бартенева, библиографу и библиофилу Сергею Александровичу Соболевскому (1803—1870). Письмо (скорее записка) даты не имеет, но в томе писем за 1868 г. оно стоит первым.

Второе письмо написано Николаем Ивановичем Орфеевым, воспитателем графа Федора Львовича Соллогуба, сына Льва Александровича Соллогуба (брата В. А. Соллогуба, автора «Тарантаса»), владельца имения Рожествено близ Серпухова. Выпускаем из письма Орфеева начало и конец, не имеющие отношения к «Войне и миру».

Третье письмо принадлежит Ивану Петровичу Борисову, зятю Фета и приятелю Толстого, и четвертое — Фету.

1

Сообщите Толстому следующее:

Мы все слышали от К. Сухтелена анекдот его после Аустерлицкого сражения иначе, чем у него.

Когда Наполеон сказал про Сух[телена], что он больно молод, Сухтелен ответил двумя стихами из трагедии «Сид» (de Pierre Corneille):

Je suis jeune, il est vrai; mais aux âmes bien nées.
La valeur n'attend point le nombre des années *.

Это особенно понравилось Наполеону, потому что в молодом варваре означало короткое знакомство с старинною французскою литературою, и потому, что Наполеон особенно любил (из трагиков) Corneille'a, как известно из Mémorial de S-te Hélène.

Соболевский.

Письмо Соболевского касается эпизода с поручиком Сухтеленом после Аустерлицкого сражения, описанного в XIX главе третьей части первого тома «Войны и мира». Граф Павел Петрович Сухтелен (1788—1833), впоследствии генерал-лейтенант, семнадцатилетним юношей участвовал в Аустерлицком сражении, состоя корнетом кавалергардского полка. В сражении он получил сабельный удар в голову и повреждение правой ноги осколком ядра и вместе со своим командиром князем Репниным попал в плен. Его ответ очень понравился Наполеону, который впоследствии приказал изобразить эту сцену на картине, доныне сохраняющейся в Тюильрийском дворце в Париже. У Толстого на слова

* [Я молод, это правда; но в душах благородных достоинство не ожидает числа лет.]

Наполеона: «Il est venu bien jeune se frotter à nous» («Молод же он явился состязаться с нами») Сухтелен просто отвечает: «Молодость не мешает быть храбрым». Толстой заимствовал разговор Наполеона с Сухтеленом из книги А. И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году», СПБ., 1844.

Об упоминаемых Соболевским мемуарах Ласказа «Mémorial de S-te Hélène» см. прим. 1 к письму Толстого к П. И. Бартеневу от 14 сентября 1868 г., стр. 45.

2

1868 г. Января 31. Рожествено. Рожествено. 31 Янв.

... Я простудился, болен и читаю «Войну и мир». — Действительно чтение это стоит оперы, а для меня, пожалуй, и больше, так как оперная музыка мне не всякая понятна, не всякая услаждает. Автор «Войны» удивительный психиатр. — От него как ни прячься, как ни маскируй тайного движения души, — не скроешь; он непременно обличит, вытащит наружу и расскажет вслух — что это такое. Выследить, поймать и назвать неуловимое, тонкое движение душевное, которое понятно, но не дается слову, есть дар собственно принадлежащий гр. Толстому, у него оно является меньше, законченнее и с полным именем. — Изложение художественно. — Но тем досаднее встречать некоторые нехудожественные выражения, вроде следующих: «Сморкается в угле в пестрый платок, жует сочным ртом, глотает слюну, обнимает дурно-пахучим ртом». — Эта наклонность смаковать неблаговонные стороны человеческого естества одинаково неприятна в художнике слова и в художнике кисти, когда он с любовию и старанием выписывает на портрете все прыщи, бородавки, следы золотухи и прочих грехов оригинала. — Требует ли этого истина и истинное художество? не думаю. Утратится ли верность и полнота изображаемого характера, если я не буду знать, например, что у князь-Василья воняло изо рта?[1] К чему нужна такая подробность? Охотники останавливаться на этом могут, пожалуй, додуматься, что у князь-Василья испорчен желудок, что у него гнилые зубы, — ну а дальше что? ровно ничего; — просто противно. При встрече с подобными выражениями хочется поскорее проскользнуть дальше, как будто дотронулся до чего-то нечистого. —

Что касается до изображаемого автором высшего общества, оно в высшей степени плачевно. Везде и у всех ложь, и одна ложь. — Лгут по-русски, лгут по-французски, лгут по обязанности, по привычке, сами лгут, им лгут, знают, что лгут, и ничего себе. Как будто так и должно быть. Фальшивы, мелочны, пусты. Говорят, говорят — целый том наговорят, и ни одного серьезного, дельного, правдивого слова. — Война с Наполеоном служит приправою к пустейшей болтовне. Горячего чувства, искренности, страсти нет и не спрашивай. Все притворно, искусственно, по заказу. Если автор верен действительности, то нельзя жалеть об этих старых вельможах прежних времен. — Вы говорили мне, что тут есть прекрасная личность — какая-то княжна. — Разве дальше (я прочел только первую часть), а до сих пор такой не встречал. — Если вы находите прелестною княжну Марью, — то, по моему, она далеко не идеал. — Девушка, которая испугалась, что на 5-ть минут опоздала против заведенного порядка — играть на клавикордах. Такая девушка разве есть живое существо? Она запугана, изуродована и существует только для удобства и удовольствия такого себялюбца, каков фыркающий кн. Николай Андреевич. Сын его в деле, на войне обнаруживает хорошие качества, но в обществе и с женой некрасив. А военная, боевая жизнь — чудо! Вот как заговорился: видно, что у меня жар... До свиданья...

Н. Орфеев.

[1] См. «Война и мир», т. I, ч. III, гл. II: «Он обнял дочь, потом опять Пьера и поцеловал его своим дурно пахучим ртом». В издании 1873 г. слова «дурно пахучим»—заменены словом «старческим».

3

1868 г. Марта 20. Новоселки. Новоселки. 20 марта 68

Приношу вам, глубокоуважаемый Петр Иванович, благодарение за высылку 4 части В[ойны] и М[ира], получил и мгновенно прочел, задыхаясь от многих мест невообразимо увлекательных. Зато теория военного искусства восстанет на Льва Николаевича, как на вас — моряки за севаст[опольскую] статью[1]. Я буду не за него. Перепугают так, что хуже Бородинского побоища, и ему достанется бомбардировка прежестокая. Но он наверное этого и ждет сам.

В надежде на а в о с ь, что вы можете осуществить ваши намерения в нашу сторону на лето, я придумал разные планы: 1) Милости просим ко мне, есть маленький флигель в 4 комнаты — сад, лес и река сажен 450. 2) Сосед мой в 2-х верстах, но ближе ко Мценску, уступит вам дом (они там не живут), помещение просторное, небольшой сад, но есть старые липы, следовательно и тень, а река под балконом, и 3) Иван Серг. Тургенев с удовольствием пригласит вас в Спасское (верст 10 от Мценска), но там нет реки — есть пруд и библиотека.

Железную дорогу о п я т ь, по слухам, обещают к июню довести до Орла, следовательно переезд вам был бы незатруднительный. Я бы желал, чтобы вы решились на 1-й план и тем доставили бы мне особенное удовольствие на целое лето.

С истинным уважением
покорный ваш слуга

П. Борисов.

[1] Имеется в виду статья «Из записок севастопольца», помещенная в 12 № «Русского Архива» за 1867 г. Статья произвела большой шум в военных кругах.

4

1868 г. Июня 14. Мценск. Г. Мценск. 14 июня.

Милостивый государь
Петр Иванович!

Ив. Петр. Борисов передал мне о вашей любезной готовности споспешествовать помещению статьи моей о В о й н е и М и р е в Вестнике Европы или где найдете удобным.

На этом основании я вместе с сим прошу редакцию Русского Вестника передать мою рукопись вам, в случае, если по каким-либо соображениям статья не может быть помещена у них.

Позвольте еще раз принести вам мою искреннюю признательность и примите уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть,

милостивый государь, ваш покорный слуга

А. Фет.

Статья Фета о «Войне и мире» не появлялась ни в «Русском Вестнике», ни в «Вестнике Европы». Текст ее остается неизвестным.

К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ЛЕСОНАСАЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

В числе многочисленных увлечений молодого Толстого был проект лесонасаждения по всей России и, в виде опыта, в Тульской губернии, которым он был увлечен в 1857—1858 гг.

Вблизи Ясной Поляны находились огромные казенные леса, носившие историческое название «засека» и простиравшиеся до соседней Калужской губернии. По мнению Толстого, эксплоатация этих лесов и особенно лесонасаждение на сведенных участках производились нерационально и невыгодно для казны, и он решил предложить министерству государственных имуществ свой собственный проект. Для того, чтобы ускорить дело, он сам поехал в Петербург и лично представил свой проект министру.

Он приехал в Петербург 22 октября 1857 г. и в самый день приезда побывал в министерстве, после чего записал в дневнике: «Утро к министру, видел Зеленого и почему-то смутился». Александр Алексеевич Зеленой (1818 — 1880) был в то время товарищем министра государственных имуществ. На следующий день, Толстой опять побывал у Зеленого, после чего записал в дневнике: «Дело туго идет». Самого министра, которым был тогда граф М. Н. Муравьев (1796—1866), Толстой увидал только 29 октября, после чего записал в дневнике: «Застал министра. Плохо успел поговорить о деле». На следующий день Толстой уехал, не добившись результатов и оставив проект на рассмотрение министерства.

В архиве Толстого, хранящемся в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина, сохранились две редакции лесного проекта Толстого. Обе писаны писарским почерком; вторая имеет дату: «28 октября 1857 г., С.-Петербург». Проект этот напечатан в пятом томе юбилейного издания «Полного собрания сочинений» Толстого, ГИХЛ, 1931, стр. 259—261.

Проект Толстого был рассмотрен в министерстве лишь 17 января 1858 г.; Толстому была послана выписка из журнала заседания. Получив эту выписку, Толстой думал представить на нее свои возражения. В его архиве сохранился черновик его письма к товарищу министра государственных имуществ Зеленому, написанный 16 апреля 1858 г. В своем письме Толстой старался доказать, что возражения против его проекта, сделанные в министерстве, несущественны, и настаивал на своей мысли, что тогдашний способ ведения лесного хозяйства был убыточен для казны и для всего государства. Причиной убыточности, по мнению Толстого, была самая система тогдашней государственной лесной монополии, система «вредная и безнравственная», основанная «не на знании дела, не на коммерческом обороте, а на власти». По мнению Толстого, необходимо передать лесное хозяйство в частные руки и образовать особую компанию для ведения этого дела, которая была бы подчинена контролю правительства и действовала на основании специального устава.

Однако, Толстой не отделал этого письма к Зеленому и не послал его по назначению. В дальнейшем он уже не возвращался к своему проекту.

Печатаем заключение Комитета по лесной части от 17 января 1858 г. о проекте Толстого по подлиннику, хранящемуся в Литературном музее.

М. Г. И.
Специальный Комитет по Лесной части.
17 января 1858 года
№ 6.

СПРАВКА

Специальный по лесной части Комитет слушал поданную на имя его высокопревосходительства, господина министра Государственных имуществ, докладную записку помещика Тульской губернии графа Льва Толстого, об условиях бесплатного лесовозобновления и лесоразведения в казенных дачах вообще и, в виде опыта, с 1858 г., в засеках Тульской губернии.

ИЗЛОЖЕНИЕ

В записке своей, граф Толстой, разделяя лесное хозяйство на три отдела: а, сплошную рубку леса, достигшего полного роста, б, возобновление оголенных пространств и в, обработку и прорубку лесов (прореживание), изъясняет, что сплошная рубка участков в казенных лесах производится в настоящее время с торгов вольными промышленниками, возобновление же оголенных пространств и прорубка лесов делается на счет правительства, которое на засев или засадку вырубленных площадей отпускает местным лесным офицерам известные суммы. Прореживание засажденных участков, по мнению графа Толстого, или совсем не делается или же производится только в самых незначительных размерах.

Находя этот способ лесовозобновления участков вообще неуспешным, граф Толстой полагает причину этого: 1-ое, в неудобстве садки ямками, а не под соху, на загрубелой и переплетенной корнями земле, 2-ое, в обилии на каждой лесосеке сорных трав, кустарных растений и отпрысков осины, заглушающих посадки и посевы и могущих быть истребленными только косою и на пахотной земле, 3, в большем количестве земли, праздно занимаемой пнями, 4, в невозможности обработки посевов молодого дуба, требующих истребления сорных трав.

Для устранения этих причин, препятствующих успешному возобновлению вырубок, он предлагает бесплатное насаждение лесов вообще и в виде опыта с 1858 года в Тульской губернии на следующих условиях:

1. Министерство отдает вырубленные участки с остающимися на них пнями в пользование предпринимателя на срок от 7 до 9 лет.

2. Предприниматель, представляя залоги, равные сумме, отпускаемой на засадку участков или получаемой за оброчные статьи, обязуется в продолжение 9 лет выкорчевать пни, очистить и вспахать землю и в конце 7-го или 9-го года сдать оную в казну засаженную, смотря по условию, трехлетними ли саженцами из своего питомника или годовыми сеянцами пород, неудобных к пересадке.

3. Число сажанцев или сеянцев на десятину, качество их, выбор породы, смотря по местности и климату, и дальнейшая затем обработка должны быть определены особо; но предприниматель, при 9-летнем пользовании землею, считает себя в состоянии исполнить все условия, если только требуемые породы возможны к насаждению в данной местности по климату и число требуемых сажанцев на казенную десятину не будет превышать 20 тысяч.

4. Залоги представляются за все количество земли, находящейся в пользовании предпринимателя, и конфискуются при сдаче засаженных участков в случае несоблюдения им принятых на себя обязательств.

5. В обеспечение себя от бессемянных годов предприниматель принимает семена от Министерства.

6. Те участки, на которых естественное обсеменение признано будет достаточным, с обоюдного согласия исключаются из условий.

7. Предприниматель берет на том же основании и участки, срубленные до времени заключения предлагаемых условий.

8. На условиях от 4 до 5-ти летнего пользования предприниматель берется также засадить и оброчные статьи.

9. Условия для Тульской губернии предлагаются на 18 лет, считая с 1858 года.

10. На второе и третье десятилетие предприниматель соглашается на определенных условиях принять на себя и прорубку засаженных им в Тульской губернии участков.

Все казенные лесные дачи Тульской губернии устроены. Общая площадь их — 37975 дес. 1249 кв. саж.; средний оборот рубки 90 лет, средний ежегодный расход на культуры 2901 руб. 9 коп. Площадь годичной вырубки, как видно из донесения Тульской палаты Государственных имуществ от 22 мая 1857 года за № 4641, определяется средним числом в 470 дес., а средняя ценность десятины — в 150 руб. серебром.

Рассмотрев предлагаемые графом Толстым условия бесплатного разведения леса в казенных дачах вообще и в виде опыта с 1858 года в дачах Тульской губернии, Специальный по лесной части Комитет находит их для казны невыгодными, даже и в денежном отношении. Это доказывается следующим расчетом:

МНЕНИЕ КОМИТЕТА

При господствующем 90-летнем обороте рубки и при стоимости лесосечной десятины, по среднему расчету, в 150 руб., ценность однодесятинного годового прироста для лесов Тульской губернии, определится в $^{150}/_{90}$ или в 1 руб. 66 коп. Предполагая пользоваться землею из-под лесосек до производства культур в течение шести лет без-

денежно, граф Толстой лишает казну шестилетнего прироста, ценность коего будет равна 1 руб. 66 коп. × 6, следовательно 9 р. 96 коп. Другими словами, при подобных условиях культивирование десятины обойдется казне в 9 р. 96 коп. сер., а всех 470 вырубаемых ежегодно десятин в 4681 руб. 20 коп., тогда как у нас расходуется в Тульской губернии на культуры ежегодно средним числом 2901 руб. 9 коп. или на десятину 6 р. 17 коп., что составляет менее $^2/_3$ расхода, предлагаемого графом Толстым ввиду условий бесплатного, по его словам, лесовозобновления и лесоразведения.

Самый способ исполнения культур, предлагаемый графом Толстым, не может повести к верному успеху: очистка лесосек наголо, без сомнения, принесет более вреда, нежели пользы, потому собственно, что с уничтожением пней и выпашкой корней не будет уже никакой надежды на подспорье к неудачным посевам или посадкам, тогда как теперь одно содействует другому, не говоря уже о том, что пни, кустарники и негустые травы доставляют еще защиту молодым растениям и уменьшают некоторым образом влияния засух и холодных ветров.

Обязательство предпринимателя сдать в казну по истечении 7 или 9 лет лесосеку засаженную, смотря по условию, 3-летними сажанцами или годовыми сеянцами древесных пород, неудобных к пересадке, также мало обеспечивается его залогом, потому что в успехе культур может случиться неудача. Притом же по росту трех или однолетних растений нет возможности судить о благонадежности будущих насаждений, и нередко нужно бывает в следующие года делать посадки и посевы или же производить их вновь, что казне и не обойдется без особых расходов. Эти расходы, хотя и могут в подобных случаях производиться на счет залога предпринимателя, но 9-летний прирост этих участков будет уже навсегда для казны потерян, что составляет весьма значительный расчет для таких малолесных губерний, какова Тульская.

На основании изложенных соображений Специальный по лесной части Комитет полагал бы предлагаемые графом Толстым условия бесплатного разведения леса в казенных дачах Тульской губернии, как для казны невыгодные, оставить без последствий, о чем и уведомить этого помещика через начальника Тульской губернии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИТЕТА

Таковое мнение свое Специальный по лесной части Комитет имеет честь представить на благоусмотрение его высокопревосходительства господина министра Государственных имуществ.

(Подписи).

Член Комитета и делопроизводитель поручик Козницын.

К ИСТОРИИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПОСТАНОВКИ «ВЛАСТИ ТЬМЫ» ПИСЬМА К А. А. СТАХОВИЧУ

1

ПИСЬМО В. Г. ЧЕРТКОВА

1887 г. Января 27. Петербург.

Александр Александрович,

Я слышу, что вы сегодня читаете драму государю. И решаюсь обратиться к вам с просьбою, как ради нашего общего дела, так и ради Л. Н-ча.

Пожалуйста, в начале чтения прочтите эпиграфы из евангелия. Во-первых, это было бы приятно для Л. Н-ча, который придает им большое значение; во-вторых, это хорошо для наших изданий, в которых эпиграфы эти вымараны. А в третьих, это хорошо для государя и для его оценки действительных мотивов, побудивших Л. Н-ча написать эту вещь. В письме мне трудно высказать все причины; но очень, очень прошу вас прочесть их.

От души желаю вам продолжения успеха в вашем чтении.

В. Чертков.

С целью добиться разрешения печатания драмы Толстого «Власть тьмы» и постановки ее на сцене, А. А. Стахович (см. стр. 67) в январе 1887 г. читал ее неоднократно в домах представителей высшего петербургского света, чтобы через них воздействовать на цензуру. На 27 января было назначено его чтение драмы во дворце в присутствии Александра III. Находившийся тогда в Петербурге В. Г. Чертков, который также прилагал все старания к тому, чтобы драма вышла в свет, написал Стаховичу печатаемое письмо, датируемое днем чтения Стаховичем драмы Толстого во дворце.

2

ТЕЛЕГРАММА кн. Л. Д. ВЯЗЕМСКОГО

1887 г. Февраля 1. Петербург.

Решено репетировать сам будет на генеральной.

Вяземский.

Адрес:

Елец Стаховичу.

Автор телеграммы — князь Леонид Дмитриевич Вяземский (1848—1909), начальник Главного управления уделов, член Государственного совета. В марте 1901 г. Толстой написал ему сочувственное письмо по случаю выговора, полученного им от царя за его попытку остановить избиение демонстрантов полицией и войсками на Казанской площади в Петербурге 4 марта 1901 г.

Чтение «Власти тьмы» во дворце состоялось 27 января 1887 г. в присутствии Александра III, его жены, великих князей и приближенных. Александр III высказал мнение, что драма Толстого — «чудная вещь» и что для успеха постановки нужно соединенное участие петербургской и московской трупп.

Было решено поставить «Власть тьмы» на сцене Александринского театра в Петербурге.

3

ЗАПИСКА М. Г. САВИНОЙ

1887 г. Марта 22. Петербург.

Спешу известить вас, Александр Александрович, что назначенная на сегодня генеральная репетиция не состоялась, и «Власть тьмы» отложена на неопределенный срок. Все, а я в особенности, в полном недоумении. Что же это такое?!.

Савина.

22 Марта
1 ч. дня.

Мария Гавриловна Савина (1854—1915) — одна из самых известных артисток своего времени, работавшая в Александринском театре. В конце 1886 г. Савина обратилась к Толстому с просьбой разрешить к постановке в ее бенефис драму «Власть тьмы». Получив разрешение, Савина в начале 1887 г. приезжала к Толстому в Москву для получения от него указаний по поводу постановки драмы (см. «Воспоминания» А. К. Чертковой в сборнике «Толстой и о Толстом», вып. 2, изд. Толстовского музея, М., 1926, стр. 108—111).

В феврале 1887 г. в Александринском театре началась оживленная подготовка к постановке «Власти тьмы». Между тем драму Толстого прочел имевший большое влияние на царя обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, ярый противник взглядов Толстого. 18 февраля он написал царю письмо о том, что, ознакомившись с пьесой Толстого, он не может «притти в себя от ужаса», потому что пьеса представляет «отрицание идеала», «унижение нравственного чувства», «оскорбление вкуса» («Письма Победоносцева к Александру III», изд. «Новая Москва», М., 1926, письмо № 71). Александр III поспешил согласиться с Победоносцевым и уже на следующий день ответил ему, что пьеса Толстого на него «сделала сильное впечатление, но и отвращение» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки», т. I, ГИЗ, 1923, письмо № 599).

Следствием этого было то, что драма, хотя и была разрешена к печати, была запрещена к постановке на сцене. Запрещение было снято лишь в 1895 г. 18 октября 1895 г. «Власть тьмы» впервые была поставлена на сцене Александринского театра. Савина играла в ней роль Акулины.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К РЕДАКТОРУ «ЦЕРКОВНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» П. СМИРНОВУ ОБ ОТЛУЧЕНИИ ТОЛСТОГО ОТ ЦЕРКВИ

1

1901 г. Марта 22. Петербург.

Проповедь Амвросия[1] превосходная. Но в полном виде я считаю в наст[оящее] время не благоразумно помещать ее в Церк[овных] Вед[омостях]. — Я наметил сокращения и выпуски карандашом, если автор согласится. У себя же в епархии и отдельным изданием пусть печатает всю как есть. Церк[овные] Ведомости — орган синода, и надо беречь его. И то уже какая туча озлобления поднялась за послание[2]. А где он говорит об умысле на царя — это ему и у себя следовало бы выпустить[3]...

Сейчас был митрополит[4] — и он того же мнения.

Он думает, что письмо гр. Толстой с его ответом можно напечатать в Церковн[ых] Ведомостях в неофициальном отделе[5].

[1] Амвросий (Ключарев), архиепископ харьковский, 18 марта 1901 г. в актовом зале Харьковской духовной семинарии произнес речь на тему «о делателях на жатве божией».

[2] Под «посланием» Победоносцев разумел церковный акт об отлучении Толстого от церкви, опубликованный в «Церковных Ведомостях» 24 февраля 1901 г. под названием: «Определение святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом».

[3] Победоносцев имел в виду следующее место из проповеди Амвросия, касающееся Толстого: «Возымев дерзость исказить и перестроить евангелие, он нашел возможным подменить одну из заповедей христовых и, обратив ее в ложь, пустил эту ложь по всему свету с целью самой хитростью замены и трудностью ее понимания обмануть всех. Мы говорим о заповеди: непротивление злу... Посмотрим, как эта заповедь, изобретенная с сатанинскою хитростью, применяется ко всем заблуждениям нашего века, становится их основанием и оправданием. По смыслу этой заповеди пусть христианин, понимающий зло по закону христову или даже язычески — по естественной совести, не противится ему. Если он узнает замысел против жизни царя, он не должен ему противодействовать, — это освобождение мира от тирании (анархизм); если он узнает о забастовках, об ограблении богатых людей, — пусть тому не мешает, это — справедливое восстание против капиталистов, отнимающих и присвояющих себе достояние бедных, на которое они имеют равные с богатыми права (социализм)... Вот почему так распространена и так мила современным лжеучителям новая заповедь гр. Толстого» («Вера и разум», 1901, № 6, стр. 338, 340, 341).

[4] Антоний (Александр Васильевич Вадковский, 1846—1912) — с 1898 г. митрополит петербургский и ладожский.

[5] Письмо С. А. Толстой от 26 февраля 1901 г. к петербургскому митрополиту Антонию по поводу отлучения Толстого от церкви и ответ ей митрополита Антония от 16 марта 1901 г. были напечатаны в Прибавлении к № 12 неофициальной части «Церковных Ведомостей» от 24 марта 1901 г., стр. 1—2 и 2—4. Речь Амвросия была напечатана в № 15 «Церковных Ведомостей» от 14 апреля 1901 г., стр. 515—534.

2

1901 г. Апреля 16. Петербург.

Журналам и газетам указано не помещать статей о Толстом по поводу послания синода, для того чтобы избежать неприличных нареканий на суждение синода, коих можно было ожидать от развратной печати. По моему мнению напрасно, ибо теперь многие высказывались бы и в желаемом смысле.

Но это запрещение не простирается на издания церковные, и мин[истр] вн[утренних] д[ел] [1] высказывается в том смысле, что пусть де светские журналы заимствуют свободно статьи из духовных журналов.

А в духовных кое-что стало уже появляться. Вот статьи, по моему, прекрасные, в Полтавских Ведомостях (№ 10 и 11) [2]. — Желательно было бы и полезно было бы эти статьи целиком перепечатать в Церковных Ведомостях, и вскоре [3].

К. П.

16 апр.

[1] Министром внутренних дел с 1899 г. был Дмитрий Сергеевич Сипягин, убитый С. В. Балмашевым 2 апреля 1902 г.

[2] В №№ 9 и 11 «Полтавских Епархиальных Ведомостей» за 1901 г. была напечатана анонимная статья «По поводу послания святейшего синода о графе Льве Толстом».

[3] Статья была перепечатана в Прибавлениях к № 16 «Церковных Ведомостей» от 21 апреля 1901 г.

ОТМЕТКИ Л. Н. ТОЛСТОГО НА ТОМЕ РАССКАЗОВ М. АРЦЫБАШЕВА

В 1907 г. в журнале «Современный Мир» печатался роман М. Арцыбашева «Санин». Роман, в котором проповедывалась свободная любовь, понимаемая в смысле ненужности всякого сдерживающего начала в половой области, имел шумный успех среди читателей того времени.

10 февраля 1908 г. Толстой получил из Киева от незнакомого ему юноши М. Докшицкого письмо о том, что, стремясь «всем своим существом к внутреннему совершенствованию», он нашел в герое романа Арцыбашева свой идеал, узнав который нельзя не стараться сделаться таким же, как он. Но после этого он познакомился с сочинениями Толстого, и теперь не знает: «что лучше: санинство или христианское учение?»

Написанное, повидимому, с полной искренностью, трогательное своей наивностью, письмо это вызвало у Толстого желание помочь его юному корреспонденту в его исканиях, и он скорбным и волнующимся голосом произнес в фонограф (в то время Толстой иногда «наговаривал» свои письма в фонограф, который ему для этой цели подарил Эдисон) следующий ответ:

«Письмо ваше я получил и очень удивился вашему упоминанию о каком-то Санине, о котором я не имел ни малейшего понятия. Случай сделал то, что в доме был один человек, читавший этот роман. Я взял те номера журнала, в которых он помещался, и прочел все рассуждения самого Санина, и ужаснулся не сколько гадости, сколько глупости, невежеству и самоуверенности, соответствующей этим двум свойствам автора. Хотя я и хотел в душе пожалеть автора, но никак не мог подавить недоброго чувства к нему за то зло, которое он сделал многим людям — в том числе и вам. Автор, очевидно, не только не знает, но не имеет ни малейшего понятия о всей работе лучших душ и умов человечества по разрешению вопросов жизни, которых он не только не решает, но не имеет даже понятия об их разрешении. Не имеет понятия ни о восточных, китайских мудрецах: Конфуции, Лао-Тсе, ни об индийских, греческих, римских мудрецах, ни об истинном христианстве, ни о более близких нам мыслителях: Руссо, Вольтере, Канте, Лихтенберге, Шопенгауэре, Эмерсоне и других. Есть у него художественная способность, но нет ни чувства (сознания) истинного, ни истинного ума, так что нет описания ни одного истинного человеческого чувства, а описываются только самые низменные, животные побуждения; и нет ни одной своей новой мысли, а есть только то, что Тургенев называет «обратными общими местами»: человек говорит обратное тому, что всеми считается истиной, например, что вода сухая, что уголь белый, что кровосмешение хорошо, что драться

хорошо, и т. п. Стараюсь жалеть бедного и заблудшего автора, но самоуверенность его мешает этому. Вас же от всей души жалею за ту путаницу, которую произвело в вашей душе чтение книг. И потому — простите меня — не посылаю вам своих, а посылаю составленный мною из мыслей разных писателей «Круг чтения». Думаю, что чтение это, если вы будете читать, внимательно обдумывая то, что читаете, поможет вам и выведет вас из той страшной путаницы мысли, при которой вы можете ставить вопрос, который был бы смешон, если бы не был так возмутителен: что лучше — санинство или христианство? Советую также читать евангелие. Помогай вам бог — тот бог, который живет в вас и который так заглушен, что вы едва-едва сознаете его и, может быть, и совсем не сознаете его. Пишите, и я буду отвечать вам, если вопросы ваши будут серьезны. Сколько вам лет?»

В феврале следующего 1909 г. Толстой вновь читал Арцыбашева по следующему поводу. Бывший в Ясной Поляне старый друг семьи Толстых М. А. Стахович рекомендовал Толстому прочесть в первом томе рассказов Арцыбашева рассказ «Кровь», написанный в духе вегетарианства, и оставил ему свой экземпляр этой книги. В этот том (изд. «Жизнь», СПБ., 1908) вошли ранние рассказы Арцыбашева, написанные им в 1901—1905 гг., т. е. еще до «Санина».

Толстой прочел не только «Кровь», но и другие рассказы, напечатанные в этом томе, и 4 февраля 1909 г. писал в своем дневнике:

«Вчера был очень плох физически. Ничего не делал... Читал Арцыбашева. Талантлив, но та же неблаговоспитанная литературная небрежность, в особенности в описаниях природы. Маленькие и большие таланты, от Пушкина и Гоголя, работают: «Ах, не ладно, как бы лучше». Нонешние: «Э! не стоит, и так сойдет».

«У Арцыбашева не только талант, но и мысли. К несчастью, зная все неточное, легкомысленное, что думано о вопросах в жизни, они все, и он тоже, поразительные невежды во всем том, что сделано великими мыслителями прошедшего. Они часто с сознанием своей великой смелости и мудрости позволяют себе по своему очень слабо усумниться в том, что исповедуется всеми в их кругу, и не знают того, что не только их сомнения, но все то, что вытекает из их сомнений, давно передумано и уяснено, так что в этих вопросах уже нет подлежащей открытию Америки. Но все-таки у Арцыбашева работает и самобытно мысль... Простой талант без содержания у Куприна; у Арцыбашева и талант и содержание... Рассказ «Кровь» — прекрасно. Хорош и «Гололобов», «Куприан» страдает небрежностью описаний того, чего не знает автор. Ну, довольно об этом».

5 февраля 1909 г. Толстой написал следующее письмо М. А. Стаховичу (публикуется впервые):

«Благодарю вас, милый Михаил Александрович, за рукавицы и книжку. Новое подтверждение верности вашего художественного вкуса — ваше суждение о рассказе Арцыбашева «Кровь»; хороши и другие рассказы: «Гололобов», «Смех», «Бунт», если бы не общие недостатки всех новых писателей: небрежность языка и самоуверенность. Но во всяком случае это человек очень талантливый и самобытно мыслящий, хотя великая самоуверенность мешает правильной работе мыслей».

Тот самый экземпляр первого тома рассказов Арцыбашева, который читал Толстой, приобретен Литературным музеем. Экземпляр интересен тем, что на нем Толстым ставились прочитанному отметки по пятибальной системе и, кроме того, делались некоторые заметки на полях. Эти отметки и замечания дают некоторое представление о тех

требованиях, какие Толстой в последние годы жизни предъявлял к художественным произведениям.

Том содержит восемь рассказов. Первый из них, «Паша Туманов» (гимназист убивает директора за то, что оставлен на второй год в том же классе), повидимому, не был прочитан Толстым: отметок в тексте рассказа нет, и он не упоминается ни в записи дневника, ни в письме к Стаховичу.

Следующий рассказ, «Куприян», рисует жизнь деревенского конокрада, его воровство, любовь к солдатке и убийство его односельчанами. Об этом рассказе Толстой замечает в дневнике, что рассказ страдает «небрежностью описаний того, чего не знает автор» (вероятно, Толстой разумел подробности деревенской жизни). В рассказе есть одна пометка Толстого. Васька, тоже конокрад, после драки около винной лавки говорит: «Пойдем, Купря, больше от них ничего не будет... Одному нос расквасил, и довольно, — все удовлетворились» (стр. 104). Толстой подчеркивает, очевидно, показавшееся ему удачным выражение: «все удовлетворились» и отчеркивает на полях все это место.

В следующем рассказе, «Подпрапорщик Гололобов», пометок Толстого нет; но и в дневнике и в письме к Стаховичу рассказ выделен как «хороший». Содержание рассказа — размышления офицера о смерти, приведшие его к самоубийству.

Далее следует рассказ «Кровь», также не имеющий отметок Толстого, но отмеченный им в дневнике, как «прекрасный». В рассказе изображена охота и мясная кухня.

Следующий рассказ, «Смех», содержащий 15 страниц и названный в письме к Стаховичу «хорошим», рисует доктора психиатра, который, под влиянием неотвязных мыслей о смерти, сам заболел психически. Почти весь рассказ размечен Толстым по пятибальной системе различными отметками, от 0 до 5. Рассказ начинается следующим вступлением:

«За окном расстилались поля. Рыжие, зеленые и черные полосы тянулись одна рядом с другой, уходили вдаль и сливались там в тонкое кружевное марево. Было так много света, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тесно в своем собственном узком, маленьком и тяжелом теле» (стр. 195).

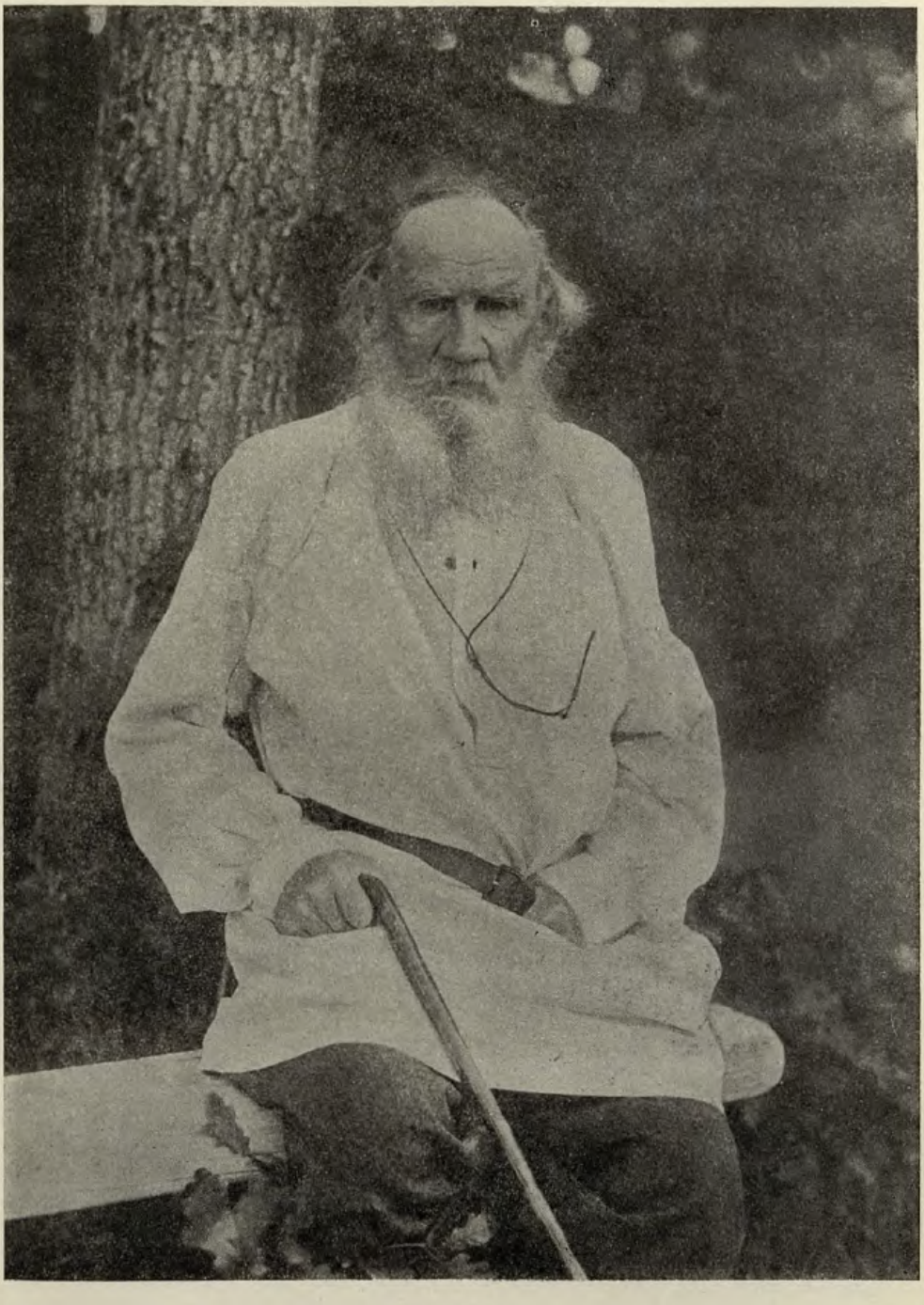
Весь этот абзац отчеркивается Толстым и оценивается на полях баллом О. Им подчеркиваются в этом абзаце отдельные выражения: «рыжие» (полосы), «сливались там в тонкое кружевное марево», «безбрежной пустоты», «собственном узком, маленьком и тяжелом теле». Толстого, очевидно, коробила натянутость и неестественность подчеркнутых им эпитетов и сравнений.

Дальнейшие размышления доктора о смерти оцениваются сначала баллом 4 (стр. 195), затем 5 (стр. 196 и 197), потом 3 (первый абзац на стр. 198). Заключительный абзац этих размышлений оценивается единицей; приводим его целиком:

«Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на белой стене. В конце концов он-таки вспомнил то, чего больше всего старался не вспоминать: как художественно ясно представился ему процесс разложения, та слизь и гниль, которая получится из него, представились толстые, ленивые, белые черви, распухшие от его гноя... Он всегда боялся червей. А они будут ползать во рту, в глазах, в носу и везде...»

Единицей же оценен и следующий далее переход от размышлений доктора к его разговору с сумасшедшим:

— «Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! —сердито закри-

ТОЛСТОЙ

О фотографии В. Г. Черткова, 1910 г.

Какъ разъ прошлую ночь онъ вовсе не спалъ, и оттого у него въ головѣ было точно тяжелое и угарное похмелье. Тѣ мысли, которыя прошли въ эти часы безцѣльнаго лежанія въ нагрѣвшейся липкой постели, подъ крикъ и смѣхъ сумасшедшихъ въ буйной палатѣ, были такъ омерзительно страшны, что докторъ даже юлилъ и обманывалъ самого себя, стараясь думать, что ничего не помнитъ.

Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на бѣлой стѣнѣ. Въ концѣ концовъ онъ-таки вспомнилъ то, чего больше всего старался не вспоминать: какъ художественно ясно представился ему процессъ разложенія, та слизь и гниль, которая получится изъ него, представились толстые, лѣнивые, бѣлые черви, распухшіе отъ его гноя... Онъ всегда боялся червей. А они будутъ ползать во рту, въ глазахъ, въ носу и вездѣ...

— Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать!— сердито закричалъ докторъ—громко, на всю комнату. Голосъ у него былъ пронзительный.

Фельдшеръ отворилъ дверь, посмотрѣлъ и затворилъ.

„Бываетъ такъ вотъ: лечитъ, лечитъ, да и самъ того!..", подумалъ онъ, и съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему было страшно скучно, пошелъ сказать другому фельдшеру, что старшій, кажется, „того".

Когда онъ затворялъ дверь, она пискливо скрипнула.

Докторъ посмотрѣлъ черезъ очки.

— Гм... въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ сердито.

Но оттого, что дверь молчала, онъ съ раздраженіемъ подошелъ къ ней, отворилъ и пошелъ по коридору и по лѣстницѣ внизъ, въ ту палату, куда только вчера вечеромъ посадили новаго паціента.

Къ нему и давно надо было сходить, но теперь онъ пошелъ вовсе не по обязанности, а потому, что оставаться одному было уже совсѣмъ скверно.

Сумасшедшій, въ желтомъ халатѣ и колпакѣ, хотя ему можно было оставаться и въ своемъ платьѣ, сидѣлъ на кровати и самымъ разсудительнымъ образомъ сморкался въ носовой платокъ. Докторъ вошелъ очень осторожно, даже какъ будто недовѣрчиво, но сумасшедшій посмотрѣлъ на него весело и дружелюбно.

— А, здравствуйте!—сказалъ онъ.—Вы, кажется, старшій врачъ?

— Здравствуйте,—отвѣтилъ докторъ: — я старшій врачъ.

— Очень пріятно... Садитесь, пожалуйста,—любезно пригласилъ сумасшедшій.

Докторъ присѣлъ на стулъ, подумалъ, посмотрѣлъ на голыя, выкрашенныя сѣрой краской стѣны, потомъ на халатъ сумасшедшаго и сказалъ:

— Какъ ваше здоровье? Спали?..

— Спалъ,—охотно отвѣтилъ сумасшедшій:—почему бы мнѣ и не спать? Спать слѣдуетъ... Я всегда очень хорошо сплю...

Докторъ опять подумалъ.

— Да... Но, знаете, новое мѣсто... Кричатъ тоже у насъ тутъ...

— Кричатъ? Я не слыхалъ... Я, къ счастью, докторъ, очень плохо слышу...

Онъ засмѣялся.

— Бываетъ, что и не слышать — счастье...

Докторъ машинально отвѣтилъ:

— Бываетъ...

Сумасшедшій почесалъ переносицу.

— Вы, докторъ, курите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Жаль, а то бы я попросилъ папиросочку...

— Вамъ курить нельзя.... знаете...

— Ахъ, да... я все забываю... не привыкъ еще...— опять улыбнулся сумасшедшій.

Они помолчали.

Окно было съ рѣшеткой и довольно густой, но все-таки свѣтъ такъ и лился въ комнату, и оттого

ДВЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ПЕРВОГО ТОМА РАССКАЗОВ АРЦЫБАШЕВА, ИЗД. 1908 г., С ОТМЕТКАМИ ТОЛСТОГО

чал доктор — громко, на всю комнату. Голос у него был пронзительный».

«Фельдшер отворил дверь; посмотрел и затворил» (стр. 198).

Нижняя часть страницы имеет отметку 3, и пятеркой оценено следующее вступление к разговору доктора с сумасшедшим:

«Сумасшедший, в желтом халате и колпаке, хотя ему можно было оставаться и в своем платье, сидел на кровати и самым рассудительным образом сморкался в носовой платок. Доктор вошел очень осторожно, даже как будто недоверчиво, но сумасшедший посмотрел на него весело и дружелюбно» (стр. 199).

Толстому понравилась, очевидно, живость, жизненность и некоторый юмор этого описания.

Самый разговор доктора с сумасшедшим, который занимает 11 страниц и продолжается почти до самого конца рассказа, оценивается то баллом 3 (стр. 199), то 2 и 1 (стр. 200), то 1 (стр. 201), то последовательно 1, 5, 1 и 4 (стр. 202), то 2 и 5 (стр. 203), то 5 и 5+ (стр. 204), то 2 и 1 (стр. 205, то же и на 206), то 1 (стр. 207), то 5 и 4 (стр. 208) и конец всего рассказа (стр. 209) — 5. Характерную для Толстого смену оценок находим на стр. 202. Единицей оцениваются следующие строки:

« — Ага! — громко сказал доктор и снял очки.

«Глаза у него оказались большие и такие красивые, что сумасшедший невольно замолчал.

« — А вам так вот очки не идут! — сказал он».

Следующий сейчас же за словами сумасшедшего ответ доктора оценивается высшим балом — пятеркой:

« — Э... нет... это пустяки... а вот вы об этом... думали, значит, очень много о смерти? — заторопился доктор. —Это о-чень любопытно...»

На стр. 204 отмечено 5+ рассуждение сумасшедшего:

«Удивительно, что люди, постоянно думая о смерти, боясь ее до умопомрачения, единственно на страхе смерти основав всю свою культуру, так прилично относятся к этому вопросу... поговорят чинно, погрустят меланхолично, иной раз всплакнут в носовой платочек и промолчат, займутся каждый своим делом, отнюдь не нарушая общественной тишины... а я... я думаю, что это они — сумасшедшие или просто дураки, если могут перед такой штукой еще приличия соблюдать!»

На полях против этого места, кроме отметки 5+, Толстой делает еще замечание: «Вот на это-то и отвечает не фиктивно, а прямо и ясно — религия».

На стр. 207 имеется такой абзац: «В это время солнце зашло за стену противоположного здания, и в комнате сразу померкло. И все предметы как будто отяжелели и прилипли к полу». Толстой подчеркивает в этом абзаце слова: «как будто отяжелели и прилипли к полу». Надуманность и неестественность этого сравнения возмущают Толстого, и он дает подчеркнутым словам самую низкую оценку — О.

Конец рассказа (стр. 209), описывающий явное для посторонних психическое заболевание доктора, живостью и реализмом изображения понравился Толстому, который оценил его высшим баллом — 5. Рассказ кончается тем, что больной сообщает доктору, что, по его соображениям, «земля погибнет от холода» через 5—6 тысяч лет.

« — И когда я это узнал, тут-то я и начал всем рассказывать и хохотать...

— Хохотать? — спросил доктор.

— Ну, да... веселиться вообще.

— Веселиться?

— Радоваться даже. А! думаю...

— А-хи-хи-хи!.. А-хи-хи-хи! — вдруг прыснул доктор: — хи-хи-хи!..

Сумасшедший недоверчиво замолчал, но доктор уже не обращал на него никакого внимания, он захлебывался, приседал, плевал и сморкался, очки у него спали, фалдочки черного сюртука тряслись, как в лихорадке, а лицо все сморщилось, точь в точь, как резиновый «умирающий чорт».

— Через... пять тысяч... лет?.. Хи-хи-хи-... Это... прекрасно... это о-чень хо... рошо... А-хи-хи-хи!.. Так, так... это мило!.. А-хи-хи-хи!..

Сумасшедший, глядя на него, тоже начал смеяться, сначала тихо, а потом все громче и громче...

И так они стояли друг против друга, трясясь от злобно-радостного смеха, пока на них обоих не надели смирительных рубашек».

Следующий рассказ, «Бунт», который в письме к Стаховичу назван «хорошим», более сложен по своему содержанию. Проститутка Саша Козодоева в доме терпимости встречается со студентом, который принимает в ней участие и устраивает ее в приют, откуда ее переводят в частную женскую лечебницу. Студент навещает ее и здесь; она полюбила его хорошей, чистой любовью; он представляется ей воплощением всего самого светлого и идеального. Между тем, отец студента, узнавши об этой истории, начинает бояться, чтобы сын его не женился на проститутке. Он высказывает сыну свои опасения и советует ему дать девушке денег и оставить ее. Сын принимает совет отца и через приятеля студента передает ей полученные от отца сто рублей. Этот поступок любимого идеального человека производит на девушку потрясающее впечатление; она приходит в отчаяние и возвращается к прежней жизни.

Рассказ этот, довольно большой (84 страницы), в разных своих частях по разному оценивается Толстым. Наиболее удачными он нашел те главы (вторую и третью), в которых описывается жизнь проституток в доме терпимости и самоубийство одной из них, заразившейся сифилисом. Главы эти отмечаются баллами: 4 (стр. 218—221, 237 (с шестого абзаца) и 238) и 5 (стр. 22, 223 (кроме четвертого абзаца), 224 (кроме конца второго абзаца), 225 (с третьего абзаца), 226, 230 (с девятого абзаца), 231 (третий и четвертый абзацы), 233 (со второго абзаца), 235 (с четвертого абзаца). Высшую оценку (5+) находим на стр. 227 (первые шесть абзацев), 228, 229 (сверху до седьмого абзаца и последний абзац) и 234. Но и в этих главах не обошлось без двоек, единиц, нулей и вопросительных знаков. Эти неодобрительные отметки относятся преимущественно к сравнениям, казавшимся Толстому натянутыми и неестественными.

Так, на стр. 223 подчеркнуты и снабжены знаком вопроса следующие строки: «... точно кто-то громадный и беспощадный встал перед нею и страшно ярким светом осветил что-то безобразное, несправедливое, непоправимо-ужасное, делающееся с нею и во всем вокруг». Единица и знак вопроса проставляются на стр. 224 против слов: «... казалось, что весь этот переполненный ополоумевшими от скверной, нездоровой жизни людьми, табаком, пивом, извращенными желаниями, скверной музыкой дом — не дом, а какая-то огромная больная голова, в которой мучительно шумит и наливается тяжелая, гнилая, венозная кровь, с тупой болью бьющая в напряженные, готовые лопнуть виски». Так же отмечен и предпоследний абзац на стр. 227 и второй снизу на стр. 229. Нуль с вопросительным знаком стоит на той же 229 странице против слов: «Саше казалось, что ее насквозь

пронизывает этот исступленный, тонкий, как иголка, шопот, и ей стало невыносимо. Захотелось крикнуть, порвать что-то». Вызывают у Толстого недоумение, выражаемое знаком вопроса, и слова, произносимые одной из девушек: «будто у меня в груди что-то громадное» (стр. 230); не нравится ему (оценивается единицей) и такое описание: «Вечер ей казался не то что длинным, а каким-то неподвижным, точно времени вовсе не было» (стр. 237).

Такие же разнообразные отметки—от нуля до пятерки—проставлены и в других главах рассказа. Стр. 262, оцененная единицей, имеет еще пометку: «растянуто». Ту же пометку находим и на стр. 266, оцененной тройкой. На стр. 269 против слов: «Дмитрий Николаевич почувствовал слезы на глазах» Толстым сделана ремарка: «слишком часто», т. е. герои рассказа слишком часто плачут. Но через несколько строк на той же странице и сестра студента говорит «со слезами на глазах»; Толстой замечает это и пишет на полях: «опять», т. е. опять слезы.

Надуманные и искусственные сравнения и образы, разбросанные по всему рассказу, неизменно вызывают у Толстого недоумение. Знаками вопроса отмечается им и «здание, плакавшее отекшей от сырости штукатуркой», в котором «как будто жили не живые люди, а статистические цифры» (стр. 211), и «что-то тяжелое, недоумевающее», которое «будто поднялось с пола» (стр. 215), и мещанин, который «вывернулся движением скользких тонких лопаток» (стр. 254), и «лица, сцены и люди», которые «выплывали, стояли и расплывались одни за другими» «где-то внутри глаз» (стр. 289). Прочитавши (на стр. 214), что голос у надзирательницы приюта был, «как у дохлой рыбы», Толстой с возмущением порывисто ставит на полях нуль, сопровождаемый вопросительным и восклицательным знаками.

Последние три страницы (292—294) оценены сплошь единицами, нулями и нулями с восклицательным знаком. Характерная подробность: на стр. 286 автор рассказывает, что «молоко уже скипело»; Толстой замечает грамматическую неверность и путем корректурного знака исправляет «скипело» на «вскипело».

Следующий рассказ — «Жена» — ведется от первого лица. Муж, разошедшийся с женой, рассказывает историю своей любви, женитьбы, охлаждения и разрыва, после которого они виделись только два раза. Рассказ не упоминается ни в дневнике Толстого, ни в письме к Стаховичу; он не вызвал ни одной одобрительной отметки. Отчеркнутых мест меньше, чем в предыдущем рассказе; отметки — исключительно нули, единицы, знаки вопроса. Рассказ заканчивается описанием встречи мужа с его бывшей женой, когда он узнает, что у его жены есть любовник студент. Чувства ревности у него нет. Он «был рад за жену, за себя, за всякого человека, который может свободно, смело и весело жить».

Рассказ, в котором намечаются уже мысли и настроения, вскоре после этого высказанные Арцыбашевым в романе «Санин», заканчивается такими словами:

«Я поднял глаза к небу, и предо мною встал огромный мир, необозримый, бездонный простор, залитый мириадами сверкающих звезд и потоками радостного, живого, бесконечного света».

Заключение это, так не идущее к содержанию рассказа, Толстым отчеркивается и сопровождается суровой репликой: «глупо».

Последний рассказ называется «Ужас». Приехавшие в деревню «на мертвое тело» доктор, следователь и становой, остановившись в школе, совершают насилие над молоденькой учительницей и затем убивают ее. На похоронах крестьяне избивают станового. Приезжает

исправник, который также избивается толпой. Вызываются солдаты, и между ними и крестьянами происходит столкновение.

Рассказ Толстому не понравился. Только в начале и в одном месте в середине рассказа находим высокие отметки. Так, на первой же странице Толстой ставит четверку за следующее описание движения весеннего льда: «На реке что-то сопело, медленно ползло с тягучим нарастающим шорохом, и вдруг рассыпалось с странным звоном, треском и всхлипыванием».

Отмечается четверкой и разговор учительницы с школьным сторожем, предупреждающим ее о пьянстве приезжих (стр. 323), и страх Ниночки перед раздающимися рядом с нею пьяными голосами (стр. 324). Одна страница (326) оценивается пятеркой. Кроме описания душевного состояния Ниночки, Толстому понравилась здесь следующая картина:

«Настала тишина. Одну секунду казалось, что все молчит, но потом в форточку стало слышно далекое шуршание и сопение на реке. Ветер рванул ставню и прогудел по крыше, откуда посыпалось что-то и с стеклянным звоном разбилось внизу. Должно быть, сорвалась ледяная сосулька».

Из дальнейшего только одна страница (342), рассказывающая о столкновении толпы с полицией, отмечена четверкой. Девять страниц (328, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 344) оценены самым низшим баллом—нулем, иногда даже нулем с восклицательным знаком. Последняя страница (344) отмечена знаком вопроса.

Неодобрение Толстого вызвано было тем, что Арцыбашев, как делали это и другие писатели, изображая страшные события, старался писать о них страшными словами. Такой прием Толстой считал ложным. В разговоре с начинающим писателем Н. Лещинским он 28 сентября 1909 г. сказал: «Вот вы пишете здесь об ужасном случае. Но у вас много слов: «страшный», «ужасный». Это не годится. Видно, на вас повлияли современные писатели, особенно Леонид Андреев. Он все пишет страшными словами. Страшные вещи надо, наоборот, писать самыми простыми, «нестрашными» словами».

Известно «крылатое слово», сказанное Толстым про Леонида Андреева: «он пугает, а мне не страшно». То же самое, очевидно, сказал бы он и об этом рассказе Арцыбашева.

«Простота и правда» — вот два главные требования, которые предъявлял Толстой к художественным произведениям. Все то, что не удовлетворяло этим требованиям, не встречало с его стороны одобрения.

Н. Гусев.

IV. ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЛСТОМ

Е. В. ОБОЛЕНСКАЯ.

МОЯ МАТЬ и ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

Публикуемые воспоминания принадлежат племяннице Л. Н. Толстого, дочери его сестры Марии Николаевны, Елизавете Валерьяновне Оболенской.

Мария Николаевна Толстая, родившаяся 1 или 7 марта 1830 г., вышла замуж 3 ноября 1847 г. за своего троюродного брата графа Валериана Петровича Толстого. У них были дети: Петр (р. и ум. в 1849 г.), Варвара (р. 8 января 1850 г., ум. 12 августа 1921 г.), Николай (р. 31 декабря 1850 г., ум. 12 июня 1879 г.) и Елизавета — автор воспоминаний (р. 23 января 1852 г., ум. 15 апреля 1935 г.).

Распущенный образ жизни В. П. Толстого привел к тому, что в 1857 г. его жена (как она лично передавала мне) сказала ему: «Я не желаю быть старшей султаншей в вашем гареме» и оставила его.

В 1862 г. за границей М. Н. Толстая вступила в гражданский брак с шведом виконтом Гектором де-Кленом (1831—1873) и имела от него дочь Елену, родившуюся 8 сентября 1863 г. и названную по крестному отцу — Сергею Николаевичу Толстому — Сергеевной.

Дочери М. Н. Толстой вступили в брак: Елизавета Валерьяновна — 18 января 1871 г. с Леонидом Дмитриевичем Оболенским (р. 28 января 1844 г., ум. 4 февраля 1888 г.), служившим в 80-х годах казначеем в московской городской управе; Варвара Валерьяновна — 2 июля 1872 г. с Николаем Михайловичем Нагорновым (р. 3 декабря 1845 г., ум. 23 января 1896 г.), бывшим в 80-х годах членом московской городской управы; Елена Сергеевна — 11 апреля 1893 г. с Иваном Васильевичем Денисенко (р. 28 июня 1851 г., ум. 14 октября 1916 г.), бывшим председателем департамента судебной палаты в Новочеркасске.

Первая часть воспоминаний Е. В. Оболенской была напечатана в журнале «Октябрь», 1928 г., № 9—10, стр. 207—236. Здесь Е. В. Оболенская рассказывает о своем детстве и первой молодости, о деревенских и московских знакомых, о дядях Николае Николаевиче, Сергее Николаевиче и Льве Николаевиче, о матери и ее увлечении де-Кленом и т. д. Е. В. Оболенская была последним лицом, знавшим Толстого в 50-е годы. Напечатанная часть воспоминаний доходит до 1868 г. Публикуемая нами вторая часть воспоминаний Е. В. Оболенской рассказывает о дальнейших событиях жизни ее и ее матери и отношениях со Львом Николаевичем и заканчивается астаповскими днями и смертью матери.

Воспоминания Е. В. Оболенской написаны очень просто и вместе с тем очень живо, интересно, правдиво, психологически верно и местами художественно. В них чувствуется «толстовская» порода. Особенно значителен рассказ об астаповских днях, в котором встречается много подробностей, до сих пор неизвестных.

В воспоминаниях Е. В. Оболенской нами выпущены очень немногочисленные места, касающиеся чисто семейных дел автора и не представляющие общего интереса. Некоторые фактические поправки и необходимые пояснения даны в примечаниях.

Лето 1868 г. мы прожили в Покровском [1], а зиму 1868/69 г. в Москве. Мать наняла помещение в меблированных комнатах, там же жили и Дьяковы [2]. Так или иначе, но мы не расставались с Машей [3], и дружба наша и родителей наших крепла. Дьяковы занимали большое помещение, мать, которая была всегда стеснена в средствах, — только две комнаты. В помещении Дьякова стоял рояль, эту зиму мать много занималась музыкой. К ней приходил скрипач из оркестра Большого театра, и она много играла со скрипкой. У Дьякова иногда собиралось небольшое общество, и все с удовольствием слушали ее музыку. Но в общем мы эту зиму проводили тихо. Брат поступил в университет, жил отдельно и только по вечерам приходил к нам. Частым нашим посетителем был Федор Перфильев [4]; брат его Стива [5] уже давно умер. В эту зиму я сильно заболела плевритом. Болеть в нашем помещении было неудобно; комната наша, хотя и была большая, но в ней мы и спали и обедали, а комната матери была маленькая, и Дьяков, который всегда особенно нежно относился ко мне, унес меня к себе. Это вызвало большое неудовольствие матери, почти ссору. Она серьезно рассердилась на него, протестовала, но он всячески стал доказывать удобство такой комбинации и для меня и для нее. Помещение было в том же коридоре, почти смежное. Мать очень беспокоилась за меня, я была очень худа, как-то по-детски сложена, бледна и очень нервна, всегда все очень близко принимала к сердцу, и теперь, видя препирательства матери с Дьяковым, начала плакать *. Весной я совсем оправилась, и мы поспешили уехать в деревню, в Покровское.

Среди обычных гостей у Дельвигов [6] появились два новые лица: Андрей Николаевич Апухтин, брат поэта [7], и Леонид Дмитриевич Оболенский. Апухтин был судебным следователем, а Оболенский служил по акцизу. Они, конечно, очень отличались от деревенских молодых помещиков и обратили на себя внимание. Дельвиги отнеслись к ним с обычным своим радушием, и они скоро сделались близкими людьми в доме, особенно Оболенский, который сам был чрезвычайно прост. Он искренне привязался к семье Дельвигов и был всегда самым близким их другом. Апухтин и Оболенский были очень дружны и жили на одной квартире в уездном городе Черни. Пятьдесят лет назад уездные города были очень похожи на то, как их описывает Гоголь. Город Чернь стоит на горе на берегу реки. Когда подъезжаешь к нему, он имеет довольно живописный вид, много садов, белая церковь, все это довольно красиво, но только издали. Когда вы въедете в самый город, вас прежде всего поражает изрытая мостовая, с никогда не просыхающими лужами и до того тряская, что иначе как шагом ехать нельзя; свиньи невозбранно гуляют по улицам и валяются в лужах, перед каждым домом грязные ребятишки пускают бумажный змей; на «главной» площади около церкви стоит чан с водой на случай пожара и тут же маленькая пушка. Говорят, что пушка эта стоит со времени Пугачева. Из этой пушки стреляют раз в год, во время пасхальной утрени. Препровождение времени в таких городишках однообразное — днем служба, а вечером карты и выпивка. Апухтин любил от скуки выпить и тогда проделывал разные шалости, довольно, впрочем, невинные. Так например: в халате верхом на корове проедет по всему городу, к ужасу иных и к удовольствию других. Тогда это было еще возможно.

---

* Вообще я плохо переносила дурное настроение матери и была очень чувствительна ко всяким неприятностям, а потому Дьяков и относился ко мне так бережно. Сестра как-то легче с этим справлялась.

Город Чернь стоял от Хитрова (именья Дельвигов) в семи верстах, и понятно, что молодые люди все свободное время проводили там. Туда же часто бегали и «девочки Толстые», как всегда звали нас. Брат жил в Покровском. Он принужден был оставить университет; заграничная школа слишком плохо его подготовила, и он пока еще не решил, что будет дальше делать. Но неудача эта была ему очень тяжела. Это лето с нами жила бабушка Пелагея Ильинична[8]. Мать, не помню уже теперь почему, жила много в Москве; она зимой собиралась ехать за границу вместе с нами.

Я пользовалась вниманием обоих молодых людей. Апухтин, правовед, с некоторым светским лоском, с прекрасным французским языком, очень нравился бабушке, и она покровительствовала ему. Но меня это мало интересовало. Оболенский привлекал меня своей безыскусственностью, своей простотой и мягкостью в обращении со всеми. Его все любили, а брат мой очень сошелся с ним.

В конце лета Дельвиги переехали в Чернь. Александр Антонович служил там. В эту осень эту милую семью постигло большое несчастье: у них в три дня умерли дифтеритом двое младших детей, мальчик четырех и девочка двух лет. Я гостила тогда у них, потому что была простужена и мне нужно было быть под наблюдением врача. Горе их было неописуемо; девочка была любимицей отца. Так врезалось у меня в памяти, как он, уже не молодой, сидит в детской и на коленях держит умирающую девочку, а крупные слезы падают на ребенка. Когда выносили оба гробика, он в дверях обернулся на образ и воскликнул: «За что, господи!» И столько скорби слышалось в этом возгласе. Баронесса кормила шестимесячного ребенка, и за нее очень опасались, она впала в какое-то тупое равнодушие, которое всех пугало. Оболенский был истинным для них другом. Он уступил свою квартиру здоровым детям, которые переселились туда с тетками. Сам он не выходил от них, взял на себя все хлопоты и делал все, что мог, чтобы облегчить их горе. Мы ежедневно с ним видались. Я была страшно потрясена: в первый раз я так близко видела смерть, в первый раз была свидетельницей такого горя. Это тяжелое время, которое мы переживали с нашими друзьями, очень сблизило нас, я вполне оценила его сердечность. Мать писала нам и торопила нас в Москву.

В ноябре мы выехали из Покровского, и я уехала, давши слово Оболенскому.

Мы писали матери обо всем, так что она знала о несчастьи, постигшем Дельвигов, и очень жалела их. О себе я не могла написать ей, так как решительный разговор с Оболенским был у нас в день нашего отъезда. Но я ехала с покойным сердцем. Молодые люди были приняты у нас всегда радушно, и я знала, что Оболенский матери симпатичен. Она стала нас расспрашивать о том, что мы делали, как жили без нее, и улыбаясь спросила:—«Не выходит ли кто-нибудь из вас замуж?» Ответ наш неприятно удивил ее, она, как и многие, думала о Варе. Это недоразумение, вероятно, произошло от того, что Оболенский в обществе чувствовал себя свободнее и проще с сестрой, со мной же был сдержан. И я уверена, что, будь это так, никаких бы затруднений не встретилось, но я, худая, малокровная, слабая девочка (хотя мне было уже 18 лет), которую она всегда поила то портером, то толокном, и вдруг — замуж. Я написала моему жениху, чтобы он приехал. Мать приняла его хорошо, но тут пошли тяжелые переговоры: она сначала выразила желание, чтобы свадьба была отложена на год, потом, чтобы мы все вместе ехали за границу и там бы обвенчались. Оболенский не мог на это согласиться по недостатку средств.

Ему пришлось бы оставить службу, а он не считал себя вправе это сделать, на его попечении была старушка мать. Кроме того, мать захотела показать меня д-ру Черинову [9] (тогдашнее светило наравне с доктором Захарьиным [10]). Доктор меня выстукал, выслушал, сказал, что мне замуж выходить нельзя, что рожденье ребенка грозит мне смертью и т. д. Все это было мне до крайности тяжело.. Жених мой долго оставаться в Москве не мог и уехал совершенно расстроенный, обещаясь взять отпуск и скоро опять приехать. К кому прибегнуть в таком затруднении? Конечно, к дяде Льву Николаевичу. И вот я написала ему, умоляя его приехать и поговорить с матерью. Он сейчас же приехал. Дядя когда-то лечился у доктора Захарьина и очень доверял ему; решено было показать меня еще Захарьину и даже окончательно остановиться на том, что он скажет. Лев Николаевич довольно пространно пишет об этом Софье Андреевне [11]. Захарьин приехал, опять стал меня стукать, слушать: «дышите, не дышите» и т. д. По окончании всей этой процедуры он сказал, что замуж я могу выходить, но что жить я должна непременно в деревне, и надавал еще кучу неудобоисполнимых советов; уехал он, наказав, чтобы я прислала к нему моего жениха. Оболенский приехал, но к Захарьину не поехал, и мы, переговоривши и все обсудив, порешили обвенчаться в январе. Я так и написала дяде, который уже вернулся в Ясную, и благодарила его за помощь. Я очень жалела, что дядя не видал моего жениха. Перед отъездом он ласково со мной поговорил и сказал мне:

— Если ты будешь смотреть на замужество, как на легкую, свободную и праздничную жизнь, то тебя ждет много огорчений и разочарований. Смотри на нее серьезно, как на большой труд, и тогда все будет хорошо. Жизнь вообще есть труд.

Я часто позднее вспоминала его слова.

Это он говорил в 1870 г. А много позднее, в 900-х годах, в одно из моих пребываний в Ясной Поляне, я как-то сидела в большой зале, вошел Душан Петрович Маковицкий — доктор — попросил меня написать ему что-нибудь в альбом. Я написала: «Ernst ist das Leben»* (Шиллер). В это время вошел Лев Николаевич, вернулся с гулянья и говорил:

— Я гулял и думал о том, какая жизнь серьезная вещь, и как было бы все иначе, если бы люди это понимали.

Я сказала:

— А я только что написала Душану в альбом: «Ernst ist das Leben».

— Кто это сказал?

— Шиллер.

— Вот, я всегда знал, что Шиллер умный, а Гете дурак, — сказал Лев Николаевич, и сам засмеялся такому смелому определению того, кого весь образованный мир почитает за гения. (Он не любил Гете и в 1880 г. писал Н. Н. Страхову: «Фауст — это дребедень из дребеденей» [12]).

18 января 1871 г. я обвенчалась. Мне было грустно, что мать была все-таки недовольна и расстроена, мне казалось, что я как будто совершила над ней насилие, но по совести мы не могли поступить иначе. В церковь она не поехала, но очень нежно простилась со мной и плакала, когда благословляла; я просила ее простить меня. Кроме заботы о моем здоровьи, я знаю, что ее печалило расставанье со мной.

Свадьба была очень немноголюдная: кроме сестры и брата, была

* [Серьезна жизнь]

Маша Дьякова и Софья Робертовна [13], Перфильевы — Василий Степанович [14] и сын его Федор. К моему большому огорчению Дьякова не было, —он был в деревне и не мог приехать во время. Мы спешили со свадьбой, чтобы не задержать отъезд матери за границу. После венца мы заехали к ней с Василием Степановичем Перфильевым и моим шафером, его сыном Федей. Она нас ждала, принарядилась, приготовила шампанское. Посидев немного у матери, мы поехали в Кокоревскую гостиницу, где муж нанял отделение; там нас ждали остальные и ужин.

Горько плакала моя сестра при мысли, что нам надо разлучиться. Мы не решались просить мать оставить ее с нами, но она сама пошла навстречу нашему желанью, и Варя осталась. Мы проводили мать до Петербурга и пожили там с ней до ее отъезда. Я и муж поехали в Тулу к его матери [15] и сестре [16], а Варя пока в Ясную Поляну.

Муж переменил свою службу, и мы устроились жить в Москве. Мы наняли маленький особняк на Большой Никитской, и сестра переехала к нам. Эта зима была проведена нами тихо и беззаботно. Мы жили такой дружной маленькой семьей. Сестра занималась рисованием, к которому у нее были большие способности, она ходила в Строгановское училище на Тверском бульваре. Посещали нас наши друзья Маша [17] и Софеша [18], Федор Перфильев.

Брату не удалось поступить в университет. Неудача эта на него тяжело подействовала, он не знал, что ему начать, и Лев Николаевич посоветовал ему поступить в Преображенский полк, где тогда служили братья Берс Александр и Петр. Он так и сделал, хотя военная служба была ему так неподходяща: по всему своему складу он был совершенно кабинетный человек — серьезный, спокойный, любил чтение и, зная языки, читал много; ни карт, ни выпивки он не любил. Очень застенчивый, отчасти нелюдимый, он только с близкими людьми чувствовал себя хорошо, тогда он был весел, остроумен и мог хохотать до слез. Я очень любила брата и радовалась, что он так сошелся с моим мужем. Он скоро бросил военную службу и поселился в Покровском, где стал заниматься хозяйством, так как мужу нельзя было часто отлучаться из Москвы. Но в первую зиму моего замужества брат был еще в полку и иногда на короткое время приезжал к нам в Москву. Он был очень близорукий, неловкий, немного сутуловатый, и так не шел к нему военный мундир!

Частым гостем был у нас Николай Михайлович Нагорнов. Он служил тоже в Москве. Отец его жил в деревне, а мать, сестры и брат постоянно жили за границей, преимущественно в Ницце. Младший брат его Ипполит Михайлович был хороший музыкант, он удивительно играл на скрипке, скрипка его точно пела. Свое музыкальное образование он получил в Париже. Он бывал в Ясной Поляне, когда сестра была уже несколько лет замужем, играл там, и игра его очень нравилась Льву Николаевичу. Я не знаю, его ли описал Лев Николаевич в «Крейцеровой сонате», но во всяком случае очень похожий на него тип; шаблонно красивый, по-европейски элегантный, немного полный, черные на обе стороны расчесанные волосы, самоуверенно спокойный — таков был Ипполит Нагорнов, но музыкант удивительный, как пишет Лев Николаевич про Трухачевского: «тонкий, благородный вкус, совсем несвойственный его характеру».

Сестра моя была очень хорошенькая, свежая, с прекрасным цветом лица, с вьющимися темными волосами, с веселыми черными глазками. Очень скоро Нагорнов в нее влюбился и мог надеяться на взаимность. Мы были в постоянной переписке с матерью, так что она знала все, что у нас делается. Узнав об ухаживании Нагорнова и о

том, что сестра принимает это ухаживание, она поспешила поехать в Ниццу, чтобы познакомиться с его семьей, а весной вернулась в Россию. Лев Николаевич по поводу этого события пишет А. А. Толстой: «Варя, моя любимица, выходит замуж за Нагорнова, и я первый раз испытал чувства жестокого отца, какие бывают в комедиях. Хотя в молодом человеке нет ничего дурного, я убил бы его, если бы он подвернулся мне на охоте. И я своей мрачностью расстроил их ребяческое, так называемое счастие, но не могу иначе» [19].

Летом того же 1872 г. сестра вышла замуж. Свадьба была в Покровском, куда я в первый раз въехала хозяйкой, что меня и радовало и волновало. Свадьба была отпразднована весело, но просто, по-деревенски. Мать была весела, а сестра была вполне счастлива.

Мы обе, молодые и счастливые, прожили лето в деревне, а на осень вернулись в Москву, где наши мужья служили. В ноябре 1872 г. у меня родился сын [20]. Я страстно желала иметь ребенка и с радостью ждала этого события. На это время ко мне приехала моя мать и сестра моего мужа.

Но эта комбинация вышла неудачная. Обе были горячие, властные, неуступчивые; у них выходили частые стычки. Пока я была на ногах, мне удавалось их умиротворять, но как только я слегла — они сейчас же поссорились, и у матери так и осталось дурное чувство к моей золовке.

Я просила Льва Николаевича быть крестным отцом, на что он согласился и приехал для этого из Ясной Поляны. Но радость моя была омрачена тем, что я на третий день серьезно заболела, и пришлось взять кормилицу. Я была в сильном жару, все время впадала в бессознательное состояние, и все первые дни и крестины вспоминались мною, как во сне. Лев Николаевич писал о моей болезни Софье Андреевне в Ясную: «Бедная Лиза больна... Чиж[тогдашний известный акушер] определил воспаление. Ей ставили пиявки, дают каломель, компрессы... И Машенька и Леонид ухаживают изо всех сил... Леонид жалок своей нежностью, беспомощностью и страхом... Сейчас послал узнать, как Лиза провела ночь. Ничего в голову не идет, пока не успокоюсь на ее счет» [21]. В то же время он пишет А. А. Толстой: «Я вчера вернулся из Москвы, куда ездил крестить внука сестры Маши, маленького Оболенского. Сестра измучилась родами, болезнью Лизы и совсем забыла про себя и стала такая хорошая, какая она всегда была» [22].

Да, мать забыла себя и вся отдалась заботам обо мне. Она всячески хотела утешить меня в том, что мне не пришлось самой кормить, рассказывала мне, какая красивая и хорошая кормилица, утешала тем, что ребенок покоен и здоров. Я проболела долго. Когда я оправилась и встала с постели, для меня началась новая жизнь, полная забот и радостей. Мы с сестрой еще теснее сошлись, если это только было возможно, нас еще больше соединили серьезные интересы замужних женщин и матерей. «Девочек Толстых» уже больше не стало.

***

Первые восемь лет моего замужества жизнь матери ускользает от моего внимания. Я была занята своей семьей. Жили мы зиму в Москве; лето я проводила с детьми в деревне. Мать же часто ездила за границу. Дядю Льва Николаевича я тоже видала редко. Они еще не переезжали жить в Москву, а я в Ясной Поляне почти не бывала. Приезжая в Москву на несколько дней, дядя всегда заглядывал к нам хоть на короткое время. К мужу моему он относился очень хорошо

Муж мой был так добр, так отзывчив и готов на всякую услугу, что его все любили. Но у него были свои очень твердые и определенные взгляды; он был очень православно религиозен. Дядя знал это и уважал его твердость и никогда с ним на эту тему не вел никаких разговоров.

Раз Лев Николаевич зашел к нам, гуляя вечером; я сидела за круглым столом с детьми. Он сказал:

— Как ты хорошо сидишь, только лампа у тебя гадкая.

На другой день он прислал мне очень хорошенькую лампу. Не в его обычаях было делать подарки, а потому я очень дорожила этой лампочкой и берегла ее до самого последнего времени. Другой раз он застал нас за обедом; он был такой редкий, дорогой гость, что мы не хотели отпустить его и упросили остаться обедать. Он был весел и шутлив. Жили мы с мужем скромно, семья была большая, средства небольшие. Подали суп самый простой, дядя сказал:

— Как вы вкусно едите, я буду каждый день ходить к вам обедать.

Потом подали котлетки и печеные яблоки. Он ел с аппетитом и говорит:

— Нет, я буду к вам ходить два раза в день обедать.

Нам было так радостно, что он у нас хорошо себя чувствует.

Весной 1877 г. он приехал в Москву с дочерью Татьяной Львовной, которой было тогда 14 лет. Я теперь забыла, почему он привез Танечку; судя по его письму к Софье Андреевне, — чтобы лечить ей зубы. В этом году он был еще строго православный, соблюдал все посты и все правила, предписанные православной церковью. Когда он узнал, что я перед обедней пью чай (что по-церковному не полагается), он покачал головой и сказал:

— Ай, ай, нехорошо!

Но он уже тогда стал задумываться над некоторыми вопросами и за уяснением их стал обращаться к духовным лицам. В том же письме к Софье Андреевне он пишет: «В один день мало сделаешь: и Музей, и Архив, и архиерей, и Захарьин. Лиза говорит, что хочет ехать к Троице, это было бы отлично» [23].

Не помню, чья была инициатива, вероятно, его, но мы тут же поехали к Троице — дядя с Танечкой, я и мой большой друг Елизавета Сергеевна Фохт, рожденная Сухотина [24]. Приехавши, мы пошли прямо в собор; шла обедня, служил архиерей; собор был полон народу, было очень тесно и душно. Толпа почти вся состояла из крестьян-богомольцев с котомками за плечами, именно такая толпа, которую любил Лев Николаевич. Я ждала рождения ребенка, Лев Николаевич беспокоился, что меня затолкают, и поручил Танечке охранять меня, что она исполняла очень добросовестно, толкаясь сама, за что была обозвана какою-то бабой не очень ласковым словом. По окончании обедни Лев Николаевич сказал нам, что ему нужно поговорить с архиереем [25], и мы все и он тоже подошли под благословение к архиерею, причем он предварительно внушил Танечке, что она должна поцеловать у него руку. Она это исполнила, но от конфуза прежде перекрестилась, а потом приложилась к руке. Архиерей улыбнулся. Лев Николаевич прямо из церкви пошел к нему, а мы, напившись чаю в гостинице, пошли осматривать все, что было достопримечательного у Троицы. Был он еще у старца, который жил тогда там — имени его не помню [26]. К сожалению я не знаю, в чем состояли его разговоры с духовными лицами, так как он не сообщал их нам. Но они ни в чем не убедили его, не разрешили его сомнений, потому что он уже

с конца 70-х годов начинает отпадать от церкви, а в 1879 г. уже совершенно отпал от нее.

В 1876 г. он пишет А. А. Толстой: «Я строю себе понемногу свои верования, но они все хотя тверды, но очень неопределенны и неутешительны. Когда ум спрашивает, то они отвечают хорошо, но когда сердце болит и просит, то нет поддержки и утешения» [27].

По моим наблюдениям, по моему, может быть, ошибочному мнению, он много лет не находил этой «поддержки и утешения», он долго, долго искал и блуждал, прежде чем успокоиться. Да и успокоился ли он и под конец своей жизни? Не всегда ли стремился он к еще большему уяснению вечного вопроса: что есть истина? Ему совершенно было ясно, как надо жить, ясно было, что всеми нашими поступками, словами должна руководить любовь, «любите друг друга», но самое понятие его о боге неясное. Тридцать лет спустя после вышеприведенного письма к А. А. Толстой, в 1906 г., он пишет в своем дневнике: «Хотелось бы выразить смысл жизни как можно яснее... Неясно для меня понятие бога» [28]. Он и не признавал личного бога и как будто не мог от него отрешиться. Он сам, например, употребляет это выражение: «крестился рукой» [29], любил молитву «царю небесный». Кому же он молился? Кого призывал?

Я как-то рассказала ему, что сестра моего мужа, только что овдовевшая, говорила мне:

— Я не понимаю, как можно любить бога, его можно только бояться. Il prête tout, mais ne donne rien *, даст молодость — отнимет, даст зубы, волосы — отнимет, даст жизнь — и ту отнимет.

Он на это сказал:

— Скажи ей от меня, что он дал нам бессмертную душу, которую не отнимет у нас.

Кто он?

Первые годы своего отступления от церкви он был очень нетерпим, резок, иногда ненужно груб и часто оскорблял чувства верующих. Об этом пишет А. А. Толстая в своих воспоминаниях: «Он осыпал меня точно градом своими невообразимыми взглядами на религию и церковь, издеваясь над всем, что нам дорого и свято» [30]. Однажды он встретил карету с образом Иверской. Придя домой — это было в Хамовниках — он рассказал об этом с насмешкой и очень грубо выразился о божьей матери: «Эта простоволосая». Присутствовала при этом графиня Бобринская, которая страшно оскорбилась и никогда не могла ему этого простить. Впоследствии он очень изменился, стал очень мягок и веротерпим; он сам пишет об этом в дневнике: «Я очень счастлив тем, что стал совсем, по-настоящему веротерпим, и научили меня этому нетерпимые люди» [31]. Стал понимать всякое проявление религиозного чувства, лишь бы оно было искреннее, шло от сердца. Приведу один пример. Две девушки близкого мне семейства пошли в монастырь. Одна очень молоденькая, лет 17, другая лет 30. Молоденькая с самых ранних лет имела к этому призвание, никогда не наряжалась, просила, чтобы ей не дарили никаких украшений, под разными предлогами старалась не есть мяса; старшая была более индиферентна; после смерти отца и матери обе ушли в монастырь. Я рассказала об этом Льву Николаевичу, он очень ими интересовался и много расспрашивал меня о них; на мое замечание, что я не понимаю, почему собственно старшая ушла в монастырь, он сказал:

— Ну, уж это она там сама с богом разберется.

---

* [Он все дает взаймы, но ничего не дарит]

Он ценил в людях больше всего духовную жизнь. Как-то в разговоре я упомянула поговорку: «в здоровом теле — здоровый дух».

— Я не люблю эту поговорку, — сказал Лев Николаевич, — это неверно. В здоровом теле редко бывает здоровый дух. Чем здоровее тело, тем меньше духовной жизни. Вот посмотри на Марью Александровну [32], уж какое тут тело, чем только дышит, а дух такой — дай бог всякому.

С годами им исключительно стала руководить любовь ко всем, которую он все больше и больше развивал в себе и которой под конец его жизни дышало каждое его слово. И как он был дорог нам этим! Я помню, при мне в Ясной Поляне N. стал говорить со скорбью, как трудно ему проводить в жизнь свои убеждения, как на каждом шагу он встречает к этому препятствия, и закончил свои сетования словами:

— Только одно и остается — всегда ко всем относиться с любовью.

Лев Николаевич положил ему руку на плечо и с дрожью в голосе сказал:

— Голубчик, да ведь это главное, это одно всегда в нашей власти, только об этом нам и нужно всегда помнить.

И он так и делал и, если ему случалось отступить от этого, всегда укорял себя. Он стал терпим и снисходителен.

***

Оставшись после нашего замужества одна, мать часто ездила за границу. Жизнь ее за эти года, как я вспоминаю, производит впечатление какого-то беспокойного, бесцельного, безрадостного скитания; то она за границей, то возвращается в Россию. В одну из своих поездок она побывала в Гиере и посетила могилу дяди Николая Николаевича [33]. Она рассказывала, какое сильное впечатление произвела на нее эта могила, не заброшенная, нет, потому что за границей за кладбищами очень ухаживают, но одинокая, и с какой грустью на нее нахлынули воспоминания прежних лет. Ей захотелось пожить некоторое время в Гиере спокойно и одиноко. Она так и сделала.

В 1874 г. умер Клен. Жена его известила об этом мою мать письмом, написанным с уважением и чувством. Она писала, что от мужа много слышала о моей матери, о которой он всегда вспоминал с благодарностью, и потому считает своим долгом уведомить ее о его кончине. Умер он от болезни сердца, которую приобрел еще в молодости на морской службе. За несколько месяцев до его кончины, после десятилетней разлуки, мать моя случайно встретила его в Aix-les-Bains; он был уже совсем больной. Какова была эта встреча — об этом никто не знает. Он говорил, что писал ей несколько раз, но она никогда этих писем не получала.

В 1879 г. я испытала первое сильное горе — скончался брат 28 лет от сыпного тифа. В октябре 1878 г. он женился на Надежде Федоровне Громовой, дочери тульского архитектора [33а]. Задумав жениться, он продал свое имение в Рязанской губернии, купил землю в Чернском уезде поближе к нам и стал там строиться, а пока жил у меня в Покровском; там и заболел; но умер в городе Черни, куда был перевезен за две недели до смерти, чтобы быть под присмотром врача. По счастью мать в этот год не ездила за границу, так что могла быть при нем во время его болезни и при его кончине. Это было для всех нас большим и неожиданным горем — брат был всегда здоровым и крепким, и это была его первая болезнь.

Я часто с грустью думаю, что брат не был счастлив; что-то в его характере мешало ему отдаться непосредственно чувству. Он был застенчив и очень нежной души; всякое грубое прикосновение заставляло его сжиматься и уходить в себя. Женился он по любви, с женой своей познакомился у Дельвигов, в семье которых был очень любим и обласкан. В октябре он обвенчался, заболел в апреле следующего года, а в июне скончался. Незадолго до кончины он сказал мне, что чувствует, что умирает. Острый период прошел, но организм уже не имел силы подняться, и он медленно угасал. Он как-то все забыл; спрашивал, сколько у меня детей; не узнавал жены, спрашивал, кто это такая? И когда я сказала: — «Твоя жена; разве ты забыл, что ты, женат?» — то он долго с недоумением смотрел на обручальное кольцо. Доктора утешали, говорили, что это бывает, но я хорошо понимала, что это конец, я видела, как медленно, но неуклонно уходила жизнь. Кончался он очень тихо, но в последнюю минуту покой его был нарушен. Мать, которая стояла около постели на коленях, не сдержалась и громко зарыдала. Он открыл глаза, и по скорбному выраженью его глаз видно было, что он в сознании. Молоденькая жена его ходила за ним, забывая о себе, и горе ее было велико.

В том же году сестра наша Леночка окончила свое образование за границей, и надо было подумать о том, что же делать с ней дальше. Мать очень над этим задумывалась. Оба наши дяди [34] и мой муж, которому мать моя давно простила, что он на мне женился, и с которым была очень хороша, настаивали на том, что ее надо привезти в Россию и ввести в семью. После некоторого колебания мать согласилась. Весной 1880 г. она поехала в Швейцарию и осенью вернулась с Леночкой.

Леночке было 17 лет; это была хорошенькая, свеженькая девочка, веселая и очень похожая на нашу мать не столько лицом, сколько фигурой, походкой, чем-то неуловимым в выражении рта и очень близоруких глаз. По-русски она, конечно, не знала ни слова, знала французский, немецкий и английский языки, прекрасно играла на рояли, выказывала хорошие способности к рисованию; по всему видно было, что она получила тщательное образование. Нашими дядями и нами она была принята, как родная, и мы скоро все очень полюбили ее. У нее была та же непосредственность, та же прямота в обращении с людьми и безыскусственность, как у нашей матери; ворчунья и вспыльчивая, она и характером больше походила на мать, чем мы обе.

Странно, что мать, такая прямая, такая самостоятельная, которая не имела никакого отношения к так называемому «светскому обществу», мнением которого, казалось, так мало дорожила, в данном случае была смущена и не имела мужества во всеуслышание назвать ее своей дочерью, а называла своей воспитанницей. Отчасти она делала это, желая избежать для Леночки щекотливых вопросов, — сирота-воспитанница, и больше ничего. Дядя же Лев Николаевич, у которого в Хамовниках ей приходилось встречать много посторонних лиц, всегда знакомил ее со всеми, говоря: «моя племянница, дочь сестры». Когда мать сказала ему, зачем он так делает, он ответил:

— Как хочешь, Машенька, я не могу говорить неправды и всегда буду называть ее своей племянницей.

Очень скоро все к этому привыкли, и неловкости никакой не получалось [35].

Леночка очень подружилась с Татьяной Львовной, они были почти ровесницы; вместе ходили заниматься в школу живописи и ваяния на Мясницкой, где учились писать масляными красками

***

В 1881 г. вся семья дяди Льва Николаевича переехала на зиму в Москву [36] и с тех пор стала всякую зиму проводить в Москве. Первую зиму они жили на квартире в доме Волконского в Денежном переулке [37], а в 1882 г. поселились в собственном доме в Хамовниках. Лев Николаевич сам очень внимательно занялся устройством дома и его меблировкой. Сначала он делал это для того, чтобы облегчить Софью Андреевну, но потом сам увлекся. Он сам очень охотно по всем мебельным магазинам разыскивал старинную мебель красного дерева и покупал все с большим вкусом. Зайдешь, бывало, проведать его в Хамовники и застанешь в хлопотах по размещению мебели и по распределению комнат. Иногда он спрашивал совета, и я охотно помогала ему.

Наконец, все было устроено, и в октябре семья переехала уже в свой дом. Это был большой перелом в их жизни. С тех пор характер жизни Толстых не только зимой, но и летом совершенно изменился. Он утратил ту простоту, безыскусственность и, главное, самобытность, которые были так привлекательны. Пошло все, как у всех. Изменилась внешность, изменилось и внутреннее содержание жизни. Хамовнический дом скоро наполнился народом. Всякий считал за честь и счастье попасть туда, да оно так и было и не могло быть иначе.

К сожалению, для своих близких Лев Николаевич стал мало доступен. Зайдешь днем — он или гуляет или занят; а вечером он большей частью сидел в своем маленьком, низеньком кабинете, окруженный людьми, жаждущими его послушать. Придешь туда и чувствуешь, что лишняя, что стесняешь. Когда же Лев Николаевич выходил в большую залу, где за большим чайным столом сидели гости Софьи Андреевны, он был любезным, обворожительным хозяином. Тут тоже жадно ловили каждое его слово; при его появлении все разговоры умолкали, и все внимание было устремлено на него. Он каждому находил, что сказать, с кем поговорит серьезно, с кем пошутит; с молодежью был всегда ласков и шутлив. И все это выходило у него так естественно, так непринужденно и привлекательно. Он был настоящий аристократ старого времени; это проявлялось во всем: в его обращении с людьми, в его манерах, в его вкусах; все грубое, все пошлое, все безвкусное, даже в туалетах, его коробило.

Но городская жизнь была ему, конечно, не по душе и в особенности первое время очень утомляла его. Утомляла его уличная суета и шум.

— И чего они суетятся, — говорил он, — куда спешат?.. Все дела, а главного не видят; так и пройдет вся жизнь, и не заметят, как смерть подойдет.

Городовые с револьверами возмущали его, он не мог равнодушно проходить мимо них. Я как-то раз вышла с ним из их дома; на перекрестке стоял бравый, рослый городовой. Проходя мимо, Лев Николаевич с досадой сказал:

— Здоровый, страшный какой.

Я засмеялась:

— Да что ты, дядя, чем же он страшный?

А он говорит:

— Ну, а револьвер-то зачем?

Очень неприятно ему также было, когда кто-нибудь из прохожих узнавал его, кланялся ему или провожал любопытными глазами. Все это раздражало его и нередко приводило в дурное настроение. Он писал А. А. Толстой в 1882 г., что едет в деревню отдохнуть от разби-

тых нервов [38]. Любил он уходить на Москва-реку; там он пилил дрова с пильщиками и разговаривал с ними; любил также гулять совсем поздно вечером, перед сном; иногда заходил к нам, — мы жили недалеко, в Неопалимовском переулке. Пишу эти строки и вспоминаю одну прогулку зимой в Ясной Поляне. Это было много позднее, они тогда уже не жили в Москве. Была чудная, лунная ночь; Лев Николаевич сманил нас всех гулять. Народу было много; все с радостью согласились. Софья Андреевна не хотела итти, но мы ее уговорили, и Лев Николаевич повел ее под руку. Лунный свет обманчив; дядя завел нас довольно далеко в лес и не мог выйти на настоящую дорогу, так что нам пришлось покружить по елочкам. Но ночь была такая дивная, теплая, что мы никто не жалели, а он наслаждался, был весел и шутил, говоря, что как Сусанин завел поляков, так и он завел нас в лес.

А как он любил свои уединенные прогулки в Ясной Поляне! Однажды он позвал меня с собой; я пошла одеваться — это было зимой, — но когда я пришла, он уже ушел, не дождавшись меня. Вернувшись, он мне говорит:

— А я тебя обманул, ты обиделась?

— Не обиделась, а очень пожалела.

— Ты не обижайся, с тобой было бы хорошо, ну, а с богом лучше.

И вот этих прогулок «с богом» ему недоставало в Москве.

***

С тех пор как мать привезла Леночку, она больше уже не ездила за границу, а прочно основалась в России — зиму в Москве, лето в Пирогове. Вела она образ жизни уединенный, знакомых у нее было мало. Главным ее препровождением времени была, как всегда, музыка; к ней опять стал ходить скрипач из оркестра Большого театра, и она одна, без слушателей, играла до поздней ночи. Леночка тоже продолжала брать уроки музыки; видя ее музыкальные способности, мать хотела, чтобы она усовершенствовалась. Леночка очень любила мать, но она все-таки не знала ее так, как знали мы, и не вполне понимала ее характер, а потому у них иногда происходили столкновения. У матери хранились две-три пьесы сочинения леночкиного отца, которые мать ей отдала. Однажды Леночка их разыгрывала; вошла мать, быстро взяла ноты и изорвала их со словами:

— Не играй, не играй, никогда не играй этого.

Леночка была поражена и обижена; она не знала, что всякое напоминание о прошлом было для матери мучительно.

Музыка, чтение помогали ей проводить время, но не могли наполнить всей ее жизни. Она не могла удовлетвориться повседневными, обычными для всех занятиями. Ее беспокойная, мятежная душа искала чего-то другого, большего. Она, как и Лев Николаевич, стояла на перепутьи, но дороги их были разные. Он ничего не мог ей дать. Его тогдашнее нетерпимое отношение к церкви, к богослужению, ко всему православному, главное — его отрицание божественности Христа не столько оскорбляло, сколько огорчало ее, и они оба избегали говорить о вере. Она вообще спорить не любила и не умела. Когда говорили что-нибудь, что было ей не по душе, она всегда замолкала, но по выражению ее лица и по самому молчанию можно было понять, что она не согласна.

Много дала ей дружба с врачом-гомеопатом Дмитрием Семеновичем Трифоновским [39]. Трифоновский был хороший, довольно известный врач и совсем особенный человек — отвлеченный, духовный, не от ми-

ра сего и очень добрый. У него была большая практика, но практика эта мало ему приносила; приемная его была полна бедного люда, который лечился у него даром. Он начал ездить к матери как врач, а потом стал ездить как друг. Они целыми часами философствовали, говорили на отвлеченные религиозные темы. Я часто встречала Трифоновского у матери и любила слушать их разговоры; о чем, о чем они только ни говорили — и о загробной жизни, и о воскресении мертвых; оба оживленные, возбужденные и радостные. После его посещений мать была спокойнее, удовлетвореннее; это было именно такое общение с человеком, которое она любила. Она стала все больше и больше задумываться и отставать от прежнего образа жизни.

Совместная жизнь ее с Леночкой шла не совсем гладко. Проживши пять лет вместе, Леночка захотела вести самостоятельный образ жизни. Сначала мать этому противилась, ей это и не нравилось и казалось обидным, но потом согласилась, и они расстались без ссоры. Сама Леночка мотивировала свой уход тем, что она при трудном характере моей матери, к которому она не привыкла, так как росла вдали от нее, и сама будучи характера не гибкого, не могла быть ей полезна; а потом ей казалось, что она теряет лучшие годы в ничегонеделанье и забывает языки, которые должны были служить ей в будущем средством к жизни, так как то, что мать могла ей дать, не обеспечивало ее достаточно. Дядя Лев Николаевич одобрял ее решение, находя, что праздный образ жизни для нее вреден.

Через знакомых Леночка узнала, что m-me Юргенсон (известный нотный магазин) ищет для своей дочери подругу, которая могла бы ей всюду сопутствовать, так как она сама была больная женщина, и заниматься с ней языками и музыкой. Леночка пробыла у них два года и навсегда сохранила с ними дружеские отношения.

В 1880 г. у моего мужа появились первые признаки грудной жабы. Доктора послали его за границу; поехал он неохотно, не очень веря в лечение, которое действительно не принесло ему никакой пользы. Припадки все учащались и делались все жесточе. 5 февраля 1888 г. ночью он скончался внезапно в постели после очень незначительного припадка. Вероятно, сердце было уже очень ослаблено.

В этот вечер у нас собрались родные, мать, сестра и друзья. Леночка уже с лета жила с нами. От Юргенсонов она ушла, и я попросила ее остаться со мной, так как у меня никого не было при детях. Муж был за ужином весел и здоров. Гости разъехались, оставалась одна мать; он шутливо перед ней раскланялся со словами: «Bonne nuit, madame la comtesse» * и ушел в спальню. Проводив мать, я пошла посмотреть, что он делает. Он стоял, прислонившись к печке, и на мой вопрос, что с ним, сказал: «Немного душит». В это время зашел Лев Николаевич с прогулки и спросил, не раздеваясь, стоя в передней:

— Ну, что, как вы?

Я ему ответила, что все было хорошо, а сейчас немного душит. Он поговорил со мной и перед тем, как уходить, послал меня узнать, как муж себя чувствует; я вернулась с известием:

— Теперь лучше, лег в постель.

А через два часа я уже послала сказать матери и в Хамовники, что все кончено.

Хотя болезнь мужа была такова, что всегда можно было ждать внезапного конца, но все-таки, когда конец этот наступает, — все поражены. Так было и теперь. Я не стану останавливаться на этом гру-

* [Покойной ночи, графиня].

стном периоде моей жизни. Скажу только, что положение мое было очень тяжелое. Я осталась с семью детьми от 15 лет до полутора года в очень затруднительном материальном положении. Жизнь пришлось радикально изменить. К сожалению, я была очень непрактична, да и муж отстранял от меня все заботы, говоря: «Будет с тебя твоих детей, а это уже предоставь мне». Но у меня были два верных друга, которые помогали мне разбираться в делах, — Дмитрий Алексеевич Дьяков и Митрофан Павлович Щепкин [40], известный городской деятель, большая умница и хорошей души человек.

Оглядываясь теперь на мое прошедшее, я должна сказать, что видела много любви и участия и что у меня были истинные друзья, о которых я вспоминаю с благодарностью. «A friend in need is a friend indeed» *.

Лев Николаевич всякий день заходил ко мне и с участием вникал в мои дела. Я знаю, что он любил и меня и моих детей, но это был период резкой перемены во всем его миросозерцании — социальном и религиозном, — когда он так настойчиво и страстно отдавался своим новым взглядам, так, казалось, хотел внушить их всем, что это иногда мешало ему входить в положение других. Он говорил: «стоит людям только понять то-то и то-то...» Но что же делать, если люди не понимали? Так было и теперь. Однажды он спросил меня, что меня больше всего беспокоит. Я сказала:

— Конечно, дети, их воспитание, особенно воспитание сыновей. (Их у меня было трое).

На это он говорит мне:

— Да что же тебе об этом беспокоиться? У тебя есть имение, пускай привыкают работать на земле, на огороде, пахать, косить.

Но я не могла с этим согласиться: от книги можно перейти к сохе, но от сохи к книге уже гораздо труднее.

Было у меня еще беспокойство. Моя старшая 13-летняя девочка, катаясь летом верхом, упала с лошади и зашибла себе бедренный сустав; ушиб оказался серьезным, ей грозил коксит. Она целый месяц пролежала с вытяжным аппаратом, и ей долгое время запрещено было бегать. Раз как-то зашел дядя в то время, когда я собиралась с ней к доктору. Он стал говорить, как грешно наше привилегированное положение; что я вот могу лечить мою дочь, а прачка не может, а потому дочь прачки должна болеть. Я на это сказала ему, что, кажется, надо сделать так, чтобы и прачка могла лечить свою дочь, а не мне не лечить своей. Но упрек его упал на больную душу, и я расплакалась. Дядя никак не ожидал этого и очень огорчился, что расстроил меня, стал утешать и сказал:

— Разумеется, поезжай к доктору, как же не лечить?

После этого он всегда особенно внимательно осведомлялся о здоровьи моей дочери и при этом улыбался своей ласковой, доброй улыбкой. Я очень хорошо понимала, что это не было равнодушие, отсутствие участия ко мне, но он так был захвачен своими новыми идеями! Он тут же дал мне письмо к А. А. Толстой в Петербург с просьбой помочь мне. Вот это письмо: «Письмо это передаст Лизанька Оболенская — племянница, дочь Машеньки, нынче зимой схоронившая мужа и оставшаяся без материальных средств с семью детьми. Она едет в Петербург, чтобы устроить помещение одной из дочерей в институт. Помогите ей. Она очень милая и хорошая женщина, а дети ее прелестные» [41].

---

* [Друг в нужде — настоящий друг].

А. А. Толстая приняла меня очень любезно, но сказала, что ничего не может сделать, что при этом царствовании (Александра III) она не имеет никакого влияния — она давно отошла от всяких дел.

***

Начиная с 1888 г., дорога матери окончательно определилась: она уже совершенно порвала с прежней жизнью. Решившись отдаться духовной жизни, она искала наставника и руководителя. Доктор Трифоновский указал ей на очень известного тогда в Москве о. Валентина Амфитеатрова, протоиерея Архангельского собора. О. Валентин пользовался репутацией очень хорошего и умного священника и был очень популярен. На мать он произвел сильное впечатление; со свойственной ей способностью увлекаться, она увлеклась и им; не пропускала ни одной его службы, ни одного случая побеседовать с ним. В продолжение двух лет он был ее наставником и духовником, но этого ей было недостаточно; ею овладело стремление в корне изменить свою жизнь. Ей хотелось порвать с городом, со всем прежним и начать совсем новую жизнь. О. Валентин не был сторонником монашества и матери не советовал итти в монастырь, но на этот раз она не послушалась его, несмотря на все уважение к нему.

В то время в Оптиной пустыни жил старец о. Амвросий. Слава о нем распространилась далеко за пределы Оптиной. Как всегда в таких случаях, о нем ходило много преувеличенных рассказов, его называли прозорливцем, чуть не чудотворцем. К нему издалека стекались толпы народа, чтобы послушать его, получить от него благословение, совет. Посещали его люди всех сословий, возрастов и положений. Приезжали к нему из Петербурга важные сановники, из села простые крестьяне; обращались к нему и с серьезными вопросами, и с пустячными, и всех он принимал и выслушивал. Был он из купеческого звания [42] и еще с молодых лет ушел в монастырь.

В 1889 г. мать поехала в Оптину пустынь, чтобы самой увидать и послушать о. Амвросия, и свидание это решило ее участь: она без колебаний подчинила ему свою волю, и он с этого дня стал ее духовным руководителем; она не вернулась больше в «мир».

В 12 верстах от Оптиной пустыни был Шамординский женский монастырь. Стоял он в очень красивой местности, на горе, поросшей дубовым лесом; под горой речка; вид в даль чудесный. История этого монастыря следующая: имение это, около 300 десятин, принадлежало какой-то помещице — фамилии ее я не помню, — у которой воспитывались две маленькие внучки, сиротки, единственные ее наследницы. Внучки эти еще в детском возрасте умерли вскоре одна за другой, и она отдала это имение со всеми постройками под монастырь. Первые годы церковь была устроена в доме. Монастырь находился под ведением о. Амвросия. Ни одна постройка не воздвигалась без его указания, ни одна монашенка не принималась без его согласия. Он очень любил там бывать и живал подолгу, отдыхая от посетителей, которые осаждали его в Оптиной пустыни. Он выбрал место для постройки кельи матери, и сам нарисовал план постройки. Мы давно видели перемену, совершавшуюся в настроении матери, ее тяготение к церкви, к духовной жизни, но все же решение это нас поразило.

***

Через два года после смерти мужа меня опять постигло большое горе. Умерла от дифтерита моя младшая четырехлетняя дочь Верочка.

Болела она тяжело и скончалась на двадцать первый день. Это был прелестный ребенок, любимица и утеха всего дома. Умерла она летом в деревне. Особенно тяжело перенесла эту смерть моя старшая 16-летняя дочь [43], нервная и впечатлительная девочка. У нее сделалось острое расстройство, после которого она, казалось, все забыла — и болезнь и смерть сестры. Поправлялась она медленно, и доктор посоветовал мне куда-нибудь с ней поехать, чтобы переменить место, а мать писала мне и звала к себе в монастырь и к о. Амвросию. Я решила ехать к матери.

Оптина от Покровского находится в 60 верстах; можно ехать и по железной дороге и на лошадях; я предпочла последнее. Только что мы отъехали от крыльца, пристяжная запуталась в постромках и упала. Маша выскочила из экипажа с криком: «Пусти меня, я хочу видеть, как она умирает». Я с трудом успокоила ее и опять усадила в экипаж. Было начало сентября, погода стояла чудная, теплая, ясная. «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора: весь день стоит как бы хрустальный» [44]...

Все луга были так густо затянуты паутиной, что издали блестели на солнце, как бы покрытые серебряными нитями. Воздух, тишина, спокойное движение экипажа благотворно подействовали на Машу, она успокоилась и повеселела. На полпути мы ночевали в Белеве в женском монастыре и рано утром на другой день поехали в Шамордино. Я с любопытством и некоторым волнением подъезжала к монастырю. Местность действительно очень красивая. Много небольших построек; я не знала, к которой подъехать. У крыльца небольшого дома собралась толпа народа; все теснились, и каждый старался пробраться вперед; на крыльце стоял небольшого роста, худенький, старенький монах в белой рясе. Это был о. Амвросий, который вышел на так называемое общее благословение. Я спросила проходящую монахиню, где можно найти мать, и поехала в гостиницу, где она жила, так как постройка ее кельи была еще только начата. Я застала мать такой, какой давно не видала: спокойной, радостной, даже выражение лица изменилось. Она очень нам обрадовалась, особенно ласково встретила мою Машу, о болезни которой знала. Решение ее остаться в монастыре было окончательно принято. Зная ее живой ум, ее интерес к литературе, к музыке, мне казалось, что она не выдержит этой жизни. Я высказала ей это. Она ответила:

— Как ты не понимаешь, что все это для меня кончено, ненужно.

На другой день она повела нас к о. Амвросию. Он захотел принять нас врозь. Он произвел на меня хорошее впечатление, но духовного утешения он мне не дал, может быть, потому, что я его в нем и не искала, и он это понял. Маленький, худенький, изможденный, с очень внимательным и проницательным взглядом больших, черных, умных глаз; плоти у него было мало, а дух наверное сильный. Прозорливцем он не был, но я думаю, что он был хороший психолог. За всю его долгую жизнь в монастыре мимо него прошло столько горя, сомнений, греха, может быть, даже преступлений, что он хорошо знал человеческую душу. После меня к нему пошла моя Маша и долго оставалась у него; о чем он с ней говорил, я не знаю, она никогда мне не говорила, но она вышла от него взволнованная, вся в слезах. Она каждый день ходила к нему; он полюбил ее; где бы он ее ни встретил, увидит ли в толпе народа, всегда ласково окликнет ее: «А, коза, и ты тут».

Мы пробыли в Шамордине несколько дней; мать была весела, довольна, всюду нас водила, все показывала. Совершенно неожиданно я там встретила двоюродного брата Софьи Андреевны — Бориса Вяче-

славовича Шидловского [45]. Давно раза два видела я его в Ясной Поляне блестящим, веселым петербургским студентом; потом я слышала, что у него был роман, наделавший в Петербурге много шума. Он женился на графине Милорадович (рожд. Шабельской), которую увез от мужа; у них была дочь. Теперь это был молодой монах-послушник в подряснике, черной скуфейке, худой и бледный. Я бы не узнала его, если бы мать его не назвала. Жена его тоже ушла в монастырь, только не в Шамординский, а дальше, чтобы не встречаться с ним. Я спросила его, не жалеет ли он о сделанном шаге; он мне ответил, что жалеет только о том, что столько лет потерял даром. Сказано это было искренне и горячо. Что руководило ими, когда они поехали к о. Амвросию, я не знаю, но влияние его было таково, что они тут же решили поступить в монастырь и, так сказать, «замолить свой грех». После смерти о. Амвросия Шидловский недолго оставался в монастыре. Потеряв духовную поддержку, он не выдержал, вернулся «в мир», поступил в полк и женился на известной танцовщице Седовой. Жена его осталась в монастыре.

Мать недолго пользовалась поддержкой и руководством о. Амвросия. Он умер вскоре после того, как она поселилась в Шамордине. При его жизни она не была еще пострижена. Узнав о его смерти, сестра и я написали матери, уговаривая ее подождать принимать окончательное решение, ставя ей на вид, что без поддержки о. Амвросия она может не выдержать, но она просила нас не отговаривать ее, так как это совершенно бесполезно и только расстраивает ее. Она спешила закончить постройку своей кельи, и когда на следующий год мы с сестрой поехали в Шамордино ее проведать, она была уже в монашеском одеянии и производила впечатление человека «у пристани». Это было в 1891 г.

***

Конечно, поступивши в монастырь мать не переродилась, но сильно изменилась; она очень работала над собой, но не могла вполне избавиться от главного своего греха — раздражительности. Игуменья, при которой мать поступила, была умная, сердечная женщина; она была строгая, требовала неуклонного исполнения монастырского устава, но не была сухой формалисткой, понимала людей и входила в их положение. Она хорошо понимала и мою мать. Раз как-то кто-то пожаловался ей на дурной характер моей матери; она сказала: — «Да, характер у нее нехорош, но душа у нее детская, чистая, а это дороже хорошего характера».

Посещая мать, мы дивились, как она теперь жила. Она любила всегда поздно вставать, — теперь она и зиму и лето вставала в семь часов и шла к обедне; раньше она была довольно прихотлива на еду и не выносила постного масла, — теперь не только ела постное масло, но иные дни и совсем без масла, и делала все это покорно. Она не любила в праздничные дни, как это делали другие монахини, ходить по гостям пить чай, принимать духовенство. Были у нее две-три монахини, которых она любила принимать, но вообще она жила тихо, всегда была занята, читала духовные книги, любила работать и вышила большой ковер в церковь.

Вначале она очень скучала без музыки; одно время хотела завести фис-гармонию, но почему-то раздумала. С ее музыкальным вкусом считались; хор в монастыре был недурной, иногда из Калуги приезжал регент, разучивали довольно трудные концертные вещи, регент всегда приглашал ее на спевку и спрашивал ее совета. Любила она посещать убогих в богадельне и больных в больницах; знала всех

больных, всегда помнила о них, слабых подкормит чем-нибудь, купит рыбы, пошлет чаю. Монастырь был небогатый, а монахинь было много, все почти бедные, неимущие. О. Амвросий приказывал всех желающих принимать, никому не отказывать.

Все работы на огороде и в поле, за исключением пахоты, исполнялись монашенками. Была маленькая больница, богадельня, приют для сирот, была своя типография, золотошвейная, живописная. Во главе всех этих отраслей стояли интеллигентные монахини, но все бедные. Много жертвовал на монастырь Сергей Васильевич Перлов [16]. На его средства была выстроена очень большая и высокая церковь. Требовалось много времени и труда, чтобы содержать ее в порядке и чистоте. В день уборки усталые монашенки знали, что у «матери Марии» им будет чай с баранками и конфетами; они очень ценили это и любили мою мать за ее простое и ласковое отношение.

Во многом мать осталась такой, какой была и «в миру». В ней не было и тени ханжества, и, будучи от природы правдивой, она не могла принудить себя к тому, чего не чувствовала. У нее в келье в каждой комнате перед образами и в спальне перед киотом горели лампадки, она это очень любила; но в церкви она не ставила свечей, как это делали другие, не прикладывалась к образам, не служила молебнов, а молилась просто и тихо на своем месте, где у нее стоял стул и был постелен коврик. Первое время на это покашивались, а иные и осуждали ее, но потом привыкли.

В версте от Шамордина находился колодезь, который считался святым; к этому колодцу ходили все приезжающие пить воду и обливаться из ведра целебной водой. Я как-то раз приехала к матери с моей дочерью Наташей, которая страдала малярией. Мать приставила к ней молодую, очень милую монашенку, которая ходила с ней всюду гулять; но когда та хотела повести ее на святой колодезь, уверяя, что стоит ей облиться водой, как лихорадка сейчас же пройдет, мать сказала:

— Ну, Наташа, вода хоть и святая, а все лучше не обливаться.

Монашенка была страшно скандализирована этими словами.

Мать никогда не жалела, что пошла в монастырь, но подчас скучала не по «миру», не по «мирской жизни», а по общению с близкими людьми. Мы с сестрой не могли часто ездить к ней, у нас были свои семьи, и она иногда роптала на это. Самым трудным было для матери монашеское послушание, которое для монахов обязательно, считается важнее всего. Она, которая всю жизнь никому не подчинялась, ничьей воли над собой не признавала, должна была во всем спрашивать разрешение игуменьи или духовника. Это было ей очень трудно, и она должна была много над собой работать, смирять себя.

Лев Николаевич как-то посетил ее в монастыре. Расспрашивал ее о том, как она живет, что с них требуется, он очень не одобрял послушания. «Как можно жить и действовать по воле другого человека?» говорил он. От нее он пошел к игуменье. Умная и приветливая старуха приняла его ласково и просто и очень понравилась ему. Вернувшись от нее, он сказал матери:

— Вас тут шестьсот дур, одна умная — ваша игуменья.

Мать очень этому смеялась и передала многим монахиням и самой игуменье. Все отнеслись к этому очень добродушно. После этого посещения она вышила по канве маленькую подушку по красному фону черными буквами: «одна из шестисот шамординских дур» и отвезла ее Льву Николаевичу. Когда она отдала ему эту подушку — это было при мне — он очень удивился и спросил:

— Почему «дур»?

Мать напомнила ему, что это были его слова. Ему это было как будто неприятно, он поморщился немного, сам на себя неодобрительно покачал головой и сказал:

— Это я плохо сказал, это мне хорошее напоминание, как надо быть осторожным на слова. Спасибо тебе, Машенька, за подушку, а еще больше за урок.

Подушка эта всегда лежала на кресле в его кабинете и сейчас показывается посетителям.

Раз в год месяца на два мать выезжала из монастыря, чтобы повидать своих. Ей стоило некоторого труда выхлопотать разрешение на поездки в Ясную Поляну. Игуменья не могла взять это на одну себя, и матери пришлось для этого поехать в Калугу к архиерею. Иногда я или сестра приезжали за ней в монастырь и увозили ее. Дядя Сергей Николаевич как-то не относился серьезно к ее пострижению и немного иронизировал на этот счет, говорил: «Машенька нарядилась, надела цилиндр» — таик называл он ее монашеский клобук. Но в Ясной она чувствовала себя вполне хорошо и свободно, там она была всегда благодушна. Я не помню, чтобы Лев Николаевич чем-нибудь доставил ей неприятность. Если когда и пошутит, то очень безобидно.

В один из ее приездов ее поместили в комнате «со сводами»[47]. Ложась спать, она стала искать образ, чтобы помолиться, и, увидев в углу что-то черное, подумала, что это образ. Утром при свете она разглядела, что это был не образ, а кучка мух. Она рассказала об этом за завтраком и недовольным тоном стала говорить, что нигде в доме нет образа, не на что даже перекреститься. Лев Николаевич, видя, что мать в дурном настроении, молчал. За обедом подали суфле из репы; она спросила сахару, а дядя говорит:

— Как это ты репу ешь с сахаром? Тебя за это бог накажет, и мухи не спасут.

Все рассмеялись, и мать первая. Тем и кончилось это мимолетное неудовольствие.

Лев Николаевич интересовался духовными книгами; она на многие указывала ему, и некоторые из них он читал с удовольствием. Я не могу сейчас назвать, какие именно, не помню, но знаю, что одна из них была «Добротолюбие»[48].

С Софьей Андреевной она всегда была в хороших отношенях; между ними не было никогда и тени неудовольствия, а племянники и племянницы всегда радостно встречали тетю Машу.

К «толстовцам» она относилась разно. В. Г. и А. К. Чертковых она ценила и уважала, хотя считала влияние Черткова на Льва Николаевича вредным. Душана Петровича Маковицкого очень любила за его беззаветную преданность Льву Николаевичу, за его простоту и необыкновенную скромность. К остальным «толстовцам», которых знала не много, относилась дружелюбно, но с оттенком снисходительного сожаления. Недружелюбия она вообще ни к кому не питала: посердится, покапризничает, побушует со своими келейницами, но недобрых чувств ни к кому не имела. Я смело пишу эти слова, уверенная в том, что все те, кто знали мою мать, не опровергнут их.

Она не могла долго оставаться «в миру», ее отпускали на срок не более двух месяцев. Последний раз, когда она была в Ясной Поляне, перед самым отъездом, я нашла ее на верхнем балконе горько плачущей. С матерью это случалось очень редко, я испугалась и спросила ее, что с ней.

— Я чувствую, что я больше не увижу его, — ответила она мне.

Но она увидала его в Шамордине за неделю до его кончины. Как ни хорошо ей было в Ясной Поляне, как ни радостно было повидать

своих, она все-таки утомлялась и с удовольствием возвращалась домой. Зайдет в свою комнату, перекрестится и скажет:

— Как хорошо, как я люблю свою тихую обитель.

Не одна только родственная любовь связывала мою мать и Льва Николаевича. Они всегда любили друг друга, и в молодости она была ближе с ним, чем с дядей Сергеем Николаевичем. За последние же 20—25 лет, когда цель жизни обоих была в приближении к богу, хотя и разными путями, они стали еще нежнее относиться друг к другу, еще больше понимать друг друга. В одном письме к ней Лев Николаевич подписывается: «твой брат и по крови и по духу — не отвергай меня». И тут же: «Очень люблю тебя» [49]...

Но их характеры не во всем были схожи. Матери был чужд самоанализ, копание в самой себе, что так сильно было развито у Льва Николаевича, особенно в молодых годах. Она непосредственно, горячо отдавалась чувствам, не охлаждая их умствованием. Мать в своих поступках и в молодости, а в старости и подавно, совсем не руководствовалась тем, что о ней подумают, что о ней будут говорить. Лев Николаевич в молодости не был свободен от этого чувства. Он особенно ярко выставляет эту свою черту в «Детстве, Отрочестве и Юности» (смерть бабушки, говенье, экзамены и другие места). Мать моя была вспыльчива, как и моя бабушка, ее мать [50]; но та была сдержанна (про нее говорили: покраснеет вся, но смолчит [51]), а мать так никогда и не научилась сдерживаться. Может быть, виной тому было и воспитание. Бабушка до 30 лет жила с строгим отцом [52] («старый князь» и княжна Марья в «Войне и мире»), мать же была с детства избалована, а шестнадцати лет вышла уже замуж.

Я помню в раннем моем детстве, как Лев Николаевич кричал, бывало, когда сердился; у меня осталось в памяти, как он при этом краснел; но позднее, когда мы вернулись из-за границы и подолгу живали в Ясной Поляне, я уже не помню, чтобы это с ним случалось; тем более в старости — он был не только сдержан, но и кроток. Раз только я видела его очень раздраженным. Это было в Ясной Поляне. Из Петербурга приехала повидать его какая-то дама. О чем они говорили — не знаю, только провожая ее из кабинета, он, очень горячась и повышая голос, сказал:

— Если бы меня все так понимали, как вы, я бы сломал перо и бросил писать.

Уходя в кабинет, он сказал:

— Как неприятно, но она такая бестолковая.

— Да кто такая?

— Народница, — с досадой ответил он.

Мать никогда не говорила о смерти; мы с сестрой часто удивлялись этому. Но как она была к ней готова, как покойно встретила ее! Лев Николаевич за последний период своей жизни очень часто говорил о смерти, говорил о ней как о благе, как о желательном переходе из этой жизни в другую, как об освобождении. Но мысли о смерти волновали его, и я того мнения, что он относился к ней совсем не так покойно, как многим кажется. Как-то при мне он сказал:

— Только очень легкомысленный человек может не бояться смерти.

Он спросил однажды В. В. Стасова, что он думает о смерти. Тот ответил: «Я никогда об этой стерве не думаю». Легко можно себе представить, какое впечатление эти слова произвели на Льва Николаевича. Они казались ему кощунством.

«Твой брат и по крови и по духу — не отвергай меня». Нет, она не отвергала его; она была смиренна, считала себя грешной, а его люби-

ла всей душой, может быть, еще больше потому, что считала его заблудившимся.

***

В 1891 г. умер Д. А. Дьяков. В нем я потеряла верного, старого друга. После смерти мужа я почти не расставалась с ним. Он жил в Скатертном переулке, в собственном доме, занимал большое помещение в верхнем этаже с своими двумя мальчиками от второго брака, а мне предложил поселиться внизу. Редкий по своей сердечности, благородству и прямоте, он был мне самым близким человеком, который знал все мои заботы, тревоги и радости. Он любил моих детей, они ему нравились. «Vous avez bien pondu» *, говорил он мне. К женщинам он был очень требователен, строго порицал всякое легкомыслие и кокетство.

— До смерти боюсь, что наденете чепец с розовыми лентами и начнете кокетничать с молодыми людьми, — сказал он мне вскоре после того, как я овдовела.

Но я не доставила ему этого огорчения, мне некогда было этим заниматься.

Очень бодрый и совсем еще нестарый, он умер от пустой случайности. Возвращаясь из деревни от своей замужней дочери, садясь в вагон, он оступился и ударился ногой о подножку. Получилась небольшая ссадина. Но вскоре нога стала пухнуть и болеть, появилось лихорадочное состояние. На третий день после его приезда я зашла к нему, он сидел в беличьем халате, и студент-медик, живший при его мальчиках, перевязывал ему ногу. Я спросила, как он себя чувствует?

— Да вот, зябну, должно быть, простудился.

Поговоривши с ним немного, я ушла. Студент нагнал меня на лестнице и сказал, что озноб не от простуды, а от ноги, и что хорошо бы послать за хирургом. Приехавший хирург определил заражение крови и сказал, что спасенья нет. Я сейчас же телеграфировала дочери. Он понимал свое положение и был совершенно спокоен, только нетерпеливо ждал дочь и зятя. Ему хотелось, чтобы она приехала, пока он еще был в сознании; хотелось видеть ее и передать ей все свои дела и бумаги. Когда я стала успокаивать его, он сказал:

— Напрасно вы меня успокаиваете, я смерти не боюсь.

Желание его исполнилось — дочь застала его в памяти. Болел он недолго; дня за два до кончины он временами бредил, а последний день впал в бессознательное состояние, лежал тихо, точно спал, подложив руку под щеку, и так и умер, не приходя в себя. Около его постели стояли только дочь с мужем, сестра Варя, я да верная Дашакарлица — тихо, спокойно и торжественно.

Приехавший за несколько часов до кончины доктор предложил делать впрыскивание камфары, но дочь, узнав, что это не спасет его, а только продлит умирание, отказалась. Она обожала отца и бурно и тяжело перенесла свое горе.

***

В 1893 г. сестра Леночка вышла замуж за Ивана Васильевича Денисенко, который был тогда членом петербургской судебной палаты. Свадьба была в Хамовниках у Толстых. Мать была уже второй год в

---

* [Вы хорошо снеслись]

монастыре, на свадьбе быть не могла и приехала в Москву только для того, чтобы познакомиться с женихом, который ей очень понравился. Свадьба была очень немноголюдная и скромная, но очень веселая. Все считали этот брак очень удачным, и Лев Николаевич, прощаясь с Леночкой, сказал:

— Говорят, что les mariages se font aux cieux (браки делаются на небесах), и твое замужество это подтверждает.

Он любил Леночку, а к Ивану Васильевичу относился всегда очень хорошо, с большим доверием. С ним он советовался относительно своего завещания [53]; к ним он одно время думал поехать, когда ушел из Ясной Поляны — они жили тогда в Новочеркасске [54].

***

После смерти Дьякова я из Москвы переехала жить в деревню. Моя старшая дочь вышла замуж, младшая [55] была в институте, два сына [56] в корпусе. Вторая моя дочь [57], 18 лет, кончила институт и стала жить со мной, а старшему моему сыну, студенту [58], Софья Андреевна предложила поселиться у них в Хамовниках. Привело это к тому, что, окончивши университет, он женился на Марии Львовне. Брак этот всех нас удивил; у них, казалось нам, были самые простые, родственные отношения. Софья Андреевна была очень недовольна и написала мне, что не признает этого брака и на свадьбе не будет. Коля был очень молод, моложе Марии Львовны, и беден. Лев Николаевич прямого неодобрения не высказал, сказал только:

— Какой странный брак.

Он вообще смотрел на всякое романтическое увлечение своих дочерей, как на своего рода падение, и всегда огорчался [59]. Татьяна Львовна вышла замуж поздно — 35 лет, и я помню, как он говорил, что хорошо было бы, если бы она осталась девушкой. Он ставил в пример самоотверженную жизнь тетеньки Татьяны Александровны [60], которая весь запас своей любви отдала близким ей людям, и считал такую чистую жизнь идеалом для женщины.

Меня тоже это известие взволновало. Я знала, что Мария Львовна во всем разделяет идеи своего отца и не только на словах, но старается, насколько возможно, проводить их в жизнь; знала, что она, как и Лев Николаевич, смотрит на всякую службу правительству, как на что-то дурное, нечистое. Лев Николаевич всегда говорил: «Лучше ничего не делать, чем делать ничего» [61]. Мой сын был молод и очень мягок, и я предвидела на этой почве много осложнений и неприятностей. Я так и написала Марии Львовне. Она ответила мне, что если я нахожу нужным, чтобы она сошла с пути моего сына, то она готова это сделать. Но я только высказала свои опасения, никак не могла и не хотела решать и предоставила это им. В ответ на это я получила письмо от моего сына, что они ждут меня в Москву, и поехала к ним.

Это было в июле 1897 г. Вся семья была уже в Ясной Поляне, и я застала в Хамовниках только одну Марию Львовну, — сын мой переехал к знакомым. Хлопот со свадьбой было довольно много; надо было доставать разные разрешения, так как они были родня, потом Коля был крестный сын Льва Николаевича. А главное затруднение было в том, что Мария Львовна не хотела говеть. Много мы объездили священников, прежде чем найти такого, который согласился бы обвенчать без говенья. Кто-то указал нам на священника церкви Знамения на Зубовской площади; молодой, академик, он только исповедовал ее, не стал причащать и обвенчал. На свадьбе было очень мало

народу. Я не могу сейчас вспомнить, кто был из ее родных, но ни Льва Николаевича, ни Софьи Андреевны не было.

Тотчас после свадьбы они поселились в Овсянникове (небольшое имение Татьяны Львовны, в шести верстах от Ясной Поляны). В это же лето Мария Львовна заболела брюшным тифом. Вероятно, она заразилась от больной тифом женщины, которую лечила на деревне. Так как в Овсянникове не было никаких удобств, и сын мой был один с больной женой, то он сейчас же перевез ее в Ясную Поляну. Она болела долго и сильно и поправлялась очень медленно; слабый организм никак не мог справиться. Лечивший ее тульский доктор посоветовал на осень увезти ее в Крым. Вернувшись из Крыма, они поселились у меня в Покровском, где и прожили всю зиму. Я зимой не жила там, а всегда гостила то у одной, то у другой замужней дочери, на лето же приезжала к себе, и у меня всегда летом жили внуки. Моя младшая дочь Наташа после женитьбы брата жила с ними. Мария Львовна очень любила и ласкала ее, и она была им не только приятна, но прямо необходима. Коле очень трудно было одному с больной и часто лежавшей в постели женой. В Покровском они не ужились. Мария Львовна чувствовала себя там одинокой и скучала. После большой семьи и яснополянской открытой, шумной жизни, полной самых разнообразных интересов, ей было, конечно, тоскливо в Покровском, где даже не было подходящего соседства; она не полюбила его и не захотела там жить. Проведя там зиму и лето, они осенью уехали в Ясную Поляну.

Ни мне, ни Льву Николаевичу не нравилась такая неоседлость; он понимал, что это ненормально, и что они должны как-нибудь иначе устроить свою жизнь, где-нибудь основаться; и его и меня это очень заботило. Было это тяжело и моему сыну. Он чувствовал себя в Ясной Поляне свободно и хорошо; со всеми братьями и сестрами он был в очень хороших отношениях, Лев Николаевич любил его и ценил его необыкновенно нежное, терпеливое, заботливое отношение к больной жене, но все-таки и ему и ей хотелось своей жизни. Случилось так, что мать, поступив в монастырь, хотела избавиться от всех материальных забот, которые и всегда были ей тяжелы; но она не знала, как ей быть с имением, кому поручить управление им. Лев Николаевич посоветовал ей продать землю крестьянам, а усадьбу и при ней 35 десятин — Марии Львовне. Этот план очень понравился всем; мой сын и Мария Львовна с радостью ухватились за него, — через реку за версту жил дядя Сергей Николаевич, в 35 верстах по хорошей дороге Ясная Поляна, чего же было лучше? Мать не сразу на это согласилась; крестьяне давали дешево, она боялась обидеть нас и все хотела продать кому-нибудь подороже. Мы с сестрой отстранились от этого вопроса, и продажа пироговской земли крестьянам состоялась.

Мой сын с женой тотчас же переехали туда и стали устраиваться. Они очень полюбили свой «хутор», как все кругом стали называть усадьбу, и охотно там жили. Лев Николаевич часто ездил к ним и иногда живал там неделю и больше. Это была такая радость для Марии Львовны, когда отец приезжал к ней. Она всегда старалась доставить ему все те удобства, которые он имел дома. Льву Николаевичу нравилось, как они там жили, и, живя у них, он отдыхал от шума и суеты яснополянской жизни.

Софья Андреевна, приехавши раз из Пирогова, сказала:

— Я не понимаю, как Наташа там живет; я бы с ума сошла от тоски.

Лев Николаевич ответил ей на это:

— Очень хорошая жизнь; я бы с удовольствием так жил.

Софья Андреевна никогда почти туда не ездила. Они же часто бывали в Ясной Поляне. Марию Львовну влекло туда желание пожить с отцом; его интересы были ей близки, и она старалась никогда не терять их из виду. Но здоровье ее с годами делалось все слабее и слабее, и долгое пребывание вне дома утомляло ее.

***

В январе 1896 г. овдовела моя сестра Варя. Муж ее умер от перитонита, вследствие прободения брюшины желчным камнем. У нее тоже была большая семья в шесть человек детей, но старшие дети были уже совсем взрослые; сын окончил университет, а две старшие дочери были взрослые девушки. Сестра как-то совсем потерялась во время своего горя и была жалка. Мать, приехавшая из монастыря, и я не отходили от нее. Она нас очень беспокоила, такая она была возбужденная; говорила без умолку и день и ночь, совсем лишилась сна; каждый день ездила на могилу. Я всячески старалась успокоить ее, дать другое направление ее мыслям, но, видя безуспешность моих усилий, предоставила ей действовать так, как ей было легче. Действительно, после некоторого времени такого крайнего возбуждения она стала затихать, стала больше плакать, и горе ее сделалось нормальным.

Она очень любила своего мужа и, кроме того, чувствовала в нем опору. Любящая, с горячим сердцем, с полным отсутствием эгоизма, она не была создана для будничной, прозаической жизни. Это была художественная, поэтическая натура. «Небесный голубок» — называл ее Лев Николаевич. Мысли ее всегда витали где-то, но только не на земле; она жила воображением и ничего не замечала, что вокруг нее творится. Про ее рассеянность ходило много рассказов, часто принимавших анекдотический характер; я не любила этих рассказов, я очень высоко ставила свою сестру, считала ее исключительной натурой. Сама неспособная ко злу, она ни в ком не видела зла, ко всем относилась с доверием и любовью. Обмануть ее было так же легко и грешно, как обмануть ребенка. Она была вспыльчива, могла вдруг вспылить, рассердиться, но это было ей так несвойственно, что как-то никого не устрашало, а всегда почти вызывало улыбку. Я не знаю человека, который не любил бы ее.

Вся практическая сторона жизни, все заботы по дому, покупка детям башмаков, белья и т. д. лежали на муже. Но он не тяготился этим, берег ее и заботился о ней. Когда он был женихом, я много ссорилась с ним, мне казалось, что он недостаточно любил мою сестру, но потом я увидала свою ошибку, и мы с ним очень подружились.

Мать уехала раньше меня, а я довольно долго пробыла с сестрой и уехала только тогда, когда она успокоилась настолько, что могла принять участие в общей жизни с детьми.

***

Все лето 1901 г. Лев Николаевич сильно хворал. В начале июля у него сделался первый приступ грудной жабы, и состояние его здоровья было настолько тяжело, что Софья Андреевна писала своей сестре Т. А. Кузминской:

«Доктор живет неотлучно и говорит, что завтрашний день решит все... Съезжаются понемногу дети» [62]. Болезни этой предшествовали крупные семейные неприятности, связанные все с тем же несчастным вопросом о продаже его сочинений. Лев Николаевич уже давно выражал желание отдать их в общее пользование, на что Софья Андреевна не хотела согласиться [63]. Но в конце июля силы его опять восстанавливаются, о чем Софья Андреевна пишет П. И. Бирюкову: «Чуть-

чуть не угасла всем нам дорогая жизнь, но теперь, слава богу, Лев Николаевич хорошо поправляется и опять работает» [64].

Но все же восстановление здоровья было только временное; осенью того же года он стал опять прихварывать; доктора советовали ехать в Крым, в тепло, на солнце, и 5 сентября Лев Николаевич, в сопровождении Софьи Андреевны, Александры Львовны и Марии Львовны с моим сыном, выехал в Крым. Сопровождал их П. А. Буланже. Повезли его совсем больного. Приехавши в Тулу на станцию, его тотчас же перевезли в приготовленный вагон. Сын мой рассказывал мне, что Лев Николаевич почувствовал себя так плохо, так был слаб, что у них поднялся вопрос: везти ли его дальше или вернуться обратно в Ясную Поляну. Решили ехать дальше.

В октябре я присоединилась к ним с моей дочерью Наташей. Вся семья поместилась в Гаспре, имении графини Паниной, которая предоставила всю усадьбу в распоряжение больного Льва Николаевича, а мы, т. е. мой сын с женой и я с дочерью, поселились в Ялте.

В Крыму Лев Николаевич первое время стал быстро поправляться, гулял, наслаждался видом гор, морем, но все-таки силы были уже не те. Он сам записывает в своем дневнике. «Здоровье все chancelante *, под гору...» [65]. А вместе с тем он плохо берег себя. Гаспра стоит на горе, спуск к морю крутой, и никак нельзя было уговорить его не сходить; сойдет легко, а взбирается с трудом, сердце забьется, задохнется.

— Я забываю, — говорил он, — что сердце не поспевает за ногами; ноги действуют хорошо, а сердце плохо.

К концу года здоровье его становится все хуже и хуже; длинными прогулками верхом и пешком он опять надрывает свое сердце. Наконец, приехавши как-то к нам в Ялту, он серьезно заболевает; делается опять сердечный припадок и перебои. Ялтинский доктор Альтшулер [66] уложил его в постель и не позволил двигаться, сказав, что сердце плохо работает и надо соблюдать большую осторожность. Пришлось дать знать в Гаспру, что Лев Николаевич заболел и не может вернуться. Приехавшая Софья Андреевна внесла суету и волнение. Она стала настаивать, чтобы немедленно везли его в Гаспру, говоря, что там ему будет покойнее, но доктор не позволил и предписал абсолютный покой. Он пролежал у нас в Ялте с неделю, после чего Софья Андреевна и я перевезли его в коляске в Гаспру. Я поехала по просьбе Марии Львовны; видя возбужденное, нервное состояние своей матери, которая стала говорить, что вот это всегда так бывает, когда он не слушает советов, что *незачем ему было ехать в Ялту* и т. д., и зная мой спокойный характер, она просила меня поехать с ними и постараться успокоительно повлиять на Софью Андреевну, волнение которой передавалось Льву Николаевичу и пагубно действовало на него. Он в таких случаях всегда молчал, но у него делалось такое удрученное, скучающее лицо.

До этого дня комната его была наверху, с балконом и с чудным видом на море; он любил эту комнату, сколько раз мы с ним любовались с балкона видом на море, освещенное луной. Но теперь ему пришлось занять комнату внизу, так как доктор запретил ходить по лестнице.

Я пробыла несколько дней в Гаспре, спала рядом с ним и вставала иногда к нему ночью.

— Вот принялась ходить за мной, — сказал он мне раз ночью, когда я подошла к нему.

---

*[шатко]

— А что, тебе разве неприятно? Меня Маша просила побыть с тобой.

— Маша, ах, вот как хорошо; я очень рад.

С тех пор здоровье его не поправлялось. Было то хуже, то лучше, а в январе обнаружилось ползучее воспаление легких. Мы из Ялты переехали в Гаспру, чтобы быть ближе к нему. Там же жила Татьяна Львовна с мужем и всей семьей, Андрей Львович с женой и дочкой Сонечкой [66]. Три месяца был он между жизнью и смертью; бывали дни, когда мы ждали конца. Раз вечером Мария Львовна сидела около него; вскоре она вышла от него к нам в столовую и, не говоря ни слова, расплакалась; на наши тревожные вопросы она ответила: «Пульса совсем нет!» Мы тут же вызвали по телефону из Ялты д-ра Альтшулера [67]; тогда доктора еще не жили постоянно в Гаспре. Болезнь с этого дня приняла еще более угрожающее направление. Из Москвы был приглашен д-р Щуровский; было установлено ночное дежурство между Софьей Андреевной и мной (Татьяна Львовна должна была родить, а Мария Львовна сама была слабая, нервная). Софья Андреевна всегда была полуночница, а потому взяла ночные часы и будила меня в четыре часа утра. Кроме того, в смежной комнате спал кто-нибудь из мужчин — кто-нибудь из сыновей или П. А. Буланже; мы их звали, когда надо было поднять, перевернуть. Я любила иметь дело с Андреем Львовичем; он как-то особенно ловко, мягко, осторожно, я сказала бы — по-женски приступал к больному.

Как ни тяжело было сидеть около постели умирающего дорогого человека, я любила эти уединенные, тихие, ночные часы, полные серьезного значения. Садишься так, чтобы его всего было видно, потому что он был так слаб, что не мог позвать, и смотришь на движение его худых рук; если ему что нужно, он слабо шевельнет руками, и тогда подходишь к нему и прикладываешь ухо к губам, чтобы расслышать, что он говорит, — это даже не шопот, а какой-то шелест. Лежит он большей частью с закрытыми глазами; выражение лица спокойное, но серьезное, сосредоточенное—видно, внутренняя, душевная работа не прекращается ни на минуту.

Часов в восемь—девять я уходила, но спать уже не хотелось. Чудное утро, свежий вездух, окружающая красота действуют подбодряюще. Умывшись и напившись кофе, опять уже тянет в комнату больного. Он встретил меня раз словами:

— Как, опять неугасимая Лизанька?

За стенами этой комнаты волнение, суета, критика докторов, каждый высказывает свое мнение — отчего делают так, а не так; горячатся, спорят; в минуты душевного успокоения легкий флирт с докторами. Все это, конечно, естественно, но все-таки чувствуется, что много лишних разговоров, на душе тревожно и хочется уйти от этого. Комната, в которой он лежал, была отделена от большой залы, где все сидели, тоже большой гостиной, которая всегда была пустая во избежание шума. Я и Мария Львовна часто уходили туда и сидели там или молча или разговаривая шепотом.

Однажды со мной произошел случай, который мог бы плохо окончиться. Мы по обыкновению сидели с Марией Львовной вдвоем в гостиной и что-то разогревали на спиртовке; ей показалось, что спиртовка плохо горит, она неосторожно встряхнула ее, чтобы посмотреть, есть ли спирт, и выплеснула все содержимое мне на платье. Спирт вспыхнул, платье загорелось. Мы старались затушить его руками, но платье все разгоралось. Все наше внимание было устремлено на то, чтобы не вскрикнуть, не нашуметь и этим не напугать рядом лежащего больного. Молча выскочили мы в большую залу. П. А. Буланже

скинул с себя пиджак, обхватил меня им и таким образом затушил пламя. Я отделалась только страхом, прожженным платьем и чуть-чуть опаленными волосами.

Время тянулось медленно. Дни надежды сменялись днями полной безнадежности и уныния, когда жизнь в доме замирала и все мысли и чувства были сосредоточены на той комнате, где умирал всем нам дорогой старик. Приехала моя сестра и Мария Александровна Шмидт. Милая старушка, единственная цельная «толстовка», которую я знала, была поражена роскошной обстановкой дачи. Видимо, ее смущало и огорчало, что в этой обстановке находится Лев Николаевич, и она не хотела признать, что он живет тут, и все говорила: Софья Андреевна.

— Почему вы говорите, что здесь живет Софья Андреевна? — сказала я ей, чтобы немного подразнить ее.—Панина предложила этот дом не Софье Андреевне, а Льву Николаевичу.

— Ах, нет, душечка, нет, не говорите, тут живет Софья Андреевна, — настаивала она.

Она недолго пробыла в Гаспре и скоро вернулась в свой «дворец», как она называла свою избушку в Овсянникове.

Могучий организм с помощью внимательного отношения докторов, а также хорошего ухода и на этот раз восторжествовал над болезнью. Проходя как-то раз мимо комнаты докторов, я подслушала разговор Альтшулера с Щуровским. Щуровский говорил: «А вдруг мы его с вами спасем?» С какой радостью я поспешила сообщить всем услышанное.

Силы стали медленно возвращаться. Сидя раз у постели дяди, я услыхала, как он слабым голосом говорит:

— Как трудно!

Я нагнулась над ним и спросила:

— Что тебе трудно?

— Трудны эти переходы от умирания к выздоровлению. Я так хорошо приготовил себя к смерти, так было покойно, а теперь надо опять думать, как жить.

Но это состояние трудности возвращения к жизни продолжалось недолго. Мысль его постоянно работала; даже в очень плохие дни он при первой возможности подзывал Марию Львовну или П. А. Буланже и диктовал им свои мысли или какое-нибудь письмо. Так, письмо к государю, писанное в январе 1902 г. по поводу репрессий и строгости цензуры, он начинает своей рукой, но по слабости не может продолжать и конец диктует [68].

Непосредственная опасность миновала; все вздохнули свободно, и в доме все ожило. Его постель стали выдвигать в большую гостиную, и он просил так поставить ее, чтобы ему был виден Ай-Петри. Погода была чудная, и он лежал с открытой дверью на террасу. Понемногу стали все разъезжаться; уехали младшие сыновья, уехала и моя сестра.

Очень трогательно было его свидание с старым слугой Ильей Васильевичем и поваром Семеном Николаевичем. Узнав, что ему стало лучше, они пожелали его видеть. Радость их при виде его выздоравливающим была самая искренняя; все трое были взволнованы. Лев Николаевич сказал им несколько ласковых слов, выразил сожаление, что им было трудно, так как много было лишнего народа, но не мог продолжать от подступивших слез, и они поспешили уйти, чтобы не волновать его.

Я два месяца почти безотлучно провела около постели дяди, и, несмотря на пережитые страх и волнение, эти два месяца остались у ме-

ня светлым воспоминанием. Он был такой приятный больной, терпеливый, ласковый и благодушный. Как часто он совсем слабым, еле слышным голосом пошутит, начнет смеяться, и кончится тем, что от слабости смех перейдет в слезы. Он во всем слушался докторов, восставал только против принятия строфанта. Д-р Альтшулер рассказал ему, что это яд, которым индийцы смачивают свои стрелы. Подойдешь к нему с рюмкой, он скажет: «Ах, строфант, зачем?» Молча поставишь рюмку около него на стол и уйдешь; немного погодя придешь посмотреть и видишь, что он выпил.

Я с радостью помогала ходить за ним, и у меня было чувство удовлетворения, что я была полезна. Я уехала в марте. Но испытания его еще не окончились. Не успел он оправиться от воспаления легких, как заболел тифом; он выздоровел и от тифа. Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской: «Тиф у Левочки прошел: это прямо чудо, что он выздоровел от двух смертельных болезней» [69].

В июне вся семья, наконец, возвращается в Ясную Поляну.

***

Мать моя была очень взволнована болезнью Льва Николаевича и просила меня как можно чаще писать ей и ничего от нее не скрывать. Летом я поехала за ней в монастырь и привезла ее в Ясную Поляну. Мать не была экспансивна, не любила выказывать своих чувств, но при свидании они оба взволновались и ничего не могли говорить от подступивших слез. После отлучения [70] она в первый раз увиделась с ним. Монашенка, церковница, она считала его заблудшим, но не «погибшим», она знала, что в душе его живет бог, а потому отнеслась к постановлению синода с недоумением и неодобрением.

***

Всколыхнулся и дядя Сергей Николаевич. Давно нигде не бывавший, никуда последние годы не выезжавший из Пирогова, он решился поехать в Ясную Поляну; он не бывал там уже много лет; он стал такой нелюдимый, а там он мог всегда встретить кого-нибудь чужого. Но желание видеть Льва Николаевича после того, как он думал, что никогда уже больше не увидит его, превозмогло все другие чувства. Мы сидели в большой зале, когда увидели подъехавшую карету, запряженную четверней. Все были так далеки от мысли, что это мог быть дядя Сергей Николаевич, что не сразу узнали его; да и приехал-то он так необыкновенно — в карете. Юлия Ивановна Игумнова [71], художница и друг Татьяны Львовны, подолгу живавшая в Ясной Поляне, довольно строго окликнула с верхней площадки лестницы: «Кто это?» И это сразу как-то произвело на него неприятное впечатление; он полу-шутя, полу-серьезно сказал, что Юлия Ивановна не хотела пускать его. Мария Львовна первая узнала его; всегда простая и ласковая, она встретила его радостным возгласом: «Дяденька приехал!» Он любил ее больше всех своих племянниц и племянников. Неприятное впечатление сгладилось; он не мог не почувствовать, что ему все искренне рады, и Софья Андреевна, с которой он был всегда далек, была с ним так непритворно приветлива. После первых приветствий братья удалились— им надо было так много сказать друг другу. Я с нежностью смотрела на них, такие они были мне близкие и дорогие. Оба старенькие, уже не такие бодрые, у обоих столько мысли в лице; так видно было, что это люди, много пережившие, передумавшие и перестрадавшие Мы знали, что разговор их был серьезный, что им не

надо мешать, но все-таки Мария Львовна пришла к ним и сняла их. Лев Николаевич сидит в кресле, с чашкой в руках, на плечи накинута его желтая вязаная фуфайка, а на голове белая скуфеечка.

Сергей Николаевич уехал в тот же день. Его не стали задерживать — они повидались, по душе поговорили, он был в хорошем, благодушном настроении, которое могло легко испортиться.

***

Я думаю, ни о ком нет такой богатой литературы, как обо Льве Николаевиче. Кто только и что только не писали о нем! Писали и люди близкие, писали и те, которые едва знали его. Находились и такие, которые бранили его и писали о нем гнусные небылицы, как m-me Seuron, француженка, бывшая гувернантка Марии Львовны [72]. В моих воспоминаниях я не задаюсь целью излагать миросозерцание Льва Николаевича; в общих чертах оно известно всем. Кто не знает его взглядов на войну, на правительство, на церковь, его симпатий к народу, его строгого порицания жизни богатых и праздных людей?... Мои воспоминания потонут в море воспоминаний, часто повторяющих то же самое. Я не вела ни записей, ни дневников; вспомнить теперь все, что он говорил, я не могу. Да и раньше мне важно было схватить общий смысл выраженной им мысли и самой над ней подумать, а не так важно подробное развитие ее.

Мои записи носят характер совершенно домашний. На это я часто слышала возражение: «Несть пророк в своем отечестве». Это не совсем так. Я чтила и любила его, знала его мысли; знала, чем он живет, что его радует, что огорчает, с уверенностью могу сказать, что знала, как он отнесется к такому-то событию, такому-то поступку. Берегла его спокойствие; так бывало жалко, когда речь его прерывалась со стороны менее чутких членов семьи каким-нибудь неуместным, совсем ненужным замечанием, которое ему неприятно и нарушит его благодушное настроение. Но может быть, конечно, образ с детства горячо любимого «дяди Левочки» заслонял собою образ «Льва Толстого». Я приезжала в Ясную Поляну не для того, чтобы его послушать, с ним поговорить, а приезжала в родную, близкую мне семью и жила повседневной жизнью этой семьи и интересами всех ее членов.

Он подчас тяготился своим пьедесталом: и великому человеку хочется иногда быть не великим, а просто человеком. Я видала его и старым, и слабым, и беспомощным; видала его и невеселым, не в духе, раздраженным и любила его всяческим. «Он хоть и Павел, а человек был», говорит Иоанн Златоуст про ап. Павла. Так можно сказать и про дядю: «Он хоть и Лев Толстой, а человек был».

Но чаще всего видела его благодушно настроенным. Он любил простое, не требующее никакой обстановки веселье. Это свойство было у него общее с моей матерью; и когда они чему-нибудь радовались, смеялись, в них было что-то наивное, детское. Они любили вспоминать далекое прошлое, но никогда не вспоминали грустное, неприятное; воспоминания их были всегда светлые. Все почти дети его были музыкально одаренные; и когда молодежь с гитарами начинает петь цыганские романсы, он всегда выйдет из своего кабинета послушать, слушает с истинным удовольствием и, когда они кончат, скажет: «Ну-ка еще!» А как он иногда бывал по-детски шутлив и весел, как умел заразительно до слез смеяться! Такой смех вызывал у него Душан [73], когда вдруг с спокойным, серьезным лицом, не выражающим никакого особенного веселья, начинает плясать словенский трепак; отпляшет и так же спокойно отойдет в сторону.

Не помню, какой это был день, какой год (кажется, после Крыма), я летом была в Ясной Поляне; мы обедали на дворе под большими деревьями; был Владимир Григорьевич Четртков, моя мать; фотограф, приехавший из Москвы, должен был снять нас за обеденным столом. Все были в веселом настроении. Лев Николаевич перед этим чему-то смеялся, на него напал «смехун». Только что фотограф направил на нас свой аппарат и юркнул под свое покрывало, как дядя неудержимо расхохотался. Пришлось начинать опять сначала. Во второй раз — то же самое. В. Г. Чертков, который сидел рядом с ним, с ласковым укором в голосе сказал: «Лев Николаевич, что с вами?» У дяди сделалось сконфуженное, виноватое лицо.

— Ну, не буду, не буду больше [74].

А «нумидийская конница»? Я думаю, мало кто ее знал. «Нумидийская конница» всегда была после отъезда какого-нибудь нудного, неприятного гостя; Лев Николаевич не позволял бранить отъехавшего, но только что этот гость выходил из дома, дядя вскакивал, за ним часть детей (Мария Львовна первая), и как-то особенно подняв правую руку, на цыпочках, бесшумно и безмолвно—Лев Николаевич впереди — обегали все верхние комнаты и точно так же безмолвно возвращались на свои места; «нумидийская конница» выражала радость, что скучный гость уехал. Софья Андреевна этого шуточного веселья не понимала и относилась к нему с большой критикой. Она и смеялась от души редко.

Он любил цветы; пойдешь, бывало, гулять и принесешь ему на письменный стол букет полевых цветов; он доволен и любуется ими. Любила я вечера. Сидим мы в большой зале яснополянского дома вокруг стола; кто с работой, кто за пасьянсом. К нему в кабинет мы без особой нужды никогда не ходили, всегда боялись помешать, но если он ничем особенно не занят, то дверь туда отворена, он читает что-нибудь не серьезное или раскладывает пасьянс и прислушивается к нашему разговору; иногда выйдет, посмеется над нашей детской болтовней или сделает какое-нибудь замечание. Он очень не любил пересудов, всегда говорил, что осуждающий грешит против трех людей — против себя, против того, кого осуждает, и против того, с кем осуждает. Как-то говорили о частых случаях развода. Лев Николаевич слушал и говорит:

— Да... вот, когда я умру, про меня не будут говорить: «Толстой, знаменитый писатель», а скажут: «Какой это Толстой?» — «Да вот этот чудак, который прожил сорок лет с одной женой».

Он очень любил детей и умел с ними обращаться: «дедушка, дядя Ляля», звали они его и с радостью бежали к нему.

— Как было бы грустно жить на свете, если бы не было детей. Вот беда-то будет, как женщины забастуют и перестанут рожать, — говорил он в 1905 г., когда начались повсюду забастовки.

Он не признавал так называемого «женского вопроса», с раздражением говорил:

— Какой вопрос? Никакого вопроса нет. У женщин всегда готовое, несомненно полезное дело — дети, старики, больные, служи им — вот и весь вопрос. Вот N. интегралы и диференциалы знает, а ребенка на руках держать не умеет.

Его обычные любимые прогулки на шоссе, где он любил говорить с встречными крестьянами, в 1905 г. иногда огорчали его; настроение крестьян ему не нравилось. Как-то раз за обедом он сказал:

— Должен сознаться, что крестьяне стали какие-то неприятные, не такие, как прежде.

Сказал он это не с осуждением, а скорее с сожалением; я поняла, что это ему прискорбно, как в любимом человеке прискорбно увидать что-нибудь дурное.

После крымской болезни он уже не был таким бодрым; хотя он продолжал делать большие прогулки и пешком и верхом, но физические силы уже не те. Он часто хворает: то печень, то перебои, то стеснение в груди и боли в области сердца. Все чаще и чаще попадается в записях Душана[75]; «Сегодня Лев Николаевич слаб». Он сам говорил про себя:

— По вечерам я устаю, слаб, не могу работать. По утрам я ребенок, среди дня мне 40 лет, а вечером 76.

Раз Душан в 1905 г. нашел его в кабинете заснувшим в кресле; этого раньше не бывало. Когда он вечером выходил к нам в залу таким утомленным старичком, Душан или Мария Львовна спешили разложить карточный стол и собрать ему приятную партию в винт. Последние годы он полюбил играть в винт, но только не со всеми. Когда я приезжала, он встречал меня словами:

— Вот хорошо, будем играть в винт.

Он любил играть со мной, вероятно, потому, что я играла так же дурно и так же весело, как и он. Мы никогда не огорчались и не обижались, если оставались без двух или без трех на большом шлеме. С сыновьями он не любил играть; они играли для нас слишком серьезно и притом всегда спорили, горячились; у дяди при этом делалось жалкое, скучающее лицо. К картам прибегали еще в тех случаях, когда затевался какой-нибудь неприятный разговор с Софьей Андреевной или с кем-нибудь из сыновей. Лев Николаевич начинал раздражаться, Мария Львовна мигнет мне, и мы сейчас устраиваем винт. Он не всегда мог удержаться от раздражения, но всегда жалел об этом и часто уходил, обрывая разговор.

Но слабый ли, больной ли, старый ли, он все больше и больше горит любовью; это ощущает на себе всякий, соприкасающийся с ним. Придет ли к нему огорченный, несчастный, озлобленный — от него уходит большей частью утешенный и умиротворенный.

***

Последние годы жизнь его полна волнений и огорчений.

В 1904 г. умер дядя Сергей Николаевич. Я это лето жила у себя в деревне вдвоем с дочерью Наташей. 31 июня мы с ней сидели перед домом; она тут же в кустах варила варенье. Смотрю, к нам подходит кто-то с палочкой, с швейцарским мешком за плечами; я не сразу узнала, стала приглядываться и очень удивилась, узнав Хрисанфа Николаевича Абрикосова. Он никогда раньше у нас не был. Он пришел со станции — 5 верст — пешком; прошел прямо на задний двор и там спросил кучера, как ему пройти к дому; тот указал. Когда я с ним здоровалась, наш служащий Егор отозвал Наташу в сторону и говорит ей: «Вы бы у него документы-то спросили, мало ли теперь какой народ по дорогам шляется». Я рассказала об этом Хрисанфу Николаевичу, и мы смеялись, что его, такого миролюбивого, приняли за опасного человека, — бандита, как сказали бы теперь.

Хрисанф Николаевич сказал мне, что он приехал из Пирогова, что там моя мать, которая хочет меня видеть, и что он предложил ей за мной съездить. Он пробыл у нас два дня, после чего я с ним поехала к дяде Сергею Николаевичу.

Дядя Сергей Николаевич болел уже давно. У него были сильные головные боли, которые все приписывали невралгии. Я уже говорила

в начале моих воспоминаний о его отрицательном отношении к докторам и к медицине. Он остался верен себе и в этой болезни. Если бы не приехавший со Львом Николаевичем доктор Дмитрий Васильевич Никитин [76] (Душан Петрович Маковицкий тогда еще не жил в Ясной Поляне), который определил рак в голове, то, вероятно, так и не узнали бы, отчего он умер. Не знаю, знал ли он сам, чем он болен; может, подозревал, но никогда об этом не говорил.

Я перед этим несколько времени не видала Сергея Николаевича и нашла в нем огромную перемену. Он очень похудел, утратил свою стройность, сгорбился; но что меня болезненно поразило, это то, что у него завешан был один глаз черной тафтичкой; мне говорили, что он у него был какой-то остановившийся, неприятный, вероятно, он им ничего не видел. Но несмотря на эти перемены, он все еще был красивый, аристократический старик. Походка у него была слабая, он с трудом ходил. Как трудно было мне не выказать того волнения, которое охватило меня при виде его! Но я знала, что этого нельзя; он как-то пытливо засматривал в лицо своим одним глазом. За обедом он ел с трудом; больно ли ему было жевать, больно ли глотать, — не знаю, он не говорил. Подали тушеные опенки, он стал есть с удовольствием, но, немного погодя, отодвинул тарелку и сказал: «Как вкусно, а не могу». Сказал он с таким выражением страдания, что у меня сердце перевернулось, и я под каким-то предлогом вышла из-за стола, чтобы он не видал слез, которые я не в силах была удержать.

Спал он внизу в кабинете, на диванчике, а умываться ходил наверх по очень крутой лестнице. Так было страшно, когда он шел по этой лестнице своими слабыми, трясущимися ногами. Но он никого не слушался и долго не принимал ничьих услуг, даже своей старшей дочери Веры [77], которую очень любил и которая тогда одна жила с ним, две младшие [78] были замужем. Раз как-то вечером он по обыкновению отправился перед тем, как ложиться спать, наверх мыться (чистоплотен он был очень); немного погодя слышим мы какой-то стук и его громкий возглас. Мы думали—он упал. Вера кинулась наверх; оказалось, он опрокинул кувшин с водой, весь облился, намок. Это была его последняя попытка справляться одному. Мы настояли, чтобы он не ходил больше наверх, и поставили ему кровать в кабинете. Он, бедный, принужден был покориться и признать свою беспомощность, но это было ему очень тяжело.

От Сергея Николаевича я ездила к сыну (оба Пирогова отстояли друг от друга в версте) и приезжала всегда расстроенная, часто в слезах. Это время я сама не совсем хорошо себя чувствовала, у меня были головокружения и сердечная слабость, и сын настоял, чтобы я уехала домой. Пробыла я дней десять; когда я уезжала, Вера и моя мать просили, чтобы я прислала дочь Наташу. Все у дяди очень любили ее. Вообще Наташа умела быть полезной и приятной там, где она жила. В Ясной Поляне ее тоже очень любили, и Лев Николаевич звал ее «маленькая Лизанька». Уехала я числа 12 августа, а скончался он 25-го. Лев Николаевич был при нем последние дни и уехал 22-го, потому что в этот день было рождение Софьи Андреевны и она вызвала его. Наташа рассказывала мне, что когда он кончался, обе старушки, Марья Михайловна [79] и моя мать, сидели в гостиной такие жалкие, закутанные в черные шали; когда он скончался и им пришли сказать об этом, Марья Михайловна всплеснула руками и воскликнула: «Бурчалочка мой!»

Мне написали о его смерти уже после похорон. Сын это сделал с умыслом, потому что знал, что я приеду, а он не хотел этого.

***

В 1906 г. опасно заболела Софья Андреевна: настолько опасно, что съезжаются все дети и жизнь ее всем кажется в опасности. Она ужасно страдала; кричала от болей в животе. Вызвали д-ра Снегирева [80] и проф. Феноменова [81] из Петербурга. Снегирев определил распадающуюся опухоль и сказал, что неминуемо делать операцию, иначе очень скоро наступит смерть. Лев Николаевич пережил тяжелые минуты. Когда Снегирев спросил его, согласен ли он на операцию, он ответил уклончиво:

— Как дети и сама больная.

Решено было немедленно приступить к операции.

Я гостила тогда в Пирогове, в семье покойного Сергея Николаевича. Сын мой с женой были в Ясной Поляне, и мы знали об опасной болезни Софьи Андреевны, но не знали о предстоящей операции и были очень удивлены и взволнованы, когда получили от Коли коротенькую записку о том, что операция окончилась благополучно. Я тотчас же поехала в Ясную Поляну. Приехавши туда, я нашла полон дом народу — дети, доктора, сиделки; операция была только что сделана, и все были в повышенном, возбужденном настроении, как бывает после только что благополучно миновавшей опасности. Узнав от Марии Львовны, что дядя в кабинете, я прямо прошла к нему. Он показался мне постаревшим, осунувшимся и измученным. Я спросила его:

— Ну, что? Как Соня?

Он ответил:

— Ужасно! Послушай.

Голос его сорвался, и он не мог продолжать. Из другой комнаты был слышен равномерный, однообразный, ни на минуту неперестающий стон, от которого делалось жутко. Видеть ее, конечно, было нельзя; мне рассказывали, что она лежала на спине, без подушки, привязанная к кровати. На мой вопрос, на что можно надеяться, Снегирев ответил, что раньше трех дней ничего сказать нельзя; но мне казалось, что человек, стонущий таким образом, не может остаться жив. Я не стала задерживаться; отыскав дядю в кабинете, я простилась с ним и уехала. Я перенеслась в его душу и поняла, что он должен был испытывать. Нельзя не поить, не кормить докторов, нельзя не разговаривать с ними; но он стоял перед лицом смерти, переживал такие важные, высокие минуты, и эта окружающая его суета была ему тяжела и должна была казаться такой ничтожной, ненужной; он показался мне очень одиноким.

***

В этом же году 26 ноября, после девятилетнего счастливого супружества скончалась Мария Львовна от крупозного воспаления легких. Болела она только шесть дней. Я была тогда в Тамбове у замужней дочери. Сын мой успел написать мне только два письма; в первом извещал меня, что она заболела; во втором, что положение опасное. Я немедленно выехала, но уже не застала ее в живых; в эту ночь она скончалась. Скончалась она в Ясной Поляне, окруженная всеми своими, в полном сознании.

Мария Львовна была, не скажу — любимая дочь, но несомненно, самая близкая отцу по духу. Она понимала и любила его больше всех детей; дорожила каждым его словом, каждой его мыслью; в семье играла роль умиротворяющую. Будь она жива, может быть, многое было бы иначе; она, быть может, многое сумела бы отвратить.

Описывая в письме к Александре Андреевне Толстой свойства всех своих детей, когда они были еще маленькими, Лев Николаевич так характеризует Марию Львовну: «Маша, два года, та, с которой Соня была при смерти. Слабый, болезненный ребенок. Как молоко белое тело, курчавые волосики, большие странные голубые глаза, странные по глубокому, серьезному выражению. Очень умна и некрасива. Эта— будет одна из загадок; будет искать, страдать, ничего не найдет, но будет вечно искать самое недоступное» [82].

Удивительно, как в двухлетнем ребенке он угадал будущего человека. Она такая и была. Искала, страдала; несмотря на большую взаимную любовь, не была счастлива, потому что не могла жить так, как ей казалось нужным. Одно из главных к тому препятствий было ее очень слабое здоровье. Испортила она его непосильными работами в поле, наравне с крестьянами; во время пожара на деревне она, стоя по пояс в воде, передавала ведра. Страстно желая иметь ребенка, она никогда не могла доносить до конца. Но недуги свои переносила безропотно. Я как-то ей сказала:

— Лучше бы ты уж никогда не была в ожидании ребенка.

— Нет, хорошо так, как есть, верно это для чего-нибудь нужно, — ответила она мне.

Она была некрасива, но очень привлекательна; тонкая, лобкая, маленькие руки, маленькие ноги, нервная и живая, в ней много было женской прелести, того, что Гете назвал: «das ewig weibliche» *. Я очень ее любила; со мной она была близка, доверчива и откровенна.

Лев Николаевич спокойно и сдержанно переносил свое горе, но в Марии Львовне он потерял, конечно, очень много. Никто из детей не мог заменить ему ее. Когда д-р Щуровский пришел сказать ему, что она безнадежна, он сказал:

— Ведь она была мне другом.

В своем дневнике он записывает 28 декабря 1906 г.:

«Живу и часто вспоминаю последние минуты Маши (не хочется называть ее Машей: так не идет это простое имя тому существу, которое ушло от меня). Она сидит, обложенная подушками; я держу ее худую, милую руку и чувствую, как уходит жизнь, как она уходит. Эти четверть часа одно из самых важных, значительных времен моей жизни» [83].

В то же время он пишет моей матери: «Очень чувствую потерю Маши, но да будет воля его, как говорят у вас и я от всей души говорю» [84].

***

Силы моей матери стали тоже слабеть. Она уже не так бодра, с большим трудом выезжает из монастыря, более устает, живя «в миру», и с большей радостью возвращается в свою «тихую обитель». Долгое стояние в церкви на ней отзывается: у нее пухнут ноги, делается растяжение жил, и она должна бинтовать их. Но свои монастырские правила она исполняет так же добросовестно, не пропускает ни одной службы, только больше сидит в церкви; и дома, когда она молится по утру и на ночь, ей ставится перед киотой кресло.

И мое чувство к матери меняет свой характер. Я вижу в ней уже не бодрую, решительную, властную женщину, а слабую, беспомощную старушку; и чувство у меня к ней, как к ребенку, которого хочется поберечь, которому хочется помочь; к моей любви и уважению к ней примешивается чувство нежности и какой-то почтительной жалости.

---

* [вечно женственное]

Я стала чаще и на более продолжительное время ездить в монастырь. Мать меня трогала тем, что ухаживала за мной, выдумывала какие-то особенные постные кушанья, «чтобы ты подольше пожила». Она, как и Лев Николаевич, очень любила гулять; непременно всякий день выходила, разве только очень дурная погода задержит ее дома. Летом возьмет, бывало, свою палочку, и мы с ней идем в лес, садимся там на пенышек, и она наслаждается, любуется действительно красивым видом, слушает пение птиц и благодушествует. Любит вспоминать старину, но теперь в ее воспоминаниях нет горечи.

Любила мать ходить со мной в богадельню и в больницу, и везде ее радостно встречали: «Матушка Мария пришла». В богадельне у нее были свои любимицы — одна слепенькая, другая параличная Маша. И та и другая привлекали ее ясностью духа и кротостью, с которой переносили свое несчастье. Обе были девушки лет тридцати с лишком, крестьянки. Маша лишилась ног с детства, судя по ее рассказазам, вероятно, от простуды; иногда у нее были такие боли в ногах, что даже прикосновение одеяла причиняло ей страдания. Она действительно была необыкновенно трогательна; очень недурная собой, большие, кроткие глаза, спокойная и улыбающаяся; ей все доставляло удовольствие: принесенный цветок, рассказ о том, что видели в лесу или церкви, что слышали. Мать особенно умела с ними говорить; она никогда не вела каких-нибудь душеспасительных бесед, не говорила им о терпении, которого у них и так было достаточно, а всегда разговаривала с ними очень весело; пошутит с ними, расскажет что-нибудь забавное, посмеется и оставит их всегда веселыми и в хорошем настроении. Оттого они и встречали ее радостно. Мать говорила иногда: «Вот если бы Левочка поговорил с ними, они наверное понравились бы ему». Но не все были такие; были и сердитые, непокорные.

Больше всех моя мать сошлась с одной старой монахиней Францевой. Францева, умная, образованная старуха, гораздо старше матери, жила в монастыре давно. Живя «в миру», она воспитывала сироту-племянницу, которая была ее единственной и сильной привязанностью. По неизвестным мне причинам племянница ушла в монастырь, и тетка, чтобы не разлучаться, пошла за ней, но призвания к монашеской жизни не имела. Мать любила с ней поговорить и о заграница, и о политике. В противоположность Льву Николаевичу мать любила почитать газеты; она и в монастыре не бросила этой привычки. И начинают, бывало, две старушки за чашкой чаю рассуждать о том, что делается на белом свете, за стенами монастыря, и горячиться. Как-то Францева за что-то рассердилась на китайскую императрицу и говорит: «Я бы ее застрелила». Я не могла удержаться от смеха и говорю: «Как же это вы — монахиня — и говорите такие страшные слова, и какое вам дело до китайской императрицы?» Она с таким искренним сокрушением махнула рукой и говорит: «Ну, какая я монахиня! Ведь это мы только воображаем, что мы тут все ангелы, а вы в миру, может, гораздо лучше нас»». Но она была строгой жизни, старалась всеми силами быть хорошей монахиней и как-то раз, молясь, в церкви, сказала мне: «Так бы я всех толкнула к богу».

По вечерам я читала матери вслух «Жития святых» или еще какие-нибудь духовные книги, и часто под мое чтение она задремлет, вязанье выпадет у нее из рук (она никогда не сидела без работы), голова склонится на грудь, и кажется она мне такой жалкой, маленькой, и так люблю я ее в эти минуты.

Одно время мать как-то совсем перестала рассказывать о видениях и таинственных шумах и других явлениях, а теперь на нее опять часто находит мистическое настроение, и ей слышатся какие-то шаги,

стуки, опять предстают ее воображению какие-то таинственные образы.

Однажды, ложась спать, она рассказала мне, какое ей было страшное видение. Спальня ее сообщалась с небольшой гостиной, в которую дверь всегда была отворена. Она уже легла в постель и потушила свечу, так что обе комнаты были совсем освещены только слабым светом лампад, горевших перед образами. Вдруг она видит, что из гостиной идет человек, одетый во все черное, вроде монашеского одеяния. В дверь он прошел, не сгибаясь, но когда вошел в спальню, то ростом был до потолка. Лицо не безобразное, но выражение страшное — большие, злые, горящие глаза и недобрая улыбка; быстрыми, решительными шагами подходит к постели и протягивает ей руку; она не может оторвать от него глаз, и так и тянет ее подать ему руку, но она во-время опоминается, делает крестное знамение, и видение исчезает. Ей делается страшно, и она зовет келейницу. Была ли это галлюцинация, был ли это сон, хотя мать уверяла, что она не спала, но при этом рассказе ее большие черные глаза блестят, и она так волнуется, что ее волнение сообщается и мне, совсем не суеверной, и мне жутко уходить спать в свою комнату.

***

В 1910 г. я приехала к матери в монастырь поздней осенью. Она из наших писем знала о той драме, которая происходила в Ясной Поляне весь этот год и которая окончилась уходом и смертью Льва Николаевича. Конечно, все разговоры наши вертелись около этого предмета.

29 октября днем мы пошли с матерью походить. Погода была холодная, и было очень грязно, так что мы не выходили за ограду. Навстречу нам попалась монахиня, только что вернувшаяся из Оптиной пустыни. Она рассказала нам, что видела там Льва Николаевича, который, узнав, что она из Шамордина и туда возвращается, сказал:

— Скажите моей сестре, что я нынче у нее буду.

Нас очень взволновало это известие. То, что он решился приехать в такую пору года и в такую погоду, не предвещало ничего хорошего. Мы поспешили вернуться и стали его ждать и гадать, что мог означать его приезд. Ждали мы долго; наконец, он пришел к нам в шесть часов, когда было уже совсем темно, и показался мне таким жалким и стареньким. Был повязан своим коричневым башлыком, из-под которого как-то жалко торчала седенькая борода. Монахиня, провожавшая его от гостиницы, говорила нам потом, что он пошатывался, когда шел к нам. Мать встретила его словами:

— Я рада тебя видеть, Левочка, но в такую погоду!.. Я боюсь, что у вас дома нехорошо.

— Дома ужасно, — сказал он и заплакал.

Рассказывая о том, что у них делается дома, о той невозможной жизни, которую он вел последнее время, он так волновался, так часто прерывался слезами, что я предложила ему выпить воды, но он отказался и, помолчав немного, стал говорить спокойнее. Мы обе плакали, слушая его. Софья Андреевна совершенно измучила его ревностью к Черткову и подозрениями, что от нее что-то скрывают. Поводом к ревности были дневники, которые Лев Николаевич отдал на хранение Черткову, а не ей; поводом же к подозрениям было тайно от нее написанное духовное завещание, о чем она подозревала. Я того мнения, что это была большая ошибка, которая и ему доставила много страданий. Его мучила тайна, совершенно несвойственная его крупной, благородной душе. Жалею, что его друзья не удержали его от

этого. Достаточно было взглянуть на него, чтобы видеть, до чего этот человек был измучен и телесно и душевно. Сильное волнение вызывало обмороки, сопровождавшиеся судорогами такими сильными, что его приходилось держать, чтобы он не упал с постели. После таких припадков он на короткое время терял память. Говоря нам о своем последнем припадке, он сказал:

— Еще один такой — и конец; смерть приятная, потому что полное бессознательное состояние. Но я хотел бы умереть в памяти.

И заплакал.

Последний толчок, принудивший его уйти из Ясной Поляны, это ночные посещения Софьи Андреевны и обман, сопровождавший их. Каждую ночь она приходила в его кабинет и рылась в его бумагах на письменном столе, что-то отыскивая. Если она замечала, что он не спит, то приходила к нему в спальню и спрашивала о его здоровье, делая вид, что пришла его проведать.

— Притворялась она, должен был притворяться и я, что верю ей, а это было ужасно [85].

Мать высказала мысль, что Софья Андреевна больна; подумав немного, он сказал.

— Да, да, разумеется, но что же мне было делать? Надо было употребить насилие, а я этого не мог, вот я и ушел; и я хочу теперь этим воспользоваться, чтобы начать новую жизнь.

Мало-помалу он успокоился и сказал нам, что в гостинице Душан и А. П. Сергеенко [86]. Душан приехал с ним из Ясной Поляны, а Сергеенко позднее нагнал его в Оптиной и привез ему известие, что Софья Андреевна, узнав об его уходе (он оставил ей письмо [87]), бросилась в пруд. Мать послала за ними. Сергеенко даже не раздевался и, простившись со Львом Николаевичем, на тех же лошадях уехал обратно. Прощаясь, он спросил дядю:

— Вам здесь хорошо?

На что тот ответил:

— Да, очень!

За чаем мать стала спрашивать про Оптину пустынь. Ему там очень понравилось (он ведь не раз бывал там раньше [88]), и он сказал:

— Я бы с удовольствием там остался жить. Нес бы самые тяжелые послушания, только бы меня не заставляли креститься и ходить в церковь.

На вопрос матери, почему он не зашел к о. Иосифу, он сказал, что думал, что он «отлученного» не примет.

Весь остальной вечер он был спокоен, говорил о посторонних предметах, расспрашивал много о монастыре; как всегда, с особенным чувством умиления рассказывал об отказавшихся от воинской повинности; сказал, что думает пожить в Шамордине [89]; с интересом выслушал, что около Оптиной можно нанять отдельный домик, что там многие так устраиваются. Собираясь уходить, он спросил, что можно взять почитать? Мать сказала, что кроме книг духовного содержания у нее ничего нет.

— Самое хорошее чтение, — сказал он.

Порывшись на полках, он унес «Круг чтения» [90] и несколько книжек «Религиозно-философской библиотеки» издания Новоселова *.

---

* Я не знаю биографии Новоселова, кто он был и как познакомился со Львом Николаевичем. Одно время он был убежденным «толстовцем», потом, разочаровавшись в «толстовстве», не найдя в нем того, чего искал, обратился к православию и стал ревностным православным. Лев Николаевич относился к нему с уважением и считал его человеком искренним. Новоселов бывал у матери в монастыре и в последний раз незадолго до ее кончины [91].

Не помню сейчас, по какому поводу мать заговорила о том, как часто в монастырях «враг» смущает монахинь, являясь им то в том, то в ином виде. Между прочим, рассказала, что слышит по вечерам, когда двери уже заперты, как кто-то ходит в сенях и стучится в дверь. Уходя от нас, дядя не сразу нашел выходную дверь и говорит:

— Я, Машенька, как «враг», запутался у тебя в сенях.

Я пошла проводить его; дорогой он несколько раз повторял:

— Как твоя мать хороша, как хороша!

— А тебе не был неприятен рассказ о «враге»? — спросила я его.

— Нисколько; живя в монастыре, такое суеверие неизбежно. (Он записывает в своем дневнике 29 октября: «Самое утешительное, радостное впечатление от Машеньки, несмотря на рассказ о «враге», и милой Лизаньки. Обе понимают мое положение и сочувствуют ему) [92].

Потом спросил меня, сколько нужно платить за две комнаты в гостинице, если он тут останется; просил притти к нему к 9 часам и сказал:

— Я сделаю свою обычную прогулку и приду к вам.

На другой день в десять часов утра я зашла к нему; он лежал на диване, читал и сказал, что плохо себя чувствует, слаб и не может заниматься. Рассказал, что ходил на деревню посмотреть, нельзя ли там нанять избу, но ничего подходящего не нашел.

— Дядя, милый, трудно тебе будет жить в избе, да и не оставят тебя здесь; ведь, по словам Сергеенки, на твой след напали, и тетя Соня просила Андрюшу [93] за тобой поехать.

На это он мне сказал:

— Вы так меня утешили, так успокоили, я теперь еще больше утвердился в моем решении не возвращаться. Я не могу вернуться; пойми, в том состоянии, в каком сейчас, возвращение будет равносильно смерти. Еще одна сцена, еще один припадок — и конец!

Он очень волновался, говоря это; волновалась и я. «Бедный, — думала я, — до чего же его измучили!»

Когда спустя некоторое время я опять пришла к нему, он был уже покойнее душевно, но физически слаб и в подавленном состоянии. Поговорил со мной о новоселовских книжках, которые взял у матери; нашел некоторые интересными (особенно понравилась ему о социализме [94]) и сказал, что напишет Новоселову [95]; спросил, когда мы обедаем, какие мы получаем газеты, и сказал, что придет к обеду и почитает газеты. Вид его мне не нравился, и я зашла к Душану в номер, поговорить с ним. Душан был озабочен и сказал, что такое состояние сонливости, подавленности бывает у него перед обмороком. Когда они пришли к нам обедать, дядя выглядел гораздо лучше, был оживлен, и у меня отлегло от души. Он, судя по всему, не собирался уезжать так скоро из Шамордина; говорил, что все тут осмотрит, все мастерские, типографию. Совершенно обворожил монахиню (интеллигентную), которая последние два-три года жила у матери; он не сказал ни одного слова, которое ей было бы неприятно, так был внимателен и мягок. Мать была ужасно довольна.

Но спокойное настроение продолжалось недолго. Вечером совершенно неожиданно приехали Александра Львовна с Варварой Михайловной Феокритовой * и привезли ему письма детей и Софьи Андреевны. Письма детей были очень хорошие [96], особенно письмо Сергея Львовича. Чтение этих писем очень его взволновало; он плакал, чи-

---

* В. М. Феокритова была приглашена Софьей Андреевной для переписывания ее записок и очень подружилась с Александрой Львовной.

тая их. Стал просить, чтобы ему подробно рассказали, как Софья Андреевна кинулась в пруд. Александра Львовна сказала, что необходимо скорей ехать, потому что каждую минуту можно ожидать Софью Андреевну, которая говорила: «только бы мне привезти его, теперь я с глаз его не спущу, я спать буду около его двери». Дядя слушал молча и глубоко задумавшись; мать моя тоже примолкла. Когда Александра Львовна и Варвара Михайловна стали оживленно разговаривать, куда ехать — на юг, на Кавказ, в Бессарабию (кажется, там были толстовские колонии), он сказал:

— Все это мне не нравится.

Видя его озабоченное лицо, Александра Львовна сказала:

— Не унывай, папенька, все хорошо.

— Нет, нехорошо! — ответил он и, подумав немного, повторил:— Нехорошо.

Вскоре он ушел, сказав, что устал, что ему надо побыть одному, все обдумать. Верный Душан ни минуты не покидал его и пошел за ним. Дядя имел такой измученный вид!

Поговорив немного, мы все пошли в гостиницу. Душан сидел один над картой. Дядя был у себя, и Александра Львовна прошла к нему. Душан сказал мне, что когда Лев Николаевич выехал из Ясной Поляны, первое место, которое он назвал, было Покровское, и он только потому не поехал туда, что знал, что меня там нет. Спасибо ему за это!

Александра Львовна вышла от него печальная и задумчивая и сказала нам:

— Мне кажется, папа уже жалеет, что уехал.

Но я думаю, что она ошибалась, потому что перед самым отъездом из Шамордина он писал старшим детям в ответ на их письма: «... не могу поступить иначе» [97]. И Софье Андреевне он пишет тогда же: «Свидание наше, а тем более возвращение мое теперь совершенно невозможно» [98].

Немного погодя дядя вышел к нам; увидя Душана над картой, он сказал:

— Только ни в какую колонию, ни к каким знакомым, а просто в избу к мужикам.

Поговорив еще немного, расспросив о поездах, он ушел со словами:

— Я сейчас очень устал, спать хочу, завтра видно будет.

На этом я с ним простилась.

Мы с матерью долго разговаривали. Разговоры были печальные. Мать была очень озабочена; она ничего хорошего впереди не видела. Мне жаль было ее. Я старалась ее успокоить, но у самой было очень беспокойно на душе.

В пять часов утра я была разбужена сильным звонком. Первая моя мысль была: «Лев Николаевич заболел». Мне казалось совершенно невозможным, чтобы в его годы можно было безнаказанно вынести столько душевных волнений и физического утомления. Я вышла в переднюю и увидала Душана с фонарем, который сказал:

— Мы сейчас едем.

Он рассказал, что в три часа ночи Лев Николаевич проснулся, разбудил их и стал торопить, чтобы поспеть на восьмичасовой поезд. Душан пришел спросить, где можно нанять лошадей. Я сказала ему, что надо послать на деревню, и просила его зайти по дороге на конный двор и велеть монастырскому кучеру приехать за матерью, — гостиница была далеко, и было грязно.

Как жаль было мне будить мать, она устала, измучилась, но делать было нечего. Известие, что Лев Николаевич уезжает, взволновало ее. Но каково же было ее огорчение, когда, приехав в гостиницу, мы не нашли там ни дяди, ни Душана: они уехали с ямщиком, который привез Александру Львовну. Мы застали только ее и Варвару Михайловну. Он оставил нам записку. Вот она:

«1910 г. Окт. 31. 4 часа утра.

Милые друзья Машенька и Лизанька. Не удивляйтесь и не осудите меня за то, что мы уезжаем, не простившись хорошенько с вами. Не могу выразить вам обоим, особенно тебе, голубушка Машенька, моей благодарности за твою любовь и участие в моем испытании. Я не помню, чтобы, всегда любя тебя, испытывал к тебе такую нежность, какую я чувствовал в эти дни и с какой уезжаю».

Александра Львовна сказала нам, что он так спешил уехать, боясь, что его застанет Софья Андреевна.

На второй день его отъезда в монастыре распространился слух, что Лев Николаевич заболел, больной лежит на какой-то станции и что желает видеть о. Иосифа, оптинского старца. Я просила, пока не будет известно ничего более определенного, не говорить об этих слухах матери, которая еще не отдохнула от пережитых волнений. Но 3 ноября мы уже прочли в газетах подробное описание случившегося. В монастыре упорно держался слух, что он хочет видеть о. Иосифа и что тот едет к нему. Этот слух произвел сильное впечатление на мою мать и на всех монахинь, которые многого ждали от этого свидания, но я не верила ему.

Крупозное воспаление легких, 40° температуры—все это не предвещало ничего хорошего. Мать непременно хотела ехать в Астапово, и мне стоило большого труда отговорить ее от этого. Она плакала, говорила, что ей тут не удалось с ним проститься и что она непременно хочет его видеть. Погода была холодная, до станции Козельск было 17 верст, а по газетам мы знали, что вся семья живет в вагонах. Я просила мать отпустить меня одну.

Утром 4 ноября я выехала из монастыря в Астапово. Приехавши в Козельск на вокзал, я увидела там двух наших монахинь. На мой вопрос, что они тут делают, они сказали, что о. Иосиф едет в Астапово и что они его встречают. Действительно к вокзалу подъехала карета, но из нее вышел не о. Иосиф, а о. Варсонофий, игумен Оптинского монастыря. Иосиф был стар, хвор, и вся братия, которая очень любила его, упросила его не ехать, боясь за его здоровье. Монахини, увидав Варсонофия, были разочарованы; они познакомили меня с ним, сказали, кто я, куда и зачем еду. Мы сели в один вагон. Еще не очень старый, красивой, представительной наружности, он мне не понравился, я не нашла в нем ничего духовного. Должно быть, желая щегольнуть передо мной своим светским образованием, он заговорил о литературе, о Пушкине, Лермонтове и т. д. Я не поддерживала разговора, мне было скучно, и мысли мои были не тем заняты. Но, подъезжая к Астапову, он, видимо, начал волноваться, стал расспрашивать про семью, сказал, что едет в надежде быть принятым Львом Николаевичем, чтобы напутствовать его перед смертью, и просил меня оказать ему содействие. Я ответила, что там жена и дети, а что я тут ничего не могу. Выйдя из вагона, я потеряла его в толпе и уже больше не видала его, чему, признаюсь, была рада. После я узнала, что он не был, конечно, допущен до Льва Николаевича, кажется, не видел и Александры Львовны, а только кого-то из сыновей.

Астапово — одно из самых тяжелых воспоминаний в моей жизни. Поезд пришел вечером. Небольшой и довольно тускло освещенный зал для приезжающих был полон народа; вся эта толпа сновала взад и вперед, толкалась, и гул голосов стоял в зале. Меня сразу охватило чувство тоски и какой-то безнадежности. Я очень близорука и, хотя я знала, что здесь должен быть кто-нибудь из своих, я долго никого не могла отыскать и не знала, куда мне толкнуться. Наконец, я встретила П. А. Буланже, который и проводил меня в вагон, где были Софья Андреевна и Татьяна Львовна; тут же был и Сергей Львович. Софья Андреевна с фельдшерицей занимали маленькое купэ; я прошла прямо к ней. Она была до чрезвычайности жалка, очень похудела, с трясущейся головой, имела какой-то виноватый и растерянный вид. Увидав меня, она сейчас же стала жаловаться, что ее не пускают ко Льву Николаевичу, что она не может добиться свидания с ним, возбужденно и недружелюбно говорила о Черткове. Она показалась мне совершенно ненормальной. Фельдшерица сделала мне знак, чтобы я ушла.

От Татьяны Львовны я узнала подробности. Узнала, что положение больного почти безнадежно, что от него скрывают, что здесь Софья Андреевна и все дети; ему сказали, что Софья Андреевна, о которой он заботливо осведомлялся, в Ясной Поляне, что при ней младшие сыновья, доктор и фельдшерица. Пока есть еще хоть какая-нибудь надежда, его не хотят ничем волновать. (Он узнал только о присутствии Татьяны Львовны и Сергея Львовича, которые имели к нему доступ).

На другое утро, 5 ноября, я пошла в дом начальника станции с твердым намерением проникнуть к больному. Меня впустили. В комнате, смежной с той, в которой он лежал, меня встретила Александра Львовна. Мы молча поцеловались. Я ничего не стала спрашивать: взволнованные лица, запах лекарств, шопот, бесшумная суета сказали мне достаточно. Ко мне вышел Чертков.

— Он говорил, что ему так хорошо было у вас в монастыре, — сказал он мне.

Как отрадно было мне это слышать! Дверь в комнату Льва Николаевича была открыта. Я долго стояла и смотрела на него. Он лежал высоко на подушках, глаза были закрыты, он тяжело и громко дышал; спал ли он, был ли в забытье — я не знаю. Я уже видела его раньше в 1902 г. почти умирающим в Крыму, но теперь в выражении этого строгого лица было что-то особенное. Мне хотелось, чтобы он открыл глаза и увидал меня; мое присутствие не могло испугать его; Астапово от Козельска в четырех часах езды, и так естественно было, что я приехала. Но я так и не дождалась. Он застонал, к нему подошли Душан и Чертков, что-то стали с ним делать, и я ушла.

Когда я пошла с П. А. Буланже в зал, чтобы пообедать, на меня удручающе подействовала любопытная, равнодушная толпа; тут и фотографы, и киносъемщики, и корреспонденты; нельзя было показаться, чтобы сейчас же не начинали интервьюировать. Я наскоро пообедала и вернулась в вагон. К Софье Андреевне я старалась не ходить: при моем появлении она начинала безумолку говорить. Ей это было вредно, а мне тяжело слушать. Пришел Сергей Львович. Он был очень расстроен; поговоривши немного со мной, он сказал:

— Я часто последнее время думал о том, как будет умирать отец, но чтобы он так умирал — никогда не мог себе представить.

Как в Крыму тянуло в комнату больного, так здесь тянет к тому домику, где он умирает. Но какая разница! Там взойдешь, посмот-

ришь на него, посидишь около него, он лежит с закрытыми глазами, не видит тебя, но чувствуется какой-то мир и спокойствие. А теперь! Дверь в дом заперта изнутри; никого не пускают, не спросивши, кто это. Боятся, что войдет Софья Андреевна, от которой его тщательно оберегают. Не впускают и меня, и я с горечью думаю: «Неужели Гольденвейзер, Буланже и другие ближе ему, чем я? Ведь я люблю его, как себя помню». И вот ходишь взад и вперед перед домом в надежде услыхать что-нибудь — хорошее или дурное, но что-нибудь; неизвестность хуже всего, а сидя в вагоне, мы ничего не знаем и мало кого видим. Холодно, темно; тут и свои близкие; тут опять корреспонденты, которые, как коршуны, ждут услыхать или увидеть что-нибудь интересное; к нам подходить и нас расспрашивать они не решаются. Страшно тяжелое впечатление производит Софья Андреевна. Вся дрожащая, под руку с фельдшерицей, она то подойдет к двери, то заглянет в окно, но дверь заперта, окно завешено. Она сама создала себе такое положение, но нельзя не пожалеть ее.

Утром 6-го приехали доктора — Щуровский и Усов [99]. Осмотрев больного, они пришли в вагон к Софье Андреевне. Она начала просить, чтобы ее пустили к нему, но доктора сказали, что пока есть хоть малейшая надежда, они не могут разрешить ей этого, так как волнение, которое неизбежно при свидании с ней, может убить его; и дали ей слово, что, как только эта надежда будет потеряна, они придут за ней. Другими словами, она увидит его тогда, когда он будет без сознания и не узнает ее.

Не могу передать, как томительно проходит день. То выходишь из вагона, то опять возвращаешься. Сидим мы молча, да и о чем можно говорить? Жадно набрасываемся на всякого, приходящего «оттуда», но вести плохие: он очень страдает, бредит, беспокоен, задыхается; ему дают дышать кислородом и впрыскивают камфару. «Зачем камфару? — думаю я. — Зачем мучают, не дают жизни уйти спокойно, опять возвращают — все равно она уйдет, не удержать им ее!»

Но вот томительный день приходит к концу. Мы ложимся спать, не раздеваясь. В четыре часа утра быстро входит в вагон доктор Усов, проходит в купэ к Софье Андреевне и говорит:

— Софья Андреевна, я за вами.

Значит — умирает! Бедная Софья Андреевна растерялась, заволновалась, дрожит, не может одеться. Фельдшерица и Усов помогают ей. Он берет ее под руку и уводит. Дрожу и я — не от холода ноябрьского утра, а от волнения. По дороге подходят и другие — сыновья, друзья, и в темноте мы молча двигаемся.

Когда мы вошли в комнату, смежную с его спальней, в дверях стояла Александра Львовна; увидя мать, она сказала:

— Вы прямо идете против его желания, он не хотел ее видеть.

Это показалось мне до того чудовищно неестественным, что у меня невольно вырвалось:

— Саша, это невозможно, невозможно не пустить жену к умирающему мужу!

Мы все остались в смежной комнате. В спальне были только доктора, дети, Чертков, который за все время болезни не отходил от Льва Николаевича и которого он вызвал тотчас же по приезде в Астапово. В обеих комнатах была тишина; тишину эту нарушает Софья Андреевна. Она кому-то начинает опять возбужденно рассказывать всю историю ухода, и опять слышится имя Черткова. Неужели Александра Львовна была права, и ее не следовало пускать? Усов подошел к ней и сказал, что если она будет волноваться, то

он принужден будет удалить ее. Она замолчала. Не знаю, что произошло, позвал ли кто, сказал ли кто что, но только внезапно все встали и двинулись в спальню. Комната была маленькая, народу было много. Я пропустила вперед Софью Андреевну и детей и стояла немного позади. Тишина была мертвая. Только Софья Андреевна продолжала что-то шептать. Жутко билось сердце. Послышался глубокий вздох умирающего, опять тишина, и вдруг кто-то громко заговорил. Все кончено, беречь больше некого!

Я решила в тот же день вернуться к матери. Я знала, что она волнуется и ждет меня. Душан ежедневно посылал ей телеграммы; телеграфировал и о его кончине. Перед отъездом я пошла проститься с усопшим. Комната была почти пустая. Он лежал точно спал; выражение лица было спокойное, светлое, ни следа перенесенных страданий. Мало-помалу комната стала наполняться народом; пришли железнодорожные служащие, пришла и Софья Андреевна; она обратилась к присутствующим с какой-то речью. Я в последний раз поцеловала его руку и поспешила уйти.

На похороны мне не хотелось ехать. Я видела его и умирающим и мертвым, простилась с ним — больше мне ничего не нужно было.

Поезд приходил к Козельск поздно вечером; мать выслала за мной пролетку и монахиню. Монахиня рассказала мне, что телеграмма с известием о его кончине была получена до обедни (было воскресенье), и игуменья не тотчас отдала ее матери, а дала ей спокойно отстоять обедню.

Когда я взошла к матери, она крепко обняла меня, припала к моему плечу и как-то по-детски жалостно заплакала и сказала:

— Как жалко!

Мы проговорили с ней до глубокой ночи; она заставила меня рассказать все, до мельчайших подробностей. Очень огорчилась, что он умер, не простившись и не помирившись с Софьей Андреевной; находила, что дети должны были это устроить; ей казалось ужасным умереть и унести с собой недоброе чувство — и к кому же? к жене [100]. Пожалела что в Астапово поехал Варсонофий, а не Иосиф. Иосиф был кроткий, смиренный монах, и мать думала, что ему, может быть, не отказали бы в свидании со Львом Николаевичем. Я спросила, как отнеслись в монастыре к смерти Льва Николаевича. Мать сказала:

— Очень сочувственно, сердечно, с большим участием к Софье Андреевне и всей семье.

Мою комнату от ее спальни отделяла тонкая перегородка, и я слышала, как она долго молилась, вздыхала и плакала.

На другой день ее ждало новое огорчение. Она захотела отслужить по нем панихиду в церкви, но иеромонах отказал ей в этом, сказав, что он не может. Она рассердилась, возмутилась и огорчилась. Неужели за него нельзя молиться?

— У себя в келье молись за него, сколько хочешь, никто запретить тебе не может, — ответил он, — но в церкви нельзя молиться за человека, не признающего церкви и притом отлученного.

Мать должна была покориться, но она была огорчена и долго не могла успокоиться; в ней проснулся ее прежний мятежный, непокорный дух.

***

В 1911 г. летом мать захотела побывать на могиле Льва Николаевича. В Ясную Поляну она не поехала; ей было тяжело жить там по воспоминаниям о брате, и с Софьей Андреевной отношения были

уже нарушены; ссоры не было, но так свежо было все пережитое, а ей хотелось, может быть, в последний раз, как она говорила, пожить спокойно в родных местах. Александра Львовна очень любовно относилась к моей матери и предложила ей пожить у нее в ее небольшом имении Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны. Моя сестра приехала за ней в монастырь и проводила ее туда. Матери был уже 81 год; силы были не те, но голова была вполне свежа, и она все так же горячо воспринимала и на все отзывалась. Там же это лето жила Леночка с мужем и двумя детьми. Мать несколько раз ездила на могилу, но в Ясной Поляне не была, и Софья Андреевна была у нее только раз. Это было действительно ее последнее лето, и мне отрадно вспомнить, что она так приятно провела его. Там же поблизости жил и Владимир Григорьевич Чертков с женой; они жили дружно; их связывала любовь к умершему и воспоминание о нем.

Весной 1912 г. я проводила святую неделю в Тульской губернии у моей дочери, а сестра была в монастыре у матери. Мать все время была здорова и зиму провела хорошо. Пасха была ранняя — 25 марта, холодная и сырая. В последних числах марта сестра писала мне, что мать не совсем хорошо себя чувствует, что продолжительный и строгий пост (страстную неделю они не ели даже ничего горячего), долгое стояние в церкви изнурили ее, она немного ослабела, к тому же и простудилась. Я думала еще несколько дней побыть у дочери, а потом ехать в монастырь на смену сестре, которой нужно было возвращаться домой. Но 4 апреля я получила из монастыря тревожное письмо. Сестра писала мне, что мать заболела бронхитом, который перешел в катарральное воспаление легкого, что жар доходил один день до 40°, она бредила, и они хотели послать мне телеграмму; но что теперь ей лучше, кризис миновал, жар спал, она чувствует себя хорошо и просит есть. Сестра обещает часто и подробно писать, ничего не скрывая, и просит не беспокоиться. Письмо было написано 2-го, я же вследствие дурных дорог и дальности расстояния от почты получила его только 4-го вечером. Я не стала ждать никаких извещений и тотчас же собралась ехать.

Приехала я в Козельск 5-го в 12 часов ночи. Погода была хорошая, но дороги ужасные, везде вода, грязь, а до Шамордина ехать 15 верст. Ямщиков на станции не было, и мне сказали, что раньше утра они не будут. Пришлось всю ночь просидеть в дамской комнате. О сне, конечно, нечего было и думать; мысли были самые невеселые, мне вспомнилось Астапово, болезнь Льва Николаевича — тоже воспаление легких. Наконец, я услышала за окном дребезжание извозчичьих тарантасов; я наняла первого попавшегося и поехала. Как бесконечно длинен и томителен показался мне путь; да и ехали мы дольше обыкновенного, местами дорога была непроездная, приходилось ехать в объезд.

Чем ближе подъезжала я к монастырю, тем сильнее охватывало меня волнение и страх. Наконец, вот и монастырская ограда, монастырские ворота. Я старалась по лицам встречных монахинь угадать, что меня ждет, но спросить боялась.

Подъезжаю к домику матери — тишина, нигде никого. С замиранием сердца вхожу в сени, навстречу мне вся в слезах выходит сестра — мать скончалась в три часа утра, а было шесть; только три часа не дождалась меня. Скончалась в памяти, несколько раз спрашивала обо мне, о том, дали ли мне знать и скоро ли я могу приехать. У меня невольно вырвался упрек сестре: «Почему не телеграфировали?»

На столе в спальне лежала мать в строгом монашеском одеянии схимницы, лицо покрыто черным покрывалом, на котором вышит белый крест. В углу монашенка читала «псалтырь», ясно и громко выговаривая слова. Я подняла покрывало; таким спокойствием повеяло на меня, когда я посмотрела на это доброе, ясное, слегка улыбающееся лицо.

Вот что рассказала мне сестра о болезни и кончине матери. 25 марта она была у заутрени, разговелась, была очень покойна и довольна. Но в конце недели стала прихварывать, жаловаться на слабость и недомогание; появилось лихорадочное состояние, кашель, обнаружилось воспаление легкого; силы стали быстро падать.

В монастырях существует обычай — умирающих монахов и монахинь постригать в схиму. Когда мать слегла, к ней пришел иеромонах и предложил постричь ее. Мать не сразу согласилась; с своей необыкновенной добросовестностью она не решалась, боясь, если выздоровеет, не быть в силах исполнить всего того, что требуется от схимников — еще более строгого поста, еще более длинных молитв и невыезда из монастыря. Она попросила иеромонаха подождать в соседней комнате и дать ей подумать. Немного погодя она его позвала и сказала, что согласна. После обряда пострижения, она была очень покойна, очевидно, борьба кончилась, и она совершенно примирилась с мыслью о смерти.

— Что же, пора, я довольно пожила, — сказала она, — только страшно немного — плохо молилась, много сердилась.

Когда ей предложили принести из церкви образ Казанской божией матери, который всегда приносили в келью умирающих монахинь, она сказала:

— Что же, принесите, только ведь я не умею молиться образам так, как вы.

Образ принесли. Тяжелая ночь была только с 1-го на 2-е апреля. Температура поднялась до 40°, и она стала бредить; ей казалось, что пришел Леночкин отец.

— Pourquoi êtes-vous venu? Il ne faut pas qu'on vous voie ici, partez, partez (Зачем вы пришли? Вас не должны здесь видеть; уходите, уходите).

— С кем ты говоришь? — спросила ее сестра.

— Mais le père d'Hélène est venu; dis lui qu'il s'en aille (Отец Елены пришел, скажи ему, чтобы он ушел).

—Тут никого нет, — успокаивала ее сестра.

Немного погодя мать затихла, успокоилась. Как сильно жило в ней, после стольких лет, сознание греховности ее любви! Теперь это, может быть, покажется не только странным, но и смешным *.

Это была единственная тяжелая ночь. На другой день наступил кризис, жар стал стихать, но сил уже не было, чтобы оправиться, и она тихо и безболезненно угасала. Лекарств, возбуждающих средств никаких не давали; даже такие невинные капли, как гофманские, которые мать любила и просила, фельдшерица не дала. В монастырях не удерживают жизнь даже молодых, тем более старых монахов; там на смерть смотрят действительно как на избавление от греха, соблазнов и страданий земной жизни. Накануне смерти мать трогательно просила прощения у всех окружающих. Сестре моей,

* Слушая рассказ сестры, я подумала, что, посвящая моей матери свой рассказ «Фауст», Тургенев не предвидел, что последние слова матери будут иметь тот же смысл, что и слова героини его рассказа. Вера в бреду, глядя на того, кого любила, говорит словами Гретхен: «Wer ist an dem heiligen Ort, der da, der dort» (Что хочет он на освященном месте, этот — вон тот).

которая плакала, стоя на коленях около постели, ласково положила руку на голову и сказала:

— Прости меня, Варичка, я так часто на тебя сердилась.

Вспоминала и ждала меня:

— Лиза не едет... Когда Лиза приедет?..

За час до кончины, с помощью келейниц, сошла с постели для своей надобности, потом улеглась поудобнее, точно собираясь заснуть, положила свою «думочку» (подушечку) под щеку, закрыла глаза и затихла. Прошло некоторое время; голова соскользнула с подушки и опустилась на грудь. Фельдшерица пощупала пульс и сказала:

— Кончилась.

Так тихо, мирно и безболезненно скончалась мать, умиленная и примиренная со всеми, 6 апреля 1912 года, 82 лет — тех же лет и от той же болезни, как и Лев Николаевич.

По правилам схимница должна лежать с закрытым лицом. Утром пришла игуменья поклониться покойнице. Это была не та, при которой мать поступила в монастырь; та давно умерла. Раньше она была заведующей богадельней; очень кроткая и смиренная, она несла свое игуменство, как тяжелое послушание, как крест. Увидя мать, лежащую с открытым лицом, она опустила покрывало и просила не поднимать его. Но очень трудно было исполнить ее просьбу; всякий приходящий хотел видеть лицо покойницы, а я и сестра просили разрешение снять фотографию.

Целый день приходили монахини прощаться, но это не было неприятно, все происходило чинно, тихо. В монастырях привыкли к чинности и благообразию, там особая дисциплина; придут, положат земной поклон и уйдут; говорят шопотом. Некоторые сменяют чтиц и становятся читать «псалтырь». В первый раз в жизни читала и я; сперва было трудно, я плохо владею славянским языком, а потом наладилось; мне было приятно думать, что если бы мать меня слышала, она была бы рада. Она любила славянский язык и говорила, что евангелие и особенно псалтырь на славянском языке сильнее и образнее.

Пришла проститься с покойницей и старушка Францева. Она была уже очень стара и плохо ходила, так что ее привели под руки. Красивая и суровая старуха с умилением долго смотрела на мать:

— Какая хорошенькая лежит! Не подождала меня, раньше ушла.

С трудом сделала земной поклон и не могла встать без посторонней помощи.

К похоронам ждали Софью Андреевну и сестру Леночку, но ни та, ни другая не приехали. Софья Андреевна была нездорова, а у Леночки был болен муж, и она жила далеко, в Новочеркасске.

Игуменья предложила вынести покойницу в церковь, но нам с сестрой не хотелось, да и нужды не было — она на третий день лежала такая же, как и на первый.

Приехали из Ясной Поляны все племянники Толстые, приехал и Д. П. Маковицкий; мать любила его, а он относился к ней с большой симпатией, хотя и мало знал ее, но хорошо понимал и уважал. Он с интересом расспрашивал о том, как она умерла, и сказал:

— Как хорошо, покойно скончалась Мария Николаевна, и как страдал Лев Николаевич!

— А он очень страдал? — спросила я.

— Очень.

Сестра моя уехала вскоре после похорон, а мне захотелось пожить немного в монастыре. Мне жаль было покидать материнский

домик, где все было так уютно ею устроено, где все так напоминало ее — ее книги, ее рабочий столик, письменный, который еще принадлежал моей бабушке, ее матери; все это она перевезла из Пирогова.

Мать моя прожила в монастыре 21 год и оставила по себе самую хорошую память. Если первые годы и жаловались на ее дурной характер, на ее раздражительность, то потом, поживши с ней и узнавши ее, перестали обращать на это внимание. Как верно сказала про нее игуменья, при которой она поступила: «Характер у нее дурной, а душа у нее детская, простая». В ней ценили ее доброту, прямоту, ее необыкновенное благородство, правдивость и полное отсутствие мелочности. За все двадцать лет ни одной ссоры, ни одной сплетни, никаких дрязг; а там, где живет вместе шестьсот женщин всех возрастов, званий и характеров, это уже очень много. Мать так мало занималась чужими делами и пересудами и так много жила своей внутренней жизнью, что все мелочи чужой жизни проходили мимо ее внимания. Она никогда не была без дела, всегда чем-нибудь занята: много читала, много рукодельничала, много думала и работала над собой.

Конечно, такое покойное состояние духа далось ей не сразу, но она все больше и больше производила отрадное впечатление человека успокоившегося, нашедшего то, что он искал. Пускай ее вера была детская, пускай она была неразумная, но она помогла ей стать лучше и счастливее.

[1] Покровское — имение М. Н. Толстой в Чернском уезде, Тульской губернии, в 89 верстах от Ясной Поляны.

[2] Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891) — друг молодости Толстого, владелец имения Черемошня в Новосильском уезде, Тульской губернии. В примечаниях к «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, Лев Николаевич записал, что его дружба с Дьяковым дала ему материал для изображения дружбы Иртеньева и Нехлюдова в «Юности» (Бирюков П. И., Биография Льва Николаевича Толстого, т. I, ГИЗ, 1923, стр. 45).

[3] Мария Дмитриевна Дьякова (1850—1903) — дочь Д. А. Дьякова, в 1876 г. вышла замуж за Николая Аполлоновича Колокольцова. Покончила самоубийством в состоянии психического расстройства.

[4] Федор Васильевич Перфильев (р. 1856 г., ум. ?) — сын В. С. Перфильева (см. прим. 14). Служил членом окружного суда в Нижнем Новгороде, писал стихи (есть письмо к нему Толстого о его стихах). Кончил психическим расстройством.

[5] О Степане Васильевиче Перфильеве пока не удалось собрать никаких сведений.

[6] Барон Александр Антонович Дельвиг (1818—1882), брат поэта, женатый на Хионии Александровне, рожд. Чапкиной (1840—1903), владел имением Хитрово вблизи Покровского. М. Н. Толстая была дружна с Дельвигами и часто бывала у них с дочерьми. О Дельвигах см. в первой части Воспоминаний Е. В. Оболенской («Октябрь», 1928, № 9—10, стр. 212, 230—232). У А. А. Дельвига были дети: Раиса (р. 1859 г.), впоследствии по мужу Левицкая; Антон (р. 1861 г.), впоследствии земский начальник в Чернском уезде, Тульской губ.; Надежда (р. 1863 г.); Дмитрий (р. 1866 г., ум. в детстве); Александр (р. 1870 г.), впоследствии чернский уездный предводитель дворянства и член тульской губернской земской управы; Андрей (р. 1872 г.), впоследствии служил в Крестьянском банке; Анатолий (р. 1875 г.), впоследствии служил в тульском отделении Крестьянского банка.

[7] Андрей Николаевич Апухтин (р. 1845 г., ум. ?) — брат поэта.

[8] Пелагея Ильинична Юшкова (1804—1875) — родная тетка Толстого, сестра его отца Николая Ильича Толстого.

[9] Михаил Петрович Черинов (1838—1905) — врач терапевт, профессор Московского университета, директор Пропедевтической клиники.

[10] Григорий Антонович Захарьин (1829—1896) — знаменитый московский врач терапевт, директор Терапевтической факультетской клиники. Его советами пользовался Толстой.

[11] Письмо Толстого к Софье Андреевне о предстоящем замужестве Е. В. Оболенской, написанное 4 декабря 1870 г., напечатано в «Письмах гр. Л. Н. Толстого к жене (изд. 2-е, М., 1915, стр. 77).

[12] «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1914, стр. 265.

[13] Софья Робертовна Дьякова, рожд. Войткевич (1844—1880) — вторая жена Д. А. Дьякова.

[14] Василий Степанович Перфильев (1826—1890) — друг молодости Толстого, бывший с ним в переписке, московский губернатор в 1878—1887 гг.

[15] Александра Тимофеевна Оболенская, рожд. Афремова (1808—1878).

[16] Варвара Дмитриевна Оболенская (р. 1839 г., ум. ?), с 1878 г. была замужем за тульским врачом Эдуардом Ильичем Вигандом (р. 1826 г., ум. ?).

[17] Мария Дмитриевна Дьякова.

[18] Софья Робертовна Дьякова.

[19] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1914, стр. 230, письмо от 12 января 1872 г.

[20] Николай Леонидович Оболенский (р. 28 ноября 1872 г., ум. в 1933 г.), с 2 июня 1897 г. муж Марии Львовны Толстой.

[21] «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 594. Письмо написано 4 декабря 1872 г.

[22] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 244.

[23] Е. В. Оболенская цитирует письмо Толстого к Софье Андреевне, напечатанное в «Письмах гр. Л. Н. Толстого к жене» изд. 2-е, М., 1915, стр. 113) под 1877 г. Но датировка была сделана ошибочно: письмо в действительности было написано 28 сентября 1879 г. Толстой работал тогда над романом из эпохи Петра I, для чего и нужны ему были изыскания в архивохранилищах и библиотеках. Описываемое далее Е. В. Оболенской посещение Толстым Троице-Сергиевой лавры относится к последним числам сентября 1879 г.

[24] Елизавета Сергеевна Сухотина (1851—1902), с 1873 г. жена Николая Богдановича Фохта (р. 1851 г., ум. около 1882 г.), с 1887 г. жена московского губернатора Л. А. Баратынского.

[25] По совету Д. А. Хомякова Толстой беседовал по вопросам веры с викарием Московской епархии Алексеем Лавровым-Платоновым (1829—1890), епископом можайским, и наместником лавры, архимандритом Леонидом Кавелиным (1822—1891), а в Москве — с митрополитом московским Макарием (1816—1882). «Все трое прекрасные люди и умные, — писал он Н. Н. Страхову по возвращении в Ясную Поляну 3 октября 1879 г., — но я еще более укрепился в своем убеждении» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1914, стр. 234). Его убеждения были тогда уже антицерковные.

[26] Повидимому Толстой был не у старца, а у наместника лавры (см. выше прим. 25).

[27] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 270.

[28] Цитата взята в сокращенном виде из записи дневника Толстого от 20 октября 1905 г. В полном виде запись такова: «Очень много в нашем, в моем понимании смысла жизни (религии) условного, произвольного, неясного, иногда прямо неправдивого. Хотелось бы выразить смысл жизни как можно яснее; и если нет, то ничего не вносить в это определение неясного. — Неясно, для меня, понятие бога. Я не имею никакого права говорить про бога, про всего бога, тогда как я знаю только то, что во мне есть нечто свободное, всемогущее, хотел сказать: благое, но это качество не может быть приписано этому «нечту», так как всемогущее и свободное и единое не может не быть благим. Это сознание я знаю и могу жить в нем, и в этом перенесении в это сознание всей своей жизни есть высшее благо человека. Вот все пока» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, Гослитиздат, 1937, стр. 262).

[29] В дневнике Толстого от 24 августа 1906 г. записано: «Иногда молюсь в неурочное время самым простым образом, говорю: «Господи, помилуй», крещусь рукой, молюсь не мыслью, а одним чувством сознания своей зависимости от бога. Советовать никому не стану, но для меня это хорошо. Сейчас так вздохнул молитвенно» (Там же, стр. 238).

В письме к И. М. Трегубову от 15 апреля 1907 г. Толстой писал: «То же, что я сказал, что очень может быть, что «умирая буду креститься рукою», тоже справедливо. Я даже теперь иногда крещусь, особенно часто садясь за работу, вызывая и поддерживая в себе этим жестом с детства связанное с ним умиленно-религиозное настроение. Я знал прекрасного человека, доктора, совершенно свободомыслящего, который, умирая, показал своим воспитанникам на висевшую в углу икону. Формы не имеют никакого значения»... («Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто», М., 1911, стр. 268).

[30] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 28. Воспоминание А. А. Толстой относится к 1882 г.

[31] Цитата взята из записи Толстого в дневнике от 13 марта 1903 г. (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 54, ГИХЛ, 1935, стр. 163).

[32] Мария Александровна Шмидт (1843—1911) — убежденная сторонница взглядов Толстого, бывшая классная дама Николаевского сиротского училища в Москве. Жила личным физическим трудом на земле Т. Л. Сухотиной в 5 верстах от Ясной Поляны. Толстой 18 февраля 1909 г. записал в своем дневнике: «Я не знал и не знаю ни одной женщины духовно выше Марии Александровны». См. Горбунова-Посадова Е. Е., Друг Толстого Мария Александровна Шмидт, изд. Толстовского музея, М., 1929.

[33] Старший брат Толстого Николай Николаевич, р. 21 июня 1823 г., ум. от чахотки в Гиере (Франция) 20 сентября 1860 г.

[33а] Надежда Федоровна Громова (1859—1935), по первому мужу Толстая, по второму (с 1882 г.) Верховская.

[34] «Оба наши дяди»: Лев Николаевич и его старший брат Сергей Николаевич.

[35] Отголосок распространенных в то время предрассудков относительно «незаконнорожденных» детей можно видеть даже в некрологе М. Н. Толстой, написанном П. И. Бирюковым и напечатанном в «Русских Ведомостях», 1912 г. (№ 83 от 10 апреля). Здесь было сказано, что у М. Н. Толстой были только две (а не три) дочери.

[36] Переезд семьи Толстых в Москву в 1881 г. вызван был поступлением старшего сына Сергея Львовича в университет и необходимостью, как полагала Софья Андреевна, для старшей дочери Татьяны Львовны «выезжать в свет».

[37] Теперь дом № 3 по Малому Левшинскому переулку.

[38] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 334, письмо от 9—10 февраля 1882 г.

[39] Дмитрий Семенович Трифоновский (18.. — 1924) — гомеопат, доктор медицины.

[40] Митрофан Павлович Щепкин (1832—1908) — публицист, гласный московской городской думы. Был знаком с Толстым; читал корректуры «В чем моя вера» для отдельного издания 1884 г., запрещенного цензурой.

[41] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 365

[42] «Старец» Оптиной пустыни Амвросий («в миру» Александр Гренков, 1812—1891) происходил не из «купеческого звания», как пишет Е. В. Оболенская, а был сын дьячка села Большая Липовица, Тамбовской губернии.

[43] Мария Леонидовна Оболенская (р. 1874 г.). Замужем была с 1893 г. за Николаем Алексеевичем Маклаковым (1871—1918), бывшим в 1912—1915 гг. министром внутренних дел.

[44] Первые строки стихотворения Тютчева без названия.

[45] Борис Вячеславович Шидловский (1858—1919), сын Вячеслава Ивановича Шидловского и Веры Александровны Иславиной, по первому браку Кузминской, родной тетки С. А. Толстой. Был женат на графине Вере Николаевне Милорадович, рожд. Шабельской (1861—1918). В 1889 г. они оба поступили в монастыри: он — послушником в Оптину пустынь, она основала Николо-Тихвинский монастырь в Валуйском уезде Воронежской губернии, где и была игуменьей. Шидловский, пробыв в монастыре два года, вернулся к светской жизни, поступил в лейб-гвардии гусарский полк и женился на артистке, балерине Седовой; жена его осталась в монастыре.

[46] Сергей Васильевич Перлов (1835—1910) — владелец чайной фирмы под своим именем.

[47] Комната «под сводами» — одна из комнат в нижнем этаже яснополянского дома, в прежнее время (до Льва Николаевича) служившая кладовой. В ней сводчатый потолок, в который ввинчены кольца, на которых вешались мешки с провизией.

[48] В яснополянской библиотеке хранится книга: «Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодуховных отец, в нем же нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Переведено с эллино-греческого языка». 4 тома, М., Синодальная типография. В книге есть пометки Толстого.

[49] Цитаты взяты из письма Толстого к сестре от 10 апреля 1907 г. См. «Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто» М., 1911, стр. 167.

[50] Мать Толстого Мария Николаевна, рожд. княжна Волконская (1790—1830).

[51] Сообщение заимствовано из «Воспоминаний» Толстого, где он в главе I пишет про свою мать: «Самое же дорогое качество было то, что она, по рассказам прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержанна». «Вся покраснеет, даже заплачет,—рассказывала мне ее горничная,—но никогда не скажет грубого слова».

[52] Дед Толстого по матери князь Николай Сергеевич Волконский (1753—1821).

[53] В июле 1909 г. Софья Андреевна, имевшая от Толстого доверенность на издание его сочинений, выражала намерение возбудить судебное преследование

против двух издателей хрестоматий из его произведений. Взволнованный этим намерением жены, шедшим совершенно вразрез со всеми его воззрениями, Толстой просил И. В. Денисенко, гостившего тогда в Ясной Поляне, составить ему такую бумагу, в которой бы он мог объявить во всеобщее сведение, что все свои произведения, когда-либо им написанные, он передает во всеобщее пользование. Выдержки из письма И. В. Денисенко к В. Г. Черткову, рассказывающего об этом факте, напечатаны в книге: Чертков В. Г., Уход Толстого, изд. Центрального товарищества «Кооперативное издательство» и изд-ва «Голос Толстого», М., 1922, стр. 35—36.

[54] Уехав 31 октября 1910 г. из Шамордина, Толстой с своими спутниками (А. Л. Толстая, Д. П. Маковицкий и В. М. Феокритова) взяли билеты до Ростова-на-Дону, где намеревались с помощью И. В. Денисенко получить заграничные паспорта и уехать за границу.

[55] Наталья Леонидовна Оболенская (р. 1881 г.), замужем с 1905 г. за Х. Н. Абрикосовым.

[56] Михаил Леонидович (р. 1877 г.) и Георгий Леонидович (1880—1926) Оболенские.

[57] Александра Леонидовна Оболенская (р. 1876 г.), замужем с 1895 г. за И. М. Долинино-Иванским.

[58] Николай Леонидович Оболенский.

[59] По поводу выхода замуж Марии Львовны Толстой записал в дневнике 16 июля 1897 г.: «Маша вышла замуж, и жалко ее, как жалко высоких кровей лошадь, на которой стали возить воду. Воду она не везет, а ее изорвали и сделали негодной. Что будет—не могу себе представить. Что-то уродливое, неестественное, как из детей пирожки делать».

[60] Татьяна Александровна Ергольская (1792—1874) — троюродная тетка Толстого, имевшая на него большое и благодетельное влияние. «Она научила меня духовному наслаждению любви», писал он в «Воспоминаниях», где посвятил Т. А. Ергольской отдельную главу (XVI).

[61] «Гораздо лучше ничего не делать, чем делать ничего»—изречение Толстого, включенное им в его «Круг чтения» (24 июня, 1).

[62] Цитата взята из письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 11 июля 1901 г., напечатанного в выдержках в третьем томе «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, ГИЗ, 1923, стр. 39.

[63] Е. В. Оболенская ошибается, относя «крупные семейные неприятности» по роковому вопросу об отказе от авторских прав, стоившему Толстому жизни, к лету 1901 г. Эти «неприятности» состояли в том, что Софья Андреевна потребовала от Толстого подписанную им выписку из его дневника 1895 г. с просьбой к наследникам об отказе, в случае его смерти, от прав собственности на его сочинения, — и, получивши, уничтожила ее. Этот поступок был совершен Софьей Андреевной уже после возвращения из Крыма 9 октября 1902 г., как это записано в ее дневнике 10 октября 1902 г. («Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», Кооперативное издательство «Север», М., 1932, стр. 203—204).

[64] Цитата взята из письма С. А. Толстой к П. И. Бирюкову от 19 июля 1901 г., напечатанного в извлечениях в 4 томе «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, стр. 41.

[65] Цитата взята из дневника Толстого от 24 октября 1901 г. (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 54, ГИХЛ, 1935, стр. 113).

[66] Софья Андреевна Толстая (р. 1900 г.), по первому мужу Сухотина, по второму Есенина.

[67] Исаак Наумович Альтшулер (р. 1870 г.) — ялтинский земский врач, приятель Чехова.

[68] Письмо Толстого к царю, начатое в декабре 1901 г. и законченное 16 января 1902 г., было передано через вел. кн. Николая Михайловича. Было напечатано в Англии в «Свободном Слове», 1904 г., № 14, декабрь. В России в книге: «Лев Толстой и русские цари», под редакцией В. Г. Черткова, изд. книгоиздательств «Свобода» и «Единение», М., 1918, стр. 27—33.

[69] Цитата взята из «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, т. III, стр. 64.

[70] Постановление синода об отпадении Толстого от православной церкви, понятое, как отлучение его от церкви, имевшее целью вызвать враждебное к нему отношение темных масс, было опубликовано в газетах 24 февраля 1901 г.

[71] Юлия Ивановна Игумнова (р. 1871 г.) — художница, в то время жившая у Толстых и помогавшая Льву Николаевичу в его работах.

[72] Француженка Анна Серон жила гувернанткой в доме Толстых шесть лет в 80-х годах. Была удалена С. А. Толстой за то, что прибила Марию Львовну.

В воспоминаниях А. Серон, изданных в двух русских переводах («Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого». Записки Анны Серон. Перевод с немецкого А. Сергиевского, СПБ., 1895; Анна Серон, Граф Лев Толстой. Перевод с немецкого, М., 1896), много неверного и вздорного.

[73] Душан Петрович Маковицкий.

[74] Е. В. Оболенская ошибочно понимает излагаемый ею эпизод из жизни Толстого. Случай, ею описываемый, произошел 7 июля 1908 г. Толстой находился в то время в очень мрачном душевном состоянии и думал об уходе из Ясной Поляны. В особом дневнике, который он писал тогда для одного себя, он 3 июля 1908 г. записал: «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду, стыд и страдание». Затем 9 июля: «... Опять хочется уйти». 9 июля в большом дневнике: «Бесчисленное количество народа, и все это было бы радостно, если бы все не отравлялось сознанием безумия, греха, гадости роскоши, прислуги и—бедности и сверхсильного напряжения труда кругом. Не переставая мучительно страдаю от этого, и один. Не могу не желать смерти». (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 56, Гослитиздат, 1937, стр. 172, 140).

В таком душевном состоянии находился Толстой, когда 7 июля приехали фотографы из «Нового Времени» и сделали с него много снимков. «В том угнетенном состоянии, в котором он чувствует себя сегодня, — записал я в тот день в своем дневнике,—Льву Николаевичу было это, повидимому, неприятно. Он ничем не выразил своего чувства, но когда снимали всех за столом, с выдержкой в десять секунд, и все в торжественной неподвижности застыли над кушаньями, торжественность эта, очевидно, показалась Льву Николаевичу до такой степени комичной, что он не выдержал и громко фыркнул от смеха и тем испортил снимок. Стали снимать вторично — и Лев Николаевич опять не выдержал и фыркнул еще раньше, чем в первый раз (Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, изд. Толстовского музея, М., 1928, стр. 187—188).

[75] «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. См. стр. 174.

[76] Дмитрий Васильевич Никитин (р. 1874 г.) — врач, в 1902—1903 гг. живший в Ясной Поляне. С 1905 по 1929 г. был врачом Звенигородской городской больницы. Посетил С. Н. Толстого вместе со Львом Николаевичем 12 июля 1904 г.

[77] Вера Сергеевна Толстая (1865—1923).

[78] Варвара Сергеевна, по мужу Васильєва (1871—1920) и Мария Сергеевна, по мужу Бибикова (р. 1872 г.).

[79] Мария Михайловна Толстая, рожд. Шишкина (1832—1918)—жена С. Н. Толстого, цыганка.

[80] Владимир Федорович Снегирев (1847—1916) — с 1873 г. штатный доцент, акушер в Московском университете, с 1884 г. — экстраординарный профессор того же университета.

[81] Николай Николаевич Феноменов (1854—1918) — профессор Военно-медицинской академии.

[82] «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 243, письмо от 26 (?) октября 1872 г.

[83] См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, Гослитиздат, 1937, стр. 284.

[84] См. письмо Толстого к сестре от 10 апреля 1907 г.: «Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто», М., 1912, стр. 267.

[85] В «Дневнике для одного себя» Толстой записал 23 октября: «Все так же тяжело обоюдное притворство» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 58, ГИХЛ, 1935, стр. 142).

[86] Об Алексее Петровиче Сергеенко см. стр. 461.

[87] Оставленное Толстым своей жене перед его уходом из Ясной Поляны письмо напечатано в «Письмах Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 590—591.

[88] Толстой до своего последнего посещения Оптиной пустыни был в ней трижды: в 1877, 1881 и 1890 гг.

[89] Игуменья Шамординского монастыря Екатерина 4 ноября 1910 г. донесла калужскому архиерею, что Толстой 30 октября утром ходил в деревню Шамордино, расположенную близ монастыря, подыскивать себе помещение, «что было бы весьма нежелательно» («Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Собрал и редактировал Н. Н. Гусев, ГИЗ, 1929, стр. 406—407).

[90] «Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Книга вышла в двух томах в 1906—1907 гг. в издании «Посредник» и была настольной книгой Толстого в последние годы его жизни. Ежедневно он прочитывал соответствующее число «Круга чтения», находя для себя в этом чтении духовную поддержку и подкрепление.

[91] Михаил Александрович Новоселов (р. 1864 г.) — сын директора тульской гимназии. По окончании Московского университета был учителем в одной из московских гимназий. В середине 80-х годов увлекся толстовством; в 1887 г. напечатал на гектографе статью Толстого «Николай Палкин», за что был аресто-

ван и посажен в тюрьму. В 1888 г. организовал в Тверской губернии толстовскую земледельческую колонию. В 1891—1892 гг. работал с Толстым на голоде. В первой половине 90-х годов отошел к православию; в 1902 г. издал «Открытое письмо графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление св. синода». В 900-х годах выпускал серию книг под общим заголовком «Религиозно-философская библиотека». В десятом выпуске этой серии, озаглавленном «Религия и нравственность», помещены обширные выдержки из статьи Толстого под тем же названием. В разговоре о Новоселове 4 декабря 1902 г. Толстой сказал, что он человек вполне искренний, «но, — прибавил Толстой, — как у некоторых бывает болезнь боязни пространства, так есть болезнь боязни свободы мысли. Этой-то свободы и боится Новоселов» (письмо Х. Н. Абрикосова к В. Г. Черткову от 5 декабря 1902 г., архив В. Г. Черткова).

[93] Андрей Львович Толстой.

[94] Кожевников В. А., Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности.

[95] По поручению Толстого Д. П. Маковицкий писал Новоселову 30 октября 1910 г.: «Лев Николаевич у сестры в Шамординском монастыре нашел вашу «Религиозно-философскую библиотеку». Она ему чрезвычайно нравится, и он очень желал бы знать, продолжается ли она, и сколько ее номеров. И присылает вам свой привет,—если вы его помните,—добавил Лев Николаевич» («Русская Мысль», 1910, кн. 12, стр. 156).

[96] «Хорошего» в письмах детей для Толстого ничего не было, так как все они, исключая Сергея Львовича, уговаривали его вернуться в Ясную Поляну. Один только Сергей Львович писал отцу: «Я думаю, что мама нервно больна и во многом невменяема, что вам надо было расстаться (может быть, уже давно), как это ни тяжело обоим. Думаю также, что если даже с мамá что-нибудь случится, чего я не ожидаю, то ты себя ни в чем упрекать не должен. Положение было безвыходное, и я думаю, что ты избрал настоящий выход». Письма детей напечатаны в приложении к «Дневникам С. А. Толстой», М., 1936, стр. 360—362.

[97] Письмо Толстого к старшим детям — С. Л. Толстому и Т. Л. Сухотиной, написанное в Шамордине в 4 часа утра 31 октября 1910 г., напечатано в четвертом томе его «Биографии», составленной П. И. Бирюковым, стр. 238.

[98] Письмо Льва Николаевича к Софье Андреевне, написанное в Шамордине в 4 часа утра 31 октября 1910 г., напечатано в «Письмах гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 519—592.

[99] Павел Сергеевич Усов (1867—1917) — доктор медицины, приват-доцент Московского университета.

[100] «Недоброе чувство» к жене у умиравшего Толстого вряд ли было. Еще 29 октября в Оптиной пустыни Толстой записал в дневнике, что, как только он сел в вагон, у него появилась «жалость» к Софье Андреевне, но «не сомнение, сделал ли то, что должно». В записной книжке он в тот же день записал: «Только бы не согрешить. И не иметь зла. Теперь нету» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 58, ГИХЛ, 1935, стр. 124 и 143). То же пишет и Д. П. Маковицкий в своих воспоминаниях (см. стр. 454).

Приложение.

ПИСЬМО Е. В. ОБОЛЕНСКОЙ К Н. Л. АБРИКОСОВОЙ

1910 г. Июля 25. Покровское. 25-го июля 1910 г. Покровское.

Милая Наташа, я 21-го вернулась из своего путешествия. Из Пирогова я проехала в Ясную, где пробыла только 4 дня... В Ясной тоже не весело. Как всегда, когда недоразумение между людьми, то обе стороны виноваты и обе жалки; так и в данном случае, но все-таки все симпатии, вся жалость больше на стороне Льва Ник[олаевича]. Соф[ья] Андр[еевна] распустилась до невозможности. Когда я туда приехала (17-го), то острое состояние уже прошло, всеобщее возбуждение стало падать. Но перед тем было что-то ужасное, о чем, я надеюсь, ей стыдно вспомнить. Все дело в безумной ревности к Черткову и в дневниках, которые Лев Ник[олаевич] дал Черткову для выборки и не хотел дать ей. Дневники эти писаны за последние десять лет. Теперь Чертков отдал эти дневники Льву Ник[олаевичу], и тот положил их в Тулу в Гос. банк с тем, что пока он жив, никто, кроме его и Мих[аила] Сер[геевича] [1], их получить не может. Чертков это время в Телятинках; ему разрешили приехать на 2—3 недели [2]; на-днях, вероятно, уедет. Были на сцене и опиум, и пруды,

и убегала на Козловку, чтобы броситься под поезд; ползала на коленках перед Л[ьвом] Ник[олаевичем], целовала его ноги, умоляя отдать ей дневники; по целым ночам лежала в саду на траве под дождем и говорила, что только тогда встанет, когда за ней придет Л[ев] Н[иколаевич]. Бедного старика поднимали ночью с постели, и он шел за ней. После одной сцены он измученный ушел в сад, тогда она ему вдогонку крикнула: «Я выпила опиум!» — Он прибежал весь бледный, испуганный, а она объявила: «Я пошутила!» У него такая сделалась боль в сердце, что боялись, что он тут же умрет. Это было при Мих[аиле] Сер[геевиче], который во многом брал ее сторону; но тут он ей сказал: «После того, что вы нынче сделали, я ни одного слова в вашу защиту более не скажу». — Она не довольствовалась словом, данным Л[ьвом] Н[иколаевичем], что он не будет, не сказавши ей, ездить к Черт[кову], следила за ним, бегала по кустам, рассылала и подкупала людей, так что даже Иван кучер сказал: «Да что же Влад[имир] Гр[игорьевич] — баба что ли какая?» — Я описываю тебе десятую долю того, что Соф[ья] Ан[дреевна] делала и говорила; дошла до того, что обвиняла Л[ьва] Н[иколаевича] и Чер[ткова] в противоестественных отношениях. Она дошла до такого состояния, что домашние решили, что она сходит с ума, и выписали Никитина и психиатра Россолимо [3]. Я его давно и хорошо знаю, очень милый человек. Душевной болезни никакой нет, а, конечно, она своей несдержанностью довела себя до истерии, до полной потери власти над собой. Она рассердилась на меня, когда я сказала ей, что вся беда в том, что она никогда никого не боялась. Как говорила старая няня, она ни в куль, ни из куля; ни на что не согласна. Черт[ков] не хотел бывать у них, тогда она говорит, что это еще хуже, п[отому] ч[то] они будут переписываться, и за разговорами она может следить, а за перепиской — нет. И действительно, она ни на шаг от Л[ьва] Н[иколаевича] не отходит, буквально ни на шаг; садится около него; даже когда он играет в шахматы, она берет лорнетку, садится около него, дает советы; он встанет, она за ним: «Ты куда, Левочка? Ты что, Левочка?» — Ведь это прямо можно убить такого человека. В смысле медицинском доктора пользы не принесли — они были при мне, — но некоторые результаты достигнуты тем, что ей пришлось заплатить 200 рублей (она не захочет этого повторить), и потом Никитин очень определенно и строго сказал, что он нашел Льва Ник[олаевича] очень ослабевшим, перебои, сердце слабо, очень увеличена печень, и что в один такой момент он может умереть внезапно. Он действительно очень изменился: постарел на несколько лет, похудел, согнулся и очень удручен. Теперь она успокоилась, тоже жалкая, с трясущейся головой, виноватая и тем более жалкая, за ним ухаживает и не замечает, как она ему тяжела, неприятна. — Как грустно видеть, что люди сами себя так мучают; на склоне дней своих уж надо бы было дорожить друг другом, угасать дружно и спокойно. Смерти, болезни нам бог посылает, а это уж дело наших рук...

Письмо написано дочери Е. В. Оболенской Наталье Леонидовне Абрикосовой (р. 1881 г.). Выпускаем из письма два куска — в начале (после слов: «пробыла только четыре дня»...) и конец письма, касающиеся личных дел Е. В. Оболенской и ее родных.

[1] Михаил Сергеевич Сухотин.

[2] В. Г. Чертков в марте 1909 г. был выслан из Тульской губернии, где он жил на своем хуторе Телятинки в трех верстах от Ясной Поляны. Летом 1910 г. он получил разрешение вернуться в Телятинки на время пребывания там его матери Елизаветы Ивановны Чертковой. Вскоре запрещение проживать в Тульской губернии было с него снято.

[3] Григорий Иванович Россолимо (1860—1928) — невропатолог, профессор Московского университета.

СОФИЯ СТАХОВИЧ

КАК ПИСАЛСЯ «ХОЛСТОМЕР»

В 1856 г. Лев Николаевич гостил в селе Покровском у сестры своей М. Н. Толстой. В том же Мценском уезде находилось Спасское И. С. Тургенева.

31 мая Лев Николаевич пишет в своем дневнике: «В пятом часу утра поехал верхом к Тургеневу... Дом его показал мне его корни и много объяснил, поэтому примирил меня с ним...» И затем запись этого дня кончается словами: «Хочется писать историю лошади» [1].

А история истории этой лошади такова. Незадолго перед этим Лев Николаевич вез на почтовых к себе в Ясную Поляну Александра Александровича Стаховича, страстного охотника до рысистого дела и владельца конного завода в сельце Пальне Елецкого уезда Орловской губернии. Он рассказал Льву Николаевичу о замечательном по резвости рысаке «Холстомере», рожденном в заводе графа Алексея Григорьевича Орлова в селе Хреновом и изгнанном оттуда за преступные для породы пежины. Рассказывал Стахович с восторгом о табунах в хреновских степях, — степях, никогда не распаханных, поросших ковылем, о заводе с бесценными по крови лошадьми, рассаднике и гнезде всей рысистой охоты в России. После долгих разысканий, Стаховичу удалось установить, что «Холстомер» была кличка, данная графом Орловым за длинный и «просторный» ход (словно холсты меряет) вороно-пегому «Мужику 1-му», родившемуся в 1803 г., который на Шаболовском бегу в Москве выказал небывалую резвость — 200 сажен в 30 секунд. Беговая конюшня графа Орлова была на Шаболовке, его же был и ипподром, на котором происходили также и кулачные бои, до которых Алексей Григорьевич был большой охотник и, как говорит предание, часто сам участвовал в них и выходил победителем. Рассказы о его богатырской силе, о мастерстве его при заездке лошадей долго держались в Хреновом. Местное предание говорит, что сам граф никогда в Хреновом не был. Уже заезжанный на кругу молодняк переводился в Москву на Шаболовку. Стахович передавал еще Льву Николаевичу, что судьба «Холстомера» дала мысль его брату Михаилу Александровичу Стаховичу [2] написать повесть «Похождения пегого мерина», но ранняя смерть не дала ему исполнить этого намерения.

Так вот в 1856 г. Лев Николаевич собирается писать об этой лошади, а в 1863 г. в дневнике от 3 марта он пишет: «Мерин не пишется, фальшиво. А изменить не умею»... И дальше: «В Мерине все нейдет, кроме сцены с кучером сеченным и бега» [3].

И больше в дневниках о рассказе этом не упоминается. Но в том

же 1863 г. Лев Николаевич писал в мае Фету: «Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я думаю, напечатаю» [4].

Из сохранившихся оригиналов по почерку и виду бумаги все семь можно с уверенностью отнести к 60-м годам. В первом из них — план рассказа. В нем мерин является в Севастополе; и тут же Севастополь зачеркивается и заменяется словами: «Венгерская война, раны, храбрость, трусость»...

Словно ощупью приступает Лев Николаевич в плане к задуманному; а в следующей рукописи, тут же рядом (потому что бумага одинаковая, как и та, на которой набросан план, и так же сверху и снизу пробита дырочками) рассказ полился свободно, разделенный на «Песни». Первые листы не сохранились: рукопись начинается с проходящего мимо манежа Нестера, затем выпуск маток с варка, табун на пастбище и т. д. до «Вечера 1-го». Мерин является гнедо-пегим, зовется то «пегой», то «Хластомер», то «Хлостомер». Затем зачеркиваются первые строки страницы о Нестере; началом делаются слова: «Все выше и выше поднималось небо»... и т. д., и вписывается между строк заглавие: «Хлыстомер. Глава 1-ая». Видимо, не запомнив клички мерина «по уличному», Лев Николаевич, ища разъяснения для нее, придумал — Хлыстомер. Конец этой рукописи — рассказ мерина о своем происхождении — весь зачеркнут.

«Я — Хластомер, — проговорил он внятным и Мочаловским шопотом. — Аа! Аа! О! — послышалось со всех сторон...»

«Мерин не пишется, фальшиво...» (дневник 3 марта 1863 г.) беспощадно клеймит «взыскательный художник» и перечеркивает сверху донизу страницу за страницей.

Эта рукопись представляет собой работу, переписанную набело. Судить об этом можно по старательному почерку Льва Николаевича, по тому, что на ней мало помарок и слово — «который» — писано полностью, между тем, как на всех черновиках оно Толстым всегда сокращается. Исправления в этой рукописи произведены позднее, когда почерк Льва Николаевича стал крупнее, менее наклонный и более убористый. Затем Лев Николаевич задумывает писать рассказ в третьем лице и в следующих оригиналах зачеркивает *я, меня* и заменяет их словами: Хлыстомер, он: «с завода он был продан барышнику»... и т. д. Еще несколько листов черновиков с отрывочными сценами и одна копия, рукой неизвестного и совершенно безграмотного переписчика, заключают собой то, что осталось от работы над «Хлыстомером» в 60-х годах.

Прошло 20 с лишком лет. О «Хлыстомере» больше не упоминается. Наступило лето 1885 года. Софья Андреевна в первый раз самостоятельно готовила издание сочинений Льва Николаевича и захотела дать в него что-нибудь новое, еще не бывшее в печати. Она разыскала среди бумаг «Хлыстомера», но Лев Николаевич не захотел его отделывать. Он работал в это время уже в совершенно иной области и сказал: «Пусть выйдет в посмертном издании». Но Софья Андреевна не отказалась от своей мысли и взялась переписывать то, что разыскала. Большая часть того, что служило оригиналом для этого первого ее списка, как мы знаем, утрачена, и самая копия сохранилась не целиком. В ней Софья Андреевна пишет в одном месте на полях: «Здесь рассказ ведется от 3-го лица; заменяю «Хлыстомер» словом *я*, чтобы сохранить характер рассказа».

Она намеревалась напечатать повесть в этом виде. Но вскоре Лев Николаевич не только принялся за «Хлыстомера», но тотчас ему понадобились многие и точные справки (он не мог писать иначе), и он поручает Михаилу Александровичу Стаховичу, гостившему в это вре-

мя в Ясной Поляне (племяннику того, чьей памяти посвящена повесть), написать своему отцу ряд вопросов о родословной «Хлыстомера», о Хреновском заводе, о секундах нормальной и предельной резвости, о названиях выдающихся производителей рысаков и кровных и о многом другом. — «Напишите вашему отцу, — прибавляет Лев Николаевич, — что я мечтаю съездить к нему в Пальну, затеряться в его табунах».

И вот восстанавливается правильная кличка «Холстомер»; он становится из гнедо-пегого — вороно-пегим; родители его называются их настоящими прозвищами.

Началась работа.

Табун на пастбище был сперва описан в настоящем времени: «Старые (кобылы), пофыркивая на росу, прокладывают светлый следок и все выбирают такое место, где бы никто не мешал им, но уже не едят, а только закусывают». Исправлено: ... «прокладывали следок»... «выбирали место»... «не ели, а только закусывали» и т. д.

«Да, друзья мои, я не был, каким вы меня видите», — говорит Хлыстомер лошадям; и это обращение зачеркивается. Язык обрабатывается иначе. Или в другом месте: «Куда? — замахнулся он на кобылку, сунувшуюся было в ворота...» Лев Николаевич спешит исправить: — «Куда? — крикнул он, замахиваясь на кобылку» и т. д. Осуждая такого рода неправильности речи (пропуск глаголов), встречающихся у иных писателей и чаще писательниц, Лев Николаевич, бывало, с улыбкой говаривал: «Да, это те, которые пишут: — «Да неужели? — сорвалась она с пуфа».

Первая копия рукой Софьи Андреевны испещрена поправками; зачеркиваются строки за строками. Но встречается подробность о сеченном кучере, который выплакивает свою обиду Холстомеру (вероятно, обнимая его и прикладывая свое мокрое лицо к его храпу?), потому что Холстомер говорит: «Я узнал, что слезы имели приятный соленый вкус». Видно, что этим Лев Николаевич дорожит (bien trouvé *, как говорят французы); в одном из ранних конспективных набросков вставлено — «слезы солоны», и во всех дальнейших переделках эта подробность сохраняется.

Вот приемы его работы. Серпуховской осматривает табун, замечает пегого, разглядывает его, но не узнает. «Холстомер тоже не узнал своего хозяина», пишет Лев Николаевич; но тут же зачеркивает и заменяет: «тотчас же узнал своего хозяина...» и, все таки неудовлетворенный, продолжает: «вероятно узнал» и т. д.

Конец переделывался четыре раза. В первом плане он намечен словами: «Хозяин велит зарезать для собак. Лошади шарахаются около задранного». В следующем конспекте: «Пришел страшный человек (драч), он лежит. Вытащить его». Это выражение человеческой беспощадности зачеркивается и заменяется более милосердным концом: «Но было поздно. Он умер своей смертью». И опять — «табун шарахнулся и полетел». В третьей переделке собаки рвут труп Холстомера, «кобель особенно», коротким штрихом приписывает Лев Николаевич. Чувствуется, что подробность эта мелькнула перед взором художника, и он спешно занес эти слова, из которых создал бы картину. И наконец, в окончательном уже виде, еще накапливается художественной красоты: волчица со своими детенышами, и, как чудесное изваяние, стоит перед глазами читателя бурая кобылка с поднятой головой и вытянутой шеей и сквозь раздутые ноздри втягивает в себя воздух. «Насилу могли отогнать ее».

---

* [удачно схвачено]

Тургенев слышал рассказ в 56 году и сказал Льву Николаевичу: «В прошлой жизни вы, вероятно, были лошадью» [5].

Копий рукой Софьи Андреевны сохранилось две; да вряд ли их и было больше. Первая из них списывается с оригиналов и копии 60-х годов, и над нею — первая работа Льва Николаевича в 1885 г. Поправками и переделками исписаны все поля. Коренных изменений написанного первоначально — нет. Идет отделка и тонкость разработки и всюду — точность. «Конюший подъехал с хутора»: «из Чесменки» — исправляет Лев Николаевич. Углубляется и расширяется разсуждение Холстомера о собственности, хотя и в оригинале 60-х годов оно уже высказано вполне определенно. По цензурным условиям 1885 г. Льву Николаевичу пришлось даже изменить некоторые места. Среди поправок вот одна характерная, указывающая на образ мыслей Льва Николаевича: «Есть люди, которые называют других людей своими, а эти люди сильнее, здоровее и досужнее своих хозяев», писалось в 60-х годах. «Есть люди, которые других людей называют своими, а никогда не видали этих людей, и все отношение их к этим людям состоит в том, что они делают им зло», сурово добавляет Лев Николаевич в 1885 г.

И копию эту в два приема прошел он поправками; сначала черными чернилами, потом синими; теми же синими чернилами исправляется вторая и окончательная копия (в ней поправок мало, и они незначительны), и ими же дописываются последние листы повести.

Взявшись за «Холстомера», Лев Николаевич работал без перерыва и очень быстро. В обеих копиях есть кое-какие поправки и чужим почерком. Объясняется это вот как: Лев Николаевич любил лошадей и, как говорится, понимал в них; но коннозаводческого дела он не знал, и поэтому ему были неизвестны разные подробности в этой области. И вот, когда в рукописи встречаются выражения, не подходящие к специальному языку охотников о заездке, о бегах, об упряжи и т. п., они, по просьбе Льва Николаевича, свободно зачеркиваются решительной кощунственной рукой яснополянского гостя, близкого к коннозаводческому делу (sancta simplicitas *), и заменяются другими словами. Смелая эта расправа принималась Львом Николаевичем совершенно равнодушно, как законная. Вот как «просто» расправлялись в те поры в Ясной с тем, что составляет теперь неприкосновенную драгоценность для людей всего мира.

Приезжавшие в Ясную Поляну, и не расспрашивая, очень скоро узнавали, по направлению разговоров на террасе и в зале, над чем работал в то время Лев Николаевич. В эту осень дом был полон своей и приезжей молодежью, жившей особой, полной оживления, беззаботной жизнью. И вот кружок этой молодежи, «ходящий особой веселой гурьбой», звался в этом году «табунком», и в нем была своя «бурая кобылка» — затейщица всего оживления. Так отражалось на других то, что писалось «под сводами» — в кабинете Льва Николаевича в нижнем этаже яснополянского дома.

В то время не было в доме пишущих машин, и когда Софья Андреевна, перегруженная и семейными, и домашними заботами, и делами, не всегда поспевала исполнять и письменную работу, случайный гость удостаивался этой чести; и с каким наслаждением, с каким благоговением он ее исполнял! Лев Николаевич видел это и знал.

«Вот вам петушок», сказал он, мягкими, неслышными шагами, входя в комнату и с веселой улыбкой подавая для переписывания исписанные им утром листки «Холстомера». Полушутя, Лев Николаевич в

---

* [святое простодушие]

то время называл художественное писание игрушкой и забавой. Но тут же он серьезно прибавил: «Каким трудом дается мне то, над чем я работаю последние годы. А взялся за художественное — и полилось легко и вольно; точно, купаясь в реке, я поплыл размашисто».

Принеся на другой день в кабинет ко Льву Николаевичу переписанные листы, тот же случайный переписчик застал его за работой. «Все петушки», говорил Лев Николаевич, указывая ему на лежащие на письменном столе уже исписанные листки.

— А вот этот, погодите... — сказал он и, нагнувшись, продолжал писать, не быстро ведя перо по бумаге. Он написал еще несколько строчек, поставил точку, подписал: *Лев Толстой* и, с доброй улыбкой взглянув на восторженное лицо стоявшего перед ним, передал ему листок со словами: — Еще петушок и... (он сделал паузу) уж последний.

Так был окончен «Холстомер».

После долгих лишений с каким восторгом был принят этот художественный рассказ, появившийся в 1886 г. в третьем томе пятого издания сочинений Толстого.

«Дай бог здоровья Софье Андреевне, что благодаря ей мы прочли эту чудеснейшую вещь!» — говорил старый ценитель литературы. «Сердцу охотника лестно, что чутье Толстого подсказало ему, что Холстомер — не собачье мясо, как говорит народная поговорка; что не одни собаки его жрали, клевали воронье да коршуны, а что львиную часть его мяса перетаскала волчица своим «Ромулу и Рему».

От редакции.

Государственным Литературным музеем приобретено письмо графа Алексея Григорьевича Орлова Чесменского от 17 сентября 1807 г. к управляющему его конным заводом в селе Хреновом Ивану Никифоровичу Кабанову. Письмо, посвященное разным хозяйственным делам, заканчивается следующими словами: «Хорошо што ты похваляешь молодых в упряшке не вели их заторапливать в езде взятые ж лошади мною сюда все переменились к лутчему один Холстомер не совсем еще исправился нередко приталкивает а Воронец обегает кобылку А. А. Чесменского дай боже чтоб вы здоровы были доброхотный тебе гр. А. Орлов Чесменский».

[1] Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 47, Гослитиздат, 1937, стр. 77—78.

[2] Михаил Александрович Стахович (ум. 1858 г.) — писатель, автор сцен из народной жизни и стихотворений оригинальных и переводных.

[3] Гусев Н. Н., Толстой в расцвете художественного гения, изд. Толстовского музея, М., 1927, стр. 15.

[4] Фет А., Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, стр. 418.

[5] Заимствовано из статьи К[ривенко] С. Н., Из воспоминаний («Исторический Вестник», 1890, № 2, стр. 275—276). В мае 1881 г. Кривенко слышал от Тургенева следующий рассказ: «Однажды мы виделись с ним летом в деревне и гуляли вечером по выгону недалеко от усадьбы. Смотрим, стоит на выгоне старая лошадь самого жалкого и измученного вида: ноги погнулись, кости выступили от худобы, старость и работа совсем как-то пригнули ее, она даже травы не щипала, а только стояла и отмахивалась хвостом от мух, которые ей досаждали. Подошли мы к ней, к этому несчастному мерину, и вот Толстой стал его гладить и, между прочим, приговаривать, что тот, по его мнению, должен был чувствовать и думать. Я положительно заслушался... Я не выдержал и сказал: «Послушайте, Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лошадью».

А. С. БУТКЕВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

Предлагаемые воспоминания А. С. Буткевича интересны уже тем, что автор является, после смерти В. Г. Черткова, старейшим из друзей Толстого.

Анатолий Степанович Буткевич впервые посетил Толстого по возвращении из ссылки в конце июня 1886 г. С того времени идейная его близость к Толстому не прекращалась. В ряде писем к И. Б. Файнерману Толстой отзывался об А. С. Буткевиче, как о близком ему человеке. Так, в июне 1887 г. Толстой писал Файнерману: «От Буткевича получил письмо. Посылаю вам его. Какой хороший» (Т е н е р о м о И., Воспоминания о Толстом и его письма, изд. редакции журнала «Образование», СПБ., без указания года, стр. 178). В другом письме, в сентябре того же года, Толстой писал: «Буткевичи такие же твердые и кроткие» (там же, стр. 180). Наконец, в апреле 1891 г. Толстой писал: «Анатолий живет с братом в Русанове. Он столярничает и все так же кроток и умен» (стр. 160).

В 1889 г. А. С. Буткевич поселился в основанной И. Б. Файнерманом земледельческой общине в Глодоссах, Елизаветградского уезда, Херсонской губернии. После распадения общины в 1891 г. А. С. Буткевич некоторое время занимался столярничеством, переходя от одного крестьянина к другому; затем всецело посвятил себя пчеловодному делу, сделавшись одним из крупнейших специалистов в этой области. Ему принадлежат работы: «Самоучитель пчеловодства», изд. «Деревенская жизнь и крестьянское хозяйство», М., 1905; «Систематическая энциклопедия пчеловодства», Тула, 1928—1929 и др.

Воспоминания А. С. Буткевича рисуют Толстого, главным образом, эпохи середины 80-х годов и преимущественно в его отношении к социально-экономическим вопросам. С этой же стороны преимущественно рисует А. С. Буткевич и образы последователей Толстого, давая в этом отношении ряд новых данных, не встречающихся у других мемуаристов. В этом значение этих воспоминаний, несмотря на встречающиеся в них и указанные нами в соответствующих местах хронологические неточности.

Воспоминания А. С. Буткевича содержат четыре главы, заимствованные из его обширных мемуаров, переданных им в Литературный музей. Предисловие написано им специально для нашего издания.

В тексте А. С. Буткевича нами с разрешения автора сделаны некоторые сокращения и стилистические изменения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я родился в 1859 г. Детство провел в имении родителей в с. Русанове, Тульской губернии. В 1869 г. я поступил в тульскую гимназию, но, не осилив греческой грамоты, перешел в орловское реальное училище в пятый класс. Пробыв в Орле в пятом и шестом классах четыре года, я перешел в только что открывшийся 7-й класс тульского реального училища, где и кончил курс.

Орловский период знаменателен в моей жизни тем, что там я получил так сказать свое идейное крещение. Среди учащейся молодежи Орла тогда работали пропагандисты Зайчневский и Арцыбушев. Среди учеников старшего класса нашего училища образовался кружок саморазвития. По особой программе мы читали и обсуждали прочитанное, собираясь где-нибудь в потаенных местах. Орел я оставил в 1879 г., а в 1880 г. поступил на первый курс лесного отдела Петровской земледельческой академии.

Среди студентов Академии в то время революционные течения были довольно ярко выражены. Я с двумя товарищами примкнул к народовольцам-террористам. Кроме народовольцев были еще чернопередельцы, подготовлявшие переворот с низов. Наш кружок, заведя гектограф и приискав в глухом месте дачу-особняк, занялся печатанием прокламаций, которые распространялись в Туле среди рабочих моим братом и его товарищами, учениками старшего класса гимназии.

В октябре 1881 г. нас двоих арестовали, третий товарищ скрылся. В апреле после пятимесячного одиночного заключения я был выслан в Туринск, Тобольской губернии, на пять лет. В ссылке у меня и многих из моих товарищей, не пристроившихся ни к какому делу, было много свободного времени. Мы много читали, кто мог — писал рефераты. Устраивались литературные и драматические вечера. Здесь, в ссылке, я впервые познакомился с идейно-религиозными произведениями Л. Н. Толстого. Помнится, в каком-то журнале помещались отрывки из «Так что ж нам делать?» Они, вместе с некоторыми личными впечатлениями, заставляли шевелиться мысль в другом направлении.

Вернувшись из ссылки досрочно в 1886 г. с тем, чтобы пятый год отбыть под надзором тульской полиции, я поспешил увидаться с Л. Н. Толстым, о чем и рассказывается в моих мемуарах.

I

ПЕРВОЕ МОЕ ЗНАКОМСТВО СО ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ТОЛСТЫМ

Познакомившись еще в ссылке с новыми взглядами Толстого по отрывкам из его статьи о переписи, напечатанным в одном из журналов и потом вошедшим в «Так что же нам делать?»[1], я тогда же почувствовал к ним интерес и влечение, как к чему-то близкому и родному. Каждая строка дышала человечностью, дух братства и мира веял от этих строк. А душа моя тогда как раз из лагеря враждующих и смятенных рвалась к широте и миру. В Туле от близких я узнал, что Толстой охотно принимает у себя в Ясной Поляне всех интересующихся его учением. И у меня созрело намерение непременно до отъезда в деревню побывать в Ясной Поляне. Ведь от Тулы это всего 15 верст, а из деревни неизвестно еще когда выберешься.

Это было так давно. Посещение это было записано, но тетрадку я кому-то неосторожно дал, и она затерялась. Поэтому здесь я могу передать только немногое из беседы и общее от нее впечатление, причем не могу поручиться, что не перепутаю, прихватив кое-что из следующих моих посещений Ясной Поляны, а их было не мало. Я редко ходил или ездил в Ясную Поляну один. Все больше с кем-нибудь. В компании веселее, да и разговор при лишних репликах получается более оживленный. В этот раз я, кажется, был в Ясной с братом Андреем [2], который приехал из Москвы перед переездом всех наших в деревню.

На осведомление в доме, где можно видеть Льва Николаевича, нам сказали, что он на лугу, и указали, как пройти. С понятным трепетом мы ждали свидания с великим человеком, светочем гуманитарной мысли. На лугу шла полка сорных трав, в каковой работе принимал участие и Лев Николаевич. Он стоял к нам спиной. Широкая спина и блуза, мокрая от пота. Когда он обернулся к нам, на нас ласково смотрели глубокие серые глаза. Сначала немножко испытующе, но как только он узнал, кто мы такие, его лицо осветилось приветливым выражением. Конечно, ко мне он отнесся с особенным интересом, как к вернувшемуся из политической ссылки.

— А у меня, — сказал он, — как раз на-днях (вы немного его не застали) был американский путешественник, исследователь Сибири Кеннан [3]. Он много интересного и хорошего рассказал мне о политических ссыльных. Он с ними беседовал, и они произвели на него хорошее впечатление. Он везет с собой много любопытного материала. Вот, может быть, и вы расскажете мне о своих тюремных мытарствах и жизни в ссылке? Конечно, не сейчас, а со временем. Ведь я надеюсь, мы еще будем видеться. А мне как раз этот материал может понадобиться для одной литературной вещи, которую я задумал.

Дело шло о романе «Воскресение», который у него тогда назревал [4]. Беседа наша сначала шла на лугу. Мы взялись помогать в работе, и, помню, я так усердствовал, что незаметно сорвал себе кожу с мизинца правой руки.

Разговор зашел на тему о хороших сторонах социалистического учения в смысле его конечных идеалов, но осуществлять их, по мнению Толстого, надо не теми путями. Этой терпимостью и широтою, желанием найти общие точки соприкосновения Лев Николаевич нас особенно к себе привлек, и мы оставили Ясную Поляну, унося в сердцах тихое, благоговейно-радостное настроение. Мысль, что вот мы сейчас беседовали с мировым гением, возвышала нас в наших собственных глазах, но хорошо возвышала, обязывая быть достойными того расположения и внимания, которые мы встретили с его стороны.

В руках у нас были печатные экземпляры «Исповеди» и «В чем моя вера» (кажется, отпечатано было каким-то ученым учреждением в нескольких экземплярах) [5]. Это он дал нам для прочтения, чтобы познакомиться с его учением. «В чем моя вера» мы, кажется, даже переписали.

II

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОЕГО ЗНАКОМСТВА СО ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

Все время, пока я жил в Туле и из деревни летом, я время от времени предпринимал пешие прогулки в Ясную Поляну, иногда один,

иногда с кем-нибудь: с братом Андреем, с Влад. Вас. Рахмановым, братом его жены, тогда студентом медицинского факультета [6], или с тульскими знакомыми — Тимериным [7] или Алексеем Алексеевичем Пастуховым, который был тогда учителем в тульском ремесленном училище, а потом перевелся в белевское реальное училище [8]. Это был тихий и кроткий человек.

Помнится, как одно из таких посещений чуть не кончилось трагически; на этот раз в Ясной Поляне я был один. Пробыв по каким-то делам в Туле некоторое время, я тронулся в обратный путь, но вместо того, чтобы ехать поездом, я решил пройтись пешком в Ясную Поляну, а оттуда в Щекино (по-старому — Ясенки), где, как мы условились, должна быть за мной лошадь с хутора. Побеседовав со Львом Николаевичем до вечера, я вышел в Щекино. Лев Николаевич пошел меня проводить до деревни. Дело было зимой. Уже стемнело. Луны не было. Перед этим была метель, дорога была заметена, и в воздухе стоял какой-то туман. Сначала я находил дорогу, но в одном месте она была заметена на большое расстояние, и я ее потерял. Метнулся в одну сторону — нет дороги, в другую — тоже нет. Кто бывал в положении человека, потерявшего направление среди однообразной снежной равнины в темную безлунную ночь, тот знает то жуткое чувство, которое охватывает заблудившегося. Я начал кричать. К счастью, я отошел недалеко от деревни, Лев Николаевич услыхал меня и, зайдя к знакомому крестьянину, сказал ему, чтобы он запряг лошадь и подвез меня до Щекина. Смотрю, ко мне едет кто-то по дороге, которая, как оказалось, была недалеко, и я благополучно доехал до Щекина.

Помимо бесед со Львом Николаевичем, целью моих экскурсий в Ясную Поляну было заполучение того или другого из его крупных нелегальных произведений для прочтения и переписки. У меня тогда было свободное время, а так как заработка определенного не было, то переписанные экземпляры сбывались на сторону за плату. Кажется, я даже переписывал гектографскими чернилами, и эти вещи размножались друзьями Льва Николаевича на гектографе.

Мне трудно теперь припомнить подробности этих посещений Льва Николаевича, так как их было много, но отдельные моменты и отрывки разговоров остались в памяти. Общее впечатление радушия и приветливости, с какою всегда принимал меня Лев Николаевич, осталось во мне вполне определенное. Он, видимо, мне симпатизировал, что видно из нескольких строк одного его письма, кажется, к И. Б. Файнерману, где он отзывается обо мне, как о человеке твердом [9]. Его глубокие, проникающие в душу глаза и сейчас стоят передо мной одним из самых ярких воспоминаний; его необыкновенно светлую улыбку, иногда взволнованный голос, причем на глазах его навертывались слезы, — все это трудно забыть. Ярко врезались в память и другие моменты, когда он с юношескою горячностью и румянцем на щеках спорил с людьми других направлений, отстаивая свои взгляды.

Помню его горячий спор с его свояченицей Кузминской о спиритизме. Лев Николаевич очень волновался, отстаивая ненаучность спиритизма, его несогласие с разумным понятием о мире, где все совершается по определенным законам. Помню слова Льва Николаевича, глубоко засевшие у меня в памяти:

— Если бы я в какой-нибудь день убедился в существовании в мире непонятных сил, которые могут вмешиваться в мои повседневные дела и неожиданно мешать мне, этот день был бы последним в моей жизни. Я бы не мог ни минуты существовать при этих условиях.

Я воспроизвожу, разумеется, только общий смысл слов Льва Николаевича, а не буквально его выражения. Я тогда же подумал: вот если бы здесь сейчас находились те люди, которые обвиняют Толстого в ненаучности: они бы наверное, слыша его доводы против спиритизма, взяли назад свои обвинения.

Спор кончился раздражением с обеих сторон. Татьяна Андреевна выбежала в дверь с криком:

— Вы всех чертей подняли в моей душе!

Это был чисто женский финал, когда ничего уже нельзя было возразить, а Лев Николаевич, когда она вышла, сказал кому-то из присутствующих:

— Не удивительно, что от таких женщин мужья уходят.

О чудесах он раз высказался так:

— Есть только одно великое чудо, необъяснимое и непонятное, но которое совершается ежедневно: это — превращение входящих в наш организм неодушевленных веществ в виде пищи в нашу духовную жизнь — в мысли и чувства.

Помню и другой случай, когда Лев Николаевич, взволнованный и раскрасневшийся, как юноша, бросал молниеносные возражения на робкие реплики моего товарища по ссылке, революционера Яковлева. Это было значительно позднее — в 1891 г. Яковлев проездом посетил меня в Русанове с тем, чтобы вместе съездить в Ясную Поляну. Как он потом признавался мне, посещение его имело заднюю мысль: сбить Льва Николаевича, вывести его, так сказать, на чистую воду, но получилось совершенно обратное. Таким я еще никогда не видал Льва Николаевича. Он как будто принял безмолвный вызов, и в четверть часа Яковлев был обращен. От его революционного миросозерцания не осталось ничего. Он был искренний, правдивый человек, и когда мы возвращались из Ясной Поляны, откровенно сказал мне, что уезжает от Льва Николаевича наполовину толстовцем. Такова сила глубокого убеждения, творящая чудеса.

Но Лев Николаевич не только отвергал спиритические явления — он не признавал и таких явлений в области психики, которые стали потом достоянием науки, например, передачу мыслей через расстояние (индукцию мысли).

— Человек, — говорил он, — может мыслить так же, как и я на другом конце земного шара, но передачи мыслей не может быть.

В период начала нашего знакомства отношение Льва Николаевича к церкви было революционное. Заблуждения церковного учения были, по его мнению, сплошь сознательным обманом. Он как человек, никогда не робевший перед истиной, куда бы она ни привела его, никогда себя не обманывавший, чтобы не переживать тяжелого чувства отделения от мира, как это делал Достоевский, — он не мог понять, что люди бывают способны обманывать себя самих и заставляют себя верить так, как верит масса, чтобы не порывать свою связь с ней. Лев Николаевич всегда был чужд мертвого доктринерства. Менее чем кто-нибудь из учителей человечества он был, так сказать, ходячей доктриной, как некоторые мудрецы философской складки. Он ближе был к полным внутреннего огня, подвижным в своих настроениях пророкам библейского мира. Его за живое затрагивала всякая неправда. Но естественно, что с годами он становился спокойнее, и в одной из последних бесед в начале 900-х годов он сказал мне, что теперь бы «Критики догматического богословия»[10] не написал, считая, что такое резкое выступление против того, что люди, как ни как, считают святыней, было с его стороны ошибкой.

Раз у Льва Николаевича в числе других посетителей был известный критик Страхов, человек с консервативным направлением мыслей. Зашла речь о революционерах. Страхов сказал, что он не понимает, как это люди делаются революционерами.

— А я, — сказал на это Лев Николаевич, — наоборот, не понимаю, как можно в наше время не сделаться революционером (конечно, в смысле настроения). Вот и я не так давно подал крестьянам революционный совет. Они пришли ко мне за советом, что им делать: они все распродали, собравшись переселиться на вольные земли в Сибирь, а исправник не пускает, говорит: «Вы только разоритесь — оставайтесь лучше на местах». Они меня спрашивают: «Что нам теперь делать?» А я им на это и сказал: «А вот, когда исправник поедет в гости в карты играть, вы и выпрягите лошадей и скажите ему, что не хотите, чтобы он разорялся, что ему лучше будет дома сидеть».

Эта жизненность, полнота душевной гаммы, дающей живой отзвук на все явления окружающей жизни, в высшей степени ценная черта в общественном реформаторе, в каждом учителе жизни.

Толстой не был никогда сухим моралистом, хотя иногда и сбивался на абсолютную точку зрения, считая, например, что быть военным врачом так же дурно, как и солдатом, или что врач не должен лечить венерические болезни. Но как-то в беседе у нас зашла речь о постепенности в достижениях на пути к добру, и он (что врезалось мне в память) очень ярко и ясно развил ту мысль, что истина человеку должна открыться вся целиком, но что в стремлении к ней должны быть ступени; достигнув одной, человек переступает на другую. Истина не должна представляться известным этапом, достигнув который человек может почить на лаврах. Истина — благо — есть постоянное стремление все выше и выше, и в этом жизнь. Нам открыто направление, и по слабости нашей мы ставим себе этапы, но конец пути скрыт в бесконечности: последнего этапа нет, как нет конца времени и пространства.

Про одного из своих «последователей» (С. Д. Сытина [11]), который любил приврать, Лев Николаевич сказал нам:

— Ему надо прежде всего научиться говорить правду.

Терминов и кличек, вообще внешнего отделения себя от других, он не любил. «Толстовцы, — говорил он, — самый несносный народ».

В то время, когда я его узнал, многие из его наиболее радикальных последователей не чужды были стремления придать толстовскому движению определенную форму, привлечь к нему массы, уговаривали Льва Николаевича уйти из дома и окружить себя последователями, устроить особый нравственный Эдем. Но Лев Николаевич лучше чем кто-либо понимал, что форма, отграничение, налепление ярлыка на движение в области идеи есть его гибель; это первый шаг к церкви. Тогда всемирное значение Толстого (и не только всемирное, а и всякое) было бы сведено к нулю. Из великого Толстого, мирового гения и религиозного мыслителя, он превратился бы в маленького Пашкова или генерала Бутса. И Толстой, влияющий теперь незаметно и незримо на всю жизнь во всех ее слоях, без упоминания даже его имени, тогда, став божком кучки людей, для остальных стал бы чужим человеком.

И Лев Николаевич всегда говорил:

— Отмежеваться, запереться в монастырь, окружив себя такими же ангелами, как и сам, — значит создать себе теплицу, такие условия, при которых самому легко будет быть добрым, но никому от этого не будет тепло. Живи в миру и будь добр — вот что нужно.

И еще он говорил по адресу тех, которые много очень думали о перемене условий жизни и обстановки, ища внешних перемен, например, устремлялись в колонии, уходили из родного дома и т. п.

— Напакостили в одном месте, а идут исправлять в другое. Старайтесь быть хорошим и хорошо поступать в тех условиях, в которые вас поставила судьба.

И так он поступал и сам. Какая нелепость думать, что ему были сколько-нибудь дороги диваны их московского или яснополянского дома или лакеи! Он нес крест свой, не желая сеять озлобление и соблазны в среде близких ему людей, а когда он увидел, что от его пребывания в семье стали появляться не плюсы, а минусы, он ушел.

Отсюда уже можно понять, как Лев Николаевич был осторожен в советах молодым людям, часто к нему обращавшимся с просьбой помочь решить вопрос об устройстве своей жизни на новых началах. Он говорил в таких случаях:

— Как могу я давать советы другим относительно устройства внешней их жизни, когда моя собственная так еще неустроена?

И скорее он удерживал от решительных шагов, чем толкал на них, особенно если такой шаг был связан с причинением огорчений близким людям. Он читал нам письмо одного близкого ему по духу юноши француза, который тоже, волнуясь несогласием своей домашней жизни с христианским учением, спрашивал его, не уйти ли ему из дома. Письмо начиналось словами. «Cher Léon Nikolaewitch». Льва Николаевича всегда трогали такие письма из стран, часто очень далеких и по расстоянию, и по нравам жителей.

— Ведь вот, — говорил он, — везде одно, все идут к одному. Как это трогательно!

Больше всего ценил Лев Николаевич в людях искренность, простоту и безыскусственность, как и в литературе он относился отрицательно ко всякой ходульности и вывертам. Помню, как-то, когда я возвращался из Ясной в Тулу, какой-то мужичок предложил подвезти меня за шестьдесят копеек.

— Не надо, — говорю, — и так дойду, и шестьдесят копеек деньги.

— Как это вы хорошо сказали — просто, — заметил Лев Николаевич, который был при этом.

Еще помню, как-то в Ясную Поляну была доставлена целая кипа гравюр с лучших картин известных художников. Сюжеты картин были все идейные, нужно было к ним составить комментирующие их тексты для распространения в народе. Льву Николаевичу самому некогда было заниматься этим, и он предложил близким ему лицам, бывшим в данный момент возле него, составить эти подписи, в том числе и мне. Одна из этих гравюр была отпечатана с известной картины Ярошенко «Всюду жизнь». Железнодорожная платформа, на ней голуби, сквозь решетку окна вагона арестанты бросают голубям крошки и любуются, как они их подбирают. Ко всем картинам, которые мне дал Лев Николаевич, я написал тексты. Надписи понравились Льву Николаевичу, и, помню, он удивился, как быстро я их составил.

Но зато стихотворения мои — переложение мест из евангелия — он не одобрил. По его мнению, евангельский стиль так образцово прост, что переделки его, да еще стихами, могут только испортить его. Это был ответ на мою просьбу посодействовать напечатанию где-либо этих моих переложений. Вот копия с письма Льва Николаевича ко мне по этому поводу (первый листок письма затерялся):

«Переделки евангельских стихов стихами я считаю неправильным. Лучше они от этого не становятся, а теряют одно из важнейших свойств — простоту и даже краткость. Но это делали многие поэты, и может быть, и найдется охотник напечатать. Я предложу при случае.

«Очень жалею, что не успел перехватить у дочери евангелье. Она отдала его. Но оно скоро вернется, и тогда пришлю вам [12].

«Очень, очень жалею, что давно не виделся с вами и с Андреем Степановичем. Многое для всех нас важное и хорошее хотел бы сообщить, да не знаю, что вы знаете, чего не знаете, да в письмах писать все длинно. Скажу только, что чем дальше иду по тому пути, по которому пошел, тем радостнее и, главное, спокойнее. Прощайте пока. Дай бог вам истинного блага, т. е. сознания движения на пути и личного совершенствования и содействия установлению царства бога. Привет всем вашим. Любящий вас Л. Толстой.

3 января 1895».

Но одно из моих стихотворений, помещенное в журнале «Русское Богатство» за 1887 г., Толстому понравилось. Вот это стихотворение:

Словно в марте, ликует природа
В это утро январского дня.
Спят глубоко мятежные думы,
И легко на душе у меня.

И картины и звуки былого
В одну мощную волну слились;
Поднялась та волна и уносит
Мою душу в эфирную высь.

Сердце рвется в груди, словно хочет
Узы временной жизни порвать
И в порыве любви беспредельной
Целый мир необъятный обнять.

Утешением для меня в суровом приговоре, произнесенном Львом Николаевичем над моими переложениями из евангелия, был приговор, произнесенный им вообще над всей поэзией как формой выражения человеческих чувств и мыслей.

— Представьте себе, — говорил он, — что кто-нибудь идет по важному делу, и вдруг он по пути начал бы приплясывать, — ведь было бы очень странно. Так и стихи. Человеку надо передать другому свои мысли, а он начинает подбирать к словам рифмы. Выходит что-то несерьезное.

Для меня с этой стороны понятно отношение к поэзии Льва Николаевича, ярого врага всякого затуманивания души человека, чтобы он легче воспринял ту или другую мысль, как бы гипнотизирование в легкой форме. Поэзия прокладывает путь мыслям в душу человека, располагая ее красотою слога и рифм к восприятию. Это подкуп своего рода, и ему как глубокому поклоннику чистой идеи кажется недостойным ее, чтобы она шла такими путями. Ложь золотит свои ядовитые пилюли. Она должна рядиться, чтобы прикрыть свое уродство и пройти за истину, к восприятию которой по природе склонна душа человека. Но раз форма для мысли нужна, то почему правиль-

ную мысль не облечь в красивую форму? Почему только уродливая женщина должна носить хорошие, красивые одежды, а красивая женщина должна надевать что ни попало?.. Конечно, вычурная, ходульная поэзия, которую можно сравнить с мишурными побрякушками, нежелательна. Стиль должен быть в строгом согласии с содержанием, и если это требование соблюдено, то где же профанация?..

И проводников истины Лев Николаевич всегда понимал, как людей, не несущих в своих руках ничего, что могло бы внешне способствовать проведению истины в жизнь. Его проводник истины действует только силой самой истины, которую он воплощает в своей жизни. Его козырь один — это природная, свойственная неиспорченной душе человека жажда света, стремление к восприятию всего правдивого и отвращение ко всему ложному.

Когда бывший священник Григорий Петров был у Толстого, Толстой спросил его, что заставило его, человека все-таки интеллигентного, образованного, который не может верить в силу таинств, совершать их, надев на себя рясу, тот ответил откровенно, что к этому его побудило желание, чтобы слова его имели больше веса как исходящие от священнослужителя. Этот ответ сразу стал между ними стеной.

— После этого я решил, — говорил Лев Николаевич, — что мне нечего с ним говорить.

Да и что могло быть между ними общего? Один пользуется известными аксессуарами, чтобы усилить силу «истины» (ведь ей, бедной, нужны подпорки!), а другой с замечательной силой всего своего таланта развенчивает эти аксессуары: вместо «потир» (сосуд, употребляющийся при богослужении) говорит «чашка», иконостас называет «перегородкой» (в «Воскресении») и т. д.

И в простом народе Льва Николаевича больше всего привлекала непосредственность: никакой ходульности, никакой драпировки и фразированья. Но в отношении народа Лев Николаевич был свободен от упрека в излишней идеализации: он видел мужика со всеми его недостатками. Лучше всего видно это из его «Власти тьмы». Наоборот, в интеллигентном человеке Лев Николаевич не любил именно драпировок и фразировок: там играют роли, скрывая то, что есть, и стараясь изобразить из себя нечто другое.

Тяжелым крестом, часто непосильным для Льва Николаевича, была его семейная обстановка. Лев Николаевич в семье и вне семьи — это два разных человека. С первых же посещений он ввел меня в круг своей семьи. Побеседовав внизу в кабинете, мы отправлялись наверх к обеду. Помню, как это было затруднительно зимой, когда приходилось бывать в валенках и не было с собой сапог, так как наверху, где полы были натерты, валенки были совсем неподходящею обувью, а Софья Андреевна была часто груба с гостями Льва Николаевича, а некоторых и вовсе не принимала. Наверху Лев Николаевич бывал редко весел, и мне как-то не говорилось в обществе людей другого мира (я никогда не был светским человеком). Вот Софья Андреевна, бывало, щурится, щурится, да и брякнет:

— Ужасно не люблю мрачных людей, которые все молчат.

Конечно, от такой реплики язык еще крепче прилипал к нёбу.

В тот раз, когда мы ездили в Ясную Поляну с Яковлевым (об этом посещении я уже говорил выше), там был и Репин. Очень милый человек, приветливый, жизнерадостный и сразу как-то к себе располагающий. Вот он и говорит мне:

— Очень было бы хорошо, если бы вы могли до завтра пробыть в Ясной Поляне, мне бы хотелось снять с вас эскиз для натуры. Мне

нужно на задуманной картине изобразить святого, а вы были бы подходящей натурой.

Этот разговор был за общим столом. Графиня услыхала и сейчас же заметила:

— Скорее Аанатолий Степанович мог бы быть хорошей натурой для разбойника.

(Она видела меня иной раз летом в красной рубахе и большой соломенной шляпе, и наверное это впечатление и вызвало у нее такое обо мне представление [13]).

Воцарилось неловкое молчание, но Яковлев как человек из военных и светский сразу нашелся:

— Святой, — сказал он, — и разбойник часто имеют между собой много общего.

Мне часто приходило в голову: неужели светская дама, как графиня, была так мало одарена способностью соблюдать известный такт в обществе? Но вряд ли это можно допустить, ведь она получила аудиенцию при дворе у Александра III по поводу запрещения «Крейцеровой сонаты» [14]. Очевидно, здесь была умышленная грубость, по адресу гостей Льва Николаевича. Меня она еще все-таки жаловала, а что же с другими? Ясное дело, что Лев Николаевич не мог особенно спокойно себя чувствовать при постоянной возможности таких выходок.

Из воспоминаний секретаря Толстого Гусева видно, что между Львом Николаевичем и Софьей Андреевной часто возникали столкновения из-за его симпатии к революционерам [15].

Это покажется странным, но я полагаю, что Толстой больше всего точек соприкосновения ощущал с самыми радикальными интеллигентными течениями мысли — с анархистами. Бакунина он очень высоко ставил, хотя и считал его непоследовательным, сумбурным человеком. У него на письменном столе был портрет этого выдающегося человека. Анархистов он упрекал только в нелогичности: если власть — организованное насилие, как они утверждают, то и обратно — в насилии корень власти, и кто употребляет насилие, тот не может называться анархистом в настоящем смысле этого слова.

Писаревская теория эгоизма, когда я изложил ее Льву Николаевичу, очень ему понравилась. Писарев, как известно, признавал все человеческие поступки вытекающими из эгоистических побуждений. Если я делаю доброе дело, то только потому, что оно доставляет мне внутреннее удовлетворение или удовольствие. Если человек даже умирает за идею, то и то потому только, что в данный момент жизнь, если б он поступил иначе, для него была бы мукою, которая хуже смерти, и он из двух зол выбирает меньшее. У Толстого тоже кардинальный мотив всех поступков — благо.

Но и к народовольцам Лев Николаевич относился с глубоким уважением, видя в них по идеалам близких себе людей, сожалея лишь о том, что они идут к этим идеалам неправильными путями и что даром гибнет столько молодых сил. Он сказал, даже, что революционеры — «единственно верующие люди нашего времени» [16], понимая веру не в смысле религиозных суеверий, а как присутствие в душе человека высшего начала, которому он подчиняет свою животную природу. Социализм Лев Николаевич определял, как приложение идей христианства к решению экономических вопросов [17].

Из всех домочадцев Льву Николаевичу наиболее симпатичной и близкой к нам по душе была покойная Мария Львовна, серыми живыми глазами похожая несколько на отца. С открытым лицом, простая в обращении, она совершенно была чужда всякой салонности и

чванства, и как-то сразу устанавливались с ней товарищеские отношения.

С моей невестой, а потом женой Елизаветой Филипповной Штыкиной [18] я был в Ясной Поляне, кажется, только один раз. Конечно, наверх нас не пригласили, и мы пробыли недолго, но Лиза с Марией Львовной перекинулись несколькими словами, и сразу они почувствовали взаимную симпатию, а позднее даже переписывались [19].

В другой раз Лиза была в Ясной Поляне без меня, когда я был в деревне. Она пошла в компании знакомых молодых людей, которые задумали прогуляться в Ясную Поляну со Львом Николаевичем, возвращавшимся из Москвы через Тулу пешком. Впечатление от этого посещения она мне описала в письме, которое и привожу здесь. На счастье они все попали в такое время, когда графини не было дома, и Лев Николаевич чувствовал себя вырвавшимся на волю школьником. Держался он по-холостяцки — шутил и смеялся.

Вот это письмо с пропусками неважных мест.

«Тула. 1889 г. 8 мая.

«Дорогой Толя! Ты и не угадаешь, где я вчера была. У Льва Николаевича, дружок. А случилось это вот как: он пришел из Москвы еще с одним — Поповым [20] — и как-то встретился с Пастуховым и Дольнером [21]. Я узнала, что он будет у них, пошла, но не застала, так как он зашел к ним не надолго и не сидел, потому что там были гости. «Вот что, — говорят они, — завтра Лев Николаевич идет в Ясную, и мы с ним — провожать». И я, конечно, тоже изъявила желание итти с ними. На другой день утром я пошла к ним с Ш-ским. Мы не просидели и десяти минут, как постучался Лев Николаевич, и мы все вышли к нему. Сначала он меня не заметил, но я подошла к нему, и мое «здравствуйте, Лев Николаевич!» заставило его оглянуться, но он не сразу узнал меня и спросил, кто я. Когда я сказала свою фамилию, он вспомнил. Все тронулись в путь. Дорогой мы много с ним говорили, отделившись от остальных. Спрашивал о тебе. Затем с некоторыми оговорками спросил о наших отношениях. Я ему все рассказала. Он очень за нас порадовался. Пожелал счастья и еще больше обрадовался, когда я сказала, что не будем венчаться.

— Ну, — говорит он, — дай бог вам счастья. Дай бог!

Рассказал несколько случаев таких же. Дал некоторые советы, не прямо, а в разговоре, незаметно. Как я себя хорошо чувствовала, говоря с ним!.. И потом так как-то привыкла к нему, что точно мой отец со мной.

В Ясной мы очень долго пробыли. Пили чай, обедали, печку топили; и я так плохо истопила, что, когда подошел Пастухов и помешал, там оказалась большущая головешка. Хотя я и смеялась со всеми, но меня очень это огорчило — право...

Лев Николаевич спрашивал, будешь ли ты у него, я сказала, что сегодня напишу, что он дома, и ты наверное к нему скоро придешь. Сегодня или завтра он идет к сыну [22] и, кажется, в воскресенье будет дома. Я у него спросила, когда именно пойдет, но он мне ответил на это, что не загадывает на будущее. Мне это очень нравится».

Уже потом, при личном свидании, Лиза рассказывала мне один эпизод из этого посещения Ясной Поляны. В самовар положили варить яйца. Она как единственная представительница женского пола во всей компании была за хозяйку.

— А вы знаете, как варить яйца всмятку? — вдруг спросил Лев Николаевич. — А я вас научу. Надо положить их в самовар, а потом

заняться разговорами и, наговорившись вдоволь, вдруг: «Ах, что же это мои яйца-то!» И при этом Лев Николаевич так хорошо изобразил этот момент, забавно хлопнув себя руками по бедрам, что все рассмеялись.

— И как раз будут готовы, — прибавил он шутливо.

Не помню, говорил ли я со Львом Николаевичем о своем намерении принять участие в земледельческой колонии на юге. К такого рода шагам он относился отрицательно, а между тем этот шаг был для нас необходимым. Колония, как и все другие ей подобные, не задалась. Мы вернулись и поселились на хуторе около Русанова. Началась семейная жизнь. Нужно было зарабатывать на жизнь, и времени для посещения Льва Николаевича стало меньше.

У меня сохранилось письмо А. А. Пастухова, содержание которого я излагаю ниже. Оно было написано после распадения нашей колонии, когда мы с товарищем столярничали, переезжая из одной деревни в другую. Описывая свое свидание со Львом Николаевичем, Пастухов пишет, что застал его бодрым и оживленным (это было в 1890 г.), у него много начатых литературных вещей. Когда он передал Льву Николаевичу наш привет и сообщил ему о нашей «цыганской» жизни, Лев Николаевич сказал, что она его очень радует.

Но вот в этот период, когда наш старший сын Вениамин был еще в пеленках, Лев Николаевич устроил нам неожиданную большую радость, посетив хутор с двумя своими гостями, близкими нам по духу людьми — Алехиным (химиком) и Хохловым [23]. Они шли чертой засеки чуть ли не от самой Ясной Поляны и были в восторге от прогулки. Пробыв некоторое время на хуторе, Лев Николаевич посетил и Русаново и беседовал с моим отцом о старых, давно минувших днях Крымской кампании, в которой они оба принимали участие.

Из этого посещения у меня запечатлелся в памяти один момент. Так как в комнате было жарко и надоедали мухи, кроватка маленького Вени была перенесена в сени, где стоял и обеденный стол. Лев Николаевич подошел к кроватке Вени, когда его пеленали; он сопротивлялся, высвобождая ручонки. Лев Николаевич, посмотрев на него, сказал улыбнувшись:

— Свободолюбивый будет гражданин.

После того через 14 лет (посещение хутора было приблизительно в 1891 г.) мне довелось быть с Веней, уже юнцом, у Льва Николаевича в Ясной Поляне.

— Что же, Вениамин, устраиваешь революцию? — спросил он, улыбаясь.

— Нет, еще пока не пробовал, — ответил сын, тоже улыбнувшись.

(Между прочим, и в это посещение я опять встретил в Ясной Поляне Репина, уже значительно постаревшего, но такого же жизнерадостного. Портрет Льва Николаевича, сделанный Репиным, висел на стене в Ясной Поляне во время моих первых посещений.

— До смешного похож, — говорил Лев Николаевич про этот портрет).

Посещение Львом Николаевичем нашего хутора было увековечено Е. С. Томашевичем, мужем моей сестры, который сфотографировал всех нас на полянке около леса. Эта фотография хранится в Москве в Толстовском музее и очень ценится, так как за этот период времени она единственная. На ней сняты: 1) Алехин, 2) Хохлов, 3) Лев Николаевич, 4) Рощин — интеллигент, работавший с братом Андреем [24], 5) брат Андрей, 6) Лиза — моя жена, 7) я и 8) жена брата Андрея Евгения Васильевна Рахманова [25].

После экскурсии с Веней я был в Ясной Поляне еще раз в 1908 г. с К. Ф. Коношевичем, который тогда жил у нас на хуторе в качестве интеллигентного работника. Об этом посещении есть упоминание в дневнике Гусева [26]. После этого Лев Николаевич стал прихварывать, а меня стали поглощать пчеловодные дела и интересы. Более редкие посещения мною Ясной Поляны отчасти были обусловлены и тем, что по отношению к Льву Николаевичу была сделана с нашей стороны некоторая неловкость, о которой я после жалел. Это было перед первой революцией. По всему югу России прошла волна еврейских погромов, устраивавшихся правительством и особенно сильно разразившихся в Кишиневе, где тогда жила семья Фригоф — сестры жены. Их разгромили, и сами они едва спаслись, спрятавшись куда-то и находясь в постоянном страхе, что их убежище будет открыто, тем более, что у них были маленькие дети, которых нельзя было уговорить, чтобы они сидели тихо.

Когда мы обо всем этом узнали, то первая мысль была: надо помочь, но чем? У нас у самих тогда ничего не было, и помощь с нашей стороны могла быть самая ничтожная, совсем не соответствующая размеру бедствия. Жене пришла мысль обратиться за помощью к Льву Николаевичу, чтобы он среди своих знакомых устроил сбор. Мне очень не хотелось обращаться к нему с такой просьбой, потому что я знал, как Лев Николаевич смотрит на денежную помощь (хотя в пользу слепого М-ва [27], возвращавшегося из ссылки, он собрал некоторую сумму). Это было все равно, как если бы к часовому мастеру обратиться с просьбой подковать лошадь; но, уступая просьбам жены, я написал ему письмо, будучи заранее уверен, что ничего из этого не выйдет, кроме неприятности старику. И действительно ответ получился именно такой, какой и надо было ожидать. Это — второе письмо, которое у меня сохранилось из всех писем Льва Николаевича. В свое время я его письма передал знакомому доктору Лейтейзену, который собирался ехать к Черткову с тем, чтобы он передал их Черткову для напечатания. Но у Лейтейзена сделали обыск, он попал в тюрьму, а письма пропали.

Вот это сохранившееся у меня письмо Толстого:

«Дорогой Анатолий Степанович.

Кишиневское злодеяние меня очень поразило, и я высказал в прилагаемом письме мой взгляд на это ужасное событие [28]. Высказал я тоже в телеграмме в 30 слов в Филадельфию, в Америку, вкратце то же самое [29]. Цензурно же писать об этом я, по крайней мере, ничего не могу. Иоанн Кронштадтский прекрасно сказал то, что всякий неозверевший человек думает и чувствует [30].

Очень сожалею, что не могу исполнить вашего желания участвовать и заняться материальной помощью одному из пострадавших семейств. Не говоря о том, что для меня нет причины заняться помощью для этого, а не для другого семейства, я настолько стар и слаб и занят, что никак не могу этого сделать. Пожалуйста не сетуйте на меня за это. Очень буду рад увидать вас, если проедете в Тулу. Прошу передать привет вашей жене.

Лев Толстой».

Думаю, что Лев Николаевич понял, что побудило меня обратиться к нему с просьбой о помощи, и у него не осталось от моей просьбы дурного осадка, но мне долго после этого было неловко заезжать в Ясную Поляну.

III

ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ

1. ИСААК ФАЙНЕРМАН

Первое время моего знакомства с Львом Николаевичем совпало с наиболее активным периодом его проповеднической деятельности. Вокруг него группировались тяготевшие к нему люди, среди которых самым выдающимся лицом, несомненно, был еврейский юноша Исаак Файнерман, потом писавший в литературе свои воспоминания о Толстом под псевдонимом Тенеромо (латинский перевод его фамилии) [31]. Высокого роста, стройный, с открытым лбом под шапкою каштановых волос, с живыми серыми глазами, орлиным носом, с только что начавшей пробиваться растительностью, с улыбкой, как бы изнутри озарявшей все его лицо, с выразительной образной речью он был портретом апостола Павла в молодости, как его изображают.

Раньше он был ярым революционным агитатором, приняв даже православие, чтобы шире развить свою агитаторскую работу [33]. От этого шага, он, патриот своего народа, потом страдал и старался опять встать в его ряды, но, конечно, наталкивался иногда на преграды. Став последователем Толстого, он сохранил в отношении к окружающему миру многое из прежнего революционного периода своего миросозерцания, и Христос был ему близок, главным образом, со стороны своей обличительной проповеди. Елейного Христа церковников он считал выдумкой, искажением. К форме, жизненной обстановке он по натуре своей не мог быть безразличным; она, по его мнению, должна быть строго согласована с сущностью христианства. В этом отношении он был радикальнее Льва Николаевича и как человек выдающийся по силе воли и уму влиял на Льва Николаевича революционизирующим образом, обостряя его конфликты и с домашними, и с церковью, и с властями. Конечно, о подчинении ему Толстого не могло быть и речи: Лев Николаевич сохранял по отношению к нему свое положение, чуждое всякой партийности и сектантства, но влияние на него со стороны Файнермана, по моему мнению, было несомненно.

В спорах или пропагандируя те или другие мысли, Файнерман не горячился, не метал молний, как это бывало со Львом Николаевичем; речь его всегда была спокойная и как будто даже немного ленивая, но он обладал замечательным уменьем, найдя слабое место противника, ударить по нем тяжелым молотом своей логики, меткой образной речью и каким-нибудь картинным сравнением, ставя оппонента втупик. Например, борясь с суеверной верой в ад и рай, он, бывало, нарисует такую картину жизни там, на небе, что сразу спрофанирует все верование и поставит верующего втупик.

— Ну, а ты докажи, что твое верно, — говорил Файнерман.

Если шла речь о том, что надо жить хорошо, он спрашивал собеседника:

— А почему же, если ты говоришь, что так лучше, а живешь, как хуже? Ведь если ты пашешь сошниками вниз, а не вверх, то потому, что так лучше; а вот в своих поступках ты делаешь не как лучше, а как хуже. Почему так?

И оппонент не знал, что ответить.

Он любил говорить, что вся земля его, потому что, где только он ни поселялся, он работает на земле, и его за это кормят.

У него не было христианского всепрощения. Он был требователен и, не находя в человеке того, чего бы ему хотелось, изменял от-

ношение к нему. Он не мог стать с окружающими на братскую ногу, а всегда в нем чувствовался вожак, который запросто душу не раскроет; и тем более, как это всегда бывает с вожаками, подхватывали окружающие и подчеркивали каждый промах Исаака, низводящий его с высоты.

Но стоило только послушать его, ведущего беседы с людьми других миров, и все недостатки его сразу забывались. Он был так хорош, что хотелось броситься к нему на шею и расцеловать. Словом, человек с сильной волей, но человек внутренней борьбы, не цельный, могущий иногда и срываться.

И этим слабым местом была его семейная жизнь. С первой женой[33], слабой и красивой, которую он хотел заставить жить в деревенской хате, он разошелся, но и со второй женой[34] дело не шло гладко. Страстный, как истый сын своего народа, он умел силой своей громадной воли держать зверя на цепи, но... иногда выскакивал то клык, то хвост этого зверя, и обаяние исчезало.

Отношение к людям высших классов у него оставалось революционным. Раз мы проходили мимо барской усадьбы. Он показал на нее и сказал:

— Вот разбойничье гнездо!..

Хорош был Исаак, когда приходил в веселое настроение или был хорошо настроен к кому-нибудь. Но неровность была его отличительной чертой: восторги умиления, а потом огоньки гнева в глазах и затем холодного гнева. Помню, раз мы шли по Туле, Исаак был в шутливом настроении. На крыльце одного дома сидит фигура пропойцы высокого роста с подвязанной щекой. Была пасха. Когда мы поровнялись с ним, он приподнялся и сиплым басом провозгласил:

— Христос воскрес!

А Исаак и ответь ему на это:

— Дай бог, чтоб воскрес, — и продолжал итти.

Этот ответ, видимо, озадачил субъекта. Некоторое время он пытался понять, что бы такое это значило; потом вдруг, как бы придя в себя, заорал на всю улицу:

— Так значит, он не воскрес?..

И за нами.

Нам, конечно, ничего более не оставалось, как во избежание скандала прибавить шагу. Отягченный парами Бахуса, он за нами не погнался.

Некоторые из писем Файнермана у меня сохранились, и я приведу из них места, для него характерные.

Вот письмо, написанное в 1887 г. после того, как я был освобожден из тульского острога по делу о мнимом моем участии в тайной типографии. Я писал ему, что вышел из тюрьмы таким же бодрым, каким был раньше, и тюремное заключение не только не придавило мою душу, а даже встряхнуло меня. В ответ на это письмо Исаак писал мне из Кременчуга, куда он тогда переехал из Ясной Поляны и где занимался столярничеством:

«Милый и дорогой Анатолий Степанович!

Еще и еще раз вижу на вас подтверждение того, чем люди на самом деле живы. Когда вы сидели в клоповнике, я грустил, и страшно больно мне становилось при одном воспоминании, как-то вы теперь там, в темнице, поживаете. Вы представлялись мне тихим, страдающим и терпящим незаслуженную обиду. Никакой радости, ни воли... А я на свободе, работаю на столярном верстаке и песню затягиваю — страшно больно бывало. Но оказывается, что вы на самом деле были счастливее меня. Эка странная какая с виду вещь!.. Для всех людей

тюрьма — ужас, подобие гроба, и вдруг находятся какие-то чудаки, которые крепнут в этом несчастьи и даже радуются, что в них что-то такое, для людей непонятное и непризнаваемое, становится яснее и выше, и радость эта есть для них их личная жизнь. Какие, право, чудаки!.. И как вы меня поддержали и сейчас поддерживаете своим этим чудачеством. Милый брат мой, будем держаться только этого пути, и он приведет нас к настоящей жизни, к богу. Для нас с вами уже не нужны доказательства, что в этом истина. Для нас довольно извещать друг друга в нескольких словах: «Я спокоен и жив душою», и только. Точно, друг мой, точно, что «ныне князь мира сего побежден», что нет уже больше несчастий, ужасов и страхов этой плевой, миражной жизни.

Хочу вам сказать о Филипповне[34]. Знаете ли вы, что это за клад девка? Это страшной силы гальваническая батарея, электризующая человека. Какая светлая душа!.. Мы должны быть очень счастливы, что имеем ее за друга, а она еще называет себя нашей сестрой. Имеете ли вы от нее известия? Я имею, и все какие радостные».

Затем он пишет о наших общих знакомых, об Александре Петровиче Иванове[36], который был у него — идет пешком на Кавказ, уже пожилой человек, тоже тяготеющий к Льву Николаевичу. Прошел 1 000 верст, и как ни в чем не бывало. Кланяется мне и вспоминает с радостью.

Письмо заканчивается словами:

«Целую вас крепко, крепко, дорогой мой. Пусть светит ваша душа телу вашему и другим людям.

Ваш Исаак».

Другое письмо было из Елисаветграда, после того как наши отношения с Лизой определились. В этом письме он звал нас на юг работать вместе и принять участие в земледельческой колонии, которая была тогда мечтою некоторых из его елисаветградских друзей.

«Последние два письма ваши, дорогой мой друг и брат, получил и много радовался и сейчас радуюсь за вас обоих. Дай вам бог потрудиться для людей. Вам двоим-то куда способнее. Вы тосковали. Я вас так понимаю, так вот и переживаю вашу тоску о женской ласке. И радуюсь, что тоска эта слетела и вы будете счастливы. Ничего, нечего бояться, что обабишься. Разум светит в вас, да и Лиза не такая. Сама она еще более окрепнет и будет еще более совершенной работницей. Одно — что при вас, другое — что несомненное дело жены и матери будет делать. А она умеет это дело делать.

Милые мои, как было бы радостно, если бы мы вместе жили. Моя жена * такой же ангел, как и ваша Лиза. И всем бы нам вместе, четырем лейденским банкам, хорошо было бы жить. Я недаром сказал: «лейденские банки»...

Здесь у него проводится сравнение: как электрическая искра озонизирует воздух, и его кислород получает способность уничтожать миазмы, так и искра разума и веры уничтожает миазмы лжи, обмана и насилий, которыми полна атмосфера нашей жизни.

«Знаю, — пишет он дальше, — что хоть мы и разделены пространством, но все-таки работа наша общая. Знаю, что и не живя вместе, мы одно и то же делаем дело, тем не менее во время вот этой плотской нашей жизни хотелось бы быть вкупе, по слабости своей хотелось бы ближе чувствовать это. Жена моя тоже этого хочет. И если вы надумаете к нам приехать, приезжайте. Братья** еще не устроились

---

* Его вторая жена Аня.

** «Библейцы — евреи сектанты, признававшие Христа пророком.

на земле. Сами где-нибудь пристроимся, да из братьев прихватим кое-кого. Бабы наши будут акушерствовать (моя жена также по этой части училась в Петербурге, нужно только экзамен сдать). Вы подучитесь у меня столярному делу. Будем столярничать. Летом на земле работать. Вы можете даже и сейчас приехать. Поживем немного в городе, покуда в деревню переедем. И Лизе здесь будет легче. В отношениях к родителям она здесь не будет одна. Моя жена в том же положении — она тоже еврейка. Словом, ей будет весело. Ну и родителям, пожалуй, не так тягостно будет. Решайте, жду вас, как брата, и в ожидании мысленно целую и обнимаю вас обоих. Ваш Исаак».

Предложение его было принято. Зимой я работал с Исааком и одним «библейцем» в столярной мастерской; весной мы выехали в колонию.

А вот письмо Лизе, написанное до того, как мы написали ему о наших близких отношениях, но они уже видимо определялись. Она ему, как видно, жаловалась на условия тульской жизни, и это письмо — ответ на ее письмо. Половина, где он переходит к сообщению о своей жизни, затерялась. Это письмо ценно, как рисующее ярко его credo.

«Милая моя Филипповна!

Какою вы зрелой выглядите из письма вашего. Хорошо это и вместе с тем чего-то жаль. Вы о себе не все сказали. Если бы вы досказали. Что было с вами? Какое горе вас суше сделало? Опять не пойму, отчего это вы не занимаетесь своим акушерским делом... Вы тоскуете, жалуетесь на среду. Поверьте, моя милая и молодая душа, все это суеверия. Среда, окружающая жизнь, — это материал для нашей работы, это наше дело, а дело должно мастера бояться. Я всегда это чувствую. Когда я живу, как работник жизни и над этой жизнью, я свободен, я хозяин, а не эта самая жизнь. Среда, окружающая нас, материальные законы, всегда успеют свое взять. Мы им подчинимся, когда придет час смерти и мы безропотно протянем ноги и покорно вступим в эту огромную казарму или кухню, где нас будут муштровать разные физические и химические законы и где нас будут потрошить и поедать разные черви, а то и вороны, либо псы. Это все будет, и об этом нам заранее хлопотать нечего. А теперь мы живем, и живем мы хотя временной и даже кратковременной жизнью, но мы работники вечности, и это мы чувствуем. Зачем же мы помрачаем в себе этот свет вечности? Делать, делать и делать! Ошибки? Пущай. Кто не пашет, тот только не делает огрехов. Этим смущаться нечего. Что делать! Лишь бы дело жизни выходило из искреннего моего желания добра, и лишь бы оно точно служило делу вечной жизни.

Вот для этого только у нас разум, чтобы мы понимали, где жизнь и где смерть. Боже мой, милая, мне так жалко, что вы теперь как будто тоскующая. Были бы вместе мы, я бы вас за это хорошенько пощунял и не дал бы вам тосковать. Филипповна, друг мой, расскажите мне все откровенно, что с вами было.

А теперь я о себе...»

Конец письма не сохранился.

После распадения нашей земледельческой колонии в Глодоссах, прошедшей в наших отношениях темной тенью, я имею об Исааке очень отрывочные сведения. Одно время он, видимо, увлекался сионистским движением, даже звал нас ехать в Палестину. Потом прошел слух, что он намеревается поступить вольнослушателем в университет и что будто бы ходит в сюртуке. Не знаю, насколько было

верно последнее сообщение, но при такой увлекающейся, порывистой натуре, какая была у Исаака, можно было ждать всяких поворотов в ту или другую сторону.

2. МОЙ ТОВАРИЩ ПО ОРЛОВСКОМУ РЕАЛЬНОМУ УЧИЛИЩУ — СИМОН

Другой интеллигент, поселившийся в Ясной Поляне в качестве последователя и ученика Льва Николаевича, был студент Петербургского лесного института юноша Симон с женой. Хотя в Орле мы с ним были в разных классах, но у меня осталось о нем некоторое воспоминание. По внешнему впечатлению он представлял во многом противоположность Исааку. Красивое, женственное лицо с большими, ясными, карими глазами, лишенное растительности, и вся его стройная фигура могла служить прекрасной натурой для изображения воплотившегося ангела Михаила в легенде Толстого «Чем люди живы». Такой же мягкий и женственный в разговоре, он был воплощенною мягкостью. Как будто для иллюстрации житейской истины, что в браке сходятся противоположности, судьба сочетала этого женственного юношу с грубой по душе и фигуре орловской мещанкой. Некрасивая, грубая и прямо отталкивающая внешность ее была полным контрастом с женственно-гибкой фигурой Симона. Далекая от всяких идей, а тем более толстовских, она, конечно, никак не могла добровольно пойти на жизнь в деревенской хате, в крестьянской обстановке. Вся она была грубая проза жизни, сама практичность. Ее могли привести сюда только или сильная любовь к мужу или какие-нибудь житейские соображения.

С Симоном мы довольно часто видались в Ясной Поляне, и он к нам захаживал в Туле побеседовать. В первый раз даже получился курьезный инцидент у него с нашей нянюшкой Аксиньей Степановной. Он ходил в рваном зипуне, и естественно, что она приняла его за оборванца, какого-то «золотаря», и встретила у входа подобающим образом:

— Что ты, батюшка, куда те несет!..

Все-таки она мне сообщила, что какой-то «золотарь» меня спрашивает. Мы много смеялись по поводу этого эпизода.

После целого лета, проведенного в Ясной Поляне, и даже половины, а может быть, и всей зимы, Симон заскучал: с женой у него пошли нелады, она не желала больше оставаться в этой обстановке — не может жить без мяса и т. д.

Наконец, он раз приходит к Льву Николаевичу чуть не со слезами и сообщает, что жена пыталась отравиться — он нашел у нее флакон с каким-то ядом. Оставаться дольше было нельзя, но беда в том, что и выехать не с чем.

— А вот как раз, — сказал ему Лев Николаевич, — как нарочно на ваше счастье я получил небольшую сумму из редакции — возьмите ее и трогайтесь в путь.

Так он и уехал, оставив во всех нас хорошее о себе воспоминание.

Через некоторое время, посетив Ясную Поляну, я узнал, что от Симона было очень странное письмо. Не помню, сам ли Лев Николаевич или Файнерман поведали мне удивительное, прямо ошеломляющее содержание этого письма: он в нем чистосердечно кается Льву Николаевичу, что служит сыщиком по политическим делам в Третьем отделении и что он был командирован в Ясную Поляну следить за Львом Николаевичем, но что он искренне увлекся его уче-

нием, что теперь его опять затягивает эта ужасная жизнь, что он ничего сделать не может и просит простить его.

И все стало ясно. Злой гений его жизни — его жена, очевидно войдя в соприкосновение с какими-нибудь шпиками, увлекла его на эту дорогу как матерьяльно выгодную: без особого труда получаются средства к жизни, причем большой козырь — располагающая к себе внешность мужа. И конечно, в Ясную Поляну она ехала, как в выгодную экспедицию. Но потом, заметив, что муж ее искренне увлекается и, может быть, готов порвать с начальством (а может быть, уже и шаги к этому были), она забила тревогу и побудила мужа выехать из Ясной, чтобы восстановить прежнее его амплуа. Не может быть сомнения — она твердо держит его в своих лапах и не выпустит.

Во всей истории поражает сила Льва Николаевича, разрушившего своим влиянием злые козни противников, обратившего, как в какой-то сказке, посланника ада в своего последователя. Это, пожалуй, поинтереснее обращения революционера Яковлева в полутолстовца [37].

3. СЛУЧАЙНЫЕ ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА

ДУШАН ПЕТРОВИЧ МАКОВИЦКИЙ

Хорошее воспоминание осталось у меня от знакомства с доктором Душаном Петровичем Маковицким. Словак по происхождению, он говорил по-русски не совсем свободно. Блондин с русой бородой и добрыми, кроткими глазами, он был человек с глубокой и привязчивой душой и привязался к Льву Николаевичу всем своим существом. Он женился в России на простой крестьянской девушке, которая ухаживала за ним, и с ней уехал на родину, а потом оттуда пришло известие, что он покончил с собой. Эта детски-непосредственная тихая натура, видимо, была не ко двору в этом мире борьбы. Конечно, жена не могла его понимать. Опоры не было; может быть, его подкосила еще и болезнь, и он надломился. Один у него был недостаток — юдофобство, но не к отдельным личностям, а какое-то абстрактное, к составившемуся в его представлении типу еврея: юркого и хитрого торгаша. С ним я как-то встретился в Туле уже после смерти Льва Николаевича. Он имел какой-то растерянный вид и, перекинувшись со мной несколькими рассеянными словами, пошел своей дорогой.

Оставил он хорошее по себе воспоминание и во всем населении Ясной Поляны и окрестных деревень. Много он делал бескорыстного добра бедному люду, и все про него говорили: «Вот, душа человек, и правда — «Душан», так и зовут его»...

ХУДОЖНИК Н. Н. ГЕ И ЕГО СЫН

Художник Н. Н. Ге, автор знаменитой картины «Христос перед Пилатом», которую мне довелось видеть в Ясной Поляне, был во многом противоположностью Репину. В нем не было того добродушия и мягкости, как у автора картины «Бурлаки». И фигурой он резко отличался от смеющегося и приветливого Ильи Ефимовича. С большой русой бородой, сутулый, с орлиным носом и резким взглядом своих умных, но холодных серых глаз он был в глубине души революционер, бросавший вызов всему миру: такой он был в живописи.

Как известно, выставку его картины «Христос перед Пилатом» в России цензура не разрешила, но за границей она произвела фурор; рабочие с восторгом толпились около нее и говорили: «Вот это наш Христос, Христос пролетариев». Это был действительно революционный Христос, нашедший в Ясной Поляне того времени самый радушный прием; но люди, воспитанные на елейном представлении о Христе с венчиком, которые, кстати сказать, Ге называл «тазами», были страшно шокированы. И графиня говорила:

— Вы не смотрите, что он говорит о любви к людям, а у него в душе много злости. И только по злости, назло, он нарисовал такого Христа в виде какого-то бродяги, вышедшего из кутузки...

Действительно палка была чересчур перегнута влево, что пахло смелым вызовом всему буржуазному миру. «По-вашему, — говорил он своими картинами, — Христос — бог, весь любовь, примирение, елей и мягкость. Так нет же! Вот какой был Христос! Смотрите: он был простой человек, нищий, бродяга, ругал фарисеев и книжников и за это был высечен и страдал так же неприкрашенно, как самый простой человек».

Не знаю, в каком соотношении находилась проповедь Льва Николаевича с картинами Ге, но между ними была несомненно теснейшая и гармоническая связь — картины Ге были как бы иллюстрациями к «Евангелию» Толстого, и наоборот — в «Евангелии» Толстого просвечивала революционная тенденция Ге [38]. Лев Николаевич тоже, пожалуй, немного перегнул палку влево, стараясь низвести елейного Христа попов с небес на землю, и понятно, что оба эти революционера были большими друзьями.

Помню хорошо молодого Ге-сына, тоже Николая Николаевича. Блондин с живым, подвижным лицом, мягкий по душе, он не отличался особенной глубиной. В нем было что-то французское — легкомысленное, но в общении он был приятный и жизнерадостный человек, болтал и шутил. В общем он оставил во мне хорошее воспоминание.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ БИРЮКОВ

Это человек кабинетного труда, известный подробной биографией Льва Николаевича. В конце 80-х и в начале 90-х годов ходил в каких-то опорках, штаны на выпуск, в рубашке или блузе и имел вид мастерового. И разговорами, и манерами он производил впечатление какого-то слабоволия. Говорили, что он делал предложение Марии Львовне, которое было отклонено [39]. Он был человек кабинетный. Видно, каждая идея имеет своих теоретиков, игнорирующих факты и запросы живой действительности, на все смотрящих сквозь розовые очки идеализма и стремящихся все перетолковывать в лучшую сторону. Таким мне представлялся Павел Иванович Бирюков.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ШМИДТ

Приятное воспоминание оставила о себе старушка Мария Александровна Шмидт. Классная дама в каком-то институте, она, увлекшись идеями Льва Николаевича, оставила свое место и поселилась в деревне, недалеко от Ясной Поляны, в деревенской избе, и стала жить «трудами рук своих». Это была одна из тех сильных натур, для которых прямолинейность не кончается сокрушительным ударом головой об стену, а претворяется в реальные формы жизни. Это люди глубоко религиозные, они живут в мире идей и потому искренне равнодушны к условиям своего существования — к пище. В ней не было

елейности ханжи. Нередко можно было услышать от нее и трезвое, суровое слово обличения, сказанное с большой прямотой. Находясь всецело во власти идейного разумения, она шла твердо по пути служения окружающим людям, где трудом, где советом, но не сантиментальным словом — слов она не любила. В семье Толстых она была хорошо принята. Все ее любили и уважали.

ПОМЕЩИК РУСАНОВ

Еще осталось у меня яркое воспоминание об одном трогательном типе — помещике Русанове. Человек, разбитый страшною, неизлечимою болезнью (сухотка спинного мозга), он на склоне дней своих, хотя был еще не стар, увлекся учением Толстого и пожелал перед смертью повидаться с ним [40]. Я помню, как в залу наверху внесли этот полутруп с болтающимися беспомощно ногами и усадили в кресло рядом со Львом Николаевичем. Трогательна была их беседа. Лев Николаевич после его отъезда поражался ясными мыслями этого полуживого человека. Видно, голова не была тронута параличом и отлично работала.

СЮТАЕВ

В одно из последних посещений Ясной Поляны мне довелось встретить и знаменитого сектанта из Тверской губернии — крестьянина Сютаева (кажется, Василий Акимыч) [41], но увы! он находился в периоде духовного декаданса, помрачения мыслей, от которого к концу дней своих были несвободны и такие великие умы и души, как Ньютон и другие. Лев Николаевич был угнетен его словами и стал нарочно при нас наводить Сютаева на апокалипсические темы. Сютаев говорил ему: «Ты обличишься, что не веришь и не признаешь апокалипсиса» (он всем говорил «ты»). Лев Николаевич пошел отдохнуть, а мы (не помню, с кем я был тогда в Ясной Поляне) пошли с Сютаевым пройтись. Дорогой много и горячо беседовали. Это был худой, седенький старичок, небольшого роста, с замечательно живыми, серыми глазами и горячей, страстной речью, в которой звучали такие настойчивые нотки, точно он хотел влить или вбить в собеседника свои мысли. Он выкрикивал чуть не истеричным голосом: «Да ты погоди, да ты постой» и хватал меня за плечи. Такая горячность в старике поражала. Он был попрежнему рационалист в вопросах жизни, но как только мысль наскакивала на апокалипсические туманности, он становился человеком непонятным и прямо ненормальным. Это был у него в своем роде «пунктик». Почему-то бог-отец представлялся ему в лице царя. Потом я узнал, что он ходил к «отцу» и был водворен «архангелами» в синих мундирах обратно на место жительства. Так ему и не удалось поведать «отцу» о бедственной жизни его «детей».

ВИЛЬЯМ СТЕД

Из иностранцев, пользующихся известностью, у меня осталось воспоминание об английском журналисте Вильяме Стеде, который потом такою геройскою смертью погиб на «Титанике», спасая других. Это был стройный, еще молодой человек с замечательно живыми, резко очерченными серыми глазами. Не знаю, принято ли это в Англии, но меня, помнится, удивило его свободное обращение с дочерьми Льва Николаевича. Он затеял с ними возню, как школьник. Мы с ним не разговаривали, так как я не знал английского языка, а он — русского, но, узнав от Льва Николаевича, что я сидел в тюрьме, он

просил передать, что очень жалеет, что не может со мной побеседовать об условиях русского тюремного заключения, чтобы сравнить их с английскими, с которыми от тоже лично познакомился, будучи заключен в тюрьму за какое-то противоправительственное выступление. Через редакцию своего «Review of Reviews» («Обозрение обозрений») он пытался организовать разные филантропические предприятия, например, иметь посредничество между бесприютными детьми и желающими взять их на воспитание. Он очень забавно рассказывал Льву Николаевичу, как после объявления об этом его намерении редакция газеты оказалась запруженной бездомными детьми, на которых спрос был значительно меньше предложения.

КНЯЗЬ БЛОХИН

Вы думаете, это в самом деле князь? Нет, это только помешанный, которого увековечил Лев Николаевич, выставив его в одной из глав «Так что же нам делать?» как прототип кичливого дворянина. Он их поставил рядом: этого мужичка, испорченного солдатчиной и вообразившего, что он князь, которому не к лицу работать, и дворянина, который тоже, не будучи особенным человеком, воображает себя таковым. И на вопрос, какая между ними разница, Толстой дал яркий и определенный ответ: «никакой» [42].

Представьте себе самого обыкновенного человечка, худощавого, среднего роста, со скудной растительностью на лице и с бесцветными голубыми глазами, в которых светится душа бесхарактерного, добродушного человека, детски-наивного, смирного и даже немножко робкого, стесняющегося. Он только и делает, что через Ясную Поляну, где я и имел честь с ним лично познакомиться, крейсирует между Тулой и своей деревней Лисьи Присады. На вопросы он отвечает очень решительно, хотя и добродушно. Над ним безобидно подшучивают, называя его князем. Изредка, впрочем, он выходит из себя и тогда кричит: «Шомполами! из орудий в пепел!»

На вопрос: «Чем вы занимаетесь, князь?»—он очень просто отвечает: «Хождением по дороге-с!»

— Почему вы не работаете, князь?

Очень решительный ответ:

— Это совершенно невозможно.

— Да почему же невозможно? Ведь другие же работают.

— Никак нельзя-с: послабление смысла будет.

Все люди в его глазах разделяются на три категории: князья из дворян, князья Романовы и простые люди. Если бы кто-нибудь поинтересовался определить идеалы этого человека, то он получил бы ответ в нескольких словах: сначала будет «вступленье в именье», а потом «доставление полученья» и, наконец, все завершит «угощенье».

Свободой своей он очень дорожил и боялся, чтобы его не увезли в Тулу и не заперли в сумасшедший дом. Бывало, идет по шоссе сторонкой; кто-нибудь едет и скажет: «Садись, князь, подвезу!» Но Блохин ни за что не сядет, и, если кто его спросит, почему он отказывается сесть, он отвечает:

— Никак нельзя-с, злые люди есть, могут запереть.

Он по-детски радовался, если ему давали что-нибудь из одежи. Раз ему кто-то подарил старые валенки; он пришел в Ясную сияющий: «Раздостался сапогами!»

Так этот человек и ходил до конца жизни и умер вполне уверенный, что он поддерживал «смысл жизни» в простых людях.

IV

ПРОПАГАНДА ТОЛСТОВСТВА

После дня, проведенного за чтением и писанием, я отдавал все вечера посещениям своих новых тульских знакомых. Бывало, мать полушутливо, полуворчливо скажет:

— Ну, пошел по своему приходу.

Отец, который жил в деревне, очень беспокоился моею жизнью человека без определенных занятий и пытался как-то пристроить меня служащим у одного знакомого нотариуса, но это не удалось. Вероятно, помешало мое положение поднадзорного. Так я и остался человеком без определенных занятий, кроме чтения, писания и «хождения по приходу». Конечно, я ходил недаром, и самое выражение уже показывает мои как бы пасторские функции. Действительно, уверовав в истинность открывшегося передо мной через учение Толстого пути, я не мог впасть в то, что можно назвать «моральным эгоизмом», когда человек, познав в чем его истинное благо, удовлетворяется этим, равнодушный к тому, как другие вокруг него блуждают по ложным путям, путаясь в дебрях житейских. Хорошо ли, плохо ли, но такова была тогда особенность моего душевного склада: мне хотелось всех привлечь к тому свету, который светил мне, чтобы и они разделяли мою радость.

Я много и горячо говорил; не довольствуясь устной пропагандой, раздавал книжки, брошюры и рукописи, знакомящие с учением Толстого. Между прочим, кое-что из этого рода литературы было и у одной моей знакомой Темкиной. Вероятно, она много болтала, где не следует и что не следует, и привлекла внимание аргусов; у нее сделали обыск и отобрали полученную от меня литературу. Предполагая, что она не захочет сказать, у кого взяла литературу, я, как только узнал о ее аресте, сейчас же просил через кого-то передать, чтобы она прямо сказала, что получила книжки от меня. Тогда я был уж далек от старого конспираторского настроения, шел прямым путем и не только не боялся потерпеть, но даже шел навстречу этим перспективам. Не знаю, сама ли она сказала или ей передали мой совет говорить правду, но только распространитель толстовской литературы был узнан, и у меня, как я и ждал, был произведен полицейский обыск, причем, конечно, ничего не нашли.

Но на другой день, явившись по вызову или по правилам надзора (кажется, второе вернее) в полицию, я был встречен грозным окриком полицеймейстера Тришатного:

— Послушайте, вы опять там что-то раздаете?

— Ничего особенного, — отвечаю я, — только сочинения Толстого.

— Ну вот, теперь извольте являться в полицию не раз в неделю, а три раза.

На этом дело и кончилось.

[1] Отдельные главы из большой работы Толстого «Так что же нам делать?» были напечатаны в журнале «Русское Богатство» за 1885 г. под названиями: «Жизнь в городе» (№№ 3 и 4), «Из воспоминаний о переписи» (№№ 9—10) и «Деревня и город» (№ 12).

[2] Брат А. С. Буткевича Андрей Степанович Буткевич (р. 1865 г.) — врач.

[3] Американский путешественник и писатель Джордж Кеннан, бывший у Толстого 17 июня 1886 г., описал свое посещение Толстого в статье «Visit to Gr. Tolstoy», помещенной в журнале «The Century», 1887, № 34. Русское изложение этой статьи было напечатано в газете «Неделя», 1887, № 28. Рассказывает Кеннан

о посещении Толстого и в своей книге «Сибирь и ссылка» (есть несколько русских переводов).

[4] Сюжет «Воскресения» сложился у Толстого после посещения его в июне 1887 г. Анатолием Федоровичем Кони, рассказавшим ему из своей служебной практики случай, легший в основу «Воскресения». Следовательно, если рассказанный А. С. Буткевичем разговор его с Толстым действительно происходил в его первое посещение Толстого, т. е. в июне 1886 г., то в разговоре этом не могла итти речь о «Воскресении».

[5] «В чем моя вера?» было отпечатано в 1884 г. в Москве в количестве 50 экземпляров по 25 рублей за экземпляр. Издание было конфисковано.

[6] Владимир Васильевич Рахманов (1864—1920) — врач, близкий Толстому по взглядам, участник толстовских общин. В 1891—1892 гг. работал с Толстым на голоде.

[7] Митрофан Иванович Тимерин (р. 1859 г. ум. ?) служил телеграфистом в Туле.

[8] Алексей Алексеевич Пастухов (р. 1868 г.) — учитель рисования и черчения, в то время сочувствовавший взглядам Толстого.

[9] См. предисловие редактора.

[10] «Критика (правильнее — «Исследование») догматического богословия» была написана Толстым в 1879—1880 гг. Содержит резкое осуждение догматов православной церкви в их изложении в книге «Православно-догматическое богословие» митрополита Макария.

[11] Сергей Дмитриевич Сытин (ум. 1915 г.) — брат издателя Ивана Дмитриевича Сытина.

[12] В своем письме, на которое отвечал Толстой, А. С. Буткевич просил его прислать ему для переписки экземпляр сочинения Толстого, в то время в России не изданного: «Соединение и перевод четырех евангелий».

[13] В дневнике С. А. Толстой под 19 июля 1877 г. записано: «... Буткевич... жил тут два дня и очень мне не понравился. Упорно молчит, неподвижное лицо, очень черный брюнет, синие очки и кривой глаз. Из немногих слов ничего нельзя извлечь, никакого его взгляда на что бы то ни было» («Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1923, стр. 144). Через три года 10 декабря 1890 г., в дневнике Софьи Андреевны находим такую запись об А. С. Буткевиче: «Левочка завел себе круг самых странных знакомых, которые называют себя его последователями. И вот утром сегодня приехал один из таких, Буткевич, бывший в Сибири за революционные идеи, в черных очках, сам черный и таинственный»... (Там же, стр. 151).

[14] С. А. Толстая была принята Александром III 13 апреля 1891 г. Она просила у царя разрешение напечатать запрещенную цензурой «Крейцерову сонату».

[15] См. Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, изд. Толстовского музея, М., 1928, стр. 77—78 и 152. В записи от 7 мая 1908 г. (стр. 152—153) приведен неодобрительный отзыв Софьи Андреевны о статье Толстого «Закон насилия и закон любви», потому что «она слишком революционна», «чувствуется, что он гораздо более на стороне революционеров».

[16] Цитата взята из XI главы сочинения Толстого «В чем моя вера?», написанного в 1883—1884 гг. Место, о котором говорит автор, следующее: «Все цивилизованное большинство людей осталось для жизни с одной верой в городового и урядника.

«Положение это было бы ужасно, если бы оно вполне было таково. Но, к счастию, и в наше время есть люди, лучшие люди нашего времени, которые не довольствуются такою верою и имеют свою веру в то, как должны жить люди.

«Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, неверующими людьми, а между тем это единственные верующие люди нашего времени и не только верующие вообще, но верующие именно в учение Христа, если не во все учение, то хотя в малую часть его.

«Люди эти часто вовсе не знают учения Христа, не понимают его, часто не принимают, так же как и враги их, главной основы Христовой веры — непротивления злу, часто ненавидят Христа; но вся их вера в то, какова должна быть жизнь, почерпнута из учения Христа. Как бы ни гнали этих людей, как бы ни клеветали на них, но это единственные люди, не покоряющиеся безропотно всему, что велят, и потому это — единственные люди нашего мира, живущие не животною, а разумною жизнью, — единственные верующие люди».

[17] Цитата взята из книги: Н. Н. Гусев, Два года с Л. Н. Толстым (изд. Толстовского музея, М., 1928), где на стр. 127 под 5 апреля 1908 г. записаны слова Толстого: «Социализм это — осуществление идей христианства в экономической области».

[18] Елизавета Филипповна Буткевич, рожд. Штыкина (1853—1922) — акушерка-фельдшерица.

[19] В дневнике С. А. Толстой под 10 декабря 1890 г. записано: «Утром сегодня приехал... Буткевич... и привез с собой еврейку-любовницу, которую назвал своей

женой только потому, что с ней живет. Так как тут Бирюков, то и Маша пошла вертеться там же, внизу, и любезничать с этой еврейкой. — Меня взорвало, что порядочная девушка, моя дочь, водится со всякой дрянью и что отец этому как будто сочувствует. И я рассердилась, раскричалась; и, вспомнив по дневникам Льва Николаевича... все то, что меня терзает при переписке его дневников, я ему зло сказала: «Ты привык всю жизнь водиться с подобной дрянью, но я не привыкла и не хочу, чтоб дочери мои водились с ними» («Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», стр. 151).

[20] С Евгением Ивановичем Поповым, воспоминания которого об этом путешествии см. на стр. 368—369.

[21] Анатолий Владиславович Дольнер (1867—1896) — единомышленник Толстого, педагог, бывший студент Академии художеств.

[22] 13—14 мая 1889 г. Толстой ездил к сыну Илье Львовичу на его хутор Протасово, Чернского уезда, Тульской губернии.

[23] Толстой отправился пешком к А. С. Буткевичу (верст за сорок от Ясной Поляны) со своими тогдашними единомышленниками Петром Галактионовичем Хохловым (р. 1863 или 1864 г., ум. 1896 г.) и Алексеем Васильевичем Алехиным 13 июня 1891 г., вернулся в Ясную Поляну 16 июня.

[24] Сергей Иванович Рощин (р. 1864 г., ум. ?) — единомышленник Толстого.

[25] Евгения Васильевна Буткевич, рожд. Рахманова (р. 1859 г.).

[26] См. Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1928, стр. 78—79.

[27] «М—в» — Николай Прохорович Маккавеев (р. 1851 г.). Н. П. Маккавеев был некоторое время сельским учителем; привлекался по делу 193-х; в 1881 г. был выслан на пять лет под надзор полиции в Западную Сибирь. Жил в городе Туринске, Тобольской губернии. В ссылке ослеп. После окончания ссылки поселился в Херсонской губернии. Покончил самоубийством.

[28] Толстой писал о кишиневском погроме М. Г. Линецкому и Д. С. Шору 27 апреля 1903 г. См. «Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко», изд. «Книга», М., 1910, стр. 278—280.

[29] Филадельфийская газета «North American Newspaper» отправила Толстому с оплаченным в тридцать слов ответом телеграмму с просьбой высказаться по вопросу о том, «виновата ли Россия в кишиневском погроме». Толстой ответил 10 мая 1903 г. следующей телеграммой: «Виновато русское правительство, первое: выделением евреев в особую касту, лишенную общих прав; второе: насильственным внушением народу идолопоклонства под видом христианства» («Свободное Слово», 1903, № 5, столб. 28).

[30] Популярный в то время священник Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в журнале «Миссионерское Обозрение» (1903, № 8, стр. 1235) по поводу еврейских погромов на юге России писал: «Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделались варварами-громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного русского царя и поставленных от него правителей? Зачем допустили пагубное самоуправство и кровавую разбойническую расправу с подобными вам людьми? Вы забыли свое христианское звание». Однако, вслед за этим, вероятно, под давлением свыше, Иоанн Кронштадтский изменил свою точку зрения и уже в следующем, девятом, номере «Миссионерского Обозрения» (стр. 1936) писал: «Из последующих (за первыми) газетных известий о кишиневском погроме я достоверно убедился, что евреи сами были причиною того буйства, увечий и убийств, которые ознаменовали 6 и 7 числа апреля. Уверился я, что христиане в конце концов остались обиженными, а евреи за нанесенные убытки и увечья сугубо награжденными от своих и чужих собратий... А потому взываю к христианам кишиневским: простите исключительно только к вам обращенную мою укоризну в совершившихся безобразиях».

[31] Исаак Борисович Файнерман (1863—1925). С начала 900-х годов журналист, писавший под псевдонимом И. Тенеромо. Его воспоминания о Толстом собраны в двух книгах: «Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма», изд. ред. журнала «Образование», СПБ., [1905], и «Живые слова Л. Н. Толстого за последние 25 лет его жизни», изд. К. И. Тихомирова, М., 1912. В этих воспоминаниях много недостоверного.

[32] А. С. Буткевич ошибается, относя крещение Файнермана к периоду его революционных настроений. Это крещение произошло уже в Ясной Поляне 15 августа 1885 г. Файнерман принял крещение с целью поступить учителем в яснополянскую школу, что, однако, не удалось, так как его не утвердил попечитель Московского учебного округа граф Капнист.

[33] Эсфирь Борисовна Файнерман.

[34] Анна Львовна Файнерман, рожд. Любарская.

[35] Елизавета Филипповна Штыкина, впоследствии жена А. С. Буткевича.

[36] Александр Петрович Иванов (1836—1912) — босяк, бывший офицер, страдавший запоем. Пришел к Толстому в 1878 г. и с тех пор временами появлялся в Ясной Поляне или в хамовническом доме Толстых и занимался перепиской со-

чинений Толстого, но долго не выдерживал, запивал или отправлялся бродяжничать. Толстой изобразил его под его именем в драме «И свет во тьме светит» и под именем Александрова в «Живом трупе».

[37] О Федоре Павловиче Симоне и его службе в охранном отделении говорит также И. Тенеромо (И. Б. Файнерман) в своей книге «Живые слова Л. Н. Толстого за последние 25 лет его жизни», изд. К. И. Тихомирова, М., 1912, стр. 164—168, глава «Шпион», и И. Л. Толстой в «Моих воспоминаниях», изд. 2-е, «Мир», М., 1933, стр. 143—144. Он прожил в Ясной Поляне лето 1886 г. и произвел на Толстого очень хорошее впечатление. Уже после его отъезда из Ясной Поляны в Москву Толстой в середине октября 1886 г. писал о нем Н. Н. Ге: «Какой чудный человек. Весь светится и горит» (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 63, стр. 400).

[38] Работа Толстого «Соединение и перевод четырех евангелий» была написана в 1879—1881 гг., следовательно, до его знакомства с Н. Н. Ге, которое произошло в 1882 г.

[39] Брак П. И. Бирюкова с М. Л. Толстой не состоялся вследствие противодействия ему со стороны Софьи Андреевны, о чем она пишет в своих дневниках.

[40] Гавриил Андреевич Русанов (см. стр. 211) впервые увидал Толстого не «перед смертью», как пишет А. С. Буткевич, а 24—25 августа 1883 г., о чем написал свои воспоминания, напечатанные под заглавием «Поездка в Ясную Поляну» в «Толстовском ежегоднике 1912 года», изд. Общества Толстовского музея в Петербурге и Толстовского общества в Москве, М., 1912, стр. 51—87. Встреча А. С. Буткевича с Г. А. Русановым в Ясной Поляне произошла 4 декабря 1889 г. (см. проф. А. Г. Русанов, Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом, Воронежское областное книгоиздательство, 1937, стр. 163).

[41] Василий Кириллович Сютаев (ум. в 1892 г. в возрасте около 80 лет)—свободомыслящий тверской крестьянин, оказавший влияние на Толстого в эпоху его духовного перелома. В последний раз был в Ясной Поляне летом 1888 г., когда, очевидно, и видел его автор, ошибочно относящий свое свидание с ним к «одному из последних» своих посещений Ясной Поляны.

[42] Автор имеет в виду следующее место из трактата Толстого «Так что же нам делать?» (гл. XXXVIII):

«По Крапивенскому уезду ходит оборванный мужик. Он был во время войны закупщиком хлеба у провиантского чиновника. Сблизившись с чиновником, мужик, как говорят, сошел с ума на том, что и он, так же, как господа, может не работать, а получать следующее ему содержание от государя императора. Мужик этот называет себя светлейшим военным князем Блохиным, поставщиком военного провианта всех сословий. Он говорит про себя, что он окончил всех чинов и, по выслуге военного сословия, должен получить от государя императора открытый банк, одежды, мундиры, лошадей, экипажи, чай, горох, прислугу и всякое продовольствие.

«На вопросы: не хочет ли он поработать? — он всегда гордо отвечает: «очень благодарен, это все управится крестьянами».

«Когда скажешь ему, что крестьяне тоже не захотят работать, он отвечает: «крестьянам это не затруднительно в управке» (вообще он говорит высоким слогом и любит отглагольные существительные).

«Теперь выдумка машин для облегчительности крестьян, — говорит он. — Для них нет затруднительности». Когда у него спросишь: для чего он живет, — он отвечает «для разгулки времени».

«Я всегда смотрю на этого человека, как в зеркало. Я вижу в нем себя и все наше сословие.

«Окончить чинов, чтобы жить для разгулки времени и получать открытый банк, между тем как крестьяне, для которых это не затруднительно по выдумке машин, управляют все дела, — это полная формулировка безумной веры людей нашего круга».

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Н. ТОЛСТОМ

Как-то мы сидели в комнате Татьяны Львовны Толстой в Ясной Поляне. Она показывала нам фотографии и, между прочим, показала группу девиц, с которыми она училась когда-то в Школе живописи и ваяния в Москве. В это время в комнату вошел Лев Николаевич. Он взял группу и стал рассматривать. Потом, указывая на одну из девиц, сказал:

— Вот эта, вероятно, сойдет с ума.

— Почем ты знаешь, папа? — сказала удивленно Татьяна Львовна. — Она действительно сошла с ума.

Другой раз Лев Николаевич сидел в той же комнате около дамского столика, у которого поднималась крышка, под которой были отделения для разных швейных принадлежностей. Столик был старинный, домашнего изготовления, из корельской березы. Лев Николаевич, посматривая на столик, сказал:

— Я так живо представляю себе, как тетушка велела позвать домашнего столяра и говорит ему: «Можешь ты, Финогеныч, сделать мне столик для шитья?» — «Можно, матушка-барыня». — «И чтобы крышка подымалась, и чтобы ящики были для разной мелочи?» — «Можно, можно, матушка. А из какого дерева: из ясеня или из корельской березы?» — «Да как покрасивей будет». — «Из корельской березы много красивей будет, матушка».

Мы сидели вдвоем в кабинете и говорили что-то о семейной жизни. Лев Николаевич сказал:

— Телесная привязанность супругов с годами переходит в духовную. Если я заболею, кто же за мной поухаживает так старательно, так внимательно, как Софья Андреевна?..

Когда Лев Николаевич писал «Крейцерову Сонату», он как-то сказал мне:

— Когда я пристально занимаюсь каким-нибудь вопросом, я замечаю, что как будто обстоятельства помогают мне в этом деле. Вот сейчас я получил из Америки сведения об обществе «Диана» стремящихся к целомудрию, и «Токологию» Стокгэм [1] — о том же предмете.

Лев Николаевич как-то сказал:

— Я уверен, что сознание единства людей выросло настолько, что войны больше невозможны. Правительства будут готовиться к войне, но войн больше не будет.

К сожалению, предсказание это не сбылось.

Случалось, что мы, молодежь, укоряли Льва Николаевича, что он живет в барской обстановке. Как-то, когда мы были наедине, Лев Николаевич сказал мне:

— Вы, может быть, не поверите, но я все-таки надеюсь умереть под забором.

В 1910 г. (мне было тогда 46 лет) Лев Николаевич сказал мне:

— Я-то уж не увижу, а вы, может быть, еще увидите, как люди устроятся без насилия. Очень бы мне хотелось это видеть, да только уж не придется.

Мы шли с Львом Николаевичем по Москве. Он сказал:

— Люди думают, что я знаю что-то особенное. Я ничего не знаю больше других людей. Может быть, я только могу лучше, понятнее выразить то, что я знаю и что знают другие.

Однажды Лев Николаевич сказал:

— Если вы хотите знать про человека, во что он действительно верит, что считает настоящим благом, смотрите не на то, что он делает для себя, а на то, что делает для любимых людей, для своей жены, детей, друзей и т. д.

У Льва Николаевича был один знакомый — богатый человек. Этот знакомый говаривал:

— Что такое жизнь человеческая? Одеваешься и раздеваешься, и опять одеваешься и раздеваешься, — только и всего. Тоска!

Этот человек впоследствии застрелился.

Про другого знакомого Лев Николаевич рассказывал так. У него были большие имения на Волге, приносившие ему в год до тридцати тысяч дохода. Но пришли неурожайные годы, и управляющий написал ему в Петербург, что не может ему высылать по 30 тысяч, а будет высылать только по 25 тысяч. Этот человек стал говорить знакомым, что он не может жить так, что он не нищий, чтобы жить на 25 тысяч, и тоже покончил с собой.

Я как-то спросил Льва Николаевича, насколько нужно простирать преподавание математики детям.

— Чем больше, тем лучше, — ответил он.

В Ясной Поляне была девочка Маша, которая считалась дурочкой. Ей говорили: «Машка, ведь ты дура». Она отвечала: «Ну, что ж? Богу всякие люди нужны, и дураки нужны». Иногда Маша приносила из

лесу орехов в подоле, и когда кто-нибудь просил у нее орехов, она говорила: «Ишь ты какой! Каждый об себе думает».

Один раз к Льву Николаевичу приехал знакомый молодой человек, студент Горного института. Когда они были наедине, студент признался, что он убил человека и очень мучается этим. Лев Николаевич стал у него расспрашивать подробности этого дела. Студент рассказал, что он жил в Петербурге с сестрой—девушкой, знакомых у него никого не было, кроме одного старика, который принимал в нем участие и к которому он приходил в праздничные дни. Один раз он заметил, что старик этот прятал в комод деньги, и ему закралась в душу мысль завладеть этими деньгами. Он не мог справиться с этой мыслью и один раз, застав старика одного, убил его и взял деньги. Ему удалось так благополучно скрыться, что никто не заподозрил его в преступлении. Но совесть делала свое дело и не давала ему покоя. Он спрашивал Льва Николаевича, что ему теперь делать. Лев Николаевич сказал, что надо открыться в своем преступлении и перенести то, что из этого последует. Студент уехал. Через несколько дней Лев Николаевич получил очень резкое письмо от сестры этого студента, которая упрекала его за совет, данный ее брату. Она писала, что такое признание не воскресит умершего, но к одной погибшей жизни прибавит еще другую. И совет Льва Николаевича остался не исполненным.

Дочери Льва Николаевича спросили его, знают ли они этого студента?

— Знаете, — ответил Лев Николаевич, но не назвал его.

Один знакомый рассказывал Льву Николаевичу, что он ехал по Волге на пароходе и увидел там одного человека, который тревожно и озабоченно метался по палубе. Знакомый спросил его, что с ним такое? Человек сказал, что его одолевают два дьявола: на шее у него зашит золотой, а в кармане лежит паспорт. Через два дня знакомый увидал этого человека повеселевшим и спросил его, как его дела? Тот отвечал: «Избавился от одного дьявола: украли золотой». Впоследствии Лев Николаевич вывел этого человека отчасти в сцене на пароме в «Воскресении»[2].

Лев Николаевич обладал очень тонким обонянием. Один раз, вернувшись с прогулки, он рассказал, что, проходя мимо орехового куста, он почувствовал, что пахнет земляникой.

— Я стал, как собака, принюхиваться, где сильнее пахнет, и нашел-таки ягоду, — сказал он.

Еще Лев Николаевич рассказывал:

— Один раз я вошел к себе в кабинет и издали заметил на письменном столе пачку полученных писем, и в числе их один конверт с большой сургучной печатью. Я даже почувствовал, как запахло сургучом. Потом, когда я стал пересматривать письма, я увидел, что никакой сургучной печати не было, а были просто красная бумажка-облатка, похожая на печать. Внушение обмануло и меня и мое обоняние.

Как-то в Ясной Поляне гостил профессор Николай Яковлевич Грот, с которым тогда Лев Николаевич особенно дружил. Один раз Лев Николаевич пришел в залу после своих занятий веселый, бодрый и сказал Гроту и мне:

— Давайте будем влюблены во всех людей!..

Вот легенда, рассказанная Львом Николаевичем.

Один человек жил очень дурно: распутничал, обижал людей, обманывал. Человек этот умер и предстал на суд перед богом. Ангел держал книгу жизни и вычитывал дела этого человека. Дела были все дурные, и все их приходилось класть на левую чашку весов. Когда ангел прочитал всю жизнь грешного человека, левая чашка весов была полна горой, а правая оставалась пустою. Бог спросил: «Что же, неужели у него нет ни одного доброго дела?» — «Нет, ни одного». — «Да ты, может быть, ошибся? Посмотри хорошенько». Ангел стал опять пересматривать жизнь грешника и вдруг сказал: — «Есть одно дело». — «Какое?» — «Человек этот шел по улице и увидал, что стоит маленькая девочка и плачет. Она уронила куколку в лужу и не могла достать. Человек поднял куколку и подал девочке; девочка улыбнулась, а человек пошел дальше». Бог спросил грешника: — «Помнишь ли ты это дело?» — «Нет, не помню». Бог сказал ангелу: — «Положи куколку на правую чашу весов». Ангел положил, и одна куколка перетянула всю кучу грешных дел. Бог сказал: — «Пустите этого человека в рай».

В Ясной Поляне был молодой, очень азартный петух. Мальчики забавлялись тем, что кричали петухом, и тогда этот петух, где бы он ни был, сейчас же являлся с намерением подраться, но, не встречая соперника, мало-помалу стал нападать на проходивших людей, даже и без вызова. Кончилось тем, что у некоторых, ничего не знавших посетителей оказались спины пальто распоротыми шпорами этого азартного петуха. Это возмутило Софью Андреевну, и она как-то за обедом сказала, что этого петуха надо зарезать. Лев Николаевич заметил:

— Но мы ведь теперь знаем характер этого петуха. Он для нас уже личность, а не провизия. Как же его резать?

Повар Семен[3] петуха все-таки зарезал.

В московском доме у Толстых был черный пудель, который часто приходил к Льву Николаевичу в кабинет, а потом сам выходил в дверь и оставлял ее открытой, чем прерывал занятия Льва Николаевича. Лев Николаевич так приучил его, что пудель стал сам затворять за собою дверь.

Как-то Лев Николаевич сказал мне:

— Как приятно не бояться смерти!

Один раз Лев Николаевич получил из Тулы почтовую повестку на присланную на его имя из-за границы посылку. В повестке значилось, что за посылку надо заплатить таможенного сбора 35 руб. Лев Николаевич долго колебался, вносить ли эти деньги, и, наконец, ре-

шился и попросил Софью Андреевну выкупить посылку. Когда посылка была получена, то оказалось, что в ней было два маленьких коврика к постели, пепельница и целая куча фотографий фабриканта, приславшего посылку. Лев Николаевич потом долго смеялся над своей оплошностью.

Один раз я сидел у Льва Николаевича в кабинете в Москве, а он пошел вниз проводить молодежь в театр. Он вернулся взволнованный и сказал про одну из барышен:

— Она сует свою ногу в нос лакею, чтобы он ей застегнул ботик. Совсем как та римская императрица, которая купалась при рабах и говорила, что для нее раб не мужчина.

Один посетитель сказал Льву Николаевичу, что у него нет средств и он не знает, как будет жить дальше. Лев Николаевич спросил:

— Вы вчера ужинали?

— Да.

— А третьего дня?

— Ужинал.

— Ну, и завтра будете ужинать.

На подобное же мое замечание о себе Лев Николаевич сказал:

— Кому вы будете нужны, тот вас и прокормит.

Под впечатлением этого ответа я провел всю свою жизнь.

Кажется, когда Лев Николаевич писал комедию «От ней все качества», он раз спросил девушку, жившую у Чертковых:

— Что бы ты сделала, Люба [4], если бы тебя поцеловал какой-нибудь парень?

— Что? Дала бы ему плюху!

— Молодец! Такую мне и надо!..

Не помню, попало ли такое лицо в комедию [5].

Один раз зимой, когда Лев Николаевич жил в Ясной Поляне с одной из дочерей, к нему приехала молодая барышня. Она сказала, что она ученица консерватории и хотела бы приобрести для себя пианино, что она читала в его книгах, что надо помогать ближнему, и потому надеется, что он не откажет ей в трехстах рублях для покупки инструмента. Лев Николаевич сказал ей, что у него таких денег нет. Барышня огорчилась, стала плакать, Лев Николаевич послал к ней свою дочь. Ничего не помогало, и барышня уехала. Лев Николаевич очень расстроился и сказал мне:

— Это мне за то, что я позволил Софье Андреевне напечатать отрывки из «Так что же нам делать?», когда цензура не позволила напечатать всю книгу [6].

Лев Николаевич говаривал, что ничто так не характеризует человека, как его отношение к половому вопросу.

— Смотришь, смотришь на человека и никак его не поймешь. Только, когда узнаешь его с половой стороны, тогда только он делается понятным.

Лев Николаевич по поводу многократного исправления им своих произведений говаривал, что русскую пословицу: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» надо бы говорить наоборот: «Скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается».

Он также говаривал, что латинская пословица «Об умерших надо говорить только хорошее или ничего не говорить» несправедлива: нехорошее только об умерших и можно говорить, так как это им уже не повредит.

В бытность мою в Москве в 1889 г. я в мае месяце узнал, что Лев Николаевич собирается в Ясную и хотел бы пойти туда пешком, как он это сделал несколько лет тому назад с Колечкой Ге[7] и Дунаевым[8].

Я предложил ему пойти со мною, Лев Николаевич согласился, и мы уговорились о дне выхода. В назначенный день я пришел в Хамовники[9]. Софья Андреевна снарядила Льва Николаевича по-дорожному, сделала мне наставление, как оберегать Льва Николевича в дороге, мы сели в коляску и поехали. Кучер вывез нас далеко за город и потом предоставил нам итти пешком.

Рассказывая об этом путешествии, я не могу припомнить всех подробностей и последовательности событий. В голове моей остались только перемешанные обрывки воспоминаний (ведь это было почти 50 лет тому назад). Буду рассказывать, как будет вспоминаться.

Мы попросились ночевать в одну избу. Так как по Курскому шоссе шло множество богомольцев, то пускать ночлежников было для населения делом обычным. Хозяйка нас охотно пустила и поставила самовар. Лев Николаевич вышел на крылечко и сел. Я остался в избе, так как всю дорогу старался предоставлять ему чаще быть наедине с самим собой. Был чудесный майский вечер, в соседнем садике щелкали соловьи. Когда хозяйка поставила на стол готовый самовар, мы накрошили в миску баранок, обдали их кипятком и, когда они распарились, прибавили туда молока. Получилось кушанье, которое Лев Николаевич весьма одобрил.

Мы шли вдоль линии железной дороги, по соседней тропочке. Както мы подошли к трем прохожим, повидимому, босякам, которые разложили огонь и что-то варили. Проходя мимо них, Лев Николаевич сказал:

— Здорово, братцы.

— Собака тебе брат, — угрюмо сказал один из них. Мы прошли несколько шагов, Лев Николаевич остановился, как будто хотел вернуться к говорившему, но потом раздумал, и мы пошли дальше.

Когда мы шли по шоссе (шоссе несколько раз пересекает железную дорогу) и спускались под гору, Лев Николаевич, указывая на лежавшую внизу деревню, сказал:

— Когда мы шли здесь с Колечкой и Дунаевым, вон из того двора выбежала визжа свинья, вся окровавленная. Ее резали, но не дорезали, и она вырвалась. Страшно было смотреть на нее, вероятно, больше всего потому, что ее голое розовое тело было очень похоже на человеческое.

В другом месте, когда спускались уже вечерние сумерки, на нас вылетел вальдшнеп. Он летел прямо на нас, но, увидавши нас, испугался и круто свернул и скрылся в лесу. Лев Николаевич сказал мне:

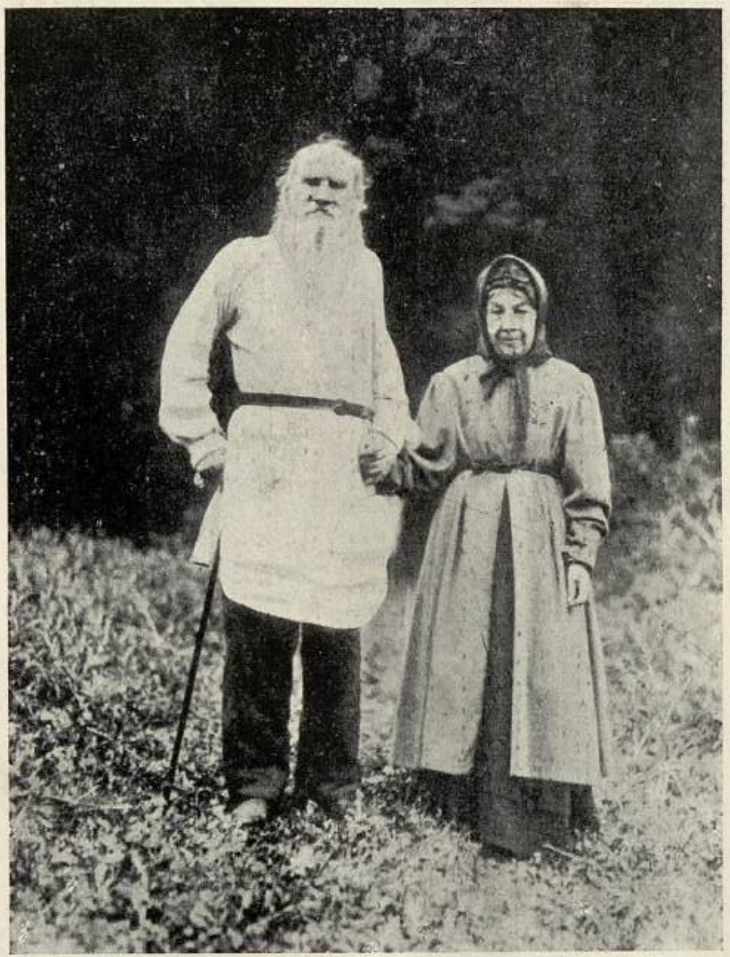
— А ведь по настоящему ему бы надо подлететь к нам и сесть на плечо. Да так и будет.

ТОЛСТОЙ С СЕСТРОЙ МАРИЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ.
С фотографии, 1900-е гг.

ТОЛСТОЙ СРЕДИ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ
В ДЕРЕВНЕ КУЗИНО, МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
С фотографии В. Г. Черткова, 1910 г.

ТОЛСТОЙ С ЖЕНОЙ СВОЕГО БРАТА МАРИЕЙ МИХАЙЛОВНОЙ ТОЛСТОЙ

С фотографии В. Г. Черткова, 1906 г.

МАРИЯ ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ

С фотографии М. В. Буланже, начало 1890-х гг.

Один день выдался дождливый, дорога стала тяжелой, и мы для ночлега наметили усадьбу одного московского знакомого, купца Золотарева [10]. До ночлега было далеко, и мы должны были спешить, чтобы не захватить ночи. Лев Николаевич быстро шел своей легкой походкой, и мне было трудновато за ним тянуться. Свернув с шоссе и пройдя версты две в сторону, мы, наконец, разыскали усадьбу. Хозяева были дома и радушно приняли нас, усталых и измокших. Немного посидев, я почувствовал, что у меня от истощения сил начинается лихорадка. Меня уложили в постель и стали отогревать чаем. Лев Николаевич сказал, что лучшее средство согреться — это играть в четыре руки, и сейчас же сел с хозяйкой за рояль. Перед сном я еще слышал, как он беседовал с хозяевами и рассказывал, как надо разводить смородину. На другой день я был здоров и бодр, и мы отправились дальше.

Когда мы проходили через Серпухов, мы зашли на почту. Лев Николаевич спросил письма на свое имя. (Софья Андреевна хотела написать туда). Вдруг вся почта взволновалась, и чиновники и публика — все шушукались и поглядывали на Толстого. Я не понимал, как Лев Николаевич выдерживал это всеобщее внимание. А он написал открытку, опустил, и мы пошли дальше [11].

Кажется, на пятые сутки мы были в Туле [12]. Мы пошли в дом вице-губернатора Свербеева [13], с которым Лев Николаевич был хорошо знаком. Нас приняли радушно, накормили и поместили в комнате, где обычно жили два сына хозяина, морские кадеты [14]. Утром, когда мы встали, Лев Николаевич заметил под кроватью огромные чугунные гимнастические гири, взял и хотел делать упражнения. Я испугался, что это будет вредно ему в его года, и запротестовал. Он положил гири, но сказал:

— Что ж, ведь я, знаете, подымал одной рукой пять пудов.

Не знаю, как в Туле узнали про наш приход, но к Льву Николаевичу пришло несколько человек знакомой молодежи, и четверо из них пошли вместе с нами в Ясную (четырнадцать верст) [15]. В Ясной они пробыли до позднего вечера и потом вернулись в Тулу, я же остался в Ясной.

Из разговоров со Львом Николаевичем в это мое пребывание с ним могу припомнить только два отрывка. Мы стояли на балконе второго этажа и смотрели через сад на восток. Там, на краю сада, возвышались две ели, и Лев Николаевич сказал:

— Эти ели мы посадили с братом Сережей и еще говорили себе: «Неужели они когда-нибудь дорастут до горизонта?..» А теперь они вон насколько выше его.

Другой раз в разговоре о жизни после смерти он сказал:

— Я знаю, что буду жить с такими высокими существами, каких мы теперь и представить себе не можем.

Автор воспоминаний — близкий Толстому по взглядам Евгений Иванович Попов (р. в 1864 г.), педагог и переводчик. Познакомившись с Толстым в ноябре 1887 г., Е. И. Попов не прерывал личного общения с ним до последнего года его жизни. В 1893 г. Е. И. Попов вместе с Толстым переводил с европейских языков книгу китайского философа Лао-Тсе «Тао-Те-Кинг».

[1] «Toco.ogy, a Book for every Woman» («Токология, книга для всех женщин») доктора медицины Алисы Стокгэм. Эту книгу Толстой получил от автора в ноябре 1888 г. По рекомендации Толстого, книга была переведена на русский язык. К русскому переводу книги Стокгэм Толстой написал предисловие, с которым книга и вышла в свет в Москве в 1892 г.

[2] См. «Воскресение», часть III, гл. XXI.

[3] Семен Николаевич Румянцев (ум. 1932 г.) — яснополянский крестьянин, служивший у Толстых поваром.

[4] Любовь Сергеевна Арбузова, яснополянская крестьянка, дочь лакея Толстых Сергея Петровича Арбузова (1849—1904).

[5] Такая девушка не была выведена Толстым ни в комедии «От ней все качества», ни в каком-либо другом его произведении.

[6] Обширная работа Толстого «Так что же нам делать?», начатая в 1882 г., была набрана для январской книжки журнала «Русская Мысль», 1885 г., но цензурой не была пропущена. Отдельные главы этой работы появились в журнале «Русское Богатство», 1885 г., №№ 3, 4 и 9. Большие выдержки были напечатаны в 1886 г. в XII томе «Сочинений» Толстого, выпущенном его женой Софьей Андреевной. В этой работе Толстой рассказывает о своих неудачных попытках благотворительной деятельности в Москве в 1882 г. во время городской переписи.

[7] Николай Николаевич Ге (р. 1857 г.) — сын друга Толстого, художника Н. Н. Ге.

[8] Об Александре Никифоровиче Дунаеве см. стр. 190. Толстой шел пешком из Москвы в Ясную Поляну вместе с Н. Н. Ге-сыном и А. Н. Дунаевым 17—22 апреля 1888 г.

[9] Толстой вышел из Москвы пешком в Ясную Поляну вместе с Е. И. Поповым 2 мая 1889 г.

[10] На хуторе знакомого ему купца Максима Петровича Золотарева, отца единомышленника Толстого Василия Петровича Золотарева, в 25 верстах от Подольска, Толстой и Попов ночевали 3 мая.

[11] В Серпухове Толстой с Поповым были 4 мая. Открытое письмо, написанное Толстым его жене из Серпухова, напечатано в книге: «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 337.

[12] В Тулу Толстой и Попов пришли 6 мая.

[13] Дмитрий Дмитриевич Свербеев (1845—1930) — в 1885—1891 гг. тульский вице-губернатор, позднее губернатор самарский.

[14] В дневнике Толстого от 2—6 мая 1889 г. имеются следующие записи о его путешствии:

«2 мая. Встал в 6, убрался в дорогу скоро и весело, но не бодро. В 10 пришел Попов, и мы выехали за заставу. Шли до Сырова, 4 версты не доходя до Подольска, где и ночевали. Дорогой пили чай. Муж пьет, женщина работает. 8-летняя девочка моет полы и делает папиросы на 1 рубль в неделю,—20 коп. за стекло отдали при мне. С Поповым итти хорошо и легко.

3 мая. В дороге за Подольском. Дурно спали. Чувствую себя слабым, но итти хорошо. У швеи записывал. Шли до Лысых Гор, узнали, где Золотарев, еще 3 версты в сторону. Шли по воде. Его дома нет — жена, брат, детки. Приняли нас хорошо. Спали прекрасно.

4 мая. В дороге. Приехал М. П. Золотарев. Умный и тихий, хороший человек. Идет к добру. От него выехали с ним в 11-м. Пошли во 2-м. Зашли с трудом за Серпухов. Остановились у баб, три мужика врозь от всех. Ночевали у мужика Ефрема, наивного и начавшего пить.

5 мая. В дороге. Везде бедствие — вино; читал «Винокура» [«Первый винокур», комедия Толстого против пьянства, для народного театра]. Баба воронежская покупала книжку, от мужа пьяницы. Холод страшный. Зябли, и даже заробел. — Отдыхали против станового, не входя, и потом в трактире. У отца девочки. Я дал книжки. Пришли ночевать в Богородицк, 34 версты от Тулы. Много народа: старый и молодой солдат, бабы, ребята, слесаря. Я говорил о войне. Поняли. Спал хорошо. Выходим дальше.

6 мая. В дороге. Шли бодро без остановки 16 верст. Обедали в трактире Серюковки, где я очень уговаривал о пьянстве. Добрый старик трактирщик, жена и сын. Писарь при церкви, ухарь, пил и читал и дал мне 5 коп. за книгу «Пора опомниться [статья против пьянства профессора химии А. П. Пакина, исправленная Толстым и изданная «Посредником]. Бывший старшина, в упадок пришедший, шел с нами. Дошел до Тулы. И зашел к Свербееву. Немного стеснительно, но он добродушен вполне».

[12] Из Тулы в Ясную Поляну Толстого сопровождали его молодые единомышленники А. В. Долнер, А. А. Пастухов и невеста А. С. Буткевича Е. Ф. Штыкина. Ее письмо об этом см. в воспоминаниях А. С. Буткевича, стр. 347—348.

Е. И. РАЕВСКАЯ

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ СРЕДИ ГОЛОДАЮЩИХ

С предисловием и примечаниями П. С. Попова.

Екатерина Ивановна Раевская (1817—1899)—дочь подполковника Ивана Петровича Бибикова (1787—1856) и Софии Гавриловны, рожд. Бибиковой (1787—1856). Отец, будучи военным, был участником турецкого похода при Кутузове; во время войны 1812—1813 гг. служил адъютантом при генерале Тормасове. В 1813 г. посетил Гете в Веймаре, был знаком с Пушкиным и писал стихи («Исторический Вестник», 1898, ноябрь, стр. 531). Выйдя в отставку, И. П. Бибиков вновь поступил на службу при воцарении Николая I под влиянием Бенкендорфа, с которым был дружен. Мать Е. Ив. Раевской С. Г. Бибикова в 1813 г. была сделана фрейлиной; вдова ее брата, Павла Гавриловича Бибикова, вышла замуж за Бенкендорфа. И. П. Бибикову принадлежало село Сергиевское, Данковского уезда, Рязанской губернии (около 3 000 десятин).

Шестнадцатилетней Екатериной Ивановной Бибиковой увлекался поэт Полежаев, проживая у ее отца летом 1834 г. И. П. Бибиков сделал не увенчавшуюся успехом попытку снискать у Николая I прощение опальному поэту. Полежаев скрылся, посвятив Екатерине Ивановне стихотворение «Черные глаза». Об этом стихотворении Полежаева, как важном для него жизненном факте, писал еще Белинский, не зная самых обстоятельств увлечения поэта. Другое стихотворение Полежаева: «К Е. И. Б—вой» («Таланты ваши оценить...»).

Выйдя в 1835 г. замуж за помещика Ивана Артемьевича Раевского (1815—1869), Е. И. провела конец своей жизни в Рязанской губернии, где занялась литературной деятельностью и опубликовала ряд очерков и воспоминаний под именем «Старушки из степи». В «Русском Архиве» напечатаны ею: «Встреча с Полежаевым (1882, III (6), стр. 233—243); «В память В. А. Золотова» (1883, I (1), стр. 200—206); «Из памятной книги Е. И. Раевской. Декабристы (И. Г. Бибиков, кн. Валерьян Голицын, М. Н. Нарышкин)» (1883, I (2), стр. 291—302); «Приживальщики и приживалки» (1883, II (3), стр. 70—79); «Заметка о гр. Е. П. Растопчиной» (1885, III (10), стр. 299—303); «В память немногих. О врачах (В. С. Георгиевский, Карл Мазинг, Д. В. Насонов, А. И. Дроздов)» (1888, I (2), стр. 292—310); «Из воспоминаний Е. И. Раевской. Барон Менгден. Князь Черкасский перед дуэлью. Его крестьяне» (1896, I (2), стр. 220—240). В книжках «Недели» Е. И. Раевская опубликовала: «Степные слуги» (1889 г., ноябрь, стр. 1—33). В «Историческом Вестнике» Е. И. Раевская напечатала свои мемуары, касающиеся ее предков, родителей и их окружения, доведя рассказ до смерти отца и матери в 1856 г. (1898 г., ноябрь и декабрь). Наконец, в одной театральной газете Е. И. Раевская напечатала: «К портрету Михаила Семеновича Щепкина». Этот портрет был нарисован самой Раевской. Екатерина Ивановна занималась живописью; она брала уроки рисования в московской Школе живописи и ваяния. Аккуратные подлинники ее воспоминаний снабжены ее рисунками, миниатюрами и виньетками. Сохранился также ряд сделанных ею больших акварельных пор-

третов. Приложенный к ефремовскому изданию Полежаева гравированный портрет поэта был нарисован с натуры Е. И. Бибиковой в 1834 г.

Увлекаясь садоводством, она разводила яблони и розы и произвела посадку как в имении Никитском, Епифанского уезда, так и в выделенном при замужестве ее дочери хуторе Данковского уезда Рязанской губернии, где она распланировала сады и парк. На этом хуторе она и жила до конца жизни; здесь она скончалась осенью 1899 г.

С Львом Николаевичем Толстым Е. И. Раевская была знакома с 1856 г. Когда Толстой в 1891 г. приехал в Бегичевку, имение своего друга Ивана Ивановича Раевского (сына Екатерины Ивановны), чтобы руководить делом помощи голодающим нескольких уездов, Е. И. Раевская, проживая в двух верстах от Толстого, зорко следила за его деятельностью, бывала его оживленной собеседницей, когда он приходил на хутор, и внимательно фиксировала высказывания Толстого при всяком свидании с ним. Производя записи в своем дневнике с 28 октября 1891 г. до мая 1892 г., она составила довольно полное и весьма конкретное описание деятельности Толстого. Консервативная по своим взглядам и подчас даже реакционная в выводах и обобщениях, она, тем не менее, приводит данные и факты, которые часто ускользали от глаз панегиристов дела помощи голодающим того времени и которые выявляют противоречия благотворительной деятельности в связи с ненормальными условиями прежнего социального строя (см. записи о развитии тунеядства среди пострадавших, о кулаках и дефектах работы попечителей округов по оказанию помощи). Дневник Е. И. Раевской интересен также рядом новых данных о Толстом, неизвестными или мало известными его отзывами и высказываниями (например, о Крылове). Записи Е. И. Раевской отличаются точностью; разумеется, наименее достоверны записи о разговорах и событиях с чужих слов, особенно, если они воспроизведены в диалогической форме. Поэтому нужно относиться с осторожностью к ряду высказываний Толстого, ею воспроизводимых.

Публикуемый дневник представляет собою тетрадь без обложки и корешка. Страницы пронумерованы. Записи имеют дневниковый характер. Писано старческим, очень отчетливым почерком. Текст, по всем признакам, беловой, переписанный рукой автора дневника. В рукописи не хватает страниц: 1—24, 85—86, 111—112; кончается рукопись страницей 138. Экземпляр этот находился в архиве Н. Н. Ден (рожд. Философовой), в Ленинграде. Кроме данного экземпляра дневника, имеется другой автограф (хранится в Толстовском музее в Москве); это те же записи, но переработанные в мемуары; даты в ряде мест погашены; тексту придана особая литературность. Более ценны непосредственные дневниковые записи, отличающиеся фактичностью и точностью датировки, — поэтому в основу публикации кладем дневниковую тетрадь, восполняя утраченные части (начало, конец и два листка в середине) по мемуарному тексту. В начале и середине эта замена не дает себя чувствовать, поскольку текст сохраняет стиль конкретного рассказа; больше отличается конец, несколько расплывчатого характера. Из мемуарной (музейной) тетради взяты страницы: 29—53 (кончая словами: «тот мать свою не любил»), стр. 103—104 (со слов: «и она вместе с Марией Львовной» кончая «соседней деревней Прудков»), стр. 119—121 (со слов: «и проч. Его прислали» кончая: «другой был магистром») и стр. 147—182. Музейная тетрадь снабжена многочисленными фотографиями и миниатюрами с изображением Толстого, членов его семьи, а равно рядом пейзажей окружающей местности самой усадьбы. Рисунки мало удачны. Воспроизводится одна виньетка стр. 7-ой первой дневниковой тетради.

По составлении своего дневника Е. И. Раевская познакомила с его содержанием мужа своей сестры, барона Владимира Михайловича Менгдена. Последний в связи с этим сообщил о своей поездке к Толстому в 1862 г., когда он, узнав от тульского губернатора о предстоящем обыске в усадьбе Толстого, решил по просьбе губернатора предупредить об этом Толстого и ездил к нему в Ясную Поляну. Е. И. Раевская записала рассказ Менгдена в тетрадь, озаглавленную:

«Обо всем понемногу» 1 (находится у В. И. Мордвинова). Помещаем эту запись, поскольку она освещает еще недостаточно изученный и вместе с тем весьма интересный эпизод биографии Толстого. Нет оснований отвергать в целом рассказ барона Менгдена; но в нем имеется ряд неточностей и несообразностей, которые следует учесть. Если барон Менгден правильно относит весь эпизод к марту, то это не могло быть перед самым обыском, так как обыск в Ясной Поляне был 6—7 июля 1862 г., а предписание шефа жандармов князя Долгорукова было от 2 июля 1862 г. Далее, — обыска не могло быть на следующий день после беседы Менгдена с Толстым, потому что Толстого во время производства обыска в Ясной Поляне не было, а он находился на кумысе в Самарской губернии. В настоящее время трудно сказать, чем обусловливается неточность рассказа: забвением ли обстоятельств дела бароном Менгденом, который вспоминал обо всем эпизоде свыше тридцати лет спустя, или вольностью записи Е. И. Раевской. Зерно же рассказа представляется вполне правдоподобным, следует лишь откинуть самый обыск. Сообщение о беседе барона Менгдена с губернатором Дараганом может найти подтверждение в известном в литературе факте, что отношение Дарагана к Толстому было благожелательным. Надо думать, что с февраля 1862 г. губернатор Дараган был осведомлен о слежке за Толстым. Вернее всего, что барон Менгден не ошибается во времени своего посещения Ясной Поляны — марте, но разговор с Дараганом не был непосредственно связан с обыском, а касался вообще того, что на деятельность в Ясной Поляне пало подозрение властей, почему и следует предупредить Толстого.

Ecce homo *.

28 октября 1891 г., утром, приехал в Данковский уезд Рязанской губернии, граф Лев Николаевич Толстой. Он принял приглашение Ивана Ивановича Раевского[1], с которым столько лет находился в дружеских отношениях, и поселился в доме его, в сельце Бегичевке, на границе Тульской и Рязанской губерний, на правом берегу Дона. Весть о голоде, угнетавшем эти обе смежные губернии, внушила маститому *нашему* (не хочу отчуждать его от нас, русских, но следовало бы назвать его всемирным) литератору и проповеднику добра перенестись в самый центр бедствия, чтобы проверить собственными глазами, до каких размеров оно доходит и постараться по возможности пособить страждущим. Он покинул свой удобный дом в Москве, большую часть семьи **, спокойную жизнь и, с двумя старшими дочерьми Татьяной и Марией приехал по ужаснейшей, мучительной дороге, в санях по бесснежной колоти и при сильном морозе: по такому пути те 40 верст, что отделяют с. Бегичевку от железнодорожной станции Клекотки[2], могут показаться вечностью мучения. Он приехал издали на помощь незнакомому ему краю, тогда как некоторые в нем старожилы спешили бежать от скорбного зрелища, бросили арену борьбы и переселились в города, благо имели на то достаточные средства... А тут приезжает шестидесятитрехлетний старик и две молодые девушки, отказавшись от столичных удобств и развлечений, сопровождают отца, чтоб ходить за ним и помогать ему посещать с раннего утра до поздней ночи дымные избы голодающих и больных крестьян.

Граф Л. Н Толстой приехал не с пустыми руками,а со средствами для устройства даровых столовых для крестьянских детей, стариков и старух, для покупки муки и проч., чтобы пополнить, где окажется нужным, незначительное продовольствие, получаемое от земства.

---

* [Се человек]

** У графа Л. Н. Толстого жена, три дочери и шесть сыновей, старшему 29 лет, меньшому четыре года (1891 г.).

Иван Иванович Раевский первый подал графу мысль о столовых, во всем помогал ему, закупал дрова для раздачи топлива, в котором особенно нуждались крестьяне за неимением соломы*, устроил у себя пекарню, откуда раздавался печеный хлеб кому за дешевую цену, кому и даром; из его же амбаров отпускалась мука, купленная графом. С осени Раевский не велел с своего огорода продавать капусты, а нарубить ее в кадки для снабжения ею даровых столовых. Он же сводил счет деньгам, получаемым Толстым от доброхотных жертвователей, и расходы им на голодающих. К тому же, зная на перечет, кто из соседних крестьян нуждается в помощи и кто нет, он мог руководить графа в раздаче его милостыни и не давать плутам злоупотреблять его щедростью и неведеньем.

31 октября граф Лев Николаевич приехал к нам на хутор с дочерью Марией и племянницей Верой Александровной Кузминской. Приехали они в розвальнях, потому что другой экипаж по теперешней дороге немыслим; ехали в одну лошадь, без кучера и, не знавши дороги, проплутали лишний час, а может быть, и больше.

Наш хутор [3] отстоит в полутора верстах от имения моего сына Ивана Ивановича, сельца Бегичевки. На этом хуторе живу я с меньшой своей дочерью Маргаритой Ив. Мордвиновой [4]; муж ее Иван Николаевич Мордвинов [5] служит земским начальником в Данковском уезде; у них четверо мололетних детей [6], и при них молодые наставницы разных национальностей.

С графом Л. Н. Толстым я была знакома еще в 1856 г., когда, холостой, посещая московское общество, он бывал и у меня на вечерах; позднее, в 1879 г., уже женатый и отец семейства, он был у меня в деревне, в селе Никитском[7], со старшим сыном Сергеем, тогда еще отроком. У нас шел тогда домашний спектакль; граф Толстой любовался игрой моей племянницы баронессы Ольги Владимировны Менгден[8] и подписал благодарственный адрес, поднесенный ей молодежью за ее участие в спектакле. Ольга хранит этот адрес, как драгоценный автограф.

С тех пор произошла, конечно, в графе большая перемена: года и болезни оставили на нем свой отпечаток, но главная перемена не в том. Выражение лица его изменилось; на нем легла печать какого-то высшего духовного спокойствия; в глазах стала светиться какая-то божественная доброта, что-то небесное, чуждое земных тревог и мелких страстишек: такое выражение встречаешь только в ликах рафаэлевских праведников.

Простое обращение Льва Николаевича и дочери его всем нам понравилось; то простота была не деланная, не изученная перед зеркалом, где каждое движение, каждое слово тщательно подготовлены и могут обмануть только с первого знакомства (примеры таковые нередки), но простота настоящая, искренность душевная, которые невольно вызывают сочувствие.

Молодая хозяйка хутора, рожденная и выросшая в деревне, имеющая вечное сношение с крестьянскими семьями всего соседства, спросила у Марии Львовны: «Какие именно она посетила дворы?» и, когда она назвала их, то увидала, насколько народ ее обманывает притворными и лживыми жалобами на несуществующую бедность, тогда как до настоящих голодающих молодая девушка не добралась.

— Если хотите, я буду вам сопутствовать и укажу вам, где именно кроется настоящая нужда, — сказала дочь моя.

— Очень вам буду благодарна, — ответила Мария Львовна.

---

* Солома составляет единственное топливо крестьян в прибрежьях Дона, где вовсе нет лесов.

Пока молодежь разговаривала, старики толковали между собой о народном бедствии.

— Невозможно не кормить голодающих, — сказал граф, — но все же мы должны сознаться, что даровым хлебом совершенно развратим крестьян: они всю зиму пролежат на печи в полной праздности и совсем отвыкнут от всякой работы.

Тут вошли мои внуки, дети Мордвиновы. Лев Николаевич ласково с ними поздоровался.

— Сколько лет вашему внуку? — спросил он у меня.

— Девять лет.

— Какой он крупный и славный для своих лет мальчик.

Похвалил и приласкал также и маленьких девочек. Тут подали ему записку с уведомлением, что к нему приехали друзья — посетители, и он стал собираться домой, т. е. во временную свою квартиру, обещая вскоре опять побывать. Несколько дней спустя сижу у окошка с вечной своей работой — белья для внучат.

— Смотри, мать, — говорит мне Маргарита, — ведь это граф идет пешком.

Выслали к нему мальчика-лакея. Оказалось, что Лев Николаевич направлялся в село Лошаково навестить на пункте земского врача, Богоявленского, с которым давно знаком, но, попав на хуторскую усадьбу, не знал, как спуститься на Дон. Мальчик указал ему дорогу, а он с ним приказал сказать, что, на возвратном пути, зайдет на хутор, что и сделал. Мы ему приготовили черного кофе, который он пьет пополам с кипяченым молоком и без сахара. Лев Николаевич — вегетарианец; кофе — его обычный напиток; вина он не пьет, ни мяса, ни рыбы не ест, табака не курит.

— Отчего молодые люди так рано лысеют? — сказал граф. — Вот и мои сыновья также? Оттого, что ведут неправильную жизнь, едят мясо, пьют вино, курят, и дряхлеют преждевременно. Мясо разводит микробы. Молоко, овощи — вот самая здоровая пища, самая питательная. С тех пор, как перестал есть мясо и курить, я стал себя гораздо лучше чувствовать.

— Почему же, — возразила я, — один из самых ярых вегетарианцев (имя его, к сожалению, забыла) отказался от своих убеждений и пишет, что отсутствие мясной пищи развило у него опасную, нестерпимую глазную боль?

— Не верьте, — сказал граф, — это все вранье. Почитайте книгу английского вегетарианца[9]. Он свои доводы ведет от самых древних авторов, начиная с Пифагора, и доводит до нашего времени, подкрепляя их примерами. К тому же прибавляет, что в старости необходимо употреблять самую умеренную пищу.

— В этом вполне с вами согласна, — заметила я.

Лев Николаевич попросил газет. Ему принесли «Север»[10], «Ниву»[11] и «Русские Ведомости»[12], которые он взял с собою, говоря, что читает в них всё то, что относится к народному продовольствию.

— Вот этого журнала я вовсе не знаю, — сказал он, взяв в руки «Север».

— Это мой любимый журнал, — заметила я; — литературный отдел в нем лучше, чем в «Ниве»; бывают и хорошие научные статьи. Издавал его Всеволод Соловьев, а недавно редактор переменился.

— Кто же он теперь?

— Евдокимов.

— Что ж? хуже стал журнал?

— Пока — нет. Что будет впереди?

— Иллюстрации в нем очень хороши, — продолжал граф, рассматривая в нем последний номер. Я не выписываю журналов: мне высылают «Русскую Мысль»[13], «Северный Вестник»[14] и «Неделю»[15]. «Неделю» я люблю; в ней печатают переводы всего выдающегося из иностранной литературы. Тут была «Исповедь идеалиста»[16]. Читали ее?

— Читала. Теперь печатается перевод с итальянского «Учительница»[17]: замечательна в ней картина народных нравов в Италии.

— Ее еще не читал. Есть еще хороший журнал — «Вестник Иностранной Литературы»; в нем печатаются переводы разных романов и рассказов. Переведено довольно хорошо, а стоит журнал очень дешево: всего четыре рубля. Можно таким образом следить за иностранной литературой.

— Признаться вам, граф, не охотница я читать переводы.

— Конечно, когда возможно читать их в подлиннике.

— Предпочитаю английские романы; в них описывается жизнь такая, какая она есть, семейная.

— Если у вас есть английские, то поделитесь со мной.

— С удовольствием. Ben-Hur (Бен-Хюр)[18] читала с наслаждением.

— А мне он не понравился. Я начал его читать и попал на сцену трех волхвов, съехавшихся с севера, юга и востока. Это показалось мне таким театральным, деланным, что я бросил книгу и не стал дальше читать. — Меня в одном английском романе поразила сцена в доме умалишенных, и мы с братом напрасно старались припомнить имя автора и название книги, и никак не могли. Жаль, потому что этот автор поражает своей оригинальностью, но имя его мало известно.

Тут граф переменил разговор.

— Хотите вы старшую внучку[19] поместить в гимназию?

— Нет. Отец ее говорит, что, пока он жив, дочь не поступит в гимназию.

— Отлично. В гимназиях обучают многому вовсе ненужному, лишнему, а чему нужно — не учат. Иностранные языки совершенно заброшены; а свой, русский, тогда только узнаешь хорошо, когда можешь его сравнить с иностранными. — А что это у вас за пряжа? — спросил вдруг граф, увидя в соседней комнате прялку. — Кто у вас прядет?

— Дочь и внучка прядут шерсть очень порядочно.

— Ваша ли ученица внучка ваша Катя Мордвинова?

— Она ко мне перешла с четырехлетнего возраста.

— Оправдывает ли она ваши о ней попечения?

— Знаете, граф, русскую пословицу: «Хороша дочка Аннушка, коль хвалит мать да бабушка». Позвольте мне не ответить на ваш вопрос.

Граф улыбнулся.

— Я встретил ваших внучат на Дону, по льду гуляют. Катаются они на коньках?

— Нет еще. Коньков, признаться, боюсь для детей, так легко расшибиться.

— Напрасно, хорошее упражнение. Я сам катался в молодости, и все мои дети катаются.

— Невозможно коньки пристегнуть к валенкам.

— Я видел, ваши внуки в валенках. Это хорошо нам, старикам, а молодым следует носить кожаные сапоги: валеные балуют ноги. А получили вы казенный пакет?

— Не знаю. Зять в городе для раздачи муки голодающим. Может быть, письмоводитель его получил.

— Я оттого спрашиваю, — продолжал граф, — что я на Дону встретил мужика совершенно пьяного: идет, шатается и несет большой конверт, видимо, казенный.

— Из волостного правления Лошаковского! — заметила я. — Там сегодня — 1 ноября, престольный праздник, Козьмы и Демьяна, вот мужик и пьян.

— Я у него спросил конверт, посмотрел; вижу — казенный, на имя земского начальника. Признаться, хотел у мужика взять его. Думаю, — он так пьян, немудрено конверт потерять. Посмотрел, посмотрел, и всё же отдал ему. А он говорит: — «Это, ты, старик, что-то... тово... не хорошо...» — Что он хотел этим сказать, я не понял.

В то же самое утро, 1 ноября, когда Лев Николаевич шел пешком к доктору Богоявленскому, урядник наш Муратов прискакал на хутор на своей маленькой, кругленькой лошаденке и вбежал в нашу кухню весь бледный и растерянный.

— Боже мой! — застонал он, — что со мной случилось?

— Что́ такое?

— Еду я по Дону из Лошакова сюда. Вижу — идет старый мужик в нагольном полушубке, в валенках. Вижу — чужой, не здешний. Я остановил лошадь. Говорю: «Куда идешь?»

— В Лошаково.

— Откуда?

— Из Бегичевки.

— А есть у тебя пачпорт?

— Пачпорта нет.

— А кто ты такой?

— Граф Толстой.

— Как он это сказал, я так испугался! ударил лошадь кнутом, поскакал, а сам оглядываюсь: не гонится ли он за мной? ну, так испугался. До сих пор в себя притти не могу! К вам зашел... Уф!..

Люди наши подтвердили ему, что точно граф заходил на хутор и от нас пошел в Лошаково и что одет он по-мужицки. Несчастный урядник ни жив, ни мертв ускакал дальше.

6 ноября во весь день шел снег и поднималась метель. Вдруг к удивлению нашему, вечером, когда уже зажгли лампы, раздался звонок у парадного крыльца.

— Кто же может быть? верно, запутавшиеся путешественники?

Бегут двери отпирать.

— Граф и с ним обе дочери и Ив. Ив. Раевский.

— Какими судьбами?

— Мы пришли к вам пешком.

— Как? пешком? в такую метель?

— Мы шли Доном, заплутаться не могли.

— Три версты! по такому снегу?

— Ничего. Дошли отлично.

Мы только плечами пожимали, да головой качали.

Тут познакомились с Татьяной Львовной, которая обворожила всех своим простым и милым обхождением. Она среднего роста, полненькая, отлично сложенная, хорошенькая брюнетка, совершенно тип, отличный от сестры ее Марии Львовны, которая при светло-белокурых волосах чертами лица походит на отца своего.

Мария Львовна, не видя моей дочери, пошла ее разыскивать: оказалось, что она возилась с кормилицей меньшой своей дочери; у этой женщины сделалось сильное кровотечение из носа, и все усилия

остановить ее оказывались тщетными. Мария Львовна употребила другие, придуманные ею средства, и успех оправдал ее старания.

Вслед за Толстыми приехала Наталья Николаевна Философова[20], молодая двадцатилетняя девушка, по примеру Толстых приехавшая в имение матери для подавания помощи нуждающемуся населению.

Разговор зашел о злобе дня. Наталья Николаевна с восторгом сообщила о том, что получила пожертвования: два вагона ржи. Один от графини Олсуфьевой[21], другой — от великого князя Сергея Александровича, а мать ее[22] прислала ей из Москвы 1 500 рублей сер., также жертвованных. Она открыла столовую в деревне Баскакове[23] для крестьянских ребят и старух, а теперь имеет возможность открыть еще три таковые же в деревнях Прямоглядове, Мосоловке и Шивке, в нескольких верстах от своего имения. Графиня Татьяна Львовна открыла таковые же столовые в селе Татищеве[24], деревне Мещерках[25], селе Екатерининском[26] и сельце Бегичевке. Крестьяне эти даровые столовые окрестили именем «кормёжки».

Племянница графа Толстого, дочь сестры графини С. А. Толстой, Вера Александровна Кузминская взяла на себя преподавание в сельской школе[27] с. Бегичевки, так как крестьяне не в состоянии в нынешнем году содержать учителя; она аккуратно ежедневно занимается с ребятами.

Лев Николаевич тут же сообщил, что получил из Англии письмо[28], где просят его, «так как он один только знакомый им русский, указать им, к кому достойному доверия лицу могут они, англичане, адресовать те денежные пособия, которые они намерены послать голодающему населению России? И какая именно местность более всех нуждается в пособии?»

Граф намеревался указать им на Тульскую и Рязанскую губернии.

Эти хорошие вести привели всё общество в веселое настроение; молодые девушки стали распевать песни; раздались: «Сени, мои сени, сени новые мои!» и «Конфетка моя, леденистая!» и мало ли что поется, когда поющим еле минул второй десяток?

Сам Лев Николаевич подсел к роялю.

— Давайте, — сказал он молодому хозяину, — сыграемте им что-нибудь посущественнее!

Хозяин взял скрипку, и всё притихло при звуках моцартовской сонаты b-mol — скрипки и пиано-форте.

— Какая у вас хорошая скрипка, — заметил граф, когда затих последний аккорд.

Игра Льва Николаевича всех удивила: он с листа уверенно и с выражением читает ноты.

— Часто ли играет батюшка ваш на рояли? — спросила я у Марии Львовны.

— Очень редко, — ответила она.

— Каким образом мог он до сих пор сохранить такой уверенный toucher * и такую быструю игру? Удивительно!

— Брат мой старший Сергей тот гораздо лучше играет, — заметила Мария Львовна. — Он на-днях участвует в концерте в пользу голодающих в городе Черни, Тульской губернии, где он служит земским начальником.

— Что будет он играть?

— Крейцерову сонату с госпожей Унковской[29].

— Знаю: она играет наравне с знаменитейшими артистами, давала концерты в Петербурге.

---

* [туше — удар]

Импровизированный графом концерт продолжался более часа. После Моцарта играли сонаты Вебера, Шуберта и проч. Граф видимо увлекся музыкой, а скрипач был в восторге, имея хорошего пьяниста для аккомпанимента: такое счастье в деревне редко перепадает. Граф же хвалил скрипача и игру его, которую находил замечательною в любителе.

Когда гости собрались уезжать, оказалось, что метель до того разыгралась, что зги божьей не было видно. Кучера отказались вести господ домой.

— Ехать опасно, — говорили они, — наверно собъемся с дороги.

Мы уговорили гостей остаться у нас переночевать, и все сели за ужин. Графу и трем барышням было заготовлено кушанье вегетарианское, такое, какое можно найти в деревне, как-то: каша гречневая, которую Лев Николаевич особенно любит, огородник, яичница, огурцы соленые, яблоки моченые и сладкие пирожки, от которых, впрочем, граф отказался, как от всего сладкого.

На следующее утро Лев Николаевич встал рано и, несмотря на метель, пошел пройтиться по усадьбе. Сын мой Иван Иванович также встал рано и пил со мной чай в столовой. Он рассказал мне, что граф всегда встает рано и натощак пешком прогуливается во всякую погоду. Возвратившись, пьет кофе пополам с цикорным; на пол-чашки кофе прибавляет пол-чашки кипяченого молока; сахар же в эту смесь не кладет. После кофе он садится писать по нескольку статей зараз. Обедает рано; в час пополудни опять ходит пешком, заходит в даровые столовые и беседует с крестьянами соседних деревень; иногда, даже зимой, ездит верхом на довольно далекие расстояния. — В кабинете у меня, — продолжал сын, — мыши одолели, я велел поставить мышеловку. Вдруг вижу — исчезла моя мышеловка! Спрашиваю у людей: Куда девалась мышеловка? — Оказывается, Лев Николаевич велел их убрать!

— Я мышей люблю, — говорит, — не хочу, чтоб их убивали. Вообще я всех тварей люблю. Жалею только о том, что до сих пор не могу принудить себя любить клопов: вожу везде с собой далматскую ромашку, чтоб от них избавиться.

К десяти часам собралось в столовой всё общество. Оказалось, что один из детей Мордвиновых заболел горлом: мать его, всегда страшно беспокоившаяся, когда кто из детей занеможет, пришла в столовую готовить ребенку полосканье.

— К чему так волноваться? — говорит граф, — и так пройдет; а все эти полосканья и проч. служат только не больному, а окружающим его, чтобы успокоить себя, а не больного. По-моему, все лучше было бы устроить топчан[30] для здоровых; пусть по нем ходят, если уж хотят бегать и суетиться.

Молодая мать ушла с полосканьем, а я обратилась к Наталье Ник. Философовой.

— Не можете ли вы мне сделать большое одолжение?

— В чем дело?

— Нет ли у вас в библиотеке завалявшейся там английской грамматики? Она пригодилась бы мне руководством в обучении внучки Кати английскому языку.

— У нас, — вмешалась тут Татьяна Львовна, — есть очень хорошие руководства, по которым мы обучались.

Следует заметить, что Татьяна Львовна говорит по-английски, как природная англичанка.

— Это руководство отличное, — сказал вошедший в комнату Лев Николаевич. — Тут обучение идет постепенно с самого юного

возраста до более старшего; произношение помечено, а к трудным словам приложено объяснение.

— Такого издания в Москве нет, — заметила я с сожалением.

— Конечно, нет, — сказал граф. — Оно у меня из Америки. Во время оно, когда я особенно занимался школами, познакомился я с американским консулом [31], и он мне выписал эти книги, чтоб я мог переводить из них то, что пригодилось бы для наших школ.

— Из Америки! — жалобно вздохнула я. — Где же мне их достать?

— Очень легко, — возразила Татьяна Львовна.

— Легко? — изумилась я.

— Конечно, легко. У нас много друзей в Америке.

И она стала называть их: тут было имя и женщины, президентши одного Union (Womans Christian temperance Union) [32].

— Можно выписать через нее, — продолжала Татьяна Львовна.

— Только предупреждаю вас, вы в этих книгах найдете чисто американскую тенденцию пуританизма.

— Этого я не боюсь, — сказала я.

Когда подали лошадей, Лев Николаевич благодарил нас, хозяев, за радушный прием и за удовольствие, ему доставленное.

Он благодарил.

Уселись они все четверо в сани розвальни, называемые у нас коробкой. Сын мой сел на облучок с кучером, а граф с дочерьми сжались в коробке [33].

9 ноября Лев Николаевич вечером опять приехал к нам [34] на хутор с дочерьми и племянницей Кузминской; заехала с своей стороны Наталья Н. Философова и доктор Богоявленский с молодой женой и сын мой Ив. Ив. Раевский с двумя старшими сыновьями (моими внуками), Иваном [35] и Петром [36], студентами Московского университета, приехавшими к отцу на несколько дней из Москвы; тут же был и внук мой Иван Б.[37], словом собрались, считая домашних, девятнадцать человек. Молодежь занялась музыкой: Татьяна Львовна села за рояль, аккомпанировал на скрипке хозяин Ив. Ник. Мордвинов, а граф с доктором остались в столовой, где отпили чай. Когда я вошла к ним, граф стоял, прислонясь спиной к стене.

— Не хочу садиться, — говорит, всё время дома сидел.

Доктор стоя разговаривал с графом. Я уселась против них.

— Анархия ни к чему не поведет, — говорил граф. — Вы говорите про французскую революцию 1793-го года? но подобные катаклизмы в истории не повторяются. Я знаю, что французские и другие писатели уверяют, будто Россия теперь переживает точь в точь такое же состояние, как было во Франции до революции, но они ошибаются. Мы, русские, т. е. наша интеллигенция, идем наравне с Европой и Америкой, но куда идем? — Неизвестно. Будущего никто отгадать не может. — Что же касается народа, то его держат в невежестве, и пока он так останется, то хорошего от него ожидать нечего. Я сам слышал, как в высших сферах говорили, что народ следует держать в невежестве, не то нельзя будет его обуздать. Заметьте, что около городов, даже самой Москвы, народ знает одно, и верит в одно только — в Иверскую и в крестные ходы. Далее его ум и мысли нейдут, — остальное для него не существует. — А посмотрите на сектантов! я знаю и видел такое селение в сорока верстах от Нижнего Новгорода. Это село принадлежало прежде Шереметевым. Крестьяне все придерживаются своей, особенной секты; они не молокане, не некрасовцы [38]; у них своя какая-то особенная вера. Что за единодушие между ними! тут нет не только нищеты, но даже бед-

ности: они все грамотны, школы у них процветают. У одного из них, крестьян, я видел довольно просторную комнату, всю кругом обставленную шкафами с книгами; из них многие научного содержания. Другой крестьянин из того же селения пристрастился к математике, выучился французскому языку, выписывает математические книги, французские и русские руководства, выстроил себе вышку, приобрел телескоп и делает астрономические наблюдения. — Пьянства у них нет и преступлений также нет. — Я в переписке с одним из этих крестьян: он пишет, что голода у них нет; он же отправился на Урал и в Сибирь; говорит, что голод там превосходит всякое описание. Вот письмо. Получил я его от хорошего моего знакомого, который на железной дороге встретил этого крестьянина.

Граф прочел нам вслух это письмо: оно сделало на нас самое удручающее впечатление.

— А вот, — продолжал Лев Николаевич, — то, что хочу добавить от себя и послать напечатать в «Русских Ведомостях». Я вам прочту.

Он прочел свою статейку [39] вслух, потом, обратясь ко мне, спросил:

— Как вы находите? хорошо?

— Конечно, хорошо, — ответила я и сконфузилась.

Пишет Лев Николаевич Толстой, подумала я, и спрашивает у меня: хорошо ли? Если б не добрейшее выражение его лица, сочла бы его вопрос злой насмешкой. — Впрочем, я тут же вспоминаю, что бессмертный Мольер [40], перед тем как сыграть на королевской сцене вновь написанную комедию, прочитал ее своей кухарке и ценил ее одобрение...

— Кстати о крестьянах, — сказал граф, — я знаю одного из них, литератора! Да! имя его Касиров [41], крестьянин из деревни Уварово. Он пишет книги для народа: эти книги разносятся коробочниками [42] во всей России, где и книги и автор их гораздо известнее и славнее самого Пушкина, а обо мне и говорить нечего! Например, его повесть «Храбрый Портупей Прапорщик» [43] вытеснила из народа бессмертного «Милорда Георга» Орлова [44], а это много значит.

Льву Николаевичу необходимо было написать несколько писем. Я предложила ему пройти в мою комнату, подальше от шумной молодежи; он согласился и тут же, на том столе, где теперь пишу, набросал свою статью.

— Вы пишете в очках? — спросил он у меня.

— Пишу иногда и без очков, но читаю в очках.

— Очков не употребляю, — заметил граф, — а мне 63 года.

А молодежь пока в зале то пела хором, то играла в шумные игры: как то в индюшку, где передвигались и с треском падали стулья и сами громко хохотавшие игроки.

Граф пришел в залу с намерением позвать одну из дочерей, чтоб переписала она его статью, но, видя, как они от души веселятся: «Нет, — говорит он мне, — жаль их трогать, уж очень им весело. Сам перепишу». И ушел обратно в мою комнату. Когда он вновь вернулся в залу, игра шла какая-то в перегонки. Граф присел к детям и стал перегоняться с молодым доктором и перегнал его при восторженных криках всех присутствующих. Довольный своей победой, он удалился в кабинет моего зятя, и разговор принял опять самый интересный характер.

— Люблю Потапенко [45], а иногда и Гаршина, — говорил граф; — в нем всё естественно, неделанное; а Короленко мне не по душе, больше всё деланное, да и фантазия его искажает действительность.

Помните, как он описывает ночь на светло-христово воскресенье? [46] В ту самую минуту, как провозглашают: «Христос воскресе!», часовой стреляет в убегающего каторжника, и «месяц освещает стены острога». Разве в полночь пасхи когда-нибудь месяц светит? — Кого я еще не терплю, это — Крылова.

— Какого Крылова? — изумились мы.

— Крылова, что басни писал.

Мы так были поражены, что замолчали и не решились спросить графа, почему он не терпит всеобщего любимца? а он не объяснил, в чем виновен наш милый баснописец. Разговор принял другой оборот.

— Вот замечательный человек, — сказал Лев Николаевич, — это библиотекарь Румянцевского музея Федоров [47]. Никакой монах-аскет не ведет такой строгой жизни, как Федоров. Я был у него. Он живет в крошечной комнате. Тут стоит деревянный сундук, прикрытый газетой, это — его постель. — Платье у него только то, что на плечах; пища — молоко, за которым он ходит в молочную, где и выпивает его. Одно! — сказал граф улыбаясь, — он курит! говорит, что от этой привычки отстать не может. Науку он высоко чтит, библиотекой занимается тщательно и аккуратно. Преследует же мысль, которая может вам показаться фантастической, и многие, пожалуй, сочтут его за безумца, но он полагается на прогресс науки, которая, по его мнению, дойдет до того, что победит саму смерть, и тогда он, Федоров, стал бы воскрешать своих предков. «Тот,—говорит он,—который, потеряв мать, сам не умер, тот мать свою не любил».

Гости наши разъехались после ужина в полночь.

Граф Л. Н. Толстой начал свою благодетельную деятельность на собственные средства. Между тем в «Русских Ведомостях» появилось Воззвание [48] графини Софьи Андреевны, супруги Льва Николаевича. Она в кратких, но искренних и прочувствованных словах высказывала бедствие, постигшее народ русский, говорила о том, что муж ее, сыновья и дочери спешили переселиться в самую среду голодающих, чтоб принести им более существенную помощь. Графиня взывала ко всем желающим жертвовать, но не знающим куда и кому доставлять свою лепту, чтоб не пропала она даром, а принесла действительную помощь нуждающимся. При сем давала она свой адрес, адрес мужа (Рязанская губерния, станция Чернава) и двух сыновей: Сергея, земского начальника (город Чернь, Тульской губернии) и Льва (Самарской губернии, Бузулукского уезда, Патровское волостное правление), куда с той же целью, как и отец его, уехал Лев Львович [49] вместе со внуком моим Иваном Александровичем Бергером.

В первые же два дня после выхода газеты с Воззванием* графини, ей в Москве переданы были 4 000 рублей серебром от разных лиц, обрадовавшихся, что нашли в графе и графине Толстых то, чего напрасно жаждали получить, т. е. людей, искренно желающих добра нуждающимся и умеющих делать это добро производительным. С каждым днем возрастало число пожертвований. Здесь же на нашу станцию Чернава, где почта приходит только два раза в неделю, посыпались на имя графа и графини Татьяны Львовны денежные пакеты с малыми и большими суммами, так что почтмейстер задерживал моего посланного с утра до позднего вечера, не успевая отме-

---

* «Московские Ведомости» не изменили и в этом случае подлого своего направления: они не преминули грубо осмеять [50] великодушное самоотвержение всего семейства графа Льва Николаевича Толстого.

чать и подписывать денежные объявления. Все они переходили, таким образом, через мои руки и передавались графам Толстым, и немало дивилась я великому числу доброхотных жертвователей. Получались по объявлениям деньги либо моим посланным, либо одним из моих внуков, либо самой Татьяной Львовной. Имя жертвователей и сумма, полученная от них денег, печатается в «Русских Ведомостях», а у Толстых ведется аккуратный счет как полученных денег, так и расход на них: на даровые столовые или кормёжки, как прозвали их крестьяне; их в настоящее время двадцать восемь (всё более в Епифанском уезде Тульской губернии), на покупку ржи, раздаваемой мукой нуждающимся или печеным хлебом, на дрова, на топку изб и проч.

11 ноября.

Сегодня приехал в Бегичевку студент [51], который берется заведывать даровыми столовыми.

13 ноября.

Л. Н. Толстой заходил сегодня к нам с молодым человеком. Матвеем Николаевичем Чистяковым, которого мне представил, как желающим также принять участие в вспомоществовании голодающим. Остались недолго, ушли пешком.

15 ноября.

Вечером, часов в семь, приехали обе молодые графини, Вера А. Кузминская, Наталья Николаевна Философова, невестка моя Елена Павловна Раевская [52], оба сына ее, мои внуки, Иван и Петр, потом прибыл сам граф Толстой [53] с сыном Львом Львовичем и двумя кончившими курс студентами, естественником Григорием Поляковым, юристом Николаем Тулиновым [54]; с ними приехала и жена врача Анна Николаевна Богоявленская.

Граф уселся за рояль, играл сонаты Бетховена, И. Н. Мордвинов аккомпанировал ему на скрипке. — Потом молодежь пела хором русские песни, играли в шумные игры. Под конец вечера обе графини Толстые и Наталья Николаевна Философова плясали русскую национальную пляску и вызвали общие аплодисменты. Особенно грациозно и шикозно пляшет Татьяна Львовна, хорошенькая брюнетка, среднего роста, хорошо сложенная, очень симпатичная.

Лев Николаевич, после игры на рояле, ушел в кабинет зятя, где отдыхал, устав от длинной прогулки пешком. Он издали, молча, прислушивался к скрипке Мордвинова и повторял:

— Нет, вы не знаете, Мордвинов замечательно хорошо играет для любителя.

Тулинов и Поляков приехали в Епифанский уезд Тульской губернии со своими средствами и поселятся либо в селе Орловке [55] Рафаила Алексеевича Писарева [56], либо в Монастыршине [57], где намерены открыть даровые столовые для нуждающихся.

Перед ужином граф Лев Николаевич попросил меня показать сыну его Льву мои акварели; они восхищались портретами моих детей, племянников и внучат.

Ужинали на двух столах. В зале накрыт был стол для вегетарианцев, а в столовой для нас, грешных. Граф от ужина отказался, говоря, что сыт. Молодежь в зале за ужином пела хором русские песни и Марсельезу.

17. Воскресенье.

Граф Лев Николаевич приходил сегодня пешком. Нам принесли воскресную почту. Граф взял газету.

— А! — сказал он, — вышла, наконец, в печать замечательная книга! книга американской женщины-врача. Алисы Стокгем: «Токология или наука о рождении детей». Книга замечательная[58]. Автор начинает с половых отношений, переходит потом к беременности, родам, физическому и нравственному воспитанию детей, входя в малейшие подробности о пище и проч., словом, книга драгоценная для матерей. Таких у нас нет.

— Ваша правда. Несколько лет тому купила я в Москве книгу, изданную каким-то врачом «Материнское воспитание», читала ее со старшей дочерью. Мы только плечами пожимали, столько там было нелепостей, и, наконец, забросили ее.

— Так, так, до сих пор ничего подобного не было написано. Эта госпожа Стокгем была в России, была у меня; я написал ей предисловие к ее книге.

Граф засмеялся.

— Книгу запретили ради моего предисловия.

— Почему же? — удивилась я.

— Я написал сущую правду, то, что у нас в России пишут о числе бактерий и о способе их разыскивания, а о том, как взрастить здорового робенка, о том умалчивают. Я узнал о причине запрещения: меня заставили вычеркнуть всю эту фразу. И вы видите: книга вышла в печать!

22 ноября.

Пишу письма в своей комнате. Звонок с крыльца. Влетает ко мне моя пятилетняя внучка Аня Мордвинова, восторг блестит в ее черных глазках.

— Grand-maman! я тебе говорила, что сегодня приедут Толстые! Вот и приехали!

Девочка мгновенно убегает. Следую за ней черепашьим, старушечьим шагом и нахожу ее в зале уже сидящею на коленах у Марии Львовны. Это ее обычное место, а переходит она с него только, чтоб переместиться на колена Татьяны Львовны. На этот раз второго помещения не оказалось. Приехали только Мария Львовна и Вера Александровна Кузминская; добрые девушки приехали, чтоб немного успокоить меня насчет здоровья моего старшего сына Ивана Ивановича Раевского, который заболел инфлюенцой у себя в доме, где живут Толстые. Невестка моя Елена Павловна в Туле с младшим сыном Григорием[59], что учится там в гимназии. За сыном моим некому ходить. Я уже столько зим заперта в четырех стенах, что от докторов получен мне запрет из них выходить до весны. «Если выйдете на зимнюю стужу, говорят, мы за вас не отвечаем». Я всё же стремилась всей душой к нему. Катя[60] зарыдала, Маргарита[61] также; не пустили меня...

Молодые графини предлагали свои услуги, но больной их стеснялся, дочь Маргарита уехала к брату и сказала, что проведет с ним всю ночь, а лучше ее сиделки найти нельзя.

— Что вы так беспокоитесь?—сказал мне доктор, — Иван Иванович через два дня будет совсем здоров.

И я ему поверила.

— Пишет ли теперь граф что-нибудь для печати? — спросила я у Марии Львовны.

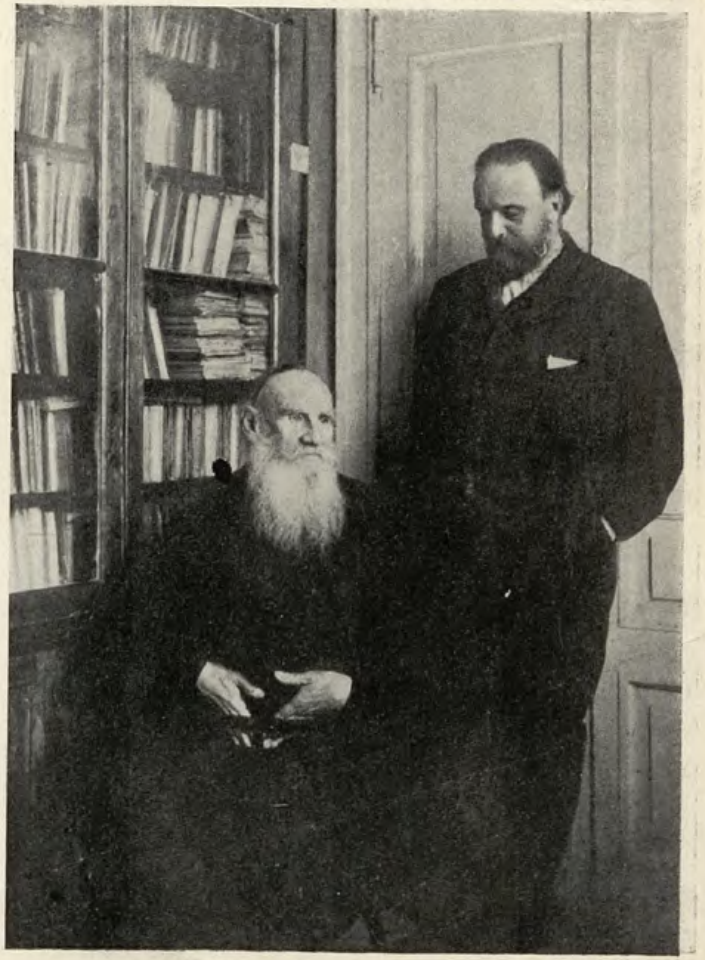
ТОЛСТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ПАРКЕ ЗА ИГРОЙ В ГОРОДКИ
С фотографии В. Г. Черткова, 1908 г.

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
С фотографии В. Г. Черткова, 1908—1909 гг.

ТОЛСТОЙ с Д. П. МАКОВИЦКИМ
С фотографии В. Г. Черткова, 1908 г.

ТОЛСТОЙ с В. Г. ЧЕРТКОВЫМ
С фотографии А. М. Хирьякова. 1908—1909 гг.

— Пишет статью о голоде [62], другую о даровых столовых [63], и еще статью, которая начата им уже год тому назад: «О воинской повинности» [64].

— О несопротивлении злу?

— Да, но вероятно ее не пропустит цензура. Разве только Гайдебуров [65] напечатает: он — храбрый. — К нам приехали два газетных репортера, оба из Петербурга: Майков [66] от «Нового Времени» и Михневич [67] от «Новостей»; оба устроились на квартире в деревне, а весь день проводят у нас и записывают все, что мы или отец говорим: это несносно! — Возвращаюсь сегодня из даровой столовой и рассказываю отцу, как лошадь моя брыкалась, рассказываю с азартом, машу руками и представляю, как лошадь брыкала. Вдруг вижу — репортер вытаскивает из кармана книжечку и тут же при мне записывает мои слова о брыкании лошади! Как интересно! Просто невыносимо, несносно!

— Извините, если выражусь неприлично: но вы бы этих присяжных репортеров приказали в шею гнать.

— К нам в Ясную Поляну являются точно так же разные личности, которых мы не подозреваем в репортёрстве, а потом печатают всякую ложь о нас, всякие небылицы. И я попала таким образом в печать и в самом искаженном виде, даже имя мое переврал, назвал Надей. Как приятно!

— Где же это напечатали?

— В «Курском Листке» [68]. Представили меня пошлой, вульгарной девочкой, употребляющей мужицкие выражения и такой грязной, что ни меня, ни отца остальная семья не принимает за свой стол! Что мы обедаем чуть ли не в буфете! К тому же, что мы оба издеваемся над святыней. Каково?

Мария Львовна такая милая, добрая девушка, что нельзя ею не любоваться. — Вот награда тому, чья слава гремит по всему образованному миру, в старом и новом свете! и тем, кто имеет счастье принадлежать к его семейству!

28 декабря 1891 г.

Более месяца прошло с тех пор, как записала последнюю строку в этом дневнике... Продолжать его была не в силах... Слишком ужасное, подавляющее, неожиданное несчастье обрушилось на нашу семью. — Сын мой старший, первая, страстная, земная моя привязанность — не стало его.

Болен он был всего шесть дней. Всё время его спрашивали: «что у тебя болит?» — один ответ: «ничего не болит, только слабость». — И вдруг — болезнь приняла крутой оборот.

— Не послать ли за Еленой Павловной? — говорят ему.

— Не надо, она испугается, — говорит он.

Он жену обожал, и она также любила его всей душой. Наконец, он сам ей написал

— Разлука с тобой мне тяжела. Приезжай.

Послали нарочного в Тулу, невестка моя немедленно приехала со старшим сыном Иваном; но сын мой при ней прожил менее двух суток.

Горя вдовы и нашего не стану описывать... Невестка моя из цветущей женщины обратилась в старуху. — Такой любви, такого обожания, такой заботливости о спокойствии жены я не видывала ни у кого, кроме как у сына.

— Не умирай, — говорил он ей, — потому что я тебя не переживу.

На себя он брал все хлопоты о хозяйстве, о детях, о племянниках, о народе, о всех, кто к нему ни обращался. Вечно в разъездах по своим и чужим делам, в хлопотах, он не имел ни минуты отдыха, заработался, затянулся, как добрый конь, которому ноша не по силам...

По природе он был очень веселого нрава; приезд его радовал меня, детей, внучат моих, к которым был чрезвычайно ласков. Но с самой нынешней весны, когда стал уясняться предстоящий для народа голод, сын стал задумываться, и прежняя его веселость исчезла: он заметно постарел.

— Ты болен? — говорю ему.

— Нехорошо себя чувствую.

— Посоветуйся с своим тульским врачом Рудневым[69], ты ведь имеешь к нему доверие.

— Некогда.

— Береги себя, не пренебрегай своим здоровьем.

— Некогда собой заниматься.

И так продолжал он трудиться до самой поздней осени.

Граф Лев Николаевич мне сам говорил, что приехал он, Толстой, в наш голодающий край безо всякого предвзятого плана, не зная, как приняться, чтоб доставить действительную помощь нуждающемуся населению. Тогда сын мой Иван Иванович Раевский подал ему мысль о даровых столовых *, сам горячо за нее ухватился и энергически привел в исполнение, открывая эти столовые у себя в деревне и в соседстве, делая вычисления в том, что будет стоить прокормление таким образом каждой единицы и рассчитывая по этому, сколько придется на нее израсходовать до будущего урожая. Все счеты графа Толстого взял на себя и проводил за ними все вечера, днем же разъезжал и хлопотал о доставке народу продовольствия, дров и проч. — И вся эта утомительная работа делалась в нервном, возбужденном состоянии. Погода была отвратительная, и сын, проводив жену и детей обратно в Тулу, несмотря на уговоры жены остаться дома и отдохнуть, захотел непременно ехать на экстренное земское собрание в уездный наш город Данков. Там спорил, горячился и на следующий день с температурой в 40 градусов проехал сорок верст в открытых санях, при страшном ветре, прозяб дорогой и слег, чтоб более не вставать...

Скончался он 26 ноября 1891 г. Потеря громадная для вдовы, детей, для всего нашего семейства, скажу даже, для всего края.— Нет такого мужика, который бы не говорил: «Хотел итти просить Ивана Ивановича, да вот их нет!»

Увидя Льва Николаевича, я зарыдала...

— Большое вам горе, — сказал он сочувственно.

— Не первое, — рыдала я.

— Хорошую жизнь прожил он...[70]

Ответить не могла... меня душили слезы. —

Когда невестка моя Елена Павловна Раевская была у нас в первых числах ноября, видя какую тоску на меня и на дочь наводит голодный год, она сказала: «я сама не знаю, куда от тоски деваться. Мне всё кажется, что надвигается на нас какая-то каменная стена, готовая на нас обрушиться и нас всех раздавить».

Стена обрушилась!

---

* Устроенные здесь по мысли и инициативе сына моего Ивана Ивановича Раевского даровые столовые уже по примеру графа Толстого вводятся теперь во всей России.

29 декабря 1891 г.

До сего числа граф и дочери его открыли в Епифанском и Ефремовском уездах, Тульской губернии, и в Данковском, Рязанской губернии, до 70 даровых столовых. По расчету, сделанному еще сыном моим Иваном Ивановичем Раевским и подтвержденному опытом самих Толстых, каждая единица, едок, стоит им в месяц от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп. каждый, и, считая таким образом, каждая, доведенная до будущего июля месяца столовая будет стоить 500 рублей серебром, следовательно, все 70—35 000 руб. сер., не считая того, что раздают мукой, платьем и проч.

Деньги деньгами, но чем оценить труды маститого, многоуважаемого писателя и молодых дочерей его, оставивших в Москве просторный, покойный дом свой, чтоб кое-как приютиться в степи, среди грубого народа, ради подачи помощи нуждающимся, голодающим? — Какую стяжают они награду за свое самопожертвование? Благодарность тех, кого облагодетельствовали? Почет всех свидетелей их трудов? — Как бы не так! — Повсюду неудовольствие, брань, конечно, заочная, и гнуснейшая клевета! Богатые и достаточные крестьяне завидуют нищим, которых они кормят, стараются втираться в даровые столовые и, когда, узнав о их хитрости и обмане, им отказывают, тогда они злятся, бранят графа и его дочерей, распускают о них разные клеветы. Позор на человечество!

Не одни грубые крестьяне, но пастыри церкви, священники, которым следовало бы лучше понимать сподвижничество всей семьи графов Толстых, не устыдились потворствовать этим клеветам! Отец [71] настоятель храма села Орловки отправился в соседние сёла и стал уговаривать всех священников следить за поведением (?!) графа, уверя их, что он пропагандирует какую-то свою, вредную секту. С этим прибыл он и к настоятелю церкви села Огарева [74] и стал ему поносить графа. Священник огаревский — почтенный старичок, простой и набожный.

— Что вы мне говорите о Толстом? — ответил он. — Никакого Толстого я не знаю и впервой о нем слышу!

С тем и отпустил непрошенного доносчика.

Между тем, клевета орловского священника, перенесенная им же к преосвященному Никандру, архиепископу тульскому и белевскому, принесла свои плоды. Явились в Епифанский уезд присланные от архиерея два следователя: благочинный и священник для исследования поведения графа Льва Николаевича Толстого!!!

Сын мой Дмитрий Раевский [73], предводитель дворянства Епифанского уезда, узнав о прибытии этих следователей в село Никитское, позвал их к себе и удостоверял их, что граф Толстой не пропагандирует никакой секты, а занимается только тем, что кормит голодных и нуждающихся, устраивая бесплатные столовые для детей, стариков, старух и вообще всех, кому недостаточно хлеба, раздаваемого земством.

— А школа сельская? — спросили следователи.

— В школе сельца Бегичевки, — продолжал Дмитрий, — занимался не граф; он даже в нее не ходил, а преподавала там племянница его Вера Александровна Кузминская, потому что крестьянам нечем было платить учителю; занималась она там только несколько дней, а теперь граф на свой счет выписал прежнего преподавателя и платит ему из своего кармана; следует его благодарить за это благодеяние учащимся ребятам.

Однако ж, курьезные следователи этим не довольствовались, отправились делать экзамен школьникам в Бегичевке. Оказалось, что всё взведенное на графа Толстого обвинение — чистая ложь. Школьники поют молитвы перед началом и после окончания учения, знают наизусть молитвы, требуемые по программе, а в законе божьем сделали значительные успехи.

Следователи уехали обратно в Тулу. Неужели клеветнику не будет выговора?

Не унялась клевета: подражая орловскому, стал ее распускать о. Василий Алексеевич Милованов[74], священник села Никитского; она принесла пагубные и опасные плоды. Крестьяне им поверили, как вообще верят всяким нелепостям, а разуверить их нет возможности.

— Разве господа скажут нам правду? — вот их всегдашний припев.

А то, что расскажет им прохожий солдат или полупьяная побирушка, то считают неоспоримой истиной. Вот то, что мы сами слышали, и точно то же рассказала нам Варвара Федоровна Ошанина, которой имение в двадцати верстах от нашего хутора.

— Мужики, — говорит она, — между собой толкуют: «Какой это граф? — одет по-мужицки, ходит по избам, никакая стыдь его не берет! всё пешком, аль верхом в метель, вьюгу, везде рыщет! Это не человек, это — антихрист! откуда такая в нем сила? Махнет одной рукой — деньги ему сыпятся! другой махнет — вагон с хлебом сам к нему катится! Нам его хлеба-то чертовского даже боязно есть-то!

Вот благодарность за неслыханные благодеяния! за прокормление целого края! Нас страх берет за графа. — Знают, почитают его имя во Франции, где зовут его не иначе как: «l'apôtre de Toula» *, в Англии, в Америке, а здесь грубые дикари, того гляди, убьют его, обзывая антихристом... А знают ли они, что этот воображаемый ими антихрист постоянно носит в одном из глубоких карманов суконной серой блузы, всегдашней его одежды, евангелие, листы которого почти истерты от частого перелистывания, а ночью эта книга покоится на столике у его изголовья **.

Как предупредить несчастье? — сказать графу? — он с презрением отнесется к этим слухам, считая их вздорными сплетнями, или скажет: «Что ж, если убьют меня, это, верно, так и следовало быть».

25 декабря пробыл у нас граф Толстой часа три, много толковал с Николаем Авенировичем Мартыновым *** [76] о покупке льна, который крестьянки разбирают нарасхват. Много говорили и о том, как бы прокормить крестьянских лошадей до весны.

Граф предлагал закупить прошлогодней соломы, свести в одно помещение несколько сот лошадей и кормить их там этой соломой, посыпая ее толчеными жмыхами; а если нанять помещение вблизи винокуренного завода, то поливать солому бардой.

— Позвольте мне заметить, — возразила я, — что по опыту знаю, что горячая барда, поливаемая на корм в холодном помещении, развивает в лошадях чахотку.

---

* [тульским апостолом]

** Это сообщили мне мои внуки — очевидцы.

*** Н. А. Мартынов, художник—живописец, имеет в Москве свою школу живописи, куда ходят молодые девушки, в том числе моя внучка Лиза Цингер [77], которая с. ним сделала большие успехи. Мартынов — корреспондент графа Толстого, закупает для его столовых разный хлеб, жмыхи, также лен для раздачи бабам, которые с радостью берутся прясть и ткать его из-полу, потому что в нынешнем году не родились ни лен, ни посконь. Он приехал сюда на праздник, чтоб переговорить с графом Толстым и помогать Нат. Ник. Философовой открывать даровые столовые.

Граф Толстой сообщал, что на Кавказе куплено 30 000 десятин лугов и предлагают отправить туда на прокорм крестьянских лошадей.

— Пока об этом пойдет переписка, — заметил зять мой И. Н. Мордвинов, — да соберут лошадей, дело затянется до февраля месяца, а в половине марта уже понадобятся лошади для пахоты, тут у нас самый овсяный сев. Когда же лошади вернутся? и что будет стоить провоз туда и обратно? К тому же вряд ли доверят крестьяне своих коней чужим людям; скорей извернутся здесь их кой-как прокормить. У того мужика, у кого в нынешнем году лошадь не продана, тот состоятелен, а у бедняков она продана или зарезана.

— Но ведь лошадь прокормить до уборки хлеба будет стоить мужику более 20 рублей сер., — сказал граф. — Мы же прокормим его лошадь до весны — до жива, а не до жира.

— Чем же мужик ее поправит весной, чтоб она годилась для работы? — возразил Мордвинов. — Как он ее впряжет в соху, выведет на пашню — она у него падет.

Толковали долго, но так и не столковались.

— Вышел сборник в пользу голодающих, обещали мне его прислать. Там две мои статьи [78], — сказал граф Толстой.

— Зачем не напечатали вы их в «Русских Ведомостях»? — спросила Екатерина Васильевна Степанова *. Лучше бы было, если б они раньше появились.

— Их завербовали издатели в свой сборник, — заметил Мартынов, — конечно, из своей выгоды.

— И тянули этот сборник непозволительно долгое время, — прибавил Лев Николаевич.

— На-днях, — сказал граф, — явились ко мне два гвардейских офицера; знаете, из таких, что признают голод только под видом корчи у умирающих или неизлечимой опухоли во всем теле от вредных суррогатов в пище. Если же этих признаков нет, значит, и голода нет. Наша же задача та, чтоб по возможности предупредить корчи и неизлечимую опухоль. Этого они понять не могут.

29 декабря, 10 часов вечера

Хочу записать здесь нечто о замечательной личности — Матвее Николаевиче Чистякове, одном из друзей и приверженцев графа Льва Николаевича Толстого.

Вечером 8 декабря дочь Маргарита Мордвинова, нервно расстроенная со смерти брата, ушла к себе наверх и легла отдохнуть. Я спать не могла и осталась в кабинете зятя с ним и с Матвеем Николаевичем, которого граф, вызванный графиней в Москву и уехав туда с дочерьми, уполномочил без себя заняться здесь открытыми им даровыми столовыми. Разговор переходил от одного предмета к другому. Чистяков во всем высказывал здравый смысл и начитанность. Наконец, Мордвинов обратился к нему с вопросом:

— Ваши познания, Матвей Николаевич, так глубоки и по таким разнообразным предметам... Скажите, прошу вас, где вы учились?

— Нигде, — простодушно ответил Чистяков.

— Как? Нигде? — воскликнули мы оба.

---

* Екатерина Васильевна Степанова, девица лет двадцати восьми, кончала курс в московской Школе живописи и ваяния, в С. Петербурге прошла четыре курса в Академии художеств и вышла оттуда с золотой медалью. Она дает в Москву уроки в технической школе рисования, а на праздники приехала в наши края, чтоб по возможности быть полезной Наталье Ник. Философовой в деле помощи нуждающимся. Степанова приехала на собственные скудные средства.

— Так, нигде. Я — сын крестьянина; дед мой был волостным старшиной, отец — бурмистром. То что знаю, тому сам обучился.

— Вы — замечательный человек! — сказал зять.

Молча смотрела я на Чистякова, с удивлением; скажу ли — с благоговением?

— Положительного места жительства я никогда не имел, — продолжал Чистяков. — В продолжение шести лет вел я все дела одного из братьев Серебряковых [80]: знаете, этих Серебряковых, у которых на Урале золотые прииски. Старший из братьев, миллионер, имел свои пароходы на Северном океане, где вместе с Нордшильдом [81] снаряжал экспедиции, разыскивающие себе путь среди северных ледников. У обоих братьев были свои поверенные в Японии, в Китае. Я же занимался делами меньшего брата на Урале, на Кавказе, в Самарской губернии.

— При вашей любви к передвижению, не захотели вы побывать в Японии, в Китае?

— К сожалению, не знаю иностранных языков, — тряхнул головой Матвей Николаевич. — А знаете? без английского языка туда и сунуться нельзя! Пробовал я учиться и по-французски и по-английски, да не даются мне языки. Дела же было через голову. Мой Серебряков разделился с братом, оставил ему золотые прииски и взял себе капитал; задумал основать в Самарской губернии земледельческую техническую школу со всеми новейшими изобретениями. Замысел грандиозный. Приобрел несколько десятков тысяч десятин земли, воздвиг целый посёлок и несколько отдельных хуторов. Строения все великолепные, всё камень, кирпич и железо. Главный посёлок был целым городом. Одно здание для школы стоило миллион. Земледельческие орудия выписывались все из Англии, стоили они двести тысяч, а может быть, и более. Кругом строились хутора — все здания каменные, железом крытые. Дома для рабочих — удобные, всё на широкую ногу. И всем этим я заведывал. Архитекторы, инженеры, техники все были под моим ведомством.

— Как у вас дело шло?

— Во всем отлично, но с работниками — отвратительно.

— Почему?

— У нас рабочие — всё больше были хохлы. Они до того упрямые, закоснелые в своем невежестве, что ничего с ними не поделаешь! Например, привезут новую машину из Англии, положим, хоть самое простое орудие, — плуг трех-четырех лемешный. Призовешь вечером старосту.

Тут Чистяков вскочил и вытянулся у притолоки кабинета.

— Вот так у притолоки вытянется, глаза в потолок уставит... Вот так.

Чистяков уставил глаза в потолок и скорчил глупейшую физиономию.

— Вот и толкуешь ему часа два, в чем состоит польза нового плуга, как с ним обращаться, сколько следует в него впрягать волов. У нас там на юге всё на волах работают. Наконец, спросишь: «Понял ты меня?»

— Как же, понял, Матвей Миколаич.

— Ну, так сберу завтра плуг, покажу на пашне, как им орудовать, а ты смотри, чтоб работник по моему приказу всё исполнял.

Староста в затылке чешет.

— Так-то так, Матвей Миколаич...

— Ну, что ж?

— Как вашей милости будет угодно, а по нашему сохой бы лучше...

Тут Чистяков взмахнул руками, отскочил от притолоки, сделал несколько шагов и уселся на прежнее место в кресло.

— Ну что ж прикажете с ними делать? Например, косилки выписали — траву, жнеи — пшеницу что ли, овес косить. Земля — новь, попадаются на лугах, на пашне кое-где кустик, либо пень, что не успели еще с корнем выкопать. Наладишь им косилку, либо жнею и говоришь работнику: «Ты смотри, если пень или куст попадется, ты объезжай его, не то поломаешь косилку. Понимаешь?»

— Слушаю-с.

— У меня же дел пропасть, не за каждой же жнеей или косилкой мне самому по полю ходить? Садится хохол на косилку и через пол-часа задремлет, качается с боку на бок, не видит, куда волы идут. А тут пень или куст на поле, хохол спит, косилка зацепит за пень или куст, хохол летит кувырком — косилка вдребезги! Все машины нам исковеркали. Поверьте! — целый сарай этими ломаными машинами завалили.

— Сколько у вас было рабочих волов?

— Тысячи полторы было. Который вол слишком стар становится, либо плохо в упряжи ходит, того продаем, а молодых покупаем, выезжаем.

— Где ж вам всякого вола знать, каков он?

— О! на это хохлы молодцы. Один у меня особенно был на то хорош. Возьму его, бывало, с собой на какой хутор, а хуторов много у нас было настроено. Поеду с ним в луга, где волы пасутся, и спрашиваю: «Ну, смотря, какой из них годен аль нет?»

— А хохол: «Вот эфтот, Пестряк, плох — не годится. А тот, Матвей Миколав, ничего — хорош еще».

— Как? — говорю, —что за Матвей Миколав?

Хохол ощеряется: «Да так, у него кличка такая, Матвей Миколавом зовут. А тот вон — Серебряков, бурый-то, уж стар становится».

— И у каждого вола у него была своя кличка, и каждого он по имени знал. Курьез!

— Что ж? как пошли у вас дела со школой?

Он рукой махнул.

— Куда тебе! Не поладил Серебряков с губернатором. Что у них там вышло, право, не знаю. Только губернатор тайком на него донес в Петербург, видите, что у нас будто бы тут в заведении социалисты пригреваются... А всё вздор! и в помине их не было! Ну, и запретили земледельческую школу — и всё прахом пошло... Серебряков всё бросил: с горя всё продал за бесценок; положил туда миллионы и душу свою в придачу... За всё взял, кажется, сто тысяч и уехал, разорившись до тла.

— Сколько вы у него получали гонорара?

— Семь тысяч в год.

— Сколотили ли вы хоть себе что-нибудь на черный день?

— Почти ничего; тысячи полторы осталось.

— Как же так?

— Видите, я деньгами не интересуюсь. Был у меня слуга, хохол, честный. Я ему давал деньги, он мне закупал всё, что мне нужно было. Счетов своих я никогда не сводил. Потом, когда я ездил по делам с самим Серебряковым, он спросит:

— Сколько вам нужно в день проездных?

— Всё равно, говорю.

— Шесть рублей, довольно?

— Довольно.

— А ездил я с ним всегда вместе, значит, по железным дорогам всё в первом классе; в Петербурге стою там же, где он, значит, он у Демута[82], я у Демута, чтобы быть под рукой. Что ж это стоит? А разъезды, извозчики и проч. Не шестью рублями это пахло. Я свои и тратил.

— Что ж вы ему не говорили?

— К чему? На что мне деньги? Я — один, проживу и без денег. Когда делов у Серебрякова не было больше, вижу — я ему не нужен, не к чему ему меня держать, только лишний ему расход, — я откланялся. — Тут услыхал я, что Чертков живет в духе Льва Николаевича; отдал всю землю свою крестьянам, а они подарили ему клочок земли. Он выстроил там себе избу и живет в ней, сам пашет и живет по-мужицки. Я — к нему, стал помогать ему, по округу народу помощь какую подавать; да отбили мужики у меня охоту с ними возиться: такое низкопоклонство, столько подлости, лести, хитрости и обмана на каждом шагу... Опротивели они мне. Долго не выдержал. Притом хотелось на месте пожить, поуспокоиться. — Взял в Воронежской губернии 175 десятин на аренду. Кстати вблизи живет мне друг-приятель — Эртель[83], держит также там аренду. Превосходный человек, мы друг другу сочувствуем.

— Тот ли Эртель, говорю, — писатель?

— Он самый. Вот я и поселился близ него. Народ там хороший, честный, т. е. крестьяне. Я им даю часть земли внаймы, они мне за нее отрабатывают, никогда никаких письменных условий с ними не делаю. Слову моему они верят, а я ихнему. — Когда я узнал, что Лев Николаевич приехал сюда, то захотел его повидать и посмотреть, как он действует. Теперь, пока он в Москве, я за него отрабатываю, а когда он вернется, я уеду на свой хутор.

— Останьтесь еще здесь!

— Не могу, у меня там дело есть неотложное. С Эртелем хотим и там столовые открывать. Ведь и в Воронежской губернии такой же голод, как и здесь.

Рассказывал мне Чистяков также про отшельника, которого он видел в Саратовской губернии.

— Услыхал я про этого отшельника в одном из сел, верстах в 25—30 от Саратова: мне захотелось его повидать. Этот отшельник был богатым крестьянином, жил хорошо, но захотел удалиться от мира и верстах в трех от родного своего селения стал рыть себе в горе пещеру. Я туда отправился. Подходя к горе, я увидал высокого, худого, бледного, но крепкого, мужественного еще старика лет шестидесяти; длинная белая борода, длинные белые волоса придавали величественный вид кроткому, спокойному выражению его лица. Он заступом копал землю в небольшом садике, окружающем его пещеру. Тихо и спокойно приветствовал он меня. Я стал любоваться его садом; всё там было чисто, в порядке, кусты окопаны, кой-где виднелись и цветы.

— Сами вы это всё засадили? — спросил я.

— Сам. Вот кусты малины, вот всякая смородина. Ягоды поспевают: я их иногда ем. Прилетают и птички небесные, клюют их. Ведь и они тварь божия, и ей надо питаться.

Я попросил позволения посмотреть его обитель. Он повел меня сначала в длинный, узкий коридор, вырытый в горе; в конце коридора была небольшая, пошире его, комната; на земле послана грубая его постель и стоял глиняный кувшин с водой, единственный напи-

ток отшельника: он ее черпал из колодца, находящегося у подножья горы. За этой комнатой опять длился узкий проход, а за ним опять вроде небольшой комнаты, освещенной лампадкой: посреди ее стоял деревянный крест, ножкой врытый в землю — то была молельня старика.

— Сами вы всё это вырыли?

— Сам.

— Чем же он питается? — спросила я.

— Хлеб ему носят родственники из села, но не каждый день. Я выразил ему свое удивление насчет скромного его питания.

— Вы видите, — сказал он, — я, благодаря бога, здоров, могу и руками трудиться, и молиться всевышнему богу нашему.

— В Самаре же, — рассказывал Чистяков, — есть какая-то секта, совершенно особливая. Главная ей руководительница девяностолетняя старуха. Она с давних пор стала всем проповедывать умеренность, чистоту нравов, честность, воздержание от вина, любовь к богу и к ближнему, несопротивление злу. Сначала у нее было мало последователей, а теперь их насчитывается до пяти тысяч человек. Было время, когда начальство вообразило, что эта секта из зловредных, старуху схватили, в тюрьме держали. Она же преследование сносила покорно, и слава ее еще более распространилась. Наконец, начальство удостоверилось, что ничего в ее учении нет дурного, ни противного православию: старуху выпустили на свободу.

— К этой секте примкнул некий богатый человек, кулак и мироед, наживший капитал тем, что обманывал и обирал народ. Теперь же он совершенно изменился. Сын же его отказывается следовать его учению: он женат и живет своим домом. Я знал старика давно: услыхав об этом курьезе, я зашел к нему из любопытства; перемена в нем меня поразила. — При мне, пока мы разговаривали, прибежал его внученок, стал к деду приставать, надоедать ему, даже ухватил его за седую бороду. Старик тихонько высвободил ее из рук мальчика и с кротостью убедил его удалиться.

— В прежнее время, — обратился ко мне старик, — я бы его за ухо, да за дверь швырнул, а теперь — нет! совсем не то.

Я слышал, что прежний мироед теперь не только не грабит, но раздает милостыню нуждающимся.

— Это не та ли самая секта, — спросила я, — о которой говорил мне Лев Николаевич? — в Нижегородской она губернии?

— Нет; вовсе не та. Та секта мне не так нравится, потому что те сектанты много хлопочут о наживе. А эти вовсе нет. Они помогают друг другу, это правда, нищих между ними нет, но нет и богатых.

— Ходят они в нашу церковь?

— Ходят, как же: венчаются в церкви и детей крестят.—В условленные же дни собираются они в частных домах и все вместе молятся; а председательница их, старушка, проповедует им в этих собраниях.

— Школы у них есть?

— Есть, но народ мало грамотен. Я испросил позволение притти на их собрание и стал им читать евангелие, выбирая места доступные их пониманию. Они, не спуская с меня глаз, слушали с величайшим вниманием, более чем с удовольствием, и очень жалели о том, что некому чаще им читать такие хорошие поучения.

С Чистяковым засиделись мы почти до полуночи; вдруг слышим звон ямских колокольчиков.

— Кто же к нам так поздно жалует? — сказали мы. — Не здешний, вероятно.

В передней раздались шаги. Зять вышел посмотреть на ночного посетителя. Слышим, раскланивается, как с незнакомым.

Возвращается через несколько минут в кабинет в сопровождении высокого, красивого, черноволосого, молодого человека, который рекомендуется:

— Mister Braley, из Лондона.

Англичанин! говорящий по-русски безо всякого акцента. Вот чудо!

Объясняет, что прислан с целью объездить все страдающие от голода губернии, чтоб удостовериться, справедливы ли слухи, дошедшие до Англии о нуждающемся русском населении. Говорит, что до Скопина доехал по железной дороге, а оттуда просёлком на ямщике; заходил в крестьянские избы; разыскивая себе сносного ночлега, заехал к г-же Медведевой, скопинской помещице: там его не приняли. Тогда ямщик довез его до князя Михаила Владимировича Долгорукова [84], данковского земского начальника. Тут Бролей провел ночь, а Долгорукий дал ему письмо к И. Н. Мордвинову. С этим рекомендательным письмом он к нам и явился. Сообщил он, что в Англии уже собрано 60 000 фунтов стерлингов и ждут только известия о том, где более страдает от голода народ и к кому, в какие верные руки следует адресовать те суммы, которые желают жертвовать на помощь нуждающимся.

— Мы тогда только поверили ходящим слухам, — прибавил мистер Бролей, — когда узнали, что граф Лев Толстой переселился в провинцию, чтоб подавать помощь голодающим. Это известие было, если смею так выразиться, реклама о голоде.

— Граф Толстой действительно был в наших краях, и вот господин Чистяков, его уполномоченный, — сказал зять мой, указывая на Матвея Николаевича, который из учтивости пересел на дальнее кресло.

Лишь только англичанин это услыхал, как вскочил со стула и отвесил Чистякову глубочайший поклон. Потом стал его расспрашивать в подробности о деятельности графа, о даровых столовых и проч. Разговор принял деловой характер.

Мистер Бролей ужинал с большим аппетитом, ночевал у нас. Он изъясняется самым чистым французским и немецким языком, об английском и говорить нечего.

— Как случилось, что вы так хорошо говорите по-русски? — спросила я.

— В детстве я пробыл двенадцать лет в России, — ответил Бролей.

Утром в разговоре, обращаясь ко мне, он, говоря, о Мордвинове, сказал: «ваш племянник.»

— О ком вы говорите?

— Об Иване Николаевиче.

— Он мне не племянник, — возразила я, — а — зять, муж моей меньшой дочери. Я — Раевская.

— Неужели? — воскликнул Бролей, — неужели господин Раевский сын ваш?

— Да. Я имела несчастье лишиться его. Вы видите, я в трауре.

— Неужели? — повторил он, — мы хорошо знаем господина Раевского! Он друг графа Толстого.

Когда Бролей, откланиваясь, брал адрес И. Н. Мордвинова и давал ему свой, я услыхала из соседней комнаты, как он говорил ему:

— Мы вполне вам доверяем, потому что вы — зять г-на Раевского.

Слёзы брызнули из глаз моих, я спешила уйти, чтоб скрыть их.

И так доброе имя того, кто погиб жертвой своего непосильного сподвижничества, и по кончине своей принесет пользу народу своему, русскому...

31 декабря 1891 г.

Третьего дня приезжал к нам Лев Николаевич проститься, потому что графиня Софья Андреевна требует, чтоб они все вернулись в Москву встречать с ней новый год. Вслед за ним заехала и Татьяна Львовна дорогой из Чернавы, где с почты получила 2 000 рублей пожертвований.

— Долго ли пробудете в Москве, граф? — спросили мы.

— Я, — ответил он, — не остался бы там более суток, да вот они, — указал он на дочь.

— Лучше теперь пробыть там месяц, — возразила Татьяна Львовна, — чем беспрестанно ездить туда и назад. Останемся там до первых чисел февраля, а потом приедем сюда уже на всю весну.

— Скука мне в Москве, — продолжал граф, — вы не знаете того, что у нас там бывает? Каждый день, с утра до вечера, до поздней ночи, человек тридцать, которые говорят, шумят, курят!

— К чему вы их к себе пускаете?

— Невозможно иначе. Есть между ними такие, которых нельзя не принять, а другие, если не принять, обидятся!

— А я, — засмеялся Мордвинов, — только что хотел просить у вас позволения к вам приехать!

— Вот вы и будете тридцать первым, — пошутил граф, — и таким, которого невозможно не принять!

Все рассмеялись.

— Не прикажете ли кофею? — спросила дочь.

— Благодарю вас, я совершенно сыт. Был в Павловке[85] в столовой крестьянской и поел там овсяного киселя. Отлично там варят кисель.

— Бабы крестьянские мастерицы кисель варить, — заметила я, — лучше ученых поваров.

— Много значит в киселе хорошая, сухая овсяная мука, — заметил граф.

— Павловка принадлежит графам Игнатьевым[86], — сказала я. — Сестра Елизавета Ивановна Менгден[87] мне пишет из Петербурга, что мать графини и она сама ей сказали, что недавно молодой граф Игнатьев был в своих данковских имениях и написал им ужасы о голоде, постигшем их бывших подданных; что вследствие его письма они немедленно распорядились отправить туда разного платья (?) для народа и хлеба.

— Не хотим мы поручать раздачу земству *, а поручили выборным** из крестьян покупку муки и раздачу печеным хлебом всем мужикам поголовно (т. е. без разбора богатым и нищим?!) Чтоб

* В Петербургском дамском великосветском обществе слово з е м е ц равносильно наименованию — социалист, а, пожалуй, и мерзавец. «Ah, c'est un земец!», говорят с презрительной гримасой петербургские аристократки. Х о р о ш и п о н я т и я!

** Если боятся, что земство их деньги украдет, почему не поручить раздачу назначенному окружному попечителю?

каждому члену семейства давали по два фунта печёного хлеба в день. C'est beaucoup plus que ce que leur donne le semstwo *. — А деньги поручили мы священнику нашему на сохранение.

— Я был сам в Павловке, — заметил граф на мои слова, — крестьяне все мне говорили, что «их графы» им раздают каждому по три фунта печёного хлеба на месяц, а вовсе не на день. Тут разница большая. Но они прибавляют: «И за то им спасибо».

То же самое подтвердил нам сегодня Николай Авенирович Мартынов, который помогает Наталье Н. Философовой открывать даровые столовые. Он также был в Павловке и сделал там поименную опись всем нуждающимся, сколько в каждом дворе едоков, что из земства получают они вспомоществования и, смотря по тому, сколько едоков следует из каждого такого двора записать в открытые ими даровые столовые. Эти списки сделаны им с удивительным тщанием и аккуратностью: он сверял их весь вечер со списками, находящимися у зятя моего Мордвинова, так как Павловка в его участке, и всё оказалось верным до точности. В списке его значилось 103 едока, принятых в даровые столовые.

— Ведь эти крестьяне, — спросили мы, — получают хлеб от своих бывших господ графов Игнатьевых?

— Но это в счет итти не может, — возразил Мартынов.

— Почему же?

— Вот в этой книжечке я нарочно записал то, что они получают от графа.

Он вынул из кармана записную книжечку и показал нам.

— Видите: на три человека в этом семействе — девять фунтов печёного хлеба в месяц. А тут, — он указал на другой двор, — на четыре человека — четырнадцать фунтов хлеба также на месяц. И странно как-то дают, как видите, кому по три фунта, кому по три с половиной фунта на человека. И хлеб-то отвратительный. Мы пробовали. Не хорош! Да может ли эта помощь в счет итти? Всего это еды на один день, и то прескверной!

Кто тут виноват, петербургские благодетели или крестьянские выборные? — трудно в этом разобраться. По-моему же — и те и другие. Петербургские благодетели из-за тысячи верст благодетельствуют и очень довольны собой. А выборные, которые, по их мнению, честнее земцев, беспощадно обкрадывают и благодетелей и свою же голодающую братию!

Нет, господа столичные филантропы, так дело не делается. Дело милостыни труднее и хлопотливее! Тут потребно личное самоотвержение, такое, как у графа и у тех интеллигентных людей, которым он доверяет это святое дело, и доверяет разумно.

История Павловки и петербургских благодетелей увлекла меня на два дня вперед, и я должна возвратиться к 29 декабрю и беседе с графом Львом Николаевичем.

— Странные взгляды у этих людей, — сказал граф. — Они признают голодом единственно корчи умирающего или неизлечимую опухоль всего тела—следствие вредных суррогатов, поглощенных поневоле за неимением здоровой пищи. Другого они не понимают. — Наша же задача состоит в том, чтоб предупредить корчи и опухоль всего тела, часто неизлечимую. — Конечно,нам предстоит дилемма, над которой как не задуматься, а разрешить ее — невозможно. С одной стороны — нельзя не помогать голодающим, — с другой,— понимаю, что мы портим крестьян своим даровым кормлением. Они

* [Это гораздо больше того, что дает им земство].

изленятся и будут всегда лежать на печи и ожидать, что даровой хлеб им в рот попадает! Разовьются праздность и лень! — Да, дилемма неразрешимая! Одно будущее может ее разрешить!

Граф задумался, и мы все замолчали.

Тут кто-то заговорил о тех бессмысленных сказках, что здесь разносятся о Льве Николаевиче.

— Знаю я всё, — улыбнулся граф. — Когда мы, во второй сюда приезд, остановились в селе Молоденках[88] перепрягать лошадей, я пешком пошел вперед по деревне. Мальчишка побежал за мной и кричал мне вслед: «Антихрист! Антихрист!»

Граф смеялся, а мы все негодовали.

— Еще курьезный рассказ, — кто-то прибавил, — это целая легенда. Иду я по дороге, повествует мужик, — и тут же идет прохожий в нагольном полушубке. Я стал с ним гуторить. — Кто ты? откуда? — А он вдруг, как распахнет полушубок! — ан под ним мундир, вся грудь золотом расшита, так и горит! Тут я смекнул, что это сам граф и есть!

А граф Лев Николаевич Толстой не выходит из своей серой суконной блузы!!!

C'est ainsi qu'on écrit l'histoire*. Вот вам и народное предание!

Другая легенда дышит самой отвратительной клеветой.

— Еду я из Скопина[89] (Лев Николаевич никогда в Скопине не был), — ораторствует мужик в кабаке. — Идет граф эвтот в полушубке по большому трахту пешком. — Говорит: «Подвези меня». Я его подсадил в свои сани.

— Куда едешь? — говорит.

— Спешу домой, — говорю. — Завтра Микола, у нас храмовой праздник. Хочу угоднику Миколе помолиться, чтоб урожаю помочь. А он, граф-то: «Никоего нет Миколы! Никоего угодника нет! всё враки!» Я развернулся, да его в зубы! Он так с саней и покатился.

Мы негодуем, а Лев Николаевич только смеется.

2 января 1892 г.

Из Самары по крайней мере вести отраднее: там, видно, народ и умнее и благороднее нашего. Вот то, что пишет матери внук мой Иван Бергер, уехавший с графом Львом Львовичем Толстым в Самарскую губернию, в Бузулукский уезд, в Патровскую волость, чтоб итти на помощь голодающему населению.

— Доехали хорошо; взялись уже за дело. Крестьяне, увидав графа и узнав, что он приехал их кормить, бросились перед ним на колена и стали молиться. Мы выгружали вагоны с хлебом и устраивали даровые столовые.

20 января 1892 г.

30 декабря 1891 г. Толстые уехали в Москву, чтоб встретить новый год в среде всей своей семьи. Здесь оставалась невестка моя, Елена Павловна Раевская, в своем доме с. Бегичевки и сыновья ее, которым граф Толстой поручил попечение об устроенных им даровых столовых, чем они усердно и толково занялись.

В первых числах января 1892 г. сидит невестка дома с детьми и молодой Н. Н. Философовой, приехавшей ее навестить. Слышит, кто-то подъезжает к крыльцу, и не обращает на то особенного внимания, потому что к ним ежедневно ездят соседи. Но очень удивилась, когда вошел в гостиную бледный, как полотно, двоюродный племянник ее Алексей Лопухин[90], товарищ прокурора в городе Рязани.

* [Так пишется история]

— Алёша! — удивилась она, — как тебе вздумалось ко мне приехать?

— Тетя, — отвечает Лопухин, — мне надо с тобой переговорить наедине.

Еще более изумленная невестка ведет его в прежний кабинет покойного мужа.

— Что такое? — спрашивает она.

— Очень неприятное дело, — выговаривает с усилием Лопухин.— Я приехал арестовать одного господина.

— Кого?

— Клопского [91].

— Никакого Клопского здесь нет и не было. Впервые слышу это имя. А в доказательство, что не лгу: «Наташа!» — позвала она.

Наталья Ник. Философова немедленно пришла в кабинет.

— Наташа! — спросила невестка, — был здесь Клопский?

— Нет, — ответила Наташа, — его здесь не было.

— А знаешь ты его?

— Я с ним не знакома, но как-то раз видела его в Москве у Толстых.

— Как же, — спросил Лопухин, — мне сказали, что он приходил сюда пешком в лаптях?

— Приходил сюда один господин пешком и в лаптях, это правда, но только это был не Клопский, а***.

— Ваш приказчик, — обратился Лопухин к Елене Павловне, — сказал уряднику, что это был Клопский.

— Мой приказчик, — возразила смеясь невестка, — никого не знает. Вероятно, урядник ему сказал: «Это Клопский к вам приходил в лаптях?», а Яков Петров[92] ответил: «Да», — сам не зная, что говорит.

— Признаюсь тебе, тётя, что со мной здесь жандармский офицер; он стоит в передней. Это очень порядочный человек.

— Попроси его сюда, — спешила сказать невестка.

Вошел жандармский офицер, очень приличный, и стал извиняться что обеспокоил.

— Из-за чего хотите вы арестовать Клопского? — спросила невестка.

— У него оказываются запрещенные книги.

— Из того только? — засмеялась невестка. — в каком же доме нет запрещенных книг?

Невестка, рассказывая мне эту курьезную историю, смеялась:

— Офицер, — сказал она, — сел за стол и стал писать протокол наведенного им следствия, а в том же столе, на котором писал, весь ящик набит был запрещенными книгами! Просто — комедия! Офицер хотел написать, что Наташа видела Клопского у Толстых, но я остановила его.

— Прошу вас не вмешивать Наталью Николаевну в ваши протоколы. Напишите, что я, Елена Павловна Раевская, там его видела.

Так и сделали.

Позвали приказчика Якова Петрова, который трясся, как осиновый лист, при виде жандармов (два солдата стояли у крыльца); он еще более испугался, узнав, что всё дело поднято из-за его необдуманных слов. Он так струсил, что никак не соглашался подписать протокол. Когда же увидел, что подписала его сама Елена Павловна, то решился и он руку приложить.

— Почему вы знаете, что сюда приходил господин в лаптях? — спросила невестка у Лопухина.

— Жандармы донесли.

— Мы здесь ни одного жандарма не видали.

Офицер усмехнулся.

— Разве ходят они в мундирах, — сказал он. — Они переодетые у вас здесь каждую неделю ходят.

Как приятно быть благодетелем целого округа? Без благотворного содействия графа Толстого, может быть, не один, а многие, умерли бы с голода! И в награду за свои труды, самоотвержение, хлопоты и подаяние голодающим он находится под непосредственным присмотром невежественной полиции, которая каждый шаг спешит перетолковать в дурную сторону.

Donnez moi trois lignes de l'écriture du plus honnête homme du monde, — a dit Talleyrand [93], — et je vous promets de le faire pendre»*.

Тут даже и строки не нужно. У нас, вероятно, каждый шаг равняется строке? — Видишь — глаз колет, слышишь — уши вянут.

1892 г. 26 января.

Граф Лев Николаевич и Мария Львовна Толстые вернулись в с. Бегичевку в ночь с 24 на 25 января в сильный холодный дождь. С ними приехала и графиня Софья Андреевна.

25-го вечером дочь моя, Маргарита М., поехала в Бегичевку навестить графов Толстых и привезла оттуда Марию Львовну, которая у нас осталась ночевать. Она рассказала нам, что в прошлое воскресенье, т. е. 19 января, давали в Москве в Малом театре «Плоды просвещения», комедию сочинения ее отца. Он, уже столько лет не посещавший театров, захотел посмотреть, как идет его пьеса на сцене? У Толстых была взята в бель-этаже ложа, где помещались дочери графа. Он пришел к ним, но, во избежание любопытных взглядов зрителей, стоя спрятался в самый темный угол ложи, но и это не помогло. Во время антрактов видно было, как дамы, гуляя по коридору, с любопытством заглядывали в их ложу. К тому же граф близорук, из угла ложи ему плохо видно было то, что делалось на сцене. Тогда он послал старшего сына Сергея за кулисы, чтоб попросить, не дозволят ли ему там занять какой-нибудь уголок, где он мог бы, невидимый, следить за представлением пьесы.

Сергей отправился за кулисы и, встретив Гликерию Николаевну Федотову [94], обратился к ней.

— Граф Толстой в театре, — сказал он, — и просит позволения притти за кулисы, чтоб посмотреть представление.

— Кто? — воскликнула Федотова. — Сам старик?

— Он самый.

— Флакон! — закричала Федотова. — Мне дурно! мне дурно!

Когда она, с помощью флакона, пришла в себя, то восторг ее оказался выше всякого описания.

— Просите, просите графа! Мы найдем, где поместить его! Просите!

Лев Николаевич прошел прямо в уборную Федотовой. Она, не зная уже как выразить свою радость, бросилась к нему на шею, расцеловала его, потом сына его Сергея, и наконец, графа Олсуфьева [95], который тут же очутился.

Но и за кулисами любопытные взгляды следили за знаменитым мужем, так что его, наконец, поместили в директорскую ложу, где

* [Дайте мне три строки писания наичестнейшего человека в свете, говорил Талейран, и обещаю вам, что его сочтут достойным виселицы.]

он мог, незримый, следить за спектаклем. Играли великолепно: сцена с лекцией профессора была выше всяких похвал. Жаль, что Федотова немного шаржировала свою роль. Музиль[96] был превосходен.

На другой же день после этого представления явилась в газете «Новости дня» статья с самым лживым описанием приезда графа Льва Николаевича в театр. Напечатано было, что ему в кассе отказали в билете, считая его за мужика, что он будто бы был в нанковой блузе и в лаптях; что он сунулся за кулисы, а оттуда его также выпроводили, так что он принужден был уехать домой, не видав своей пьесы!?!?

О Москва! о репортёры газетные! Неужели на ваш язык и перо пропасти нет?[97]

5 февраля 1892 г.

Граф Лев Николаевич ежедневно объезжает, а иногда и пешком обходит за несколько верст устроенные им даровые столовые в окрестных деревнях, а если ездит, то всегда один, без кучера, во всякую погоду и по неизвестным иногда ему местностям. Узнаем мы однажды, что он уехал в метель и еще не возвращался. Мы испугались и послали его разыскивать нашего Алексея Конова[98]: будучи охотником — псарем, он знаком с каждым овражком, каждым кустиком и к тому — отчаянная голова, готов и в огонь и в воду. Алексей отправился верхом и нашел графа, идущего пешком по снежному полю, а лошадь от него ушла. Алексей ее поймал, усадил графа в сани и привез к нам.

Мария Львовна, с своей стороны, с раннего утра также отправляется навещать другие столовые; и она, и граф странствуют таким образом весь день и возвращаются в Бегичевку не ранее восьми часов вечера: тут им зараз — и обед и ужин.

На-днях граф уехал верст за восемь в с. Орловку, что на Дону (имение Р. А. Писарева), осмотревши столовую, он шел садиться в сани, как вдруг на него бросилась собака крестьянская и, прокусивши сапог, выкусила у него из ноги кусок мяса*. Графиня Софья Андреевна и Мария Львовна очень испугались, потому что несколько лет тому назад от почти подобной раны граф прохворал несколько месяцев и чуть не поплатился жизнью. — К счастью на этот раз рана скоро зажила, и в эту минуту Лев Николаевич, слава богу, здоров. Заезжал к нам сегодня.

Мария Львовна также была. Дети ей всегда очень рады. Шестилетняя Аня, увидя ее, стоит перед ней и вся дрожит от радостного волнения, а Катя и Володя высунули головы из классной комнаты, все красные от восторга, и улыбаются во весь рот.

— Кончил ли граф свою новую повесть? — спросила я у Марии Львовны.

— Нет еще, — ответила она; — он теперь очень занят давно начатым им философским сочинением[99], а легкие статьи оставил.

— Как жаль!

— Вообразите, что с этой повестью случилось?

— Что?

** Несомненное преувеличение. *(Ред.)*.

— Отец ни мама, ни нам не хотел показывать ее, потому что не переправлял еще, а в сыром виде не хотел, чтоб ее читали. Но вот пишет он мама, что посылает ей статью «о голоде» и наказывает ей показать ее разным личностям, которых называет ей в письме. А между тем, ошибкой вместо статьи «о голоде» кладет в конверт начатую повесть! — Мама получает ее, сзывает гостей и вслух им ее читает![100] Каково! И теперь эта повесть во всей Москве известна!

— Где же теперь эта рукопись? — полюбопытствовала я. — Нельзя ли мне ее прочесть?

— Должно быть, она в Москве. К тому же отец хочет ее переправить, да она еще не окончена.

11 февраля, 3 часа пополудни, на солнце +12 градусов.

Сейчас заходил ко мне граф Лев Николаевич Толстой: он из дома шел пешком в одной блузе, шляпе и нагольных сапогах.

— Возможно ли, граф? как легко одеты?

— Очень тепло, я полушубок снял, нес его. Иду к Философовым, зашел к вам. Хочу завтра ехать с Натальей Николаевной в Богородицк, получил от тульского губернатора Зиновьева[102] письмо: пишет, что объезжал Богородицкий уезд и что там дело продовольствия голодающим очень плохо поставлено, просит меня туда съездить и повидать, что там можно сделать. Владимир Бобринский[103] один там возится, помощников у него нет — никого, а дела через голову. Хочу туда пристроить кого-нибудь из своих. — Лев мой приехал из Самары за субсидиями.

— А внук мой Иван Бергер?

— Он остался в Самаре, всем там орудует. На-днях был у меня англичанин, он там был и очень хвалит Ивана Александровича; говорит — дело у него кипит.

— Что это за англичане здесь разъезжают?

— Это репортеры разных газет: «Daily News», «Telegraph News» и других.

— Чей же репортер был Hoggets?

— Гаваса[104]. Он мне менее нравился трех последних.

— Будет от них толк? Пришлется ли какая помощь?

— В Америке мельники собрали четыре миллиона фунтов муки и спрашивают у меня: кому и куда их переправить? Посылают также своего агента, чтоб разузнать все поосновательнее.

— Не худо бы нам в Данков хорошей муки доставить; ведь здесь раздается кукуруза и отвратительные отруби.

— Да, я видел их, — отвратительны.

14 февраля 1892 г.

I

Елена Михайловна Персидская[104], помещица из казаков, богатая и образованная, выдержала экзамен на фельдшерицу и приехала на свои средства в с. Бегичевку к графу Льву Николаевичу Толстому, чтоб помогать ему в благотворительной его деятельности. Она привезла с собой инструменты и лекарства; к ней со всех сторон сбегаются больные, и она вместе с Марией Львовной Толстой ходит по избам, туда, где требуется медицинская помощь. Персидская вместе с Толстым заведует и даровыми столовыми. Их к февралю месяцу было 95 в Епифанском и Скопинском уездах, так что последние столовые

помещались в отдаленных от Бегичевки деревнях; уезжая туда рано утром, эти самоотверженные молодые девушки возвращаются домой голодные и прозябшие не ранее осьми часов вечера.

Какую же благодарность получают они за свои хлопоты?

Увидим.

Приезжает Елена Михайловна в деревню Пеньки [105], Данковского уезда, в даровую столовую, где кормится беднейшая часть сельского общества. Молодую девушку обступает толпа мужиков; многие из них пьяны: они начинают всячески ее поносить. По спискам знает, кто из крестьян нуждается, кто — нет; видит — пристают к ней все богатые мужики.

— Пусти нас, — кричат, — с семейством в свою кормёжку!

А она знает, что у них свой хлеб есть, да еще из земства получают продовольствие.

— Приходите, — говорит, — с своим хлебом, а приварок вам дастся.

— Очень нам нужен твой приварок! — орут грубые голоса,— возьмем свой хлеб, да почерпнем воды из колодезя, вот и твой приварок!

— У меня не одна вода, — говорит Персидская, — а щи, похлебка и проч.

— К чорту твои столовые! — ревут они. — Убирайся ты с ними.

И прибавляют кой-какие крепкие слова, которые, конечно, Елена Михайловна не захотела повторить. Да и то, что здесь написано, с трудом от нее выпытали. Узнал все это происшествие земский начальник от старосты соседней деревни Прудков [106].

— Бедная барышня, — сказал прудковский староста, — приехала к нам вся в слезах. Пеньковские мужики, сказывают, с кулаками на нее лезли. Уж мы барышню старались успокоить, как могли.

Напрасно приставал Мордвинов к Елене Михайловне, чтоб она ему назвала, какие именно мужики ей грубили. Она ни за что не хотела их назвать, хотя и знала их имена.

— На вашем месте, — заметила я, — следовало бы тотчас закрыть столовую. Не нуждаетесь в столовой? Ну, и не надо ее!

— Как можно? — ответила Елена Михайловна. — Ведь в столовую ходят действительно бедные ребята и старухи, а кричали-то богатые мужики.

II

Другой случай. Пришли к И. Н. Мордвинову из его второго участка, села Татищева, артель в двадцать человек крестьян просить свидетельства на удешевленный проезд на заработки в рязанские леса. Там дают за рубку и пилку одной швырковой сажени (т. е. треть кубической) дров 1 р. 10 коп. сер. Дали свидетельства. Мужики ушли. Вслед за ними поехал и Мордвинов в Данков. Видит мужики там стоят.

— Что ж вы не едете?

— У нас на билеты денег нет.

Мордвинов сам поехал на станцию ж. д., на свои деньги (13 р. с.) взял им билеты и роздал всем по рукам. Уехали.

Не прошло недели, как является назад вся артель.

— Зачем вернулись?

— Работа не годится.

— Нам дали, — говорил один из них, — каждому по топору и по

пиле. Я с двоими товарищами в один день засветло покончили три сажени дров.

— Ведь это каждому из вас по 1 руб. 10 коп. в день, — заметил Мордвинов. — Вычесть харчи, все же придется по 90 коп. в день, значит в месяц 27 руб. сер. Чего же лучше?

— Мы трое остались бы на работе, но вся артель не захотела остаться, мы и вернулись, а то они на нас осерчали бы.

— Отчего же те-то не захотели оставаться?

— Больно снежно в лесу.

III

У Владимира Петровича Глебова [107] большое имение на Кавказе: он нанял в голодающей Тульской губернии сто с лишком человек работников по 75 рублей сер. в год на хозяйских харчах, дал им задатки и повез их по жел. дороге. К сожалению, управляющий, полагаясь на то, что народ здесь голодает и должен за счастье считать предложенный ему хороший заработок, не сделал с работниками письменного условия и не взял им рабочих книжек, где обыкновенно вписывается то, что дается в задаток. Поехали. — С Ряжской [108] станции уж многие сбежали с задатками. Прибывшие же на Кавказ остались там немного времени, и от Глебова все сбежали.

Тамошние колонисты стали их удерживать и предлагали им в год до 120 руб. сер. — Никто не остался, все вернулись в свои деревни.

Управляющий В. П. Глебова подал на них прошение к мировому судье Головацкому [109] (он же и земский начальник). Но тот ничего сделать не мог, потому что ни письменного условия не было, ни рабочих книжек не взято. Немногие из крестьян явились на разбирательство и, сознавшись, что получили задаток, вернули его, но большая часть их ото всего отперлась.

— Как же вы с Кавказа вернулись? — спросил их Головацкий.

— Мы по дороге сначала милостыню просили. Каждый из нас набрал себе по 15 рублей. Тогда мы на машину сели.

— Зачем же вы оттуда ушли?

Тут же с ними была баба, она за всех ответила:

— Кормили нас там какими-то клёцками: в душу не шло!

IV

Граф Лев Николаевич на-днях говорит сыну моему Дмитрию, который взял на себя попечительство округа.

— Для распределения пособий лучше не быть здешним, коренным жителем, потому что у здешних могут быть лицеприятия, помнят, что такой-то когда-то ему нагрубил или сделал какой-нибудь проступок и поэтому не захотят его поместить в число нуждающихся. Или почему-либо имеют к одной личности пристрастие и захотят его ублажать не в меру. Мы же, чужие, не можем иметь никакого лицеприятия.

— Никто, как я, — отвечал Дмитрий, — не страшился более того лицеприятия, о котором вы говорите: особенно страшился и избегал его, будучи мировым судьей; поэтому моим правосудием всегда оставались довольны. Между тем, вы, не жители этой местности, не можете, как мы, знать всякого, кто придет к вам кляньчить и перед вами проливать крокодиловы слёзы. Например: вы говорите, что нет жальче мужика, как моего Никитского Николая Волкова? — А он — отъ-

явленный вор, всем известно, что он из общественного хлебного магазина выкрал все дубовые доски, из которых он, как столяр, выделывал шкапы, столы и проч., которые сбывал по сторонам. У нас лес, особенно дубовый, очень редкий; все удивлялись, откуда Николай его добывает? А как хватились запертого магазина — оказался он пустой, все закрома выломлены, ни одной доски в нем нет! У своего брата-мужика крадет, что попало. Жену на-смерть бьет. А она женщина смирная, богомольная, только тем спасается, что в своей хате запирается и весь день богу молится. Есть он ей не дает. Спасибо, что вы принимаете ее в свою столовую, а то бы давно с голода умерла. Сам же Николай ходит по всем клетям воровать и всё пропивает. Недавно еще в воровстве попался, его следует в острог, а не вам пороги обивать.

— Еще говорили вы, что жалеете, наравне с Волковым, Федота Афанасьева [110]. Это Федот растранжирил всё отцовское наследство, корову, лошадей, овец, и, наконец, избу. Всё в карты проигрывает. На-днях застаю его в моей людской, играет там в карты, прогнал его и послал за старостой, чтоб засадить его в холодную, но он убежал, скрылся, разыскал себе других партнёров и тут же проиграл не только полученные от меня деньги, жалованье, но всё земское продовольствие и даже сапоги свои. На другой день дядя его пришел ко мне на него жаловаться, просил, чтоб я его унял. Но разве могу я шаг за шагом следить за каждым негодяем, который к тому же прячется? А вы говорите, что он самый несчастный изо всего села! Если потворствовать негодяям в ущерб честным труженикам, то немудрено возбудить тем неудовольствие и ропот всего общества крестьянского.

Хороши и попечители!

Господин Иванов, один из деятельных епифанских попечителей [111] своего округа, но, к сожалению, не все на него походят. По болезни он не был в возможности объезжать дальние деревни своего участка, поэтому назначили ему в помощники Михаила Михайловича Корсакова [112]. Всё же до сдавания должности г-н Иванов занялся тем, что удостоверился сам, засыпаны ли все крестьянские магазины положенным количеством четвертей семенного овса, обеспечивающего весенний посев? В том же числе был и магазин деревни Хворостянка [113], Куликовской [114] волости, где засыпано было сто четвертей овса, о чем Иванов и сообщил бумагою тульскому губернатору Зиновьеву.

Приезжает М. М. Корсаков в куликовское волостное правление, чтоб пересмотреть списки нуждающихся в продовольствии крестьян и назначить количество этого продовольствия на февраль и март месяцы. Но еще прежде, чем приняться за списки, он требует себе водки.

Староста засуетился: кабака в селе нет; он бежит в шинок* и берет там полуштоф вина, объявляя громогласно, что добывает его на угощение попечителя (?)!! — Хорошо.

Сбирается сход. Корсаков проверяет списки.

— Вас, робята, — говорит он, — ваш попечитель, как вижу, голодом морил?

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

(Попал из ничего в высокопревосходительство!!!)

— Ну, а я, робята, вам прибавлю всем хлеба!

— Много благодарны, ваше высокопревосходительство!

---

* Шинок — противозаконная, тайная торговля водкой.

А между собой мужики шепчутся: «Вишь, вино пьет, вот он и добрей того! понимает, что и мы не можем не пить!»

А в сущности не от него, Корсакова, а от земства, положено на февраль, март и апрель прибавить количество продовольствия крестьянам, потому что у всех почти запасы истощились.

— Ну, что же, робята, — продолжает Корсаков, — в Хворостянке засыпан амбар семеным овсом?

Мужики переглянулись, перешептались.

— Нет, ваше высокопревосходительство, не засыпан, нечем нам его засыпать-то.

— Ну, ладно. Так и доложу губернатору, что нечем засыпать. Вам семян дадут.

И, не осмотревши сам, засыпан ли амбар или действительно пуст, Корсаков тотчас отправил губернатору донесение о том, что в Хворостянке амбар не засыпан. А тем временем крестьяне из-под ключа стали из амбара растаскивать овес.

Вдруг получает Иванов от губернатора запрос: — Как это вы мне рапортуете, что в Хворостянке магазин общественный засыпан овсом? а Корсаков доносит, что там нет ни зерна?

Удивился и немного испугался Иванов и, по невозможности самому выехать, отправил надёжного старосту удостовериться в исчезновении овсяных семян. — Возвращается староста и доносит, что действительно в амбаре уже нет ста четвертей, а остается их только шестьдесят.

Несколько часов спустя посылает опять Иванов туда же верного человека; тот возвращается с докладом, что осталось в амбаре только 40 четвертей.

Иванов пропускает еще несколько часов, и новый посол отправляется в Хворостянку; этот доносит, что остается в амбаре всего четвертей двадцать.

— Хо! хо! — говорит Иванов. — Понимаю, в чем дело!

Он призывает волостного старшину и трех судей, приказывает им немедля ехать в Хворостянку, обшарить все клети и объявить крестьянам, что, он, Иванов, велит им тотчас обратно свести в амбар весь стасканный ими овес; чтоб было там опять сто четвертей.

Ловкие были эти четыре мужика — старшина и трое судей! Всё исполнили, как по писанному.

В тот же день овес обратно очутился в амбаре.

Хорош попечитель Корсаков? [115]

16 февраля 1892 г.

Сегодня Татьяна Львовна Т. и Вера Александровна Кузминская пришли пешком к нам на блины; после блинов заезжали к Наталье Н. Философовой и привезли ее к нам. Татьяна Львовна подарила мне портрет отца своего, им подписанного мне. Я поставила его на свой письменный стол. Когда на меня находит тоска, тогда люблю взглянуть на его изображение, как на лицо проповедника, когда он так спокойно и кротко на вас смотрит: это спокойствие, эта кротость успокоительно действует на мои взволнованные нервы. Жалею только о том, что фотография не передала на этот раз этого кроткого успокоительного взгляда, в котором светится душа человека, никого никогда не осуждающего, ни к кому не чувствующего неприязни.

Граф Лев Николаевич заходил к нам, а от нас пошел пешком навестить больного тифом врача нашего Н. Е. Богоявленского. От-

туда опять к нам, но спешил домой и позвал с собой дочь и племянницу, говоря, что необходимо им разобрать ворох писем и ответить на них.

— Вы что-то тревожны сегодня, граф?

— Действительно, меня волнует масленица, повсюду пьянство...

— В Ефремовском уезде, — продожал граф, — по милости земского начальника Лобанова-Ростовского [116] идет теперь у нас такая путаница... Он отказал в продовольствии всем деревням, где мы открыли столовые, и теперь крестьяне на нас негодуют. — Ведь наше стремление — пополнить недочет, оказывающийся в земской раздаче, итти рука об руку с земством, а теперь оказывается, что земство идет с нами вразрез, лишает народ хлеба за то, что мы кормим детей, которым земство ничего не давало. На февраль никому не отпустили продовольствия. Нам остается одно — объявить, что в марте будут закрыты все столовые в голодающих деревнях.

— Признаться, здесь дела у нас через голову. Я никогда не занимался хозяйственными распоряжениями, а теперь именно эти распоряжения мучат меня; постоянно стараюсь напрягать память, чтоб не забыть, куда что послать следует, когда и кого отправить на станцию за хлебом и т. д. Проснешься и заснул бы опять, а тут начнешь думать и стараешься вспомнить, что следует тому-то сказать, и то-то приказать, да туда-то послать за тем-то. Ну, и весь сон пропал. Вы наверно меня понимаете? — обратился ко мне граф.

— Вполне понимаю, — отозвалась я. — Вам бы, граф, следовало иметь расторопного помощника для хозяйственных распоряжений. Ваша идея — его исполнение.

— Такого-то и нет у меня.

— На это молодец был бы Иван Александрович Бергер, — заметил И. Н. Мордвинов. — Возьмите его из Самары к себе, а туда пошлите другого.

— Об этом подумаю. Ваша правда. Кстати в Самару едет Бирюков.

Лев Николаевич встал и стал ходить по комнате.

— Граф, — говорю, — в Петербурге плачут о вашей повести, умоляют ее кончить.

Он только рукой махнул.

— Не до повести мне теперь! У меня гораздо важнее есть сочинение, и к тому времени нет приступиться.

— Знаете, — обратился он к Мордвиному, — на какую сумму у нас куплено одних мешков для перевоза хлеба? — на тысячу рублей! а эти мешки рискуют растеряться и быть расхищенными разными кулаками по станциям! — Видите, на какие мелочи я скуп стал.

— Так и следует, — заметил Мордвинов.

— Деньги сборные, — сказал граф, — я за них должен отвечать. Вообще сегодня его обычное спокойствие духа было возмущено.

22 февраля 1892 г.

Сегодня был у нас граф Лев Николаевич и привез с собой художника Илью Ефимовича Репина, картины которого теперь в числе 180 выставлены в Москве [117] и привлекают многочисленную публику; многие из них уже раскуплены, в том числе портрет графа Л. Н. Толстого, пишущего у стола в своем кабинете в Ясной Поляне; картина небольшого размера, продана Стахавичу за 1 500 р. сер.[118] Репин теперь в большой славе как портретист: большая же его картина «За-

порожцы» — явление замечательное в области искусства. По словам его, она задумана им и начата уже десять лет тому назад. Он ездил на юг России, в Киев, посетил все места, где была Сечь запорожцев и писал сам массу этюдов со всех ему попадавшихся лиц и костюмов, подходящих к типам, нужным ему для верности композиции.

— Я слышал, — сказал мне Репин, — что и вы рисуете.

— Я жалкий акварелист, — ответила я.

— Прошу вас, покажите мне что-нибудь вашей работы.

Я пошла разыскивать то, что у меня осталось, портреты моих детей; когда я вернулась, застала Репина перед моим портретом Михаила Семеновича Щепкина, который украшает стену классной комнаты моих внуков. Он его хвалил.

— Вам посчастливилось Щепкина срисовать с натуры, а мне пришлось его писать с фотографии, — заметил Репин.

Он стал разглядывать принесенные мной акварели.

— Глаза ваших портретов — живые! — повторял он несколько раз. — И постановка, смотрите, как хороша! Кисть вольная, широкая.

Похвала великого художника доставила мне немалое удовольствие. Более всех хвалил он три портрета моего старшего сына в разном возрасте: одиннадцати, четырнадцати и двадцати лет.

— Настоящий итальянец, — сказал он, — что за глаза! и живые!

Еще хвалил два портрета старшей дочери. Я показала ему копию, которую сделала на-днях со старинного портрета моей матери 1815 года.

— Рисунок рук, — говорю, — тут плох, но в копии изменить его не могла, тут уж не моя вина.

— Да, — сказал Репин, — руки чересчур малы. Вот посмотрите ваш рисунок! — и он указал на портрет моей девятилетней дочери[119].

— Видите. Вот у вас рука совершенно правильна.

Перешел в нашу столовую, где граф ел блины. Репин от завтрака отказался, но стал рассматривать акварели, украшающие стены.

— Чьи эти рисунки? — спросил он.

— Мои.

Ему понравились два pendants — белокурая крестьянская девушка и цыганка с ребенком на руках. Особенно любовался он почему-то крестьянкой.

— Это какой наряд?

— Тульский.

— Что это за странные серьги?

— Это не серьги, а гусиный пух, который они к серьгам привешивают.

— И мокрое белье несет она на коромысле! И как у вас везде руки хорошо сделаны! замечательно!

— Я ходила в школу живописи и ваяния, делала там этюды с рук.

— А! вот оно что!

— За эти два pendants я из Академии получила аттестат художника.

— Вижу, что засвидетельствованы ваши рисунки Рапусом, другом Иванова; они были в переписке; эта переписка теперь напечатана. Когда он свидетельствовал ваши рисунки, он, вероятно, уже был пожилым человеком.

Потом перешли мы все в кабинет зятя — Мордвинова: там висят пейзажи масляными красками, работы старшего его брата Евгения

Николаевича Мордвинова[120]. Репин хвалил тот, что представляет подмосковный вид — воду и деревянный около нее забор.

Все уселись, и разговор с графом перешел на злобу дня. Граф Лев Николаевич говорил о том, что задуманные общественные работы не привились к здешним крестьянам: три артели, отправившиеся в рязанские казенные леса на рубку и пилку, тотчас вернулись, предпочитая сидеть дома и кормиться даровым хлебом.

— Если б они действительно голодали, — заметил граф, — то были бы рады всякой, даже плохо оплаченной работе, но их кормят, они и сидят дома, сложа руки.

На эту очевидную истину никто не возражал.

Наш земский врач Н. Е. Богоявленский ездил по эпидемиям, заразился сыпным тифом: жена его в отчаянии. Четверых его детей с тёткой перевезли в имение и дом Философовых.

Граф Лев Николаевич знал Богоявленского с самой гимназической скамьи, когда он был репетитором его сыновей. Пренебрегая опасностью заразиться, граф навещает больного, сидит около его кровати.

— Как жаль Николая Ефимовича! — говорит дочь моя графу. — И его жаль, и жену его жаль. Какое несчастье для семьи, если он умрет.

— Ну что ж? — ответил граф. — Если и умрет Богоявленский, большого несчастья в этом не вижу. Ему лучше от этого будет.

— А дети?

— Детей кто-нибудь призреет.

Такого слишком высоко-религиозного воззрения мы не в состоянии разделить.

23 февраля.

Мария Львовна Толстая и Вера Александровна Кузминская завернули к нам, по их словам, на минутку, и остались весь вечер, пили чай, пели в два голоса.

Мария Львовна рассказывала, что Репин сопровождает графа по устроенным им «столовым» и там, вынув альбом, всё время делает эскизы с едоков и проч. Вероятно, хочет картиной обессмертить благодетельные учреждения графа?

И. Е. Репин среднего роста и средних лет; волосы его темно-русые с красноватым (brun-rouge) оттенком, глаза голубо-серые, небольшая бородка (une barbiche), черты лица ничем не выделяющиеся.

Уезжая, обе барышни надели полушубки и бараньи шапки, Мария Львовна подпоясалась воронежским пёстрым кушаком, подаренным ей моей дочерью.

— Я всегда правлю за кучера, — смеялась Мария Львовна, — а Вера сидит со мной рядом. Так вдвоем и ездим. Когда въезжаем в деревню, мальчишки за нами бегут и кричат мне:

— Что ты — малый, али девка?

— Малый, — отвечаю, — и они успокаиваются.

— Барышню везет, — говорят.

— Вообразите себе, — продолжает Мария Львовна, — сегодня к нам наехало столько народа, что решительно не знаю, что с ними делать?

— Кто же?

— Всё не было помощников, а вдруг их явилось семь! — Репин восьмой. Сначала хватало кроватей и проч., а теперь откуда их взять? Придется им в столовой на голом полу спать, без подушек и одеял.

Видно, не понравилась ночевка гостям, потому что рано утром на следующий день все разъехались. Мой внук Николай Цингер, которого Толстые просили притти к ним помочь счеты сводить, утром того же дня в девять часов уже никого там не застал...

24 февраля уехала в Москву Татьяна Львовна совершенно больная, потому что здесь ей лечиться не у кого, да и удобств здесь для больной девушки нет никаких. Она уехала в сопровождении горничной и г-на Репина. Весь день мела метель и завывал холодный ветер. Как она, бедная, доехала? Ведь до станции ж. д. от нас 40 верст!

Наталья Н. Философова также принуждена была ехать в Москву, у нее на ноге сделался нарыв, который необходимо вскрыть хорошему оператору, а к тому же и уход необходим.

25 февраля.

Внук мой Николай Цингер[121] провел вчера весь день у Толстых: ему поручили делать выборку из разных счетов.

Граф Л. Н. Т. накупил лык и раздает их крестьянам двадцати девяти деревень, чтоб доставить им зимнюю домашнюю работу. Раздается лыко таким образом: мужик берет себе один или несколько пучков лык и обязуется, конечно, на словах, сплести из них лапти из-полу, то есть за свою работу оставляет себе половину сплетенных лаптей, а другую половину должен принести Толстым, которые раздают их тем, кто действительно нуждается в обуви. Но крестьяне пользуются тем, что Толстые не знают, сколько пар лаптей можно сплести из каждого пучка лык. Их можно сплести из одного пучка девять пар, а они дают три пучка и получают шесть пар на свою долю вместо двадцати семи пар. Но этими шестью парами они очень довольны, потому что иные за шесть пучков приносят им только три пары: это вместо двадцати семи пар!! —

Эту выборку о раздаче лыка и получении лаптей из двадцати девяти деревень и поручена Н. Цингеру. Он сегодня весь день за ней сидел.

27 февраля.

В продолжение двух суток мела безостановочно сильная метель с восточным ветром, замела все дороги, по усадьбам и деревням нанесла сугробы, перегородившие проезд. Сегодня откапывали трое работников дорогу от нашего дома к конюшне и прочим службам. В поле дорог вовсе нет. Надо ехать целиком, лошади утопают в снегу выше колен и выбиваются из сил.

Граф Лев Николаевич проехал мимо нас верхом, направляясь навестить больного нашего тифозного врача, которому, слава богу, получшело.

29 февраля 1892.

Вчера вечером, несмотря на мороз и метель, приехали к нам Мария Львовна Т. и Вера Александровна К.

— У нас опять сколько народа собралось! — сказала Мария Львовна.

— Кто да кто?

— Барыня одна — Баратынская[122] приехала из Москвы и едет в Ефремовский уезд к какой-то г-же Вальцовой[123]. Есть там такая?

— Есть. Зачем она туда стремится?

— Вальцова ее приглашала помочь ей устраивать столовые. Но полагаю, что вряд ли Баратынская на это дело будет годиться. Она городская жительница, никогда деревни не видела. Сюда только доехала и уже разнемоглась, лежит; горло заболело и т. д. Вот швед*[124] к нам приехал, тот молодец. На нем оленьи сапоги выше колен, доха шерстью вверх. Ездил со мной в одну столовую и пришел в ужас от того, что там увидал.

— У нас в Швеции, — говорит, — у каждого крестьянина дом в несколько комнат, чистота везде, для скотины особенное помещение, а здесь одна изба вроде хлева, и люди, и скот — всё смешано.

— Он привез с собой фотографический аппарат и снимал виды избы, раскрытых сараев, сборванных ребятишек и проч. Его прислали сюда друзья его, американцы, чтоб удостовериться в голоде, поразившем русское население, и доставить им сведения, кому им следует пересылать денежную свою помощь.

— Кроме шведа, еще кто?

— Толкую сегодня, — продолжала Мария Львовна, — с крестьянами, которые пришли с разными просьбами. Вижу — входят еще четверо мужиков. Только что хотела к ним обратиться с вопросом: «А вам что, насчет дровиц?» Но вижу у них котомки на плечах, это что-то не то... И между ними знакомые лица... И точно, это были темные! [127]

— Что это за название — тёмные?

— Это у них семейная кличка, хотя их скорей следовало бы называть светлыми, чем темными личностями.

— Может быть, они светлые, — вмешалась тут Вера Кузминская,— но во всяком случае они чересчур молчаливы; сидят себе целый день в углу и молчат.

— Это они тебя, Вера, стесняются, — возразила Мария Львовна.

— Темными назвала их мама, — продолжала она. — Кто-то спросил у мама: кто такие у Льва Николаевича сидят? А мама скучно было их всех по фамилиям называть. «Это тёмные», — ответила она. Так и пошло у нас: темные да темные.

— Но кто же они именно?

— Они последователи папашиного учения. У них устроены общины, где они живут по-крестьянски, обрабатывают сами землю.

— А много таких общин?

— Есть в разных местах. Была одна в Тверской губернии, но она распалась.

— По какому случаю?

— Поспорили между собой о праве собственности. Видите, у них всё было общее. Была и корова общая, которая снабжала их молоком. Приходит к ним однажды баба, просить у них корову. Некоторые хотели отдать ей корову, потому что сочли, что баба беднее их. А другие протестовали, говоря, что корова — общая и что без нее им самим придется голодать. Из этого перессорились и разошлись.

— А кого эти темные прежде из себя представляли?

— Один из них был пажем в Пажеском корпусе, из себя был так красив, что его всегда выставляли во дворце, как бы напоказ [128]. Другой был магистром химии [129], есть между ними и художники [130].

— Полагаю, — заметила я, — что если б магистр химии занялся своей специальностью, он мог приобресть гораздо больше средств по-

---

* Впоследствии оказалось, что это был не швед, а еврей [125]; он напечатал описание своего визита приложив снимки сделанных фотографий и портрета всего семейства графа Л. Н. Толстого (1895 г.) [126].

могать нуждающимся и не одну корову мог бы купить для нищей бабы?

— Вы хотите сказать, — возразила Мария Львовна, — что они бы больше денег заработали?

— Конечно.

— Им денег не нужно. Они и без денег довольны своим положением, — живо и немного высокомерно ответила молодая девушка.

— Они довольны своми положением, — заметила я, — но они, как вы видите, не в состоянии помогать нуждающейся братии, а деньгами они могли бы пополнить этот пробел. (Я не хотела прибавить: что бы здесь вы сделали, если бы не получали тех десятков тысяч презренного металла, который вам отовсюду присылается?) — вы упомянули о художнике? — продолжала я. Не понимаю, как художник в душе мог отречься от вдохновляющей его божьей искры и стремлений своих к искусству? А химик от стремлений к науке? Вот уж буквально зарыли свой талант в землю! (как сказано в евангелии).

Тут завязался между нами горячий спор, который прервал кто-то, войдя в комнату. Я только успела спросить:

— А этих темных вы также уложили спать на голый пол?

— Конечно, — был ответ.

Молодежь предложила играть в короли, мельники и проч. детские игры, и все уселись за карты.

— Вчера вечером, — рассказала Мария Львовна, — папа устал и улегся на диван. Вдруг говорит: «расскажу вам сказку». И начинает: «Жил-был в некоем царстве, некоем государстве» и т. д. Да такую интересную сказку рассказал, что мы все заслушались.

— Что ж он рассказывал?

— Всего пересказать не могу. Ведь дело в том, как папа рассказывал. Тут было много волшебных приключений. Сущность же та, что красавица-принцесса не находила никого, достойного ее руки. Наконец, являются еще три жениха. Один из них — знатен и богат, он принц, но глуп; другой умен, но небольшого роста и дурен собой; третий — статный молодец, красавец собой и умен, но он мужик.

— Тут кто-то помешал, и папа прервал рассказ. Мы его упрашивали продолжать, но он отказался, говоря: «Дальше я еще не выдумал».

2 марта 1892.

День рождения моего зятя И. Н. Мордвинова. Приехал мой сын Дмитрий Р. и после первых приветствий вдруг спросил:

— Откуда и что за народ является к Толстым?

— А что?

— Третьего дня приезжаю к ним. Никого из Толстых дома не было. Вхожу. В гостиной сидят три разбойника: двое из них лысые, огромного роста. Все немытые, нечесанные, грязные, растрепанные, одеты в какие-то отрепья. На полу в гостиной — лужи грязи: это они на ногах натаскали... Порядочный мужик и тот, входя в дом, отряхнет с ног снег, а эти в гостиную так и влезли. — На диване тут же валялись грязные халаты, такие же овчинные полушубки, тряпье... Признаться, с первого взгляда, я пожалел, что в кармане у меня не было револьвера: так и ожидал, что эти разбойники втроем на меня накинутся и зарежут. Потом увидел и четвертого, помоложе тех: он был в посконной рубашке с заплатами на локтях и в жилетке из серого сукна. Что за народ?

— Это народ смирный, безвредный, — сказала я. — Это — тёмные, как зовут их у Толстых, т. е. последователи учения графа. Они отказались от мирской суеты, сами пашут землю и живут общиной. Один из них магистр химии.

Сын вскипятился.

— Что за последователи? — Это актёры, а грязь и лохмотья их — маскарадные костюмы, которые они надевают, надеясь этим понравиться Льву Николаевичу! ожидают, что слава его и на них воссияет. Это эгоисты, отчаянные эгоисты, живут только для себя! Ты говоришь, — безвредные? Разве достаточно быть безвредным? А какую они пользу приносят? Кому? — Лев Николаевич тот кормит теперь десять тысяч голодающих! а они что? Магистр химии! для чего его учили? образовали? чем отплачивает он обществу за свое образование? Он бы, мерзавец, хоть спички новые придумал, дешевые, или применение электричества к общественной пользе? А он надевает шутовской костюм и ковыряет землю для собственного удовольствия!

— Они пришли сюда, — вмешалась я, — чтоб помочь графу Толстому устраивать столовые, вот и принесут пользу обществу.

— Ничего они сделать не могут! — кипятился Дмитрий. — Они ничего не понимают. Они только наряжены мужиками. Разве они знают быт русского крестьянина? Разве они когда-либо вмешивались в его жизнь? Никогда. Они век прожили в городах, а теперь, перерядившись в маскарадное платье, живут особняком в своей общине, не зная ни интересов народа, ни его быта, ни его жизни; видят мимоходом его грязь и подражают ей, воображая, что вся суть-то именно и состоит в грязи. Они ничего не знают и поэтому ни на что не могут быть годны для пользы народной.

Сын горячился, а К...[131] только молчал и улыбался.

Сейчас только вспомнила, что как-то раз в декабре * Лев Николаевич спросил у моего зятя Мордвинова:

— Иван Николаевич, зачем вы не открываете столовых?

— У меня на то денег нет, — ответил зять.

— На это деньги не нужны, а только доброе желание, — возразил граф.

Странное суждение! Мы не всемирная известность, как граф Толстой, и нам не сыплется со всех краев света, из западной Европы, Англии, Америки, тот золотой дождь, что сыплется ему. Лев Николаевич нам сказал месяц тому назад, что получил одними денежными пожертвованиями, кроме продовольствия натурой, до 40 000 руб. сер. А с тех пор с каждой почтой всё шлют деньги и еще деньги, которые все уходят либо на здешних, либо на самарских голодающих, о которых заботится третий сын графа — Лев Львович. По крайней мере для этих забот находятся и необходимые средства.

Мы же с самого лета до сих пор задумываемся, когда приходится покупать съестные припасы для людей наших и для нашего семейства. Мне 73 года, видала два голодных года, 1831 и 1840-й, но в первый раз в жизни ем в деревне хлеб ржаной из покупной муки, да и то еще слёглой и мешанной с картофелем! Своей ржи достало только на семена. И рожь-то взяли в долг, потому что платить за нее теперь было нечем. Здесь продажного хлеба не было, а воронежским нашим арендаторам платить было нечем, там голод еще хуже здешнего, т. е. тульского и рязанского.

---

* Когда открыто еще не было ни одного комитета благотворительности.

Мордвинов обратился в московский благотворительный комитет с бумагой, в которой, как земский начальник и попечитель округа, он просил вспомоществования для своего данковского участка, но в продолжение целого месяца не получал никакого ответа. Тогда он решился урвать несколько дней из своей хлопотливой служебной деятельности и съездить самому узнать о судьбе своего прошения. Оказалось, по справкам, что бумага его в комитете затерялась. Тогда он сам перебывал везде, где следовало, и вымолил 500 р., на которые немедля и открыл шесть столовых в своем участке [132].

5 марта вечером.

Часов в шесть вечера приезжал сегодня к нам граф Толстой верхом: таким образом, в глубокий снег ездил он за двадцать верст осматривать столовые в имении Остафьева [133], Данковского уезда.

— Я много кружил, — сказал он, — потому что дороги прежние все снегом занесены; был в Гороховке [134]...

— Там живет юродивый, который порядком народ обирает, — заметила Маргарита.

— Помните, граф, вы несколько лет тому назад к нему ездили?

— Помню, помню, — засмеялся, граф, — это — грубейший обман. А жаль, что забыл о нем, я бы к нему заехал.

— Он самый наглый развратник, — сказала я, — стоит послушать то, что сами его почитательницы рассказывают про него.

Мы предложили графу что-нибудь поесть.

— Я сыт, — ответил он, — поел у крестьян хлеба с квасом; меня только жажда мучит.

Мы сели за чайный стол.

— Мои все помощники разъехались — сказал граф, — все по местам распределены, Скороходова [135] отправил в Лучки [136], Ефремовского уезда, имение Миллера [137], чтоб присматривать за столовыми; тот край вовсе непочатый, народ бедствует. А Маша поехала сегодня с новоприезжей девицей-акушеркой [138] в Скопинский уезд в Боршевую [139] и в Горлово [140], где рядом с богатыми крестьянами есть много нуждающихся. Это верст тридцать от нас. Там устроены три столовые.

— Сколько же у вас теперь столовых, граф?

— До ста пятидесяти будет. Ужасно боюсь, что мы зарвемся и не достанет нам средств поддержать это дело до нового урожая. Американцы прислали целый корабль Индиана, нагруженный кукурузой, но она разошлась по всей России. Мельники американские прислали до 15 000 рублей, и те все разошлись.

— Англичане много наобещали, да что-то не видать от них ничего, — заметила я.

— Англичане прислали, но мало, — сказал граф.

— Не оттого ли, что с ними так грубо обошлись в Петербурге? Сестра мне писала, что приехал в Петербург англичанин и привез с собой 500 тысяч для голодающих: его приняли за шпиона и выгнали из города.

— Был у нас прелестный человек, — говорит граф, — швед [141]: он уехал теперь с сыном моим Львом в Самару. С ним уехал и Бирюков; он очень энергический человек. Я очень рад для Льва этому обществу. — А вот горе! молодой Димир Бобринский [142] заболел тифом. А он — такая чудная личность! Так усердно ведет дело продовольствия нуждающимся. Я был у него: при мне принесли ему письмо, где говорено, что в таком-то селе появился сыпной тиф. Димир в

первую минуту будто даже обрадовался, что является случай применить свою деятельность.

— Вероятно, он там и заразился? — спросили мы.

— Не верю заразе, — продолжал граф. — Я всё время посещал Богоявленского, вчера еще долго сидел у его постели. — Мы теперь занимаемся кормлением крестьянских лошадей: в эту минуту это самое нужное дело, но оно втрое дороже, чем кормление людей. В сущности, следовало бы заранее объявить крестьянам, что кормить лошадей их не станем даром, а чтоб за прокорм одной лошади хозяин ее обязался бы вспахать безлошадному односельчанину одну десятину земли безвозмездно. Но они этим что-то недовольны, ожидали, что лошадей даром кормить станут.

— Долго вы здесь еще останетесь, граф?

— Нет, мои сотрудники направлены и будут действовать самостоятельно. А я очень устал.

Лев Николаевич немного помолчал, потом, улыбаясь, прибавил:

— Ведь вы не видели, что у нас в доме делается? У нас каждый день такая давка, как бывает в соборе, когда архиерей служит! И неизвестно, кто тут приходит? Какие-то ребята, которые вовсе ничего не просят, а так, стоят. Пишешь у стола, и вдруг против вас у самого стола стоит старик с котомкой и мальчуган. Зачем пришли? и сами не знают, а так, стоят. — Жена требует, чтоб к 15 марта я вернулся в Москву, и я даже рад, что она это требует, потому что сам чувствую, что мне необходимо отдохнуть.

— Николай Васильевич, — обратился он к Коле, — если поедете сегодня к Наталье Николаевне Философовой, то не забудьте ей сказать, что у долговского мужика болит палец на руке; я его встретил; он мне сказал, что ходит лечиться у какого-то знахаря-садовника. У мужика верно костоед; на это следует обратить внимание. Еще скажите, что я ей переслал шесть вагонов ржи и один вагон ячменя; да везут ей сена несколько вагонов, купили где-то на юге по 20—25 коп. сер. за пуд, перевоз — даром по жел. дор. до Клекоток. Сюда перевоз со станции будет, вероятно, стоить по шести коп. с пуда. Не забудьте!

— Как здоровье Татьяны Львовны?

— Она теперь совсем здорова, хотела сюда вернуться, но не стоит теперь ей возвращаться, так как жена нас всех требует к себе к 15 марта.

10 марта 1892 г. 3 часа пополудни.

Сидя у себя в комнате, я что-то писала, как вдруг вбежали ко мне свеженькие и веселенькие Татьяна и Маша Толстые и Вера Кузминская. Они пришли пешком в высоких сапогах и лёгоньких кофточках.

— А! вот сюрприз! — обрадовалась я. — Мы и не знали, что вы приехали, Татьяна Львовна!

— Вчера вечером прибыла и, вообразите? только на три дня! Не стоило приезжать на такое малое время, а всё же я рада, что приехала.

— Да, — говорю, — распутица началась, и дороги скоро будут непроходимы и опасны. Советую вам, увозите скорее графа, он здесь измучился, устал, ему необходимо отдохнуть.

— Мама требует, чтоб мы все вернулись в Москву.

— Она совершенно права. Вы не знаете, что такое здесь распутица? Мы, как на необитаемом острове, отделены от всего света, ни медицинской помощи, ни писем получать не можем, и это угнетенное состояние продолжается иногда три и четыре недели.

— А я хочу здесь остаться, — вмешалась Маша.

— И я также останусь, — прибавила Вера Александровна.

— Вы со скуки пропадете, — говорю, — ведь никуда вам выйти нельзя будет.

— До вас всегда можно будет добраться, — засмеялась Маша.

— И того иногда не можно, — говорю.

— Мама еще не дала тебе своего согласия, — вмешалась Татьяна, — и, вероятно, не даст.

— А как бы хорошо здесь весновать! — сказала Маша.

— Кончили вы копию с репинского портрета вашего отца? — спросила я Таню, — тот, что списывали в галлерее Третьякова?

— Нет еще, не успела.

— А мандолину* свою привезли?

— Нет, пожалела папашиных ушей.

— А у меня есть до вас просьба, Татьяна Львовна.

— Что такое?

— В Москве у графа будет более свободного времени, постарайтесь уговорить его кончить начатую им здесь повесть. Говорят, прелесть, как хорошо. Ее ждут не дождутся в Петербурге для помещения в сборник в пользу голодающих: без этой повести сборник в воду канет.

— Мы и сами рады, когда папа пишет что-либо литературное, — отвечала она, — но он так увлекся сухим своим сочинением, что ни за что не хочет заняться чем-либо другим.

Тут прибежали дети и увлекли барышень с собой в залу. — Мы их вечером отвезли в Бегичевку, укутавши потеплее.

На следующий день они уложили свои вещи и 12 марта уехали в Москву.

10 апреля 1892 г.

Наталья Николаевна Философова осталась у себя весновать и открыла еще несколько столовых по окружным деревням.

Уполномоченные графа Льва Николаевича, два брат Олёхины[143] и другие, продолжали начатое им дело и каждое воскресенье собирались в с. Бегичевке, чтоб получать там субсидии хлебом и деньгами. В самой Бегичевке проживала Елена Михайловна Персидская и Вера Михайловна Величкина; обе занимались столовыми в отсутствии Толстых.

15 апреля.

Вчера в час пополуночи с 13 на 14 апреля возвратился в Бегичевку граф Лев Николаевич с дочерью Марией Львовной. Они со станции Клекотки (40 верст) ехали в тарантасе по отвратительной дороге шесть часов; в селе Никитском свалили телегу с их вещами, а коренная лошадь в их тарантасе пала, так, что граф с дочерью в страшную темноту принуждены были пешком итти более версты до бегичевского перевоза, где долго ждали лодку, пока спящие перевозчики не услыхали их зова. Всё это мне рассказал сам Лев Николаевич, приехавший вчера к нам верхом; на лошади он сидит молодцом, несмотря на свои 63 года; видно, что всю жизнь был хорошим ездоком.

Усевшись с ними в кабинете, я послала сказать наверх, что граф Толстой у нас, потому что Евгений Николаевич жаждал познакомиться со всемирной знаменитостью, к которому питает самое горячее сочувствие. До прихода его в кабинет, я сказала графу: «Позвольте мне вам предоставить старшего брата моего зятя, Евгения Николае-

* *У Раевской ошибочно:* скрипку *(Ред.).*

вича Мордвинова: он — прелестнейший человек! Прискакал сюда из своего имения лишь только узнал, что брат болен.

Когда молодой человек вошел, Лев Николаевич встал к нему навстречу и подал ему руку.

— Вы — мой бог! — сказал Евгений [144].

Граф улыбнулся, и глаза его заблистали. Он стал расспрашивать Е. Н. Мордвинова, из какой местности он прибыл; узнав, что из Можайского уезда, спросил, не знает ли тамошнего помещика Уварова [145] и близкий ли он ему сосед?

— В двадцати верстах, — ответил Мордвинов, — мы хлопочем о том, чтоб избрать его к нам в предводители дворянства.

Потом разговор перешел на хозяйство в подмосковных деревнях и, конечно, на злобу дня.

— Тульский губернатор Зиновьев, — заметил Лев Николаевич,— сказал мне, что полученная им сумма на продовольствие крестьян так велика, что остается у него целый миллион. Уж переложено.

— Ваша статья, граф, — говорю, — причина этой щедрости. — Я слышала, что государь, прочитав ее, сказал: «Все мне лгали, один Толстой мне правду сказал».

— Зато, — улыбнулся граф, — в Петербурге моего имени слышать не хотят.

Лев Николаевич от кофе отказался, спешил домой.

— Маша меня ждет к обеду, — говорит.

Обед!? — уж был восьмой час пополудни.

Граф сел на лошадь и крупной рысью уехал в Бегичевку.

1 мая вечером. 1892 г.

Сегодня в восемь часов вечера заходил к нам пешком Лев Николаевич и рассказал, что у него находится теперь швед [146], прибывший из Сингапура (?!!). Мы уже слышали о нем от г-на Бера [147], уполномоченного от цесаревича, приехавшего к моему зятю Мордвинову, чтоб переговорить с ним о продовольствии Данковского уезда и от нас ездившего познакомиться с графом Л. Н. Толстым. Возвратясь из Бегичевки, он нам сказал, что видел там шведа, которого сначала принял за безумного, но после, говоря с ним, убедился, что он в своем уме, но в весьма оригинальном.

— Наружность его, — говорил Бер, — такая, как представляем себе Диогена: волоса и борода длинные, с сединой и нечесанные, рубашку он, повидимому, уже два месяца не сменял, нижнее платье истертое и короткое, вершка три не доходит до щиколок, ноги босые, грязные и в болячках. На нем черный люстриновый пиджак, а поверх его халат неопределенного цвета. Курьезная личность! — добавил он.

Заинтересованные описанием г-на Бера, мы спросили графа, кто этот швед?

— Зовут его Авраамом, — ответил граф. — Говорит, что швед, а пачпорт его норвежский, ему за 70 лет, жены нет в живых, а есть несколько взрослых детей, но он с ними не живет, а странствует, разыскивая (по его словам) человека, который бы сочувствовал его убеждениям. Был он в Индии, в Китае, в Японии, долго жил в Америке. В Сингапуре ему сказал какой-то еврей, что я живу здесь в Бегичевке: он ко мне и явился. Говорит он только по-английски и немного на каком-то ломаном немецком языке: по-русски — ни слова.

Лев Николаевич очень смеялся (что редко с ним случается), когда дочь моя Маргарита ему рассказывала, что народ везде говорит, что теперь в Бегичевку прибыл настоящий антихрист, который напускает повсюду голод и засуху, а вместе обещает всякому, кто ему душу свою заложит, прокормить всю его семью, хоть человек десять, на одном осминнике, только, чтоб сохой землю не трогали, а чтоб народом весь осминник вскопали.

— Есть доля правды и в этом вздоре, — заметил граф. — Действительно, швед нанял у Раевских в усадьбе осминник земли (где пропала посаженная ими мята) и теперь копает его.

— Один?

— Один. Хочет наделать борозд и говорит, что те, кому будет принадлежать возделанная таким образом земля, должны всей семьей ходить испражняться в эти борозды и непременно делать это рядом и тотчас засыпать землей ими сделанное, иначе оно не принесет никакой пользы. Когда же исполнят им указанное, то всё тут посаженное принесет удесятиренный плод.

Не желала бы вкушать этих плодов!

Не мало смеялись этой затее.

— Что ж? — спросил зять, — начал он унаваживать свою борозду?

— Нет еще, — засмеялся граф, — только пока копает.

Тут пошли шутки о касторовом масле и проч., их повторять письменно не стану.

— Швед что-то странно одет? — спросили мы.

— Нет, только ходит босиком и немного декольте.

— Почему так?

— У него одна только рубашка, он ее вчера вымыл, ну и декольте!

— Сам мыл?

— Сам.

— Так и ходил без рубашки?

— Так и ходил. Он стыда не признает. «Посмотрите березу, — говорит, — разве она носит платье? разве ей от этого стыдно? Я ношу платье от холода, а когда будет жарко, я его сниму, и мне не будет стыдно».

Не желала бы проходить Бегичевкой, когда настанут жары!

— Что же он посадит на своей земле?

— Картофель, бобы и горох. Он ими только и питается. Хлеб себе сам печет. Говорит — зерно для пищи надо употреблять только сырое, никогда не сушить: сырое гораздо здоровее. Не следует молоть зерна. Он в ступе сам толчет сырую пшеницу пополам с картофелем, потом эту массу сам сваляет, выкладывает на тарелку и печет.

— Без соли?

— Без соли. Я немного попробовал, никакого вкуса нет, но есть можно, если не видать, какими грязными руками он тесто месит. Швед говорит, что у нас вкус испорчен разной пищей, поэтому его хлеб нам кажется безвкусным. Самовар он обозвал идолом, замахивается на него кулаками. — Это ваш идол! — говорит. — Так бы и сокрушил его!

— Откуда он к вам пожаловал?

— Прямо из Сингапура. В Америке он вращался более между земледельцами. Много интересного рассказывает. Я, — продолжал граф, — имею много сношений с американцами, но больше с высшим, образованным классом, а он именно знаком с низшим и говорит, что

он очень бедствует, и ему грозит полное банкротство. С одной стороны богатый класс воздвигает скороспелые города, как Чикаго, устраивает выставки и проч., а землевладельцы все в безоплатном долгу. Придешь, говорит, видишь отличный дом, обстановка хорошая, строения изящные, земля возделана, как нельзя лучше, но сам хозяин от тяжелых налогов и проч., должает, закладывает вперед весь будущий урожай и т. д.

— И я об этом читала, — говорю.

— И так, закладывая и перезакладывая землю, хозяин, наконец, принужден ее продать или отдать в аренду, а следующий хозяин или арендатор в свою очередь разоряется.

— К чему такие тяжелые налоги? — говорю. — Ведь государство там так богато? Печатают, что денег некуда девать?

— Вот подите. Сверху богатство, а снизу — всё сгнило.

Тут перешел разговор на общую тему — богатство и бедность.

— Ведь все мы, — говорит граф,— понимаем, что большая несправедливость в том, что у одного всего много, а у другого — нет ничего. Но как этому помочь — не знаем. Вот и ежедневные почти взрывы во Франции! Fin de siècle!* Чем кончится всё это?—неизвестно. Дело в том, — обратился он ко мне, — ведь вы помните, как и я, крепостное право? Тогда так сжились с этой мыслью, что она всем казалась совершенно ясной и естественной?** И хозяевам и рабам, которые спокойно принимали свое положение, как совершенно нормальное. Но теперь, напротив, стали возмущаться тем, что одни должны всю жизнь работать для пропитания себя, другие питаются, ничего не делая.

— Нельзя назвать ничегонеделанием, — говорю, — когда занимаются умственным трудом и тем приобретают возможность помогать неимущим и незнающим. Ведь ходят же к нам ежедневно крестьяне и крестьянки просить совета, медицинской и хирургической помощи не только для себя, но и для скота своего. «Вы, господа, всё знаете, говорят, а мы ничем не учены, ничего не знаем, помогите.»

— Конечно, и вы, и я это делаем, но этого для них мало. И мысли эти и понятия бродят повсюду. Что из этого будет?

Тут позвали нас к ужину. Лев Николаевич от него отказался и собрался пешком домой.

— Позвольте, мы вас довезем, — говорим.

— Благодарю вас, не нужно. Предпочитаю итти пешком.

Погода стояла холодная и ветреная. Граф ушел.

2 мая. Полдень.

Пришла из Бегичевки девчонка пешком с запиской от Величкиной. «Пожалуйста, пришлите винного спирта, граф захворал.

Величкина.»

Мы перепугались ужасно. Что с ним? Дочь Маргарита поехала узнать о нем и предложить послать за врачом.

П о з д н е е. Когда дочь приехала в Бегичевку, граф, чувствуя улучшение, заснул. У него утром сделалась желчная рвота и сильные спазмы в печени; он подвержен этим страданиям.

---

* [конец века!]

** Кроме мужа моего, могла я сказать, меня и друзей наших, которые считали освобождение крестьян освобождением от тягостного чувства.

5 мая.

Граф выздоровел. Внуки мои старшие и учительница древних языков так заинтересовались рассказами о шведе-Аврааме, что два дня сряду ходили пешком в Бегичевку, чтоб его видеть и послушать. Он говорил по-английски: внучка Мордвинова и учительница Анна Николаевна Змиева недостаточно усвоили еще себе этот язык, чтоб понять всё, что он говорил, но Мария Львовна Толстая была так любезна, переводила им всё, что им было непонятно, однако, случилось одно место его речи, которое заставило ее покраснеть до корня волос, и она решительно отказалась его перевести. В первый их визит Авраам излагал им свое учение; вот то, что он проповедует.

— Я — часть вселенной. Всё то, что я делаю, мне кажется, что так и должно делать. Если б я осуждал то, что делаю, то осуждал бы всю вселенную. Если осуждают одно колесо в машине, то осуждают и всю машину. Всё то, что делается, делается к лучшему. Если б кто пришел и сказал мне: — Я убил всю твою семью, то я ответил бы ему: «Друг, ты сделал самое лучшее, если я кого убью — это значит, что так должно было быть».

Религия ничья мне не нужна. Религия запрудила весь ход человеческой жизни, и самый большой чорт — это нравственность, так как она остановка жизни. Как реку запружают плотинами, так жизнь запрудили моралью. Надо брать пример с животных. — Благодарность — порок. Скота держать не следует, потому что он съедает траву, которая часть природы.

Этим не удовольствовалась А. Н. Змиева, она на следующий день написала несколько вопросов и опять отправилась в Бегичевку, где, в присутствии Марии Львовны, задавала шведу эти вопросы и записывала его ответы. Я списала их с ее тетради. Вот они.

Вопрос. Вы говорили, что тело не умирает, потому что съедается червями, которые в свою очередь либо поедаются, либо питают растения, а душа?

Ответ. Душа и тело нераздельны. Если тело обратится в траву, то и душа живет в траве. Отчего вы отрицаете, что в траве есть душа?

Вопрос 2. Верите ли в Иисуса Христа?

Ответ. Каждому человеку свое назначение. Иисус Христос настолько бог, как и я, и эта книга, и эта бумага. Бог — в природе *. Он просто такой же человек и в нем столько же божества, как и во всех людях **.

Вопрос 3. Чем же докажете чудеса Иисуса Христа.

Ответ. Чудеса — выдумка; люди тогда были ненормальные.

Вопрос 4. Как можете вы есть, не умывшись? Иисус Христос омывал ноги своих учеников.

Ответ. Это просто аналогия. Это написано в евангелии, чтоб показать, что Иисус Христос считал себя рабом своих учеников. В теплом климате хорошо мыться, а в нашем не нужно. Чистота не имеет смысла, это предрассудок. Мыться не нужно, потому что это стирает жир с тела.

Вопрос 5. Когда потеют, разве испарина не стирает жира с тела?

Ответ. Жир потом не стирается.

Вопрос 6. Вы говорите, что скота держать не следует, потому что он поедает плоды природы, из чего вы будете шить себе платья, особенно теплую одежду?

---

* Пантеизм, давно обветшалое учение Спинозы («Этика»).

** Renan (Ренан).

Ответ. Холодно не может быть, даже зимой, потому что холод бывает наружный, а не внутренний. Если будешь работать, никогда не будет холодно. Лучше носить одежду волокнистую, напр., бумазей. Если положить лист бумаги на тело, он греет больше шерсти.

Вопрос 7. Откуда вы взяли шляпу? и зачем ее носите?

Ответ. Я ношу шляпу, чтоб поддержать волосы, а чтоб согреть голову, мне достаточно волос.

Вопрос 8. Как вы сюда приехали, не зная русского языка?

Ответ. Мне дали записку, по которой я сюда приехал.

Вопрос 9. Читаете ли вы евангелие?

Ответ. Я так хорошо его знаю, что мне не нужно его читать. Если я нахожусь среди людей, хорошо знающих евангелие, то я пользуюсь евангелием, чтоб им доказать, что я его знаю. Если я говорю с евреями, то читаю им еврейское евангелие, чтоб доказать мое учение, то-есть выборные места в евангелии, которыми я пользуюсь. Не надо читать евангелия, потому что вера должна быть в душе; если я прочту в евангелии что-нибудь новое, чего прежде не знал, то не поверю ему.

Вопрос 10. Зачем вы не стрижете волос?

Ответ. Не должно стричь волос, ни ногтей; это отнимает сок у человека. Держите ваш желудок в порядке, никогда не лечитесь. Если желудок в порядке, то не тратьте более пяти минут на испражнение. Если вы на это тратите больше времени, вы — больны. Чтоб желудок был в порядке, ешьте больше яблок и картофеля и пейте три стакана воды в день. Если будете жирно есть, то и два часа просидите без последствий. Вы, барышни, бросьте свои корсеты, они вас губят. Вот эту (указывая на нашу полненькую швейцарку Эмму Боль) еще можно поправить, а эту (указывая на немку Зельму Ганзен, худую и бледную), эту не поправишь, погибла. — Когда я здороваюсь с моим приятелем, то всегда говорю: не здравствуйте, а: «Хорошо ли вы испражнялись?» и тот тем же мне отвечает.

Швед Авраам спит на голом полу, иногда только подстилает под себя свой грязный халат, а под голову кладет бутылку!! ее перекладывает то под висок над ухом, то ниже уха под щёку. Говорит, что от подушки глохнешь. Дети, пришед в Бегичевку, застали его спящим в этом виде на полу гостиной.

8 мая 1892 г.

Между тем невестка моя, вдова сына моего Ивана Ивановича, Елена Павловна Раевская, жившая в Туле, где два меньших сына посещали гимназию, узнала от прибывшего к ней управляющего, что граф Л. Н. Толстой занемог и что причина его болезни швед, который убедил его питаться одним ржаным хлебом и горохом. Елена Павловна тотчас письмом уведомила о том графиню Софью Андреевну. Получив письмо 6 мая в 10 часов вечера, графиня, немедля ни минуты, тут же выехала 6-го по двенадцати часовому ночному поезду и 7-го числа вечером прибыла в Бегичевку, приехав со станции Клекотки (30 * верст) в маленькой тележке.

На следующее утро, узнав о приезде графини, я поехала ее навестить.

— Письмо Елены Павловны меня страшно испугало, — сказала Софья Андреевна. — Я знаю, как опасны эти спазмы. Муж мой однажды, уехав без меня из Ясной к брату своему за 40* верст, чуть не

---

* *У Раевской ошибочно: 70. (Ред).*

умер там от этих спазмов. Узнав о его болезни, я поспешила к нему с врачом, который с трудом его отстоял.

— Виноват во всем швед, — говорю. — Не оставляйте его здесь с графом.

— Я и так ему объявила, что the lady comes back and orders him to clear the house *.

— Ну, что же?

— Обещает через несколько дней уехать.

— А его осминник?

— Он говорит, что ему где-то обещали дать земли.

— Внуки мои Мордвиновы с учительницей ходили смотреть этот осминник: они говорят, что швед роет там канавку не глубже двух вершков, а гряд между канавками вовсе не вскапывает. Что же на этих грядках может родиться?

— Он делает в них ямки, куда в одну и ту же кладет по четыре картофеля. Что же из этого выйдет?

— Швед уверяет, что ест только горох и бобы?

— Не верьте, — ответила графиня, — он всё ест и очень исправно. Сегодня сварили Льву Николаевичу кашицу на грибном бульоне, швед присел и всю очистил, так что мужу ничего не осталось; да еще опустошил целое блюдо картофеля. Он только и делает, что ест и спит.

Тут увидала я, что направляется к террасе, где я сидела с графиней, какое-то странное существо, пригодное только на помещение в зверинец. Мне вспомнилось описание г-на Бера, но то, что я увидала, было отвратительнее всякого описания. Это грязное существо поднялось на ступеньки террасы и, не поклонившись нам, прошло мимо и уселось тут же на стул, где скорчилось и заснуло. То был швед.

Так прошло с четверть часа, после чего он встал, высморкался в пальцы прямо на виноградную лозу, растущую около самой террасы, и ушел в дом, не обращая на нас ни малейшего внимания.

— Как вам это нравится? — спросила меня графиня.

— По всему видно, что́ он проповедывал нашим барышням, он человек опасный.

— Нет, он совершенно безвредный, — отозвалась Софья Андреевна.

— Помилуйте, — возразила я, — если он утверждает, что всё то, что делает, — превосхдно, то ему придет в голову дом поджечь или вас зарезать и скажет потом: «так должно было быть».

Тут вышел из дома на террасу граф и обратился ко мне.

— Хотите, — спросил он, — поговорить со шведом?

— Благодарю вас, граф, я его боюсь.

— Уж он себя показал нам, — заметила графиня и рассказала то, что он тут делал.

— Что он за человек? — обратилась я ко Льву Николаевичу. — Говорит он, что здесь совершенно счастлив, пьет, спит, живет только для себя, а о ближнем и думать не хочет. Это совершенно противно вашим убеждениям и принципам.

— Который час? — спросил граф у жены.

— Вообразите, — обратилась ко мне Софья Андреевна, — у мужа моего украли здесь с окошка часы с цепочкой. Дело не в часах — а грустно за принцип. Теперь ему негде посмотреть, который час.

— Это просители, вами облагодетельствованные, вас обокрали! — с горечью заметила я.

---

* [хозяйка, т. е. госпожа Раевская возвращается и приказала ему убраться из дома вон]

Граф повернулся и молча ушел в дом.

Графиня Софья Андреевна умная и энергичная женщина, я ей чистосердечно удивляюсь.

— В Петербурге, — сказала она, — собрался совет министров, чтоб обсудить учение Льва Николаевича. Победоносцев, Островский и Дурново решили, что следует арестовать моего мужа, запретить ему выезд из Ясной Поляны или что-нибудь еще хуже. За него заступились Вышнеградский, Волхонский и Бунге. Когда доложили государю об этом совете, он сказал: «Не трогайте Толстого». Говорят, что он прибавил: «Если тронете, вы из него сделаете всемирного мученика». Эти толки в совете министров как-то проникли за границу и возбудили всеобщее негодование во всей Европе. Все журналы: английский «Times», французские, немецкие, итальянские, испанские, шведские, все стали трубить о том, что такого знаменитого мужа, как Льва Николаевича Толстого, которым должна гордиться его родина, преследуют в ней, как преступника. «Et on ose toucher à sa tête vénérable» * — писали французы. Мне как-то доставили, — продолжала графиня, — выдержки из журналов, где говорили о моем муже. Я возмутилась и огорчилась взведенными там клеветами на милостивого и гуманного царя нашего и написала по-французски письмо, которое просила напечатать в одной из самых популярных французских газет. В письме своем я опровергаю все эти клеветы и говорила о многомилостивом обращении нашего монарха (de notre souverain) к мужу моему и ко мне. «Московские Ведомости», верные себе, перепечатали мое письмо, извращая мои выражения и делая из него новый предлог к моему обвинению.

Тут разговор был прерван приездом предводителя и трех последователей графа, под прозвищем темных. Завязалась речь, относящаяся к убеждениям этих последних.

— Вы отрицаете образование, — говорила графиня, — прогресс цивилизации? А позвольте вас спросить, что побудило вас к теперешней вашей деятельности? Ведь мысли ваши — плод вашего образования. Не мужики же невежественные обрекли себя на помощь нуждающимся? Нет ни одного человека из народа, который вызвался на то дело, что вы предприняли! Но что будут ваши дети, воспитанные с малолетства в невежестве и лишенные всякой религии. — Чем будут дети Черткова, который роздал всё свое имущество и детей даже не крестит? — Отвечайте же!

Темные молчали...

Я хотела ответить: «Они будут грабить по большим дорогам и проклинать отца, лишившего их того хлеба, который должен был им по праву принадлежать». Я предпочла молчать в ожидании опровержения темными слов графини.

Но темные молчали...

— Графиня, — сказал тогда молодой предводитель, — вы совершенно правы. Я всё это время искал ключ и разрешение этому вопросу, и вы мне его высказали!

Когда гости удалились, и мы с графиней остались вдвоем на террасе, я рассказала ей подробность, которой она еще не знала и которая в то время меня тронула и обрадовала.

— Вас здесь не было, графиня, когда 4 мая проезжал здесь генерал Михаил Николаевич Анненков [148] со свитой двадцати человек разных чинов и званий.

— Кто такие?

---

* [и смеют касаться его почтенной головы]

— Тут был предводитель елецкий — г-н Бехтеев[149], уполномоченный по продовольствию народа Тульской губернии — Владимир Петрович Глебов,—Рязанской губернии—г-н Кристи[150], князь Трубецкой[151], потом инженеры и профессора и проч., всех не запомнишь. Анненков ехал с целью осмотреть русло Дона и разыскать способ увеличения объема вод его. — По долгу службы исправник, становой, урядник и проч. встретили генерала Анненкова на границе Данковского уезда и Рязанской губернии, т. е. в Бегичевке. Крестьяне, увидав, что полицейские чины, с раннего утра, в полной форме, при сабле и с револьвером через плечо, расхаживают около господского дома и, услыша, будто поджидают петербургского губернатора, вообразили себе, что готовятся арестовать Льва Николаевича, они собрались полным сходом и хотели броситься в ноги генералу Анненкову, умоляя его «оставить им их отца».

Потолковав о том, о сем, разговор перешел на вторую злобу дня, то-есть на ужасающую всех засуху и на жгучий, бурный ветер, подымающий в продолжение месяца облака пыли и засыпающий этой пылью всходы овса так, что местами зелени не видать, всё замело точно так, как зимой метелью заметает поля снегом.

— Этот год, — говорю, — если не пойдет дождь, будет хуже прошлого 1891-го, ни у кого запасов нет, озими почти повсеместно пропали от сильных морозов, пшеницы звания нет, рожь кругами вымерзла, овес поздний не всходит, а ранний пылью занесло. Везде, по всем деревням идут молебствия о дожде, поднимают образа в поле...

— Меня как-то спрашивали, — подумав немного, сказала графиня, — верю ли я в святых? Как не верить в них? Если в каждом из нас есть искра божия, если у каждого из нас бывают минуты, мгновения, когда дух наш стремится слиться с божеством, когда он как будто возносится к нему, и какое-то неизъяснимое чувство говорит вам: «Твоя молитва будет услышана». Как же не верить, что люди, как, например, отшельники, посвятившие всю жизнь на поклонение божеству и на созерцание его, ежеминутно духом возносящиеся к нему, как не верить, что эта искра, что в нас таится, у них возгорается ярким пламенем, освещающим то, что для нас скрыто? как-то будущее? Я вполне этому верю и почитаю святость этих избранников.

— Я вам скажу,— продолжала она, помолчав, — что, едучи сюда и видя по дороге жалкое состояние полей, грозящее голодом, если благотворные дожди не оживят, по крайней мере, яровых полей, я, сидя одна в пустом вагоне, стала горячо молиться, и нашло на меня это мгновенье возношения духа к богу, и я сосредоточилась в горячем молении ниспослать нам этот благотворный, спасительный дождь. Ехав из Клекоток сюда, в тележке здешнего приказчика, мы с ним разговорились.

— Дай-то бог, — говорил он, — чтоб вы нам дождя привезли.

— Будет вам дождь, — почему-то уверенно сказала я ему. — Если не завтра и не после завтра, а на-днях будет. Если я—грешница,—засмеялась графиня, — то дождя не будет, а если господь услышал мою молитву, то будет вам дождь.

Говорила это Софья Андреевна 7 мая вечером в самую ужасную засуху, когда ни облачка не было на небе.

10 мая полил благотворный дождь, который не переставал до 12-го включительно.

Овес и травы ожили. Поспешили сеять гречу.

23 мая 1892 г. Лев Николаевич с Марией Львовной уехали в Ясную Поляну; в Бегичевке остался распорядителем и уполномоченным ими Матвей Николаевич Чистяков.

По сие время открыто графом Л. Н. Толстым 206 даровых столовых как в Тульской, так и Рязанской губерниях. Кроме того, он раздавал крестьянам дрова на топку, посыпку лошадям, семена овса, льна, проса, конопли.

Третий сын графа Лев Львович в Бузулукском уезде, Самарской губернии открыл и обеспечил до июля месяца 1892 г. 200 даровых столовых и обсеменил на свой счет 700 десятин овса для нуждающихся. Его считают там благодетелем всего края. Помощником в этом добром деле служил ему Иван Александрович Бергер.

2 июня 1892 г. вернулись в Бегичевку Лев Николаевич с Марией Львовной, а вслед за ними приехала и Татьяна Львовна.

В то время гостила на хуторе у Мордвиновых молодая школьная учительница из Тулы Юлия Васильевна Патрикеева[152]. Она сгорала желением увидать графа Л. Н. Толстого, и ей посчастливилось. Поехала она с детьми Мордвиновыми прогуляться: все они были верхами. На большой дороге они нагнали Льва Николаевича, который также куда-то ехал верхом. Он с ними поздоровался и присоединился к их кавалькаде, то ехал с ними шагом и приветливо с ними разговаривал, то скакал с ними рядом, и так в продолжение нескольких верст, вплоть до Сторожева[153], имения г-д Нечаевых[154].

И дети и Юлия Васильевна вернулись в восторге от своей прогулки.

Несколько дней спустя вернулись в Бегичевку невестка моя Елена Павловна с сыновьями Иваном, Петром и Григорием.

9 июня собралось на хуторе большое общество: все Толстые, В. А. Кузминская, трое молодых Раевских, двое Давыдовых[155], студент-медик, все Философовы с американкой мистрис Томас (Mistress Thomas), уже немолодой женщиной, приехавшей из Нью-Йорка, чтоб ознакомиться с деятелями по народному продовольствию. Мистрис Томас говорит только по-английски с американским, впрочем, акцентом, по-русски, конечно, ни слова: ей будет очень трудно, а скорее сказать, невозможно вникать в быт русского народа.

Пока молодежь распевала песни под звуки гитары Василия Васильевича Давыдова, мистрис Томас уселась на террасе с Софьей Алексеевной Философовой и со мной, очень довольная тем, что нашла собеседниц, знакомых с ее родным языком. Она сообщила нам много интересного об обработке полей в Америке, в окрестностях Бостона, и о пчеловодстве в их краях. Она говорила, что зимой температура редко у них падает ниже нуля. Ее же земельная собственность лежит, по ее словам, на берегу реки Делавер (Delaware), широкой и судоходной; по ней ходят пароходы, а вдоль берегов идет железная дорога.

Я спросила ее о цене поденных работ.

— Во время уборки сена и хлеба, — сказала она, — мы платим по 2 доллара в день мужчинам и по одному доллару — женщинам. Кроме того, кормим их три раза в день:—«Luncheon» (т е. полдник), обед и ужин; даем им всякий раз мяса (говядины, баранины или ветчины), картофель или капусту, кофе и чай.

— Виски (водки) я не даю, — прибавила мистрис Томас, — потому что муж мой пастор, но давали им лимонад. Соседи мои давали виски и пиво, но я — никогда. А работать ко мне ходили охотно.

«Ну, — подумала я, — поблагодарил бы тебя наш русский мужик за твой лимонад».

— Хочу отсюда поехать в Самарскую провинцию, — обратилась ко мне путешественница. — Скажите, прошу вас, где мне там можно будет остановиться? Есть ли в деревнях гостиницы с чистыми комна-

тами, постели с чистым бельем? У нас в Америке в каждой деревушке есть хорошая гостиница, где можно получить хороший обед.

— В самарских степях, — ответила я, — гостиных нет, а есть кочующие башкиры, магометане, киргизы и проч. Их жилища, где вам придется останавливаться — что-то вроде переносных палаток, крыша — звериные кожи, пол — земля, постели — грязные рогожи, еда — конина, а питье — кобылье молоко.

Эта перспектива, вероятно, испугала отважную американку, потому что она, посетив здешние столовые у Философовых и у графа Толстого, возвратилась опять в Москву.

Лев Николаевич с дочерьми пробыл в Бегичевке почти до конца июля месяца 1892 г. Там же летом жила и вдовствующая невестка моя Е. П. Раевская с сыновьями. Я поехала их навестить. Граф был болен лихорадкой и казался утомленным. Он сбирался уезжать из здешнего края и составлял отчеты своей благотворительной деятельности и всему оставшемуся у него в наличности. Помогал ему в том молодой человек Высоцкий [156], непохожий на прежних темных, буде то сказано ему в похвалу.

— У меня, — сказал мне граф, — осталось хлеба, пшена, дров и проч., причисляя к тому немного жертвованных денег, всего на сумму 8 000 рублей сер. Склад хлеба помещен в разных деревнях, он пригодится для раздачи в нынешнем году нуждающимся, ввиду того, что урожай в здешней местности еще хуже прошлогоднего. На берегу Дона в Тульской и Рязанской губерниях рожь почти вся пропала, овес также от весенней и летней засухи, трава сгорела; ни хлеба для людей, ни корма для скота. Овса не достает даже на семена. Дожди же пошли проливные только в июле и затянули уборку и без того скудного хлеба. Были даже два паводка; навоз и снопы с полей уносило в Дон; овраги гудели, как во время весеннего половодья.

Я осталась обедать в Бегичевке, отослав экипаж на хутор: граф же обещался сам меня отвести домой в кабриолете Раевских.

— Предупреждаю вас, граф, что я — страшная трусиха, боюсь лошадей: уж слишком часто пришлось мне вылетать из всех возможных экипажей. Но доверяю вполне вашему искусству.

Когда мы вдвоем уселись в шарабан: «Давно, — обратилась я к графу, — хотелось мне спросить вас, граф, почему не любите вы дедушку Крылова, баснописца? Вы как-то при мне выразились о нем неодобрительно?

— Не люблю я его quasi-народный язык: чувствуется неестественность. Например, возьмите басню: «Кот и повар». «Какой-то повар грамотей» — к чему грамотей? «Он набожных был правил и по куме тризну правил». Какая такая тризна? Разве в народе говорят о какой-нибудь тризне? «А дома стеречи съестное от мышей». Что это за стеречи? Это не по-русски и не по-каковски! и много такого встречается в его баснях. Хочет подделаться под народную речь, а выходит безобразие.

— А я думала, что вы его порицаете за то, что встречаются у него такие нравоучения:

«По-моему хоть пей,
Да дело разумей».

— Нет, — возразил граф, — я чисто с литературной точки зрения не одобряю его. Возьмите басню: «Ворона и лисица». «Вороне где-то бог послал кусочек сыра». Откуда вороне добыть сыра? У Эзопа сказано, что ворон держал в клюве мясо: это естественно. Если б

Крылов заставил кого-нибудь перевести ему басню с греческого, то он не сделал бы этой ошибки. А он перевел с французского Лафонтена, а Лафонтен поставил «fromage» для рифмы с «plumage».

Мы с графом так заговорились, что пропустили поворот с большой дороги на хутор. Слишком поздно заметили мы свою ошибку. Граф забрал вожжи своей пары лошадей и поворотил их налево. Пришлось, чтобы попасть на торную дорогу, ехать целиком и переехать небольшую канаву, что граф очень ловко совершил. Я преспокойно сидела и вовсе не боялась. Когда шарабан покатил по гладкой проезжей дороге:

— Как я испугался! — сказал Лев Николаевич.

— Чему? — удивилась я.

— Я испугался тому, что вы испугаетесь.

Доехали благополучно до хутора. Меня поджидали с чаем. Лев Николаевич поел хуторского домашнего ситника и похвалил его. Потом стал советоваться с Мордвиновым о том, что ему делать с крестьянами села Бегичевки, которые хотят переселяться?

— Я, как земский начальник, — ответил Мордвинов, — получил циркуляр от министра внутренних дел [157]: запрещается крестьянам переселение, пока не выделят новых участков земли в казенных дачах Уфимской и других губерний.

В доказательство слов своих он принес графу печатный циркуляр. Лев Николаевич стал его читать и заметил, что для народа многие места циркуляра покажутся темными и малопонятными.

Потом он встал.

— Мне пора итти. Хочу пешком сходить к Философовым *, а оттуда к доктору.

Предлагали его довезти, но он от экипажа отказался.

— Кого будет Софья Алексеевна сегодня ругать? — засмеялся Мордвинов. — Кажется, граф, и вам от нее достается?

— Когда я вижу Софью Алексеевну, — сказал Лев Николаевич,— то вспоминаю случай из моей молодости, когда я еще езжал на охоту. Еду я верхом с собаками мимо кабака. У дверей кабака стоит мужик пьян-распьян (sic!) и ругает меня всячески: «Ах ты, такой-сякой! что ты тут шляешься!» и проч. и проч. Я подъехал к нему. Он подумал, что я арапником его побью, а я ему таково тихо и кротко говорю: «Друг ты любезный, за что ты меня так ругаешь?» — Мужик оторопел, снял шапку и стал извиняться.

Граф, стоя, так смешно представлял в лицах и себя и мужика, что все расхохотались, и он засмеялся.

— Хорошо ваше сравнение с Софьей Алексеевной! — смеялся Мордвинов.

Лев Николаевич весело со всеми простился, быстро повернулся, набросил на левое плечо свое легкое пальто, взял палку свою и зашагал по дороге в Паники **.

29 июля утром Лев Николаевич с Марией Львовной уехали в Ясную Поляну.

Шведа Авраама Толстые также отправили в Ясную Поляну и поместили на хуторе, им принадлежащем, невдалеке от имения, где сами жили.—К этому чудищу приезжал тульский губернатор Зиновьев с молодыми дочерьми и чиновниками особых поручений и набожно выслушивал его дребедень, а он важно им проповедывал.

---

* Второй сын графа, Илья Львович, женат на старшей дочери Софьи Алексеевны Философовой Софье Николаевне.

** Паники [158] — имение Философовых.

— И всё то, что он говорил, — сказывал мне впоследствии Матвей Николаевич Чистяков, — отзывалось таким фальшивым, деланным, что я не вытерпел, ушел.

И точно, вскоре открылось, что проповедник оказался самым грязным развратником. Графиня Софья Андреевна его выпроводила; он уехал в Польшу.

Летом, в отсутствии Льва Николаевича, заменял его одно время Матвей Николаевич Чистяков, но, получив известие, что друг его Эртель опасно занемог, он к нему уехал к сожалению хуторских жителей.

С осени же 1892 г. занимался после отъезда графа Л. Н. Толстого его благотворительными делами Павел Иванович Бирюков. Кончивши свое образование в Морской академии в Петербурге, Павел Иванович морским офицером совершил плавание вокруг Европы, был в Средиземном море. Светским молодым человеком посещал блестящие балы С.-Петербурга, танцовал на них, ухаживал за молодыми красавицами высшего круга. Но, увлекшись учением Льва Николаевича, бросил службу, отказался от своего имения и, оставив себе малый клочок земли, стал его обрабатывать собственным трудом. Когда же оказалась необходимость притти на помощь голодающему народу, он в 1892 г. помогал в Самаре графу Льву Львовичу Толстому в устройстве даровых столовых и прочей его деятельности. Осенью того же 1892 г. поселился в Бегичевке, когда здоровье графа Льва Николаевича принудило его возвратиться в Ясную Поляну.

Павел Иванович Бирюков небольшого роста, белокур, глаза его голубые; он не хорош собой. Одет он, как и Лев Николаевич, в чистую серую блузу, зимой носит нагольный полушубок. Но во всем его обращении виден человек образованный, умный и учтивый, привыкший к хорошему обществу, не то, что темные, вроде братьев Олёхиных, корчивших мужика и уподобляющихся ему по грязи, неряшеству, всклокоченным волосам и грубым обращением. П. И. Бирюков [не может], как Митрофан Олёхин, в присутствии приезжих, незнакомых ему, образованных молодых девушек, залезть в гостиной под стол, развалиться там и захрапеть. Или явиться в гости в посконной, грязнейшей рубахе, распространяя нестерпимое зловоние. Словом, Павел Иванович Бирюков трудится для нуждающихся просто, неустанно и без всякой своего рода театральности, ни аффектации, ни желания бить на эффект.

Бирюков открыл на осень 1892 г. и зиму 92—93 г. 90 даровых столовых и ведет аккуратно все счеты жертвованным деньгам, следовательно, дела у него, как говорится, по горло. Несмотря на то, он находит иногда время возить по сельским школам волшебный фонарь со множеством картин и показывать их школьникам, толкуя им то, что на них изображается, чем приводят их в восторг.

В продолжение полугода приходилось им не раз видеться с Бирюковым.

В зиму 1891—92 г. и в продолжение лета и осени 1892 г. кроме бича-голода, свирепствовал по деревням смежных двух губерний Тульской и Рязанской другой бич — эпидемия сыпного тифа. Земские врачи, врачи, призванные в частные дома, на иждивении местных помещиков, так же как и молодые фельдшерицы, живущие в с. Бегичевке у графа Толстого, все с одинаковым самоотвержением ходили за болящими крестьянами, многих спасали, но многие и гибли, несмотря на подаваемую помощь.

Одна из самых доброотверженных, добровольных сестер милосердия пала жертвой своего подвига... второй агнец искупления страж-

дущего народа. — То была Марья Петровна Берс[159], жена Степана Андреевича Берс, брата графини С. А. Толстой. Эта чистая и кроткая душа прошла свой век никем незамеченная, посвятивши всю жизнь на служение отверженным и неимущим. В Москве посещала она тюремные больницы и вносила в них с собой тихое утешение христианской любви. Пусть хоть на этих страницах запишется с заслуженным ею уважением имя Марии многострадальной.

В 1892 г. Марья Петровна перенесла свою деятельность в с. Бегичевку и поселилась в соседней деревне Прудках, где заведывала даровыми столовыми, а вечером в свободные часы собирала к себе крестьянских ребят и вслух читала им разные, доступные их пониманию, книги, что не мало их радовало и занимало; родители же их горячо благодарили добрую барыню-благодетельницу, обучающую детей их уму-разуму.

Когда в Прудках открылась эпидемия сыпного тифа, Марья Петровна безустанно ходила по избам за больными и многих спасла разумным уходом. — Долго длилась эпидемия; наконец, утихла, больных более не оставалось. Тогда усталая и разбитая Марья Петровна решилась возвратиться в Бегичевку, надеясь там отдохнуть от непосильных трудов. В Бегичевке находился тогда Павел Иванович Бирюков и слушательница медицинских курсов, молодая девушка Павла Шарапова[160], очень симпатичная личность.

Узнав о предстоящем отъезде Марьи Петровны, всё народонаселение Прудков взволновалось.

— Благодетельница наша нас покидает!—твердили старые и малые. Всем сходом пришли мужики со слезами ее провожать; конца не было благодарению, благословениям и пожеланиям всего хорошего.

Недолго прожила среди друзей народная печальница.

Зараза, вероятно, в ней таившаяся, развилась; переутомление всего организма ей способствовало. Марья Петровна заболела тифом. Три врача и две фельдшерицы (одна привезена была из Тулы) день и ночь не отходили от больной. Употреблены были все доступные науке средства для ее врачевания, и всё напрасно. Тиф прошел, но Марья Петровна в полном сознании скончалась от упадка сил 20 ноября 1892 г.

Она просила, чтоб ее положили в простой, деревянный, не окрашенный гроб и похоронили на общем крестьянском кладбище, среди бедных поселян, которым посвятила всю скорбную жизнь свою. Не посмели ее ослушаться и свезли останки на кладбище села Никитского, Епифанского уезда, Тульской губернии.

Мир праху твоему, святая мученица!

В субботу на масленице 1893 г. приехал в Бегичевку Лев Николаевич Толстой с Татьяной Львовной, а на следующий день приехала и Мария Львовна.

Татьяна Львовна пришла к нам на хутор пешком. Она всё такая же хорошенькая, веселая и остроумная. Она рассказала, что к ним прибыли четверо темных.

— Они говорят, — прибавила Татьяна Львовна, — что могут пробыть у нас только несколько дней и просят себе занятия. — Ничего в нашем деле не знают, ничего не понимают! Только будут путать и мешать: на что они нам?

— Да вы их сплавьте поскорее, — посоветовала я.

Дня через два узнали, что молодцов уже выпроводили обратно на станцию Клекотки.

Уехав обратно в Москву в феврале, Лев Николаевич в мае 1893 г опять навестил свой стратегический пункт, с. Бегичевку, и верхом объезжал все столовые.

Татьяна Львовна, сопровождавшая отца, приезжала верхом на наш хутор: мы ей всегда рады.

В июле 1893 г. граф Лев Николаевич Толстой опять заглянул в устроенные им на берегах Дона и по окрестностям столовые и проч., и остался доволен своими уполномоченными.

Если б граф Лев Николаевич Толстой в какой-либо местности Европы, а не в России, прокормил в продолжение двух лет целый край, т. е. несколько десятков тысяч голодных бедняков и даже скот их, то ему воздали бы всем обществом шумные овации, поднесли адресы, приветствовали благодарственными речами... Но в своем отечестве не тут-то было. Графа обкрадывали те самые, которые ели его хлеб, обманывали его, а власть имеющие делали ему неприятности, клеветали, взводя на него всякие небылицы, подозревали его, шпионили и даже угрожали...

Он же без шума, неустанно продолжал свой благотворный подвиг и, покончив его, тихо и кротко удалился..

Приложение

К СТАТЬЕ О ЛЬВЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ТОЛСТОМ

РАССКАЗ БАРОНА В. М. МЕНГДЕНА [161]

Графа Льва Николаевича Толстого я знавал еще молодым человеком в военной форме и сдружился с ним. В начале пятидесятых годов он еще был холостым, жил в имении своем Тульской губернии «Ясная Поляна», где усердно занимался сельской школой, издавая прелестный свой журнал для школ, под названием «Ясная Поляна». Тут жила у него на покое пожилая, воспитывавшая его тетка, г-жа Юшкова[162]. Я же служил тогда членом от правительства губернского присутствия по крестьянским делам. Однажды вечером приезжает ко мне Дараган, тульский губернатор [163].

— Барон, — сказал он мне, — я знаю, что вы дружны с графом Львом Николаевичем Толстым, знаю также, что он человек вполне благонадежный. Но вот, получил сегодня приказ послать к нему гражданского офицера с обыском. Повторяю, что знаю совершнную благонадежность графа, но у кого из нас, самых мирных личностей, не водятся запрещенные книги? Поэтому, прошу вас, барон, поезжайте завтра утром к Толстому и предупредите его об обыске и посоветуйте уничтожить или скрыть всякие сомнительные книги и бумаги. А я придержу обыск до следующего дня.

Я поблагодарил доброго старика-генерала и на другой день рано утром взял ямщика и покатил в Ясную Поляну. Март стоял теплый распутица была полная. По шоссе ехать не было возможно, и все 17 верст от Тулы до Толстого мы принуждены были ехать полями, на которых еще лежал снег. Кой-как дотащились до места.

Я передал Льву Николаевичу предостережение Дарагана.

— У меня нет ничего запрещенного, — ответил Толстой, — и скрывать ничего не стану. Пойдемте смотреть мою школу.

Пошли. Я пришел в восхищение от этого превосходного училища. На все вопросы ребята отвечали бойко, толково и умно. Многие из них писали сочинения, замечательные для их лет и сословия. Учителя были скромные и трудолюбивые: ни в одном не было того духа, в

котором их представляли правительству. Я с наслаждением провел весь день в этом мирном и ясном убежище.

Лев Николаевич меня благодарил за дружеское чувство и просил от него поблагодарить доброго начальника губернии.

На следующий день[164] наехала полиция и, конечно, ничего не нашла похожего на то, в чем оклеветали знаменитого нашего писателя.

[1] Иван Иванович Раевский (1835—1891), сын Ивана Артемьевича и Екатерины Ивановны Раевских. Познакомился с Толстым в 50-х годах в гимнастическом зале Пуаре в Москве. Приехав в Бегичевку, Толстой писал жене: «Иван Иванович очень всем нам мил. Сердечен, умен и серьезен. Мы его больше и больше любим» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 364). Написанный Толстым некролог Раевского напечатан в «Красном Архиве», 1924 г., № 6. См. также: Новиков А. М., Л. Н. Толстой и И. И. Раевский — «Международный Толстовский альманах», составленный П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1909, стр. 188—200.

[2] Клекотки — железнодорожная станция Сызрано-Вяземской ж. д., в 30 верстах от Бегичевки.

[3] Хутор Мордвиновых Утес, в двух верстах от имения И. И. Раевского Бегичевка, Данковского уезда, Рязанской губернии.

[4] Маргарита Ивановна Мордвинова (1856—1912) — дочь И. А. и Е. И. Раевских.

[5] Иван Николаевич Мордвинов (1859—1917) — муж Маргариты Ивановны. Помещик, земский начальник. Учился на скрипке у концертмейстера Большого театра Кламрота.

[6] Екатерина Ивановна (р. 1879 г.), вышла замуж за драматического артиста В. Н. Юматова (по сцене Рудин); Владимир Иванович (р. 1881 г.), певец, учился в Москве у проф. А. И. Книппер и в Милане у Сальваторе Коттона, женат на Анне Захаровне Акимовой (р. 1889 г.); Анна Ивановна (1886—1910), была замужем за Владимиром Владимировичем Бибиковым; Елизавета Ивановна (р. 1889 г.), первым мужем ее был А. В. Кошелев, по второму браку — Рязанцева.

[7] Имение И. А. Раевского; затем принадлежало его сыну — Дмитрию Ивановичу. Село Никитское — Епифанского уезда, Тульской губернии, в двух верстах от Бегичевки, расположено на берегу Дона.

[8] Ольга Владимировна Менгден, дочь барона Владимира Михайловича Менгден и Елизаветы Ивановны, рожд. Бибиковой, сестры Екатерины Ивановны Раевской. По мужу — баронесса Фредерикс.

[9] Толстой имел в виду книгу «The Ethics of diet» by Howard Williams, которая в следующем 1892 г. вышла в русском переводе в изд «Посредник» под названием: Х. Уйльямс, «Этика пищи».

[10] «Север» — литературно-художественный журнал, выходил с 1888 по 1894 г.

[11] «Нива» — иллюстрированный еженедельный журнал, издавался с конца 1869 г. в Петербурге; известен был своими приложениями в виде собрания сочинений русских писателей. Издателем был А. Ф. Маркс.

[12] «Русские Ведомости» — московская ежедневная газета русских либералов, близкая университетским кругам. Основана в 1863 г.; закрыта в 1918 г.

[13] «Русская Мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал либерального направления; выходил с 1880 по 1918 г. в Москве. В 1891 г. редактором журнала был В. М. Лавров.

[14] «Северный Вестник» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходил в Петербурге с 1885 г. по 1897 г. Первоначально продолжал традиции «Отечественных Записок», с начала 90-х гг. — орган символизма.

[15] В виде приложения к еженедельной петербургской газете «Неделя» (1867—1901) выходили ежемесячно «Книжки Недели» с 1878 по 1894 г. Редактором в 90-х годах был П. А. Гайдебуров. В 90-х годах «Неделя» была близка к взглядам Толстого.

[16] Имеется в виду роман Марселя Прево Исповедь идеалиста, напечатанный в августовском и сентябрьском номерах «Книжек Недели» за 1891 г.

[17] Речь идет о повести Эдмонда де-Амичиса, напечатанной в октябрьском номере «Книжек Недели» за 1891 г.

[18] Роман «Ben-Hur» принадлежит северо-американскому писателю Льюису Уоллесу (Lewis Wallace, 1827—1905). «Бэн-Хур» написан в 1888 г., имел громадный успех. Русский перевод: «Бэн-Хур» («Во время оно»). Повесть из римской и восточной жизни в эпоху возникновения христианства», изд. В. Н. Маракуева, М., 1898. Есть дневниковая запись Толстого о чтении «Бэн-Хура» в феврале 1889 г.

[19] Двенадцатилетняя Екатерина Ивановна Мордвинова.

[20] Наталья Николаевна Философова (см. стр. 100). Н. Н. Философова оставила свои записки об общении с Толстым в период помощи голодающим (не напечатаны).

[21] Вероятно, речь идет о жене графа Адама Васильевича Олсуфьева Анне Михайловне, рожд. Обольяниновой (1835—1899).

[22] Софья Алексеевна Философова (1847—1901), рожд. Писарева.

[23] Баскаково — сельцо Данковского уезда, Рязанской губернии, в 7 верстах от усадьбы Философовых Паники и в 14 верстах от Бегичевки.

[24] Татищево — село Данковского уезда, Рязанской губернии, в 5 верстах от Бегичевки. Столовые в Татищеве были открыты М. Л. Толстой. Их описывает Толстой в статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». О Татищеве см. также гл. VI воспоминаний В. М. Величкиной («В голодный год с Львом Толстым», ГИЗ, М.—Л., 1928).

[25] Деревня Мещерки — Данковского уезда, близ Татищева, в 6—7 верстах от Бегичевки.

[26] Село Екатерининское — Епифанского уезда, Тульской губернии, на берегу Дона, против Никитского, имения Раевских. Имение Екатерининское принадлежало помещице Марье Ивановне Бегичевой. Толстой был дружен с Н. С. Бегичевым и приезжал к нему на охоту в наездку из Ясной Поляны в 60-х годах.

[27] Толстой писал С. А. Толстой 7 ноября 1891 г.: «Вера взялась за школу и с увлечением занимается ею; иногда ездит и ходит с дочерями» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 366).

[28] Толстой записал в своем дневнике 6 ноября: «Письмо из Англии с предложением быть посредником помощи». Имеется в виду письмо издателя T. Fisher Unwin из Лондона от 5 ноября 1891 г. (хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина в Москве).

[29] Александра Васильевна Унковская (ум. 1927 г.), рожд. Захарьина, скрипачка и дирижер, ученица Ауэра.

[30] Топчан — место, на котором топчется лошадь на машине для толчения конопли и льна.

[31] В ненапечатанной автобиографии С. А. Толстой читаем: «Осенью 1868 года приезжал к нам молодой американец Mr. Schuyler — веселый, образованный. Он рассказывал много об американских детских школах и о книгах последовательного чтения. Когда он вернулся в Америку, он прислал нам очень много книг для последовательного чтения, которые так и озаглавливались: first, second, third и т. д. Reader или reading-book. В них очень строго наблюдалась последовательность трудности как чтения, так и понимания содержания. Составлены эти книги были прекрасно, их впоследствии читали все мои дети, и книги эти дали Льву Николаевичу мысль его «Азбуки» и четырех книг для чтения, которые вышли позднее» («Моя жизнь», II, стр. 259).

[32] Женский христианский противоалкогольный союз. Президентом была Изабелла Гапгуд, переводчица на английский язык книги Толстого «О жизни».

[33] Это пребывание на хуторе сам Толстой так описал в письме к С. А. Толстой: «Я целое утро был дома и решил итти пешком к Мордвиновым, по Дону версты четыре. Это прелестная прогулка. Таня собралась со мной, потом Иван Иванович, потом Маша; только Вера осталась, потому что у нее школа вечером. Мы пошли, надеясь вернуться вечером же. Шел снег с ветром; но когда мы пришли и посидели, то оказалось, что ехать нельзя — такая мятель. И вот мы засели и ночевали. Здесь очень милая семья: подростки дети, учительницы, бабушка. Наташа оказалась тоже тут и не могла уехать. Теперь утро, и я от Мордвиновых пишу тебе» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М. 1915, стр. 367, письмо от 7 ноября).

[34] В своем дневнике Толстой пометил: «9 [ноября]. У Мордвиновых».

[35] Иван Иванович Раевский (младший) (1871—1931) — сын И. И. и Е. П. Раевских; в 1896 г. окончил естественный факультет; с 1897 г. был женат на Анне Дмитриевне Философовой (1876 — 1919), двоюродной сестре Натальи Николаевны Философовой.

[36] Петр Иванович Раевский (1873—1920) — сын И. И. и Е. П. Раевских; кончил медицинский факультет в 1897 г., хирург; написал медальное сочинение о кэтгутах («Стерилизация кэтгута на месте изготовления»). Докторская диссертация: «К патологии терапии гноящихся ран». Работал у Левшина в московских больницах; занимался частной практикой у себя в имении. Был женат на Ольге Ивановне Унковской (р. 1875 г.).

[37] Иван Александрович Бергер. См. стр. 138. Его мать была Александра Ивановна, рожд. Раевская.

[38] Великорусские старообрядцы, жившие в Добрудже (Турция).

[39] Статья Толстого «Страшный вопрос», подписанная 1 ноября, была опубликована в «Русских Ведомостях» за 1891 г., № 306 от 6 ноября. Быть может, речь идет о статье «О средствах помощи населению» (см. подробнее в прим. 68).

Можно также предположить, что запись сделана Раевской несвоевременно, и данный разговор попал не под соответствующее число. Возможно, наконец, что речь идет о статье, в печати не появившейся (срв, слова: «Хочу добавить от себя»).

[40] Жан-Батист Мольер (1622—1673) — знаменитый французский драматург, прочитывал свои комедии кухарке Луизе Лефебр (ум. 1668 г.), прозванной им La-Forest.

[41] Иван Семенович Ивин (псевдоним Кассиров) — лубочный писатель, известный в свое время поставщик литературного товара на Никольский рынок. И. А. Белоусов пишет о нем: «Ивин, кроме лубочной литературы, занимался писанием стихов и издал их отдельной книгой, помещал религиозно-философские статьи в журнале «Русское Обозрение», издаваемом Анатолием Александровым. Может быть, через Александрова Ивин и познакомился с Толстым, ходил к нему в Хамовники и вел с ним беседы на религиозные темы, — потом в кругу своих друзей Ивин говорил: «Я заставлю Льва Николаевича быть православным» (Белоусов И. А., Литературная Москва, М., 1926, стр. 33—34). В яснополянской библиотеке имеется статья Ив. Ивина «О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ (из наблюдений крестьянина над чтением в деревне),— два оттиска из XXIII тома «Русского Обозрения».

[42] Коробейники.

[43] Имеется в виду книжка: Кассиров И., Сказки о храбром воине прапорщике Портупее.

[44] Имеется в виду старинная лубочная повесть: «Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы». Первое печатное издание 1782 г. Автор — Матвей Комаров, а не Орлов.

[45] Игнатий Николаевич Потапенко (1856—1929) — писатель; в своих произведениях рисовал быт духовенства и городской интеллигенции. В марте 1891 г. Толстой читал вслух своим семейным повесть Потапенко «Генеральская дочь» («Дневники С. А. Толстой», II, стр. 16).

[46] Толстой имеет в виду рассказ Короленко «Под светлый праздник». Подобный отзыв Толстого засвидетельствован Гольденвейзером в записи от 25 июля 1902 г.: «Часто у хороших писателей встречаются непростительные небрежности... у Короленко, что, когда ударили к светлой заутрене, было светло от месяца, а пасха не может быть в полнолуние» («Вблизи Толстого», т. I, стр. 89).

[47] Николай Федорович Федоров (1824 — 1903), служил библиотекарем (Чертковской библиотеки, Румянцевского музея и библиотеки Архива иностранных дел). Философ. Статьи его объединены в двух томах: Федоров Н. Ф., Философия общего дела, т. I, Верный, 1906; т. II, М., 1913. О нем же Вл. Кожевников, Н. Ф. Федоров, 1908.

[48] Воззвание С. А. Толстой было помещено в «Русских Ведомостях» от 3 ноября и перепечатано в большинстве столичных и провинциальных газет, а также за границей.

[49] Лев Львович Толстой (р. 1869 г.), третий сын Толстого, в то время — последователь идей отца. Будучи студентом второкурсником Московского университета, уехал в Самарскую губернию, где прожил около года на голоде. Организовал вместе с товарищами около 200 столовых, кормивших до 20 000 человек.

[50] Имеется в виду заметка «Семейство его сиятельства графа Л. Н. Толстого», напечатанная в № 308 «Московских Ведомостей» от 7 ноября 1891 г. В ней читаем: «Графиня С. Толстая чрез посредство «Русских Ведомостей» возвещает России необычайно важное событие, а именно — что все высокое семейство его сиятельства разъехалось для оказания помощи голодающим... В настоящее время тысячи больших и маленьких людей в России посвящают свои силы святому делу... Только не кричат о себе. Семейство его сиятельства действует иначе... Графиня просит все газеты перепечатать адресы высоких членов, удостоивающих давать России столь светлый пример».

[51] Дубровин — юрист, студент четвертого курса. Под 11 ноября Толстой записал в своем дневнике: «Приезд Дубровина».

[52] Елена Павловна Раевская (1839—1907), рожд. Евреинова, дочь Павла Александровича Евреинова и Софьи Александровны Оболенской, жена И. И. Раевского-старшего.

[53] Толстой записал в своем дневнике под 15 ноября: «Вечер у Мордвиновых. Я ушел рано. Ходил к Н[аташе Философовой] с Тулиновым и Поляковым». Николая Ивановича Тулинова Толстой знал еще с 1887 г., когда Тулинов записался в организованное Толстым «Согласие против пьянства». Григорий Александрович Поляков (р. 1866 г.), будучи студентом, также записался в члены «Согласия против пьянства».

[54] Под тем же числом в дневнике Толстого читаем: «Утром приехали Тулинов и Поляков. Милые ребята.»

[55] Орловка — село Епифанского уезда на Дону, в 8 верстах от Бегичевки.

[56] Рафаил Алексеевич Писарев.

[57] Монастыршина — село Епифанского уезда, Тульской губернии, в 15 верстах от Бегичевки, рядом с Куликовым полем; здесь был переход через Дон, удобный для татар при нападении на Москву.

[58] Алиса Б. Стокгэм (Alice B. Stockham), рожд. Бункер (р. 1833 г.) — американская писательница, по взглядам примыкала к квакерам, доктор медицины. Автор книги: «Tocology. A. book for every woman», 1888. Русский перевод Толстой снабдил предисловием: Стокгэм Алоиза, Токология или наука о рождении детей. Книга для женщин, с предисловием Толстого, перевод С. Долгова, М., 1892. О Толстом написала: «Tolstoi, a man of peace», Chicago, 1900.

[59] Григорий Иванович Раевский (1875—1905) — сын И. И. и Е. П. Раевских.

[60] Екатерина Мордвинова.

[61] Маргарита Ивановна Мордвинова.

[62] В октябре 1891 г. Толстой написал для журнала «Вопросы философии и психологии» письмо о голоде. Эта статья о голоде не была пропущена цензурой. О ней Толстой писал Бирюкову в ноябре 1891 г.: «Я написал одну статью — поспешную и потому нехорошую в журнале Грота» (Бирюков П. И., Биография Л. Н. Толстого, т. III, Гиз, 1922, стр. 162). В январе Толстой опубликовал небольшой очерк «Помощь голодным» («Книжки Недели», 1892, № 1, стр. 17—36).

[63] Толстой отметил в дневнике под 18 ноября: «Потом писал статью о столовых». Статья эта с датой «26 ноября 1891 г.» была озаглавлена «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая»; была напечатана в книге «Помощь голодающим. Научно-литературный сборник», изд. «Русских Ведомостей», М., 1892, стр. 569 — 586.

[64] Статья эта о непротивлении постепенно разрослась в трактат «Царство божие внутри вас».

[65] Павел Александрович Гайдебуров (1841—1893) — в 60-х годах сотрудник «Современника» и «Дела», с 1869 г. — «Недели»; с 1876 г. до конца жизни редактор «Недели». Толстой сочувственно относился к Гайдебурову, симпатизировал его журналу и принимал в нем участие. 23 ноября Толстой писал Софье Андреевне о Гайдебурове: «Он всегда так желателен, а я его обхожу для «Русских Ведомостей», совсем мне чуждых» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915, стр. 374).

[66] В «Биржевых Ведомостях» была опубликована статья под инициалами М. М.: «У Л. Н. Толстого в голодный 1891 — 1892 г.» (№ 233 от 28 августа 1903 г.). 24 ноября 1891 г. Толстой писал Софье Андреевне: «У нас еще гостит корреспондент Майков, недурной молодой человек» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», 1915, стр. 377).

[67] Владимир Осипович Михневич (1841—1899) — журналист, с 1877 г. один из главных сотрудников газеты «Новости». В архиве Толстого, хранящемся во Всесоюзной публичной библиотеке им. Ленина, сохранилось письмо Михневича Толстому, писанное с вокзала в Скопине 22 ноября 1891 г., в котором Михневич в теплых выражениях благодарит за радушный прием.

[68] В газете «Курский Листок» с мая по ноябрь 1891 г. нет статьи, о которой со слов М. Л. Толстой записано в дневнике Е. И. Раевской.

[69] Александр Матвеевич Руднев (р. 1842 г.) — старший врач губернской земской больницы в Туле.

[70] Под 26 ноября Толстой записал в своем дневнике об И. И. Раевском: «Он умер в три часа, мне очень жаль его. Я очень любил его».

[71] В оригинале пропуск. Раевская имеет в виду священника села Орловки Евгения Герасимовича Нечаева, окончившего жизнь самоубийством.

[72] Село Огарево (Никольское тож) — Епифанского уезда, Тульской губернии, в 7 верстах от Бегичевки.

[73] Дмитрий Иванович Раевский (1859—1896) — брат И. И. Раевского-старшего.

[74] Раевская ошибается в фамилии. Это — благочинный Василий Александрович Миловидов. Был известен своими поборами по приходу. Играл в теннис с братьями Раевскими. В настоящее время снял сан.

[75] Варвара Федоровна Ошанина — сестра земского начальника Данковского уезда Никифора Федоровича Ошанина. Ей принадлежало имение Прудки Осиновские.

[76] Николай Авенирович Мартынов (ум. 1913) — художник, сотрудник «Русских Ведомостей». Его картина голода находится в Толстовском музее в Москве. Статья его о Толстом напечатана в № 309 «Русских Ведомостей» за 1891 г.

[77] Елизавета Васильевна Цингер — дочь профессора Василия Яковлевича Цингера (1836 — 1907) и Магдалины Ивановны, рожд. Раевской, по мужу — Рискина.

[78] Речь идет о книге «Помощь голодающим. Научно-литературный сборник» изд. «Русских Ведомостей», М., 1892. В этой книге помещены два произведения Толстого: статья «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» и «Сказка» («Работник Емельян и пустой барабан»).

[79] Екатерина Васильевна Степанова (р. 1856 г.) — ученица Академии художеств в 1879—1884 гг., с 1884 г. некласный художник. В возрасте Степановой Раевская ошибается.

[80] Александр Михайлович и Константин Михайлович Сибиряковы, а не Серебряковы, как пишет Раевская. А. М. Сибиряков (р. 1849 г.) — золотопромышленник, уроженец Иркутска, воспитанник цюрихского политехникума. В 1876—1878 гг. поддерживал экспедицию Норденшельда. Известен в литературе. Его именем назван остров против устья Енисея. Чистяков служил у его брата Константина Михайловича; с К. М. Сибиряковым Толстой был в переписке.

[81] Правильнее Норденшельд (Nordenskjöld). Адольф Эрик Норденшельд (1832—1901) — знаменитый шведский путешественник по полярным странам.

[82] Гостиница, находившаяся на Большой Конюшенной улице в Петербурге; в ней останавливался еще Пушкин.

[83] Александр Иванович Эртель (1865—1908) — писатель. Его письма о Толстом и помощи голодающим в 1891—1892 гг. см. в сборнике «Лев Толстой и голод», Н.-Новгород, 1912, стр. 161—165; среди этих писем есть письмо М. Н. Чистякову.

[84] Князь Михаил Владимирович Долгоруков (1860—1924) — лейтенант, земский начальник Данковского уезда, Рязанской губернии.

[85] Нижняя Павловка на Дону — деревня при селе Стрешневе, Данковского уезда, Рязанской губернии, в 10—12 верстах от Бегичевки.

[86] Графы Николай и Павел Павловичи Игнатьевы.

[87] Елизавета Ивановна (1821—1902), рожд. Бибикова, сестра автора дневника С 1849 г. была замужем за бароном Вл. Мих. Менгденом (1826—1910).

[88] Молоденки (Введенское тож) — село Епифанского уезда, Тульской губернии, в 17 верстах от Бегичевки. Молоденки — имение Самариных.

[89] Скопин — уездный город Рязанской губернии.

[90] Алексей Александрович Лопухин (р. 1864 г.), был женат на Екатерине Дмитриевне Урусовой. С 1902 по 1905 г. — исполняющий должность директора департамента полиции.

[91] Иван Михайлович Клопский (1852—1898?) — сын дьякона. Жил у А. Н. Энгельгардта; в 1890—1891 гг. — в тверской толстовской общине. Разыскивался полицией и был задержан в апреле 1892 г. Эмигрировал в Америку. В связи с своим образом жизни был посажен в дом умалишенных. Погиб, попав под трамвай.

[92] Яков Петрович Шугаев — приказчик Раевских, из крестьян деревни Мясновки, умный и способный крестьянин.

[93] Шарль-Морис Талейран-Перигор (1754—1838) — французский дипломат. В своей жизни присягал разным французским правительствам восемнадцать раз.

[94] Гликерия Николаевна Федотова (1846—1925) — выдающаяся артистка московского Малого театра. В «Плодах просвещения» играла Анну Павловну Звездинцеву.

[95] Михаил Адамович (1860—1918) или Дмитрий Адамович (р. 1862 г.) Олсуфьевы, товарищи С. Л. Толстого. — Рассказ о том, что Федотова расцеловала Олсуфьева и С. Л. Толстого, — неверен.

[96] Николай Игнатьевич Музиль (1840—1906) — артист московского Малого театра, исполнитель комических ролей. В «Плодах просвещения» играл повара.

[97] Раевская неточно передала эпизод посещения Толстым Малого театра. На самом деле в фельетоне «За день («Новости Дня», 1892 г., № 3072, 13 января) В. Д-ч писал так: «нет, я вам должен рассказать эту историю во всех подробностях. К кассе Малого театра подошел в сопровождении молодого человека мужик, в зипуне, барашковой шапке и валенках. Увидел аншлаг: «билеты все проданы» — и пошел за кулисы. — Милый, могу я увидеть г-жу Федотову? — Федотову???? — Сторож оглядел мужика с ног до головы. — Нельзя Федотову видеть. Она теперь занята. «Плоды просвещения» играют. Графская пьеса. — А ты все-таки сходи, милый, и скажи: автор, мол, этой пьесы видеть их желает. — Автор? — Сторож перевел взгляд на молодого человека, видимо, догадался и побежал к режиссеру. — Автор нынешней пьесы видеть Гликерию Николаевну желает. Г. Черневский даже подпрыгнул от изумления. Автор? «Плодов просвещения?» — Они самые-с. Да ты не путаешь? Какой он из себя? — Молодые такие и лицо, этакое, вобче, видать — что графы. С мужичонкой пришли. Так, неважный мужичонка, в валенках. Мужичонка-то и сказал, что, мол, автор желает видеть. Г. Черневский, разумеется, моментально сообразил, кто этот «неважный мужичонка» в валенках, побежал, представился и проводил в уборную г-жи Федотовой. Весть «сам Толстой здесь» — моментально облетела кулисы. У артистов душа ушла в пятки. Как быть? Куда посадить такого редкого, желанного гостя?»

До 13 января, когда был опубликован вышеприведенный фельетон, в последний раз перед этим днем «Плоды просвещения» шли 7 января. К этому числу и следует отнести посещение Толстым Малого театра. «Плоды просвещения» шли в этот вечер вместе с водевилем Баташева «Слабая струна». В суммарной

записи от 30 января в дневнике Толстого отмечено посещение представления «Плодов просвещения».

[98] Алексей Коныч Плахов, кучер Раевских.

[99] «Царство божие внутри вас».

[100] С. А. Толстая писала Льву Николаевичу 20 ноября: «Спасибо тебе, милый друг Левочка, за письмо и статью. Вчера вечером собрались у меня Грот с женой, Лиза [Е. В. Оболенская] с Машей, Наташа с Вакой [Философовыми], и я им прочла вслух. Все очень заинтересовались повестью и пожалели, что дальше нет». Толстой писал в ответ 25 ноября: «Послал я тебе нечаянно начало повести». Речь идет о неоконченном рассказе «Кто прав?». Опубликован после смерти Толстого в 12 издании его «Сочинений», т. 16, М., 1911.

[101] Богородицк — уездный город Тульской губернии.

[102] Николай Алексеевич Зиновьев — с 1887 по 1893 г. тульский губернатор.

[103] Граф Владимир Алексеевич Бобринский (р. 1867 г.) — земский деятель, в то время председатель Богородицкой уездной земской управы, организатор летних женских школ. Впоследствии член третьей и четвертой Государственной думы, умеренный правый.

[104] Елена Михайловна Персидская. См. стр. 101.

[105] Пеньки — деревня Данковского уезда, Рязанской губернии, в 5 верстах от Бегичевки.

[106] Прудки (Хитровские) — деревня Данковского уезда, Рязанской губернии, на Дону, в 8 верстах от Бегичевки.

[107] Владимир Петрович Глебов (1850—1926) был епифанским предводителем дворянства Тульской губернии.

[108] Ряжск — уездный город Рязанской губернии.

[109] Михаил Алексеевич Гловацкий.

[110] Федот Васильевич Калмыков (ум. 1918 г.), из крестьян села Никитского, служил поваром у И. А. и И. И. Раевских.

[111] «Деятельность попечителей проявлялась, главным образом, в даровой раздаче различных припасов и продаже их по удешевленной цене, причем в районе своих участков попечители были вполне самостоятельны» («Деятельность благотворительных учреждений Тульской губернии по пособию населению, пострадавшему от неурожая 1892—1893 гг.», Тула, 1894, стр. 19).

[112] Михаил Михайлович Римский-Корсаков (р. 1843 г.) — помещик Богородицкого уезда.

[113] Хворостянка (Дубики тож) — казачья деревня Епифанского уезда, Тульской губернии, в 14—15 верстах от Бегичевки.

[114] Называлась по имени Куликова поля, известного в истории битвой русских с татарами (1380 г.).

[115] После этих слов в виде заключительной виньетки Раевская изобразила в своем дневнике голову осла со штофом водки.

[116] Князь Николай Алексеевич Лобанов-Ростовский (1863—1921) — впоследствии сенатор, член Государственного совета по выборам.

[117] Репин выставлял свои картины на выставках «Передвижников».

[118] Портрет этот находится в Институте литературы при Академии наук в Ленинграде.

[119] Александра Ивановна, рожд. Раевская, была замужем за Александром Даниловичем Бергером.

[120] Евгений Николаевич Мордвинов (1855—1915) в молодости работал в земстве очень короткое время; был слаб здоровьем и служить не мог.

[121] Николай Васильевич Цингер — сын В. Я. Цингера и Магдалины Ивановны, рожд. Раевской.

[122] Екатерина Ивановна Баратынская, рожд. Тимирязева, первая жена московского вице-губернатора Льва Андреевича Баратынского. Толстой писал жене 26 февраля 1892 г. «Если Екатерина Ивановна Баратынская не выехала, то не лучше ли ее отговорить ехать к нам и направить в иное место» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 395).

[123] Е. Вальцова, жена Дмитрия Павловича Вальцова (1850—ум. после 1917 г.) управляющего делами вел. кн. Николая Николаевича. Жила Вальцова в имении Травино, Ефремовского уезда, Тульской губернии.

[124] Фамилия шведа — Стадлинг. Толстой писал о нем жене 29 февраля 1892 г.: «У нас же швед Стадлинг, очень приятный» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 399).

[125] Стадлинг не был евреем. Вероятно, Раевская смешала его с другим приехавшим на голод шведом — Абрамом Бонде, который был евреем.

[126] Воспоминания Стадлинга были напечатаны в русском переводе в №№ 6201 и 6208 иллюстрированного приложения к «Новому Времени» за 1893 г. под заглавием «У графа Л. Н. Толстого».

[127] Под 25 февраля 1892 г. Толстой записал в дневнике: «Приехали к нам 1) Батерсби, 2) Швед Стадлинг, 3) Высоцкий и 4 темных. Мне тяжело от них».

[128] Борис Николаевич Леонтьев. См. стр. 101.

[129] Алексей Васильевич Алехин (р. 1859 г.), химик, был оставлен при Московском университете, но прекратил научную работу и в 1890—1891 гг. жил в земледельческих общинах. В 1896 г. вернулся к научной работе; с 1899 г. состоял преподавателем Киевского политехнического института.

[130] Митрофан Васильевич Алехин. См. стр. 102.

[131] Вероятно, Николай Васильевич Цингер.

[132] В уездах для помощи населению, пострадавшему от неурожая, действовали либо попечительства Красного креста, либо благотворительные комитеты; последние образовывались под председательством уездных председателей и членов уездных земских управ, уездных исправников и городских голов, причем право голоса на общих собраниях, кроме этих лиц, предоставлялось еще уездным членам окружного суда, податным инспекторам, уездным земским врачам и заведующим благотворительными учреждениями.

[133] Имение Рожня Николая Ивановича Остафьева, Данковского уезда Рязанской губернии, в 25—28 верстах от Бегичевки.

[134] Гороховка (Ивановка тож) — сельцо Данковского уезда, Рязанской губернии, в 20 верстах от Бегичевки.

[135] Владимир Иванович Схороходов. См. стр. 84.

[136] Лучки — сельцо Ефремовского уезда, Тульской губернии, в 15 верстах от Бегичевки.

[137] Александр Васильевич Миллер — кирасирского полка полковник в отставке.

[138] Вера Михайловна Величкина. См. стр. 101.

[139] Боршевая — деревня Скопинского уезда, Рязанской губернии, приблизительно в 20—25 верстах от Бегичевки.

[140] Горлово — большое село (свыше двух тысяч жителей) Скопинского уезда, Рязанской губернии, в 30 верстах от Бегичевки.

[141] Корреспондент Стадлинг уехал с Львом Львовичем Толстым в Самарскую губернию 4 марта.

[142] Так звали в своем кругу Владимира Алексеевича Бобринского.

[143] Митрофан Васильевич и Аркадий Васильевич Алехины.

[144] В подлиннике помета рукой И. Н. Мордвинова: «Сомневаюсь, чтоб Евгений это сказал!»

[145] Граф Федор Алексеевич Уваров (р. 1866 г.) — сын основателя и первого председателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны, рожд. кн. Щербатовой, которой в молодые годы короткое время увлекался Толстой. Владелец Поречья, Можайского уезда, Московской губернии; председатель можайской земской управы, шталмейстер, член Государственного совета по выборам от московского земства.

[146] Абрам фон-Бонде, жил в Нью-Йорке, путешествовал по Индии. См. о нем Толстая-Сухотина Т. Л., Друзья и гости Ясной Поляны, изд. «Колос», М., 1923, стр. 123—140. О Бонде Толстой пометил в своем дневнике под 26 мая 1892 г.: «Явился швед Авраам. Моя тень. Те же мысли, то же настроение минус чуткость. Много хорошего говорит и пишет».

[147] Николай Николаевич Бер. См. стр. 84.

[148] Михаил Николаевич Анненков (1834—1899) — генерал, строитель Закаспийской жел. дороги.

[149] Сергей Сергеевич Бехтеев (1844—1911) — впоследствии тайный советник, член Государственного совета.

[150] Григорий Иванович Кристи — впоследствии московский губернатор.

[151] Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905), в качестве уполномоченного по общественным работам в Рязанской губернии, жил в то время в Рязани. Доктор философии. Профессор Московского университета, ректор в 1905 г.

[152] Юлия Васильевна Патрикеева, впоследствии преподавала в Туле в железнодорожной школе.

[153] Сторожово (Полибино тож) — сельцо Данковского уезда, Рязанской губернии, в 7 верстах от Бегичевки.

[154] Дмитрий, Софья, Анна и Юрий Степановичи Нечаевы (Юрий — Нечаев-Мальцев).

[155] Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) и Василий Васильевич Давыдов (1843—1896), член московской судебной палаты, женатый на сестре Е. П. Раевской.

[156] Капитон Алексеевич Высоцкий, был в дружбе с М. В. Алехиным.

[157] Иван Николаевич Дурново.

[158] Паники (Нелядино тож) — село Данковского уезда, Рязанской губернии, при Доне, в 7 верстах от Бегичевки.

[159] Марья Петровна Берс, рожд. Романова, жена Степана Андреевича Берса. В 1888—1889 гг. была оставлена мужем.

[160] Павла Николаевна Шарапова (р. 1867 г.) — с 1899 г. жена П. И. Бирюкова. Дочь ярославского купца. По окончании гимназии, желая «опроститься», поселилась с своей воспитанницей у крестьян Макаровых в Ясной Поляне, с целью жить земледельческим трудом.

[161] Барон Владимир Михайлович Менгден (1826—1910) — государственный деятель; в 1889 г. по протекции близкого к нему Победоносцева назначен членом Государственного совета. Владелец имения Маклец, Богородицкого уезда, Тульской губернии. С 1849 г. был женат на Елизавете Ивановне Бибиковой (1821—1902), сестре Е. И. Раевской, по первому браку кн. Оболенской.

[162] Ошибка Менгдена. Тетка, постоянно жившая при Льве Николаевиче, была Татьяна Александровна Ергольская. Пелагея Ильинична Юшкова бывала в Ясной Поляне временами.

[163] Петр Михайлович Дараган (1800—1875) — в 1850 — 1865 гг. тульский губернатор.

[164] Явная ошибка и несообразность. См. предисловие. Наиболее обстоятельное описание обыска в Ясной Поляне 1862 г. с опубликованием новых документов см. в статье И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» («Звенья», I, изд. Academia, 1932, стр. 374—412).

А. И. ФАРЕСОВ

МОЕ ЗНАКОМСТВО С Л. Н. ТОЛСТЫМ

Публикуемая статья написана Анатолием Ивановичем Фаресовым (1852 — 1918), автором книг: «Народники и марксисты» (1899), «В одиночном заключении» (1900), «Против течений» (1904) и др. Статья предназначалась для журнала «Исторический Вестник» и вскоре после ее написания стала известна Толстому. 18 марта 1898 г. М. О. Меньшиков писал Толстому: «Фаресов вернулся от вас в большом восторге и записал — с какою точностью, бог весть — весь разговор с вами». Толстой отвечал Меньшикову 22 марта 1898 г.:

«Фаресов описал меня и разговоры наши. Не говоря о том, что многое неточно, а предметы спорные и задорные, есть такие вещи, как суждения мои о Короленко и другие, которые прямо сделают мне врагов. За что? Это мне было бы ужасно больно. Только одного и желаешь: жить в любви со всеми, а тут за неосторожность в разговоре быть так строго наказанным. Попросите его очень, если он не хочет сделать мне большого огорчения, не печатать этого» (Письмо не опубликовано; хранится в Институте литературы в Ленинграде).

Прочитав в фельетоне Фаресова изложение своего разговора с ним, Толстой во многих записях не мог признать своего языка. Такие выражения, как: «нам нужны бытовые повести с крупным идеалом писателя», «приподнятые чувства вместо изучения жизни», «через голую правду он достигает изумительного художества», «будет мешать властвовать над умами современников» и др., несомненно не могли быть употреблены Толстым. Фаресов не схватил главных особенностей толстовского языка — его простоты и выразительности. Совершенно понятна поэтому неудовлетворенность Толстого записью Фаресовым его слов. Можно, однако, думать, как об этом и заявляет сам Фаресов в конце фельетона, что сущность высказанных ему Толстым суждений, касавшихся преимущественно литературных вопросов, передана им верно.

Исполняя желание Толстого, Фаресов не напечатал своей статьи. Она сохранилась в архиве Лескова, находящемся в Литературном музее, и появляется в печати впервые.

В первых числах февраля 1898 г. М. О. Меньшиков из «Недели» сказал мне, что он едет в Москву и будет у Л. Н. Толстого. С последним заочно я был давно знаком, так как его имя изо дня в день произносилось с глубоким уважением в доме Н. С. Лескова, с которым я был в хороших отношениях. Тем не менее личное знакомство с писателем часто помогает понимать его гораздо лучше, чем по его сочинениям или отзывам друзей. Вот почему у меня были свои мотивы желать видеть и слышать Л. Н. Толстого непосредственно. Не имея привычки стеснять собою кого-либо и являться в чужой дом неожиданно, я обратился к Меньшикову с просьбой сказать Л. Н. Толстому о моем желании познакомиться с ним и сообщить мне о нем пару слов. Меньшиков прислал мне письмо, от 6 февраля, следующего содержания:

«Сейчас вернулся из Москвы, где провел всего 2 суток, многоуважаемый Анатолий Иванович. Говорил Льву Николаевичу о вас, и будет ли расположен он вас видеть. Он ответил, что да, конечно. Я оставил его опять занемогшим немного. Если поедете, то не делайте ему слишком частых и слишком продолжительных визитов, так как он утомляется от этого. Он очень хорош и все лучше и лучше делается. Он вас помнит в связи с Лесковым. М. Меньшиков».

После этого письма я счел уже вполне возможным посетить «великого писателя» в Москве, где он проводит зиму. Некоторые (С. Н. Шубинский) из моих благоприятелей посмеивались над этим своего рода «паломничеством в Москву» и предрекали мне, что Толстой «зарядит» меня еще более; другие — что мы к 70-летнему возрасту будем «все лучше и лучше»... Я, однако, отлично знал, что к этому возрасту большинство людей утрачивает личное благородство духа и способность работать для просвещения умов и сердец своих ближних.

— Аскетическим идеалом нас не просветишь, — иронически возражали мне.

— Ну, да поезжайте, поезжайте посмотреть «тронутый» гений, — говорил С. Н. Шубинский. — Последняя о нем новость заключается в том, что о потерпевших в тюрьмах и ссылках молодых людях он выразился в следующих словах: «Ах, какие они счастливые, если могли так много страдать! Как хорошо они узнали самих себя!» Со стороны легко философствовать о чужих страданиях, а вот будет ли он сам счастлив на страстную пятницу?

— А что такое?

— Да рассказывают, что он получил с юга России от какого-то новообразовавшегося общества «Крестоносцев» письмо о том, что он приговорен ими к смерти и умрет в страстную пятницу. Если это не первого апреля, то мы увидим, много ли эта пятница принесет ему счастья[1].

Такими напутствиями сопровождался мой отъезд к Л. Н. Толстому. Эта неприязнь к нему заслуживает быть отмеченной. — Рассказывают, что на юбилее Златовратского нашелся московский публицист, проводивший параллель между Петербургом и Москвой на том, что в Питере есть Иоанн Кронштадтский, а в Москве — Толстой. Замечательно, что все это говорится не без злорадства в тех самых литературных сферах, где без Л. Толстого русская литература за последние годы не имела бы никакого влияния на западные умы...

— Самое лучшее идите к нему после шести часов, — сочувственно сказал мне Меньшиков. — Это самое удобное время.

— Ловко ли вечером-то?

— В другой час вас могут не принять. Его так оберегают. Его здоровье всем дорого; мешать его дневным занятиям также не следует. Вечером самое лучшее.

— Прекрасно, — сказал я. — По возвращении поделюсь с вами моими впечатлениями.

11 февраля я приехал в Москву и вечером отправился в Хамовнический переулок.

Длинный двухэтажный дом Толстых помещается во дворе в нескольких шагах от ворот и решетчатого высокого забора. Я подошел к крыльцу и дернул за звонок. Мне отворил дверь молодой лакей во фраке.

— Лев Николаевич дома?

Окинув меня скорым взглядом и заметив в моей руке визитную карточку, лакей произнес:

— Дома-с.

— Передайте это и узнайте, могу ли я его видеть.

Он ушел наверх, а я остался в передней. В соседней комнате другой лакей и женская прислуга убирали со стола посуду, а сверху доносились звуки рояля.

— Пожалуйте к графу, — сказал, появляясь, человек и повел меня наверх. Мне пришлось миновать маленькую проходную комнату и большую залу. Несколько молодых мужчин и женщин столпились в зале около рояля, за которым молодая женщина приятным голосом пела романс. Господин наклонялся к нотам и пытался что-то говорить, но певица продолжала петь тем же голосом. Мой приход ничего не изменил. Очевидно, все привыкли к многочисленным посещениям Л. Н. посторонними людьми и старались показать вид, что приход нового лица никем не замечен.

— Сюда, сюда! — звал меня лакей в узенький коридорчик, пройдя который я спустился с трех-четырех ступенек и остановился перед маленькой дверью. Провожатый постучал в нее пальцем и затем отворил. Я прошел в низенькие две комнаты. Первая всего шага четыре в ширину с ширмами для кровати, другая — квадратная и довольно просторная — для занятий. На низеньком кресле, обтянутом черной кожей, сидел Л. Н. Толстой, а перед ним что-то говорила высокая и видная женщина. При моем появлении она хотела удалиться, но Л. Н. задержал ее.

— Очень рад вас видеть, — произнес он приподнявшись. — Я знаю вас по статьям о Лескове.

— Нас не представили, — произнесла тотчас же высокая дама и протянула мне руку. — Я — жена Льва Николаевича.

— Я так и подумал, графиня... Весьма рад.

— Вы были в хороших отношениях с Лесковым? — спросил Л. Н.

— Много лет[2].

— Это самобытный писатель, — перебил Толстой и тотчас же стал говорить о Лескове в сочувственном духе.

Вскоре вошел лакей с бумагой в руках.

— Карикатуру прислали из типографии, — сказал он.

— Корректуру? — поправила улыбаясь Софья Андреевна.

— Тише!.. Не конфузь его, — ответил мягко Лев Николаевич, развертывая корректурные листы[3].

Пока он складывал их обратно в сверток, я поверхностно осмотрел комнату. На письменном столе среднего размера виднелась кучка писем, ожидавших либо ответа, либо особого внимания, а позади кресла стоял небольшой книжный шкаф. Низкая мебель, обитая черной кожей, в том числе широкий диван, были весьма удобными для своего назначения. Никаких украшений в комнате я не заметил.

Графиня на минуту вышла, но скоро опять вернулась с письмом в руках.

— Это тебе, — сказала она мужу. — Я распечатала, чтобы узнать, нет ли в нем чего неприятного для тебя.

— Благодарю, — ответил Л. Н. и вынул письмо из конверта. — Это от духоборов... Ничего нового... Все то же... Положи, пожалуйста, на стол.

Графиня, с коробкой мятных лепешек в руке, предложила своему мужу конфеты, но он отказался.

— Отрава, друг мой.

— Я очень люблю, — сказала графиня. — Не хотите ли? — предложила она смеясь сидевшему с нами молодому человеку Дунаеву[4].

— Я тоже люблю мяту, — произнес тот.

— Да это сахар, а не мята, — перебил его Л. Н.

Софья Андреевна весело положила в рот «отраву» и передала коробочку мне.

Я чувствовал себя все легче и легче в семье великого писателя и скоро непринужденно разговаривал с ним.

Лев Николаевич несколько устал, и я сказал:

— Меня предупредил Меньшиков не утомлять вас длинными разговорами.

— Нет, ничего, — ответил Л. Н. — Я, действительно, при нем несколько прихворнул, а эти дни мне лучше. Останьтесь еще... Что у вас в Петербурге в литературе?

— У меня безотрадный взгляд на новую литературу, Лев Николаевич... Если бы на книжном рынке не было позднейших произведений, то эстетический вкус общества и количество идей нисколько не пострадали бы. Что было припасено ранее, то и осталось в литературе. Нового в нее ничего не прибавлено. Все, что еще годно итти вперед, идет за корифеями нашей литературы, а не за молодыми писателями. Последним некуда вести русское общество, и ни один из них не создал ни литературного типа, не воспроизвел в целом бытовой жизни после реформ... Писатели старой школы были избранными людьми своего времени; а теперь трудно рассмотреть талантливого и умного человека в литературной пестряди. На самом деле, старые писатели своими художественными образами сближали между собою людей во имя очень определенных политических и христианских идеалов; а из новых писателей кто и куда ведет за собою своих читателей?

Не могу сказать, как отнесся к моим словам о новой литературе Л. Н.; но ответ его во многом согласовался с моими чувствами.

— Очень печалит меня Короленко, — сказал он грустно. — Ведь какой бы из него мог быть писатель! Какой удивительный язык! Я такого языка не знаю во всей русской литературе... Бесподобный стилист! Но — выдумщик! Выдумщик, и только... Этот «Сон Макара», «Слепой музыкант» разве не выдумка? А нам нужны бытовые повести с крупным идеалом писателя. Выдумки и стиль увлекают писателя в ущерб правдивости. Лишь бы красиво было придумано, а правдой они всего менее озабочены. Читали вы у Короленки бегство арестантов из тюрьмы в ночь на пасху? У него говорится, что они бежали из острога, а им светила луна... Так это красиво описано! Ну, позвольте спросить, когда это в пасхальную ночь светит луна? Всегда пасха бывает после полнолуния; — всегда в эту пору искони веков ночи темные, звездные, зги не видно[5]. Ребенок это знает, а беллетристы-выдумщики незнакомы с внешней природой, среди которой живут. Выдумки, удивительный стиль да приподнятые чувства вместо изучения жизни — вот что их более всего занимает. Весь Короленко — тот же Евгений Марков[6]. Так он мне напоминает автора «Черноземных полей». Выдумщики!! Эта школа выдумщиков может ужасно вредно влиять на своего же меньшого брата, писателя. Вот Чехов не выдумывает своих рассказов, и я не знаю равного ему по художественности писателя... Через голую правду он достигает изумительной художественности, не отличаясь ни слогом, ни выдумкой... Его манера письма напоминает мне живописца, который стал вдруг выплевывать краски шлепками на полотно, и, тем не менее, образ получается яркий и правдивый... Потому что он не выдумщик! Но самые его образы, к сожалению, очень мелкие, не имеющие значения. Точно у него у самого ничего нет за душой, и посмотрите, это ему будет мешать властвовать над умами современников.

— Вы где сами больше работаете? — спросил меня Толстой, прерывая собственную речь.

— В «Историческом Вестнике».

— Ведь вот какая странность, — воскликнул вдруг Л. Н. — Журналы с воспоминаниями о том, кто что видел в своей жизни и что слышал человек от других людей, стали гораздо интереснее журналов с беллетристикой и поэтами... Я бы одного теперь и желал от литературы: чтобы писатели не выдумывали, а были верны действительности; так теперь в жизни много интересного накопилось за два-три десятка лет. Надо быть правдивым, а не выдумщиком. Вот почему я и предпочитаю читать исторические журналы, а не общелитературные.

— Тоже и без «выдумки» плохо, Лев Николаевич, — сказал я. — Если писать одну действительность, то и в ней можно задохнуться и утонуть в грязи. Вы сами полагаете «правду в искусстве» не только в описаниях того, что есть, но и в том, что должно быть; не только рассказ о том, что делали люди, но и что в них дурного и хорошего. Иначе правда в искусстве будет односторонней*.

— Это справедливо, — сказал Толстой. — Действительность выше выдумок, но и правду надо для чего-нибудь писать. Необходимо правдой спасать людей, а не губить их ею. Я вот никак не могу понять недавний фельетон Буренина о драме Гарина: что он нашел хорошего в «Орхидее»? Я прочел эту драму и никакой поучительности не нашел у Гарина[8]. Его героиня всю жизнь развратничала и откровенно рассказывает своему милому о том, как она переходила из рук в руки. Чем же тут восторгаться? Что тут художественного, правдивого? Скверности тут много, и только она одна... Признаюсь вам, я хотел передать содержание этой драмы моим гостям, и не то, чтобы около меня на этот раз были девушки, а все присутствовали дамы, но я не мог и сконфузился... Передавать грязь, не зная зачем, я не решился. Если такая грязь и есть в жизни женщины, то кроме этой грязи в женской жизни есть и многое другое. Надо с обеих сторон показать жизнь людей. Если же писать одну грязь в жизни, то это вреднее всяких «выдумок».

— Кстати, — внезапно перебил себя Толстой, — что это за странная вражда у Буренина к Репину, Стасову, Лескову, Боборыкину, Надсону и Михайловскому? Ведь это приличные писатели в литературе... Скажи, с кем ты враждуешь, я узнаю, кто ты.

— Таков его писательский темперамент, Лев Николаевич. Он более обращен к мрачным сторонам литературы. Заметили вы, что он и вас хвалит только тогда, когда хочет кого-нибудь ударить. Он дерется вами[9]. Но тем не менее, из всех русских критиков я только одного его читаю и с удовольствием и пользою для себя. Разумеется, я разделяю его художественно-литературный вкус, а не его политические убеждения.

Лев Николаевич ничего на это не ответил и перевел разговор на М. О. Меньшикова.

— Он мне близок, и я с удовольствием читаю его задушевные статьи,—сказал Толстой. — Но последняя из них — «На очереди»**,— продолжал он, — мне не понравилась. Здесь он через край хватил.

— Очень хватил, — отозвался я с своей стороны. — Не надо идеализировать народ, но думаю, что деморализация и обеднение его происходит не от того, что русский народ «неспособен» к цивилиза-

---

* См. XIII том «Собрания сочинений» Л. Н. Толстого, М., 1890, статья «О том, в чем правда в искусстве»[7].

** «Неделя», 1898 г., № 4.

ции, что в нравах его искони веков «недоставало духовного благородства» и что его собственная «бессовестность» вызывает бедность и невежество. Мне кажется, деморализуется народ оттого, что ничто не способствует за последнее время его материальному благосостоянию и негде ему учиться нравственному долгу: не только он не имеет материальных средств возместить земле взятые от нее пищевые продукты и вспахать ее под бархат, но ему негде видеть и благородных людей, которые не пользуются бедою соседа... Всего и не перечтешь, что его губит.

Толстой поддержал мою мысль и сказал:

— Можно говорить, что народ в силу таких-то условий, кабака и формального отношения к богу, начинает загнивать и может серьезно расхвораться, но упрекать народ за всю его историю и стыдить его немцем — можно только в минуту слепой скорби и увлечения ею. Что же тогда нам остается, если интеллигенция идет на службу формальной цивилизации, а народ не знал ни бога, ни совести и никогда не способен познать их? Умирать тогда надо! Я все это высказал Меньшикову, когда он был у меня. Я не скрыл от него моего мнения.

Не помню, что еще говорил Толстой о народе и как он перешел к «процессу Золя», но о последнем он отозвался разочарованно:

— «Я клянусь, что Дрейфус [10] невинен! Я клянусь! Я клянусь!» Три раза поклялся Золя на суде. Что это? Зачем это он делает? — спрашивал Толстой. — Весь мир ждет, что он скажет в оправдание Дрейфуса и какие факты приведет в доказательство его невиновности, а он трижды клянется и ничего не доказывает. Разве уж его клятвы убедительнее всяких документов и свидетелей? Ведь в этом деле только это и интересно, и Золя с Лабори [11] хвастались, что они выиграют его.

— Он, должно быть, не умеет совсем говорить, — шутя заметил Дунаев.

— Ведь это прямо неумно, — продолжал Лев Николаевич. — Весь мир ждет, что скажет Золя, а он просто глупо ведет себя... Никак я не ожидал этого от него. Доказательства невиновности Дрейфуса могли быть слабыми, но они должны быть у Золя; а вместо них клянется перед целым миром — да это ни на что не похоже! Что это за поступок? Затмение какое-то!

Разговор о Золя, видимо, однако, не поглощал его внимания, и по существу он не касался вопроса о «дрейфусистах». Мне было, конечно, интереснее слушать его мысли о том, как целый ряд юродивых лиц, пристегнувшихся к его имени, позорят интеллигентные колонии.

— Самолюбие одного, — произнес Толстой, — побуждало его играть роль среди молодежи, а отцовское наследство потянуло назад; вот он и вышел в конце концов из колонии. Другой совсем нищий и сумасшедший, призреваемый из жалости, выделялся скандалами и шантажом, пока все не разглядели и не отвернулись от него; а третьи и четвертые сознали искренно свои слабые силы и возвратились на проторенные дороги. Этого везде много, где много людей хотят жить вместе и не привыкли к братскому сближению.

В немногих словах совершенно ясно и просто представил мне типы нескольких «толстовцев», с которыми связана история «интеллигентных колоний». В дополнение к тому, что он сказал, я с своей стороны сообщил ему, что мне прислана из Одессы повесть об одной интеллигентной колонии на юге России с отрицательным отношением к колонистам [12].

— Расскажите. Меня все это интересует, — сказал он.

— Содержание повести, — начал я, — в том, что молодая барышня свободного и веселого характера едет в колонию. Навстречу ей выезжает один из колонистов, и всю дорогу они смеются, острят и мечтают. Но по приезде кавалер совершенно изменился и, видимо, конфузится и избегает ее. Она сама чувствует такую принужденность в колонии серьезных людей, точно она попала в пансион. Она даже засмеяться боится в строгом обществе колонистов. В следующие дни она поражается еще более придавленностью всех членов колонии: ей хочется после работы отдыхать или гулять по горам, а ее кавалер уговаривает ее итти на чтение и томиться там во имя личного самосовершенствования и т. д. Автор повести — женщина, и очень мило рисует тяжелую атмосферу колонии.

— Я этому не сочувствую, — грустно произнес Толстой. — Такое большое дело!.. Среди серьезных людей нельзя, конечно, не к месту смеяться и не во время спать... Это, само собою, нельзя. Ведь как это серьезно: собрались люди в общину, чтобы не заставлять ближних и себя делать какую-нибудь унизительную работу и кормиться этим. Они хотят сблизить людей во имя христианского идеала, и их промахи и ошибки нисколько не удивительны. Дело такое трудное, за которое они взялись. Смеяться легче над ним, чем поправить его. Ведь южную колонию я знаю... Устраивает ее человек уже пожилой... Старик... Седой!.. Больной!..[13] К таким-то людям приезжает молодая девушка и не понимает, что — «не к месту смех и не во время сон» — оттолкнет их от нее. Вот она и высмеивает такие колонии. Легко так смеяться.

Толстой замолчал, и я нашел возможным взглянуть на часы. Оказалось, что Лев Николаевич почти весь вечер говорил сам и был бодр и оживлен.

— Еще хотел бы вас видеть, — сказал он, прощаясь со мной, и я ушел от него счастливым.

Скоро мне надо было ехать обратно в Петербург, и я зашел к Льву Николаевичу проститься. В разговоре я неожиданно упомянул о политических движениях в России, и Толстой был чрезвычайно заинтересован личным моим свидетельством о них.

— Все это очень любопытно, — говорил он после каждого моего сообщения. — Жаль, что у нас нет истории последних десятилетий. О декабристах сохранилось всего несколько книг, а после них ничего.

— Трудно... Да и где печатать?

— А память не в силах всего удержать, — ответил Толстой. — Без Геродота не было бы у нас истории. Все, что поражает ум и сердце, следует записывать... У кого есть потребность возвращаться к виденному и слышанному в жизни, тот и будет литератором. Так много интересного теперь у нас, а писателей нет... Все выдумщики!

По приезде в Петербург, я естественно имел потребность говорить о Толстом со многими литературными друзьями и просто знакомыми. Я мог воспроизвести все мои беседы с ним, если не буквально, то совершенно в духе Льва Николаевича. Как сплошная речь, так и краткие фразы великого писателя давали мне возможность развить и воспроизвести его взгляды на предмет, насколько я почувствовал дух и образ его мысли. Большинство лиц, слушавших мои рассказы о нем, повторяли:

— Европейские писатели передают свои аудиенции у коронованных особ, но в Европе много королей, а Лев Николаевич Толстой у нас один.

Эти укоры побудили меня взяться за перо и рассказывать о моем знакомстве с «великим писателем».

[1] 25 декабря 1897 г. С. А. Толстая получила из Павлограда анонимное письмо от члена «тайного общества вторых крестоносцев» о том, что Толстой как «враг нашего царя и отечества» приговорен ими к смерти и 3 апреля 1898 г. (на этот день приходилась «страстная пятница») будет убит автором письма, на которого пал жребий совершить это дело. (См. «Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М., 1932, стр. 11). В назначенный день никаких покушений на Толстого произведено не было.

[2] Статьи Фаресова о Лескове собраны в книге: Фаресов А. И., Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем, СПБ., 1904.

[3] Толстой в то время правил корректуру трактата «Что такое искусство?», печатавшегося в «Вопросах философии и психологии», 1897, № 5 и 1898, № 1.

[4] Александр Александрович Дунаев, сын друга Толстого А. Н. Дунаева.

[5] Толстой говорит о рассказе Короленко «В ночь под светлый праздник». Об этой несообразности у Короленки Толстой высказывался в разговорах не один раз. Так, подобную запись находим в дневнике Е. И. Раевской от 9 ноября 1891 г. (см. стр. 382). В Лазурский в своих «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» (М., 1911, стр. 41—42) также записывает: «Больше всего он смеялся над Короленком за то, что тот описал в своем рассказе «В ночь под светлый праздник», как бежал из тюрьмы бродяга в пасхальную ночь через стену, освещенную ярко луной, между тем как христианская Пасха празднуется после полнолуния». Говорил Толстой об этом рассказе и 25 июля 1902 г., как это записано в дневнике А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого» (см. стр. 432). — Следует, однако, заметить, что хотя и в очень редких случаях, но на юге в пасхальную ночь бывает иногда виден свет луны.

[6] Евгений Львович Марков (1835—1903) — педагог и беллетрист, автор романа «Черноземные поля», знакомый Толстого с 60-х годов, когда он был учителем в тульской гимназии. В 1862 и в 1874 гг. напечатал две полемические статьи против педагогических взглядов Толстого.

[7] Статья «В чем правда в искусстве» была написана Толстым в 1886 г. в качестве предисловия к сборнику «Цветник», выпущенному книгоиздательством «Посредник».

[8] Драма Н. Гарина «Орхидея» появилась в 1 № журнала «Космополис (Cosmopolis)» за 1898 г. Фельетон о ней Буренина («Критические очерки») был напечатан в №№ 7876 и 7883 «Нового Времени» от 30 января и 3 февраля 1898 г.

[9] Выражение: «Буренин дерется мною» принадлежало самому Толстому. 10 ноября 1893 г. Лесков писал Меньшикову: «... Что касается Буренина, то этот употребляет Толстого «как палку на других людей». Сам Толстой говорит: «Это ужасно. Он мною дерется». И это так есть» (по копии, хранящейся в Литературном музее).

[10] Альфред Дрейфус (1859—1935) — французский офицер генерального штаба, капитан. В 1894 г. был обвинен военным судом в государственной измене и отправлен в ссылку. Впоследствии открылось, что поставленный ему в вину документ был написан другим офицером. Поднялась агитация за пересмотр дела Дрейфуса. Эмиль Золя в своем воззвании «Я обвиняю» выступил обличителем неправильных действий генерального штаба. Дело Дрейфуса было окончательно решено лишь в 1906 г., когда высший кассационный суд ввиду открывшихся новых обстоятельств, указывавших на наличность подлогов в первом процессе Дрейфуса, отменил приговор военного суда.

[11] Фердинанд Лабори (р. 1864 г.) — французский адвокат, защитник Дрейфуса и Золя.

[12] Имеется в виду земледельческая колония «Криница» на берегу Черного моря.

[13] Основателем криницкой колонии был Виктор Васильевич Еропкин (1848—1909). Под именем Ратнева он описан в книге «Четверть века Криницы» (Киев, 1913). Еропкин был у Толстого 11 марта 1889 г.

Д. П. МАКОВИЦКИЙ

УХОД ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА

Простая, естественная, трудовая жизнь в простых, естественных условиях составляла с молодых лет заветную мечту Толстого. Еще в крепостное время в Ясной Поляне он мечтал о том, чтобы стать крестьянским парнем Илюшкой («Утро помещика»); потом на Кавказе мечтал о том, чтобы приписаться в казаки и остаться там навсегда («Казаки»); потом в период школьных занятий с яснополянскими детьми мечтал о том, чтобы взять в Ясной Поляне надел земли и самому его обрабатывать («Воспоминания» В. С. Морозова, изд. «Посредник», М., 1917). После женитьбы мечтания пришлось оставить и высказывать их только в писаниях. Одна из любимых героинь Толстого, княжна Марья, мечтает о том, как она, подобно страннице Федосеюшке, пойдет странствовать в грубом рубище, с палочкой и котомочкой, «направляя свое странствие без зависти, без любви человеческой, без желаний». И Пьер Безухов, другой любимый герой Толстого, бродя по оставленной и опустошенной Москве, чувствует, что «и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить».

Со второй половины 70-х годов, когда резко изменилось направление мыслей и чувств Толстого, и то, что для него «было справа», «стало слева», и наоборот, мысль о перемене жизни стала все чаще и чаще приходить ему. «Если бы я был один, — писал он Н. Н. Страхову в ноябре 1877 г.*, — я бы не был монахом, я бы был юродивым, т. е. не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому вреда». Но он не был один: у него была большая семья, с ним несогласная. И это обусловило трагизм всей его последующей жизни.

26 августа 1882 г. С. А. Толстая записывает в дневнике: «В первый раз Левочка убежал от меня и остался ночевать в кабинете... Он сегодня громко вскрикнул, что самая страстная мысль его — о том, чтоб уйти от семьи. Умирать буду я — а не забуду этот искренний его возглас» **.

С годами та барская обстановка, в которой застало Толстого его «новое рождение», становилась ему все более и более отвратительной. В семье он первые годы не встречал никакого сочувствия своему новому образу мыслей. И мысль об уходе из Ясной Поляны все чаще и чаще приходила ему в голову. Дневник Толстого 1884 г. содержит большое количество записей, проливающих свет на его тогдашнее душевное состояние и отношение к семье.

Жена «ненавидит» его (3 мая), и «это-то губит» его жизнь (5 мая), «это дер-

---

* Бирюков П. И., Биография Льва Николаевича Толстого, т. II, ГИЗ, М, 1923, стр. 144.

** «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1928, стр. 130.

ганье души ужасно не только тяжело, больно, но трудно» (3 мая); «дома та же всеобщая смерть» (5 мая); его мучает «тупость, мертвенность души» и притом «дерзость, самоуверенность» жены (20 мая). Ему иногда кажется, что он «один несумасшедший» живет «в доме сумасшедших, управляемом сумасшедшими» (28 мая). Все разговоры с женой вызывают «все тот же бессмысленный отпор»(31 мая). Его мучает «дармоедство» и «безнравственная праздность» детей (4, 8 и 9 июня). 4 июня после разговора с старшим сыном, сделавшего ему «ужасно больно», ему захотелось «сейчас уйти» из Ясной Поляны. Его преследовали мысли: «На что я им нужен? на что все мои мученья? И как бы ни были тяжелы (да они легки) условия бродяги, там не может быть ничего подобного этой боли сердца» (4 июня). На следующий день после разговора с женой, в котором она проявила «злобу и несправедливость», вновь мысли об уходе от семьи: «Я не могу продолжать эту дикую жизнь. Даже для них это будет польза. Они одумаются, если у них есть что-нибудь похожее на сердце».

Наконец, 17 июня, после «ужасно тяжелого» разговора с женой, Толстой решил уйти от семьи. Но, вспомнив беременность и близкие роды жены, вернулся с полдороги в Тулу. Вернувшись, как бы предвидя будущее, Толстой записал в дневнике: «Я вижу, что она с усиливающейся быстротой идет к погибели и к страданиям душевным ужасным» (18 июня). В тот же день, подводя итоги своей жизни за месяц, Толстой записывает: «Разрыв с женою уже нельзя сказать, что больше, но полный». 7 июля вторая запись в том же дневнике, обнаруживающая предвидение Толстым будущей своей семейной жизни. После истерической сцены жены он чувствует, что «безнадежно», и записывает: «Она до моей смерти останется жерновом на шее моей и детей», и его задача представляется ему — «выучиться не тонуть с жерновом на шее».

В ночь с 11 на 12 июля Толстой «страдал ужасно», и опять решил уйти: уложил вещи и разбудил жену, но и на этот раз намерения своего не привел в исполнение. Проходят два дня, и он 14 июля записывает в дневнике: «Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную», — предвидя то, что произошло двадцать шесть лет спустя.

Толстой не ушел, а остался в Ясной Поляне, в ненавистных и отвратительных ему условиях барской жизни, с непонимающей и осуждающей, а временами и ненавидящей его женой. Остался он потому, что считал, что уход его причинил бы тяжелое горе его жене, которая по-своему, как он думал, все-таки любила его. Как сказал он однажды Л. П. Никифорову, он боялся «переступить через кровь, через труп» *. Задачу свою он видел в том, чтобы в тех трудных условиях, в которые он был поставлен жизнью, исполнять дело любви, «бороться любовью» с женою, как записал он в дневнике 1 июля 1889 г. Со свойственной ему всю жизнь верой в человека, он все надеялся и мечтал о том, что рано или поздно эта его «борьба любовью» приведет его к победе: жена поймет его и приблизится к нему. Он верил, что «духовная сила всемогуща и может проснуться всякую минуту», как писал он дочери Марии Львовне 12 декабря 1894 г.

Но все-таки часто ему бывало грустно от той «грязной, подлой жизни», которую ему приходилось вести, чтобы «не нарушить любви» (дневник 16 июня 1890 г.). Ему хотелось «свободы» (дневник 25 июня 1890 г.). И нередко у него являлись сомненья в том, правильно ли он поступает? действительно ли он нужен жене, и уход его был бы для нее таким большим горем?

Об этих колебаниях Толстого свидетельствует целый ряд записей в его дневниках разных годов. Временами те или другие поступки жены, особенно ярко обнаруживая всю ее полную духовную отчужденность от него, заставляли его задумываться и пересматривать раз принятое решение. Таким поступком было в 1897—1898 гг. увлечение Софьи Андреевны С. И. Танеевым, представлявшееся Толстому «отвратительной гадостью», как писал он ей 1 февраля 1897 г. 8 июля того

* Никифоров Л. П., Воспоминания о Л. Н. Толстом — «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Собрал и редактировал Н Н. Гусев. ГИЗ, 1928, стр. 225.

же года он даже написал жене письмо о своем уходе, но намерения своего не выполнил и письма не передал. То же повторилось и летом 1898 г., когда Толстой беседовал о своем предполагаемом уходе с И. И. Горбуновым-Посадовым и о том же писал А. Эрнфельту 17 июля *.

Любимыми героями художественных произведений Толстого последнего периода являются странники, оставившие семью и удобства жизни. Таковы: Корней Васильев, Отец Сергий, Александр I («Посмертные записки старца Федора Кузьмича»). Думает об уходе от семьи и герой незаконченной драмы Толстого «И свет во тьме светит» Николай Иванович Сарынцов, в котором Толстой в значительной степени изображал самого себя.

Толстой надеялся, что выведут его из его положения правительственные преследования. Он не уставал жестоко обличать злодеяния правительства и правящих классов, не щадил и «священную особу» царя, надеясь, что рано или поздно они возьмутся за него. С полной откровенностью пишет он об этом в одной из своих самых сильных обличительных статей — «Не могу молчать», написанной в мае 1908 г. «...Откровенно признаюсь в этом, — писал он в этой статье, — надеюсь, что мое обличение этих людей вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которых я живу и в котором я не могу не чувствовать себя участником совершаемых вокруг меня преступлений».

Но правительство Николая II продолжало следовать решению Александра III: «Я вовсе не намерен делать из него мученика и тем обратить на себя всеобщее негодование».

В июле 1909 г., когда Софья Андреевна настойчиво требовала от мужа передачи ей прав на его сочинения, перед ним опять встал вопрос об уходе. «Страшно хочется уйти, — записал он в дневнике 21 июля. — Едва ли в моем присутствии здесь есть что-нибудь кому-нибудь нужное. Тяжелая жертва, и во вред всем». И на другой день: «Все больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сделать распоряжение об имуществе».

В первую половину последнего года жизни Толстого ему все так же тяжела была барская обстановка яснополянской жизни и все так же страдал он от духовной чуждости жены. 12 апреля 1910 г. он записал в дневнике: «Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы елеле избавиться от холодной, голодной смерти, избавить себя и семью. Вчера жрут пятнадцать человек блины, человек 5—6 семейных людей бегают, еле поспевая готовить, разносить жранье. Мучительно стыдно, ужасно». И на другой день: «Проснулся в пять и все думал, как выйти, что сделать? И не знаю. Писать думал. И писать гадко, оставаясь в этой жизни. Говорить с ней? Уйти? Понемногу изменять?.. Кажется, одно последнее буду и могу делать. А все-таки тяжело».

К этим причинам, отравлявшим для него жизнь в Ясной Поляне, прибавилась еще третья: желание уединения и сосредоточения на своей внутренней жизни. 28 апреля он записывает в дневнике: «Хочется одиночества, с людьми тяжело». То же повторяет в более решительных выражениях 21 октября: «Одиночества мучительно хочется».

Все эти причины рано или поздно неизбежно должны были привести Толстого к уходу из Ясной Поляны. Софья Андреевна своим поведением с 22 июня 1910 г. ускорила этот момент.

Началось с того, что Софья Андреевна, всегда с трудом переносившая отлучки Толстого из Ясной Поляны, в истерической форме стала требовать его немедленного возвращения от В. Г. Черткова, который, высланный из Тульской губернии, жил тогда под Москвой и к которому Толстой приехал 13 июня 1910 г. По возвращении Толстого в Ясную Поляну начались со стороны Софьи Андреевны домогательства получения его дневников, в которых, как она подо-

* См. «Дневник Льва Николаевича Толстого», I., М., 1916, стр. 231.

зревала, находились места, изображающие ее в дурном свете; а мысль о том, что будущее человечество будет думать, что она была плохой женой своего мужа, очень угнетала Софью Андреевну. Уступая ей, Толстой взял от А. Б. Гольденвейзера хранившиеся у него в сейфе свои дневники последних десяти лет и положил их на хранение в Государственный банк в Туле. Вслед за тем появилось со стороны Софьи Андреевны новое требование — совершенно не видеться с Чертковым; не видя иного средства успокоить жену, Толстой согласился и на это ее требование. Подозревая о существовании завещания Толстого об отказе от прав литературной собственности на его произведения, Софья Андреевна стала настойчиво требовать от него уничтожения этой бумаги. С существованием такого завещания, которое наносило столь чувствительный удар материальному благополучию ее и ее детей, некоторые из которых, несмотря на то, что при разделе они получили довольно значительные суммы, часто обращались к ней с просьбой о деньгах, — с существованием такого завещания Софья Андреевна никак не могла примириться. Начались слезы, истерики, убеганье из дома, симуляция самоубийства, инсценировка отъезда, подглядыванья, подслушиванья и проч. Для Толстого все это было не только мучительно тяжело, но и ставило перед ним все тот же роковой вопрос: следует ли ему при таких условиях оставаться в Ясной Поляне?

Все более и более росло и усиливалось в Толстом мучительное чувство стыда, сознание унизительности своего положения в Ясной Поляне. Еще 25 июня, через два дня после своего, вынужденного истериками жены, возвращения от Черткова, Толстой записывает в дневнике: «Как-то нехорошо на душе. Чего-то стыдно». 5 августа в «Дневнике для одного себя» он записывает: «Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Чертковым». И 8 августа: «Разделение с Чертковым все более и более постыдно». Затем 27 сентября: «Как комично то противоположение, в котором я живу, в котором, без ложной скромности, вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим — борьба и участие в женских капризах, которым посвящаю большую часть времени».

Временами у Толстого проявлялось прежнее отношение к жене, и ему хотелось думать, «что и ее можно победить добром» (дневник 29 сентября), но чаще он находился в том состоянии, в котором ему ясна была ужасная истина: «Нельзя говорить с ней, потому что для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею же слова, ни совесть — это ужасно. Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее. Вот это-то и ужасно» (дневник 15 сентября).

Мысль о необходимости ухода из Ясной Поляны все чаще и чаще приходила ему в голову. 6 августа он записывает в «Дневнике для одного себя»: «Думаю уехать, оставив письмо, и боюсь, хотя думаю, что ей было бы лучше». Затем 10 сентября: «Утром думал, что не выдержу и придется уехать от нее». 20 октября Толстой говорил приехавшему к нему старому знакомому крестьянину М. П. Новикову о возможности своего ухода из Ясной Поляны и переезда к нему, Новикову, в деревню Боровково в тридцати верстах от Тулы; и ночью, как записал он в «Дневнике для одного себя», «думал об отъезде». 23 октября «мысль о Новикове не покидает» Толстого. 24 октября он уже пишет М. П. Новикову письмо, касающееся подробностей его возможного переезда в деревню Боровково. 25 октября в «Дневнике для одного себя» Толстой записывает: «Все то же тяжелое чувство. Подозрения, подсматривание и грешное желание, чтобы она подала повод уехать... А подумаю уехать и об ее положении — и тоже не могу». 26 октября :«Все больше и больше тягощусь этой жизнью. Марья Александровна [Шмидт] не велит уезжать, да и мне совесть не дает. Терпеть ее, терпеть, не изменяя положения внешнего». В тот же день запись в дневнике: «Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших».

Нелегко было Толстому, который тридцать лет проповедывал, что «доброта побеждает все, а сама непобедима», что «против всего можно устоять, но не против доброты»; Толстому, который всем тем, кто обращался к нему в трудных семейных обстоятельствах, всегда советовал терпеть и не расходиться, который всего только несколько месяцев тому назад поставил себе задачу «сознательно бороться с Соней любовью», — нелегко было ему решиться на уход от жены. Не говоря уже о жалости к ней и о страхе за нее, главная трудность состояла в том, что уйти это значило признать, что поставленная им себе задача не была им достигнута; что его «борьба любовью», его терпение, кротость, уступчивость пока не только не привели его к победе, но, напротив, вызывали со стороны жены все новые и новые требования и враждебное к нему отношение, доходившее до ненависти. Не легко было Толстому дойти до этого сознания, но вывод был неизбежен, и, не обманывая себя самого, нельзя было его не сделать. А обманывать себя Толстой не мог.

27 октября он уже пишет черновик письма жене о своем уходе и записывает в дневнике: «Тяжесть отношений все увеличивается», и в «Дневнике для одного себя»: «Ничего особенного не было. Только росло чувство стыда и потребности предпринять».

И вот, в ночь с 27 на 28 октября, как записал Толстой в «Дневнике для одного себя», «произошел тот толчок, который заставил предпринять». В дневнике «толчок» этот описывается следующим образом: «Лег в половине 12. Спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услыхал отворяние дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она просила, требовала, чтоб я не запирал дверей. Ее обе двери отворены, так что малейшее мое движение слышно ей. И днем, и ночью все мои движенья, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, осторожное отпирание двери, и она проходит. Не знаю, отчего, — это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяется дверь, и входит Софья Андреевна, спрашивая «о здоровье» и удивляясь на свет у меня, который она видит у меня. Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное, только бы уехать. Бужу Душана, потом Сашу, они помогают мне укладываться...»

В шестом часу утра 28 октября 1910 г. Толстой вместе с Д. П. Маковицким уехал из Ясной Поляны, оставив жене письмо.

Печатаемые нами воспоминания Душана Петровича Маковицкого являются драгоценнейшим материалом, проливающим свет на первые дни жизни Толстого после его ухода из Ясной Поляны. Д. П. Маковицкий был единственным постоянным свидетелем жизни Толстого в течение трех дней 28, 29 и 30 октября 1910 г., и потому сообщаемые им сведения являются особенно ценными. Нельзя не пожалеть, что воспоминания эти остались незаконченными. При чтении воспоминаний Маковицкого обращает на себя внимание то обстоятельство, что, покинув Ясную Поляну, Толстой, видимо, желает по-новому поставить свою жизнь. Он стремится к наибольшей простоте и старается обходиться без услуг посторонних.

Мы оставляем неприкосновенными некоторые неправильности в русском языке, встречающиеся у Маковицкого.

Выдержки из воспоминаний Маковицкого были опубликованы Н. С. Родионовым в комментариях к дневнику Толстого 1910 г. (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений. Юбилейное издание», т. 58, стр. 563—573).

Подлинник воспоминаний Д. П. Маковицкого хранится в Национальном музее в Праге. Это — шестнадцать листов машинописной копии, просмотренной и в нескольких местах исправленной автором. В четырех местах переписчицей оставлены пробелы. В Литературном музее имеется фотокопия рукописи.

Оригинал воспоминаний Маковицкого, повидимому, утрачен.

Лев Николаевич давно (в 1881, 1896 гг.)[1] собирался уйти из дома от барской жизни. При мне — в прошлом 1909 г. Тогда Лев Николаевич собирался за границу и несколько раз спрашивал меня и бежавших за границу и вернувшихся в Россию беглых матросов, рабочих и других проходивших через границу о том, как перебирались через границу, — как пробираются без паспорта. Об этом самом узнать на границе просил и меня, когда я в 1909 г. ездил домой в Словацию.

О том, что хочет уйти из дома, Лев Николаевич говорил мне (и думаю, что всегда и Александре Львовне) этим летом, в другой половине сентября, в начале октября, когда верхами ездили. Около 10 октября Лев Николаевич мне сказал, что хочет взять с собой Илью Васильевича[2]. Тут я предложил себя, и Лев Николаевич сказал: «Пусть Саша[3] решит». Дней 6 и 3 до ухода опять говорил, что уйдет. Дней 6 до ухода решил было следующим утром уехать, но поздно вечером отменил. Эти последние разы всегда намеревался уехать утром, тайком, к дочери Татьяне Львовне в Кочеты.

27-го октября мне ничего не говорил, а Александре Львовне — да. Я об этом не знал.

Тут 28-го октября утром в 3 часа, Лев Николаевич в халате, в туфлях на босые ноги, со свечой разбудил меня, лицо страдающее, взволнованное и решительное, сказал мне:

— Я решил уехать. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будем брать, самое нужное. Саша дня через 3 за нами приедет и привезет, что нужно.

Сказав это, Лев Николаевич ушел к себе наверх.

Я, во-первых, уложил свои вещи, а потом пошел наверх ко Льву Николаевичу, с ним встретился за дверями моей комнаты. Опять шел со свечей, уже одетый.

— Я вас ожидал, — сказал мне Лев Николаевич.

Слышно было в голосе, что я ему был нужен и опоздал. Лев Николаевич пошел будить Александру Львовну, а я поспешил в его кабинет укладывать его вещи. Белье и некоторые вещи сам себе приготовил. Скоро Лев Николаевич вернулся. Он ни ночью покоя не имеет, не выспится. Нервен. Пощупал ему пульс. Пульс — 100. Может что приключиться. Пришла Александра Львовна. Лев Николаевич и ее попросил помочь ему укладывать вещи, особенно рукописи.

Лев Николаевич был уже одет, и было уже написано письмо Софье Андреевне.

Лев Николаевич, поговорив с Александрой Львовной, рассказал ей, что его побудило сейчас уезжать и куда поедет; предположил — в Шамордино; если в другое место, то уведомит ее телеграммой на имя Черткова с подписью Т. Николаев. Лев Николаевич скоро вернулся наверх. Вещей, которые брал с собой Лев Николаевич, оказалось столько, что нужен был его большой чемодан, который Лев Николаевич не хотел брать, боясь разбудить Софью Андреевну. Между спальнями Льва Николаевича и Софьи Андреевны было три двери, которые Софья Андреевна на ночь отворяла, чтобы лучше слышать Льва Николаевича из своей комнаты. Все эти двери Лев Николаевич закрыл, чемодан без шума достал.

Вскоре за ним пришла Александра Львовна, и ей Лев Николаевич отдал спрятать рукописи. Лев Николаевич был встревожен, непокоен. Искал еще некоторые нужные ему вещи: записные книжки, перо,

* книгу П. П. Николаева, какую он как раз читал: «Понятие о боге»[4] и др. Вскоре сошел вниз и, переговорив с Александрой Львовной, ушел торопясь в кучерскую, которая была в некотором расстоянии от дома, будить кучера закладывать лошадей. Еще не было 5-ти утра. Ночь была темная, и Лев Николаевич заблудился, свернул с дорожки через яблочный сад, потерял шапку. Долго ее искал с электрическим фонарем и не нашел. И так без шапки дошел до кучерской, разбудил Адриана Павловича[5].

Когда мы кончили укладывать вещи, оказалось их очень много: большой дорожный чемодан и еще большая связка — плед, пальто, корзинка. Александра Львовна, Варвара Михайловна[6] и я, мы понесли их на конюшню, чтобы там садиться и ехать, а не от дома — из боязни разбудить Софью Андреевну.

Было сыро, грязно, мы едва несли тяжелые вещи. На полдороге встретили Льва Николаевича с фонариком. Он рассказал, как потерял шапку; у меня в кармане была другая его шапка. Дошли по грязи до каретного сарая, где кучер кончал запрягать; Лев Николаевич вернулся — помогал ему. Лев Николаевич торопил с отъездом. Уложили вещи. Лев Николаевич накинул на ватную поддевку армяк, простился с Александрой Львовной, Варварой Михайловной, и мы поехали на станцию Щекино. Кучер, по случаю грязи, предложил конюху с фонарем ехать впереди прямо на шоссе, но Лев Николаевич предпочел через деревню.

В некоторых избах уже светился огонь, топились печи. На верхнем конце деревни у Фили[7] развязались поводья. Остановились. Я сошел с пролетки, отыскал конец повода и подал ему, и тут посмотрел, накрыты ли у Льва Николаевича ноги. Лев Николаевич почти закричал на меня; тут вышли мужики из изб. Выехав из деревни на большак, Лев Николаевич, до сих пор молчавший, грустный, взволнованный, прерывающимся голосом сказал, как бы жалуясь и извиняясь, что не выдержал, что уезжает тайком от Софьи Андреевны, и рассказал о толчке, побудившем его уехать: Софья Андреевна опять входила в его комнату, — что не мог заснуть, что решил уехать, боясь нанести ей оскорбление, что было бы ему невыносимо. **

Потом Лев Николаевич предложил вопрос: куда ехать? «Куда бы подальше уехать?» Я предложил в Бессарабию к московскому рабочему Гусарову[8], который там живет с семьей на земле, там же Александри[9]. «Только туда долго ехать, — прибавил я, — не из-за расстояния, а из-за медленного хода поезда и сообщения». Лев Николаевич ничего не ответил. Лев Николаевич Гусарова и его семью хорошо знает и любит[10].

По пути в Щекино голова у Льва Николаевича озябла, я надел ему вторую шапку поверх первой.

Лев Николаевич вспомнил, что в «Утренней Звезде» есть его письмо к священнику с ответом священника[11]. Удивлялся, как это напечатали, — смело. Было бы хорошо оттуда перепечатать в газеты ***.

Решили, что на станции Щекино я узнаю поезда и есть ли сообщение в Козельск. Лев Николаевич сказал, что поедет в Горбачево во втором, а дальше в третьем классе, и предложил уехать на Тулу и оттуда вернуться[12].

Приехав в Щекино, оказалось до отъезда поезда в Тулу 20 минут, в Горбачево — 1½ часа. Лев Николаевич вошел первым на станцию, я с вещами после, и он прямо спросил буфетчика: есть ли

---

* *Пропуск в подлиннике. Ред.*
** *Пропуск в подлиннике. Ред.*
*** Исполнено *Д. М.*

сообщение в Горбачеве на Козельск. То же самое спросил и в канцелярии дежурного. Лев Николаевич позабыл не выдавать, куда едем. Лев Николаевич потом еще спрашивал, когда еще идет поезд на Тулу, и предлагал нам в него сесть. Лев Николаевич, во-первых, хотел скрыть следы, но ведь в Туле его узнают и на обратном пути через Засеку, Щекино, много узнают, что в поезде едет Толстой, а во-вторых, не хотелось долго ждать в Щекино, на станции, боясь, что может настигнуть его Софья Андреевна. Я отсоветовал ехать в Тулу, так как не успеем пересесть в Туле. Я купил билеты в Горбачево. Думал брать на другую станцию, но было неприятно лгать, да и казалось бесцельным, потому что предполагал, что удержать втайне местопребывание Льва Николаевича не удастся. Я перекладывал вещи, писал Булгакову [13], Александре Львовне, вернул свое пальто, так как оказалось их много у Льва Николаевича, — я еще не знал, что уезжаем из Ясной навсегда, я думал — только на несколько недель. Когда подали сигнал, что поезд подходит, Лев Николаевич был в 400 шагах от вокзала, гуляя с мальчиком учеником. Я побежал ему сказать и предупредить, чтобы он не спешил, что поезд будет стоять четыре минуты. Лев Николаевич сказал:

— Мы вместе с мальчиком поедем.

Лев Николаевич сел в отдельном купе в середине вагона второго класса. Вынув подушку, я устроил Льва Николаевича, чтобы он прилег.

Когда Лев Николаевич уселся в вагоне и поезд тронулся, он чувствовал себя наверно обеспеченным, что Софья Андреевна не настигнет его, радостно сказал, как ему хорошо. Я ушел. Лев Николаевич оставался сидеть. Когда я через 1½ часа заглянул в купэ, Лев Николаевич сидел. Спросил «Круг чтения» почитать. Его не оказалось, и было «На каждый день» [14].

Лев Николаевич был молчалив, говорил мало, о чем — не помню, и был очень утомлен. Тревожна и утомительна была вчерашняя поездка наша верхом с Львом Николаевичем. Вчера, перед отъездом нашим я [говорил?] с дожидавшимися его двумя бабами, которые пришли просить на погорелое место или на бедность, когда он вышел, подавали ему удостоверения из волостной, но он, будучи чем-то расстроен, не поговорил и не подал им ничего, что почти никогда не делал, по крайней мере я не помню. Попали на просеку в молодом лесу, почти параллельно с Лихвинской дорогой, по эту сторону ее. Приехали к глубокому оврагу с очень крутыми краями. На замерзнувшей той земле лежал тонкий слой снега, было скользко. Я посоветовал Льву Николаевичу слезть с лошади, он послушал, что так редко бывает. Овраг был очень крутой, и я хотел провести каждую лошадь отдельно, но, боясь, что пока я буду проводить первую, Лев Николаевич не взялся бы за другую (Лев Николаевич не любил, когда ему служили), я взял повода обеих лошадей сразу, один в правую, другой в левую руку, растянув руки, чтобы лошади были дальше от меня, — если которая поскользнется, не сбила бы меня с ног. Так спустился и так перепрыгнул ручей. Тут Лев Николаевич тревожно вскрикнул, боясь, что какая-нибудь лошадь наскочит мне на ноги, потом с взмахом поднялся на другую сторону оврага. Тут долго ждал. Лев Николаевич, засучив за пояс полы свитки, придерживаясь осторожно за стволы деревьев и ветки кустов, спускался. Сошел к ручейку и сидя спустился, переполз по льду и на четвереньках выполз на берег, потом, подошедши к крутому подъему, хватаясь за ветки, поднимался, отдыхая подолгу, очень задыхался. Я отвернулся, чтобы Лев Николаевич не торопился. Желал ему помочь, но боялся его бес-

покоить, наверно отказал бы. Когда вышел и подошел к лошади, тяжело дыша, я попросил Льва Николаевича отдышаться, сейчас не садиться, но Лев Николаевич сейчас же сел, перевалился сильно вперед (чего он никогда не делал, он удивительно стройно садился) и поехал. В этот день проехали около 16 верст, как и всегда 16—18 с тех пор, как вернулись из Кочетов — от 24 сентября. Раньше Лев Николаевич делал концы в 11—14 верст, а в последнее время больше. Мне казалось, что, с одной стороны, он наслаждался красивой осенью, с другой — желал быть дольше на свободе вне дома. И Лев Николаевич уезжал из дома утомленным, не выспавшимся. Кроме того, он был последние 4 месяца в напряженном, нервном состоянии. Чаша терпеливого страдания переполнялась часто.

Когда я через 1½ часа вошел в купэ, Лев Николаевич сидел; он немного спал. Я согрел кофе, и выпили вместе. После Лев Николаевич сказал:

— Что теперь Софья Андреевна? Жалко ее.

Прошлые раза, когда Лев Николаевич ездил в Кочеты, он в вагоне диктовал или записывал. Этот раз нет, сидел задумавшись. Потом заговорил о том, о чем в пролетке:*

Доехали до Горбачева. Лев Николаевич еще в пролетке сказал, что от Горбачева поедем в третьем классе. Перенесли вещи на «Сухиничи-Козельск». Оказался поезд товарный, смешанный, с одним вагоном третьего класса, который был переполнен, и больше чем половина пассажиров курили. Некоторые, не находя места, с билетами третьего класса переходили в вагоны-теплушки.

— Как хорошо, свободно, — сказал Лев Николаевич, усаживаясь в вагоне.

Жалею, что я тогда ушел, не поговорив со Львом Николаевичем. Я не знал, что он уезжает навсегда, я не знал о письме, какое он оставил Софье Андреевне. Я думал, что Лев Николаевич уезжает на месяц от Софьи Андреевны в такое место, куда она за ним не поедет, пока в Шамордино, где не скоро отыщут его, а оттуда — дальше. Знай я, что он совсем уезжает, я настаивал бы на поездке в Бессарабию или за границу.

Скрыться надолго нельзя было, но мы хотели 2, 3 дня выгадать, чтобы Софья Андреевна не настигла нас, пока не выедем за границу и там опять в глухое место, куда Софья Андреевна не поедет.

Вещи внесли в вагон, и Лев Николаевич сел посередине вагона. Я, не сказав ему ничего, боясь, что он не согласится, пошел хлопотать, чтобы из-за переполненности пассажиров прицепили бы еще один вагон третьего класса. Я попал к начальнику вокзала Московско-Курской железной дороги, сказав ему, что вагон переполнен, надо прицепить другой, что среди едущих находится Лев Николаевич Толстой. Тот меня направил к начальнику Смоленского вокзала. Найдя этого, повторил ему просьбу; он указал мне на дежурного, я сейчас попросил, чтобы он помог мне найти его, что начальник охотно сделал. Долго не удавалось найти дежурного, он был внутри вагона и глядел на Льва Николаевича, которого публика узнала. Он опять не был тот правый[15], он отыскал второго дежурного, тоже в вагоне, глядевшего на Льва Николаевича. Я ему повторил просьбу. Он как-то неохотно и нерешительно сказал железнодорожному рабочему, чтобы он сказал обер-кондуктору распорядиться прицепить другой вагон третьего класса. Надо было действовать без ведома

---

* *Так в подлиннике. Ред.*

Льва Николаевича, а то я боялся, он не захочет ради себя утруждать прицеплять вагон.

Чрез минут 6 паровоз провез вагон нашего поезда. Обер-кондуктор, вошедши контролировать билеты, объявил публике, что будет прицеплять другой вагон, все разместятся, а то многие стояли в вагоне и на площадках. Но раздался второй звонок, и через ½ минуты третий, и вагон не прицепили. Я побежал к дежурному. Ответил, что лишнего вагона нет. Поезд тронулся; от кондуктора я узнал, что тот вагон, который было повезли для прицепки, нужен для перевозки станционных школьников.

Наш вагон был самый плохой и тесный, в каком мне впервые пришлось ехать по России. Вход несимметрично расположен к продольному ходу. Входящий во время трогания поезда рисковал расшибить лицо об угол приподнятой спинки, который как раз был против середины двери; его надо обходить. Отделения в вагоне узки, между скамейками мало простора, багаж тоже не умещается. Духота; воздух пропитан табаком.

Я хотел подостлать Льву Николаевичу плед под сидение, — Лев Николаевич не позволил. Он в эту поездку особенно неохотно принимал услуги, которыми раньше пользовался, считая за домашний обиход.

Лев Николаевич вскоре вышел на переднюю площадку, я за ним и просил его перейти на заднюю. Лев Николаевич вернулся, теплее оделся в меховое пальто, в меховую шапку, зимние глубокие калоши и пошел на заднюю площадку, но тут стояло пять курильщиков, и Лев Николаевич опять вернулся на переднюю, где стояло только трое: баба с ребенком и мужик. Лев Николаевич приподнял воротник, оперся на свою палку с раскладным сиденьем и сел. Мороз мог быть 1—2 градуса. Через минут десять я приходил к нему спросить, не войдет ли в вагон, а то встречный ветер от движения поезда. Лев Николаевич ответил, что он ему не мешает, как на верховой езде. Лев Николаевич там просидел на палочке ¾ часа. Потом прилег на скамейку. Но еле лег, нахлынула толпа новых пассажиров, и остались стоять в продольном проходе, как раз против Льва Николаевича женщина с детьми. Лев Николаевич спустил ноги, хотел им дать место. И больше не лег и оставшиеся четыре часа просидел и простоял опять на передней площадке.

Я ходил в теплушку, но в них было грязно и сквозной ветер; окна, двери с обеих сторон теплушки открыты настежь. Как в них могут возить женщин и детей! Сколько их, особенно тех, которые сидят в задней половине, поплатятся здоровьем и жизнью. Очень убыточное учреждение. Следовало бы отменить.

Лев Николаевич рассказал мне, что [есть] село Монаенки, откуда женщины «монанки» артелями все работы делают. И живут более нравственно, чем деревенские, так как артели стыдятся.

Лев Николаевич разговорился с крестьянином 50-ти лет, напротив него сидящим, из Дудинщины, о его семье, хозяйстве, извозе, которым он занимается. Лев Николаевич спрашивал подробности этой работы. * сказал мне про него. Мужик бойкий, смело говорил про водку, чья она [16], как у них производили экзекуцию за то, что лес рубили «до своей межи», и потом вышло так, что была признана эта «их межа», рассказывал с сердцем на барина Б. [17] Тут вмешался в разговор землемер и изложил историю экзекуции иначе, и о Б. говорил,

---

* *Пропуск в оригинале. Ред.*

что он был добрый человек. Мужик стоял на своем и смело отвергал землемера. Но этот тоже не уступал.

— Мы больше работаем вас, мужиков.

Лев Николаевич: — Это нельзя сравнить.

Потом, когда землемер стал оправдывать экзекуцию, выделение из общины, Лев Николаевич вступил с ним в разговор, сказав, что не надо крестьян принуждать и соблазнять выделяться из общин.

Мужик громко одобрял и поддакивал Льву Николаевичу, землемер оспаривал. Потом землемер сказал Льву Николаевичу:

— Я знал вашего братца Сергея Николаевича.

Лев Николаевич вступил с ним в разговор. Оказалось, что землемер был либеральных, научных взглядов, начитанный, умный, умеющий и любящий спорить из-за красного словца.

Землемер, когда спорил с крестьянином, все время защищал помещика. Когда же спорил с Львом Николаевичем, хотел отстаивать свои взгляды, и чтобы отстоять их, из-за спора спорил и готов был спорить бесконечно, а не из-за того, чтобы узнать правду в разговоре. Не было заметно, чтобы он хотел услышать более правильный взгляд Льва Николаевича и внять ему. (Такое было мое впечатление; может быть, я ошибался.)

Он перевел разговор с «единого налога», по Генри Джорджу, и насилия на Дарвина, на образование. Лев Николаевич сказал:

— Я не верю в бога, который сотворил мир, а который живет в сознании людей.

Лев Николаевич объяснил ему верную точку, с которой надо смотреть на эти вопросы, а потом, когда крестьянин перестал одобрять речи Льва Николаевича, громко прерывать его и разговаривать с соседями и когда в вагоне все затихли и прислушивались, Лев Николаевич, отвечая землемеру, стал говорить, излагать для всех. Лев Николаевич был возбужден, привстал и так продолжал разговор, завладев вниманием всех в вагоне. Публика с обоих концов вагона подошла к среднему отделению, обступила и очень внимательно и тихо прислушивалась. Были крестьяне, мещане, рабочие, интеллигенты, два еврея, одна гимназистка, которая сначала прислушивалась и записывала, потом сама вступила в разговор в защиту науки, возражая Льву Николаевичу*.

Лев Николаевич горячился. Как ни тихи были слушатели, все-таки надо было напрягать голос. Я несколько раз хотел его попросить перестать, но некогда было вставить слова, возражения ему так и сыпались. Говорили больше часа.

Лев Николаевич просил открыть дверь вагона, потом, одевшись, вышел на площадку. Землемер и гимназистка пошли за ним с новыми возражениями: гимназистка — за полезность науки, указывая Льву Николаевичу на электрический фонарик, которым он себе посветил, ища рукавицу на полу вагона. Тут мы подъехали к Белеву, и они слезли.

Лев Николаевич тоже слез, пошел в буфет второго класса, где пообедал. Тут буфетчик и сидящая за столом компания, очевидно местных интеллигентов, узнала его. Буфетчик и «человек» (помощник буфетчика) внимательно, добродушно к нему отнеслись. Дверь с железным краем (с железной планкой) из буфета в кассу третьего класса страшно хлопала, Лев Николаевич за каждым, кто проходил

---

* Она и напечатала, кажется, в «Голосе Москвы». (Мне не пришлось читать). (В сердине октября «Голос Москвы»)[13]. Д. М.

в дверь, и она должна была хлопнуть, страдальчески напрягал мышцы лица, готовясь точно принять удар, и покряхтывал *.

Вернувшись в вагон, Лев Николаевич уселся на свое место, против крестьянина дудинца, стал расспрашивать про дорогу в Оптину Пустынь и в Шамордино и про расстояние. Крестьянин, узнав, что Лев Николаевич едет в Оптину Пустынь, сказал:

— А ты, отец, в монастырь определись. Тебе мирские дела бросить, а душу спасать. Ты в монастыре и оставайся.

Лев Николаевич ответил ему доброй улыбкой.

Рабочий назади вагона стал бойко играть на гармошке и подпевать. Пропел несколько песен. Лев Николаевич с удовольствием слушал и похваливал.

— Я нынче, — сказал крестьянин, — с моим приятелем говорил. Я редко езжу. В дороге народ шатается бездельно. Сколько человек находится в пути по железной дороге, как проводят время: куренье, семячки, гармонья... Я думаю, что там, где нет железной дороги, там люди меньше теряют время в пути, чем где есть железные дороги, потому что народ ездит без крайней надобности. Это приучает к безделью. Иное дело, когда человек идет пешком. Обратная сторона железной дороги. (Этим поездом ехали витебские рабочие мужики из Тобольска. Три дня провели в пути к железнодорожной станции и вот 15-й день едут по железной дороге).

Потом Лев Николаевич пожаловался на усталость, устал сидеть. Поезд очень медленно шел, 105 верст — 6 часов 25 минут. (Эта медленная езда по российским железным дорогам помогала убивать Льва Николаевича).

В 4 часа 50 минут доехали до Козельска. Лев Николаевич вышел первым. Когда я с носильщиком снес вещи на вокзал, Лев Николаевич пришел сказать, что уже подрядил извозчиков в Оптину Пустынь, и повел нас, сам взяв одну корзинку, снес на бричку, нанятую под вещи. Поехали с ямщиком Федором Ильичем Новиковым на паре в пролетке, за нами другой ямщик с вещами. Дорога грязная. Проехав город, ямщики стали совещаться, ехать ли дорогой или лугами. Дорога была ужасная, неровная, и ямщики взяли с нее влево, через луга города Козельска; несколько раз приходилось проезжать канавы. Было очень темно. Месяц светил из-за облаков. Лошади шли шагом. На одном месте ямщик стегнул лошадей, они рванули, страшно тряхнуло, Лев Николаевич застонал. Это проехали мы через глубочайшую канаву на дорогу и тут же на мост. Потом въехали на ограду, за которой монастырские земли, дорога тоже тяжелая, да еще все время приходилось нагибаться, сторониться от ветвей лозин очень низких, вследствие того, что выгонки старых обрубают. Ветви эти со стороны дороги обрезывать — дня два работы в год (или проложить новую, более короткую, прямую дорогу).

Лев Николаевич спрашивал еще в вагоне и теперь ямщика, какие старцы есть, и сказал мне, что пойдет к ним. Лев Николаевич спрашивал ямщика, в какой гостинице остановиться; он посоветовал у о. Михайла, там чисто.

---

* Почему в России заведены железные края у дверей в железнодорожных постройках и вагонах? Кажется, в Европе нигде этого нет. Так же страшно хлопает дверь в Козловке. Вздрагиваешь каждый раз; разговор, сон обрываются. Сколько страдает от них людей. Что было тяжело Льву Николаевичу, то и всем. Следует обратить на это внимание железнодорожного департамента: перестать в новых постройках и вагонах вводить эти железные края у дверей. Кроме того, ими можно ударить и ранить руки. **Д. М.**

Долго ждали, пока дозвались парома. Лев Николаевич поговорил несколько слов с паромщиком-монахом и заметил мне, что он из крестьян. Гостиник о. Михаил с рыжими, почти красными волосами, бородой, приветливый, отвел просторную комнату с двумя кроватями и широким диваном. Внесли вещи. Лев Николаевич сказал:

— Как здесь хорошо!

И сейчас же сел за писание. Написал довольно длинное письмо и телеграмму Александре Львовне[19]. В телеграмме сообщил, что здоров, ночует в Оптиной Пустыни, и адрес: Подборки, Шамордино, и подписался — Т. Николаев. Адресовал: Черткову Саше. Сам вынес ее ямщику Федору, прося отпразить, и подрядил его одного на завтра в Шамордино (нас свезти). Потом пил чай с медом (ничего не ел), попросил яблоко на утро и стакан, куда на ночь поставить самопищущее перо. Потом стал писать дневник, спросил, какое сегодня число? В 10 часов лег. Не желая нарушать привычку Льва Николаевича спать одному в комнате, я сказал Льву Николаевичу, что пойду спать в другую комнату напротив в коридоре.

У Льва Николаевича вид не был особенно усталый. Теперь вечером, пиша, больше обыкновенного торопился. Но за то днем не дорожил временем, как обыкновенно. Это мне бросилось в глаза. Весь день мысли не записывал. И в следующие два дня не дорожил временем (т. е. не пользовался им для работы в той мере, как дома привык). Еще поразило меня, что не позволил себе помочь (дома неохотно принимал услуги, но сегодня и следующие дни куда неохотнее и совсем нет). Говорил, что утром пойдет погулять и к старцу зайдет. Говорил, что здесь (в Шамордино) жила Александра Ильинична[20] и что ездил к ней несколько раз[21]. Искал подставку для снимания сапог — не оказалось. Я попросил позволить снять ему сапоги.

— Я хочу сам себе служить, а вы выскакиваете.

И сам с трудом снял сапоги. Еще сказал: чем менее бы служили ему, тем проще жить. Добавил:

— Хочу до крайности ввести простоту. И бережливость в расходовании денег.

Лев Николаевич всегда старался платить за все настоящую цену, что трудно определять, не любил недоплачивать и переплачивать. Ночь была беспокойная сначала от кошек, которые бегали по коридору, прыгали по мебели, стоявшей как раз у стены, за которой спал Лев Николаевич. Потом выходила в коридор выть женщина, у которой сегодня умер брат, монах-лавочник. Она же рано утром вошла к Льву Николаевичу просить поместить ее малюток и припала к ногам Льва Николаевича, что Льву Николаевичу всегда было тяжело.

Из комнаты вышел в 7-м часу утра 29-го октября. В коридоре встретил А. П. Сергеенко[22], приехавшего рассказать о Софье Андреевне, как отнеслась она к уходу Льва Николаевича, о том, что предполагают, где Лев Николаевич находится, разузнав на железной дороге, куда брали билеты, что по распоряжению губернатора будет полиция, сыщики следить за дальнейшим путем Льва Николаевича, что прибегнут к губернатору, и по его распоряжению Льва Николаевича разыскивала полиция.

Потом Лев Николаевич стал диктовать Сергеенко статью против «Смертной казни». Чуковский затеял ряд *, просил Льва Николаевича ответ[23]. Действительное средство[24]. Заключительные слова этой последней статьи Льва Николаевича такие: «И потому, если мы точно хотим уничтожить заблуждение смертной казни,

---

* *Пропуск в оригинале.* Ред.

и главное, если имеем то знание, которое уничтожает это заблуждение, то давайте же будем, несмотря ни на какие угрозы, лишения и страдания, сообщать людям эти знания, потому что это единственно действительное средство борьбы.»

К А. П. Сергеенко Лев Николаевич был очень внимателен.

А. П. Сергеенко спросил:

— Монастырская обстановка вам не противна?

— Напротив, приятна, — ответил Лев Николаевич.

На вопрос: как спал? Лев Николаевич ответил:

— Плохо, нервы возбуждены.

В Оптиной Пустыни Лев Николаевич был очень спокоен и не был против там остаться. Алексею Петровичу он сказал, что к старцам не пойдет. Оставив Алексею Петровичу переписать статью и записать данные о вдове просительнице и вручить ей письмо Льва Николаевича к его родне[25], которую просил помочь ей, Лев Николаевич пошел гулять. Когда выходил из комнаты, сказал:

— Как хорошо, что не надо прятать, ничего замыкать[26].

Лев Николаевич ходил гулять к скиту. Подошел к его юго-западному углу, прошел вдоль его южной стены (мне так сказал рабочий, слышавший от товарищей) и пошел в лес.

Вернувшись, продолжал разговаривать с А. П. Сергеенко * и потом пил кофе. Потом написал письмо Александре Львовне[27], кажется, и Черткову[28] и, может быть, еще кому-нибудь писал[29], я в это время ездил в город Козельск. В 12-м часу Лев Николаевич опять ушел к скиту. Вышел из гостиницы, взял влево, дошел до св. ворот, вернулся и пошел вправо, опять возвратился до св. ворот, потом пошел и завернул за башню к скиту. О. Пахом стоял у ворот своей гостиницы, он услышал, что Лев Николаевич в Оптиной Пустыни, вышел, чтобы его увидать. О. Пахом метелкой подметал; увидев Льва Николаевича, догадался, что это он. Он ему поклонился. Лев Николаевич ответил ему поклоном и подошел к нему, спросил его:

— Это что за здание?

— Гостиница.

— Как будто я тут останавливался. Кто гостиник?

— Я, отец Пахом грешный. А это вы, ваше сиятельство?

— Я — Толстой Лев Николаевич **. Вот я иду к о. Иосифу, старцу, и боюсь его беспокоить, говорят, он болен.

— Не болен, а слаб. Идите, ваше сиятельство, он вас примет.

— Где вы раньше служили? — Лев Николаевич догадался, что он из солдат, простой, неграмотный монах.

Он назвал какой-то гвардейский полк в Петербурге.

— А, знаю, — сказал Лев Николаевич. — До свидания, брат. Извините, что так называю; я теперь всех так называю. Мы все братья у одного царя.

В руках у него была палка с раскладным сидением, и он отправился к о. Иосифу.

Рассказывал о. Пахом это все так проникновенно, — видно, что этот раговор со Львом Николаевичем доставил ему большое удовольствие. Рассказывал, что Лев Николаевич говорил с ним так ласково и сердечно и произвел на него сильное впечатление.

---

* Разговор Льва Николаевича с Сергеенко и вообще этот день подробно описан Ал. Петр. Сергеенко[30]. Д. М.

** Встреча Льва Николаевича с о. Пахомом и с о. Василием описана Ксюниным в «Новом времени»[31]. Д. М.

Расспрашивая о. Пахома об этом, игуменья одного девичьего монастыря сделала ему замечание, почему он сам не провел его к о. Иосифу; он ответил, что хотел, но боялся быть навязчивым.

Лев Николаевич подошел к скиту. Пришел к св. воротам, повернул вправо в лес.

Вернувшись, вошел ко мне и сказал, где гулял. — К старцам сам не пойду. Если бы они сами позвали, пошел бы.

У Льва Николаевича видно было сильное желание побеседовать со старцами. Вторую прогулку Лев Николаевич утром два раза никогда не гулял; я объясняю себе намерением посетить их. Лев Николаевич в это же утро сказал знакомому монаху о. Василию, что приехал отдохнуть в Оптину, а не удастся, так где-нибудь в другом месте пожить. А на следующий день сказал сестре Марии Николаевне, монахине, что он остался бы в скиту в Оптиной жить и послушание нес бы самое трудное, только бы не заставляли его в церковь ходить.

По-моему, — Лев Николаевич желал видеть отшельников—старцев, не как священников, а как отшельников, поговорить с ними о боге, о душе, об отшельничестве, видеть их жизнь и узнать условия, на каких можно жить при монастыре. (О каком-нибудь искании выхода из своего положения отлученности от церкви, как предполагали церковники, не могло быть и речи)*.

В час пообедали; Льву Николаевичу показались очень вкусны монастырские щи, хорошо сваренная гречневая каша с подсолнечным маслом; очень много ее съел. Когда Лев Николаевич уходил, зашел к о. Михаилу в комнатку.

— Что я вам должен?

— По усердию.

— Трех рублей довольно?

— Да, мне дорого, что такой человек, как вы, посетили нас. Дайте мне вашу карточку.

— Да какой же человек — отверженный. Карточки у меня нет, я вам пришлю.

— Прошу вас, распишитесь.

И Лев Николаевич расписался в книге посетителей, заметив: «благодарит за прием».

В три часа выехали в Шамардино. Лев Николаевич вперед пешком, это у него обычай такой был, когда уезжал, где гостил, уходил...[33]

[1] Д. П. Маковицкий ошибается в хронологии неосуществленных уходов Толстого из Ясной Поляны. Первые две попытки ухода относятся к 1884 (а не 1881 г.). 1896 г. упомянут также ошибочно: очевидно, Маковицкий имел в виду известное письмо Толстого к Софье Андреевне от 8 июля 1897 г. о его (не приведенном в исполнение) решении уйти из Ясной Поляны.

[2] Илья Васильевич Сидорков (р. 1858 г.) — старый слуга в доме Толстых, крестьянин деревни Перевлес, Рязанской губернии. В настоящее время пенсионер.

[3] Александра Львовна Толстая.

[4] Николаев П. П., Понятие о боге как совершенной основе жизни, 2 тома, Женева, 1907, 1910.

[5] Адриан Павлович Елисеев — кучер у Толстых, впоследствии служащий яснополянского музея-усадьбы.

[6] Варвара Михайловна Феокритова (р. 1876 г.) — подруга Александры Львовны Толстой, переписчица Софьи Андреевны.

[7] Филипп Петрович Борисов (1875—1918) — конюх у Толстых, крестьянин Ясной Поляны.

---

* Летом в Кочетах[32], услышав о старце Херувиме в Духовом монастыре, который пользуется у народа славой, Лев Николаевич намеревался съездить к нему. Д. М.

[6] Иван Гусаров — московский крестьянин, близкий к Толстому по взглядам, жил в екатеринославской общине Н. А. Шейермана. Был у Толстого в первый раз 26 декабря 1907 г.

[9] Николай Николаевич Александри — единомышленник Толстого, живший земледельческим трудом в Бессарабской губернии.

[10] На предложение Маковицкого поехать к Гусарову или к Александри Толстой промолчал потому, что он не желал ехать ни в какую толстовскую колонию, а просто в избу к мужику. См. «Воспоминания» Е. В. Оболенской, стр. 325.

[11] В журнале «Утренняя Звезда» в 1910 г. письма Толстого к священнику не появлялось. Вероятно, Толстой в № 42 этого журнала (от 15 октября 1910 г.) прочитал свое письмо к К. А. Клишевскому от 8 февраля 1910 г. о догмате искупления.

[12] У Толстого явилась мысль поехать сначала в Тулу, а уже оттуда — в противоположном направлении в Горбачево для того, чтобы Софья Андреевна не могла догадаться, куда он поехал.

[13] Валентин Федорович Булгаков (р. 1886 г.) — секретарь Толстого в 1910 г.

[14] «На каждый день» — систематически подобранный сборник изречений на все дни года, составлявшийся Толстым в 1907—1910 гг. При жизни Толстого был напечатан лишь частично («Январь», «Февраль», «Июнь», «Июль», «Август» и «Сентябрь» месяцы). Полностью напечатан впервые в 43 и 44 томах юбилейного издания «Полного собрания сочинений» Толстого.

[15] «Не был тот правый» — значит: не имел права исполнить просьбу Маковицкого о прицепке вагона.

[16] «Говорил про водку, чья она»: говорил о продаже водки правительством Николая II, установившим «казенную продажу питий».

[17] «Барин Б.» — редакции неизвестен.

[18] Воспоминания гимназистки Т. Таманской о встрече с Толстым в вагоне были напечатаны в № 266 «Голоса Москвы» от 18 ноября 1910 г. под заглавием «На пути в Козельск».

[19] Письмо Толстого к Александре Львовне из Оптиной Пустыни от 28 октября 1910 г. напечатано ею в воспоминаниях «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» — «Толстой. Памятники творчества и жизни», вып. 4, изд. «Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого», М., 1923, стр. 142—143.

[20] Александра Ильинична Остен-Сакен (1797—1841) — родная тетка Толстого, сестра его отца. Была замужем за остзейским бароном Карлом Ивановичем Остен-Сакен (1797—1855).

[21] Не имеется никаких сведений о том, чтобы Толстой «несколько раз» ездил в Оптину Пустынь к А. И. Остен-Сакен. Известно лишь, что Лев Николаевич вместе с братьями и, вероятно, другой теткой, Пелагеей Ильиничной Юшковой, ездил в Оптину Пустынь на похороны Александры Ильиничны. Ему принадлежит надгробное стихотворение, высеченное на памятнике Александры Ильиничны, находящемся теперь на погосте Кочаки близ Ясной Поляны, где находятся могилы семьи Толстых. (Было напечатано в «Душеполезном Чтении» 1911, № 1, стр. 21).

[22] Алексей Петрович Сергеенко (р. 1886 г.) — сын литератора Петра Алексеевича Сергеенко (1854—1930), в то время секретарь В. Г. Черткова. А. П. Сергеенко был послан в Оптину Пустынь Чертковым для того, чтобы рассказать Толстому все, происшедшее в Ясной Поляне после его ухода.

[23] Литератор Корней Иванович Чуковский в письме от 24 октября 1910 г. просил Толстого прислать ему «хоть десять, хоть пять строчек о палачах и о смертной казни» для напечатания в газете «Речь».

[24] Ответ Толстого Чуковскому, начатый им в последние дни пребывания в Ясной Поляне и законченный в Оптиной Пустыни 29 октября 1910 г., был напечатан в № 312 газеты «Речь» 13 ноября 1910 г. под данным ему редакцией заглавием «Действительное средство».

[25] Толстой написал письмо жене своего старшего сына Сергея Львовича Марье Николаевне Толстой с просьбой помочь этой женщине, которую звали Дарья Григорьевна Окаемова. По словам М. Н. Толстой, Окаемова к ней не являлась.

[26] Полагаем, что Толстой употребил не слово «замыкать», а слово «запирать». Смысл его слов тот, что он чувствовал облегчение от того, что ему не было надобности запирать свой дневник от Софьи Андреевны, которая в последние дни приходила по ночам в его кабинет тайно читать его дневник и другие его бумаги.

[27] Письмо Толстого к Александре Львовне от 29 октября 1910 г. было напечатано полностью в статье А. С. Николаева «К последним дням жизни Л. Н. Толстого» — «Дела и дни», 1920, I, стр. 289—290. Это же письмо с пропуском 22 строк, относящихся к Софье Андреевне, было напечатано А. Л. Толстой в ее воспоминаниях «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» (стр 143—144).

[28] В. Г. Черткову Толстой писал: «Рад был видеть Алешу Сергеенко, но как ни ожиданны были всякие дурные известия, те, которые он привез, больно поразили меня. Жду, что будет от семейного обсуждения — думаю, хорошее. Во всяком случае, однако, возвращение мое к прежней жизни теперь стало еще труднее — почти невозможно, вследствие тех упреков, которые теперь будут сыпаться на меня и еще меньшей доброты ко мне. Входить же в какие-нибудь договоры я не могу и не стану. Что будет, то будет. Только бы как можно меньше согрешить. Спасибо вам и за письмо ко мне, и за Сергеенко, и за письмо к Саше, про которое она мне говорила. Я не похвалюсь своим и телесным, и душевным состоянием — и то, и другое слабое, подавленное. Жалко Сашу, жалко детей Сережу и Таню, жалко вас с Галей [жена Черткова] и больше всего ее самою. Только бы жалость эта была без примеси rancune [злопамятства]. И в этом не могу похвалиться. Ну, прощайте, спасибо за любовь, очень дорожу ею.

Л. Т.

«29. 2-й час дня».

Письмо публикуется впервые.

[29] Других писем Толстого от 29 октября, кроме писем к А. Л. Толстой, В. Г. Черткову и М. Н. Толстой, неизвестно.

[30] Рассказ А. П. Сергеенко о его посещении Толстого в Оптиной Пустыни был напечатан в альбоме Вл. Россинского «Последние дни Л. Н. Толстого», изд. Толстовского общества в Москве, 1911.

[31] Сотрудник «Нового Времени» Ал. Ксюнин напечатал в этой газете ряд очерков под заглавием «Уход Толстого», изданных в 1911 г. А. С. Сувориным, отдельной книгой под тем же заглавием. XVII глава этой книги (стр. 72—77) посвящена пребыванию Толстого в Оптиной Пустыни. Здесь воспроизведен разговор Толстого с гостиником, монахом Михаилом (а не Василием, как записано у Маковицкого); разговоров же с монахом Пахомом у Ксюнина не записано.

[32] Кочеты — имение мужа старшей дочери Толстого Татьяны Львовны, Михаила Сергеевича Сухотина, в Новосильском уезде, Тульской губернии. Толстой гостил здесь с 15 августа по 22 сентября 1910 г.

[33] На этих словах рукопись Д. П. Маковицкого обрывается.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Составлен В. С. Мишиным)

В настоящий указатель включены имена личные и названия произведений Толстого и других авторов. Из имен географических введены лишь те, которые упоминаются в текстах Толстого или связаны с его жизнью или творчеством. Имена, аннотированные в тексте, в указателе не аннотируются.

Абрикосов Хрисанф Николаевич — 192, 201, 202, 309, 328, 330.

Абрикосова Наталья Леонидовна, рожд. Оболенская («Наташа») — 296, 300, 303, 309, 328, 330, 331.

Австрия — 174, 182.

Агеев Афанасий Николаевич (1861—1908) — крестьянин деревни Казначеевки, вблизи Ясной Поляны, знакомый Толстого. Служил весовщиком на Московско-Казанской железной дороге. 15 января 1903 г. был приговорен к ссылке в Сибирь за «богохульство», выразившееся в неуважительных словах об иконе — 13, 14, 15, 16, 17.

Адуев. См. Гончаров И. А., «Обыкновенная история».

Ай-Петри — 305.

Аксаков Иван Сергеевич — 31.

Аксельрод Павел Борисович — 5.

Александр I — 33, 448.

Александр II — 230.

Александр III — 108, 109, 134, 266, 267, 293, 346, 360, 448.

Александр Петрович принц Ольденбургский — 89.

Александри Николай Николаевич — 452, 461.

Александринский театр в Петербурге — 217, 267.

Александров Анатолий Александрович (1861—1930) — в 1894 — 1898 гг. редактор-издатель «Русского Обозрения» — 432.

Александрова Ал. А. — 100.

Алексеев Василий Иванович (1848—1919) — учитель детей Толстых—59, 63.

Алексеев П. С., «О пьянстве» — 73.

Алексеевский равелин Петропавловской крепости. См. Петропавловская крепость.

Алексеевское, Тульской губ. — 218.

Алехин Алексей Васильевич — 348, 361, 436.

Алехин Аркадий Васильевич — 82, 83, 136, 415, 427, 436.

Алехин Митрофан Васильевич — 102, 103, 415, 427, 436.

Алпатыч. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».

Альтшулер Исаак Наумович — 303, 304, 305, 306, 328.

Амичис-де Эдмонд, «Учительница» — 376, 430.

Амвросий (Александр Михайлович Гренков) — 293, 294, 295, 296, 327.

Амвросий (Ключарев) — 268.

Америка — 271, 349.

Амфитеатров Валентин Александрович, отец писателя А. В. Амфитеатрова — 301.

Англия — 158, 178.

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919)—писатель — 189, 276.

— «Рассказ о семи повешенных»—189.

Андреев-Бурлак (1843—1888) — актер и чтец — 69.

Андреевка, Тульской губ. — 100.

Андрей князь. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».

Анненков Михаил Николаевич — 84, 85, 422, 423, 436.

Анненкова Леонилла Фоминична — 72.

Анохин Тимофей Кузьмич — 95.

Антоний (Александр Васильевич Вадковский) — митрополит петербургский—268.

Аполлов Александр Иванович — 120, 121.

— «Ормузд и Ариман» — 120, 121.

Апостолов Николай Николаевич — 39.

Апухтин Алексей Николаевич (1841—1893) — поэт — 280.

Апухтин Андрей Николаевич — 280, 281, 325.

Арбузов Сергей Петрович — 370.

Арбузова Любовь Сергеевна—367, 370.

Арефьев Н., «Областной отдел. Рабочие на Сибирской железной дороге» — 124.

Арнольд Мэтью — 137, 138.

— «Задачи современной критики»—137.

Арсеньев Лев Александрович — 239.

«Архив Льва Николаевича Толстого», машинописный журнал, издававшийся В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым в 1894—1896 гг. в Москве — 142.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — писатель — 270—276.

— «Бунт» — 271, 273.
— «Жена» — 275.
— «Кровь» — 271.
— «Куприян» — 271, 272.
— «Паша Туманов» — 272.
— «Подпрапорщик Гололобов» — 271, 272.
— «Санин» — 270, 275.
— «Смех» — 271, 272, 273.
Арцыбушев Сергей Дмитриевич — революционер, привлекался по делу 193-х — 338.
Астапово — станция Рязано-Уральской железной дороги (ныне «Лев Толстой»), место смерти Толстого — 82, 174, 231, 318, 319, 322.
Атрпет — 242.
— «Имамат. Страна поклонников имамов» — 242.
— «Мамед-Али-Шах. Народное движение в стране Льва и Солнца» — 242.
— «Младотурецкое движение» — 242.
— «Податная система в Персии»—242.
— «Секта бабизм» — 242.
— «Шиитское духовенство» — 242.
Аустерлицкое сражение — сражение союзных русско-австрийских войск с французами 2 декабря 1805 г. под Аустерлицем (Моравия), окончившееся поражением союзников — 259.
Ауэр Леопольд (1845—1925) — скрипач и педагог, музыкант, профессор Петербургской консерватории — 431.
Африка — 149.
Ахросимова М. Д. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Бакунин Алексей Ильич — 214.
Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — анархист — 214, 346.
Балмашев Степан Валерьянович (1882—1902) — революционер, убивший в 1902 г. министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Повешен в Шлиссельбургской крепости 3 мая 1902 г. — 269.
Баратынская Екатерина Ивановна — 409, 410, 435.
Баратынский Лев Андреевич—326, 435
Барин Арвед (Arvède Barine), «Un abécédaire de Tolstoï» («Азбука» Толстого») — 155.
Барсуков Михаил Иванович — 32.
Бартенев Петр Иванович — 31, 37, 38, 39—45, 61, 259—261.
Бартенев Петр Юрьевич — 39.
Барятинский кн. Владимир Владимирович (р. 1874 г.) — писатель, в 1899 г. издатель «Северного Курьера» — 13.
Баскаково, Рязанской губ. — 378, 431.
Баташев, «Слабая струна» — 434.
Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863) — декабрист — 185.
Батум — 113.
Башкирцева М. К., «Дневник» — 124.
Бегичев Никита Степанович (р. 1827 г., ум около 1891 г.)—сын помещика Тульской губ. Степана Никитича Бегичева и Анны Ивановны, рожд. Барышниковой—431.
Бегичева Мария Ивановна, помещица Тульской и Рязанской губ. — 431.
Бегичевка, имение И. И. Раевского, Данковского уезда, Рязанской губ. — 77, 78, 79, 80, 98, 99, 100, 102, 103, 128, 372, 373, 374, 377, 387, 388, 397, 399, 400, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 423, 424, 425, 426, 427, 429, 430, 432, 433, 434, 435, 436, 437.
Безант Анни, «Исповедь» — 124.
Безухов Пьер. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Безухова графиня. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Белер Людвиг (Louis Bähler)—193, 194.
Белинский Виссарион Григорьевич — 137, 371.
Белоусов И. А., «Литературная Москва» — 432.
Бельбек — 189.
Беляев Александр Петрович (1803—1887) — декабрист — 61, 185.
Бенкендорф граф Александр Христофорович (1783—1844) — с 1825 г. шеф жандармов и начальник III отделения, один из главных сотрудников Николая I в его реакционной политике — 371.
Бер Николай Николаевич — 84, 416, 421, 436.
Бергер Александр Данилович—138, 431.
Бергер Александра Ивановна, рожд. Раевская — 431, 435.
Бергер Иван Александрович — 137, 138, 380, 382, 397, 401, 406, 423, 431.
Берс Александр Андреевич — 44, 45, 51, 283.
Берс Вячеслав Андреевич — 59, 60.
Берс Любовь Александровна — 48, 59.
Берс Мария Петровна — 428, 436.
Берс Петр Андреевич — 44, 58, 283.
Берс Степан Андреевич — 54, 55, 56, 58, 60, 428, 436.
— «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом» — 54.
Берс Татьяна Андреевна. См. Кузминская Т. А.
Бессарабия — 317, 452, 454.
Бестужев-Рюмин Василий Николаевич—91, 92.
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826) — декабрист — 87, 88.
Бетховен Людвиг — 383.
— «Крейцерова соната» — 378.
Бехтеев Сергей Сергеевич — 423, 436.
Бибиков Василий Николаевич — 98.
Бибиков Владимир Владимирович—430.
Бибиков Иван Петрович — 371.
Бибиков Павел Гаврилович — 371.
Бибикова Анна Васильевна — 98.
Бибикова Анна Ивановна, рожд. Мордвинова — 430.
Бибикова Екатерина Михайловна — 98.
Бибикова Мария Сергеевна, рожд. гр. Толстая — 329.
Бибикова Софья Гавриловна — 371.
«Биржевые Ведомости» — 10, 11, 433.
Бирюков Павел Иванович — 6, 12, 38, 107, 108, 128, 131, 132, 134, 136, 138, 145, 167, 175, 177, 178, 179, 206, 210, 211, 212, 244, 302, 327, 356, 361, 362, 406, 413, 427, 428, 437.
— «Биография Льва Николаевича Толстого», т. I, ГИЗ, 1923 — 325.

— «Биография Л. Н. Толстого», т. II, ГИЗ, 1923 — 446.
— «Биография Л. Н. Толстого», т. III, ГИЗ, 1923 — 172, 328, 433.
— «Биография Л. Н. Толстого», т. IV, ГИЗ, 1923 — 328, 330.
— «Гонение на христиан в России в 1895 году» — 6, 12, 177, 178, 179.
— «М. Н. Толстая», некролог — 327.
— «Событие 1-го марта и Л. Н. Толстой» — 107, 108.
Бирюков Сергей Иванович — 210, 211.
Бирюкова Павла Николаевна, рожд. Шарапова — 138, 428, 437.
Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд — 57, 58.
Бистром Родриг Григорьевич — 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58.
Блохин Григорий Федотович—358, 362.
Боборыкин Петр Дмитриевич — 442.
— «Прозрели» — 124.
Бобринский граф Алексей Павлович (1828—1894), в 1871—1874 гг. — министр путей сообщения — 62.
Бобринский Владимир Алексеевич — 401, 413, 414, 435, 436.
Богатиков Тихон Петрович — 121.
Богатово, станция Оренбургской железной дороги — 80, 83.
Богатырев Петр Григорьевич — 192, 202.
Богородицк, Тульской губ. — 401, 435.
Богородицкий уезд, Тульской губ. — 98, 401.
Богоявленская Анна Николаевна—140, 383.
Богоявленский Николай Ефимович — 79, 80, 140, 141, 375, 377, 380, 405, 406.
Бодиско Михаил—83.
Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт-символист — 226.
Бодянский Александр Михайлович — 112.
Болконский князь Андрей. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Боль Эмма — 420.
Большой театр в Москве — 280, 290.
Бондарев Даниил Тимофеевич — 189, 219.
Бондарев Тимофей Михайлович — 25, 71, 188, 189, 219.
— «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» — 25, 71, 188, 189, 219.
Бонде-фон Абрам — 416, 419, 420, 426, 435, 436.
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (р. 1873 г.) — старый большевик, писатель, историк и исследователь русского сектантства. Писал под псевдонимом «В. Ольховский» — 101.
— «Из мира сектантов» — 175.
— «Назарены в Венгрии и Сербии» — 175.
Бордо — 157.
Борисов Иван Петрович — 41, 42, 259, 261.
Борисов Филипп Петрович — 452, 460.
Борисова Надежда Афанасьевна, рожд. Шеншина — 42.
Боровково, Тульской губ. — 449.
Бородинское сражение — 41, 42.
Бортновский Иван Осипович (р. 1863 г.) — лекарь с 1889 г. (по женским болезням), в 90-х годах врач Центральной пересыльной тюрьмы в Москве — 207.
Боршевая, Рязанской губ. — 413, 436.
Браунер А., «Современная молодая Германия» — 124.
Бресси Гаэтано — 164.
Брие — 186.
Броллей мистер — 394, 395.
Бруевич Н. С. — 59.
Буайе (Boyer) Поль — 159, 160, 163, 164.
Буасье Альфред — 160.
Будапешт — 177.
Буланже Александр Павлович — 208, 209, 214.
Буланже Анна Павловна — 208, 209.
Буланже Мария Викторовна, рожд. Клюковская — 19, 203, 208, 209, 210, 211, 214.
Буланже Николай Павлович — 208, 209, 210, 214.
Буланже Павел Александрович — 19, 22, 104, 203, 204, 205, 206—215, 216, 218, 221, 303, 304, 305, 319, 320.
— «Воспоминания», рукопись — 209.
Булановская Ольга Викторовна, рожд. Лишева — 94, 95.
Булановский С. Ф. — 94.
Булгаков Валентин Федорович — 453, 461.
Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — журналист, с конца 70-х годов один из главных сотрудников «Нового Времени» (псевдоним — Граф Алексис Жасминов) — 442, 445.
— «Критические очерки» — 445.
Буткевич Анатолий Степанович — 337, 359—362, 370.
— «Систематическая энциклопедия пчеловодства» — 337.
— «Самоучитель пчеловодства» — 337.
Буткевич Андрей Степанович — 337, 344, 348, 359.
Буткевич Вениамин Анатолиевич (р. 1889 г.), сын А. С. Буткевича — 348, 349.
Буткевич Евгения Васильевна, рожд. Рахманова — 348, 361.
Буткевич Елизавета Филипповна, рожд. Штыкина («Филипповна») — 347, 348, 349, 352, 353, 360, 361, 370.
Буткевич Степан Антонович (1828—1903) — тульский помещик, участник Крымской кампании — 359.
Бутс Вильям (1829—1912) — английский проповедник, основатель религиозно-филантропической организации «Армия спасения» — 342.
Бутырская пересыльная тюрьма в Москве — 184.
Бьернстиерне-Бьернсон, «Перчатка» — 257.
Валишевский К., «Pierre le Grand» («Петр Великий») — 92.
Валуев Петр Александрович (1814—1890), в 1861—1867 гг. министр внутренних дел — 49.

Вальцов Дмитрий Павлович — 435.
Вальцова Е. — 409, 410, 435.
Ван-Дейль (1857—1905) — голландский социалист, сочувствовавший взглядам Толстого — 190.
Вандервер Джон — 159, 160, 190, 193, 194, 210.
Варсонофий, игумен Оптиной пустыни — 318, 321.
Васильева Варвара Сергеевна, рожд. Толстая — 281, 329.
Вебер Карл-Мария (1786—1826) — композитор — 379.
Великанов Павел Васильевич — 76, 77, 78.
Величкина Вера Михайловна — 101, 415, 418, 436.
— «В голодный год с Львом Толстым» — 101, 103, 431.
Венгеров Семен Афанасьевич — 188, 189.
— «Критико-биографический словарь русских писателей» — 188.
Венсан (Vincens), французская писательница (псевдоним — Arvède Barine) — 155.
Венюков М. — «Праздник науки» — 124.
Верещагин А., «За границей» — 124.
Верещагин Василий Гаврилович — 11.
Веригин Василий Васильевич — 11.
Веригин Петр Васильевич (1859—1924) — руководитель духоборов. С 1887 по 1894 г. находился в ссылке в Шенкурске, Архангельской губ., в 1895—1902 гг. в Обдорске, Тобольской губ. В 1902 г. уехал к переселившимся в Канаду духоборам — 5, 8, 11, 113, 114, 210, 211.
Верлен Поль (1844—1896) — французский поэт — 226.
Вернадский Владимир Иванович (р. 1863 г.) — минеролог и кристаллограф, профессор, член Всесоюзной академии наук — 228.
«Вестник Европы» — 261.
«Вестник Иностранной Литературы» — 376.
Ветвинов Георгий Николаевич — 96.
Ветвинова Таисия Николаевна — 95.
Виганд Варвара Дмитриевна, рожд. Оболенская (1839—1908) — 326.
Виганд Эдуард Ильич (1826—1903)—326.
Винер Цецилия Владимировна. См. Хилкова Ц. В.
Витберг А., «Библиографические заметки» — 124.
Власов Андрей Васильевич (р. 1845 г.) — бывший сектант из «бегунов», послуживший Толстому прообразом для старика на пароме в романе «Воскресение» — 164.
Волков Николай — 403, 404.
Волконская кж. Мария Николаевна. См. Толстая графиня М. Н.
Волконский кн. Николай Сергеевич — 327.
Волконский кн. Сергей Григорьевич (1788—1865) — декабрист — 185.
Волховский Феликс Владимирович — 214, 215, 422.
Волынский А. См. Флексер А. Л.
Волынский А., «Журналистика шестидесятых годов и Писарев» — 119.
— «Литературные заметки» — 124, 127, 165.
— «Л. Н. Толстой. Сочинения», т. XIV — 165.
— «Нравственная философия гр. Льва Толстого» — 165.
— «Русские критики» — 125.
— «Смысл войны. Из нравственной философии Влад. Соловьева» — 167.
— «Ясная Поляна (из частного письма)» — 119.
Вольтер Франсуа-Мари — 147, 270.
«Вопросы философии и психологии» — 76, 120, 161, 170, 182, 257, 433, 445.
Восточная война 1853—1856 гг. — война России с Турцией, бывшей в союзе с Англией, Францией и Сардинией — 64.
Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина — 32, 34, 45, 48, 56, 87, 90, 123, 124, 130, 132, 153, 168, 169, 171, 172, 182, 186, 191, 226, 262, 431, 433.
Высоцкий Капитон Алексеевич — 425, 435, 436.
Вышнеградский Иван Алексеевич — 422.
Вяземский Леонид Петрович — 266.
Вяземский кн. Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, друг Пушкина — 37.
— «Полное собрание сочинений», т. X — 37.
Гаагская мирная конференция — 214, 215.
Гавас, французское телеграфное агентство — 401.
Гайдебуров Василий Павлович — 126.
Гайдебуров Павел Александрович — 145, 146, 385, 430, 433.
Ганешина фабрика в Москве — 46.
Ганзен Зельма — 420.
Гапгуд Изабелла — американская писательница и переводчица — 431.
Гарин Н. См. Михайловский Н. Г.
Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888) — писатель-беллетрист — 381.
Гаспра — имение С. В. Паниной на южном берегу Крыма, близ почтовой станции Мисхор — 29, 206, 221, 303, 304, 305.
Гастев Петр Николаевич — 99, 100, 101.
— «На голоде с Л. Н. Толстым в Рязанской губернии» — 100.
Ге Григорий Николаевич — 256.
Ге Зоя Григорьевна. См. Рубан-Щуровская З. Г.
Ге Николай Николаевич (1831—1894) — художник — 81, 136, 172, 173, 255, 256, 257, 356, 362, 370.
— «Распятие» — 172.
— «Христос перед Пилатом» — 355, 356.
— «Что есть истина?» — 172.
Ге Николай Николаевич (сын) — 81, 82, 83, 255, 256, 356, 368, 370.
Ге Петр Николаевич — 82, 172, 173, 255, 256.
Гейнеман Вильям — 194, 195.
Георгий Михайлович вел. кн. — 21, 207.
Германия — 158.

Геродот (ок. 485—425 гг. до н. э.) — греческий историк — 444.
Герцен Александр Иванович—125, 126.
Гете Иоганн-Вольфганг — 282, 312, 371.
— «Фауст» — 282, 323.
Гиер — 287, 327.
Гиппиус З., «Иди за мной» — 124.
Глебов Владимир Петрович — 403, 423, 435.
Гоголь Николай Васильевич — 271, 280.
Голицын кн. Григорий Сергеевич (1838—1907) — генерал, в 1897—1904 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе — 113.
Головацкий (Гловацкий) Михаил Алексеевич — 403, 435.
«Голос» — 107, 108.
«Голос Москвы» — 456, 461.
Голохвастов Павел Дмитриевич (1839—1892) — журналист, автор нескольких работ по вопросам древней русской истории и культуры — 36.
Гольденвейзер Александр Борисович — 227, 228, 320, 432, 449.
— «Вблизи Толстого» — 228, 432, 445.
Гончаров И. А., «Обыкновенная история» (Адуев) — 56.
Горбачево — 452, 453, 454, 461.
Горбунов-Посадов Иван Иванович — 120, 131, 181, 252.
Горбунова-Посадова Е. Е., «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт» — 327.
Горлово, Рязанской губ. — 413, 436.
Гороховка, Рязанской губ. — 413, 436.
Государственный литературный музей — 39, 61, 65, 68, 70, 79, 86, 110, 119, 132, 133, 152, 175, 185, 190, 192, 220, 221, 229, 241, 242, 249, 259, 263, 271, 336, 337, 438, 445, 450.
Государственный Толстовский музей — 6, 38, 39, 49, 51, 56, 70, 87, 90, 93, 112, 114, 124, 138, 146, 168, 172, 182, 206, 212, 217, 218, 225, 233, 234, 238, 252, 433.
Градовский Григорий Константинович — 248, 249.
— «За год до кончины» — 249.
— «Моя поездка в Ясную Поляну» — 249.
Гриневка, Тульской губ.—153, 213, 217, 218.
Громова Надежда Федоровна. См. Толстая Н. Ф.
Грот Николай Яковлевич — 76, 120, 182, 366, 433, 435.
Грузенберг Семен Осипович — 242.
— «Миропонимание пессимизма, как вера» — 242.
Грушевский Иван Степанович — 238.
Гумберт I — 163, 164.
Гурбан-Ваянский Светозар, «Лев Толстой, как художник и мудрец» — 176.
Гуревич Любовь Яковлевна—118—127, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 182, 257, 258.
— «История «Северного Вестника» — 118, 125.
— «Литература и эстетика» — 119.
— библиография ее статей о Толстом — 119.
Гусаров Иван — 452, 460, 461.
Гусев Николай Николаевич — в 1907—1909 гг. секретарь Толстого—93, 96, 174, 196, 197, 236, 238, 346, 349.
—«Два года с Л. Н. Толстым» — 95, 237, 329, 360, 361.
—«Толстой в расцвете художественного гения» — 51, 336.
Гусева Варвара Дмитриевна, рожд. Потопчина (1878—1934) — 39.
«Гусляр. Сборник стихов», СПБ., 1887—69.
Гюйяр Август (Auguste Guyard) — 157, 158.
— «Des droits, des devoirs et des institutions au point de vue de la destinée humaine» («О правах, обязанностях и учреждениях с точки зрения назначения человека») — 157, 158.
Давыдов Василий Васильевич — 424, 436.
Давыдов Николай Васильевич — 29, 228, 424, 436.
Данковский уезд, Рязанской губ. — 76, 373, 387.
Данте Алигиери — 43.
Дараган Петр Михайлович — 373, 429, 437.
Дарвин Чарльз — 456.
Дежарден Артур (Arthur Desjardin) — 111, 153.
— «Le socialisme et la liberté» («Социализм и свобода») — 152, 153.
Дейч — 93, 94.
«Дело», журнал — 433.
Дельвиг барон Александр Александрович — 325.
Дельвиг барон Александр Антонович — 280, 281, 325.
Дельвиг барон Анатолий Александрович — 325.
Дельвиг барон Андрей Александрович — 325.
Дельвиг барон Антон Александрович — 325.
Дельвиг барон, Антон Антонович (1798—1831) — поэт — 325.
Дельвиг барон Дмитрий Александрович—325.
Дельвиг барон. Надежда Александровна — 325.
Дельвиг барон. Хиония Александровна, рожд. Чайкина — 280, 325.
Деменков П. С., «Заметки ветерана 1812 года о «Войне и мире» гр. Л. Н. Толстого» — 38.
Демидов Михаил Денисович—140, 141, 142.
Демут — 392, 434.
Ден Владимир Эдуардович (р. 1867 г.) — экономист и эконом-географ, профессор — 100.
Ден Наталья Николаевна, рожд. Философова — 100, 372, 378, 379, 380, 383, 388, 389, 396, 397, 398, 401, 405, 409, 414, 415, 431, 432, 435.
Денисенко Елена Сергеевна, рожд. гр. Толстая — 279, 288, 290, 291, 299, 300, 322, 323, 324.
Денисенко Иван Васильевич — 279, 299, 300, 328.

«Деятельность благотворительных учреждений Тульской губернии по пособию населению, пострадавшему от неурожая 1892—1893 гг.», Тула, 1894—435.
Джордж Генри — 75, 456.
— «Равные права и общие права»— 75, 128.
Джунковский Владимир Федорович — 93.
«Диана», общество — 363.
Диккенс Чарльз (1812—1870) — английский романист — 139.
Диоген из Синопа (414—323 до н. э.)— греческий философ-циник, известный своей аскетической жизнью — 416.
Диоклетиан — 6.
Дитерихс И. К., «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — 21.
«Добротолюбие» — 297, 327.
Докшицкий Моисей — 270.
Долгоруков кн. Василий Андреевич — 373.
Долгоруков кн. Михаил Владимирович — 394, 434.
Долгоруков кн. Павел Дмитриевич — 40.
Долгоруков кн. Петр Владимирович — 44.
— «Российская родословная книга»—44.
Долгорукова кн. Ольга Дмитриевна, рожд. Давыдова — 44.
Долинин - Ивановский Иван Михайлович — 328.
Долинина-Ивановская Александра Леонидовна, рожд. Оболенская — 300, 328.
Дольнер Анатолий Владиславович — 347, 361, 370.
Дон — 373, 376, 377.
Достоевский Федор Михайлович—341.
Дрейфус Альфред — 443, 445.
Дрожжин Евдоким Никитич — 182, 189.
Дубровин — 432.
Дудченко Николай Иванович — 112.
Дунаев Александр Александрович — 443, 445.
Дунаев Александр Никифорович — 190, 191, 368, 370, 440, 445.
Дунаева Екатерина Адольфовна — 191.
Дурново Иван Николаевич — 422, 426, 436.
Душан. См. Маковицкий Д. П.
Д-ч, «За день» — 434.
Дьяков Дмитрий Алексеевич — 39, 40, 67, 280, 283, 292, 299, 300, 325, 326.
Дьякова Александра Алексеевна. См. Оболенская А. А.
Дьякова Марья Алексеевна. См. Ладыженская М. А.
Дьякова Марья Дмитриевна. См. Колокольцова М. Д.
Дьякова Софья Робертовна, рожд. Войткевич («Софеша») — 283,. 326.
Дынин — 80.
Евгения Максимилиановна, принц. Ольденбургская—89.
Евдокимов Е. А. — 375.
Евреинов Павел Александрович (ум. 1857 г.) — казанский знакомый Толстых; служил в Опекунском совете в Москве — 432.
Евреинова Софья Александровна, рожд. Оболенская (1815 — 1852), жена П. А. Евреинова — 432.
Европа — 211.
Егоров Дмитрий Федорович (1869—1931) — профессор математики в Московском университете — 228.
Екатерининское, Тульской губ. — 373. 431.
Елисеев Адриан Павлович — 452. 460.
Епифанский уезд, Тульской губ. — 76, 102, 387, 401.
Епифань — 85.
Ергольская Татьяна Александровна — 29, 36, 300, 328, 437.
Ернфельт Арвид (1861—1933) — финский писатель, единомышленник Толстого — 448.
Еропкин Виктор Васильевич — 445.
Ефремовский уезд, Тульской губ. — 84. 218, 387. 406.
Ещенко Емельян Максимович—104, 105.
«Жизнь», журнал — 172.
Жиляев Николай Сергеевич — 250.
Жиро, фабрикант — 14.
Жуков И., «Разбор известий о казни купеческого сына Верещагина» — 41.
Жуковский В. А., «Марьина роща» — 32.
Забелин Иван Егорович (1820—1908)— историк и археолог — 228.
Завалишин Дмитрий Иринархович (1804 — 1892) — декабрист — 185.
Зайчневский Петр Григорьевич — 338.
Закс Жюль — 197.
Засодимский Павел Владимирович — 74, 75, 99.
— «Грех старого чабана» — 75.
— «У потухшего камелька» — 74.
Захарьин Григорий Антонович — 44, 282, 285, 325.
Здзеховский Мариан Эдмундович (псевдоним — Урсин) — 122, 123.
— «Религиозно-политические идеалы польского народа» — 122, 123.
Зеленой Александр Алексеевич — 262.
Зибаров Григорий — 11.
Зимин Василий Васильевич — 86, 87.
Зиновьев Николай Алексеевич — 83, 401, 404, 416, 426, 435.
Златовратский Николай Николаевич (1845 — 1911) — писатель-народник — 99.
Змиева Анна Николаевна — 419.
Золотарев Василий Петрович — 370.
Золотарев Максим Петрович — 369, 370.
Золя Эмиль (1840 — 1902) — французский романист — 111, 112, 186, 443, 445.
— «Paris» — 186.
Зубов граф Николай Николаевич — 89.
Зубова граф. Александра Васильевна, рожд. граф. Олсуфьева — 88, 89.
Зутнер Берта — 77.
— «Долой оружие!» — 77.
Иван Васильевич Грозный — 32.
Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — художник — 407.
Иванов Александр Петрович — 352.
Иванов Григорий — 81.
Ивин Иван Васильевич — 113, 114.

Ивин Иван Семенович (Кассиров) — 381, 432.
— «Сказка о храбром воине прапорщике Портупее» — 381, 432.
— «О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ (из наблюдений крестьянина над чтением в деревне)» — 432.
Игнатьев Николай Павлович — 395, 396, 434.
Игнатьев Павел Павлович — 395, 396, 434.
Игумнова Юлия Ивановна—306, 328.
Иенкен Наталья Александровна — 201, 202.
«Из бумаг графа де-Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне на острове святой Елены», статья в «Русском Архиве» — 45.
Изюмченко Николай Трофимович — 184, 185.
— «В дисциплинарном батальоне» — 184.
Институт литературы в Ленинграде — 438.
Иосиф, монах Оптиной пустыни — 315, 318, 320, 459, 460.
Иртенев Николенька. См. Толстой Л. Н., «Детство», «Отрочество», «Юность».
Ислявин Владимир Александрович — 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59.
— «Самоеды в домашнем и общественном быту» — 48.
Ислявин Константин Александрович — 48, 49, 50, 51.
Ислявин Лев Владимирович — 57.
Ислявин Михаил Александрович — 51, 52, 57.
Ислявина Юлия Михайловна, рожд. Кирьякова — 50.
Исленьев Александр Михайлович — 50, 58.
«Исторический Вестник» — 438, 442.
Италия — 163.
Кабанов Иван Никифорович — 336.
Кавелин Леонид — 326.
Кавказ — 6, 7, 9, 35, 50, 88, 113, 317.
Казанская губерния — 76.
Казначеевка, Тульской губ. — 13.
«Как живут китайцы». Составлено по книге Симона, бывшего французского консула в Китае — 69.
Калмыков Федот Васильевич — 7, 404, 435.
Калмыкова Александра Михайловна (1849 — 1926) — деятельница по народному образованию, автор многих статей по вопросам воспитания и обучения — 159.
Калмыкова Лукерья Васильевна (ум. 1886 г.)—руководительница духоборов — 7, 11.
Калугина, помещица Харьковской губ.— 114.
Канада — 113, 202, 214, 215.
Кант Иммануил (1724 — 1804) — немецкий философ — 277.
Капнист граф Павел Алексеевич (1842 — 1904) — в 1880 — 1895 гг. попечитель московского учебного округа—361.
Капуя, город в древней Италии — 20, 21.
Каракозов Дмитрий Владимирович (1842 — 1866) — революционер, стрелявший в 1866 г. в Александра II — 59.
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — беллетрист, журналист и историк — 31.
Каренин Влад., «История, не легенда. Глава из книги о Ж. Санд» — 124.
Карпентер Эдуард, «Современная наука» — 126, 127, 168, 169, 171, 182.
Карпов Евтихий Павлович — 217, 218.
— «Рабочая слободка» — 217.
— «Тяжкая доля» — 217.
— «Шахта Георгий» — 217.
Карус П., «Карма» — 119.
Катков Михаил Никифорович — 3, 51.
Кащин Владимир Северьянович — 41.
Кенворти Джон — 6, 159, 181, 193.
— «Thruth and Falsehood and their uses» («Правда и ложь и их значение»)— 193.
Кеннан Джордж (1845—1924) — американский путешественник и писатель — 215, 339, 359, 360.
— «Сибирь и ссылка» — 360.
— «Visti to Gr. Tolstoy» («Посещение гр. Толстого») — 359.
Кидд Бенжамен, «Social evolution» («Социальная эволюция») — 168, 178.
Киев — 82, 214.
Киреевский Иван Васильевич (1806 — 1856) — писатель, один из основателей славянофильства — 38.
Кишиневский еврейский погром 6—8 апреля 1903 г. — 227, 228, 229, 349, 361.
Кламрот — концертмейстер Большого театра в Москве — 430.
Клен-де Гектор — 279, 287, 323.
Клекотки, станция Рязано-Уральской железной дороги — 81, 100, 414, 415, 420, 423, 430.
Клопский Иван Михайлович — 398, 434.
Клюковская Юлия Устиновна — 208, 209, 210.
Книппер А. И. — 430.
Кнорринг Ф. Г. — 35.
Кожевников Вл., «Н. Ф. Федоров» — 432.
— «Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности»— 320.
Козельск — 452, 453, 454, 457, 459.
Козловка (Козлова-Засека) — ближайшая к Ясной Поляне станция Московско-Курской железной дороги, переименованная сначала в «Засеку», а в 1918 г. — в «Ясную Поляну» — 20, 60, 66, 331, 457.
Козловская Софья Петровна — 58.
Козницын, член Специального комитета по лесной части — 265.
Колокольцов Николай Аполлонович (1848—1920) — зять Д. А. Дьякова. —
Колокольцова Марья Дмитриевна, рожд. Дьякова — 280, 283, 325, 326.
Колотилов М. К., «Л. Н. Толстой и духоборы» — 114, 185.

Комаров Матвей, «Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерике-Луизе» — 381, 432.
Кони Анатолий Федорович — 96, 122, 123, 124, 143, 145, 360.
— «Судебные речи» — 139.
Конашевич Кондратий Федорович (р. 1880 г.) — народный учитель и пчеловод — 349.
Конфуций (Кун-Фу-Цзы, 551—479 до н. э.) — китайский философ, основатель государственной религии Китая — 270.
Коппе Франсуа (1842—1908) — французский поэт — 186.
Корнель П., «Сид» — 259.
Королев Филипп Николаевич — 46, 47.
Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — писатель — 381, 432, 441, 445.
— «В ночь под светлый праздник» — 382, 432, 445.
— «История моего современника» — 60.
— «Слепой музыкант» — 441.
— «Сон Макара» — 441.
Корф барон Модест Андреевич — 33.
Кострома — 143, 175.
Кот-Мурлыка (Н. П. Вагнер), «Сон художника Папильона» — 123, 124.
Коттон Сальваторе — 430.
Кочаки, Тульской губ. — 461.
Кочеты, имение М. С. Сухотина в Орловской губ. — 451, 454, 459, 462.
Кошелев Александр Иванович (1806—1883) — публицист и общественный деятель — 31.
Кошелев Андрей Васильевич — 430.
Крапивенский уезд, Тульской губ. — 362.
«Красная роза», фабрика в Москве — 14.
Кривенко Сергей Николаевич (1847—1907) — публицист-народник — 336.
— «Из воспоминаний» — 336.
«Криница», земледельческая колония — 445.
Кристи Григорий Иванович — 423, 436.
Крупенников, капитан — 11.
Крылов Иван Андреевич (1768—1844) — баснописец — 372, 382, 425, 426.
— «Ворона и лисица» — 425.
— «Кот и повар» — 425.
Крым — 92, 96, 97, 160, 174, 221, 303, 308, 319, 328.
Ксюнин Ал., «Уход Толстого» — 459, 462.
Кугушев кн. Григорий Васильевич (1822—1871) — писатель-беллетрист — 42.
Кузминская Вера Александровна — 81, 86, 87, 101, 374, 378, 380, 383, 384, 387, 405, 408, 409, 410, 414, 415, 424, 431.
Кузминская Дарья Александровна —
Кузминская Татьяна Андреевна, рожд. Берс — 49, 51, 81, 214, 234, 257, 302, 306, 328, 340, 341.
— «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» — 52, 214.
Кузминский Александр Михайлович — 81, 234.
Кузнецов Григорий Федорович — 101.
Кулебякина — 44, 45.
Куприн Александр Иванович (р. 1870 г.) — писатель — 271.
Курск — 85.
«Курский Листок» — 385, 433.
«Курьер» — 213.
Кутузов-Голенищев кн. Михаил Илларионович (1745—1813) — в войну 1812 года главнокомандующий русской армией — 34, 38, 41, 371.
Лабори Фердинанд — 443, 445.
Лавров Вукол Михайлович (1852—1912) — издатель и переводчик, с 1880 г. редактор-издатель «Русской Мысли» — 430.
Лавров-Платонов Алексей — 326.
Ладыженская Марья Алексеевна, рожд. Дьякова — 67.
Лазурский В., «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — 106, 445.
Ламартин Альфонс-Мари-Луи (1790—1869) — французский поэт и политический деятель — 158.
Лао-Тзе (Лаотзи) — 111, 112, 270.
— «Тао-те-кинг» — 112, 369.
Ласказ, «Mémorial de Sainte-Hélène» — 259, 260.
Лафонтен Жан (1621—1695) — французский баснописец — 426.
Лебедев Матвей — 11, 12.
Лебедев Федор Егорович — 100.
Лебедянский уезд, Орловской губ. — 86.
Лебрен Виктор Анатолиевич — 182, 183.
— «Толстой. (Воспоминания и думы)» — 183.
Лебрен Луиза — 183.
Левин М. — 244.
Левицкая Раиса Александровна, рожд. барон. Дельвиг — 325.
Левицкий Павел Иванович (1842—1920) — тульский помещик, деятель по сельскому хозяйству, автор «Писем из села Алексеевского», знакомый семьи Толстых — 218.
«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Собрал и редактировал Н. Н. Гусев, ГИЗ, 1929—175, 329.
«Лев Толстой и голод». Сборник под редакцией Ч. Ветринского, Н.-Новгород, 1912 — 334.
«Лев Толстой и русские цари», под редакцией В. Г. Черткова, изд. книгоиздательств «Свобода» и «Единение», М., 1918—21, 328.
Лейбниц Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ — 257.
Лейтейзен Гавриил Давыдович — 349.
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — 5.
Ленин В. И. (ред.), «Вести из России», статья в журнале «Работник», 1896 г. — 5.
Леонтьев Борис Николаевич — 101, 436.
Лепсиус И. (J. Lepsius), «Armenien und Europa» («Армения и Европа») — 160.
Лермонтов Михаил Юрьевич — 21, 318.
— «Выхожу один я на дорогу»... — 21.

Лернер Николай Осипович (1877—1935) — историк литературы и журналист — 254.
Лесков Николай Семенович (1831 — 1895) — писатель — 117, 118, 255, 256, 438, 439, 440, 442, 445.
Лефебр Луиза — 432.
Лещинский Наум Ефремович — 276.
Лилли миссис (Lilly Mrs) — 157, 158.
Линецкий Эммануил Григорьевич (р. 1870 г.) — с 1903 г. зубной врач в Елисаветграде — 361.
Лисицын, крестьянин, осужденный на год крепости за «оскорбление величества» — 234.
Литературный фонд — неофициальное название Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, основанного в Петербурге в 1859 г. — 121.
Лихаревка, Тульской губ. — 84.
Лихтенберг Георг (1742—1799) — немецкий физик и философ — 270.
Лишев Виктор Александрович — 94.
Лишев Николай Викторович — 94, 95.
Лишева Ольга Викторовна. См. Булановская О. В.
Лобанов-Ростовский кн. Николай Алексеевич — 406, 435.
Лопашев Сергей Алексеевич — 226.
Лопухин Алексей Александрович — 397, 398, 434.
Лопухин Сергей Александрович — 81.
Лопухина Александра Павловна — 81.
Лопухина Екатерина Дмитриевна, рожд. Урусова — 434.
Лошаково, Рязанской губ.—375, 377.
Лукояновский уезд, Нижегородской губ. — 78.
Лучки, Тульской губ. — 413, 436.
Майков (М. М.), «У Л. Н. Толстого в голодный 1891 — 1892 г.» — 433.
Маккавеев Николай Прохорович (М-в) — 349, 361.
Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — в 1912—1915 гг. министр внутренних дел, с 1915 г. — член Государственного совета — 327.
Маклакова Мария Леонидовна, рожд. Оболенская — 294, 327.
Маковицкий Душан Петрович — 24, 170, 174—183, 192, 193, 194, 200, 229, 234, 238, 239, 252, 282, 297, 307, 309, 310, 315, 316, 317, 319, 321, 328, 329, 330, 355, 450, 460, 461, 462.
— «Случаи отказов от исполнения военной службы в секте назаренов в Венгрии» — 175, 180.
— «Толстой в жизни» — 175.
— «Яснополянские записки»,—вып. 1—2, изд. «Задруга», М., 1922—1923—174.
— «Яснополянские записки», рукопись — 174, 197, 242, 329.
Маликов Александр Капитонович — 59.
— «На задворках фабрики» — 59.
Малый театр в Москве — 217, 399, 434.
Мальцов Сергей Иванович (1810—1893) — владелец «Мальцевских» заводов в Брянском уезде, Орловской губ. — 222.
Мамонтов А. И. — 44.
Мансон Джон — 168.
Мансурова Елизавета Ильинична—106.
Марк Аврелий — 254.
Марков Евгений Львович — 441, 445.
— «Черноземные поля» — 441, 445.
Маркс Адольф Федорович (1838—1904) — с 1869 г. издатель основанного им журнала «Нива» — 430.
Маркс Карл — 185.
«Марсельеза» — 383.
Мартынов Николай Авенирович — 388, 389, 396, 433.
Марья Дмитриевна. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Марья княжна. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Масарик Фома Осипович — 178, 179.
Маслов Николай Иванович — 253, 254.
Маслов Федор Иванович — 236, 250.
Маслова Анна Ивановна — 236, 237, 253, 254.
Маслова Вера Евграфовна — 253.
Мачтет Григорий Александрович — 106.
— «Пять тысяч» — 106.
Махортов Петр Васильевич — 113, 114.
Медведева, скопинская помещица — 454.
Мейендорф барон. Марья Васильевна, рожд. Олсуфьева—122.
Мейендорф барон Федор Егорович — 122.
Менгден барон Владимир Михайлович—372, 373, 429, 430, 434, 437.
Менгден барон. Елизавета Ивановна, рожд. Бибикова, по первому мужу Оболенская — 62, 395, 430, 434, 437.
Менгден Ольга Владимировна — 374, 430.
Меньшиков Михаил Осипович — 122, 123, 126, 212, 213, 438, 439, 441, 442, 443, 445.
— «Дознание» — 123.
— «На очереди» — 442.
Менюков М., «Праздник науки» — 124.
Мережковский Д., «Ноябрь» — 124.
Мещерки, Рязанской губ.— 100, 378, 431.
Микулич В., «Тени прошлого» — 109.
Миллер Александр Васильевич — 413, 436.
Миловидов (Милованов) Василий Алексеевич — 388, 433.
Минусинский государственный музей им. Мартьянова — 220.
Мисербиев Садо — 35, 36.
Михайлов Михаил Илларионович (1829—1865) — поэт, переводчик и беллетрист, видный сотрудник «Современника», автор (вместе с Н. В. Шелгуновым) прокламации «К молодому поколению». Был приговорен к шестилетней каторге, где и умер — 125, 126.
Михайловский Николай Георгиевич (1852—1906) — писатель-беллетрист (псевдоним — Гарин) — 442.
— «Орхидея» — 442, 445.
Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — публицист и литературный критик — 442.

Михайловский-Данилевский А. И., «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году» — 260.
Михневич Владимир Осипович — 385, 433.
Моисей — 156.
Молоденки, Тульской губ. — 397, 434.
Молоствов Николай Германович — 118.
Молоствов Н. Г. и Сергеенко П. А., «Лев Толстой. Критико-биографическое исследование» — 165.
Мольер Жан-Батист — 381, 432.
Монастырщина, Тульской губ. — 383, 433.
Монреаль — 113.
Моод Эйльмер — 113, 182, 208.
— «The Life of Tolstoi» («Жизнь Толстого») — 113.
Мопассан Гюи де (1850—1893) — французский писатель — 124, 168.
Мордвинов Владимир Иванович — 372, 400, 431.
Мордвинов Евгений Николаевич — 408, 415, 416, 435, 436.
Мордвинов Иван Николаевич — 84, 374, 380, 383, 389, 394, 395, 402, 406, 407, 411, 412, 413, 426, 430, 436.
Мордвинова Анна Захаровна, рожд. Акимова — 384, 430.
Мордвинова Екатерина Ивановна — 376, 379, 384, 430, 433.
Мордвинова Маргарита Ивановна — 374, 375, 384, 389, 399, 413, 417, 418, 430, 433.
Морозов В. С., «Воспоминания» — 446.
«Морской сборник» 1856 г. — 31.
Москва — 15, 29, 30, 32, 33, 34, 40, 42, 43, 44, 45, 51, 56, 57, 59, 66, 69, 73, 77, 79, 80, 81, 82, 84, 102, 103, 110, 111, 121, 135, 136, 138, 140, 143, 157, 160, 166, 188, 193, 207, 208, 214, 216, 236, 237, 288, 290, 300, 347, 364, 367, 368, 370, 387, 389, 395, 397, 398, 401, 414, 415, 429, 438, 439.
Москва-река — 290.
Московская судебная палата — 145, 234.
«Московские Ведомости» — 36, 39, 47, 51, 213, 382, 422, 432.
Московский комитет грамотности — 46, 47, 159.
«Московский Листок» — 213.
Моцарт Иоганн-Вольфганг — 378, 379.
— «Соната b-mol» — 378.
Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — актер — 333.
Музиль Николай Игнатьевич — 400, 404.
Муравьев Михаил Николаевич — 262.
Муравьев-Апостол Матвей Иванович — 87, 88, 185.
Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — декабрист, полковник Черниговского полка, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия. Стоял во главе восстания Черниговского полка. Казнен 13 июля 1826 г. — 87.
Муратов, урядник — 377.
Мценск — 41.
Мышецкий кн. Александр Дмитриевич — 83.
Нагорнов Ипполит Михайлович — 283.
Нагорнов Николай Михайлович — 279, 283, 302.
Нагорнова Варвара Валерьяновна, рожд. гр. Толстая («Варя») — 279, 284, 299, 302, 322, 323, 324.
Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт — 442.
Накашидзе Елена Петровна (р. 1868 г.) — единомышленница Толстого; в 1897 г. принимала участие в помощи духоборам, после чего была вынуждена покинуть Россию — 207.
«На литературном посту», журнал — 32.
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — в 1804—1815 гг. французский император — 43, 220, 259, 260, 371.
Наташа Ростова. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Наугольников Анатолий Петрович — 223.
Национальный музей в Праге — 24, 63, 175, 229, 234, 238, 239, 450.
«Неделя» — 126, 145, 146, 213, 360, 376, 430, 433, 438.
Нежин, Киевской губ. — 82.
Некрасов Николай Алексеевич — 48.
Нехлюдов. См. Толстой Л. Н., «Юность».
Нечаев Дмитрий Степанович — 424, 436.
Нечаев Евгений Герасимович — 424, 433.
Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1883) — революционер — 168.
Нечаева Анна Степановна — 424, 436.
Нечаева Софья Степановна — 424, 436.
Нечаев-Мальцев Юрий Степанович — 436.
«Нива», еженедельный журнал — 123, 213, 375, 430.
Нижегородская губерния — 76.
Нижняя Павловка, Рязанской губ. — 395, 396, 434.
Никитин Дмитрий Васильевич — 310, 329.
Никитское, Тульской губ. — 374, 430.
Никифоров Лев Павлович — 168, 169, 447.
— «Воспоминания о Толстом» — 168, 447.
Николаев А. С., «К последним дням жизни Л. Н. Толстого» — 461.
Николай I — 33, 67, 230, 371.
Николай II — 88, 89, 94, 145, 214, 215, 222, 234, 328, 448, 461.
Николай Михайлович вел. кн. — 328.
Николай Николаевич вел. кн. — 435.
Никольское-Горушки (Обольяново), имение Олсуфьевых в Дмитровском уезде, Московской губ. — 121, 139, 214.
«Новая краткая азбука, самым легким и скорым способом обучающая чтению церковной и гражданской печати», М., 1887 — 69.
Новгородцев А. И. — 247.
Новиков А. М., «Л. Н. Толстой и И. И. Раевский» — 430.
Новиков Михаил Петрович (р. 1871 г.) — крестьянин деревни Боровково, Тульского уезда, единомышленник Толстого — 449.
Новиков Федор Ильич — 457, 458.

«Новое Время» — 22, 62, 124, 125, 126, 207, 213, 230, 239, 329, 385, 462.
Новоселов Михаил Александрович—99, 100, 101, 110, 315, 316, 329, 330.
— «Открытое письмо графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление св. синода» — 330.
«Новости» — 385, 433.
«Новости дня» — 159, 400, 434.
Норденшельд Адольф-Эрик — 390, 434.
Нью-Йорк — 113, 149.
Обдорск — 210.
Оболенская Александра Алексеевна, рожд. Дьякова — 67.
Оболенская Александра Тимофеевна, рожд. Афремова — 283, 326.
Оболенская Варвара Дмитриевна. См. Виганд В. Д.
Оболенская Вера Леонидовна—293, 294.
Оболенская Елизавета Валерьяновна, рожд. граф. Толстая — 39, 279, 325—330, 435.
— «Моя мать и Лев Николаевич. Воспоминания» — 41, 461.
Оболенская Мария Львовна, рожд. Толстая — 6, 73, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 99, 101, 102, 103, 119, 126, 138, 160, 223, 224, 231, 250, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 311, 312, 326, 328, 346, 347, 356, 361, 362, 373, 374, 377, 378, 384, 385, 399, 400, 401, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 419, 423, 424, 426, 428, 431, 433, 447.
Оболенский Андрей Васильевич — 67.
Оболенский Георгий Леонидович — 300, 328.
Оболенский Дмитрий Дмитриевич — 62.
— «Отрывки» — 62.
Оболенский кн. Дмитрий Николаевич—62.
Оболенский кн. Леонид Дмитриевич — 279, 280, 281, 282, 291, 293.
Оболенский Михаил Леонидович — 300, 328.
Оболенский Николай Леонидович — 160, 250, 284, 300, 301, 303, 326, 328.
Объедков Василий Иванович — 11.
Овсяниково, усадьба Т. Л. Сухотиной в Тульском уезде, близ Ясной Поляны—206, 301, 305.
Огарева Наталья Алексеевна, рожд. Тучкова (1829—1913) — жена Н. П. Огарева, затем подруга А. И. Герцена — 125, 126.
— «Воспоминания» — 126.
— «Воспоминания об А. И. Герцене»—125.
Огарево, Тульской губ. — 433.
«Одесские Новости» — 228.
Одоевский кн. Владимир Федорович (1804—1869) — писатель и мыслитель, близкий Пушкину, Гоголю, Белинскому—43, 44.
Ожешко Элиза (1842—1910) — польская писательница — 186.
Озеров Иван Христофорович (р. 1869 г.) — экономист, профессор Московского и Петербургского университетов — 228.
Озерова Екатерина Сергеевна — 89.
Окаемова Дарья Григорьевна — 461.
Олсуфьев граф Адам Васильевич — 88, 122, 214, 431.
Олсуфьев граф Александр Васильевич — 88, 89, 206, 207.
Олсуфьев Дмитрий Адамович — 234, 399, 434.
Олсуфьев Михаил Адамович — 399, 434.
Олсуфьева граф. Анна Михайловна — 88, 214, 378, 431.
Олсуфьева граф. Елизавета Адамовна—87, 88.
Олсуфьевы, графы — 121, 139, 213.
Они Розалия, прототип Катюши Масловой в «Воскресении» — 123.
Оптина пустынь, мужской монастырь в Козельском уезде, Калужской губ. — 174, 293, 294, 315, 329, 330, 457, 458, 459, 460, 461, 462.
Орел — 84.
Оренбургская губерния — 59.
Орленев Павел Николаевич — 23.
Орлов А. И., «Французский ученый Влас Паскаль. Его жизнь и труды» — 69.
Орлов граф Алексей Григорьевич — 332, 336.
Орлов Владимир Федорович (1843—1898)—учитель, знакомый Толстого; привлекался по делу Нечаева — 59.
Орловка, Тульской губ. — 383, 400, 432.
Орфано Александр Герасимович — 150, 151.
— «В чем должна заключаться истинная вера каждого человека» — 151.
Орфеев Николай Иванович — 259, 260.
Остафьев Николай Иванович — 413, 436.
Остен-Сакен барон. Александра Ильинична рожд. граф. Толстая — 458, 461.
Остен-Сакен барон Карл Иванович — 461.
Остен-Сакен Эрнест Рудольфович (1846—1911) — главный военный прокурор и начальник Главного военно-судного управления — 94.
Островский Александр Николаевич — 61, 67.
Островский Андрей Николаевич — 61.
Островский Михаил Николаевич — 422.
Остроумов Лев Евгеньевич — 232, 233.
— «День жатвы» — 233.
«Отечественные Записки» — 47, 134, 430.
Ошанин Никифор Федорович — 433.
Ошанина Варвара Федоровна — 388, 433.
Павел I — 81.
Павленков Флорентий Федорович (1839—1900) — издатель дешевых популярно-научных книг — 168.
Палев Петр — 237.
Панаев Иван Иванович (1812—1862)—писатель, с 1847 г. вместе с Н. А. Некрасовым издатель «Современника» — 189.
Панин Владимир Викторович — 222.

Панина Анастасия Сергеевна. См. Петрункевич А. С.
Панина Софья Владимировна — 221, 303.
Париж — 120, 159, 161.
Пастухов Алексей Алексеевич — 340, 347, 348, 360, 370.
Патрикеева Юлия Васильевна — 424, 436.
Пашков Василий Александрович (1831—1902) — отставной полковник гвардии, последователь религиозного учения лорда Редстока — 342.
Пашково, Тульской губ. — 99, 100.
Пашковы — 197.
Пеньки, Рязанской губ. — 402, 435.
Перлов Сергей Васильевич — 296, 327.
Персидская Елена Михайловна — 101, 401, 402, 415, 435.
Перфильев Василий Степанович — 29, 283, 325, 326.
Перфильев Степан Васильевич — 280, 325.
Перфильев Федор Васильевич — 280, 283, 325.
Петербург — 5, 31, 37, 43, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 74, 87, 89, 123, 140, 166, 220, 227, 262, 292, 441.
Петербургская пересыльная тюрьма — 140.
Петербургский окружной суд — 136.
Петербургский университет — 220.
Петр Александрович принц Ольденбургский — 89, 90.
Петров Григорий Спиридонович — 345.
Петропавловская крепость (Алексеевский равелин) в Петербурге — 61, 168, 185.
Петрункевич Анастасия Сергеевна, рожд. Мальцова — 221, 222.
Петрункевич Иван Ильич — 106, 221, 222.
Пирогово, имение С. Н. Толстого, Тульской губ. — 29, 30, 76, 90, 290, 301, 306, 310, 311, 325, 330.
Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — литературный критик — 346.
Писарев Рафаил Алексеевич — 79 — 85, 98, 141, 142, 383, 400.
Писарева Евгения Павловна — 80, 81.
«Письма русских писателей к А. С. Суворину», изд. Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — 207.
Пифагор (VI в. до н. э.) — греческий философ — 375.
Плахов Алексей Коныч — 400, 435.
«Плоды учения гр. Л. Н. Толстого», приложение к газете «Церковные Ведомости» — 130.
Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — с 1880 г. обер-прокурор синода; один из главных вдохновителей реакционной политики царствований Александра III и Николая II — 119, 130, 207, 267, 268, 422, 437.
Погодин Михаил Петрович — 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37.
— «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии» — 33.
— «Исторические афоризмы» — 31, 34.
— «Московские празднества в честь севастопольских моряков» — 31.
— «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников» — 31.
— «Простая речь о мудреных вещах» — 31, 35.
Покровское, имение М. Н. Толстой, Тульской губ. — 280, 281, 283, 284, 294, 301, 317, 325, 332.
Полежаев Александр Иванович (1805—1838) — поэт — 371, 372.
— «К Е. И. Б-вой» — 371.
— «Черные глаза» — 371.
Поленц-фон В., «Крестьянин» — 138.
Полонский Леонид Александрович (псевдоним — Л. Прозоров) — 125.
— «Провинциальная печать» — 124, 125.
Полушин Николай Абрамович — 68, 69.
— «Василиса Марковна, или Правда и в сарафане красна» — 69.
— «Исай, эфиопский царь» — 69.
— «Мироед» — 68.
— «Омут» — 69.
— «Разуваевские мужики у московской кумы» — 69.
— «Что такое жена?» («Сермяжная мученица») — 68, 69.
Поляков Григорий Александрович — 383, 432.
Померанцев Юрий Николаевич («Юша»), пианист и дирижер — 22.
«Помочь», сборник — 75, 128.
«Помощь голодающим. Научно-литературный сборник», изд. «Русских Ведомостей» — 389, 433.
Попов Евгений Иванович — 104, 111, 112, 131, 177, 178, 184, 185, 347, 361, 369, 370.
— «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» — 177, 178, 179.
Попова Ольга Николаевна — 168.
«По поводу «Воскресения», изд. швейцарского отдела «Свободного Слова», 1900—164.
«Посредник», издательство — 68, 69, 70, 101, 123, 124, 125, 152, 153, 167, 178, 181, 257.
Потапенко Игнатий Николаевич — 381, 432.
— «Генеральская дочь» — 432.
«Похищение детей Хилковых», изд. «Свободное Слово» — 110.
«Почин», сборник — 227.
Прево Марсель, «Исповедь идеалиста» — 376, 430.
Преображенский В. П., «Переписка Спинозы» (рецензия) — 257.
Протасово, Тульской губ. — 361.
Протопопов Николай Петрович — 80.
Пругавин А. С., «Лев Толстой и «богочеловеки» — 61.
Прудки, Рязанской губ. — 100, 402, 433, 435.
Пугачев Емельян Иванович (1747—1775) — вождь крестьянских и казацких восстаний 1772—1774 гг. — 280.

Пудож, Олонецкой губ. — 149.
«Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», изд. К. М. Сибирякова — 107.
Путята Николай Васильевич — 42.
Пушкин Александр Сергеевич — 21, 32, 38, 189, 259, 271, 318, 371, 381, 434.
Пьер Безухов. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
«Работник», журнал — 5.
Рабус Карл Иванович (1800—1857) — живописец-пейзажист — 407.
Радлов Э., «Несколько замечаний о Спинозе (по поводу перевода переписки Бенедикта де-Спинозы, сделанного с латинского оригинала Л. Я. Гуревич, под редакцией и с примечаниями А. Л. Волынского)» — 257.
Раевская Анна Дмитриевна, рожд. Философова — 431.
Раевская Екатерина Ивановна, рожд. Бибикова — 371 — 373, 430, 431, 433, 437, 445.
— библиография ее статей — 371.
Раевская Елена Павловна, рожд. Евреинова — 80, 81, 82, 99, 100, 383, 384, 385, 386, 397, 398, 420, 424, 425, 432.
Раевская Ольга Ивановна, рожд. Унковская — 431.
Раевский Григорий Иванович — 81, 82, 384, 424, 433.
Раевский Дмитрий Иванович — 387, 403, 411, 430, 433.
Раевский Иван Артемьевич — 371, 430.
Раевский Иван Иванович — 77, 79, 80, 81, 98, 128, 141, 372, 373, 374, 377, 379, 380, 384, 385, 386, 387, 394, 430, 431, 433, 435.
Раевский Иван Иванович (младший) — 81, 82, 380, 383, 385, 424, 431.
Раевский Петр Иванович — 81, 82, 380, 383, 424, 431.
— «К патологии терапии гноящихся ран» — 431.
— «Стерилизация кетгута на месте изготовления» — 431.
Растопчин граф Федор Александрович (1763—1826) — в 1812—1814 гг. московский главнокомандующий — 38.
Растопчина граф. Евдокия Петровна, рожд. Сушкова (1811—1858) — поэтесса — 37.
Расторгуев Константин — 80, 81.
Рафаэль Санти — 382.
Рахманов Владимир Васильевич — 77, 339, 360.
Ренан Жозеф-Эрнест (1823—1892) — французский филолог и историк христианства, автор переведенной на многие языки книги «Vie de Jésus» («Жизнь Иисуса», 1863) — 147, 419.
Репин Илья Ефимович (1844—1930) — художник — 87, 88, 125, 345, 348, 355, 406, 407, 408, 409, 415, 435, 442.
— «Бурлаки» — 355.
— «Запорожцы» — 406.
— «Л. Н. Толстой» — 406, 415.
Репнин кн. Николай Григорьевич (1778—1833) — генерал-адъютант. В 1805 г. был командиром 4 эскадрона Кавалергардского полка. При Аустерлице раненый был взят в плен. В 1812 г. командовал 9 кавалерийской дивизией — 259.
Рескин Джон (1819—1900) — английский историк искусства и моралист — 178.
— «Последнему, что и первому» — 178, 179.
— «Unto this Last» — 178, 179.
«Речь», газета — 222, 461.
Ржевск, хутор В. Г. Черткова в Воронежской губ. — 128, 193.
Римский-Корсаков Михаил Михайлович — 404, 405, 435.
Рис Федор Федорович — 40, 41, 44.
Рискина Магдалина Ивановна, рожд. Раевская — 433, 435.
Родионов Николай Сергеевич — 450.
Рожня, Рязанской губ. — 436.
Розанов Василий Васильевич — 224, 225.
— библиография его статей о Толстом — 224.
Розанова Варвара Дмитриевна, рожд. Руднева — 224, 225.
Рони Леон (1837—1914) — французский ориенталист и этнолог — 107.
Романов Тимофей — 11.
Россинский Вл., «Последние дни Л. Н. Толстого» — 462.
Россия — 11, 149, 161, 168, 182, 200.
Россолимо Григорий Иванович — 331.
Рощин Сергей Иванович — 348, 361.
Рубан-Щуровская Зоя Григорьевна, рожд. Ге — 255, 256.
Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) — брат Антона Григорьевича Рубинштейна, пианист и музыкальный деятель, в 1866—1881 гг. — директор Московской консерватории — 29.
Руднев Александр Матвеевич — 386, 433.
Румянцев Матвей Никитич — 190.
Румянцев Семен Николаевич — 305, 366, 370.
Русанов А. Г., «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — 50, 370.
Русанов Гавриил Андреевич — 188, 210, 211, 213, 357, 362.
— «Поездка в Ясную Поляну» — 188, 362.
Русанова Антонина Алексеевна — 210, 211.
«Русская Мысль» — 63, 106, 126, 186, 370, 376, 430.
«Русская Старина» — 58, 61, 188.
«Русские Ведомости» — 5, 106, 111, 112, 134, 154, 159, 186, 213, 215, 381, 382, 383, 389, 430, 432, 433.
«Русский Архив» — 33, 37, 38, 39, 42, 45, 61, 261.
«Русский Вестник» — 50, 51, 52, 186, 230, 261.
«Русское Богатство» — 344, 359, 370.
«Русское Знамя» — 131.
«Русское Слово» — 62, 159, 186.
Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — 62, 79.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — 130, 364.
Руссо Жан-Жак — 270.
«Русь», газета — 35, 91, 213.
Ряжск, Рязанской губ. — 435.
Рязанская губерния — 41, 76, 84.
Рязанцева Елизавета Ивановна, рожд. Мордвинова — 430.
Савина Мария Гавриловна — 267.
Саломон Адель — 154, 155.
Саломон Шарль — 19, 152—164, 181.
Самара — 49, 51, 55, 57, 58, 80, 100.
Самарин Петр Федорович (1830—1901) — младший брат известного славянофила Юрия Федоровича Самарина — 62.
Самарская губерния — 36, 49, 55, 373.
Сандецкий Александр Генрихович (1851 — 19..) — генерал, в 1906 — 1907 гг. командир гренадерского корпуса в Москве, в 1907—1912 гг. — командующий войсками Казанского военного округа, в мировую войну — командующий войсками Московского военного округа — 96.
Сарынцев Николай Иванович. См. Толстой Л. Н., «И свет во тьме светит».
«Сборник Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, 1937—121.
Свербеев Дмитрий Дмитриевич — 81, 369, 370.
Свистунов Петр Николаевич (1803—1889) — кавалергард, декабрист; в 1826 г. был приговорен к 15 годам каторги. Освобожден по амнистии в 1856 г. Позднее ревностный деятель по освобождению крестьян в Калужской губ. — 61, 185.
«Свободная Мысль», журнал — 244.
«Свободное Слово», издательство В. Г. Черткова в Англии — 191, 213.
«Свободное Слово», сборник — 121.
Святополк-Мирский кн. Дмитрий Иванович — 64, 65, 66.
Святополк-Мирский кн. Петр Дмитриевич — 64.
Севастополь — 80, 239.
«Север», журнал — 375, 430.
«Северный Вестник» — 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 161, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 182, 257, 258, 376, 430.
«Северный Курьер» — 13, 14.
Семевский Михаил Иванович — 58, 61.
«Семейство его сиятельства графа Л. Н. Толстого», статья в «Московских Ведомостях» — 432.
Семенов Сергей Терентьевич — 70, 71, 72, 92, 93, 119, 123.
— «В день итогов» — 123, 124.
— «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» — 70.
— «Дедушка Илья» — 70.
— «Крестьянские рассказы» — 70.
— «Немилая жена» — 72.
Семенова Фекла Платоновна — 71, 72.
Сенека Луций Анней (4 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ — 254.
Сенкевич Генрих (1846—1916) — польский романист — 186.
— «Quo vadis?» — 124.
Серао Матильда (р. 1856 г.) — итальянская романистка — 186.
Сергеенко Алексей Петрович — 315, 316, 329, 458, 459, 461, 462.
Сергеенко Петр Алексеевич — 175, 179, 254, 461.
— «Из сказки о счастьи» — 254.
Сергей Александрович вел. кн. (1857—1905), четвертый сын Александра II, убитый 4 февраля 1905 г. бомбой, брошенной И. Каляевым — 92, 378.
Сергиев Иоанн Ильич (Иоанн Кронштадтский) — 109, 114—117, 349, 361.
Серебровская Екатерина Сергеевна — 39.
Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838—1869) — революционер, организатор общества «Земля и воля», эмигрант — 125, 126.
Серон Анна — 328, 329.
— «Граф Лев Толстой». Перевод с немецкого, М., 1896 — 328, 329.
— «Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого». Записки Анны Серон. Перевод с немецкого А. Сергиевского, СПБ., 1895 — 328, 329.
Серпухов, Московской губ. — 369, 370.
Сибирь — 59, 113, 189.
Сибиряков Александр Михайлович — 390, 434.
Сибиряков Константин Михайлович — сын богатого сибирского золотопромышленника, филантроп, в 1878—1881 гг. издатель «Слова» (вместе с А. М. Жемчужниковым). На его средства было издано в Женеве в 1892—1894 гг. «Соединение и перевод четырех евангелий» Толстого — 99, 390, 391, 392, 434.
Сидорков Илья Васильевич — 305, 451, 460.
Сильвестр — 32.
Симон Федор Павлович — 354, 355,
Симон, жена Ф. П. Симона — 354, 355.
Синод правительствующий — высшее церковное учреждение в царской России; учрежден при Петре I в 1721 г. — 268, 269, 306, 328.
Сипягин Дмитрий Сергеевич — 13, 269.
Скайлер Евгений (Eugene Schuyler) — 44.
— «Гр. Лев Николаевич Толстой. По воспоминаниям Е. Скайлера» — 44, 431.
Скворцов, чиновник черниговского губернатора — 255.
Сковорода Григорий Саввич (1722 — 1794) — украинский философ — 38.
Скопин, Рязанской губ. — 397, 434.
Скопинский уезд — 401.
Скороходов Владимир Иванович — 84, 85, 103, 413, 436.
— «Из воспоминаний старого общинника» — 84.
Словинский Ив., «Тифлис», корреспонденция «Биржевых Ведомостей» — 11, 12.
Смирнов П. — 268.
Смирнова А. О., «Записки» — 124.
Смоленск — 41.
Снегирев Владимир Федорович — 311, 329.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — поэт и библиограф, друг Пушкина — 43, 259, 260.
«Современник» — 189, 433.
«Современное Слово» — 222.
«Современный Мир» — 270.
Согласие против пьянства — общество трезвости, организованное Толстым в 1887 г. Никаких формальных обязанностей на членов не налагало, и все сводилось к добровольному обещанию. Была составлена декларация, под которой и расписывались желающие вступить в общество — 432.
Соллогуб граф Владимир Александрович (1814—1882) — писатель — 259.
— «Тарантас» — 259.
Соллогуб Лев Александрович — 259.
Соллогуб Федор Львович (1848—1898) — литератор, автор шарады, использованной Толстым в «Плодах просвещения» — 259.
Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, публицист и поэт — 127, 167.
— «Оправдание добра» — 127.
Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903) — писатель-романист — 375.
Соловьев Иван Григорьевич — 44, 59, 60.
Сологуб Федор (Ф. К. Тетерников), «Тяжелые сны» — 123, 124.
Солт Г. С., «Гуманитарное учение, или гуманитарианизм» — 135.
Сопоцько Михаил Аркадьевич (Сырокомля-Сопоцько) — 75, 128—151, 189.
— (Михаил Изгоев), «Вегетарианство, его смысл и общественное значение» — 134, 145.
— «В поисках ясности» — 140, 142, 143.
— (Лев Катанский), «Еретику Льву Толстому» — 131.
— «Из личных воспоминаний о Льве Толстом» — 131.
— «Как хоронить яснополянского шарлатана» — 131.
— «Корпоративное пьянство» — 128.
— «К сведению гг. членов Государственной думы» — 131.
— «Культ науки и нравственная свобода» — 145, 146.
— «Левка Брюхан, мрачно-полянский лжемужичок. Сатира» — 131, 132.
— (Товарищ Михаил), «Мое знакомство с графом Л. Н. Толстым, его семьей и последователями» — 129.
— «Тяжелые впечатления» — 136.
Сопоцько Надежда Александровна, рожд. Фидлер — 132, 134, 138, 140.
Союз русского народа — черносотенная организация, образованная в 1905 г.— 131.
Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель, в начале своей деятельности настроенный либерально; один из виднейших помощников Александра I в период предполагавшихся государственных реформ — 33.
Спиноза Барух — 27, 249, 419.
— «Этика» — 419.
Стадлинг — 410, 435, 436.
— «У графа Л. Н. Толстого» — 435.
Стасов Владимир Васильевич — 87, 88, 298, 442.
Стахович Александр Александрович (отец) — 67, 86, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 150, 266, 267, 332.
Стахович Александр Александрович (сын) — 86, 97.
Стахович Анастасия Петровна—89, 90.
Стахович Лидия Алексеевна, рожд. Астафьева — 90.
Стахович Михаил Александрович (ум. 1858 г.) — писатель, брат А. А. Стаховича — 189, 332, 333, 336.
Стахович Михаил Александрович, сын А. А. Стаховича — 90, 92, 93, 94, 95, 271, 333.
Стахович Ольга Павловна, рожд. Ушакова — 67.
Стахович Павел Александрович — 91, 92, 94.
Стахович Петр Александрович — 90.
Стахович София Александровна — 86—97, 124, 125.
— «Как писался «Холстомер» — 86.
— «Сиротка» — 124, 125.
— «Слова Л. Н. Толстого» — 86.
Стелловский Федор Тимофеевич (ум. 1875 г.) — издатель, владелец типографии — 48.
Степанова Екатерина Васильевна — 389, 434.
Стокгэм Алиса Б. — 363, 370, 433.
— «Tocology» («Токология») — 363, 370, 384, 433.
— «Tolstoi, a man of peace» — 433.
Столыпин Александр Аркадьевич — 239.
— (А. С-н), «Заметки» — 239.
Столыпин Аркадий Дмитриевич — 239.
Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — с 1906 г. министр внутренних дел и председатель совета министров — 93, 94, 234, 239.
Сторожево, Рязанской губ. — 424, 436.
Стороженко Николай Владимирович — 241.
Стороженко Николай Ильич — 126, 227, 228, 229, 241.
Страхов Николай Николаевич — 49, 53, 61, 121, 224, 225, 257, 258, 342, 449.
Страхов Федор Алексеевич — 101.
— «Дух и материя» — 101.
— «По ту сторону политических интересов» — 101.
— «Искание истинны» — 101.
Стромилов Николай Михайлович — 45.
— «Наполеон на острове св. Елены» — 45.
Стэд Вильям-Томас (1849—1912) — английский журналист — 357, 358.
Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, с 1876 г. издатель «Нового Времени» — 62, 126, 207, 230.
Суворов Александр Васильевич, князь Италийский, граф Рымникский (1720—1800) — полководец, генералиссимус русской армии — 34.

Сулливан А. М., «Новая Ирландия» — 63.
Сумбатов кн. Александр Иванович (по сцене Южин, 1858—1927) — актер и драматург — 228.
Сухотин Михаил Сергеевич — 67, 91, 92, 330, 331, 462.
Сухотина Наталья Михайловна, по мужу Оболенская — 92.
Сухотина Татьяна Львовна, рожд. Толстая — 20, 21, 86, 88, 92, 94, 103, 119, 123, 124, 125, 126, 139, 153, 154, 157, 160, 178, 181, 206, 207, 212, 213, 214, 250, 255, 256, 285, 288, 300, 304, 306, 319, 327, 363, 373, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 384, 395, 405, 409, 414, 415, 424, 428, 429, 431, 451, 462.
— «Друзья и гости Ясной Поляны» — 436.
Сухтелен граф Павел Петрович — 259.
Сытин Владимир Аполлонович — 29, 30.
Сытин Иван Дмитриевич — 68, 69, 360.
Сытин Сергей Дмитриевич (ум. 1915 г.), брат И. Д. Сытина — 342, 360.
Сытина Екатерина Ильинична, рожд. Чихачева — 29, 30.
Сюзев Павел Васильевич — 243.
Сютаев Василий Кириллович — 357, 362.
Сяськова Мария Васильевна — 178.
Талейран-Перигор Шарль-Морис — 399, 434.
Таманская Т., «На пути в Козельск» — 461.
Тамбовская губерния — 10.
Танеев Сергей Иванович — 19, 22, 143, 170, 203, 218, 237, 249—253, 447.
— «Орестея» — 253.
Тарабарин Михаил Петрович — 25, 104.
Тарле Евгений Викторович — 220.
— «Общественные воззрения Томаса Мора» — 220.
Татищев Сергей Спиридонович — 230.
— «Внешняя политика императора Николая I» — 230.
— «Император Александр II, его жизнь и царствование» — 230.
— «Император Николай I и иностранные дворы» — 230 .
Татищево, Рязанской губ. — 100, 378, 431.
Тенеромо И. См. Файнерман И. Б.
Тимерин Митрофан Иванович — 340, 360.
Тимрот Егор Александрович — 52, 53, 54, 56.
Тифлис — 35.
«Тифлисский Листок» — 242.
Токарев В. И. — 21.
Толстая граф. Александра Андреевна — 36, 58, 61, 67, 89, 147, 150, 284, 286, 289, 292, 293, 312.
— «Воспоминания» — 286.
Толстая Александра Львовна — 92, 96, 97, 174, 206, 214, 253, 303, 316, 317, 318, 321, 328, 450, 451, 452, 453, 458, 459, 460, 461, 462.
— «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» — 461.
Толстая Анна Ильинична (р. 1888 г.) — внучка Л. Н. Толстого; первым браком замужем (с 1908 г.) за Н. А. Хольмбергом, вторым (с 1926 г.) за П. С. Поповым — 153.
Толстая Варвара Валерьяновна. См. Нагорнова В. В.
Толстая Варвара Сергеевна. См. Васильева В. С.
Толстая Вера Сергеевна — 87, 88, 310, 329.
Толстая Дора Федоровна, рожд. Вестерлунд — 20, 22.
Толстая Елена Сергеевна. См. Денисенко Е. С.
Толстая Мария Львовна. См. Оболенская М. Л.
Толстая Мария Михайловна, рожд. Шишкина — 310, 329.
Толстая граф. Мария Николаевна, рожд. Волконская — 188, 298, 327.
Толстая граф. Мария Николаевна (1830—1912), сестра Л. Н. Толстого — 29, 30, 279, 280, 281, 282, 284, 288, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 306, 308, 310, 313—318, 322, 323, 324, 325, 327, 332, 460.
Толстая Мария Николаевна, рожд. Зубова (р. 1867 г.), с 1906 г. вторая жена Сергея Львовича Толстого — 89, 461.
Толстая Мария Сергеевна. См. Бибикова М. С.
Толстая Надежда Федоровна, рожд. Громова, по второму мужу Верховская — 287, 327.
Толстая Ольга Константиновна, рожд. Дитерихс — 220, 221, 222, 304.
Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844—1919) — с 1862 г. жена Л. Н. Толстого — 3, 19, 20, 22, 44, 45, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 58, 65, 67, 80, 82, 83, 84, 87, 101, 118, 122, 160, 167, 170, 171, 174, 182, 184, 190, 208, 209, 214, 221, 247—254, 268, 282, 284, 285, 289, 290, 294, 297, 300, 301, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 311, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 327, 328, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 345, 346, 360, 362, 363, 366, 367, 368, 369, 370, 378, 382, 395, 399, 400, 414, 415, 420, 421, 422, 423, 427, 428, 432, 435, 440, 441, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 458, 460, 461.
— «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М., 360, 361, 446.
— «Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М., 1932 — 87, 170, 171, 328, 445.
— «Моя жизнь» — 431.
Толстая Софья Андреевна — внучка Л. Н. Толстого, по первому мужу Сухотина, по второму—Есенина—304, 328.
Толстая Софья Николаевна, рожд. Философова (1867—1934) — первая жена Ильи Львовича Толстого — 142, 153, 177, 426.
Толстая Татьяна Львовна. См. Сухотина Т. Л.
«Толстовский ежегодник 1912 года» — 188.

«Толстовский ежегодник 1913 года» — 219.
Толстой Андрей Ильич — 160, 161.
Толстой Андрей Львович — 52, 53, 222, 304, 316, 330.
Толстой граф Валерьян Петрович — 35, 279.
Толстой граф Дмитрий Николаевич (1827—1856) — брат Л. Н. Толстого — 50.
Толстой Иван Львович — 184.
Толстой Илья Львович — 80, 81, 100, 142, 153, 160, 177, 212, 213, 217, 218, 361.
— «Мои воспоминания» — 52, 362.
Толстой Лев Львович — 20, 22, 80, 81, 83, 96, 100, 101, 152, 153, 155, 157, 160, 208, 225, 256, 382, 383, 397, 401, 412, 413, 424, 426, 427, 432, 436.
Толстой Л. Н., «Азбука» — 35, 36, 46, 155, 431.
— «Анна Каренина» — 3, 21, 46, 62, 67.
— «Власть тьмы» — 67, 146, 266, 267, 345.
— «Война и мир» — 31, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 57, 259 — 261, 298, 159, 160, 164, 170, 191, 201, 214, 238, 339, 345, 360, 365. 370.
— «Воспоминания» — 50, 327, 328.
— «В чем моя вера» («В чем счастье») —327, 339, 360.
— «В чем правда в искусстве?» — 442, 445.
— «Где выход?» — 194, 212.
— «Голод или не голод?» — 213.
— «Действительное средство» — 458, 461.
— «Декабристы» — 57, 59, 60.
— «Детский круг чтения» — 196.
— «Детство» — 48, 298.
— «Для чего люди одурманиваются?» —73.
— Дневники и записные книжки — 6, 13, 19, 24, 64, 66, 67, 77, 79, 82, 117, 122, 124, 129, 139, 166, 172, 174, 179, 180, 184, 191, 194, 212, 228, 238, 244, 248, 262, 271, 272, 286, 312, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 370, 431, 432, 435, 436, 446, 447, 448, 449, 450.
— «Доклад, приготовленный для конгресса мира в Стокгольме» — 197.
— «Живой труп» — 362.
— «Закон насилия и закон любви» — 360.
— «Из воспоминаний о переписи». См. «Так что же нам делать?».
— «И свет во тьме светит» (Николай Иванович Сарынцев) — 168, 362, 448.
— «Исповедь» — 49, 339.
— «Исследование догматического богословия» — 341, 360.
— «Казаки» — 44, 446.
— «Карма» — 118.
— «Книги для чтения» — 155.
— «Корней Васильев» — 448.
— «Крейцерова соната» (Трухачевский) — 73, 194, 283, 346, 360, 363.
— «Критика догматического богословия». См. «Исследование догматического богословия».
— «Круг чтения» — 192, 195, 198, 201, 271, 315, 328, 329, 453.
— «Кто виноват?». См. «Не убий».
— «Кто прав?» — 435.
— «Миташа» — 62.
— «На каждый день» — 198, 453, 461.
— «Неделание» — 118, 120.
— Некролог И. И. Раевского — 430.
— «Не могу молчать» — 448.
— «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» — 37, 41.
— «Не убий» («Убийство Гумберта», «Ужасное недоразумение», «Кто виноват?») — 163, 164.
— «Неужели это так надо?» — 194, 212.
— «Николай Палкин» — 330.
— «Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто», М., 1911 — 326, 327, 329.
— «Об искусстве». См. «Что такое искусство?».
— «Об отношении к государству», изд. В. Черткова, 1897 — 160.
— «Обращение к духовенству» — 191.
— «О голоде» — 385, 433.
— «О жизни» — 431.
— «О народном образовании» — 47.
— «О науке» — 198.
— «О науке», сборник статей, изд. «Единение», М., 1917 — 192.
— «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» — 106, 385, 389, 431, 433.
— «Отец Сергий» — 213, 448.
— «От ней все качества» — 367, 370.
— «Отрочество» — 298.
— «О церковном обмане» (письмо к М. А. Сопоцько) — 130.
— «Патриотизм или мир?» (письмо к Мансону) — 168.
— «Патриотизм и правительство» — 13.
— «Первый винокур» — 370.
— «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1911—36, 326, 327, 329.
— «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПБ., 1934—326.
— Песня («Как четвертого числа»...) — 52.
— «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М., 1915 — 37, 65, 80, 84, 85, 98, 99, 170, 326, 329, 330, 370, 430, 431, 433, 435.
— «Письма Л. Н. Толстого. 1848 — 1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1910—121, 361.
— «Письма Л. Н. Толстого. 1885—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», т. II, М., 1911—120, 172, 175, 179, 192, 249.
— «Письмо к либералам» (к А. М. Калмыковой) — 160, 181.
— «Плоды просвещения» — 29, 57, 399, 434, 435.
— «Полное собрание сочинений. Юбилейное издание», т. 4 — 52.
— т. 43 — 461.
— т. 44 — 461.
— т. 47 — 336.
— т. 54 — 327, 328.

— т. 55 — 326, 329.
— т. 56 — 329.
— т. 58 — 329, 330, 450.
— т. 59 — 36, 50, 189.
— т. 63 — 362.
— т. 72 — 89, 96, 152, 175, 192, 214, 215.
— т. 85 — 119.
— «Помощь голодным» — 385, 433.
— «Пора опомниться» — 370.
— «Послесловие к «Крейцеровой сонате» — 233.
— «Послесловие к статье П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 году» — 12.
— «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»—448.
— «Посмертные художественные произведения», изд. А. Л. Толстой, 3 тома, М., 1911—1912—168.
— Предисловие к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина»—177, 178.
— Предисловие к переводу книги А. Стокгэм «Токология» — 370, 384.
— Предисловие к переводу романа фон-Поленца «Крестьянин» — 137.
— «Предисловие к переводу статьи Карпентера «Современная наука»—118, 127, 168, 169, 170, 171, 182.
— Предисловие к сочинению Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» — 188.
— «Приближение конца»—159, 160, 181, 190.
— «Противоречия эмпирической нравственности». См. «Религия и нравственность».
— «Путь жизни» — 198.
— «Работник Емельян и пустой барабан» («Сказка»)—389, 433.
— «Рабство нашего времени» («Самый дешевый товар», «Новое рабство») — 13, 14, 163, 164.
— «Рассказ юнкера». См. «Рубка леса».
— «Религия и нравственность» («Противоречия эмпирической нравственности») — 25, 118, 119, 154, 155, 157, 160, 161, 330.
— Роман из эпохи Петра I — 46, 326.
— «Рубка леса» («Рассказ юнкера»)—189.
— «Самый дешевый товар». См. «Рабство нашего времени».
— «Собеседники» — 49.
— «Соединение и перевод четырех евангелий» — 174, 356, 360, 362.
— «Страшный вопрос» — 82, 431.
— «Стыдно» — 88.
— «Так что же нам делать?» («Жизнь в городе», «Из воспоминаний о переписи», «Деревня и город») — 146, 188, 248, 338, 359, 362, 367, 370.
— «Тулон». См. «Христианство и патриотизм».
— «Убийство Гумберта». См. «Не убий».
— «Ужасное недоразумение». См. «Не убий».
— «Утро помещика»—446.
— «Учение Христа, изложенное для детей»—196.
— «Хаджи Мурат» — 38, 169, 190, 191, 230.
— «Ходите в свете, пока есть свет»—107.
— «Хозяин и работник»—118, 121, 122, 166, 167, 170, 182, 258.
— «Холстомер» — 189, 332 — 336.
— «Христианское учение» — 168, 176, 193, 194.
— «Христианство и патриотизм» («Тулон») — 119, 152, 153, 157.
— «Царство божие внутри вас» — 73, 77, 85, 100, 101, 102, 103, 111, 112, 119, 154, 163, 385, 433, 435.
— «Чем люди живы» — 354.
— «Что такое искусство?» («Об искусстве»)—20, 21, 107, 118, 161, 162, 163, 169, 170, 182, 194, 211, 227, 250, 251, 445.
— «Юность» — 298, 325.
— «Für alle Tage» (перевод «Круга чтения»)—195.

ПИСЬМА ТОЛСТОГО:

Андрееву Л. Н.—189.
Анненковой Л. Ф.—172.
Белеру Л.—193, 194.
Берсу А. А.—51.
Бирюкову П. И.—130, 433.
Богатикову Т.—121.
Буланже П. А. — 19. 194.
Вандерверу Дж.— 193, 194.
Веригину П. В.—114.
Власову А. В.—163, 164.
Ге Н. Н.—362.
Голохвастову П. Д.—36.
Горбунову-Посадову И. И.—172.
Гроту Н. Я.—120.
Группе шведской интеллигенции—215, 244.
Ернфельту А.—448.
Здзеховскому М. Э.—123.
Кони А. Ф.—21, 22, 96, 123.
Кузминской Т. А.—51.
Линецкому М. Г.—361.
Меньшикову М. О.—438.
Мооду Э.—182.
Николаю II — 21, 22, 207, 328.
Новикову М. П.—449.
Олсуфьеву А. В.—21, 22.
Панаеву И. И.—189.
Редактору «Биржевых Ведомостей»—22.
Редактору «Петербургских Ведомостей» — 22.
Редактору «Daily Chronicle» — 159, 160
Стасову В. В. — 172, 228.
Стаховичу М. А. — 96, 271, 272.
Страхову Н. Н. — 49, 53, 61, 121, 179 282, 326, 446.
Суворину А. С. — 22.
Сухотиной Т. Л. — 124, 227.
Толстой А. А. — 21, 36, 312.
Толстой А. Л. — 458, 459, 461, 462.
Толстой М. Н. (сестре) — 298, 329.
Толстой М. Н. и Оболенской Е. В.—318.

Толстой М. Н. (жене С. Л. Толстого) — 461, 462.
Толстой С. А. — 84, 85, 99, 228, 326, 330, 370, 430, 431, 433, 435, 448.
Толстому Л. Л. — 6.
Толстому С. Н. — 50, 225.
Толстым С. Л. и Т. Л. — 330.
Трегубову И. М. — 326.
Файнерману И. Б. — 153, 337.
Фету А. А. — 332.
Хилкову Д. А. — 6, 193, 194.
Хису К. О. — 22.
Чертковой А. К. — 13.
Черткову В. Г. — 13, 79, 99, 105, 174, 215, 459, 462.
Шкарвану А. — 179.
Шору Д. С. — 361.
Эртелю А. И. — 45.

ПИСЬМА К ТОЛСТОМУ:

Белера Л. — 193, 194.
Берса А. А. — 45.
Берса С. А. — 56.
Бондарева Т. М. — 189.
Вандервера Дж. — 193, 194.
Веригина П. В. — 113, 114.
Власова А. В. — 163, 164.
Горбунова-Посадова И. И. — 120.
Здзеховского М. Э. — 123.
Кони А. Ф. — 123.
Меньшикова М. О. — 438.
Моода Э. — 113.
Погодина М. П. — 31, 32.
Стромилова Н. М. — 45.
Толстого Н. Н. — 36.
Толстого С. Л. — 330.
Толстой С. А. — 21—22, 435.
Черткова В. Г. — 20.
Шкарвана А. — 179.

«Толстой и о Толстом. Новые материалы», сборник 2—21.
Толстой Михаил Ильич — 153.
Толстой Михаил Львович («Миша») — 214.
Толстой граф Николай Валерьянович — 279, 287, 288.
Толстой граф Николай Ильич (1795—1837), отец Толстого — 325.
Толстой граф Николай Николаевич — 29, 35, 36, 279, 287, 327.
Толстой граф Петр Валерианович —
Толстой Сергей Львович («Сережа») (р. 1863 г.) — старший сын Толстого — 63, 89, 98, 113, 114, 127, 169, 207, 214, 215, 316, 319, 327, 330, 374, 382, 399, 434, 461, 462.
— «Мой отец в 70-х годах» — 50.
Толстой граф Сергей Николаевич — 29, 50, 51, 76, 88, 279, 298, 301, 306, 307, 309, 310, 311, 327, 329, 369, 378, 456.
Томас мистрис — 424.
Томашевич Е. С. — 348.
Трегубов Иван Михайлович (1858 — 1931) — единомышленник Толстого — 131, 206, 326.
— «Назарены» — 175.
Третьяковская галлерея в Москве — 256, 415.
Трифоновский Дмитрий Семенович — 290, 291, 293, 327.
Тришатный, тульский полицеймейстер — 359.
Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — государственный деятель в царствование Павла и Александра I — 38.
Трубецкая Ольга Николаевна — 81.
Трубецкой кн. Николай Петрович — 81.
Трубецкой Павел Петрович (р. 1857 г.) — скульптор — 250.
Трубецкой кн. Сергей Николаевич (1862—1905) — профессор философии и в 1905 г. — ректор Московского университета, в 1900—1905 гг. — редактор «Вопросов философии и психологии» — 228, 423, 436.
Трубецкой кн. Сергей Петрович — 87, 88.
Трухачевский. См. Толстой Л. Н., «Крейцерова соната».
Тула — 29, 50, 51, 58, 61, 66, 81, 82, 138, 139, 217, 236, 283, 303, 330, 347, 349, 367, 369, 370, 449, 452, 461.
Тулинов Николай Иванович — 383, 432.
Тулубьев Владимир Алексеевич — 21.
Тульская губерния — 98, 217, 263, 264, 265.
Тульская губернская земская управа — 83.
Тульская губернская тюрьма — 129. 138, 139, 141.
Тульское губернское жандармское управление — 129, 130, 142, 143.
Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк и археолог, друг Пушкина и Гете — 31.
Тургенев Иван Сергеевич — 42, 189, 261, 270, 323, 332, 334, 336.
— «Фауст» — 323.
Туррейль Луи (Tourreil) — 157, 158.
Тьер Луи, «Histoire du Consulat et de l'Empire» («История консульства и империи») — 40.
Тютчев Федор Иванович — 157, 158, 294, 327.
Уваров граф Алексей Сергеевич (1828—1884) — археолог, основатель и председатель Московского археологического общества, один из основателей Исторического музея в Москве — 50.
Уваров граф Федор Алексеевич — 416, 436.
Уварова граф. Прасковья Сергеевна (1840—1924) — жена графа А. С. Уварова, археолог, по смерти мужа—председатель Московского археологического общества — 436.
Уоллес Люис, «Бен-Hur» — 376, 430.
Умов Николай Алексеевич (1846 — 1915) — с 1893 г. профессор физики в Московском университете — 228.
Унковская Александра Васильевна — 378, 431.
Урсин Н. См. Здзеховский М. Э.
Урусов кн. Сергей Семенович (1827—1897) — математик и выдающийся шахматист, участник Крымской кампании,

близкий знакомый Толстого — 34, 37, 38, 58.
— «Обзор кампании 1812 и 1813 гг. военно-математические задачи о железных дорогах» — 34, 35, 59.
Усов Павел Сергеевич — 320, 330.
Успенский Глеб Иванович (1840 — 1902) — писатель народник — 99.
«Устои», журнал — 188.
Утесов, хутор — 430.
«Утренняя Звезда», журнал — 452, 461.
Файнерман Анна Львовна, рожд. Любарская — 351, 352, 361.
Файнерман Исаак Борисович (псевдоним — Тенеромо) — 337, 340, 350—354, 361, 362.
— «Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма» — 337.
— «Живые слова Л. Н. Толстого за последние 25 лет его жизни» — 361, 362.
Файнерман Эсфирь Борисовна —351, 361.
Фаресов Анатолий Иванович — 438.
— «В одиночном заключении» — 438.
— «Народники и марксисты» — 438.
— «Один из семидесятников» — 59—60.
— «Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем» — 438, 445.
Фацала, аул в Крыму — 65.
Федоров Николай Федорович — 382, 432.
— «Философия общего дела» — 432.
Федотова Гликерия Николаевна — 399, 400, 434.
Феноменов Николай Николаевич — 311, 329.
Феокритова Варвара Михайловна — 316, 317, 318, 328, 452, 460.
Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898)—начальник главного управления по делам печати — 119.
Фет-Шеншин Афанасий Афанасьевич (1820 — 1892) — поэт — 42, 44, 259, 261.
— «Мои воспоминания» — 336.
Фидлер Федор Федорович (1859—1918) — переводчик русских поэтов на немецкий язык — 189.
Филадельфия — 349.
Философов Николай Алексеевич — 100, 141, 142, 145.
Философова Софья Алексеевна —100, 424, 426, 431.
Флексер Аким Львович (А. Волынский) — 118, 119, 122, 124, 127, 165—171, 179.
Флоренция — 185.
«Фонд вольной русской прессы» — 215.
Фофанов К. М., «Ты хочешь знать, когда и как...» — 124.
Фофанов Николай — 11.
Фохт Елизавета Сергеевна, рожд. Сухотина — 285, 326.
Фохт Николай Богданович — 326.
Франция — 181, 214.
Франс А., «Сан Сатиро. Из Флорентийских легенд» — 124.
Фроленко М., «Из далекого прошлого» — 60.
Хамовнический дом Толстых в Москве — 13, 152, 206, 249, 361.
Хамовнический переулок в Москве (ныне улица Льва Толстого)—14, 66, 288. 289, 291, 299, 368, 439.
Хворостянка, Тульской губ. — 404, 405, 435.
Хилков Борис Дмитриевич (р. 1889 г.) —сын Д. А. Хилкова — 109.
Хилков кн. Дмитрий Александрович— 6, 8, 9, 10, 109 — 117, 184, 193, 194.
— «В защиту половой любви» — 109, 114, 194.
— «Записки» — 110.
— «Об уличных беспорядках (Мысли военного)» — 109.
«Письма Дмитрия Александровича Хилкова» — 110.
Хилкова Ольга Дмитриевна (1891 — 1910) — дочь Д. А. Хилкова — 109.
Хилкова кн. Цецилия Владимировна, рожд. Винер — 109.
Хилкова кн. Юлия Петровна, рожд. Джунковская — 9, 109, 114, 115, 116,
Хирьяков Александр Модестович — 107, 108.
— «Жизнь Льва Николаевича Толстого» — 107.
Хлудовы — 99.
Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841—1919) — сын славянофила А. С. Хомякова, писатель (подписывался — Д. Х.) —326.
Хохлов Петр Галактионович (1864 — 1896) — бывший студент Московского имп. технического училища, единомышленник Толстого. Кончил психическим расстройством — 348, 361.
Христианович Петр Иванович — 214, 215.
«Цветник», сборник рассказов и притч — 445.
Цебриков Николай Романович (ум. 1866 г.) — офицер Финляндского полка, декабрист, член Северного общества — 134.
Цебрикова Мария Константиновна — 132, 134.
«Церковные Ведомости» — 134, 268, 269.
Цингер Василий Яковлевич (1836 — 1907) — математик, профессор Московского университета — 433, 435.
Цингер Елизавета Васильевна — 433.
Цингер Николай Васильевич — 409, 414, 435, 436.
Цявловский Мстислав Александрович (р. 1883 г.) — литературовед-пушкинист — 39.
Чайковский Николай Васильевич — 59, 63.
Чапкина Хиония Александровна. См. Дельвиг барон. Х. А.
Черкасский кн. Владимир Александрович (1821 — 1878) — славянофил, деятель по освобождению крестьян и по реорганизации Польши после восстания 1863 г. — 37.

Черная речка — 52.
Черневский Сергей Антонович (ум. 1901 г.) — артист и режиссер Малого театра в Москве — 434.
Черниговская губерния — 81.
Чернов Д. — 114.
Чернов Михаил Петрович — 282, 325.
Черное море — 221.
Чернский уезд, Тульской губ. — 98.
Чернь, Тульской губ. — 127, 217, 378.
Чернышевский Николай Гаврилович — 119, 128.
Чертков Владимир Владимирович — 236.
Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — писатель, друг и единомышленник Толстого и издатель его сочинений — 19, 38, 68, 69, 71, 72, 79, 99, 104, 105, 107, 110, 111, 113, 119, 120, 121, 128, 130, 131, 139, 140, 160, 163, 164, 165, 168, 180, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 204, 205, 208, 211, 212, 213, 214, 223, 236, 237, 248, 252, 266, 297, 308, 314, 319, 321, 322, 328, 330, 331, 337, 349, 367, 392, 448, 449, 451, 458, 459, 461, 462.
— «Римский мудрец Эпиктет. Его жизнь и учение» — 69.
— «Уход Толстого» — 328.
Черткова Анна Константиновна, рожд. Дитерихс (1859—1927)—жена В. Г. Черткова, писательница — 139, 197, 204, 205, 297, 322, 462.
— «Воспоминания о Л. Н. Толстом»— 50, 267.
— «История пропадавшего письма Л. Н. Толстого» — 205.
Черткова Елизавета Ивановна, рожд. граф. Чернышева-Кругликова (1831 — 1922) — мать В. Г. Черткова — 331.
Четвериков Сергей Дмитриевич — 190.
«Четверть века Криницы», Киев, 1913 — 445.
Чехов Антон Павлович — 328, 441.
Чечня — 35.
Чиж В., «Об измерении умственных способностей» — 124.
Чипелев Всеволод Трофимович — 21.
Чистяков Матвей Николаевич — 25, 26, 75, 99—105, 383, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 423, 427, 434.
Чихачева Екатерина Ильинична. См. Сытина Е. И.
Чичагов Д. Н. — 186.
Чичагова Анна Иосафатовна, рожд. Велямович — 186, 187.
— «Горькие дни Кати» — 186, 187.
«Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» — 40, 41.
Чуковский Корней Иванович (р. 1882 г.) — литературовед и детский писатель — 458, 461.
Шамордино — 174, 293, 295, 296, 297, 314, 316, 322, 328, 329, 330, 451, 454, 457, 458, 460.
Шарапов Михаил Николаевич (1874—1895) — сын ярославского купца, шурин П. И. Бирюкова — 138.
Шарапова Павла Николаевна. См. Бирюкова П. Н.
Шаховской кн. Николай Владимирович — 13.
Шевардинский редут — 41.
Шейерман Николай Александрович — бывший помещик Харьковской и Екатеринославской губерний, единомышленник Толстого, участник земледельческих общин — 460.
Шекспир Вильям — 227.
Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — публицист-народник — 125.
Шелгунов Николай Николаевич (1864—1909) — сын Н. В. Шелгунова, народоволец, мичман Балтийского флота. В 1887 г. был арестован и приговорен к каторге на 8 лет, которая в виду его «чистосердечного раскаяния» была ему заменена обязательной военной службой (солдатом). Впоследствии отошел от революционного движения — 125, 126.
Шелгунова Людмила Петровна (1832—1901) — жена Н. В. Шелгунова, писательница и переводчица — 125, 126.
Шереметев С. Д., «Константин Александрович Ислявин» — 50.
Шидловская Вера Александровна, рожд. Ислявина — 327.
Шидловская Вера Николаевна, рожд. Шабельская — 295, 327.
Шидловский Борис Вячеславович — 295, 327.
Шидловский Вячеслав Иванович—327.
Шидловский Степан Васильевич — 206, 207.
Шиллер Иоганн-Фридрих — 282.
Шишкина Мария Михайловна. См. Толстая М. М.
Шкарван Альберт — 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 192—202.
— «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача» — 192.
— «О новом общественном движении в Голландии» — 194.
Шкарван Сунта — 196.
Шлиссельбургская крепость — государственная тюрьма в царской России, служившая местом заключения политических — 94.
Шмидт Марья Александровна — 6, 242, 252, 305, 327, 356, 357, 449.
Шмит Эжен Генрих — 159, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 191, 193, 194, 197, 198, 200, 201.
Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ — 240, 254, 270.
Шор Давид Соломонович (р. 1867 г.) —московский пианист и педагог. Бывал у Толстого в Москве. С 1925 г. живет в Палестине — 361.
Шохор-Троцкий Константин Семенович — 29.
Шуберт Франц (1797—1828) — композитор — 379.
Шубинский Сергей Николаевич—439.
Шугаев Яков Петрович — 398, 434.
Щебальский Петр Карлович — 37.
Щекино (Ясенки), Тульской губ. — 340, 452, 453.
Щепкин Митрофан Павлович — 292,

Щепкин Михаил Семенович (1788 — 1863) — артист — 407.
Щуровский Владимир Андреевич—231, 304, 305, 312, 320.
Эдисон Томас (1847—1931) — американский физик и величайший изобретатель—93.
Эзоп (VI в. до н. э.) — греческий поэт и баснописец—425.
Эйгес Иосиф Романович—132.
Элен. См. Толстой Л. Н., «Война и мир».
Эмерсон Ральф Уалдо (1803—1882)—американский философ и поэт—270.
Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893) — публицист, общественный деятель и ученый агроном—434.
Эртель Александр Иванович — 47, 99, 100, 101, 102, 392, 427, 434.
— «Гарденины»—101.
Юматов В. Н. (Рудин), актер — 430.
Юрасова Юлия Афанасьевна — 236, 237, 253.
Юргенсон София Ивановна—291.
Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) —литератор, в 1880—1885 гг. редактор «Русской Мысли» — 63.
Юшкова Пелагея Ильинична, рожд. граф. Толстая—281, 325, 329, 437, 461.
Яковлев — 341, 345, 346, 355.
Ялта — 303, 304.
Ярополк I (945—980)—киевский князь — 31, 32.
Ярославль — 138.
Ярошенко Николай Александрович (1846 — 1898) — художник — 343.
— «Всюду жизнь» — 343.
Ясенки. См. Щекино.
Ясная Поляна — 6, 12, 13, 19, 22, 23, 29, 43, 44, 57, 58, 61, 62, 63, 66, 67, 76, 78, 92, 103, 104, 105, 108, 114, 118, 120, 123, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 143, 152, 157, 159, 165, 170, 174, 175, 179, 182, 183, 188, 193, 194, 197, 198, 201, 206, 208, 209, 212, 218, 223, 224, 225, 237, 240, 241, 242, 243, 244, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 262, 271, 282, 283, 287, 290, 295, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 310, 311, 314, 315, 317, 319, 321, 322, 324, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 335, 338, 339, 340, 341, 343, 345, 347, 348, 349, 354, 355, 356, 357, 358, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 372, 373, 385, 406, 420, 422, 426, 427, 429, 431, 437, 446, 447, 448, 449, 450, 453, 460, 461
«Ясная Поляна», журнал Толстого—32.
Яснополянская библиотека Л. Н. Толстого — 220, 242.
Яшвиль кн. Лев Владимирович—89, 90.
Bourdeau Jean, «La démocratie socialiste en Allemagne et la question agraire au Congrès de Breslau» — 159.
Boyer Paul. См. Буайе П.
Boyer P. et Salomon Ch., «A propos de «Resurrection» — 164.
Brieux Eugène, «La Robe rouge» — 163, 164.
Creary Mr. — 113, 114.
«Daily Chronicle» — 7, 160, 212.
«Daily News» — 7, 401.
Desjardin A. См. Дежарден А.
Donnay Maurice et Descaves Lucien. «La Clairière» — 163, 164.
Goullery J. P., «Jésus Christ et sa vie, sa doctrine morale, politique, économique et sociale. Les lois naturelles et le socialisme» — 158.
«Hlas», чешская газета — 178.
Heineman, издательская фирма в Англии — 154.
«Journal des Débats» — 152, 153, 154, 155, 158, 159, 160, 161, 163.
Kidd B., «Social evolution». См. Кидд Б., «Социальная эволюция».
Las-Cases de, «Mémorial de Sainte-Hélène» — 45.
Morgenbladet, норвежская газета—244.
Musée social в Париже — 152, 159, 161.
«Musée social», журнал — 152, 158, 159.
«North-American Newspaper» — 361.
«Religion des Geistes» — 175, 180.
«Review of Reviews» — 358.
«Revue Blanche» — 159, 161, 162, 163.
«Revue Bleue» — 155.
«Revue Chrétienne» — 154.
«Revue de famille» — 120.
«Revue des Deux Mondes» — 152, 153.
«Revue des Etudes Slaves» — 152, 163.
«Revue des Revues» — 157.
Ruskin. См. Рескин Джон.
Salomon Charles. См. Саломон Ш.
Schmitt Eugen-Heinrich. См. Шмит Э. Г.
Schuyler Eugene. См. Скайлер Е.
Seilhac de Léon, «La grève de Carmaux et la verrerie d'Albi» — 160.
Sullivan A. M., «The New Ireland»—63.
Szeberengi L. S., «Die Secte der Nazarener in Ungarn» — 176.
«Telegraph News» — 401.
«Times» — 7, 179, 422.
Tourreil. См. Туррейль.
«L'union pour l'action morale», журнал — 153.
«Vrede»—голландский журнал—193, 194.
Walter Scott, издательская фирма в Англии — 154.
Williams Howard, «The Ethics of Diet» — 430.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Толстой. С портрета И. К. Пархоменко, 1909 г.

Страница черновой рукописи «Воскресения», 1898 г. Копия рукой А. П. Иванова с исправлениями Толстого.

Корректурные гранки статьи Толстого «Новое рабство», 1900 г.

Толстой. С фотографии С. А. Толстой, 1903 г.

Бюст Толстого работы И. Е. Репина, 1891 г.

Страница из дневника Толстого 3—9 мая 1897 г.

Афоризм Толстого, написанный для артиста П. Н. Орленева, 1910 г.

Черновик телеграммы Толстого кишиневскому городскому голове от 27 апреля 1903 г. по поводу еврейского погрома.

Толстой с женой своего брата Марией Михайловной Толстой. С фотографии В. Г. Черткова, 1906 г.

Мария Львовна Толстая. С фотографии М. В. Буланже, начало 1890-х гг.

Толстой с сестрой Марией Николаевной. С фотографии, 1900-е гг.

Толстой среди выздоравливающих психических больных в деревне Кузино, Московской губернии. С фотографии В. Г. Черткова, 1910 г.

Толстой с Д. П. Маковицким. С фотографии В. Г. Черткова, 1908 г.

Толстой с В. Г. Чертковым. С фотографии А. М. Хирьякова, 1908—1909 гг.

Толстой в яснополянском парке за игрой в городки. С фотографии В. Г. Черткова, 1908 г.

Толстой на прогулке в окрестностях Ясной Поляны. С фотографии В. Г. Черткова, 1908—1909 гг.

Письмо Толстого к П. И. Бартеневу от 14 мая 1868 г.

Письмо Толстого к Ш. Саломону от 2—3 мая 1894 г.

Толстой. С фотографии В. Г. Черткова, 1910 г.

Две страницы из первого тома рассказов Арцыбашева, изд. 1908 г., с отметками Толстого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 1

I. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Корректурная гранка «Анны Карениной» 3
[О гонениях на духоборов]. Письмо в иностранные газеты 5
Новое рабство 13
Три листа из дневника 3—18 мая 1897 г. 19
Изречения 23
Из записной книжки 1908 г. 24
Беседа с крестьянином М. П. Тарабариным 5 февраля 1894 г. в Ясной поляне. Запись М. Н. Чистякова 25

II. ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

Письмо к Е. И. Сытиной 29
Письма к М. П. Погодину 31
Письма к П. И. Бартеневу 37
Письма к Ф. Н. Королеву 46
Письма к В. А. Ислявину 48
Письмо к Л. А. Берс 59
Письмо к А. Н. Островскому 61
Письмо к Д. Д. Оболенскому 62
Письмо к Н. В. Чайковскому 63
Письма к кн. Д. И. Святополку-Мирскому 64
Письмо к А. А. Стаховичу 67
Письма к Н. А. Полушину 68
Письма к С. Т. Семенову 70
Письма к П. В. Засодимскому 74
Письма к П. В. Великанову 76
Письма к Р. А. Писареву 79
Письма к С. А. Стахович 86
Письмо к В. Н. Бибикову 98
Письма к М. Н. Чистякову 99
Письмо к Г. А. Мачтету 106
Письма к А. М. Хирьякову 107
Письма к Д. А. Хилкову 109
Письма к Л. Я. Гуревич 118
Письма к М. А. Сопоцько 128
Письма к Ш. Саломону 152
Письма к А. Л. Флексеру (А. Волынскому) 165
Телеграмма П. Н. Ге 172
Письма к Д. П. Маковицкому 174
Письмо к Н. Т. Изюмченко 184
Письма к А. И. Чичаговой 186
Письмо к С. А. Венгерову 188
Письма к А. Н. Дунаеву 190
Письма к А. Шкарвану 192

Письмо к М. В. Буланже . . . 203
Письмо к В. Г. и А. К. Чертковым . . . 204
Письма к П. А. Буланже . . . 206
Письмо духоборам, пересылавшимся с Кавказа в Сибирь . . . 216
Письмо к Е. П. Карпову . . . 217
Письмо к С. И. Танееву . . . 218
Письмо к Д. Т. Бондареву . . . 219
Письмо к Е. В. Тарле . . . 220
Письмо к С. В. Паниной . . . 221
Письмо к А. П. Наугольникову . . . 223
Письма к В. В. Розанову . . . 224
Письмо к С. А. Лопашеву . . . 226
Письмо к Н. И. Стороженко . . . 227
Телеграмма кишиневскому городскому голове . . . 229
Письмо к С. С. Татищеву . . . 230
Телеграмма доктору В. А. Щуровскому . . . 231
Письмо к Л. Е. Остроумову . . . 232
Прошение Николаю II от имени Лисицына . . . 234
Письмо к Ф. И. Маслову . . . 236
Письмо к И. С. Грушевскому . . . 238
Письмо к Л. А. Арсеньеву . . . 239
Письмо к С. О. Грузенбергу . . . 240
Письмо к Н. В. Стороженко . . . 241
Письмо к Атрпету . . . 242
Письмо к П. В. Сюзеву . . . 243
Письмо к М. Левину . . . 244

III. О ТОЛСТОМ

Письма С. А. Толстой
к А. И. Новгородцеву . . . 247
к Г. К. Градовскому . . . 248
к С. И. Танееву . . . 249
к А. И. Масловой . . . 253
к Н. О. Лернеру . . . 254
Письмо Т. Л. Толстой к Н. С. Лескову . . . 255
Письма Н. Н. Страхова к Л. Я. Гуревич . . . 257
Письма С. А. Соболевского, Н. И. Орфеева, А. А. Фета и П. Борисова к П. И. Бартеневу о «Войне и мире» . . . 259
К истории проекта лесонасаждения Л. Н. Толстого . . . 262
К истории запрещения постановки «Власти тьмы». Письма и телеграммы к А. А. Стаховичу .
Письмо В. Г. Черткова . . . 266
Телеграмма кн. Л. Д. Вяземского . . . 266
Записка М. Г. Савиной . . . 267
Письма К. П. Победоносцева к редактору «Церковных Ведомостей» П. Смирнову об отлучении Толстого от церкви . . . 268
Отметки Л. Н. Толстого на томе рассказов М. Арцыбашева . . . 270

IV. ВОСПОМИНАНИЯ

Е. В. Оболенская. Моя мать и Лев Николаевич . . . 279
София Стахович. Как писался «Холстомер» . . . 332
А. С. Буткевич. Воспоминания . . . 337
Предисловие . . . 338
I. Мое первое знакомство со Львом Николаевичем . . . 338
II. Продолжение моего знакомства со Львом Николаевичем . . . 339
III. Яснополянские друзья и знакомые . . . 350
IV. Пропаганда толстовства . . . 339
Евгений Попов. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом . . . 363
Е. И. Раевская. Лев Николаевич Толстой среди голодающих . . . 371
Приложение. Рассказ барона В. М. Менгдена . . . 438
А. И. Фаресов. Мое знакомство с Л. Н. Толстым . . . 446
Ц. П. Маковицкий. Уход Льва Николаевича . . . 463
Указатель имен . . . 485
Список иллюстраций . . . 485

В КНИГЕ 12 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ответственный редактор
Влад. Бонч-Бруевич.

Технический редактор **Г. Н. Шевченко.**

Корректор **Р. З. Троицкая.**

Сдано в набор 17/V 1937 г. Подписано к печати 23/VI 1938 г. Формат бумаги 72×110¹/₁₆. В книге 30¹/₄ печ. листа. Печ. знаков в 1 п. л. 71.700. Уполном. Главлита № Б—21118. Тираж 5000 экз.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 6, тел. К 4-28-51.

Тип. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Москва. Пушкинская, 5.